

ДИАНА ГЭБЛДОН

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

КНИГА 1

СВЯЩЕННЫЙ
СОЮЗ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ –
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Annotation

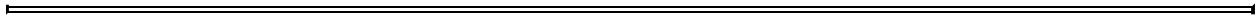
Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Долгожданное счастье в семье Фрэзер омрачает зарождающаяся гражданская война. Заклятый враг хочет отнять не только их земли, но и покой и мир в их семье. Но Джейми сделает все, чтобы защитить близких. Никому не удастся разрушить их любовь с Клэр. Любовь, которую они пронесли сквозь века и расстояния, которой не страшны пространство и время.

- [Диана Гэблдон](#)
 -
 -
 - [Часть первая. In medias res\[1\]](#)
 - [Глава 1. Солнышко на свадьбе – добрая примета](#)
 - [Глава 2. Хлеба и рыбы](#)
 - [Глава 3. Избыток желчи](#)
 - [Глава 4. Подарки к свадьбе](#)
 - [Глава 5. Бунтарские настроения](#)
 - [Глава 6. За счастье прежних дней!](#)
 - [Глава 7. Шрапнель](#)
 - [Глава 8. Управляющий](#)
 - [Глава 9. Тревожные поветрия](#)
 - [Глава 10. Подарки бабушки Бэйкон](#)
 - [Глава 11. Гордость](#)
 - [Глава 12. Источник силы](#)
 - [Глава 13. Бобы и мясо](#)
 - [Глава 14. Лунный свет на свадьбе – добрая примета](#)
 - [Глава 15. Пламя клятвы](#)
 - [Глава 16. В ночь нашей свадьбы](#)
 - [Глава 17. Походный костер](#)
 - [Часть вторая. Призывая вождя](#)
 - [Глава 18. Нет ничего лучше дома](#)
 - [Глава 19. Меньшее зло](#)
 - [Глава 20. Уроки стрельбы](#)
 - [Глава 21. Орлиное зрение](#)
 - [Глава 22. Огненный крест](#)

- [Глава 23. Бард](#)
 - [Глава 24. Игра с огнем](#)
 - [Глава 25. Пусть ангелы лелеют их покой](#)
- [Часть третья. Волнения и тревоги](#)
 - [Глава 26. Милиция](#)
 - [Глава 27. Смерть наносит визит](#)
 - [Глава 28. Браунсвилл](#)
 - [Глава 29. Козы](#)
 - [Глава 30. Отродья сатаны](#)
 - [Глава 31. Дитя бури](#)
 - [Глава 32. Миссия завершена](#)
- [Часть четвертая. Не слышу музыку, но слышу бой барабанов](#)
 - [Глава 33. Рождество дома](#)
 - [Глава 34. Амулет](#)
 - [Глава 35. Хогманай](#)
 - [Глава 36. Невидимые миры](#)
 - [Глава 37. Почта](#)
 - [Глава 38. Сны](#)
- [Часть пятая. «Ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться»\[64\]](#)
 - [Глава 39. В роще купидона](#)
 - [Глава 40. Секрет Дункана](#)
 - [Глава 41. Чары музыки](#)
 - [Глава 42. Амулет на удачу](#)
 - [Глава 43. Интрижки](#)
 - [Глава 44. Интимные органы](#)
 - [Глава 45. Как его ни назови...](#)
 - [Глава 46. Ртуть](#)
 - [Глава 47. Во славу Венеры](#)
 - [Глава 48. Незнакомцы в ночи](#)
 - [Глава 49. Истина в вине](#)
 - [Глава 50. Кровь на чердаке](#)
 - [Глава 51. Подозрения](#)
 - [Глава 52. Вечер трудного дня](#)
 - [Глава 53. Французское золото](#)
 - [Глава 54. Тет-а-тет и пирог](#)
 - [Глава 55. Выводы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

Диана Гэблдон

Огненный крест. Книга 1. Священный союз

Diana Gabaldon
The Fiery Cross

© Гавва Н., Парахневич Е., Гусакова К., Галицкая Е., Стрепетова М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Эта книга посвящается моей сестре, Терезе Гэблдон, вместе с которой мы рассказывали первые истории

Часть первая. In medias res^{[\[1\]](#)}

Глава 1. Солнышко на свадьбе – добрая примета

*Гора Геликон, королевская колония Северная Каролина Конец октября
1770-го*

Я проснулась под шорох дождя, барабанившего по навесу. На мгновение почудилось, будто меня разбудил поцелуем мой первый муж. Рука тут же метнулась к губам – то ли удержать мимолетное ощущение, то ли поскорей его спрятать. Кто знает...

Рядом заворочался Джейми, забормотал во сне, и от накрытых пледом кедровых ветвей, служивших нам постелью, поднялась волна густого древесного аромата. Наверное, призрак из прежней жизни потревожил нас обоих. Я сердито нахмурилась, глядя из-под навеса в пустоту.

«Уходи, Фрэнк».

Снаружи было еще темно, однако над влажной землей вился серебристый туман; до рассвета оставалось совсем немного. И хотя все вокруг по-прежнему крепко спали, мне никак не удавалось стряхнуть с себя знакомый насмешливый взгляд, легкий, словно едва ощутимое прикосновение.

«Разве ты не пригласишь меня на свадьбу нашей девочки?»

Казалось, слова мне нашептывал далекий голос, или они просто всплыли из глубин подсознания, как тот поцелуй. Я уснула, размышляя о предстоящем празднике, – неудивительно, что во сне мне тоже привиделась свадьба. И первая брачная ночь.

К утру муслиновая сорочка сбилась и перекрутилась вокруг талии, и я принялась расправлять ткань, льнущую к разгоряченной коже. Что же мне снилось, от чего так бросало в жар? Никаких подробностей, только смутные ощущения. Может, оно и к лучшему.

Я перевернулась на шуршащих ветках и придвинулась к теплому боку Джейми. От него пахло костром, виски и другим, едва различимым запахом – сонным, терпким, мужским, как последний гулкий отзвук в мелодии. Я медленно потянулась, прижимаясь к Джейми бедрами. Если он все еще спит или не в настроении, то не заметит моего ненавязчивого намека, а если заметит...

Джейми заметил. Слабо улыбнулся, не открывая глаз, неторопливо огладил меня по спине широкой ладонью и по-хозяйски положил руку на

ягодицу.

– М-м-м? – промычал он. – Хм-м-м.

Вздохнул и снова погрузился в сон. Рука, впрочем, осталась на том же месте.

Я придвинулась еще ближе и окончательно успокоилась. Одного прикосновения Джейми хватило, чтобы прогнать ночные грезы. Да и кроме того, Фрэнк – если это и вправду был он – говорил чистую правду. Бри непременно позвала бы на свадьбу обоих своих отцов, будь у нее такая возможность.

С меня уже слетели остатки сна, но двигаться не хотелось. Снаружи продолжал накрапывать дождь; в такое промозглое утро даже отдаленная перспектива горячего кофе казалась куда менее заманчивой, чем уютный кокон из теплых пледов. Ради кофе придется идти к ручью за водой, разводить костер – господи, хворост наверняка промок, даже если угли еще не погасли, – молотить зерна, а потом долго колдовать над котелком. И все это время мокрая трава будет хлестать меня по ногам, а капли с деревьев – падать прямо за шиворот.

Зябко пожившись, я натянула плед повыше и снова принялась размышлять о свадьбе.

Угощение, выпивка... К счастью, тетушка Джейми, Иокаста, возьмет все хлопоты на себя – точнее, все хлопоты возьмет на себя ее чернокожий дворецкий, Улисс. С гостями тоже никаких забот. У нас здесь самое большое сборище шотландских горцев в Колониях – кто же из них по доброй воле пропустит пирушку, где можно поесть и выпить за чужой счет? Официальные приглашения не понадобятся.

У Бри наконец-то будет новое платье, тоже подарок от Иокасты. Из темно-синей шерсти, потому что шелк – слишком дорогая и непрактичная ткань для жителей лесного захолустья. Конечно, раньше я представляла свадьбу Бри совсем иначе: невеста в белом атласе, с цветами в волосах... Увы, в шестидесятых никто и помыслить бы не мог о таком браке.

Интересно, а что сказал бы Фрэнк про мужа Брианны? Наверняка одобрил бы; ведь Роджер был историком, как и он сам. Умный, неунывающий человек, талантливый музыкант и джентльмен, глубоко преданный Брианне и маленькому Джемми.

«Что само по себе заслуживает уважения, – подумала я, бросив укоризненный взгляд в сторону тумана, – учитывая текущие обстоятельства».

«Вот как? Ты все-таки отдаешь должное его поступку?» – Полный иронии голос прозвенел у меня в ушах, словно Фрэнк был рядом и

посмеивался над нами обоими.

Джейми нахмурился, крепче ухватил меня за ягодицу и сердито запыхтел во сне.

«Сам знаешь, – мысленно отрезала я. – Я всегда его уважала. Так что просто отвяжись».

Я решительно отвернулась в сторону и положила голову Джейми на плечо, прижимаясь щекой к мягкой сорочке.

В отличие от меня – или, скорее, Фрэнка, – Джейми не видел ничего великодушного в том, что Роджер принял сына Брианны как родного. Для него это был вопрос долга и чести; порядочный мужчина просто не мог поступить иначе. Я знала, что Джейми одолевают и другие сомнения: вдруг Роджер не сумеет прокормить и защитить свою семью в диких лесах Каролины? Конечно, он высок, ладно скроен и не обделен смекалкой, но «шляпа, пояс и меч» для Роджера оставались красивыми словами из старинных баллад, а не верными орудиями любимого ремесла.

Вдруг рука на моей ягодице резко сжалась.

– Саксоночка, – сонно пробормотал Джейми, – ну что ты крутишься, как лягушка в кулаке? По нужде приспичило?

– Ой, ты не спишь!

– Уже нет, – вздохнул Джейми, убрал ладонь с моего зада и со вкусом потянулся. Из-под пледа выглянули голые ступни с широко растопыренными пальцами.

– Извини. Не хотела тебя будить.

– Не переживай, – отмахнулся он. Откашлялся, запустил пятерню в рыжие космы, похлопал ресницами. – Такие сны снились, жуть. Вот что бывает, если замерзнуть в постели.

Он приподнял голову и неодобрительно покосился на свои голые ноги.

– И зачем я снял чулки?

– Что тебе снилось? – осторожно поинтересовалась я, втайне надеясь, что наши сны не совпадают.

– Лошади, – ответил Джейми.

Я с облегчением рассмеялась.

– Кошмар про лошадей? Что же в них такого страшного?

– Сплошной ужас. – Он потер глаза кулаками и потряс головой, сгоняя остатки сна. – Все из-за ирландских королей. Знаешь, что вчера рассказывал Маккензи?

– Ирландских коро... А! – Я вспомнила, о чем он говорил, и снова рассмеялась. – Да, знаю.

Накануне Роджер, светясь от гордости по поводу своей помолвки,

долго развлекал компанию у костра разными песнями, стихами и историческими анекдотами, в том числе и про ритуалы коронации древних ирландских монархов. Согласно одному из них, успешный претендент на королевское звание должен был прилюдно совокупиться с белой кобылой – предположительно, чтобы доказать подданным свою мужскую силу. Хотя лично я была склонна считать, что это больше похоже на проверку самообладания.

– Я должен был привести им лошадь, – сообщил Джейми, – но все пошло наперекосяк. Этот будущий король оказался слишком мелким, и мне пришлось искать ему какую-нибудь приступку. Нашел камень, но не смог сдвинуть с места. Потом отыскал скамейку – она развалилась у меня в руках. Потом попытался сложить помост из кирпичей – они раскрошились в пыль. В конце концов подданные сказали, что они разберутся сами и просто отрежут кобыле ноги, а будущий король, пока я пытался их отговорить, дергал себя за штаны и ныл, что никак не может расстегнуть пуговицы. Потом кто-то заметил, что кобыла не белая, а черная и это вообще никуда не годится.

Я фыркнула, уткнувшись лицом в его рубашку, чтобы не разбудить соседей.

– Тут-то ты и проснулся?

– Нет. Почему-то я страшно обиделся за кобылу. Сказал им, что она вполне подходит и что черные лошади гораздо лучше белых, потому что у белых лошадей слабые глаза и жеребенок может родиться слепым. Они в ответ твердили, что черная кобыла – к несчастью, а я доказывал, что нет... И...

Он кашлянул.

– И?

Джейми пожал плечами и отвел взгляд. Шея у него слегка покраснела.

– Ну так вот... Я сказал, что кобыла отличная. И что я сейчас им всем покажу, как надо. Ухватил ее сзади покрепче, чтоб не дергалась, и уже собрался... кхм... стать королем Ирландии. Вот тут-то я и проснулся.

Я фыркнула, давась от хохота; бок Джейми тоже вздрагивал от смеха.

– Ох, прими мои извинения! Такой сон спугнула. – Я утерла глаза уголком пледа. – Огромная потеря для Ирландии. Но мне все-таки интересно, что об этом ритуале думали ирландские королевы? – задумчиво добавила я.

– А чего им думать? Лошади с дамами не идут ни в какое сравнение, тут можно не беспокоиться. Хотя слышал я про удальцов, которые предпочитали...

– Я не об этом! А как же гигиена? Сам понимаешь, одно дело запрягать телегу впереди кобылы. Но вот кобылу впереди королевы...

– Телегу? А, хм, ясно. – Джейми и так уже раскраснелся от смеха, после этих слов румянец на его щеках стал еще ярче. – Что бы ты ни говорила про ирландцев, саксоночка, я все равно считаю, что они хоть изредка да моются. А уж при таких обстоятельствах королю наверняка бы понадобился кусок мыла в... в...

– *In medias res*? – вставила я. – Навряд ли. В конце концов, лошади – довольно крупные животные...

– Дело тут не столько в тесноте, сколько в готовности, саксоночка, – Джейми укоризненно взглянул на меня. – В такой обстановке любому мужчине потребуется небольшое поощрение. И это всегда будет *in medias res*. Ты что, Горация не читала? И Аристотеля?

– Не всем же быть такими образованными. Не хотелось мне тратить время на Аристотеля. Хватило его классификации животного мира, в которой женщины оказались на пару ступенек ниже червей.

– Сразу видно, что у него не было жены. – Пальцы Джейми скользнули вверх по моей спине, перебирая позвонки сквозь тонкую ткань рубашки. – Иначе заметил бы, что вы куда костлявее червяков.

Я улыбнулась и погладила его по острой бледной скуле над рыжей щетиной.

Снаружи начинало светать; голова Джейми темным силуэтом маячила на фоне навеса, но лицо было хорошо различимо. Обжигающий взгляд напомнил мне о том, зачем Джейми снял чулки, укладываясь спать, – хотя после долгого празднования мы оба так измотались, что просто уснули в обнимку.

Запоздалое воспоминание почти прогнало тревогу: стало ясно, почему сорочка так сбилась за ночь и откуда взялись странные сны. Но тут к нам под плед проник ледяной сквозняк, и по коже побежали мурашки. Все-таки Фрэнк с Джейми были совсем разными, и я точно знала, кто целовал меня в утренних грезах.

– Поцелуй меня, – внезапно велела я Джейми. Зубы мы еще не чистили, но он послушно скользнул губами по моим губам, а когда я притянула его поближе, приподнялся на одной руке, чтобы расправить сбившийся в ногах плед.

– Даже так? – улыбнулся он, когда я наконец убрала ладонь с его затылка. Голубые глаза сощурились в полумраке. – Я не против, саксоночка. Только сначала надо сходить кое-куда.

Джейми отбросил плед и встал с постели. Снизу мне открылся

необычайный вид с увлекательной перспективой, полускрытой под длинным подолом сорочки. Оставалось надеяться, что эта перспектива не имела никакого отношения к кошмару про лошадей. Но тут уж лучше не спрашивать.

– Не задерживайся, – сказала я. – Светает, соседи скоро проснутся.

Он кивнул и выскользнул наружу. Я лежала, прислушиваясь. Вдалеке раздавались слабые крики птиц, но осень есть осень: такого оглушительного утреннего гомона, как летом и весной, сейчас не дождешься даже после рассвета. Лагерь еще спал, хотя с разных сторон уже начали доноситься первые едва слышные шорохи.

Я взбила волосы пальцами и перекатилась на живот, ища флягу с водой. В спину дохнуло холодом – я обернулась, но ничего не увидела; туман уже растаял, утро казалось спокойным и серым.

Золотое кольцо вернулось на свое законное место прошлой ночью, однако по-прежнему казалось чужеродным и непривычным. Все-таки слишком много времени прошло. Может, кольцо и стало причиной, по которой Фрэнк посетил мои сны. Может, сегодня на свадебной церемонии я вновь прикоснусь к золотому ободку в надежде, что он сумеет увидеть, как счастлива его дочь. Но пока что Фрэнка рядом не было, и я радовалась своей удаче.

Откуда-то донесся звук, слабый, как далекие птичьи крики. Тихонько захныкал ребенок спросонья.

Раньше я считала, что, как бы ни сложилась судьба, на супружеском ложе места хватит только двоим. Я и теперь так думала, но одно дело – призрак старой любви и совсем другое – чужой ребенок. На ложе Брианны и Роджера всегда будет присутствовать третий, и с этим ничего не поделать.

Край навеса приподнялся, и внутрь заглянул Джейми. Вид у него был взволнованный и тревожный.

– Вставай-ка, Клэр, – сказал он. – У ручья собрался отряд солдат. Где мои чулки?

Я резко села на постели. Издалека от подножия горы донесся раскатистый барабанный бой.

* * *

В низинах клубился холодный туман; косматое облако опустилось на вершину Геликона, как наседка на яйцо, и воздух потяжелел от влаги. Я сонно щурилась, разглядывая берег ручья, где во всем своем блеске

выстроилось подразделение 67-го хайлендского полка: барабаны гремели не умолкая, а волынщик гордо раздувал щеки, не обращая внимания на дождь.

Я страшно замерзла и была зла. Предполагалось, что день будет складываться совершенно иначе: сначала горячий кофе и плотный завтрак, потом две свадьбы, трое крестин, две операции по вырыванию зубов и одна по удалению ногтя и прочие увлекательные общественные дела, при выполнении которых нельзя обойтись без виски.

Вместо этого мне снились странные сны, а потом меня выдернули из постели в самом разгаре любовных утех – *in medias res*, черт бы его побрал! – и заставили слушать какое-то официальное объявление. Под холодным дождем, без кофе.

Горцы медленно стягивались со всего лагеря, неторопливо брели по склону, и волынщик успел изрядно покраснеть, выводя призывный сигнал. Наконец он надул щеки в последний раз и закончил очередную трель немелодичным сипением. Не успело затихнуть эхо, как лейтенант Арчибальд Хэйз вышел и встал впереди строя.

Лейтенант говорил с гулким фэйфским акцентом, и ветер дул ему в спину. Но те, кто стоял выше на склоне, все равно ничего толком не слышали. Зато у подножия, всего в двадцати ярдах от ручья, я различала каждое слово, несмотря на громкий стук собственных зубов.

– Указ его превосходительства Уильяма Триона, эсквайра, генерал-капитана Его Величества, губернатора и главнокомандующего нашей провинции, – читал Хэйз. Ему приходилось изрядно поднапрячь легкие, чтобы перекрыть шум ручья и гомон толпы.

Деревья и скалы увязали в густом тумане, с неба сыпался ледяной дождь пополам со снегом, порывистый ветер пробирал до костей. Левая нога напоминала о себе тупой болью – ныл старый сросшийся перелом. Тот, кому по душе красивые метафоры и мрачные предзнаменования, мог бы провести очевидные параллели между унылым ненастьем и губернаторской прокламацией: перспективы в обоих случаях открывались зловещие.

– До меня дошли сведения, – вещал Хэйз, сурово глядя на толпу поверх документа, – о неслыханных событиях, имевших место 24-го и 25-го числа прошлого месяца в городе Хиллсборо, где во время заседания Верховного окружного суда состоялось сборище бунтарей и иных возмутителей общественного порядка с целью протеста против справедливых действий правительства; в нарушение закона своей страны вышеупомянутые лица атаковали члена Королевского суда, находившегося

при исполнении обязанностей, причинили разнообразные увечья гражданам, присутствовавшим во время заседания, а также нанесли неисчислимо множество оскорблений правительству Его Величества, верша бесчинства над жителями упомянутого города и их имуществом, провозглашая тосты во славу Претендента и проклиная своего законного суверенного короля Георга...

Хэйз остановился, чтобы перевести дух перед следующим пассажем. Шумно втянул воздух и продолжил:

– ...и дабы предать суду злоумышленников, связанных с этими возмутительными деяниями, с одобрения совета Его Величества я издаю настоящую прокламацию, согласно которой все мировые суды обязаны провести надлежащее расследование вышеизложенных преступлений и получить показания под присягой ото всех лиц, располагающих сведениями об указанных событиях; полученные сведения надлежит передать мне для предоставления Генеральной ассамблее в Нью-Берне 30-го числа следующего месяца, а до тех пор ассамблея считается распущенной с целью незамедлительного разрешения общественных вопросов.

Последний глубокий вдох. Лицо Хэйза по цвету могло соперничать с лицом волынщика.

– Издано за моей подписью и скреплено печатью провинции в Нью-Берне 18 октября на десятый год правления Его Величества, 1770 год от Рождества Христова. Подписано Уильямом Трионом, – завершил свою речь Хэйз, выдохнув целое облако пара.

– Знаешь, – сказала я Джейми, – по-моему, это было одно предложение, не считая концовки. Такое не всякому политику по зубам.

– Тише, саксоночка, – ответил он, по-прежнему не отводя глаз от Арчи Хэйза. За нашими спинами увлеченно и сосредоточенно гудела толпа, кое-где раздавались сдержанные смешки по поводу крамольных тостов.

Многие из собравшихся здесь шотландцев отправились в колониальную ссылку после восстания Стюарта, и если бы Арчи Хэйз решил донести до своего начальства все те разговоры, которые велись накануне вечером за стаканчиком доброго эля и виски... С другой стороны, у Арчи было всего четыре десятка солдат, так что свое мнение о короле Георге и проклятиях, посылаемых в его адрес, он мудро держал при себе.

На зов барабанов к маленькому плацдарму на берегу ручья пришли четыре сотни горцев. Мужчины и женщины укрывались от непогоды под деревьями, кутались в пледы и арисэды. Судя по тому, как застыли лица под беретами и раздуваемыми ветром шарфами, они тоже предпочитали не

высказывать своих мыслей вслух. Разумеется, причиной тому могла служить не только разумная осмотрительность, но и ледяной дождь. От холода у меня онемели щеки и кончик носа, а ног я не чувствовала с самого рассвета.

– Любой, кто желает сделать заявление касательно этого вопроса, может обратиться ко мне, – объявил Хэйз, сохраняя невозмутимое выражение лица, как и полагалось представителю власти. – Сегодня я буду принимать посетителей у себя в шатре до самого вечера. Боже, храни Короля!

Он вручил прокламацию капралу, поклонился напоследок толпе и лихо повернулся к огромному шатру, установленному у самой кромки леса. Рядом с шатром на ветру трепетали полковые знамена.

Я поежилась от холода и ухватила Джейми под локоть, просунув руку в разрез его плаща; пальцам тут же стало тепло. Джейми на секунду прижал локоть к боку, отвечая на мое ледяное прикосновение, однако головы не повернул. Щурясь от ветра, он провожал взглядом удаляющуюся спину Арчи Хэйза.

Лейтенант был человеком невысоким и коренастым, но, несмотря на маленький рост, вид имел внушительный и двигался к своей цели так, будто бы вовсе не замечал окружавшей его толпы. Он скрылся в глубине шатра и оставил вход открытым для всех желающих.

Уже не в первый раз я, против собственной воли, подивилась политическому чутью губернатора Триона. Прокламацию читали по всем городам и деревушкам колонии, и перед горским сборищем его гневное послание мог бы озвучить любой местный судья или шериф. Но губернатор поручил это Хэйзу.

В возрасте двенадцати лет Арчибальд Хэйз наравне с отцом сражался при Куллодене. Получив ранение, он попал в плен и был отправлен на юг, где ему предложили выбор: уехать в ссылку или поступить на королевскую службу. Арчи выбрал армию и с тех пор трудился не покладая рук. Когда он стал офицером, ему еще не исполнилось сорока; по тем временам это было довольно необычным делом, поскольку офицерское звание чаще покупали, а не зарабатывали честной службой.

Арчи умел располагать к себе собеседников и был настоящим мастером своего дела. Накануне вечером мы пригласили его отужинать с нами. Сначала он долго разговаривал с Джейми, а потом начал переходить от костра к костру, знакомясь с главами всех важных семейств, присутствовавших на Сборе.

Интересно, чья это была идея? Я задумчиво посмотрела на Джейми.

Длинный прямой нос покраснел от холода, глаза прищурены, лицо невозмутимое – никак не угадать, что творится у него в голове. Явный признак того, что затевается какая-то опасная авантюра. Неужели он знал о прокламации заранее?

Если бы такую новость принес английский офицер, командующий отрядом английских солдат, его призыв вряд ли бы нашел отклик в сердцах нашего сборища. Хэйз с облаченными в тартан бойцами – совсем другое дело... Я заметила, что его шатер поставили у густой сосновой рощи, чтобы все желающие побеседовать с лейтенантом без лишних свидетелей могли подойти к нему незаметно.

– Хэйз всерьез думает, что виновные гурьбой побегут сдаваться прямо на месте? – пробормотала я. Среди собравшихся здесь я могла назвать не меньше дюжины удальцов, которые отметились в Хиллсборо; трое из них стояли на расстоянии вытянутой руки от нас.

Джейми проследил за моим взглядом и сжал мою ладонь, призывая к осторожности. Я сердито нахмурилась: похоже, он решил, что я могу ненароком кого-нибудь выдать. Джейми в ответ одарил меня одной из своих красноречивых улыбок: «Саксоночка, ну ты же прекрасно знаешь – у тебя все на лице написано».

Я придвинулась и украдкой пнула его по лодыжке. На лице-то, может, и написано, но в такой толпе ничего не заметно!.. Джейми даже не поморщился, только улыбнулся чуть шире. Просунул руку мне под плащ и прижал к себе.

Хобсон, Макленнан и Фаулз стояли прямо перед нами, тихонько переговариваясь. Все трое жили в маленькой деревушке под названием Дранкард-Крик, примерно в пятнадцати милях от Фрейзер-Риджа. Хью Фаулз приходился Джо Хобсону зятем, и на вид юноше было не больше двадцати лет. Пока Хэйз читал прокламацию, он изо всех сил старался сохранять невозмутимость, но страшно бледнел и обливался потом.

Никто не знал, как Трион обойдется с бунтарями, чью вину удастся доказать, но я чувствовала, что в толпе начинает бродить тревога, – так бурлит вода, если течение ручья напарывается на скалы.

В Хиллсборо было разрушено несколько зданий, чиновников выволакивали на улицу и нещадно колотили. Ходили слухи, что одному мировому судье выбили глаз метким ударом хлыста. Услыхав о таких вопиющих случаях гражданского неповиновения, главный судья Хендерсен выбрался из дома через окно и покинул город, тем самым нарушив все планы на дальнейшее заседание. Ни у кого не возникало сомнений в том, что губернатор крайне недоволен случившимся.

Джо Хобсон покосился на Джейми и тут же отвел глаза: присутствие лейтенанта Хэйза у нашего костра не осталось незамеченным.

Джейми не обратил на него внимания, только пожал плечами и наклонился ко мне.

– Хэйз и не ждет, что народ пойдет к нему с повинной. Его долг – задать нам вопрос. Слава богу, отвечать я не обязан.

Джейми говорил вполголоса, но так, чтобы Хобсон его услышал. Тот обернулся и едва заметно кивнул, криво усмехаясь. Потом тронул зятя за плечо, и они принялись карабкаться вверх по склону – к своему лагерю, туда, где вокруг костров сутились женщины с маленькими детьми.

Настал последний день Сбора, время для венчаний и крестин, когда любовные союзы и их обильные плоды, появившиеся на свет за прошедший год, наконец получают церковное благословение. Прозвучат последние песни, среди ярких костров спляшут последние танцы – хоть в дождь, хоть в бурю. А утром семьи отправятся по домам, разбросанным на огромных просторах от реки Кейп-Фир до диких горных кряжей на западе. Вести о губернаторской прокламации и волнениях в Хиллсборо расплзутся по всей колонии.

Я пошевелила пальцами в промокших ботинках, размышляя о том, что некоторые из собравшихся могут откликнуться на призыв Хэйза и выступить с чистосердечными признаниями и изобличениями. Джейми, конечно, так делать не станет. А вот другие – вполне. За прошедшую неделю здесь частенько звучали хвастливые речи о восстании в Хиллсборо, и далеко не все были склонны считать бунтарей героями.

В толпе начали обсуждать прокламацию; головы склонялись друг к другу, семьи сбивались тесными кучками, мужчины переходили от группы к группе, речь Хэйза передавали из уст в уста для тех, кто стоял слишком далеко и ничего не слышал.

– Может, пойдём? Еще столько хлопот перед свадьбой.

– Да? – Джейми покосился на меня. – А я думал, что о еде и напитках будут хлопотать рабы Иокасты. Отдал Улиссу бочки с виски. Из него выйдет отличный *soghan*.

– Из Улисса? А парик он с собой захватил? – Я невольно улыбнулась. Словом «*soghan*» называли человека, который распорядился выпивкой и закусками на горской свадьбе; в переводе оно означало «добряк и весельчак». Улисс держался с редкостным достоинством и выглядел очень степенно – даже без ливреи и напудренного парика.

– Может, и захватил, да только к вечеру этот парик прилипнет к его макушке. – Джейми посмотрел на тяжелые облака, покачал головой и

глубокомысленно отметил: – Добрая примета, если на свадьбе солнышко, а похороны в дождь.

– Люблю шотландцев, – ехидно сказала я, – у вас на все случаи жизни найдется подходящая поговорка. Даже не думай повторять это в присутствии Бри.

– Саксоночка, да за кого ты меня держишь? – Он изобразил возмущение. – В конце концов, я ее отец!

– Это уж точно.

Я прогнала непрощеное воспоминание о втором отце Брианны и оглянулась по сторонам: вдруг она нас услышит?

Но поблизости не было никаких признаков огненно-рыжей макушки. Брианна, как и Джейми, отличалась немалым ростом и сразу выделялась в толпе.

– У меня полным-полно дел помимо свадьбы, – сказала я, разворачиваясь к Джейми спиной. – Надо разобраться с завтраком, а потом провести утренний прием пациентов с Мюрреем Маклаудом.

– Да? Ты же говорила, что малютка Мюррей шарлатан.

– Я говорила, что он упрямый невежа и представляет собой угрозу для здоровья своих пациентов. Это не совсем одно и то же.

– Н-да, не совсем, – усмехнулся Джейми. – Хочешь обучить его всем премудростям – или сразу отравишь?

– Там видно будет. На крайний случай просто нечаянно наступлю на его ланцет. С поломанным инструментом Маклауд вряд ли сможет пускать кровь всем подряд. Пойдем скорей, я совсем замерзла!

– Да, пойдем, пойдем... – Джейми покосился на солдат, все еще державших строй вдоль берега. – Я смотрю, малыш Арчи оставил своих ребят караулить, пока толпа не разойдется. Скоро совсем посинеют, бедняги.

Солдаты, несмотря на полное обмундирование и оружие, слегка расслабились и уже не стояли навытяжку. Между ними носились малыши – девчонки не отставали от мальчишек, – норовя задрать подолы килтов или, расхрабрившись, хоть кончиком пальца потрогать блестящие ружья, походные фляги и рукоятки кинжалов и палашей.

– Авель, дружище! – Джейми остановился поздороваться с последними горцами из Дранкард-Крик. – Ты успел позавтракать?

Макленнан приехал на Сбор без жены, поэтому питался чем бог пошлет. Все уже расходились к своим кострам, а он упорно стоял под дождем, прикрывая лысеющую макушку красным фланелевым платком. Наверное, хотел напроситься к кому-то на завтрак, цинично решила я.

Потом бросила оценивающий взгляд на его приземистую фигуру: сколько такому понадобится яиц, хлеба и овсянки? Наши запасы провизии подходили к концу, но нехватка еды никогда не была помехой для горского гостеприимства – и уж тем более для Джейми, который как раз приглашал Макленнана на завтрак. Я мысленно разделила восемнадцать яиц на девять человек вместо восьми. Значит, жареные яйца отпадают; придется натереть картошки и испечь оладий. И по дороге к лагерю попросить у Йокасты еще кофе.

Едва мы направились к стоянке, как рука Джейми опустилась мне аккуратно пониже спины. От неожиданности я взвизгнула, и Авель Макленнан с любопытством вытаращил на меня глаза. Я одарила его радостной улыбкой, подавив желание пнуть Джейми еще раз.

Макленнан снова отвернулся и шустро припустил вверх по склону, только пола накидки подпрыгивала над истертыми бриджами. Джейми придержал меня под локоть, помогая перебраться через камни, и наклонился к самому уху.

– Саксоночка, ты совсем с ума сошла? Почему без нижней юбки? – прошипел он. – Так и от простуды помереть недолго!

– Твоя правда, – вздохнула я, передернув плечами, несмотря на теплый плащ. Под платьем у меня была тонкая и поношенная льняная сорочка – летом в такой еще можно ходить, но от зимних ветров она уже не спасала.

– Вчера у тебя была юбка из отличной шерсти! Куда ты ее дела?

– Лучше тебе не знать, – пробормотала я.

Брови у Джейми поползли вверх, однако спросить он ничего не успел: за нашими спинами раздался оглушительный крик.

– Жермен!

Я обернулась и увидела крошечную белокурую макушку, стремительно несущуюся к самым скалам. Двухлетний Жермен воспользовался тем, что внимание матери было полностью занято его новорожденной сестренкой, и рванул на свободу – туда, где на берегу реки стояли солдаты. Увернувшись от попыток его поймать, малыш помчался вниз с устрашающей скоростью.

– Фергус! – крикнула Марсали. Отец Жермена, беседовавший с другими горцами, обернулся на ее зов. Как раз в это мгновение мальчик споткнулся и кубарем полетел вниз. Не пытаясь ни за что уцепиться, Жермен ловко приземлился на плечо и покатился по травянистому склону, как свернувшийся клубком еж. Пулей пролетел сквозь строй солдат и плюхнулся с каменистого обрыва в воду.

По толпе прокатился испуганный вздох, и несколько человек ринулись

к нему на помощь. Ближе всех оказался один из солдат: он опустился на колени, зацепил Жермена штыком за одежду и потащил вымокшего проказника к берегу.

Фергус торопливо сбежал вниз и кинулся в ледяную воду, чтобы подхватить сына.

– Merci, mon ami, mille merci beaucoup, – сказал он, обращаясь к юному солдату. – Et toi, garnement, – продолжил он, слегка встряхнув отчаянно кашлявшего отпрыска. – Comment vas-tu, дурная твоя голова?^[2]

Солдат уставился на Фергуса с ошарашенным видом – то ли из-за необычного в здешних краях французского говора, то ли из-за того, что вместо левой руки у него красовался блестящий металлический крюк.

– Все в порядке, сэр, – застенчиво улыбнулся он, – вроде бы цел.

Неожиданно из-за деревьев появилась Брианна с шестимесячным Джемми на плече и аккуратно забрала у Марсали крошку Джоан.

– Давай-ка ее мне, а сама иди к Жермену.

Джейми снял с себя тяжелый плащ и вручил Марсали.

– Да, и скажи солдатику, который вытащил малыша, что мы будем рады видеть его у нашего костра. Накормим еще одного, саксоночка?

– Конечно, накормим, – откликнулась я, быстро подсчитывая запасы. Восемнадцать яиц, четыре буханки черствого хлеба – нет, три, одну надо оставить на обратную дорогу, – три дюжины овсяных лепешек, если Джейми с Роджером еще их не съели, полбанки меда...

На узком лице Марсали мелькнула измученная улыбка. Она тут же поспешила к своим промокшим и дрожащим от холода мужчинам.

Джейми обреченно вздохнул ей вслед, и ветер раздул рукава его рубашки, шумно хлопнув складками ткани. Он скрестил руки на груди, стараясь укрыться от ледяных порывов, и улыбнулся мне.

– Что ж, если замерзать – так вместе, саксоночка. Все равно без тебя мне жизнь не мила.

– Ха, – ласково ответила я, – даже если ты будешь голышом ходить по льдине, Джейми Фрейзер, с тобой ничего не случится. А вот льдина, скорее всего, растает. И вообще, куда ты дел свой плед и куртку?

На Джейми не было ничего, кроме килта, нижней рубашки, чулок и ботинок. Кончики ушей и высокие скулы уже покраснели от холода, но, снова взяв мужа под руку, я почувствовала, что его бок по-прежнему пышет жаром.

– Лучше тебе не знать, – ответил он, ухмыльнувшись. Накрывл мои пальцы своей большой шершавой ладонью. – Пойдем, умираю с голоду.

– погоди, – сказала я, шагая в сторону. Маленький Джемми громко

возмущался тем, что ему приходится делить мамины объятия с кем-то еще, выворачивался и вопил так, что крошечное личико под вязаной шапкой совсем покраснело. Я забрала извивающийся сверток у Брианны.

– Спасибо, мам, – улыбнулась она, пристраивая Джоан поудобнее. – Может, поменяемся? Джоанни легче его в два раза, да и ведет себя поспокойнее.

– Нет, не надо... Тише-тише, иди к бабушке.

Я улыбнулась своим словам: при мысли о том, что я могу быть чьей-то бабушкой, меня по-прежнему охватывало легкое недоверие. Джемми тут же перестал капризничать, ухватил меня за волосы пухлыми пальчиками и прижался покрепче.

Фергус стоял в промокших бриджах и чулках, накинув на плечи плащ Джейми. Одной рукой он отжимал подол рубашки и что-то говорил солдату, который вытащил Жермена из воды. Марсали сняла с себя арисэд, чтобы укутать сына; ее светлые волосы выбились из-под платка и трепетали на ветру, как невесомая паутинка.

Лейтенант Хэйз выглянул из своего шатра, будто моллюск из раковины, привлеченный шумом и суматохой. Встретился со мной взглядом. Я помахала ему, а потом направилась вслед за семьей к нашему лагерю.

Джейми помогал Брианне перебраться через камни и что-то говорил ей на гэльском.

– Да, я готова, – ответила она по-английски. – А где твоя куртка, пап?

– Одолжил твоему мужу. Негоже, чтобы жених на свадьбе выглядел голодранцем.

Бри рассмеялась, убирая с лица непослушную рыжую прядь.

– Лучше уж голодранцем, чем самоубийцей.

– Кем-кем? – спросила я, догнав их за скалами. Ветер едва не сбил нас с ног, швырнул в лицо мокрый снег пополам с мелкими камушками, и я натянула вязаную шапочку пониже на уши Джемми, а потом накинула уголок одеяла ему на голову.

– Ух! – Брианна согнулась, закрывая собой малышку. – Роджер как раз брился, когда начали бить барабаны. Едва себе горло не перерезал и залил кровью всю куртку. – Она покосилась на Джейми, щурясь от ветра. – Ты с ним уже виделся? Не знаешь, где он сейчас?

– Цел твой Роджер, не волнуйся. Я велел ему поговорить с отцом Донахью, пока Хэйз читал прокламацию. – Джейми бросил на Брианну сердитый взгляд. – Могла бы сообщить, что он не католик.

– Могла бы, – невозмутимо согласилась она. – Но не сообщила.

Католик, не католик, мне без разницы.

– Если ты имеешь в виду, что его вера не имеет значения... – сердито начал Джейми, но тут появился сам Роджер во всем великолепии: килт из бело-зеленого тартана клана Маккензи и плед, наброшенный поверх жилета и куртки Джейми. Куртка пришлась ему впору – Джейми был примерно на дюйм выше Роджера, но тот не уступал ему по ширине плеч. Серая шерстяная ткань шла к его темным волосам и оливковой коже так же хорошо, как и к ярким кудрям Джейми.

– Каков красавец, – сказал я. – Где ты порезался?

Щеки Роджера слегка розовели от недавнего бритья, однако следов крови видно не было. Под мышкой он нес сверток из красно-черного тартана – плед Джейми. Передав его владельцу, Роджер склонил голову набок и показал мне глубокий порез под самой челюстью.

– Вот тут. Неглубоко, но кровь хлестала сильно. Эти бритвы не зря зовутся опасными.

Порез успел покрыться аккуратной корочкой запекшейся крови, темная полоса длиной примерно в три дюйма тянулась от челюсти к горлу. Я осторожно тронула край раны: ничего страшного, лезвие просто вспороло кожу, швы не нужны. Хотя выглядело это так, будто Роджер и вправду собирался перерезать себе горло.

– Что, руки от страха тряслись? – подразнила я. – Передумал жениться?

– Поздно передумывать, – сухо отрезала Брианна, подходя к нам. – Ребенок должен носить имя своего отца.

– Не волнуйся, малыш без имени не останется, – ответил Роджер. – И ты тоже, миссис Маккензи.

Услышав такое обращение, Брианна слегка зарделась и улыбнулась будущему мужу. Он поцеловал Бри в лоб, забирая спеленатого ребенка из ее рук, и тут же ошарашенно уставился на неожиданно легкую ношу.

– Это не наш. – Брианна улыбнулась его испугу. – Это Джоан. А Джемми у мамы.

– Ух, бог ты мой, – выдохнул Роджер, бережно перехватывая сверток. – Я-то уж думал, что он вдруг усох.

Роджер приподнял угол одеяла, взглянул на крошечное личико и расплылся в улыбке – никто не мог остаться равнодушным при виде каштанового завитка, залихватски торчавшего у Джоан на макушке и придававшего ей сходство с игрушечным пупсом.

– Ничего подобного, – пропыхтела я, подхватывая упитанного Джемми поудобнее. Он наконец-то пригнулся и задремал. – Наоборот, пока мы

поднимались в гору, этот чертенок, похоже, прибавил еще пару фунтов.

Я слегка отодвинула Джемми от себя, чувствуя, как пылает лицо от быстрой ходьбы и как взмокли растрепанные волосы на затылке.

Джейми забрал у меня малыша и уложил его на сгиб локтя, на манер футбольного мяча, придерживая голову ладонью.

– Поговорил со священником? – покосился он на Роджера.

– Поговорил, – сухо откликнулся тот, заметив скептический взгляд. – Он убедился, что я не антихрист. И если я разрешу окрестить ребенка по католическому обряду, то никаких преград для свадьбы нет.

Джейми неразборчиво хмыкнул, и я подавила улыбку. Религиозными предрассудками он, в общем-то, не страдал. Джейми приходилось сталкиваться, драться бок о бок и командовать самыми разными людьми, но новость о том, что его зять – пресвитерианец и не намерен менять веру, вызвала поток ворчливых комментариев.

Бри поймала мой взгляд и украдкой улыбнулась, по-кошачьи щуря голубые глаза.

– Не упоминать про религию заранее – мудрое решение, – тихонько пробормотала я, чтобы Джейми ничего не услышал. Они с Роджером шли впереди и по-прежнему держались довольно отчужденно, хотя строгий вид слегка портили укутанные в одеяла малыши.

Джемми неожиданно закапризничал, но дед ловко усадил его на плечо, и ребенок притих, глядя на нас круглыми глазами. Одеяло нависло у него над головой, как капюшон. Я скорчила рожицу, и Джемми беззубо улыбнулся.

– Роджер хотел рассказать, я ему запретила. Знала, что папа не станет поднимать шум, если сказать перед самой свадьбой.

Нрав своего отца Брианна изучила очень хорошо, да и по-шотландски изъяснялась довольно бойко. Она была похожа на Джейми не только внешностью и рыжими волосами – Бри унаследовала отцовское здравомыслие и способность к языкам. Однако меня по-прежнему терзало смутное беспокойство, будто я упустила из виду что-то важное про Роджера и религию...

Вскоре мы догнали шедших впереди мужчин, и до нас стали долетать обрывки их разговора.

– ...про Хиллсборо, – говорил Джейми, склонившись к Роджеру и перекидывая ветер. – Хочет разузнать про бунтарей.

– Ну надо же! – В голосе Роджера звучало любопытство и настороженность. – Дункан Иннес наверняка заинтересуется такими новостями. Он был в Хиллсборо, когда начались беспорядки.

– Я и не знал! – Джейми явно удивился. – На этой неделе мы с Дунканом даже парой слов не перекинулись. Поговорю с ним после свадьбы... если жив останется.

Вечером Дункану предстояло венчание с тетушкой Джейми, Иокастой Кэмерон, и он не находил себе места от волнения.

Роджер обернулся к Брианне, закрывая Джоан от ветра.

– Твоя тетя сказала отцу Донахью, что свадьбу можно провести в ее шатре. Так что нам повезло.

– Бр-р-р! – Брианна втянула голову в плечи и поежилась. – Слава богу! Не хотелось бы венчаться под лесным сводом в такой день.

Словно в подтверждение ее слов, высоченный каштан обрушил охапку мокрых листьев на наши головы. Роджер слегка нахмурился.

– Эх, наверное, не такую свадьбу ты себе представляла, когда была маленькой.

Брианна подняла глаза и расплылась в широченной улыбке.

– В первый раз тоже вышло необычно. Но мне понравилось.

На смуглых щеках Роджера румянец был незаметен, а уши у него и так давно покраснели – от холода. Он хотел что-то ответить, потом наткнулся на взгляд Джейми и захлопнул рот. Вид у него был смущенный и невероятно довольный.

– Мистер Фрейзер!

Я обернулась: вслед за нами по склону холма бежал один из солдат.

– Капрал Макнейр к вашим услугам, сэр, – отрапортовал он, изрядно запыхавшись. – Лейтенант выражает вам свое почтение и просит заглянуть к нему в шатер. – Тут он заметил меня и вежливо склонил голову. – Миссис Фрейзер. Мое почтение, мэм.

– К вашим услугам, сэр! – Джейми учтиво поклонился в ответ. – Передайте лейтенанту мои извинения, я не могу выполнить его просьбу ввиду срочных дел.

Капрал вскинулся, несмотря на любезный тон Джейми. Макнейр был молод, но неглуп, и по смуглому худощавому лицу мелькнула тень понимания: отправиться в шатер к Хэйзу сразу после чтения прокламации, да еще и на виду у всего сборища, – такая идея мало кому придется по вкусу.

– Кроме вас, сэр, лейтенант пригласил к себе Фаркуарда Кэмпбелла, Эндрю Макнила, Джеральда Форбса, Дункана Иннеса и Рэндалла Лиллиуайта.

Плечи Джейми слегка расслабились.

– Вот оно как!

Значит, Хэйз решил посоветоваться с влиятельными жителями: Фаркуард Кэмпбелл и Эндрю Макнил были крупными землевладельцами и исполняли обязанности местных магистратов, Джеральд Форбс служил адвокатом и мировым судьей в Кросс-Крик, Лиллиуайт – магистратом в окружном суде. А Дункан Иннес совсем скоро женится на вдовой тетушке Джейми и станет хозяином крупнейшей плантации на западе колонии. В отличие от всех вышеперечисленных, Джейми не располагал внушительным состоянием и не был официальным представителем королевской власти, зато ему принадлежал обширный, хоть и пустой по большей части, земельный надел в далекой глуши.

Он слегка пожал плечами и пересадил малыша на другую руку.

– Что ж, тогда ладно. Передайте лейтенанту, что я зайду к нему, как только освобожусь.

Такой ответ не обескуражил капрала. Макнейр поклонился и отправился дальше – видимо, на поиски других джентльменов из своего списка.

– Зачем ему собирать вас? – спросила я Джейми. – Ой!

Я утерла подбородок Джемми от слюнок, прежде чем он успел заляпать рубашку деда.

– Кажется, у нас режутся зубки!

– Не знаю, у меня зубов достаточно, – откликнулся Джейми, – да и у тебя вроде все на месте. А вот зачем я понадобился Хэйзу – трудно сказать. И что-то мне пока не хочется выяснять подробности.

Он выразительно приподнял рыжую бровь, и я рассмеялась.

– Ну да, освободиться можно и попозже.

– Я же не назвал точное время, – рассудительно отметил Джейми. – Так, а теперь вернемся к твоей нижней юбке, саксоночка. А то бегаешь по лесу с голым задом... Дункан, дружище!

Ласковая насмешка в глазах Джейми сменилась неподдельной радостью при виде Дункана Иннеса, пробиравшегося к нам через колючие заросли.

Дункан неуклюже перевалился через упавшее дерево – такие трюки тяжело даются человеку, у которого нет левой руки, – и вышел на тропинку рядом с нами, встряхивая мокрыми от дождя волосами. Он уже успел облачиться в свадебный наряд: чистая сорочка с жестко накрахмаленным воротником, килт и алый плащ из тонкого сукна, отороченный золотым кружевом, пустой рукав заколот брошью. Таким элегантным я Дункана еще ни разу не видела, о чем не замедлила ему сообщить.

– Так уж мисс Ио захотела. – Он смущенно отмахнулся от

комплимента, как от назойливых капель дождя, и принялся стряхивать с плаща сосновые иголки и чешуйки коры. – Ну и денек выдался, Макдью. – Дункан посмотрел на небо и покачал головой. – Хорошая примета, если на свадьбе солнышко, а похороны в дождь.

– Среднестатистический покойник вряд ли станет переживать о приметах, – пробормотала я, – независимо от погодных условий. – И тут же добавила, поймав недоуменный взгляд Дункана: – Не сомневаюсь, что Иокаста все равно будет счастлива. И вы тоже!

– Да... Да, конечно, – неуверенно ответил он. – Спасибо, мэм.

– Ты так ломился через лес, будто тебе на пятки наступал капрал Макнейр, – сказал Джейми. – Случаем, не к Арчи Хэйзу в гости собираешься?

Дункан ошарашенно посмотрел на Джейми.

– К Хэйзу? Зачем я ему сдался?

– Ты же был в Хиллсборо в сентябре? Саксоночка, заведи-ка у меня этого бельчонка. – Джейми передал мне малыша, который решил поучаствовать в беседе и начал карабкаться по деду, как по дереву, упираясь крошечными ножками и громко побрякивая. Однако, взяв малыша на руки, я поняла, что Джейми избавился от своей непоседливой ноши по совершенно другой причине.

– Вот уж спасибо, – сказала я и сморщила нос.

Джейми ухмыльнулся и снова обратился к Дункану.

– Закончил свои дела? – Я принялась. – Вижу, еще не закончил.

Джейми зажмурился, покраснел от натуги и издал звук, похожий на приглушенную пулеметную очередь. Я аккуратно заглянула под сложенный пеленок и тут же торопливо развернула одеяло.

– Господи, и чем же твоя мать тебя кормила?

Обрадовавшись неожиданной свободе, Джейми засучил ножками, как маленькая ветряная мельница, и с него тут же потекло во все стороны.

– Фу-у, – подвела я итог и, удерживая малыша на вытянутых руках, отправилась к ближайшему ручью, благо их на горном склоне было немало. Можно, конечно, прожить без водопровода и автомобилей, но вот без подгузников приходилось туго. Не говоря уже о туалетной бумаге.

Я нашла удобное местечко – там, где берег ручья был усыпан толстым слоем сухих листьев. Опустилась на колени, разложила перед собой подол плаща, поставила Джейми на четвереньки и стащила все пеленки одним комом, даже не расстегнув булавку.

– И-и-и! – завопил он от неожиданности и тут же попытался спрятать свой толстый розовый зад. Вот ведь лягушонок.

– Что, холодно? Погоди, то ли еще будет!

Я сгребла горсть влажной коричневой листвы и вытерла внука. Он перенес эту пытку без громких воплей – только выворачивался из рук да звонко попискивал всякий раз, когда я терла посильнее.

Потом я перевернула Джемми, прикрывая зад ладонью, и быстро обтерла его спереди, чем заслужила широкую беззубую улыбку.

– Такой маленький, а уже настоящий горец, – фыркнула я.

– И что же ты этим хочешь сказать, саксоночка?

Я подняла голову. Джейми стоял у дерева на другом берегу ручья. Яркий тартан и белая рубашка резко выделялись на фоне поблекшей осенней листвы, а бронзовое лицо в обрамлении рыжих кудрей, казалось, принадлежало какому-то лесному духу. Ветер играл с его волосами, как с алыми листьями клена над головой.

– Во-первых, он совершенно не боится холода и сырости, – заявила я, отбрасывая в сторону последнюю пригоршню грязных листьев. – А во-вторых... Мне, конечно, редко доводилось возиться с мальчиками такого возраста, но, по-моему, наш внук развит не по годам.

Джейми ухмыльнулся, посмотрев туда, куда я указывала. Маленький отросток размером примерно с мой палец гордо стоял торчком.

– А, вот ты про что... Много я мальцов повидал, у всех такое бывает время от времени. – Джейми пожал плечами и улыбнулся еще шире. – Хотя, может, это только у шотландских пострелят...

– И с возрастом талант крепчает, смею заметить.

Я кинула пеленки через ручей, и они шлепнулись у ног Джейми.

– Вытащи булавки и прополощи хорошенько.

Джейми сморщил нос, но без возражений подобрал грязный ком двумя пальцами.

– Так вот куда ты дела свою нижнюю юбку, – заметил он.

Я открыла суму, висевшую на поясе, и достала оттуда кусок чистой ткани. Не те отбеленные льняные пеленки, которые держал в руках Джейми, а толстую мягкую шерсть, выкрашенную в бледно-красный цвет смородиновым соком.

Я пожала плечами и, убедившись, что Джемми больше не собирается устраивать артиллерийский обстрел, быстро спеленала его заново.

– У нас трое малышей, а в такую погоду белье не успевает просохнуть. Нужны чистые тряпки на смену.

Все кусты вокруг лагеря были увешаны развевающимися на ветру пеленками, которые не столько сохли, сколько мокли под дождем.

– Возьми-ка! – Джейми протянул мне булавки прямо через неширокий

ручей. Я аккуратно забрала их, стараясь не уронить в воду. Пальцы совсем окоченели и почти не слушались, но разбрасываться булавками – непозволительная роскошь. Бри смастерила их из раскаленной на огне проволоки, а Роджер потом вырезал деревянные головки по ее рисункам. Получились самые настоящие английские булавки, разве что грубоватые на вид. Недостаток у них был один: головки крепились на проволоку клеем, а клей был сварен из молока и соскобленного копытного рога и потому постоянно размокал от воды, так что головки приходилось клеить заново.

Я обернула лоскуты вокруг Джемми, воткнула булавку – и улыбнулась. Бри вырезала на деревянной головке маленькую лягушку с широкой беззубой улыбкой.

– Вот и готово, Лягушонок! – Надежно застегнув импровизированный подгузник, я усадила Джемми к себе на колени, поправила распашонку и попыталась снова завернуть его в одеяло.

– А куда пошел Дункан? В шатер к лейтенанту?

Джейми покачал головой, не отвлекаясь от стирки пеленок.

– Я сказал, чтобы он пока никуда не ходил. Дункан ведь и вправду был в Хиллсборо во время этой суматохи. Лучше подождать. А через некоторое время он с чистой совестью сможет объявить Хэйзу, что здесь нет никаких бунтарей. – Джейми поднял на меня глаза и мрачно улыбнулся. – Во всяком случае, к вечеру их здесь точно не будет.

Я смотрела, как он отжимает выполосканные пеленки. Шрамы на правой руке обычно были совсем незаметны, но от холода кожа покраснела, и они выделялись рваными белыми линиями. От всей этой истории с бунтом мне было слегка не по себе, хотя прямого отношения к нам она не имела.

Мысли о губернаторе Трионе обычно сопровождались легким беспокойством, не более: в конце концов, он жил в своем новом дворце в Нью-Берне, а мы – в маленьком поселении Фрейзер-Ридж, и нас разделяли три сотни миль с прибрежными городками, плантациями, сосновыми лесами, непроходимыми взгорьями и дикими неосвоенными землями. У губернатора было полно забот – самозванные «регуляторы», устраивавшие беспорядки, продажные шерифы и судьи, которые своей подлостью вызывали шквал народного возмущения. Я надеялась, что ему было не до нас.

Однако, как ни крути, Джейми получил право на огромный земельный надел по милости губернатора Триона – и Трион оставил при себе один мелкий, но очень важный факт: Джейми был католиком. А королевские наделы согласно закону назначались только протестантам.

Католическое сообщество в колонии было крохотным и плохо организованным, так что вопрос о религии вставал редко. Никаких отдельных церквей и приходских священников. Отца Донахью пригласили из самого Балтимора, и он проделал этот огромный путь по просьбе Иокасты. Тетушка Джейми и ее покойный муж, Гектор Кэмерон, были весьма влиятельными людьми среди шотландских поселенцев, никому даже в голову не приходило усомниться в их вере. Горцы, с которыми мы праздновали всю неделю напролет, вряд ли подозревали о том, что мы паписты.

Однако скоро тайное станет явным. Помолвка Бри и Роджера длилась уже целый год, и сегодня вечером они наконец обвенчаются вместе с двумя другими католическими парами из Бермертона – и вместе с Иокастой и Дунканом Иннесом.

– А сам Арчи Хэйз католик? – внезапно спросила я.

Джейми развесил пеленки на ближайшей ветке и стряхнул воду с рук.

– Я не спрашивал. Но это вряд ли. Отец его католиком не был, да и не дослужился бы он до офицерского чина с таким багажом.

– Точно, – вздохнула я. Шотландец, без гроша за душой, бывший якобит – и без того удивительно, что Хэйз сумел выбиться в офицеры. Католическая вера только тянула бы его на дно.

И все же меня по-прежнему терзало беспокойство – не из-за Хэйза и его молодчиков, а из-за Джейми. На первый взгляд он был совершенно невозмутим, на губах играла легкая насмешливая улыбка. Но я знала Джейми слишком хорошо. Видела, как подрагивают искалеченные пальцы на правой руке, пока он беседовал и перешучивался с Хэйзом прошлым вечером. И даже сейчас между бровей залегла тонкая морщинка, выдававшая внутреннюю тревогу.

Переживал из-за губернаторской прокламации? Но чего тут беспокоиться? Никто из нашей семьи не был замешан в беспорядках в Хиллсборо.

– ...пресвитерианец, – продолжал Джейми. – Как наш малыш Роджер.

Тут мне наконец удалось поймать ускользавшее воспоминание.

– Ты ведь знал! Ты знал, что Роджер не католик. Ты видел, как он окрестил того ребенка в Снейктауне, когда мы... забрали его у индейцев.

Я прикусила язык, но было уже поздно: по лицу Джейми пробежала тень. В тот день мы забрали Роджера и оставили взамен Иэна, любимого племянника Джейми.

Тень мелькнула и пропала. Отогнав тягостные мысли, Джейми улыбнулся.

– Да, знал.

– Но Бри...

– Она бы пошла за него замуж, даже если бы парень был готтентотом, это и дураку понятно. Да и я бы все равно не стал возражать.

– Не стал бы? – удивилась я.

Джейми пожал плечами, перешагнул через ручей и вытер руки подолом пледа.

– Он хороший и добрый малый. Принял малыша как родного, ни словечком не попрекнул любимую. Так и должно поступать мужчине, но не всякий на это пошел бы.

Я невольно покосилась на Джемми, уютно свернувшегося у меня на руках. Иногда я ловила себя на том, что пристально разглядываю эту славную мордашку и пытаюсь понять, кто же его отец.

Брианна обручилась с Роджером, провела с ним ночь – а спустя два дня ее изнасиловал Стивен Боннет. Джемми ничем не походил ни на одного из них, и определить отцовство было невозможно. Вот он сидит у меня на руках, сосредоточенно сосет собственный кулак, макушка покрыта мягким золотисто-рыжим пухом – ни дать ни взять копия деда.

– А с чего тогда вся эта кутерьма с Роджером и священником?

– Свадьбу-то они и так сыграют. Но я хочу, чтобы малыш был католиком. – Джейми бережно положил огромную ладонь на макушку внуку, погладил пальцем рыжие бровки. – Пришлось немножко повозмущаться насчет Маккензи, чтобы они не спорили со мной из-за an gille ruaidh^[3].

Я рассмеялась и поплотнее укутала Джемми в одеяло.

– Я-то думала, что Брианна обвела тебя вокруг пальца!

– Она тоже так думает, – усмехнулся Джейми. А потом неожиданно склонился и поцеловал меня.

Губы у него были мягкие, теплые и на вкус – как хлеб с маслом. Пахло от Джейми листьями, мужским потом и совсем чуть-чуть – грязными пеленками.

– Неплохо получилось, – одобрительно сказала я. – Давай-ка еще раз.

Лес вокруг нас дышал тишиной. Ни птиц, ни животных, только шорох листьев над головой и плеск ручья под ногами. Постоянное движение, неумолкающие звуки, а среди них – островок покоя. И пусть на склоне горы, совсем недалеко от нас, было полным-полно народу, здесь и сейчас мы остались одни, словно на другой планете.

Я открыла глаза и вздохнула, слизывая с губ медовый привкус. Джейми стряхнул желтый листок с моих волос. Ребенок лежал у меня на

руках – тяжелая теплая ноша, центр нашей вселенной.

Мы молчали, не желая тревожить хрупкий покой. «Будто стоим на вершущке юлы, – думала я. – Люди и события мчатся в бесконечной круговерти, шаг в сторону – и ты тоже провалишься в эту гонку. Но здесь, на самом пике, застыла тишина».

Я стряхнула кленовые семена с плеча Джейми, а он поймал мою ладонь и прижал к губам в каком-то яростном порыве. Прикосновение было нежным. Язык мягко скользнул у большого пальца, по холму Венеры, по линии любви.

Джейми поднял голову, и руке сразу стало холодно – как раз на том месте, где белел старый шрам. Буква «джей», вырезанная на коже. Его метка.

Он положил ладонь мне на щеку, и я прижала ее покрепче, будто хотела почувствовать поблекшую букву «к» на его руке. Вот так, не сказав ни слова, мы вновь принесли клятву верности, как много лет назад, – в тихой заводи, ища друг в друге опору среди зыбучих песков грядущей войны.

Она нас еще не настигла. Но я уже слышала ее тяжелую поступь в барабанном бое и губернаторской прокламации, видела ее приближение в блеске стали, узнавала знакомый нутряной страх в глазах Джейми.

Несмотря на осенний холод, ладони горели огнем. Мне казалось, будто старый шрам вот-вот вскрыется и горячая кровь прольется на землю. Война начнется, ее не остановить.

Но на этот раз я не собиралась покидать своего мужа.

* * *

Мы с Джейми выбрались из лесной чащи на протоптанную дорожку, ведущую к лагерю. Я снова подсчитывала наши запасы и прикидывала, что делать с завтраком: Джейми пригласил к нам еще два семейства.

– Робин Макгилливрей и Джорди Чишолм. – Джейми придержал ветку. – Они собираются поселиться у нас в Ридже. Вот я и решил позвать их к костру.

– Поселиться? – Я нырнула под ветку, которая тут же распрямилась за моей спиной. – Когда? И сколько их будет?

Спрашивала я далеко не из праздного любопытства. На строительство даже самого захудалого домишки требовалось время, а зима уже стояла на пороге – не успеешь оглянуться, как придут холода. Новым поселенцам

придется жить в большом доме вместе с нами или ютиться в крохотных хижинах других семейств, разбросанных по всему Фрезер-Риджу. В тяжелые времена горцы могли жить – и жили! – все вместе, по десять человек в одной каморке. Я не была склонна к такому щедрому гостеприимству и надеялась, что нам удастся обойтись без лишних жертв.

– Шестеро у Макгилливрея и восемь человек у Чишолма, – с улыбкой ответил Джейми. – Но Макгилливреи приедут весной. На зиму Робин останется в Кросс-Крике, там нашлась работа для оружейника. А его семья будет жить в Салеме у немецких родственников со стороны жены, пока не потеплеет.

– Ну и хорошо!

Значит, на завтрак придут еще четырнадцать едоков плюс я с Джейми, Роджер и Бри, Марсали и Фергус, Лиззи и ее отец... не забыть бы про Авеля Макленнана... ах да, еще тот солдатик, который спас Жермена! Всего двадцать четыре человека.

– Схожу-ка я к тетушке, попрошу кофе и риса, – объявил Джейми, глядя на мое встревоженное лицо. Усмехнулся и протянул руки, чтобы забрать малыша. – Давай его сюда. Мы отправимся в гости и не будем отвлекать тебя от готовки.

Я проводила их взглядом и полной грудью вдохнула влажный воздух, слушая, как дождь тихонько барабанит по капюшону. Одна, хотя бы ненадолго.

Сборища и горские праздники были мне по душе, но, следовало признать, бесконечное общение начинало действовать на нервы. Круговерть новых лиц, сплетни, ежедневный прием больных, море мелких неприятностей, на которые обречено большое семейство, живущее в общем лагере... Спустя пару-тройку дней я была готова вырыть себе нору под каким-нибудь пнем, чтобы спрятаться от бурной общественной жизни хотя бы на четверть часа.

Издалека доносились возгласы, крики и протяжные звуки волынки; сборище, растревоженное губернаторской прокламацией, постепенно возвращалось к обычной жизни, семьи устраивались вокруг костров; на поляну, где проводились состязания, стекались зеваки; горцы перебирались на другой берег ручья, на ярмарку, где в разномастных фургончиках продавали всякую всячину, от лент и посуды до известняка и свежих... кхм, относительно свежих лимонов. Меня там пока что никто не ждал.

Предстоял долгий и трудный день, и это была единственная возможность остаться наедине с собой в ближайшую неделю – дорога домой грозила затянуться надолго, со всем хозяйством, фургончиками и

детьми. У большинства наших новых поселенцев не было лошадей и мулов, так что им предстояло преодолеть этот путь пешком.

Мне нужно было собраться с силами и сосредоточиться. Не на огромном совместном завтраке, не на предстоящей свадьбе и даже не на своих больных. Мысли унеслись далеко вперед, к самому дому, минуя все превратности пути.

Фрейзер-Ридж находился в западных горах, далеко от городов и тореных дорог. Мы жили уединенно и нечасто видели гостей. Крохотное поселение постепенно росло; уже три десятка семей решили обосноваться на нашей земле с разрешения Джейми, и с большинством из этих людей он был знаком по Ардсмурской тюрьме. Наверное, Чишолм и Макгилливрей тоже отбыли там свой срок. Джейми стремился помочь бывшим заключенным во что бы то ни стало – пусть даже в ущерб себе.

Мимо бесшумно пролетел ворон, медленно взмахивая потяжелевшими от дождя крыльями. Ворон-ворон, что ты предвещаешь? Беду или радость? Не всякая птица сорвется с места в такую погоду, значит, вести у тебя важные.

Я шлепнула себя по лбу, отгоняя нелепые предрассудки. Поживешь с горцами подольше и начинаешь в каждом булыжнике видеть целое знамение!

И все же... Возможно, это и было знамение. На склоне горы собралось много народа, но я осталась одна, скрывшись за завесой дождя и тумана. И хотя воздух по-прежнему обжигал холодом, я уже успела согреться. Кровь стучала в венах, ладони наливались теплом. Я протянула руку к сосне, стоявшей рядом: на каждой иголочке застыла капля воды, кора намокла и потемнела. Я вдохнула хвойный аромат и коснулась прохладных капель ладонью. Дождь мерно шуршал в гулкой тишине, промокшая одежда липла к коже, как облака к горной вершине.

Когда-то Джейми сказал мне, что не может жить без гор, и теперь я его понимала, хотя и не могла выразить это странное чувство словами. Суетные мысли улеглись, остался лишь голос скал и деревьев – и гулкий удар колокола в сердце горы, где-то у меня под ногами.

Завороженная, я стояла под дождем, позабыв про завтрак, но голоса скал и деревьев исчезли при звуке шагов.

– Миссис Фрейзер!

Арчи Хэйз собственной персоной. В берете и при палаше – рыцарь без страха и упрека. Он вряд ли ожидал увидеть меня посреди тропинки, однако удивления не выказал и только учтиво поклонился.

– Лейтенант, – я вернула поклон. Щеки запылали, будто он застал

меня посреди купания.

– Ваш муж где-то неподалеку? – спросил он безукоризненно ровным тоном.

Несмотря на смущение, я насторожилась. Юный капрал Макнейр не смог привести Джейми к Хэйзу. И если гора сама пришла к Магомету, то дело тут непростое. Неужели Хэйз собрался втянуть Джейми в ловлю преступников-регуляторов?

– Не знаю, где он, – ответила я, старательно отворачиваясь в сторону от склона, где среди высоких каштанов виднелся просторный шатер Иокасты.

– Да, дел у него невпроворот, – спокойно откликнулся Хэйз. – Такому человеку некогда сидеть на месте, да еще и в последний день Сбора.

– Да... Наверное.

Разговор оборвался, и я судорожно пыталась придумать, как бы сбежать от лейтенанта и обойтись без приглашения на завтрак. Предложить совместную трапезу – это святая обязанность, даже англичанка не может промолчать и не сойти за грубиянку в такой ситуации.

– Кхм... Капрал Макнейр сказал, что вы искали Фаркуарда Кэмпбелла! – Я решила взять быка за рога. – Может быть, Джейми пошел к нему. К мистеру Кэмпбеллу то есть.

Я махнула рукой в сторону лагеря Кэмпбеллов на дальнем склоне, почти за четверть мили от Иокасты.

Хэйз моргнул, и с его ресниц сорвались капли.

– Да, вполне вероятно.

Он постоял еще мгновение, потом приподнял берет:

– Доброго дня, мэм!

Развернулся и пошел к шатру Иокасты. Я беспомощно смотрела ему в спину, мгновенно растеряв все свое умиротворение.

– Чтоб тебя черти взяли, – пробормотала я и отправилась готовить завтрак.

Глава 2. Хлеба и рыбы

Мы разбили лагерь далеко от главной тропы, на небольшой каменистой поляне с видом на широкий берег ручья. Сквозь заросли остролиста были видны черно-зеленые тартаны разбредавшихся солдат – Арчи Хэйз велел своим ребятам смешаться с толпой горцев на Сборе, и теперь они с радостью выполняли приказ.

Не знаю, что двигало Хэйзом: коварные замыслы, скупость или обыкновенное человеческое сочувствие. Среди солдат было много юных мальчишек, скучавших по дому и по родне; они стосковались по звукам шотландской речи и мечтали погреться у гостеприимного очага и отведать похлебки из овсяной муки. Хоть ненадолго почувствовать себя дома.

Я вышла к лагерю. Марсали и Лиззи суетились вокруг застенчивого молодого солдата, который выудил Жермена из ручья. Фергус стоял у самого костра, и от его мокрой одежды поднимались клубы пара. Здоровой рукой он пытался вытереть Жермена, а крюком придерживал его за плечо, сердито бормоча по-французски. Белокурая макушка моталась из стороны в сторону, но, несмотря на гневную отповедь, лицо мальчика оставалось совершенно безмятежным.

Роджера и Брианны нигде не было видно, зато мне на глаза тут же попался Авель Макленнан – он сидел на дальнем конце поляны, жуя поджаренную краюшку хлеба. Джейми как раз успел вернуться от тетушки с дополнительными припасами и теперь раскладывал провиант у костра. Он хмурился от каких-то невеселых мыслей, но, увидев меня, сразу расцвел улыбкой.

– Вот ты где, саксоночка! И что же тебя задержало?

– Хм... Знакомца по дороге встретила, – ответила я, выразительно покосившись на молодого солдата.

Взгляд пропал втуне, и Джейми поднял брови в недоумении.

– Тебя лейтенант ищет! – прошипела я, склонившись ближе.

– Да знаю я, саксоночка, – ответил он в полный голос. – Скоро найдет.

Я снова красноречиво перевела взгляд с Макленнана на солдата. Джейми серьезно относился к традициям гостеприимства: пока человек гостил под нашим кровом – или у нашего костра, – никто не имел права покушаться на его свободу. И если солдатик еще постесняется арестовать Макленнана, то лейтенант вряд ли станет колебаться.

Джейми даже не пытался скрыть веселье. Поднял брови, взял меня за

руку и подвел к солдату.

– Дорогая моя, – начал он официальным тоном, – позволь представить тебе рядового Эндрю Огилви родом из деревни Килберни! Рядовой Огилви, это моя жена.

Огилви, краснощекий малый с темными кучерявыми волосами, вспыхнул румянцем и поклонился.

– К вашим услугам, мэм!

Джейми слегка сжал мою ладонь.

– Рядовой Огилви рассказывал, что его полк направляется в Портсмут, в Вирджинию. А оттуда на корабле напрямую до Шотландии. Что, не терпится попасть домой?

– Словами не передать, сэр! – с жаром откликнулся мальчик. – Вот как распустят нас в Абердине, так я сразу домой и отправлюсь.

– Полк собираются распустить? – уточнил Фергус, подходя к нам с Жерменом на руках и с мокрым полотенцем на шее.

– Так точно, сэр! С французяками мы разобрались... ой, простите... с индейцами тоже. Делать нам здесь больше нечего, а король не станет платить бездельникам. – Мальчик горько усмехнулся. – Мир – дело хорошее, но солдатам приходится нелегко.

– На войне солдатам тоже несладко, – сухо откликнулся Джейми, и мальчик тут же залился краской. Вряд ли ему удалось понюхать пороха в настоящем бою, слишком уж молод. Семилетняя война закончилась больше десяти лет назад, и в те времена рядовой Огилви наверняка еще был босоногим карапузом.

Не обращая внимания на смущенного мальчишку, Джейми повернулся ко мне:

– Рядовой говорит, что Шестьдесят седьмой полк – последний, оставшийся в Колониях.

– Последний хайлендский? – уточнила я.

– Нет, мэм! Последний из регулярных королевских войск. Кое-где еще есть гарнизоны, но все полки были отозваны в Англию и в Шотландию. Только одни мы запоздали. Должны были отплыть из Чарльстона, да все пошло наперекосяк, так что теперь направляемся в Портсмут – и как можно скорее. Год-то уже на исходе. Лейтенант говорит, у него на примете есть корабль, капитан которого готов пойти с нами в позднее плаванье. А если не повезет... – он пожал плечами с философской обреченностью, – тогда перезимуем в Портсмуте. А по весне снова в путь.

– Англия собирается оставить нас без защиты? – пораженно спросила Марсали.

– Ой, мэм, не волнуйтесь! Опасности нет, – заверил ее рядовой Огилви. – С лягушатниками мы разделились окончательно, а без них индейцы буянить не станут. Жизнь теперь будет идти тихо-мирно, уж поверьте.

Я тихонько хмыкнула, и Джейми стиснул мой локоть.

– А остаться не думали? – спросила Лиззи. Прислушиваясь к беседе, она успела почистить и потереть картошку, поставила миску с блестящими белыми ломтиками у костра и принялась смазывать сковороду жиром. – В Колониях. На западе еще есть свободная земля.

Лиззи, воплощение скромности, не поднимала глаз от работы. Рядовой Огилви покосился на ее белый керч и покраснел еще сильнее.

– Сказать по совести, мисс, тут не так уж и плохо. Но я должен вернуться со своим полком, ничего не поделаешь.

Лиззи взяла пару яиц и ловко разбила их о край миски. На ее молочно-белой коже проступил бледный румянец – словно отсвет румянца, заливавшего лицо Огилви.

– Жалко, что вам нужно уезжать, – сказала она. Светлые ресницы дрогнули и коснулись щеки. – Впрочем, на пустой желудок мы вас никуда не отпустим.

Уши рядового Огилви полыхнули еще ярче.

– Вы очень добры, мисс. Прямо не знаю, как и благодарить.

Лиззи застенчиво подняла глаза и окончательно покраснелась.

Джейми кашлянул и, извинившись, отвел меня в сторону.

– Господи, – пробормотал он мне на ухо, – а ведь еще вчера была ребенком. Ты что, саксоночка, уроки ей даешь? Или у вас, у женщин, это врожденное?

– Талант, скорее всего, – осторожно откликнулась я.

Прошлым вечером после ужина случилась большая неожиданность: у Лиззи впервые начались месячные. Нам всегда не хватало чистых тряпок для малышей, так что эта соломинка сломала спину верблюда и заставила меня пожертвовать своей нижней юбкой – иначе Лиззи пришлось бы воспользоваться детскими подгузниками.

– Хм-м-м. Что ж, придется подыскивать ей мужа, – обреченно вздохнул Джейми.

– Мужа? Ей едва исполнилось пятнадцать!

– И что с того? – Он покосился на Марсали, вытиравшую темные волосы Фергуса полотенцем, затем перевел взгляд на Лиззи и солдата. И насмешливо поднял бровь.

– А ничего! – сердито ответила я. Да, Марсали было всего пятнадцать,

когда она вышла замуж за Фергуса. Но это вовсе не значило...

– Дело в том, – продолжил Джейми, отвлекаясь от Лиззи, – что полк отправляется в Портсмут уже завтра. У них нет ни времени, ни распоряжений на расследование беспорядков в Хиллсборо. Этим занимается Трион.

– Хэйз сказал...

– Если кто-нибудь придет с доносом, то Хэйз передаст все в Нью-Берн. Но сдается мне, что ему плевать на регуляторов: пусть хоть подожгут губернаторский дворец, лишь бы не случилось задержки с отплытием.

Я облегченно вздохнула. Если Джейми прав, Хэйз не станет никого арестовывать, что бы ни рассказывали свидетели. Значит, за судьбу Макленнана можно не переживать.

– Тогда зачем Хэйзу понадобился ты и вся остальная компания? – спросила я, склонившись над плетеным коробом в поисках хлеба. – Он сам, лично, отправился тебя искать!

Джейми оглянулся на заросли остролиста, словно лейтенант мог выскочить оттуда в любую секунду. Плотная стена колючих листьев оставалась неподвижной, и Джейми нахмурился.

– Интересно. – Он задумчиво покачал головой. – Трион тут ни при чем, иначе бы Хэйз завел этот разговор еще вчера. Нет, саксоночка, уж поверь, малютка Арчи из-за бунтарей переживать не станет – разве только по долгу службы. Не знаю, зачем я ему сдался...

Склонившись у меня над плечом, Джейми потянулся к горшочку с медом и провел пальцем по самой кромке.

– ...и не буду попусту размышлять. У меня осталось еще три бочонка виски, и к вечеру они должны превратиться в наконечник для плуга, лезвие для косы, три топора, десять фунтов сахара, коня и астролябию. Фокус непростой, придется попотеть.

Он бережно провел липким пальцем по моим губам, развернул к себе и поцеловал.

– Астролябию? – переспросила я. И вернула медовый поцелуй. – Зачем тебе она?

– А потом мы поедем домой, – продолжал Джейми, не обращая внимания на вопрос. Мы стояли, соприкасаясь лбами, и глаза у Джейми были синие-синие. – И там нас будет ждать постель. Поэтому сегодня я буду думать только о том, чем мы там займемся. А малютка Арчи пусть забавляется сам с собой, как душе угодно.

– Отличная мысль, – прошептала я. – Арчи об этом сказать не забудь.

На дальней стороне поляны мелькнул черно-зеленый тартан. Джейми

тут же развернулся к неожиданному гостю, но вместо лейтенанта Хэйза к нам шагал Джон Куинси Майерс, и солдатский плед, обвязанный вокруг его пояса, радостно трепетал на ветру.

Наряд великана Майерса потрясал воображение: из широкополой фетровой шляпы торчало несколько иголок и индюшиное перо, еще два потрепанных фазаньих пера красовались в черной шевелюре, поверх расшитой бусинами рубашки был надет жилет из крашеных дикобразовых иголок, поверх гамаш – любимая набедренная повязка, а на самих гамашах привязаны мелкие колокольчики. Такого красавца заметишь в любой толпе.

– Дружище! – Джон Куинси широко улыбнулся и протянул Джейми руку, позвякивая колокольчиками на штанах. – Так и знал, что застану вас за завтраком!

Джейми растерянно моргнул, окинул взглядом это дивное виденье и от души пожал его огромную лапищу.

– Здравствуй, Джон! Позавтракаешь с нами?

– Кхм... Да, – вклинилась я, украдкой заглянув в корзину с едой. – Присоединяйтесь!

Джон Куинси снял шляпу и отвесил мне церемонный поклон.

– Мое почтение, мэм. Благодарствую, но не сейчас. Я пришел за мистером Фрейзером. Его ждут, дело срочное.

– Кто ждет? – настороженно уточнил Джейми.

– Велел передать, что его зовут Робби Макгилливрей. Знаете такого?

– Как не знать, – ответил Джейми и тут же полез в небольшой сундучок, где хранились пистолеты. Видимо, Макгилливрея он знал не понаслышке. – Что там стряслось?

– Да как сказать. – Джон Куинси задумчиво почесал свою косматую голову. – Его жена упросила меня сходить за вами. Правда, с английским у нее туговато, так что за точность я не ручаюсь. Вроде бы какой-то охотник за головами схватил ее сынишку. Заявил, что паренек был среди бунтарей в Хиллсборо, и собрался увезти его в Нью-Берн, прямиком в тюрьму. А Робби ему в ответ: «Никуда моего сына не повезут»... Дальше я ничего не понял, потому что его бедная женушка страшно разволновалась, двух слов связать не могла. Но, думается мне, Робби будет рад вашей помощи.

Джейми подхватил заляпанный кровью плащ Роджера, который висел на ветвях в ожидании стирки, быстро накинул его на плечи и сунул за пояс заряженный пистолет.

– Где он?

Майерс ткнул пальцем в сторону и решительно двинулся к зарослям остролиста, Джейми нырнул туда следом.

Фергус, который все это время прислушивался к их разговору, поставил Жермена рядом с Марсали.

– Надо помочь твоему Grand-père, – сказал он Жермену. Поднял с земли сухую палку и вложил в руки малышу. – А ты оставайся здесь. Защищай Матап и Джоан от плохих людей.

– Oui, Papa.

Жермен сурово нахмурил лоб под белокурой челкой, покрепче ухватил палку и приготовился охранять лагерь.

Марсали, Макленнан, Лиззи и рядовой Огилви наблюдали за этой сценой с немым удивлением. Когда Фергус подобрал с земли еще одну палку и тоже ринулся в заросли, рядовой Огилви наконец-то пошевелился.

– Кхм... Может, мне позвать сержанта, мэм? Раз уж началась такая суета...

– Нет-нет, – торопливо ответила я. Вряд ли здесь помогут Арчи Хэйз и толпа солдат, в таких делах лучше обходиться без вмешательства властей. – Не волнуйтесь, ничего страшного. Небольшая размолвка, вот и все. Мистер Фрейзер справится сам.

Не переставая говорить, я пробиралась вокруг костра к своим медицинским запасам, спрятанным от дождя под парусиной. Приподняла край и вытащила на свет набор для оказания первой помощи.

– Лиззи, угости-ка рядового Огилви клубничным вареньем. И предложи мистеру Макленнану мед – подсластить кофе. Мистер Макленнан, надеюсь, вы не обидитесь, если я вас ненадолго покину... Мне нужно отлучиться... кхм...

Сверкнув глуповатой улыбкой, я нырнула в заросли остролиста, и ветки с треском сомкнулись за моей спиной. Через несколько шагов пришлось остановиться, чтобы сообразить, куда направились Джейми с Майерсом. Ветер донес слабый звон колокольчиков; я развернулась на звук и бросилась бежать.

* * *

Пробираться через подлесок – непростая задача. Я догнала Джейми и Майерса у поля для состязаний, взмокая и запыхавшаяся от пробежки. Там как раз начал собираться народ, но воплей одобрения или разочарования пока не было слышно. Несколько видных молодцев – «силачи» из разных поселений – уже разделись до пояса и прохаживались туда-сюда, размахивая руками, чтобы разогреть мышцы.

Снова начал моросить дождь; капли влаги блестели на могучих плечах, завитки темных волос на груди и руках липли к коже, но мне было некогда глазеть на представление. Джон Куинси ловко пробирався сквозь толпу зрителей, радушно приветствуя знакомых направо и налево. На противоположной стороне поля от людской массы отделился невысокий мужчина и побежал к нам навстречу.

– Макдью! Хорошо, что пришел!

– Да брось, братец, – отмахнулся Джейми. – Что случилось-то?

Вид у Макгилливрея был загнанный; он окинул взглядом силачей и их болельщиков, потом кивнул в сторону деревьев. Мы поспешили следом. Никто не обратил внимания на нашу маленькую процессию: зеваки собирались вокруг двух обмотанных веревками валунов – видимо, именно с их помощью состязающиеся должны были продемонстрировать свою недюжинную силу.

– Так что там с твоим сыном, Роб? – спросил Джейми, уворачиваясь от мокрой сосновой ветки.

– Уже ничего, – ответил Робби.

После этого мрачного заявления Джейми огладил рукоять пистолета, а моя рука машинально потянулась к узелку с лекарствами.

– Он ранен? – спросила я.

– Не он, – загадочно откликнулся Макгилливрей и, пригнувшись, проскользнул под листьями низко склонившегося каштана, покрытого красным выюнком.

Завеса выюнка скрывала небольшую площадку – такую маленькую, что и поляной не назовешь, – поросшую сухой травой и редкими молодыми сосенками. Мы с Фергусом шагнули туда вслед за Джейми и тут же столкнулись лицом к лицу с рослой женщиной в домотканом платье. В одной руке она сжимала сухую корягу, решительно готовясь к драке, однако при виде Макгилливрея слегка расслабилась.

– Wer ist das? – спросила она, разглядывая нас с нескрываемым подозрением. Когда из-под выюнка вынырнул Джон Куинси, женщина наконец опустила свою дубинку и ее красивое суровое лицо посветлело.

– Ха, Майерс! Ты звать мне den Джейми? – Она с любопытством покосилась на меня, но тут же снова перевела взгляд на Джейми и Фергуса.

– Да, родная, это Джейми Рой... то есть Джеймс Макдью, – торопливо ответил Макгилливрей и почтительно коснулся его рукава, будто появление Джейми было его заслугой. – Макдью, это моя жена Уте. А это сын Макдью, – добавил он, неопределенно махнув в сторону Фергуса.

Уте Макгилливрей напоминала упитанную валькирию, высокую,

светловолосую и очень сильную.

– К вашим услугам, мэм, – ответил Джейми с поклоном.

– Madame, – эхом откликнулся Фергус.

Миссис Макгилливрей присела в глубоком реверансе, не отводя глаз от кровавых пятен, покрывавших плащ Джейми... точнее, плащ Роджера.

– Mein Herr, – пораженно пробормотала она. Затем обернулась и поманила к нам паренька семнадцати или восемнадцати лет, который все это время прятался неподалеку. У юноши были темные волосы, и он как две капли воды походил на своего низкорослого жилистого отца.

– Манфред, – гордо объявила Уте. – Mein мальтшик.

Джейми склонил голову в сдержанном приветствии.

– Мистер Макгилливрей.

– Э-э... Мое почтение, сэр? – В голосе паренька мелькнула неуверенность, но руку для пожатия он все-таки протянул.

– Приятно познакомиться, сэр. – Покончив с любезностями, Джейми осмотрелся и вопросительно приподнял бровь. – Мне сказали, что вам докучает охотник за головами. Насколько я понимаю, эта досадная неприятность устранена?

Он перевел взгляд с Макгилливрея-младшего на Макгилливрея-старшего.

Семейство смущенно переглянулось. Робин Макгилливрей прочистил горло.

– Не то чтобы устранена, Макдью. Так сказать... – Фраза осталась незаконченной, и на лице Робина вновь мелькнуло загнанное выражение.

Миссис Макгилливрей строго посмотрела на мужа и развернулась к Джейми.

– Не переживать! – сообщила она. – Ich haf убирать den мелкий дрянь! Совсем убирать! Но мы не знать, как спрятать den Korpus?

– Спрятать... тело? – переспросила я слабым голосом.

От такого заявления даже Джейми слегка встревожился.

– Роб, ты что, убил его?

– Кто, я?! – ошарашенно воскликнул Макгилливрей. – Бог ты мой, Макдью, да за кого ты меня принимаешь?

Джейми снова приподнял бровь: судя по всему, его предположение было не таким уж безосновательным. Макгилливрей смутился и забормотал:

– Всякое бывало, не спорю... Но Макдью! После Ардсмур много лет прошло, дело старое, позабытое. Зачем его ворошить?

– Незачем, – согласился Джейми. – Так что случилось с тем малым,

который вам докучал? Где он?

Позади раздался сдавленный смешок. Я резко обернулась и увидела остальных членов семьи Макгилливрея, до сего момента хранивших молчание: три девочки сидели рядом на бревне, спрятавшись за порослью из молодых сосен; на всех трех – сияющие чистотой чепцы и фартучки, слегка поникшие от дождя.

– Meine дотшки, – объявила миссис Макгилливрей, махнув рукой в их сторону. Она могла не утруждать себя пояснениями: девочки, как одна, точь-в-точь походили на мать. – Хильда, Инга und Сенга.

Фергус поклонился всей троице.

– Enchante, Mesdemoiselles.

Девочки захихикали и закивали в ответ, но, как ни странно, так и не поднялись с места. И тут я заметила, как под юбкой у самой старшей что-то шевелится: подол покачнулся, раздалось придушенное мычание. Ни на мгновение не переставая улыбаться, Хильда с размаху ударила пяткой по источнику странных звуков.

Из-под юбки снова донеслось мычание – на этот раз гораздо громче, – так что Джейми вздрогнул и развернулся.

С широкой улыбкой Хильда аккуратно приподняла край юбки, открывая нашим взорам лицо до смерти перепуганного человека, рот которого был накрепко завязан куском темной ткани.

– Вот он. – Робби, как и его жена, был склонен озвучивать очевидные вещи.

– Ясно. – Пальцы Джейми дрогнули на поясе килта. – Кхм, может, вытащим его оттуда?

Робби сделал знак девочкам, и они дружно поднялись с места. У бревна лежал маленький тощий мужчина, связанный по рукам и ногам разномастными женскими чулками; вместо кляпа в дело пошел чей-то платок. Вид у пленника был мокрый, грязный и изрядно потрепанный.

Майерс ухватил его за шиворот и поставил на ноги.

– Да тут смотреть не на что, – заметил великан прищурившись, будто оценивал плохонькую бобровую шкуру. – Видать, охота за головами – дело не шибко прибыльное.

Пленник действительно выглядел худым, оборванным и полумертвым от страха. Уте презрительно фыркнула и с любезной улыбкой повернулась к Джейми.

– Вот, mein Herr. Как лутше его убивать?

Охотник за головами выпучил глаза и попытался вывернуться из хватки Майерса. Джейми смерил его взглядом, задумчиво провел пальцем

по губам, затем покосился на Робби – тот лишь пожал плечами в ответ и смущенно посмотрел на жену.

Джейми откашлялся:

– Кхм. Возможно, у вас есть конкретные предложения, мэ́м?

Уте явно обрадовалась его поддержке и тут же вытащила из-за пояса длинный кинжал.

– Я хотеть зарезать, wie ein Schwein, ja? Но нехорошо...

Она легонько ткнула пленника кинжалом между ребер; он приглушенно взвизгнул, и на изношенной рубахе проступило небольшое алое пятно.

– Очень много Blut, – пояснила она с разочарованным вздохом. Махнула в сторону деревьев, за которыми уже всю разворачивались состязания силачей. – Die Leute шнюхат.

– Шнюхат? – Я бросила вопросительный взгляд в сторону Джейми, решив, что это какое-то странное немецкое выражение. Он кашлянул и провел ладонью под носом. Меня осенило. – А, почувствуют запах! Хм, да, вполне вероятно.

– Пожалуй, можно было бы его пристрелить, – задумчиво предложил Джейми, – да только шум привлечет внимание.

– Свернуть шею, и все, – объявил Робби Макгилливрей, разглядывая связанного охотника за головами. – Дело плевое.

– Думаете? – Фергус сосредоточенно прищурился. – Лучше уж ножом. Если ударить в правильном месте, крови много не будет. В почку, со спины под самыми ребрами...

Судя по придушенным звукам, доносившимся из-за кляпа, пленник категорически возражал против всех выдвинутых предложений. Джейми задумчиво потер подбородок.

– Да, легче легкого, – согласился он. – Или просто придушить. Впрочем, кишки у него все равно расслабятся. Вонять будет, даже если проломить черепушку... Скажи-ка, Робби, а как он здесь оказался?

Робби ответил недоуменным взглядом.

– Обосновались-то вы не здесь. – Джейми обвел рукой крохотную поляну. Следов костра не было видно: на этом берегу ручья вообще никто не разбивал лагерь. И все же здесь собралось все семейство Макгилливреев.

– А, вот ты о чем, – откликнулся Робби, и на его худощавом лице мелькнуло понимание. – Нет, устроились мы чутка подальше. А сюда пришли глянуть, как ребята камни тягают. – Он кивнул в сторону поля для состязаний. – Тут этот стервятник и налетел на нашего Фредди. Уже

повязать собрался.

Робби презрительно посмотрел на охотника за головами. Только теперь я заметила, что у того на поясе болталась свернутая кольцами веревка, а в двух шагах от нас на земле валялись железные кандалы, тронутые яркой ржавчиной.

– Он схватил брата, а мы схватили его, – вставила Хильда, – и затолкали в кусты, пока никто не увидел. Он сказал, что собирается сдать брата шерифу, тогда мы с сестрами его повалили, а мама хорошенько пнула пару раз.

Уте ласково похлопала дочь по широкому плечу.

– Meine дотшки! Хорошие Mädchen, сильные, – сказала она Джейми. – Мы хотим посмотреть hier die Wettkämpfer и, может, выбрать мужа для Инга или Сенга. Для Хильда муж уже есть, – добавила она с удовлетворенным вздохом.

Потом осмотрела Джейми с ног до головы, оценивая высокий рост, широкие плечи и пышущее здоровьем лицо.

– Хороший у вас Mann, большой, – одобрительно заметила Уте в мой адрес. – Вы иметь сыновья?

– К сожалению, нет, – ответила я. Взгляд Уте скользнул в сторону Фергуса, и я торопливо добавила: – Кхм... Фергус женат на дочке моего мужа.

Охотник за головами почувствовал, что беседа постепенно переходит на посторонние темы, и возмущенно замычал, привлекая внимание к своей персоне. Побледневшее во время кровожадных рассуждений лицо вновь залилось яркой краской, волосы прилипли ко лбу тонкими прядками.

– Ах да, – спохватился Джейми. – Возможно, стоит дать слово этому джентльмену?

Робби прищурился и неохотно кивнул. Состязания были в самом разгаре, и со стороны поля доносился такой гвалт, что вопли пленника в любом случае остались бы незаметными.

– Не позволяйте им убить меня, сэр! Я не сделал ничего дурного! – хрипло крикнул охотник за головами, едва с него сняли кляп. – Преступника нужно предать суду, я просто выполнял свой долг!

– Ха! – хором сказала семейство Макгилливреев. Этот единокдушный порыв тут же превратился в поток возмущенных восклицаний и гневных выкриков, а на икры многострадального джентльмена посыпался град пинков со стороны Инги и Сенги.

– А ну прекратите! – Джейми слегка повысил голос, чтобы перекрыть всеобщий галдеж. Не добившись желаемого результата, он ухватил

Макгилливрея-младшего за шиворот и что есть мочи заорал: «Ruhe!» От неожиданности все на мгновение примолкли, с виноватым видом оглядываясь в сторону поля для соревнований.

– Так, послушайте! – решительно сказал Джейми. – Майерс, будь добр, не отпускай джентльмена. Роб, Фергус, пойдете со мной. Bitte, мадам?

Он поклонился миссис Макгилливрей. Та сначала недоуменно моргнула, потом медленно кивнула в ответ. Джейми повернулся ко мне, выразительно закатил глаза и, по-прежнему удерживая Манфреда за шиворот, повел все мужскую компанию на берег ручья. Я осталась присматривать за женской частью семейства.

– Ваш Манн... он спасать мой сын? – встревоженно нахмурилась Уте.

– Постарается. – Я перевела взгляд на девочек, которые сбились в кучу у матери за спиной. – Ваш брат действительно был в Хиллсборо?

Девочки переглянулись, решая, кто будет мне отвечать.

– Да, он там был, – с вызовом сказала Инга. – Но не с бунтарями! Просто поехал в город, чтобы починить сбрую, а потом случайно затесался в толпу.

Хильда с Сенгой снова переглянулись, и стало ясно, что это далеко не вся история. Но, слава богу, судить тут не мне.

Миссис Макгилливрей не сводила глаз с мужчин, сгрудившихся неподалеку. Охотника за головами освободили от пут, оставив связанными только руки, и он привалился спиной к дереву, как загнанная в угол крыса с обнаженными от злости клыками. Над ним нависали Джейми и Майерс, а Фергус стоял рядом, сосредоточенно нахмурившись и подперев подбородок своим крюком. Роб Макгилливрей вытащил нож и принялся неторопливо обстругивать сосновую ветку; взгляды, которые он бросал на пленника, не предвещали ничего хорошего.

– Джейми обязательно... э-э... что-нибудь придумает, – сказала я, про себя надеясь, что ему удастся обойтись без насилия. В голову лезли нехорошие мысли: наверное, тщедушный охотник за головами прекрасно поместится в пустом коробе из-под съестных припасов.

– Gut! – Уте Макгилливрей медленно кивнула, наблюдая за переговорами. – Лучше я его не убивать. – Она неожиданно взглянула на меня в упор яркими голубыми глазами. – Но я могу, если придется.

У меня не было в этом сомнений.

– Ясно, – осторожно начала я. – Однако же... я прошу прощения за бестактный вопрос... неужели вы не могли объяснить шерифу все как на духу?

Девочки посмотрели друг на друга. На этот раз мне ответила Хильда:

– Nein, мэм. Одно дело, если бы охотник за головами налетел на нас в лагере. Там мы бы справились. А здесь...

Она округлила глаза и кивнула в сторону поля для соревнований, откуда как раз донесся приглушенный удар и радостный рев толпы, – кажется, кто-то умудрился-таки поднять камень.

Судя по всему, дело было в женихе Хильды, некоем Дейви Моррисоне из Хантерс-Пойнт. Мистер Моррисон был зажиточным фермером, уважаемым гражданином и силачом, полностью овладевшим искусством метания камней и бревен. Семейство у него тоже было внушительное: родители, дядюшки, тетушки, кузены – люди крайне добропорядочные и, насколько я поняла, весьма суровые в своих суждениях.

Если бы охотник за головами схватил Манфреда на глазах у почтенной публики, то слухи непременно дошли бы до родни Дейви Моррисона и помолвка Хильды оказалась бы под угрозой из-за скандала. Такая перспектива пугала Уте Макгилливрей куда сильнее, чем необходимость перерезать горло охотнику за головами.

– Плохо, если я его убивать, а кто-то это видеть, – искренне сказала она, махнув в сторону деревьев, отделявших нас от поля для состязаний. – Die Моррисоны будут сердиться.

– Вполне вероятно, – пробормотала я. Интересно, Дейви Моррисон понимал, во что ввязывается? – Но вы...

– Я находить мужья для meine дотшки! – решительно сказала Уте, несколько раз кивнув для пущей убедительности. – Хорошие мужья, mit земля и богатство! – Она крепко обняла Сенгу за плечи. – Nicht wahr, Liebchen?

– Ja, мама, – ответила Сенга и положила голову на широкую грудь миссис Макгилливрей.

Тем временем в мужской компании наметились перемены: охотнику за головами развязали руки, и он потирал запястья, прислушиваясь к словам Джейми, – настороженно, но без прежней злости. Потом он взглянул на нас и повернулся к Робину Макгилливрею, который тоже что-то настойчиво ему втолковывал. На щеках у пленника заиграли желваки, будто он пережевывал очень сложную мысль.

– Значит, вы приехали сюда, чтобы посмотреть состязания и поискать подходящих кандидатов? Понятно.

Джейми вытащил из своего споррана какую-то вещицу и сунул ее под нос охотнику за головами. С такого расстояния было невозможно разглядеть, что он держал в руке, однако настороженность на лице пленника сменилась испугом и отвращением.

– Ja, только посмотреть. – Миссис Макгилливрей ласково похлопала Сенгу по плечу и разжала объятия. – Теперь мы ехать в Салем, к meine Familie. Может быть, находить там хороший муж!

Майерс отошел в сторонку и заметно расслабился, потеряв всякий интерес к разговору. Сунул палец под набедренную повязку, неторопливо почесал зад и принялся глазеть по сторонам. Заметив мой взгляд, он вразвалочку направился к нам через молодую поросль.

– Не беспокойтесь, мэм, – сказал он миссис Макгилливрей. – Джейми Рой все уладил, вашему мальцу ничего не грозит.

– Ja?

Уте с сомнением покосилась на мужчин. Кажется, они и вправду сумели договориться: напряжение уже не витало в воздухе, и Джейми вернул охотнику за головами отобранные у него кандалы. На мгновение на лице Джейми мелькнула нескрываемая брезгливость – в Ардсмурской тюрьме ему пришлось испытать на себе всю тяжесть железных оков.

– Gott sei dank, – судорожно выдохнула миссис Макгилливрей. Со стороны могло показаться, что ее внушительная фигура обмякла и резко уменьшилась в размере.

Тщедушный охотник за головами развернулся и пошел прочь, в сторону ручья. Кандалы, висящие у него на поясе, позвякивали при каждом шаге, и этот звук долетал до нас даже сквозь крики возбужденной толпы. Джейми разговаривал с Робом Макгилливреем, а Фергус, слегка нахмурившись, провожал взглядом уходящего пленника.

– И как же Джейми его убедил? – спросила я Майерса.

– Проще простого, мэм. – Великан сверкнул щербатой улыбкой. – Джейми Рой растолковал этому парню – а зовут его Бобл, к слову сказать, Харли Бобл, – что ему страшно повезло. Не наткнись мы на вас, эта леди, – он поклонился Уте, – наверняка отвезла бы его к себе домой и разделала бы там, как свинью. Тихо-мирно, без лишнего шума.

Майерс потер кулаком нос и фыркнул себе в бороду.

– Бобл сначала заявил, что это все враки и она просто старалась его припугнуть. Но Джейми Рой наклонился к нему и сказал эдак ласково, будто бы по секрету: мол, он бы тоже так решил, но фрау Макгилливрей славится своими знатными колбасками, и Джейми уже довелось отведать их на завтрак. Тут-то Бобл и позеленел. А уж когда Джейми вытащил из своего споррана кусок колбаски...

– Бог ты мой, – с содроганием сказала я. Пахли те колбаски незабываемо. Я купила их у одного горца, а вечером обнаружила, что они совершенно несъедобны. Стоило надрезать оболочку, как в нос ударяла

резкая вонь загнившей крови, отбивавшая аппетит даже у самых неприязнительных едоков. После ужина Джейми завернул колбаску в платок и сложил в сумку с твердым намерением найти того горца и выбить из него деньги – или засунуть колбаску ему в глотку, чтоб неповадно было.

– Ясно.

Майерс кивнул и повернулся к Уте.

– А ваш муж, мэм, – прирожденный враль, благослови его боже! – со всей серьезностью поддакивал его словам и говорил, как трудно ему добывать дичь для своей мастерицы-жены.

Девочки захихикали.

– Папа не любит охотиться, – тихонько сказала мне Инга. – Он даже цыпленку шею свернуть не способен.

Майерс добродушно пожал плечами, глядя, как Джейми и Роб идут к нам по мокрой траве.

– Тогда Джейми дал Боблу слово джентльмена и поклялся защищать его от вас. И Бобл тоже дал слово дж... в общем, пообещал, что не тронет Манфреда.

– Хм, – сконфуженно откликнулась Уте. Она вовсе не возражала против репутации жестокой убийцы и радовалась спасению сына, но никак не могла смириться с тем, что посторонний человек оскорбительно отозвался о ее колбасках.

– Я бы ни за что не приготовить такая дрянь! – сказала она и презрительно сморщила нос, когда Джейми протянул ей платок со зловонным куском мяса. – Фу! Ratzfleisch.

Она брезгливо отмахнулась от колбаски, повернулась к мужу и тихонько сказала что-то по-немецки. Потом глубоко вздохнула, снова выпрямилась в полный рост и принялась собирать детей вокруг себя, словно курица цыплят, требуя, чтобы они как следует поблагодарили Джейми. Он слегка покраснел от потока радостных восклицаний и поклонился.

– Gern geschehen, – сказал Джейми. – Euer ergebener Diener, Frau Ute.

Она одарила его широкой улыбкой, и Джейми повернулся, чтобы попрощаться с Робом.

– Такой большой, хороший Mann, – пробормотала Уте, осматривая его с ног до головы. Потом перехватила взгляд, который я бросила в сторону Роба. Точеные черты лица, коротко стриженные темные кудри – оружейник был недурен собой, но отличался довольно хрупким телосложением и смахивал на воробушка. Ростом он был на несколько дюймов ниже Уте, и его макушка находилась где-то на уровне ее могучего плеча. Я волей-

неволей задумалась: как же так, ведь миссис Макгилливрей явно питала слабость к высоким мужчинам...

– Ох, – вздохнула Уте и пожала плечами. – Лубофф, вы знаете.

Любовь, по мнению Уте Макгилливрей, была чем-то не очень желанным, но неизбежным.

Я посмотрела на Джейми, который тщательно заворачивал колбаску в платок, прежде чем спрятать ее в спорран.

– Да, – ответила я. – Знаю.

* * *

К тому времени, как мы вернулись в свой лагерь, Чишолмы уже собрались уходить, от души накормленные нашими девочками. К счастью, еды Джейми принес много, и меня ждал вкусный завтрак из картофельных оладий, лепешек с маслом, жареной ветчины и – наконец-то! – кофе. Устроившись у костра, я задумалась, какие еще сюрпризы преподнесет нам сегодняшний день. Благо времени оставалось предостаточно – солнце, почти не видимое за пеленой облаков, едва поднялось над деревьями.

Через некоторое время, покончив с завтраком и захватив с собой третью чашку кофе, я отправилась к своим медицинским припасам, сваленным в кучу под куском парусины. Настала пора готовиться к утреннему приему пациентов: перебирать флаконы с хирургическими нитками, проверять, не опустели ли банки с травами, наливать спирт в большую бутылку и варить свежие лекарства.

Запасы самых распространенных трав слегка оскудели, но я умудрилась разжиться всяческими редкостями благодаря любезному содействию Майерса, который снабдил меня диковинками из северных индейских деревень, и продуманному обмену с Мюрреем Маклаудом, предприимчивым молодым аптекарем, открывшим магазинчик в Кросс-Крике.

Я прикусила щеку, раздумывая о Мюррее. Этот молодой наглец был приверженцем дикарских методик, считавшихся здесь вершиной медицинского искусства, и не стеснялся громогласно заявлять о преимуществах кровопускания и нарывных пластырей по сравнению с травяными припарками, которыми пользовались только древние невежественные старухи вроде меня!

Но в его жилах текла шотландская кровь, а значит, он, как и всякий горец, отличался здоровым прагматизмом. Бросив короткий взгляд на

внушительную фигуру Джейми, Мюррей прикусил язык и воздержался от дальнейших оскорблений в мой адрес. Ему нужно было заполучить шесть унций полыни и банку с корнем дикого имбиря из моих запасов. Вдобавок этот наблюдательный проныра успел заметить, что горцы чаще обращаются за помощью ко мне, а не к нему – и что большинство моих пациентов быстро идет на поправку. Мюррею не терпелось узнать мои секреты, и я была готова их рассказать.

Так, отлично, ивовый коры достаточно. Я в нерешительности замерла над бутылочками, стоявшими в верхнем правом отделении сундука. В нем было припрятано несколько сильных месячных средств: голубой кохош, спорынья, болотная мята, – однако я выбрала более мягкие травы: пижму и руту. Кинула пригоршню в миску и залила кипящей водой, чтобы настоялись. Пижма использовалась не только для облегчения менструации, но и для успокоения нервов – как раз то, что нужно для трепетной Лиззи Уэмисс.

Я бросила взгляд в сторону костра, где Лиззи старательно кормила рядового Огилви клубничным вареньем. Тот пытался уделять равное внимание Лиззи, Джейми и куску поджаренного хлеба. Хлеб явно побеждал.

Рута к тому же отлично помогала от глистов. Я не знала наверняка, страдает ли Лиззи от этой напасти, но среди горцев такое случалось часто. Вреда не будет.

Украдкой взглянув на Авеля Макленнана, я задумалась, не плеснуть ли адского снадобья ему в кофе. Несмотря на мощную коренастую фигуру, у бедняги был анемичный вид человека, страдающего от кишечных паразитов. С другой стороны, тревожная бледность могла быть вызвана непосредственной близостью охотников за головами.

Малышка Джоан опять начала плакать от голода. Марсали села, сунула руку под арисэд, расстегнула лиф платья и приложила дочку к груди. Я заметила, как она испуганно прикусила губу, дернулась от боли, а потом слегка расслабилась, когда молоко наконец пошло.

Трещины на сосках. Нахмурившись, я снова повернулась к своему сундуку со снадобьями. Есть ли у меня мазь из овечьей шерсти? Черт, не взяла. Марсали кормила Джоан, и использовать медвежий жир не хотелось, может быть, подсолнечное масло...

– Хотите кофе, милая? – Мистер Макленнан, наблюдавший за Марсали с глубоким сочувствием, протянул ей свою чашку. – Моя жена пила горячий кофе, когда кормила малыша. Говорила, помогает от боли. А если добавить капельку виски, то станет совсем хорошо! – Он слегка улыбнулся.

– Taing! – Марсали с благодарностью взяла у него чашку. – Я сегодня промерзла до самых костей.

Она осторожно отхлебнула дымящейся жидкости, и ее щеки слегка порозовели.

– Возвращаетесь завтра в Дранкард-Крик, мистер Макленнан? – вежливо поинтересовалась Марсали, отдавая ему пустую чашку. – Или поедете в Нью-Берн с мистером Хобсоном?

Джейми резко повернулся к ним, оборвав разговор с рядовым Огилви.

– Хобсон собирается в Нью-Берн? Откуда ты знаешь?

– От миссис Фаулз, – мгновенно откликнулась Марсали. – Я ходила к ней за сухой рубашкой для Жермена, у нее такой же малыш... Миссис Фаулз переживает за Хью – это ее муж, – потому что ее отец, мистер Хобсон, желает, чтобы Хью поехал в Нью-Берн вместе с ним. А Хью боится.

– Зачем Джо Хобсон собрался в Нью-Берн? – спросила я, выглядывая из-за сундука с лекарствами.

– Хочет подать петицию губернатору, – ответил Авель Макленнан. – Будто это чем-то поможет. – Он грустно улыбнулся Марсали. – Нет, деточка. По чести сказать, не знаю еще, куда завтра подамся. Но точно не в Нью-Берн.

– И не в Дранкард-Крик? А как же ваша жена? – Марсали наградила его встревоженным взглядом.

– Умерла моя жена, деточка, – тихонько сказал Макленнан. Разложил красный платок на коленке, расправил складки. – Два месяца тому назад.

– Ох, мистер Авель! – Марсали подалась к нему и взяла за руку. В ее голубых глазах плескалась боль. – Соболезную.

Он похлопал девушку по ладони, не поднимая головы. В редкой клочковатой шевелюре поблескивали капли дождя, тонкая струйка воды скатилась прямо за оттопыренное красное ухо, но Макленнан даже не пошевелился.

Во время разговора с Марсали Джейми поднялся. Услышав страшные вести, он сел рядом с Макленнаном и положил руку ему на спину.

– Я и не знал, старина.

– Я... – Макленнан смотрел в огонь невидящими глазами. – Я никому и не рассказывал. Только вот сейчас...

Мы с Джейми переглянулись. На берегу ручья в Дранкард-Крике обосновалось не больше двух десятков человек. И все же ни Хобсоны, ни Фаулзы не упоминали о горе, постигшем Авеля... Значит, он действительно никому ничего не сказал.

– Что с ней произошло, мистер Авель? – Марсали по-прежнему стискивала его руку, безвольно лежавшую на красном платке.

Макленнан наконец поднял глаза.

– Много всего произошло... – ответил он. – Но ничего такого... Абби – Абигайл, моя жена, – умерла от лихорадки. Простыла... и умерла. – Голос у него был слегка удивленный.

Джейми забрал из рук Макленнана чашку, плеснул туда виски и снова вложил чашку в его ладонь, с силой сжимая чужие пальцы.

– Выпей-ка, – сказал он.

Все молчали, глядя, как Макленнан послушно глотает виски – раз, другой, третий. Рядовой Огилви, которому пришла пора возвращаться в полк, заерзал на валуне, но так и не встал – будто опасался, что его внезапный уход каким-то непостижимым образом растревожит рану Макленнана еще сильнее.

Молчаливая неподвижность Макленнана притягивала к себе взгляды. Все разговоры прекратились. Я замерла, подняв руку над сундуком, но лекарства от его несчастья у меня не было.

– Мне бы хватило, – внезапно сказал он. – Правда, хватило бы. – Он обвел взглядом всех сидящих вокруг костра, словно бросая вызов. – На налоги. Год был не шибко удачный, но я откладывал. Десять бушелей кукурузы, четыре добрых оленьих шкуры. Это больше, чем шесть шиллингов для налога.

Но налоги нужно платить деньгами; не кукурузой, не шкурами, не краской индиго, которые были в ходу среди фермеров. «Предложить товар в обмен за товар – обычное дело в здешних поселениях. Кому об этом знать, как не мне», – подумала я и посмотрела на мешок с подношениями, полученными от пациентов в обмен за лекарственные травы. Никто ни за что не платил деньгами. Налоги составляли исключение.

– Я не спорю, все правильно, – сказал Макленнан, глядя прямо на рядового Огилви, словно мальчик пытался ему возразить. – Что его величество будет делать со стадом свиней или парочкой индюшек? Нет, королю нужны деньги, дураку ясно. У меня была кукуруза, как раз на шесть шиллингов.

Чтобы заплатить шесть шиллингов налога, кукурузу сначала нужно продать. В Дранкард-Крике наверняка нашлись бы покупатели, но у них, как и у самого Авеля, не было денег. Нет, за звонкой монетой пришлось бы ехать на рынок, а ближайший из них располагался в Салеме. Почти сорок миль пути, меньше чем за неделю не обернешься.

– У меня оставалось пять акров позднего ячменя, – пояснил Авель. –

Зрелого, желтого – бери и коси. Если оставить, пропадет. А моя Абби – она маленькая была, хрупкая. Не могла косить ячмень и зерно вымолачивать.

Урожай не стал бы ждать целую неделю, и Авель пошел за помощью к соседям.

– Они хорошие люди, – уверял он. – Дали пару пенсов... им ведь самим налог платить надо.

Авель до последнего надеялся, что ему как-нибудь удастся наскрести денег... а потом стало слишком поздно.

– Наш шериф, Говард Треверс, – сказал Макленнан и утер каплю, повисшую на кончике носа, – пришел с официальной бумагой. Сказал, что должен нас выселить за неуплату налога.

Столкнувшись с неизбежностью, Авель покинул жену и спешно отправился в Салем, чтобы добыть злосчастные шесть шиллингов. Но к моменту его возвращения на хижину успели наложить арест и продать ее – тестю Говарда Треверса. В доме жили посторонние люди, Абигайл исчезла без следа.

– Я знал, что она не уйдет далеко. Не оставит детишек.

Авель нашел жену, укутанную в тонкое истрепанное одеяло, под огромной елью на вершине холма, где были похоронены все четверо детей Макленнана – ни один из малышей не прожил дольше года. Несмотря на отчаянные мольбы мужа, Абигайл наотрез отказалась возвращаться к хижине и просить помощи у людей, выгнавших их из дома. Что было тому виной – лихорадочный бред, сжигавший ее, или чистое упрямство – Авель не знал. Абигайл цеплялась за ветки деревьев с безумной силой, выкрикивая имена детей. Той же ночью она умерла.

Чашка опустела, и Макленнан осторожно поставил ее на землю. Джейми приглашающе махнул рукой в сторону бутылки виски, но жест остался незамеченным.

– Ей разрешили забрать с собой все, что она могла унести, и Абби взяла сверток с погребальной одеждой. Я помню, как на следующий день после свадьбы она села ткать себе саван. Вышила крохотные цветочки вдоль нижнего края... Моя Абби была мастерицей хоть куда.

Макленнан завернул жену в расшитый саван, похоронил рядом с младшим из их детей и побрел к Хобсонам, чтобы рассказать о своем горе.

– Пришел, а там все семейство гудит как растревоженный улей. Треверс наведася в гости к Хью Фаулзу – тоже за налогом. Денег у них не было. Шериф ухмыльнулся по-обезьяньи: мол, ему все равно, кого выселять. И через десять дней опять явился с бумагами и тремя молодчиками.

Хобсон успел наскрести шесть шиллингов для налога, так что Фаулзы нашли приют в его тесной хижине, но Джо едва не сошел с ума от бешенства, узнав, что с его зятем так обошлись.

– Страсть как взъярился, не мог успокоиться. Жанет пригласила меня в дом, усадила за стол, а Джо все грозил, что Говард Треверс заплатит за эту землю собственной шкурой. Хью сидел в углу словно побитая собака, его жена причитала, детишки визжали на все лады, как голодные поросята. Я хотел им рассказать, да только...

Он сконфуженно покачал головой.

Сидя у печки, всеми покинутый и позабытый, Авель погрузился в странное оцепенение: усталость накатывала с такой силой, что голова сама опускалась на грудь и его неумолимо клонило в сон. Макленнан пригрелся, и все происходящее вдруг показалось ему мороком, смутной грезой. И если тесная, душная хижина Хобсонов привиделась ему в лихорадочном бреду, значит, свежая могила под высокой елью тоже была плодом его воображения.

Спал Макленнан прямо под столом; проснулся до зари, но странное ощущение никуда не делось. Все вокруг погрузилось в туман. Авель Макленнан исчез, осталась пустая оболочка: он механически встал, умылся, поел, что-то говорил и кивал в ответ на вопросы. Внешний мир перестал существовать. А когда Джо Хобсон поднялся и объявил, что они с Хью отправятся в Хиллсборо требовать возмещения у судьи, Авель Макленнан пошел вместе с ними, по-прежнему как во сне. Говорил и кивал, если с ним говорили, но воли к жизни у него было не больше, чем у покойника.

– По дороге в Хиллсборо я вдруг понял: мы все мертвецы. И я, и Джо, и Хью, и все остальные. Какая разница, куда идти. Лишь бы шагать. А там, глядишь, придет пора сложить косточки рядом с Абби.

В Хиллсборо Макленнан не стал вникать в планы Джо; просто шел за ним по пятам, послушно и бездумно. Брел по грязным улицам, покрытым битыми стеклами, смотрел на факелы и беснующуюся толпу, слушал надсадные крики – будто сторонний зритель.

– Мертвецы кругом, одни мертвецы, только кости гремят, – сказал он, пожав плечами. Замер на мгновение, потом повернулся к Джейми и посмотрел ему в лицо долгим внимательным взглядом. – Так ведь? Ты тоже мертвец?

Безвольная мозолистая ладонь поднялась с красного платка и легонько коснулась скулы Джейми.

Тот не отпрянул, осторожно взял его руку и крепко сжал.

– Нет, дружище, – тихо ответил Джейми, – пока нет.

Макленнан медленно кивнул.

– Ясно. Дай только время.

Он высвободил руку и вновь принялся расправлять платок.

Голова Макленнана мелко покачивалась, будто у куклы с растянутой пружиной вместо шеи.

– Дай только время, – повторил он. – Все наладится.

Потом встал, повязал красный платок на голову и повернулся ко мне. Взгляд у него был рассеянный и тревожный.

– Благодарю за завтрак, мэм, – сказал он, учтиво кивнув на прощание.

Глава 3. Избыток желчи

После ухода Макленнана все разбрелись по своим делам. Рядовой Огилви отправился к своим товарищам, поблагодарив нас за угощение, Джейми и Фергус пошли искать косы и астролябии, а Лиззи, слегка поникшая в отсутствие рядового Огилви, объявила, что ей нехорошо, и укрылась под навесом с чашкой заваренных трав.

К счастью, к этому времени в лагере появилась Брианна – одна, без Джемми. Они с Роджером позавтракали у Иокасты, и Джемми уснул на руках у хозяйки лагеря. А поскольку Иокаста явно не возражала против такого положения дел, Брианна оставила сына с ней и пришла помогать мне с утренним приемом пациентов.

– Бри, ты уверена? – Я с сомнением покосилась на дочь. – В конце концов, вечером у тебя свадьба. Лиззи или миссис Мартин могли бы...

– Не волнуйся, справлюсь, – ответила она, протирая высокую скамью, которую я использовала при осмотре больных. – Лиззи стало лучше, но ей пока рано возиться с нарывами и вспученными животами.

Она передернула плечами и зажмурилась, вспомнив пожилого джентльмена с язвой на пятке, которого я осматривала накануне. От боли беднягу обильно стошнило прямо на изодранные бриджи, и у остальных пациентов, ожидающих своей очереди, тоже сработал рвотный рефлекс – видимо, из солидарности.

Даже сейчас воспоминание вызывало у меня легкую дурноту.

– Да, это уж точно, – неохотно согласилась я. – Но ведь твой наряд еще не закончен. Разве не надо...

– Все в порядке, мам, – сказала Бри. – Федра подшивает подол, а Улисс гоняет слуг, как сержант новобранцев. Я только под ногами путаться буду.

Я сдалась без дальнейших возражений, хотя такой энтузиазм слегка меня удивил. Бри не гнушалась повседневной работы, спокойно свеживала дичь и чистила рыбу, однако я не раз замечала, как она напрягается при виде людей с сильным увечьем или жестоким недугом и изо всех сил старается это скрыть. Дело тут было не в брезгливости, а скорее в мучительном сострадании.

Я сняла чайник с огня и добавила кипятка в большую бутылку с дистиллированным спиртом, щурясь от горячих алкогольных паров.

Сердце обливалось кровью при мысли о том, сколько людей страдает от болезней, которые можно запросто вылечить в эпоху антисептиков,

антибиотиков и анестезии... Но работа в полевых госпиталях, где такие медицинские новшества были редкостью, научила меня отстраненности. Без этого качества в моей профессии не обойтись.

Если дать волю чувствам, не сможешь оказать помощь. А помогать людям – мой долг. Вот и все, никаких премудростей. Брианне еще только предстояло постичь эту науку.

Она закончила протирать разнообразные скамейки и коробки для утреннего приема пациентов и теперь стояла нахмурившись.

– Помнишь ту женщину, которая приходила вчера? С умственно отсталым мальчиком?

– Такое не забывается, – ответила я, стараясь сохранить легкомысленный тон. – А что? Ой, ты не могла бы помочь с этой штуковиной?

Я указала на переносной столик, который категорически не желал складываться, – дерево распухло от влаги.

Брианна свела брови, внимательно осмотрела его и резко ударила по ножке ребром ладони. Столик тут же сложился, сдаваясь под напором превосходящей силы.

– Готово!

Брианна рассеянно потерла руку, по-прежнему хмурясь.

– Ты несколько раз повторила, что ей нельзя больше заводить детей. Значит, это наследственное?

– Можно и так сказать, – сухо откликнулась я. – Врожденный сифилис.

Брианна ошарашенно уставилась на меня.

– Сифилис? Точно?

Я кивнула и принялась сворачивать прокипяченные повязки.

– У матери пока нет выраженных признаков последней стадии, но по сыну все сразу видно.

Женщина пришла ко мне, чтобы вскрыть флюс. У малыша, цеплявшегося за ее юбку, был характерный седловидный нос с проваленной спинкой и недоразвитая нижняя челюсть; бедняга едва мог жевать и явно страдал от недоедания. Сильная отсталость в развитии могла быть вызвана повреждением мозга или глухотой – я заметила признаки и того и другого, однако тщательную проверку затевать не стала, понимая, что все равно не сумею помочь малютке. Посоветовала матери поить его бульоном, чтобы предотвратить истощение, но больше ничего не могла поделать, как ни крути.

– Здесь он встречается реже, чем в Париже и Эдинбурге. Там много проституток, – сказала я Бри, складывая повязки в подставленную сумку. –

Хотя иногда все равно попадается. А почему ты спрашиваешь? Подозреваешь, что у Роджера сифилис?

Брианна посмотрела на меня, открыв рот; через мгновение шок на ее лице сменился праведным гневом.

– Мам, да ты что! – воскликнула она. – Нет, конечно!

– Ну а откуда мне знать? – мягко ответила я. – Случается в лучших семьях. И ты сама завела этот разговор.

Брианна громко фыркнула.

– Я собиралась спросить про контрацепцию! – сказала она, стиснув зубы. – А ты начала читать лекцию про венерические заболевания.

– А-а, ясно. – Я задумчиво посмотрела на Бри, отметив засохшие пятна молока у нее на платье. – Как правило, грудное вскармливание позволяет избежать беременности. Полной гарантии нет, но обычно помогает неплохо. Особенно в первые полгода. Потом уже хуже.

Джемми как раз исполнилось шесть месяцев.

– Хм-м-м, – откликнулась она. Прозвучало это так похоже на Джейми, что я едва не расхохоталась. – А что еще может помочь?

Мы с Бри ни разу не обсуждали способы контрацепции в восемнадцатом веке. Я не сочла это важным, когда она только появилась в Фрейзер-Ридже... а потом Брианна забеременела и необходимость в таких разговорах отпала сама по себе. Теперь она сама решила поднять эту тему.

Я нахмурилась, медленно складывая чистые повязки и травы в сумку.

– Самый распространенный способ – какой-нибудь физический барьер. Кусочек шелка или губки, смоченный жидкостью: от уксуса до бренди... Но пижмовое и кедровое масло помогает лучше. Еще говорят, в Индии женщины используют половинку лимона; впрочем, у нас здесь не так-то просто найти лимон...

Бри рассмеялась.

– Да уж. Но от пижмового масла мало толка. Марсали его использовала, когда забеременела дочкой.

– А, она его все-таки использовала? Я думала, просто забыла разочек. А в таких делах одного раза бывает достаточно.

Я почувствовала, как Брианна застыла на месте, и прикусила губу от досады. Одного раза и вправду было достаточно – но мы до сих пор не знали, когда именно это произошло. Наконец Бри расправила плечи, отгоняя воспоминания, вызванные моими неосторожными словами.

– Говорит, что использовала. Хотя могла и забыть. И оно не всегда работает, так ведь?

Я повесила сумку с повязками и сушеными травами себе на плечо и

подхватила сундучок-аптечку за ремень, который смастерил Джейми.

– Единственное средство, которое никогда не дает осечек, – это целибат, – сказала я. – Но, полагаю, такой ответ тебя не удовлетворит.

Она покачала головой, задумчиво глядя сквозь листву на группу молодых людей, по очереди кидавших камни в ручей.

– Именно этого я и боялась, – сказала Бри и подхватила складной столик вместе с парой скамеек.

Я осмотрела поляну. Ничего не забыли? Костер можно оставить: даже если Лиззи уснет, пожар не разгорится в такую погоду – влага пропитала все вокруг, включая дрова, которые мы сложили под навес вчера вечером. Но чего-то не хватало... Ах да, точно! Я поставила сундучок на землю и полезла под навес. Разворошив сбитые в кучу пледы, вытащила на свет маленький кожаный мешочек с целительским амулетом.

Наскоро помолиться святой Бригитте, надеть мешочек на шею и сунуть его под ворот платья – я не приступала к врачебным делам без амулета и так привыкла к нему, что почти перестала стесняться своего маленького ритуала... Почти. Бри посмотрела на меня со странным выражением лица, но промолчала.

Я тоже ничего не сказала. Собрала все вещи и пошла следом за ней через поляну, осторожно перешагивая лужи. Дождь прекратился, но облака, цеплявшиеся за вершины деревьев, выглядели угрожающе, а от мокрого подлеска поднимались клочья тумана.

Почему Бри заговорила о контрацепции? Нет, разумеется, вопрос разумный, однако почему именно сейчас? Возможно, из-за грядущей свадьбы с Роджером. В последние несколько месяцев они жили как муж и жена, но, несмотря на это, мысль о клятвах, принесенных пред лицом Всевышнего и всех людей, могла отрезвить даже самых легкомысленных влюбленных. А Бри с Роджером легкомысленностью не отличались.

– Есть еще одно средство, – сказала я, глядя в затылок Брианне, шагавшей вперед по скользкой тропе. – Я его еще не опробовала, так что не ручаюсь за эффективность. Найавенна – старушка из племени тускарора, которая подарила мне амулет, – говорила, что знает «женские травы». Разные смеси подходят для разных целей, но есть одно особенное растение... Она сказала, что его семена не позволяют мужскому началу взять верх над женским.

Бри остановилась и обернулась ко мне.

– Индейцы так воспринимают беременность? – Она криво усмехнулась. – Как победу мужчины над женщиной?

– Вроде того. Если дух женщины слишком крепок или не желает

сдаваться мужчине, то она не сумеет зачать дитя. Поэтому шаманы обычно лечат не бесплодную жену, а ее мужа... или обоих сразу, а не только одну жену.

Брианна тихонько хмыкнула, будто такой подход показался ей отчасти забавным.

– И что это за женская трава? Ты ее знаешь?

– Не уверена. Точнее, не уверена насчет названия. Найавенна показала мне и само растение, и высушенные семена, так что я смогу его опознать. Но английского названия не припомню. – Подумав, я добавила: – Что-то из семейства зонтичных.

Бри наградила меня суровым взглядом – совсем как Джейми – и отступила на край тропинки, чтобы пропустить вереницу женщин из семейства Кэмпбелла, которые направлялись к ручью, гремя чайниками и ведрами.

– Добрый день, госпожа Фрейзер! – сказала мне опрятная девушка, одна из младших дочерей Фаркуарда Кэмпбелла. – Ваш муж в лагере? Отец просил передать, что хотел бы с ним побеседовать.

– Увы! Ушел по делам. – Я махнула рукой в неопределенном направлении. Джейми мог оказаться где угодно. – Я ему обязательно сообщу.

Девушка кивнула. Все проходящие мимо останавливались перед Брианной, чтобы пожелать ей счастья; шерстяные юбки и плащи цеплялись за кусты восковницы, росшей вдоль тропы, и с ветвей градом сыпались капли.

Брианна отвечала обходительно и любезно, но я заметила, что между густых рыжих бровей залегла тоненькая морщинка. Ее снедала какая-то тревога.

– Что? – спросила я в лоб, как только Кэмпбеллы отошли подальше.

– Что «что»? – удивилась она.

– Что тебя мучает? И не отнекивайся, я прекрасно вижу. Это из-за Роджера? Ты передумала выходить замуж?

– Не совсем, – начала она с опаской. – Я не передумала выходить за Роджера, все в порядке, просто... Я просто... Мне тут подумалось...

Она сбилась, так и не закончив фразу, и залилась краской.

– Подумалось? – встревоженно уточнила я. – О чем?

– О венерических заболеваниях, – выдавила Бри. – Вдруг я тоже подхватила что-то нехорошее? Не от Роджера... от Стивена Боннета.

Щеки Брианны полыхали так ярко, что каплям дождя следовало превратиться в пар, едва соприкоснувшись с ее кожей. Меня пробрала

дрожь, сердце сжалось в груди. Я уже задумывалась об этом раньше и предпочла оставить подозрения при себе, не желая сеять тревогу. Неделями украдкой наблюдала за Бри, выискивала симптомы болезни – но признаки инфекции редко заметны на ранней стадии. После рождения Джемми я наконец успокоилась.

– Ясно, – сказала я, стиснув ее руку. – Не тревожься, радость моя. Ты здорова.

Брианна глубоко вздохнула, выпустив бледное облако пара, и ее плечи слегка расслабились.

– Точно? Я чувствую себя нормально, но... у женщин симптомы проявляются не всегда.

– Не всегда. Зато по мужчинам заметно сразу. И если бы Роджер заразился от тебя какой-нибудь гадостью, то я бы давным-давно узнала об этом.

После моих слов она покраснела с новой силой и кашлянула.

– Ох, будто гора с плеч. Значит, с Джемми все хорошо?

– Без всяких сомнений.

Когда Джемми появился на свет, я закапала ему глазки нитратом серебра – ох, как же непросто было достать это лекарство! – но предосторожность была излишней. Малыш не проявлял никаких признаков болезни и выглядел настолько крепеньким и активным, что любая мысль об инфекции казалась совершенно неуместной. Он лучился жизнерадостным благополучием, как горшок с наваристой похлебкой.

– Так ты поэтому спрашивала про контрацепцию? – Мы проходили мимо лагеря Макрея, и я приветливо махнула рукой семейству. – Боялась, что ребенок родится больным?

– Нет. Я раньше не задумывалась о венерических болезнях, а потом ты заговорила про сифилис, и меня будто ледяной водой окатили... Вдруг у него тоже... – Она остановилась, прокашлялась. – А спросила просто из любопытства.

Тропинка стала такой скользкой, что мы обе сосредоточенно замолчали.

Способы контрацепции – это не та тема, которая обычно беспокоит молодую невесту. В чем же дело? Переживает за себя или за ребенка? Роды зачастую могли обернуться трагедией, и всякий, кто видел моих пациентов или хоть раз слушал женские разговоры у вечерних костров, прекрасно осознавал опасности, которым подвергались новорожденные; лихорадка, жестокая простуда или неконтролируемая диарея уносили детские жизни практически в каждой семье. Многие женщины теряли до трех-четырех

младенцев, а то и больше. Я вспомнила историю Авеля Макленнана и содрогнулась.

Тем не менее Брианна отличалась крепким здоровьем, и я частенько напоминала ей о том, что обыкновенная гигиена и хорошее питание играют решающую роль в отсутствие антибиотиков и больниц.

Нет, думала я, глядя, как Бри с легкостью вскидывает свою тяжелую ношу и перебирается через изогнутый корень, перекрывший нам путь. Дело не в этом. Поводы для тревоги имелись, но Брианну не так легко запугать.

Роджер? На первый взгляд самое разумное решение – побыстрее завести второго ребенка, с которым не возникнут вопросы об отцовстве. Одним махом укрепить брак. А с другой стороны... Муж, конечно, обрадуется, но что тогда станет с Джемми?

Роджер дал кровную клятву, принимая малыша как своего. Однако человеческую природу не изменишь: несомненно, он ни за что не бросит Джемми, но к родному ребенку может относиться совсем, совсем иначе. Готова ли Брианна пойти на такой риск?

Хорошенько поразмыслив, я пришла к выводу, что она выбрала мудрый путь – со вторым ребенком лучше подождать. Дать Роджеру время привыкнуть и полюбить Джемми, прежде чем заводить еще одного малыша. Да, все правильно; Бри всегда была крайне здравомыслящим человеком.

И только когда мы добрались до поляны, где проводился утренний прием пациентов, мне в голову пришла еще одна неожиданная мысль.

– Миссис Фрейзер, вам помочь?

Два мальчика из семьи Чишолма выбежали навстречу, без лишних слов подхватили все тяжести у нас из рук и принялись готовить место – разложили столики, принесли чистой воды, разожгли огонь. Одному из них было не больше восьми, второму – около десяти, и, проводив их взглядом, я заново осознала простой факт: в этом веке мальчишка двенадцати-четырнадцати лет считался вполне взрослым мужчиной.

Брианна тоже это понимала. Она будет заботиться о Джемми, пока он нуждается в материнской опеке, но потом... Что случится после того, как он выпорхнет из гнезда?

Я открыла сундучок и принялась раскладывать рабочие инструменты и лекарства: ножницы, зонд, пинцет, спирт, скальпель, повязки, щипцы для удаления зубов, хирургические иглы, мази, бальзамы, лосьоны, слабительное...

Брианне двадцать три. Когда Джемми обретет полную

самостоятельность, ей еще не исполнится сорока. И тогда, если сын начнет независимую жизнь, они с Роджером смогут вернуться – в свой век, в свое время. К безопасной эпохе, которой они оба принадлежали по праву рождения.

Но если у Бри на руках будет еще один беспомощный малыш, ей придется остаться здесь.

– Доброго вам утречка, мэм!

Ко мне подошел низкорослый джентльмен средних лет, наш первый пациент. Недельная щетина не скрывала бледности на дряблых щеках, лоб блестел от пота, а глаза так покраснели от дыма и виски, что у меня не возникло ни одного вопроса о природе его недомогания. По утрам похмелье превращалось в настоящую эпидемию.

– Что-то мне нехорошо, мэм. Брюхо узлом завязывается, – сказал он, тяжело сглотнув. – Может, у вас найдется какое-нибудь лекарство?

– Еще как найдется! – ответила я и достала кружку. – Сырое яйцо и щепотка рвотной травы. Стошнит разочек, и будете как новенький.

* * *

Пациентов я принимала на краю большой поляны у подножия холма, где по вечерам горел большой костер горского Сбора. Влажный воздух пах сажей и едким пеплом, но почерневшую от золы землю – пятно диаметром в десяток футов, не меньше – уже накрыли свежим хворостом и ветками. Если морось не прекратится, то ближе к ночи придется изрядно попотеть, чтобы разжечь этот костер.

Джентльмен с похмельем отправился восвояси, других пациентов пока не было, и я сосредоточила свое внимание на Мюррее Маклауде, который устроился неподалеку от нас.

Мюррей работал не покладая рук с самого утра; земля у него под ногами потемнела от пепла и крови. Рядом с ним сидел тучный джентльмен с красным рыхлым носом и обвисшими щеками – явными свидетельствами чрезмерной любви к горячительным напиткам. Несмотря на дождь и холод, Маклауд заставил его раздеться до рубашки, закатал рукав, наложил жгут и поставил ему на колени миску для кровопускания.

От Мюррея меня отделяли добрых десять футов, но даже в слабом утреннем свете было заметно, что глаза у пациента желтые, как горчица.

– Больная печень, – сказала я Брианне, не пытаясь понизить голос. – Желтуху видно даже отсюда, правда?

– Разлитие желчи, – громко объявил Маклауд и достал ланцет. – Переизбыток телесной жидкости, никаких сомнений.

Маленький, чернявый, аккуратно одетый, Мюррей не производил внушительного впечатления, однако самоуверенности у него было не занимать.

– Цирроз из-за пьянства, – возразила я, подходя поближе и отстраненно осматривая пациента с ног до головы.

– Переизбыток желчи и нарушение баланса слизи! – Маклауд сверлил меня взглядом. Судя по всему, решил, что я вздумала присвоить его врачебную славу или увести пациента.

Проигнорировав его возмущение, я склонилась к больному, который явно встревожился от такого пристального внимания.

– У вас под ребрами, справа, есть твердое уплотнение, так ведь? – ласково спросила я. – Моча темная, а когда ходите по-большому, то видно кровь.

Мужчина кивнул, раскрыв от удивления рот. На нас стали оглядываться.

– Ма-туш-ка! – Брианна встала за моим плечом. Кивнула Мюррею и прошептала мне на ухо: – Ты не сможешь вылечить его от цирроза! Никак!

Пришлось замолчать и прикусить губу. Она была права. Я так спешила поставить диагноз и помешать Мюррею воспользоваться своим выдавшим виды ржавым ланцетом, что совершенно забыла об одном пустяке – я не могла вылечить этого человека.

Больной напряженно переводил взгляд с Мюррея на меня. Стиснув зубы, я улыбнулась и кивнула.

– Мистер Маклауд совершенно прав. У вас болезнь печени... вызванная избытком телесных жидкостей.

В конце концов, в определенных случаях алкоголь вполне может сойти за телесную жидкость. Особенно после целой ночи, проведенной в обнимку с бутылкой виски.

В начале разговора Мюррей настороженно хмурился, но после моей капитуляции едва не уронил челюсть от изумления. Брианна воспользовалась его замешательством и шагнула вперед.

– Я знаю отличный заговор, – сказала она с очаровательной улыбкой. – Он помогает... э-э... заострить лезвие и ускорить ток крови. Давайте я вам покажу.

Прежде чем Мюррей успел опомниться, она выхватила ланцет у него из рук и поспешила к нашему костерку, над которым висел котелок с закипавшей водой.

– Во имя святого Михаила, великого воина и защитника наших душ, – начала она нараспев.

Пожалуй, упоминание архангела Михаила нельзя считать богохульством, решила я. Да и сам Михаил вряд ли стал бы возражать: Бри творила благое дело. Люди, суетившиеся вокруг главного кострища, остановились поглазеть на нее; с разных сторон к нам постепенно стягивались пациенты.

Бри подняла ланцет и медленно рассекла воздух, рисуя перед собой большой крест. Потом бросила взгляд на зрителей: смотрят ли? Можно было не беспокоиться: толпа сгорала от любопытства. Высокая, статная, синие глаза сосредоточенно прищурены – сейчас Бри один в один походила на Джейми в моменты его самых отчаянных эскапад. Оставалось надеяться, что она такая же талантливая актриса.

– Благослови этот клинок, дабы исцелился раб твой, – обратилась она к небу и подняла ланцет над костром, как священник поднимает хлеб и вино во время причастия. От котелка уже шел пар, но вода еще не начала закипать.

– Благослови это лезвие, дабы потекла кровь, отворились вены, дабы... э-э... дабы вышел яд из брэнного тела смиренного просителя твоего. Благослови клинок... Благослови клинок... Благослови клинок в руке смиренного раба твоего... Возблагодарим же Господа за эту сверкающую сталь!

«Возблагодарим же Господа за бесконечные повторы в гэльских молитвах», – цинично подумала я.

Слава богу, вода наконец закипела. Бри занесла короткое изогнутое лезвие над котелком, обвела толпу суровым взглядом и провозгласила:

– Да очистится этот клинок по велению Господа нашего, Иисуса Христа!

Она резко опустила лезвие в воду и держала его там, пока пальцы не покраснели от пара, клубившегося над деревянной рукоятью. Потом снова подняла ланцет повыше и перекинула в другую руку, пряча ошпаренную ладонь за спиной.

– Да благословит Михаил, победитель демонов, этот клинок и руку, его держащую! Во имя здорового тела и здорового духа. Аминь.

Она торжественно шагнула вперед и вручила ланцет Мюррею. Но Мюррея было не так-то легко одурачить; во взгляде, которым он меня наградил, сквозило глубокое недоверие и сдержанное восхищение театральным талантом моей дочери.

– Не трогайте лезвие, – сказала я с любезной улыбкой. – А то заговор

рассеется. И повторяйте его всякий раз, когда используете ланцет. Только учтите, вода должна кипеть!

– Хм, – ответил Мюррей. Однако ланцет взял аккуратно, за ручку. Коротко кивнув Брианне, он вернулся к своему пациенту, а я вернулась к своему – маленькой девочке с крапивницей. Брианна, довольная результатом представления, вытерла руки о юбку и присоединилась к нам.

Я слышала, как пациент Маклауда тихонько охнул, и в металлическую миску звонко за капала кровь. Брианна была права: здесь и сейчас мы ничего не могли поделать. Тщательный уход, хорошее питание и полное воздержание от алкоголя могли бы продлить его жизнь; соблюсти первые два условия было нелегко, а третье – вовсе невозможно.

Брианна ловко спасла беднягу от заражения крови – и заодно защитила от этой беды всех потенциальных пациентов Маклауда, – но я все равно чувствовала себя виноватой. Ничего не поделаешь, первый врачебный принцип, постигнутый мной на полях сражений во Франции, оставался в силе: помогай тому, кто перед тобой.

– Возьми эту мазь, – строго сказала я девочке, страдавшей от крапивницы. – И ни в коем случае не чешись.

Глава 4. Подарки к свадьбе

Хотя солнце так и не выглянуло из-за туч, дождь наконец закончился. От костров шел густой тяжелый дым: обрадовавшись временной передышке, все горцы торопливо бросились раздувать угли и подбрасывать в огонь мокрые дрова, чтобы поскорее просушить одежду и одеяла. Ветер разносил призрачные белые клубы меж деревьев.

Одно такое дымное облако выплыло на тропу прямо перед Роджером, и он свернул, чтобы обогнуть его по травяным кочкам. Чулки тут же промокли, низкие сосновые ветки осыпали его плащ градом капель, но Роджер не обращал на это внимания – все его мысли были заняты длинным списком дневных хлопот.

Сначала к ремесленникам, купить какую-нибудь мелочь Брианне на свадьбу. Что бы такое выбрать? Украшение или ленту? Денег почти не было, но такое важное событие хотелось отметить подарком.

Будь его воля, он бы купил собственное кольцо для венчания, но Брианна остановила свой выбор на рубиновом кольце, когда-то принадлежавшем ее бабушке. Оно прекрасно подходило Бри по размеру, поэтому она не видела смысла в лишних тратах. Бри была практичным человеком – порой до отвращения практичным, – в отличие от его собственной романтической натуры.

Значит, подарок должен быть практичным и в то же время декоративным... Расписной ночной горшок?

Роджеру вспомнилась миссис Аберкромби, степенная и разумная дама из прихода преподобного Уэйкфилда, которая однажды вечером ворвалась в дом пастора прямо посреди ужина. Она объявила, что убила своего мужа, и истерически разрыдалась. Преподобный оставил миссис Аберкромби на попечении экономки, а сам взял Роджера, тогда еще подростка, и отправился в дом почтенного семейства, чтобы выяснить, что произошло.

Мистер Аберкромби лежал на полу в кухне – сконфуженный, окровавленный, но живой. Все ограничилось небольшой раной на голове, нанесенной новеньким электрическим паровым утюгом, который мистер Аберкромби подарил жене по случаю двадцать третьей годовщины их свадьбы.

– Она сама говорила, что старый утюг постоянно прожигает дырки в белье! – жалобно повторял мистер Аберкромби, пока преподобный обрабатывал его рану, а Роджер отмывал кухню от крови.

Воспоминания о кровавых пятнах на истертом линолеуме помогли Роджеру окончательно определиться. Подарок на свадьбу не должен быть практичным, что бы ни говорила Бри. И в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас. Он выберет для нее что-нибудь романтическое... на один шиллинг и три пенса.

Среди еловых иголок мелькнула алая вспышка, Роджер даже сперва решил, что это кардинал, правда, какой-то слишком крупный. Он остановился и заглянул в просвет между ветвями.

– Дункан? Это ты?

Дункан Иннес вышел из-за деревьев и смущенно кивнул. Он по-прежнему щеголял в алом тартане Кэмеронов, но снял свой роскошный плащ и обернулся в плед, будто в шаль, на старинный горский манер.

– Можно с тобой словечком перемолвиться, певец?

– Конечно. Я как раз иду к ремесленникам, давай прогуляемся вместе.

Дым наконец рассеялся, они снова вышли на тропу и зашагали бок о бок по склону горы.

Роджер молчал, ожидая, пока Дункан соберется с мыслями. По характеру тот был застенчив и скромн, зато отличался наблюдательностью, восприимчивостью и тихим упрямством. Если Дункану было что сказать, он непременно выскажется, дай ему только время. Наконец он вздохнул и заговорил:

– Макдью рассказывал, что твой отец был священником.

– Да, – откликнулся Роджер, изрядно удивившись такой теме беседы. – То есть... Мой родной отец погиб, и меня усыновил дядя матери. Вот он-то как раз и был священником.

Почти всю свою сознательную жизнь Роджер думал и говорил о преподобном как об отце и теперь не мог понять, зачем вдается в такие подробности. Вряд ли для Дункана это важно.

Тот кивнул и сочувственно цокнул языком.

– Ты сам, получается, пресвитерианец? Я слышал, как Макдью об этом говорил.

Обычно манеры Дункана были безупречны, но тут на его лице мелькнула короткая ухмылка, наполовину скрытая неровными усами.

– Да, было дело, – сухо откликнулся Роджер. Кажется, мнение Макдью на эту тему слышало все горское собрание.

– Ясно. А знаешь, я ведь тоже пресвитерианец, – сказал Дункан, стараясь скрыть неловкость.

Роджер уставился на него в изумлении.

– Ты? Я думал, ты католик!

Дункан смущенно пожал плечами, качнув обрубком ампутированной руки.

– Нет. Мой прадед со стороны матери был ковенантером. Яростно придерживался своей веры. – Дункан улыбнулся. – Пока дело дошло до меня, весь пыл слегка растерялся. Матушка была женщиной набожной, а отец в церковь ходил редко. А уж когда мы познакомились с Макдью... в общем, там было не до воскресной мессы.

Роджер кивнул и утвердительно хмыкнул. Дункан столкнулся с Джейми в Ардсмурской тюрьме, сразу после восстания. И хотя большинство якобитов были католиками, среди них встречались и протестанты разных мастей, которые наверняка предпочитали помалкивать о своей вере, находясь в толпе заключенных. А после тюрьмы, когда Дункан и Джейми заделались контрабандистами, религия ушла на второй план.

– Понимаю. И сегодня ты будешь венчаться с миссис Кэмерон...

Дункан кивнул и задумчиво пожевал кончик своих усов.

– Вот именно. Надо ли мне им рассказывать?

– Миссис Кэмерон не знает? И Джейми тоже?

Дункан молча покачал головой, не отводя глаз от покрытой грязью тропы.

Роджер прекрасно понимал, что мнение Иокасты Кэмерон здесь не столь важно. Важно, что скажет Джейми. Вопросы религии мало занимали Дункана, да и сама Иокаста не отличалась особой набожностью. Но, услышав, как Джейми среагировал на новости о Роджере, Дункан встревожился.

– Макдью сказал, что ты ходил к священнику. – Дункан бросил на него осторожный взгляд. Кашлянул, покраснел. – Он тебя... гхм... Пришлось креститься заново?

Рьяному протестанту такая перспектива показалась бы устрашающей, и, судя по всему, Дункан тоже не видел в ней ничего хорошего. Роджеру стало не по себе. Согласился бы он принять чужую веру, чтобы жениться на Бри? Наверное, согласился бы. Но священник не стал требовать никакой формальной церемонии, и Роджер испытал глубочайшее облегчение.

– Нет, не было такого, – сказал он и тут же закашлялся от облака едкого дыма, выплывшего на тропу. – Нет, – повторил он, вытирая слезящиеся глаза. – Второй раз креститься нельзя. Ты ведь уже крещеный?

– Конечно! – Дункан слегка взбодрился. – Да, я крестился, когда... – По его лицу пробежала тень, но он быстро прогнал мрачную мысль и дернул плечом.

– Это хорошо. Дай мне чуток подумать.

Впереди показались повозки ремесленников, стоявшие вплотную друг к другу, словно стадо овец; из-за дождя все товары были накрыты парусиной и одеялами. Дункан остановился – ему явно не хотелось бросать разговор на середине.

Глубоко задумавшись, Роджер потер затылок.

– Нет, – наконец сказал он. – Не надо тебе ничего говорить. Никто не станет проводить мессу, будет обычное венчание, а там все одинаково. Что у католиков, что у нас: возьмешь ли ты в жены, возьмешь ли в мужья, в богатстве и в бедности, и так далее.

Дункан сосредоточенно кивнул.

– Да, клятву я могу повторить. Хотя с куском про богатство и бедность было не так-то легко смириться. Тебе ли не знать...

Он произнес это спокойно, без насмешки – просто констатировал факт – и явно не ожидал, что Роджер вспыхнет от гнева.

– Я ничего плохого не имел в виду, – торопливо сказал он. – Я просто...

Роджер только отмахнулся.

– Ничего страшного. – Он старался говорить сухо и без эмоций. – Ты прав, чего уж там душой кривить.

Как ни странно, все это время Роджер умудрялся не замечать очевидного. Он с ужасом осознал, что их с Бри история точь-в-точь походила на историю Дункана и Иокасты: безземельный холостяк без гроша за душой собирался жениться на богатой невесте.

Он никогда не считал Джейми Фрейзера богачом – возможно, потому, что тот вел себя с подобающей скромностью, или потому, что о богатстве пока не шло даже речи. Тем не менее Фрейзеру принадлежали десять тысяч акров земли. И хотя большая часть этого надела была еще не освоена, в будущем многое могло измениться. В его владениях уже жили арендаторы; скоро их станет еще больше. И когда эти люди начнут платить ренту, когда на берегах ручьев вырастут лесопилки и мельницы, когда появятся первые крупные поселения с лавками и тавернами, когда стада коров, свиней, лошадей расплодятся и нагуляют здоровый жирок на его земле... Джейми Фрейзер станет по-настоящему богатым человеком. А Брианна была его единственной кровной дочерью.

К тому же Иокаста Кэмерон – дама, обладавшая весьма внушительным состоянием, – во всеуслышание заявила, что намерена сделать Бри своей наследницей. Брианна резко воспротивилась такому предложению, однако Иокаста не уступала племяннице в упрямстве и привыкла добиваться

своего. Что бы Брианна ни сделала, люди все равно решат...

Пожалуй, именно эта мысль пугала его сильнее прочих. Он собирался жениться на женщине, которая гораздо состоятельнее его самого; все жители колонии давным-давно успели осудить такой мезальянс и наверняка считали его ловкачом, а то и просто ушлым авантюристом.

От дыма на языке остался горький вкус. Роджер сглотнул и криво улыбнулся Дункану.

– Да уж, – сказал он. – В горе и в радости. Но ведь они же что-то в нас нашли? Наши женщины...

Дункан печально улыбнулся в ответ.

– Да, что-то нашли. Значит, ты думаешь, о религии можно промолчать? Не хочу, чтобы мисс Ио или Макдью решили, будто что-то неладно. Хотя зря поднимать суматоху тоже не хочется.

– Понятное дело, – согласился Роджер. Глубоко вздохнул и отбросил влажные волосы со лба. – Да, Дункан, ничего в этом страшного нет. Я поговорил со святым отцом, и он сказал, что условие тут одно – окрестить детей в католическую веру. Но, полагаю, для тебя и миссис Кэмерон это не так уж и важно... – Он тактично умолк.

– Нет, что ты, – облегченно рассмеялся он. – Поверь, дружище, мне все равно.

– Тогда удачи! – Роджер натянуто улыбнулся и похлопал Дункана по спине.

Тот задумчиво потер усы и кивнул.

– Тебе тоже удачи, певец.

Вместо того чтобы отправиться по своим делам, Дункан пошел следом за Роджером и принялся неторопливо прогуливаться вдоль повозок, с легким прищуром разглядывая разложенные там товары.

Торговля шла полным ходом уже целую неделю, но повозки не опустели – наоборот, туда сгружали зерно и шерсть, бочонки с сидром, корзины с яблоками, шкуры и прочую мелочь, которую ремесленники успели выменять за свой товар. И хотя на прилавках было почти пусто, у повозок по-прежнему толпился народ, желающий разжиться какой-нибудь диковинкой – как тля на розовом кусте.

С высоты своего роста Роджер легко заглядывал на повозки через головы покупателей и задумчиво всматривался в отдельные вещицы, прикидывая, чем бы порадовать Брианну.

Она была красавицей, но не придавала особого значения внешности и нарядам. Однажды Бри чуть не отрезала свою роскошную рыжую гриву, потому что волосы постоянно лезли в похлебку, а Джемми так и норовил

дернуть за яркую прядку. Роджер едва успел ей помешать. Да, лента – это и вправду практичный подарок. Или резной гребень?

Роджер остановился у повозки, где торговали тканями, и заглянул под навес: шляпки и яркие ленты, развешанные внутри, покачивались в прохладном полумраке, как щупальца медузы. К нему сразу подошел Дункан, укутанный в плед по самые уши, и тоже с любопытством заглянул в повозку.

– Ищете что-то определенное, господа? – Торговка склонилась над товарами, сложив руки под пышной грудью, и одарила покупателей профессиональной улыбкой.

– Да, – неожиданно ответил Дункан. – Мне нужен один ярд бархата. Есть у вас такая ткань? Цвет неважен; главное, чтоб наивысшего качества.

Торговка приподняла брови – даже в своем парадном наряде Дункан не походил на модника, – однако промолчала и принялась перебирать свои изрядно подтаявшие запасы.

– Как думаешь, у миссис Клэр еще осталась лаванда? – спросил Дункан у Роджера.

– Да, осталась, – ответил тот. Заметив его изумление, Дункан смущенно улыбнулся и опустил голову.

– Я просто подумал... У мисс Ио часто бывают мигрени, и она плохо спит по ночам. А моя матушка любила спать на лавандовой подушке; говорила, мол, положи под щеку и спи как младенец. Вот я и решил взять бархата, чтоб помягче, и попросить мисс Лиззи сшить наволочку...

«В болезни и здравии...».

Роджер одобительно кивнул, тронутый и слегка пристыженный такой заботливостью. У него сложилось впечатление, что брачный союз между Дунканом и Иокастой Кэмерон основывался на удобстве и взаимной выгоде – и, возможно, так оно и было. Но чтобы проявлять друг к другу чуткость и предусмотрительность, не нужно сходить с ума от страсти.

Дункан купил отрез бархата, спрятал его под пледом и отправился восвояси, а Роджер остался бродить среди торговцев, выбирая, присматриваясь и отбрасывая варианты – силясь придумать подарок, который понравится его невесте. Сережки? Нет, малыш будет за них хвататься. И за ожерелье... Лента отпадала по той же причине.

И все же ему хотелось подарить Бри какое-нибудь украшение. На Сборе она носила только рубиновое кольцо своего отца – то кольцо, которое Джейми отдал Роджеру; то кольцо, которое Роджер надел ей на палец, когда Бри приняла его предложение.

Роджер замер прямо посреди толпы. У него перед глазами стояло

кольцо: желтый металл и темно-красный рубин, мерцавший на изящных бледных пальцах Брианны. Кольцо ее отца. И как он не понял этого раньше?

Несмотря ни на что, оно по-прежнему принадлежало Джейми. Роджера охватило внезапное и непреодолимое желание подарить Брианне другое кольцо – свое, собственное.

Он решительно развернулся и зашагал к повозке, где продавались скобяные изделия; товары на прилавке поблескивали даже под дождем. Роджер успел выяснить, что его мизинец по размеру как раз совпадает с безымянным пальцем Брианны.

– Вот это! – сказал он, выбрав кольцо. Дешевое плетение из латуни и меди, наденешь – и через несколько минут на пальце отпечатается зеленый след. «Тем лучше», – подумал Роджер, протягивая торговцу деньги. Даже если Бри не будет носить его каждый день, на коже все равно останется яркая метка. Метка Роджера.

«Потому оставит женщина дом отца своего и прилепится к мужу своему; и будут они одна плоть».

Глава 5. Бунтарские настроения

Спустя час на поляне собралась целая очередь из пациентов, которых не распугал даже моросящий дождь. В последний день Сбора все горцы, страдавшие от зубной боли или какой-нибудь сыпи, внезапно решили сходить к лекарю перед самым отъездом.

Я закончила осматривать молодую женщину – зоб на начальной стадии – и велела ей запастись вяленой рыбой: при такой болезни требовалась пища, содержащая йод, но девушка жила слишком далеко от побережья и не могла покупать свежую рыбу каждый день.

– Следующий! – крикнула я, убрав локон со лба.

Толпа расступилась, словно воды Красного моря, и пропустила ко мне невысокого тощего старичка, одетого в изодранные тряпки и прижимавшего к груди странный меховой сверток. При его приближении народ торопливо отодвигался в сторону, и вскоре я поняла причину: от старика разило, как от дохлого енота.

На мгновение мне показалось, что у него на руках действительно лежал дохлый енот – за утро у нас скопилось небольшая стопка меховых шкур, полученных в награду за врачебные труды, хотя, как правило, благодарные пациенты все-таки старались отделить шкуры от их предыдущих владельцев, – но потом меховой сверток пошевелился, и среди спутанной серой шерсти блеснули яркие глазищи.

– Мой пес поранился, – объявил старик. Посадил свою ношу на стол, небрежно отодвинув разложенные инструменты, и ткнул пальцем в рану на собачьем боку: – Надо вылечить.

Мало похоже на вежливую просьбу; с другой стороны, пациентом был пес, а не хозяин, и он вел себя гораздо приличнее: небольшой, коротколапый, с жесткой спутанной шерстью и подранными ушами, мирно сидел на столе и пыхтел, не пытаясь никуда вырваться.

– Что с ним случилось? – Я отодвинула ванночку, угрожающе покачивавшуюся над краем стола, и потянулась вниз за стерильными нитками; пес ухитрился лизнуть мне руку.

– Подрался с енотихой.

– Хм-м, – откликнулась я, с сомнением разглядывая собаку. Судя по его неопределенной родословной и явному дружелюбию, интерес к енотике был порожден не свирепостью, а любвеобиением. Словно в подтверждение этих размышлений, в мою сторону выдвинулся влажно поблескивающий

розовый репродуктивный орган.

– Кажется, ты ему нравишься, мам, – сказала Бри с невозмутимым выражением лица.

– Я польщена.

Оставалось надеяться, что владелец собаки не попытается продемонстрировать свою симпатию таким же образом. К счастью, старику не было до меня дела; глубоко посаженные глаза настороженно следили за солдатами, которые отрабатывали строевые приемы неподалеку.

– Ножницы, – решительно скомандовала я и протянула руку.

Срезав спутанную шерсть, я не обнаружила отеков и других признаков инфекции. На ране успела образоваться короста, значит, после свидания с енотихой уже прошло некоторое время. Интересно, длань судьбы настигла пса прямо здесь, на склоне горы? Я не знала старика в лицо, и говор у него был не шотландский. Может, он и вовсе не участвовал в Сборе?

– Кхм... Вы не могли бы придержать его голову?

Пес вел себя дружелюбно, но это еще не означало, что он так же благожелательно воспримет иголку, вонзившуюся в его бок. В ответ на просьбу владелец собаки даже не пошевелился, одарив меня мрачным взглядом. Я обернулась в поисках Бри, но она куда-то исчезла.

– Тише, а bhalaich^[4], тише, – раздалось у меня за спиной. Я обнаружила, что пес заинтересованно обнюхивает ладонь Мюррея Маклауда. Заметив мое удивление, врач пожал плечами, улыбнулся, а потом ловко ухватил пса за загривок и зажал ему морду.

– Постарайтесь обойтись без промедлений, миссис Фрейзер, – сказал он.

Я крепко стиснула собачью лапу и принялась за дело. Пес среагировал так же, как и большинство остальных пациентов: начал судорожно извиваться, вырываться из рук и скрести когтями по деревянной столешнице. В какой-то момент он все-таки освободился из хватки Мюррея и метнулся на волю, волоча за собой хвост из хирургических ниток. Я кинулась на него, и мы покатались по палой листве и лужам прямо под ноги зевакам. Через несколько мгновений парочка смельчаков все-таки пришла мне на помощь: пока они держали эту чумазую зверюгу, я успела наложить швы.

Завязав последний узелок и обрезав вощеную нитку ланцетом Мюррея – во время суматохи инструмент упал нам под ноги, но, к сожалению, так и не сломался, – я убрала колено с собачьего бока; пыхтели мы с псом одинаково громко.

Зрители взорвались аплодисментами.

Я поклонилась и принялась приводить в порядок растрепавшуюся шевелюру. У Мюррея дела обстояли не лучше: на плаще красовались пятна грязи и крупная прореха, а пациенты разбежались в разные стороны. Он подхватил собаку под брюхо и взгромоздил на стол.

– Ваш пес, сэр, – сказал Мюррей, отдуваясь.

Старик положил ладонь на макушку питомца, перевел мрачный взгляд с меня на Мюррея и обратно – будто не мог решить, одобряет ли он командный подход к хирургическим операциям. Снова посмотрел на солдат, тренировавшихся на поляне, повернулся ко мне и сурово свел брови.

– А это кто такие? – спросил он с глубоким недоумением. Затем, не дожидаясь ответа, пожал плечами и зашагал прочь. Пес, вывалив язык, прыгнул со столика и потрусил рядом с хозяином навстречу новым приключениям.

Я глубоко вздохнула, встряхнула передник, одарила Мюррея благодарной улыбкой и принялась отмывать руки перед приемом следующего пациента.

– Ха! – тихонько выдохнула Брианна. – Смотри, кто к нам пришел!

Она кивнула куда-то в сторону, и я обернулась через плечо.

Наш следующий пациент был джентльменом. Самым настоящим джентльменом, судя по наряду и манерам, заметно выделявшимся на фоне общей массы. Некоторое время он просто стоял на краю поляны и наблюдал за мной и за Мюрреем, решая, кто из лекарей более достоин его внимания. Инцидент с собакой траппера явно сдвинул чашу весов в мою пользу.

Я покосилась на Мюррея. Вид у того был кислый – джентльмен наверняка собирался заплатить живой монетой. Пожав плечами в качестве извинения, я нацепила вежливую профессиональную улыбку и указала новому пациенту на скамью:

– Присядьте, пожалуйста, сэр. И расскажите, что у вас болит.

Джентльмена звали мистер Гудвин, и он приехал на Сбор из Хиллсборо. Сильнее всего, его беспокоила боль в руке, но эта беда была не единственной. Щеку джентльмена украшал едва заживший шрам, и край рубца стягивал кожу около глаза, отчего казалось, что мистер Гудвин яростно щурится. Над скулой виднелся бледный синяк, оставшийся от удара каким-то тяжелым предметом, и все лицо его было одутловатым и припухшим, как у человека, который не так давно получил сильную трепку.

Даже джентльмен может ввязаться в драку при соответствующей провокации, однако мой пациент находился в том почтенном возрасте,

когда люди предпочитают избегать подобных развлечений; на вид ему было чуть больше пятидесяти, и жилет с серебряными пуговицами с трудом смыкался над внушительным брюшком. Возможно, грабительское нападение, решила я. Вряд ли это произошло по дороге на горское сборище – ранам было уже несколько недель.

Я осторожно ощупала плечо и предплечье, заставляя пациента слегка пошевелить рукой, и задала несколько вопросов. Природа травмы не вызвала сомнений: мистер Гудвин вывихнул локоть, и хотя сустав уже почти встал на место, порванное сухожилие оказалось зажатым между локтевым отростком и головкой локтевой кости, поэтому каждое движение причиняло боль.

На этом список боевых ранений не закончился; ощупав предплечье до конца, я обнаружила три простых перелома, успевших частично срастись. Повреждения были не только внутренними; над местами переломов я заметила два побледневших синяка желто-зеленого цвета с темно-красными гематомами посередине. Самозащита, не иначе.

– Бри, надо наложить лубок. Найди-ка подходящую дощечку, – попросила я. Бри молча кивнула и исчезла из виду, а я принялась обрабатывать мелкие кровоподтеки каяпутовой мазью.

– Что же с вами стряслось, мистер Гудвин? – поинтересовалась я между делом, отмеряя льняную повязку. – Вид у вас как после серьезной драки. Надеюсь, противнику досталось сильнее!

Мистер Гудвин слабо улыбнулся в ответ на мою шутку.

– Смею заверить, миссис Фрейзер, битва была непростая, – ответил он, – но участвовал я в ней не по доброй воле, а скорее по воле случая. Можно сказать, оказался не в том месте и не в то время.

Я притронулась к шраму на щеке, и мистер Гудвин рефлекторно зажмурился. Несмотря на грубые швы, рана зажила без осложнений.

– Как же так получилось? – спросила я.

Он хмыкнул.

– Вы наверняка слышали офицера сегодня утром, мэм. Который читал послание губернатора о возмутительных преступлениях бунтовщиков.

– Послание губернатора слышали все, – пробормотала я, осторожно касаясь шрама кончиками пальцев. – Так вы были в Хиллсборо во время бунта?

– Совершенно верно. – Осознав, что мои прикосновения не причиняют боли, мистер Гудвин вздохнул и слегка расслабился. – Я живу в этом городе. И если бы я послушался жену, умолявшую меня не выходить из дома, – он печально улыбнулся, – то остался бы невредим.

– Говорят, любопытство сгубило кошку. – Мое внимание привлек синяк на скуле, и я осторожно провела пальцем по кровоподтеку. – Вас ударили по лицу, вот здесь... Зубы не выбиты?

Мистер Гудвин одарил меня удивленным взглядом.

– Выбиты, мэм, но тут уже ничего не исправишь.

Он оттянул верхнюю губу, показывая зияющую дыру на месте двух зубов. Один премоляр был выбит полностью, а второй отломан у самого корня; над покрасневшей десной виднелся зазубренный край пожелтевшей эмали.

Как раз в этот момент к нам подошла Брианна с дощечкой для лубка. Взглянув на мистера Гудвина, она слегка поперхнулась: зубы у него были относительно целы, но при этом покрыты толстым слоем желтоватого налета и коричневыми пятнами от жевательного табака.

– Почему же? Я постараюсь помочь, – сказала я, не обращая внимания на Бри. – Вам, наверное, больно жевать? Новый зуб я, конечно, не вставлю, зато могу вытащить отломанный корень и обработать десну, чтобы не было воспаления. Кто вас так ударил?

Он пожал плечами и с настороженным интересом взглянул на мои инструменты: блестящие щипцы для удаления зубов и скальпель с прямым лезвием.

– По совести сказать, мэм, я не успел рассмотреть. В тот день мне пришлось отправиться в городской суд. Я завожу иск против одного джентльмена из Эдентона, – пояснил он, нахмурившись. – Требовалось передать определенные документы. К сожалению, мне не удалось пробиться к зданию суда, поскольку всю улицу заполонила разгневанная толпа. Многие из протестующих захватили с собой дубинки, хлысты и прочие орудия подобного рода.

Увидев бунтарей, мистер Гудвин решил вернуться домой, и тут кто-то швырнул камень в окно. Звон разбившегося стекла послужил сигналом к действию; толпа хлынула вперед, снося двери и изрыгая угрозы.

– Один из моих друзей, мистер Фаннинг, находился внутри. Я не мог остаться в стороне.

– Фаннинг... Случаем, не Эдмунд ли Фаннинг? – Я слушала его вполуха, размышляя о том, как лучше подступиться к обломанному зубу, но имя все-таки узнала. Фаркуард Кэмпбелл упоминал некоего Фаннинга, когда рассказывал Джейми страшные подробности о бунтах, разразившихся несколько лет назад после принятия Акта о гербовом сборе. Фаннинга назначили почтмейстером колонии – весьма прибыльная должность, за которую ему наверняка пришлось заплатить внушительную сумму и

которую он был вынужден покинуть под давлением непреодолимых обстоятельств. Видимо, за прошедшие пять лет Фаннинг заработал себе дурную славу.

Мистер Гудвин поджал губы, всем своим видом выражая неодобрение.

– Да, мэм, именно он. Несмотря на скандальные слухи о его персоне, этот джентльмен был и остается моим другом. Узнав, что его жизни угрожает опасность, я поспешил на помощь.

Мистеру Гудвину не удалось осуществить свой благородный порыв.

– Я хотел пробиться внутрь, – продолжал он, глядя, как я накладываю лубок и аккуратно расправляю повязку. – Но стоило мне подступить к крыльцу, как из здания донесся громкий крик и толпа оттеснила меня назад.

К ужасу мистера Гудвина, отчаянно пытавшегося устоять на месте, двери здания суда распахнулись и на крыльцо вытащили Эдмунда Фаннинга. Почтмейстер был без сознания; его спустили вниз по лестнице, волоча за ноги. Голова безвольно билась о ступени.

– Такой кошмарный звук... Как будто арбуз по лестнице катится.

– Ох, господи, – пробормотала я. – Надеюсь, мистер Фаннинг остался жив? Насколько мне известно, во время беспорядков в Хиллсборо не было погибших. Расслабьте руку, пожалуйста, и вдохните поглубже.

Мистер Гудвин глубоко вдохнул и тут же охнул от боли. Затем последовал еще один судорожный вдох, когда я вправила сустав, освобождая порванное сухожилие. На обвислых щеках пациента проступил пот, он побледнел.

– Мой дражайший друг выжил. Бунтарям так не терпелось поизмываться над главным судьей, что они оставили Фаннинга валяться в дорожной пыли, а сами кинулись обратно в здание суда. Я позвал на помощь друга, и мы вдвоем соорудили носилки, чтобы отнести беднягу в укрытие, но не успели и шагу ступить, как поднялся страшный крик. Толпа навалилась на нас со всех сторон. Вот там-то я и заработал свои раны. – Мистер Гудвин поднял перевязанную руку и указал на рубец у глаза и выбитые зубы. – Хотелось бы верить, что имена бунтарей станут известны и что они понесут заслуженное наказание за свои варварские поступки... Но уж если молодчик, с которым я дрался, попадется мне на глаза, то я не стану сдавать его на суд губернатору. Ох, не стану!

Он медленно стиснул кулаки и перевел на меня разгневанный взгляд, словно вышеупомянутый бунтарь скрывался прямо под хирургическим столиком. Брианна переступила с ноги на ногу – она, как и я, наверняка вспомнила про Хобсона и Фаулза. А вот Абель Макленнан был просто

случайным свидетелем бунта. И неважно, какие преступления он мог сотворить в Хиллсборо.

Я пробормотала какую-то сочувственную глупость и достала бутылку виски, выполнявшего роль дезинфицирующего средства и примитивного анестетика. При виде виски мистер Гудвин значительно воодушевился.

– Вот, возьмите-ка... чтобы слегка взбодриться! – Я щедро плеснула виски в кружку. Заодно продезинфицируем то безобразие, которое творится у него во рту. – Подержите виски за щекой, прежде чем глотать. Это немного притупит боль.

Мистер Гудвин послушно набрал полный рот виски, раздувая щеки, как лягушка, которая вот-вот заведет громкую трель, и я обернулась к Бри. Она слегка побледнела – то ли от истории о беспорядках, то ли от вида зубов нашего пациента.

– Пожалуй, дальше я справлюсь сама, радость моя, – сказала я и похлопала Бри по руке. – Сходи-ка к Йокасте. Посмотри, как идет подготовка к свадьбе.

– Точно, мам?..

Брианна торопливо стянула забрызганный кровью фартук и свернула его в комок. Проследив за ее взглядом, я увидела Роджера, стоявшего за кустом неподалеку и не сводившего с нее глаз. Бри развернулась к нему с сияющей улыбкой, и сердце радостно сжалось у меня в груди. Хорошая из них вышла пара.

– А теперь, мистер Гудвин, выпейте еще капельку и начнем.

Улыбнувшись, я повернулась к пациенту и взяла в руки щипцы.

Глава 6. За счастье прежних дней!

Роджер ждал на краю поляны, наблюдая, как Брианна помогает Клэр: толчет травы, разливает лекарства по маленьким бутылочкам и готовит повязки. Несмотря на прохладу, Бри закатала рукава, и каждый раз, когда она разрывала полотно, под веснушчатой кожей напрягались и перекатывались мышцы.

«Сильные руки», – подумал Роджер, невольно вспомнив мрачную историю Эстеллы из романа Диккенса «Большие надежды». Да и вся Бри, от макушки до пяток, была сильной и статной, будто высокая ольха; ветер трепал ее юбку, подчеркивал крутой изгиб бедер и длинные ноги, стоило Бри шагнуть или повернуться в сторону.

Она притягивала взгляды. Половина пациентов, пришедших на прием к лекарям, смотрели на Брианну; некоторые – в основном женщины – слегка нахмурились, некоторые – все мужчины – оценивающе и со скрытым восхищением, отчего Роджеру хотелось выйти на поляну и показать всем, что эта женщина принадлежит ему.

«Пусть смотрят, – думал он, подавляя неуместный порыв. – Главное, что ни один из них не удостоился ее внимания».

Он сделал шаг из-за завесы ветвей. Бри сразу его заметила и посветлела лицом. Роджер улыбнулся в ответ, кивнул в сторону тропы, а потом зашагал прочь, не дожидаясь, пока его догонят.

Неужели он поддался мелочному желанию и решил доказать праздным зевакам, что эта женщина готова бросить все и бежать к нему по первому мановению руки? Ох, кажется, и вправду поддался. Однако стыд, охвативший Роджера, был изрядно разбавлен яростным чувством собственности, которое всколыхнулось при звуке шагов у него за спиной: да, она готова примчаться к нему по первому зову.

Бри оставила все рабочие инструменты, но захватила с собой небольшой бумажный сверток, перевязанный нитью. Роджер повел ее в сторону от тропы, к небольшой кленовой роще, пламеневшей алыми и желтыми листьями. Там можно было укрыться от посторонних глаз.

– Прости, что отвлек, – сказал он, хотя на самом деле не испытывал ни малейшего сожаления по этому поводу.

– Ничего. Я только рада оттуда сбежать. Не могу больше возиться с кровью и внутренностями. – Она уныло усмехнулась.

– Не волнуйся. В женщине важны другие качества.

– Думаешь? – откликнулась Бри, наградив его тяжелым взглядом. – Здесь мужчине нужна жена, которая сумеет выдрать больной зуб или пришить отрубленный палец.

Настроение у Бри было мрачным; возможно, во всем виновата погода или работа, которой она занималась. Чтобы впасть в депрессию, достаточно было просто взглянуть на пациентов Клэр – на бесконечную вереницу увечных, раненых и тяжелобольных. В таких условиях только сама Клэр могла сохранять бодрость духа.

То, что он собирался сказать Брианне, должно было отвлечь ее от суровых реалий восемнадцатого века. Роджер коснулся ладонью лица Бри, огладил пальцем рыжую бровь. Щека была прохладной, но дальше – за ухом, под волосами – кожа дышала теплом, как и в других укромных уголках ее тела.

– Я получил ровно то, что хотел, – твердо сказал он. – А ты? Уверена, что тебе нужен муж, который не умеет снимать скальпы с индейцев и не приносит с охоты свежую дичь? Я ведь тоже предпочитаю избегать крови.

В глазах Бри мелькнула искорка смеха.

– Нет, я бы не хотела выйти замуж за кровожадное чудовище. Мама так иногда называет папу, если сильно разозлится.

Роджер рассмеялся.

– А как ты будешь называть меня в приступе злости?

Бри окинула Роджера задумчивым взглядом, и искорка в глазах полыхнула еще ярче.

– Не волнуйся. Папа отказывается учить меня дурным словам на гэльском, зато Марсали подсказала парочку отличных французских оскорблений. Знаешь, что значит *un soûlard*?^[5] А *un grande gueule*?^[6]

– *Oui, ma petite chou...*^[7] Хотя мне еще ни разу не попадалась капуста с таким красным носом. – Он коснулся кончика ее носа, и Бри со смехом увернулась.

– *Maudit chien!*^[8]

– Прибереги парочку ругательств для супружеской жизни, – посоветовал Роджер. – Еще пригодится.

Он взял Бри за руку и потянул к валуну, лежавшему рядом. В другой руке она по-прежнему сжимала странный сверток.

– Что это?

– Свадебный подарок, – пояснила Бри и протянула пакет Роджеру, безразлично придерживая его двумя пальцами, как дохлую мышь.

Он осторожно подхватил его; сквозь бумагу прощупывалось что-то

мягкое и очень легкое, почти невесомое.

– Шелк для вышивки, – пояснила Бри. – От миссис Бьюкенен.

Между ее бровями снова залегла морщинка, а в глазах мелькнула тревога... Нет, какое-то другое странное чувство – Роджер, хоть ты тресни, не мог его распознать.

– А что не так с шелком для вышивки?

– С шелком все в порядке. Но использовать его надо с определенной целью.

Бри забрала сверток у Роджера и сложила в карман под нижней юбкой.

– Специально для погребальной одежды.

Он не сразу понял, о чем говорит Брианна, и решил, что это какое-то странное бостонско-шотландское выражение.

– Для погребальной одежды... для савана?

– Да. Предполагается, что наутро после свадьбы я, как примерная жена, должна начать ткать себе саван, – выдавила Бри сквозь сжатые зубы. – Чтобы он был готов к тому моменту, как я умру при родах. Хорошая мастерица за это время успеет сшить саван и для любимого мужа. А если не успеет, то его закончит следующая жена!

Роджер посмеялся бы над этой традицией, но Бри явно расстроилась.

– Миссис Бьюкенен на редкость глупая женщина, – сказал он и взял Брианну за руки. – Не бери в голову, это все чепуха.

Она нахмурилась.

– Миссис Бьюкенен, – сказала Бри, – невежественна и бестактна. Но при этом она совершенно права.

– Да какая тут может быть правота! – возмутился Роджер с напускной уверенностью.

– Сколько жен успел похоронить Фаркуард Кэмпбелл? Гидеон Оливер? Эндрю Макнил?

Девять, если считать всех троих джентльменов. Макнил собирался жениться в четвертый раз – на восемнадцатилетней девушке из Уивер-Гордж. Роджер решительно проигнорировал кольнувшую его тревогу.

– А Дженни Кэмпбелл родила восьмерых и проводила на тот свет второго мужа, – отрезал он. – Если уж на то пошло, у самой миссис Бьюкенен пятеро детей и она пока не собирается в могилу. Видел я их семейство – все непроходимые тупицы, зато пышут здоровьем.

После его тирады Бри неуверенно улыбнулась, и Роджер воодушевленно продолжил:

– Милая, тебе нечего бояться. С Джемми ведь все прошло легко?

– Ах, легко? Тогда в следующий раз рожай сам! – огрызнулась Бри.

Правда, улыбка так и не исчезла с ее лица. Она попыталась выдернуть руку, но Роджер не отпустил, и Бри не стала сопротивляться.

– То есть ты не возражаешь против следующего раза? Несмотря на миссис Бьюкенен? – Тон был шутливый. Роджер притянул Брианну к себе и обнял, пряча лицо у нее в волосах, чтобы скрыть серьезность своего вопроса.

Обмануть Бри не удалось – она отстранилась и заглянула ему в лицо синими, как море, глазами.

– А ты готов жениться, но сохранять воздержание? Пижмовое масло не всегда помогает – посмотри на Марсали!

Крошка Джоан была живым подтверждением неэффективности этого средства. И все же...

– Есть ведь и другие способы. Но если тебе нужен целибат... я на него согласен.

Вопреки собственным словам Роджер решительно стиснул ее ягодицу. Бри рассмеялась, однако через мгновение смех утих и синие глаза подернулись темной поволокой.

– Ты всерьез?

– Да. – Роджер не кривил душой, хотя одна мысль о таком обещании камнем легла на плечи.

Бри вздохнула и провела ладонью по его щеке, вдоль шеи, коснулась ямки между ключицами. Большой палец застыл там, где судорожно бился пульс, и Роджера оглушил стук собственного сердца.

Он не шутил насчет целибата, но все равно потянулся к Бри за поцелуем. Воздуха не хватало, и Роджер жадно ловил ее вздохи, стремясь оказаться как можно ближе – переплести пальцы, прижаться губами, стиснуть в объятиях. Раздвинув бедром ноги Бри, он почувствовал, как она упирается ладонью ему в грудь, будто хочет отстраниться, – но через мгновение пальцы судорожно сжались, и Бри вцепилась в него что есть силы. Они кинулись друг на друга, задыхаясь и сталкиваясь зубами в горячечной спешке.

– Я не... мы не... – На мгновение он отодвинулся, силясь подобрать слова. Прохладная рука скользнула ему под килт, уверенно коснулась разгоряченного тела, и Роджер окончательно потерял способность к связной речи.

– Еще один разок, напоследок, – сказала Бри, обжигая его дыханием. – За счастье прежних дней!

Она опустилась на мокрый ковер из желтых листьев и потянула Роджера за собой.

Дождь начал накрапывать снова. Волосы Бри рассыпались по земле спутанным ореолом и потяжелели от влаги. Она лежала, закрыв глаза и повернув лицо к хмурому небу, и капли скатывались по щекам, будто слезы. Бри не знала, плакать ей или смеяться.

Роджер придавил ее сверху, теплый и надежный; килт урывал их переплетенные ноги от дождя. Ее ладонь покоилась у него на затылке, и Бри неторопливо перебирала волосы, мокрые и гладкие, как черный тюлений мех.

Наконец он застонал, словно раненый зверь, и приподнялся. По влажной коже, все еще хранившей тепло там, где их тела соприкасались, пробежал озноб.

– Прости, – пробормотал он. – Прости, я не должен был...

Бри приоткрыла один глаз: Роджер встал перед ней на колени и принялся расправлять вздернутую до пояса юбку. Его шейный платок улетел куда-то в сторону, порез под челюстью вновь начал кровоточить. В любовном угаре Бри порвала ему рубашку, на жилете не хватало половины пуговиц. Лицо Роджера было перепачкано грязью и кровью, а в темных волнистых волосах застряли палые листья и кусочки желудей.

– Ничего страшного, – сказала она, усаживаясь. Выглядела Бри не лучше: груди потяжелели от молока, на лифе платья проступили большие мокрые пятна. Роджер заметил, как она ежится от холода, поднял брошенный на землю плащ и бережно укутал ее.

– Прости, – снова повторил он и отвел прядь волос, упавшую ей на щеку.

– Не волнуйся. – Брианна пыталась взять себя в руки, но сосредоточиться не получалось. Мысли разбегались в разные стороны, словно быстрые капли ртути. – Прошло всего шесть месяцев, и я по-прежнему кормлю Джемми. Пока что беременность мне не грозит.

Потребность прикоснуться к Роджеру казалась непреодолимой. Она зажала рану на шее уголком своего плаща. Как можно говорить о воздержании, если одно его присутствие, запах, сладостные воспоминания о недавних минутах вызвали непреодолимый порыв – опрокинуть Роджера на землю и повторить все заново? Если непрошенная нежность разливалась по телу и стремилась наружу, как молоко?

Грудь ныла от неутоленного желания, и теплые струйки скатывались по ребрам. Бри коснулась припухшей плоти – пока что она в безопасности.

Хотя бы на время.

Роджер отвел ее руку и осторожно дотронулся до пореза.

– Все нормально, кровь остановилась.

На его лице мелькнуло странное выражение. Обычно Роджер умело скрывал свои переживания за маской сдержанности, сейчас же в его чертах отражались противоречивые чувства – от глубокого удовлетворения до всепоглощающего смятения.

– Роджер, что случилось?

Он взглянул было на нее, тут же отвернулся и покраснел.

– Гхм, просто... Мы с тобой все еще неженаты.

– Разумеется, свадьба будет только вечером. К слову сказать... – Она покосилась на Роджера, сдерживая подступающий смех. – Ну и видок у вас, мистер Маккензи. Будто кто-то хорошенько с тобой поразвлёкся.

– Очень смешно, миссис Мак, – откликнулся он, разглядывая перепачканную одежду. – А ты выглядишь так, будто побывала в жестокой драке. Но я о другом. Мы с тобой обручены, и это имеет законную силу, во всяком случае в Шотландии. Однако срок обручения составляет всего год и один день, и он уже давно истек. Нас можно будет считать супругами только после сегодняшней церемонии.

Бри прищурилась, стерла капли дождя со щеки тыльной стороной ладони и снова расхохоталась.

– Бог ты мой, да какая разница?

Против собственной воли Роджер расплылся в улыбке.

– Пожалуй, никакой. Понимаешь, я вырос в семье священника. Вроде бы знаю, что все в порядке, но иногда во мне просыпается старый шотландский кальвинист и начинает ворчать. Мол, нехорошо жить во грехе с женщиной.

– Ха, – фыркнула она, обхватывая руками колени. Наклонилась и толкнула его плечом. – Старый шотландский кальвинист, как же. Ну-ка рассказывай, в чем дело!

На темных, четко очерченных бровях и ресницах Роджера застыли капли воды, скулы поблескивали от влаги. Он глубоко вздохнул.

– Твои страхи вполне оправданны. Я ведь даже не задумывался – до сегодняшнего дня – о тех опасностях, которые подстерегают женщину в супружеской жизни.

Он наконец взглянул ей в лицо и улыбнулся, хотя в зеленых глазах по-прежнему таилась тревога.

– Я хочу тебя, Бри. Так хочу, словами не передать. Думаю о том, как мне с тобой хорошо, – и понимаю, что если мы будем продолжать в том же

духе, то твоя жизнь может оказаться... да что там, точно окажется под угрозой! И все же не могу заставить себя остановиться.

Страх ледяной змеей скользнул вдоль позвоночника и свернулся в глубине живота, кольцом сжимаясь вокруг ее чрева. Бри понимала, чего хочет Роджер, – и речь шла не только о той ошеломляющей близости, которую они только что испытали. Она знала, что кроется за его желаниями, и никак не могла отказать.

– Да уж. – Бри тоже глубоко вздохнула, выпустив облачко белого пара. – Но беспокоиться уже поздно. – Она коснулась его руки. – Поверь мне, я тоже тебя хочу.

Брианна притянула Роджера к себе и поцеловала, прячась от страха в его теплых объятиях, в надежных и сильных руках.

– Господи, Бри, – пробормотал он, уткнувшись лицом в ее волосы. – Я готов отдать все на свете, лишь бы с тобой и Джемми ничего не случилось. Страшно подумать, что моя любовь может погубить тебя... что я могу стать причиной твоей смерти... Страшно.

Сердце Роджера билось под ее щекой – ровно и уверенно. Пальцы Бри, судорожно вцепившиеся в его плечи, постепенно согрелись, и тепло проникало все глубже, прогоняя ледяной ужас, сжимавший сердце.

– Не переживай, – сказала она наконец. Роджер не мог прогнать ее тревоги, но ей хотелось утешить его. – Все будет хорошо. У меня широкие бедра, это самое важное для роженицы. Крутобокая, как кувшин!

В подтверждение своих слов Бри провела ладонью по пышному бедру. Пальцы Роджера скользнули следом.

– Знаешь, что мне вчера сказал Ронни Синклер? Он посмотрел, как ты нагибаешься за хворостом для костра, а потом вздохнул и заявил: «Хочешь расскажу, как выбрать хорошую женщину, Маккензи? Сначала оцени низ, потом переходи к верху!» Гхм...

Роджер со смехом увернулся от тычка, затем склонился к Бри и нежно поцеловал. Дождь продолжал шуршать по палой листве. Пальцы Брианны стали липкими от крови, вытекшей из пореза.

– Ты ведь хочешь еще одного ребенка? – тихо спросила она. – Хочешь точно знать, что он твой.

На мгновение Роджер опустил голову, а потом решительно посмотрел ей в лицо, позволяя Бри прочитать ответ в его взгляде. Страстное желание пополам с заботой и страхом.

– Я не... – начал он, но Бри накрыла его губы ладонью.

– Я понимаю.

Она и вправду его понимала. Единственный ребенок в семье, Брианна

тоже иногда тосковала по ощущению близости и родственного тепла, но никогда не была одинока. Двое заботливых и любящих отцов; мать, любовь которой оказалась сильнее границ времени и пространства; и неожиданное прибавление в семействе, Мюррей из Лаллиброха. Но самое главное – ее сын, ее плоть и кровь. Малыш, доверчиво прижимавшийся к Бри, центр ее мира.

Роджер, в отличие от нее, осиротел слишком рано. Едва помнил своих родителей, а после смерти старого дядюшки у него не осталось вообще ни одной родной души, никого, кто любил его – безусловно и безотчетно, – никого, кроме Бри. Чему же тут удивляться? Роджер истосковался по спокойствию и определенности – той, которую испытывала Брианна, когда баюкала своего сына.

– Я... кхм... хотел вручить его вечером... Вот, держи.

Он вытащил из внутреннего кармана плаща небольшой мягкий сверток.

– Можно сказать, свадебный подарок. – Роджер улыбался, но Бри чувствовала его неуверенность.

Она развернула ткань, и на нее взглянули черные глазки-пуговицы. Кукла была одета в бесформенное зеленое платье, а ее голову венчала буйная шевелюра из рыжей шерсти. Сердце Бри застучало как сумасшедшее, горло перехватило.

– Я решил, что малышу должно понравиться. Будет, обо что зубки почесать.

Брианна повернулась, и промокая от молока ткань прилипла к груди; кожа зудела. Бри по-прежнему боялась, однако некоторые вещи были сильнее страха.

– У нас обязательно будет еще один, – сказала Бри и положила ладонь Роджеру на руку. – Не знаю когда, но обязательно будет.

Он накрыл ее пальцы своими и крепко сжал, опустив глаза.

– Спасибо, кувшинчик, – едва слышно произнес он.

* * *

Дождь разошелся не на шутку. Роджер убрал прилипшие ко лбу волосы и встряхнулся по-собачьи; с плаща и пледа полетели брызги. На серой шерстяной ткани красовалось грязное пятно, и отчистить его не удавалось.

– Господи, как в таком виде идти под венец? – шутливо

поинтересовался он. – Я похож на бродягу.

– Еще не поздно, – поддразнила его Бри. Голос предательски дрогнул. – Всегда можно отказаться от этой затеи.

– Нет, нельзя. Я обречен с нашей первой встречи, – ворчливо ответил он. – Да и, кроме того, – Роджер приподнял бровь, – твой отец прирежет меня, как свинью, если я начну высказывать сомнения по поводу нашего брака.

– Ха! – Бри расплылась в широкой улыбке, и на щеке у нее появилась ямочка.

– Женщина, черт побери, тебя радует эта идея?

– Да. То есть нет! – Бри снова расхохоталась, а Роджер только этого и добивался. – Конечно, я не хочу, чтобы он тебя прирезал. Но мне приятно знать, что ради меня папа готов пойти на что угодно. Отец должен защищать своего ребенка.

Она улыбнулась Роджеру.

– Как вы, мистер Маккензи.

От этих слов у Роджера что-то сжалось в груди и жилет показался слишком тесным. Вспомнив о том, что он собирался ей рассказать, Роджер испытал холодный укол тревоги. В конце концов, представления об отцовской защите у всех разные – непонятно, как Бри среагирует.

Он потянул ее за собой в гущу деревьев – туда, где под ногами лежал душистый ковер из сухих иголок, а над головой, укрывая от дождя, нависали разлапистые еловые ветки.

– Пойдем, миссис Мак, присядем на минутку. Мне надо тебе кое-что рассказать перед свадьбой. – Роджер усадил ее рядом с собой на замшелый ствол. Откашлялся и собрался с мыслями. – Прежде чем пройти через каменные круги в Инвернессе, я успел покопаться в документах, которые хранил у себя преподобный, и наткнулся на письмо, отправленное твоим отцом. То есть Фрэнком Рэндаллом. Сейчас оно уже не имеет никакого значения, но... я подумал, что между будущими супругами не должно быть секретов. Вчера вечером рассказал об этом письме твоему отцу. Теперь твоя очередь.

Ладонь Брианны лежала в его руке. Роджер продолжал говорить, и ее пальцы сжимались все крепче и крепче, а на лбу проступала глубокая морщинка.

– Повтори, – сказала она, когда он закончил свою речь. – Еще раз.

Роджер послушно повторил письмо заново – наизусть, слово в слово, как рассказывал накануне Джейми Фрейзеру.

– Значит, надгробный камень в Шотландии, на котором высечено

папино имя, – всего лишь подделка? – Она слегка повысила голос от удивления. – Папа... Фрэнк попросил преподобного установить надгробие на кладбище в Сент-Килде, но могила ненастоящая? Под камнем никого нет? То есть... папу похоронят не там?

– Да, попросил. Нет, его похоронят не там, – ответил Роджер, стараясь не запутаться в этой истории. – По-моему, он... то есть Фрэнк Рэндалл... хотел поставить этот камень в знак благодарности. Чтобы отдать должное твоему отцу... второму отцу. Джейми.

От холода на щеках Брианны проступил румянец; кончик носа и уши покраснели, и жар, пылавший, пока они занимались любовью, отступил окончательно.

– Откуда он знал, что мы с мамой найдем эту могилу?

– Может быть, ему не хотелось, чтобы вы ее нашли, – ответил Роджер. – Или это был просто символический жест. Кроме того, – добавил он, вспомнив еще одну подробность, – Клэр говорила, что незадолго перед смертью Фрэнк собирался отвезти тебя в Англию. Может быть, хотел показать это место... и оставить решение за тобой и Клэр.

Брианна погрузилась в раздумья.

– Он ведь знал, – медленно произнесла она. – Он знал, что Джейми Фрейзер выжил в сражении при Каллодене. И ничего не сказал...

– Не стоит его винить. Дело тут не в эгоизме. Не только в нем.

– Не только? – Бри еще не оправилась от потрясения. Она размышляла над его словами, пытаясь взвесить все подробности, и не торопилась делать выводы.

– Нет. Подумай, милая, – ласково сказал Роджер. Ствол ели холодил спину; пальцы касались мокрой коры на замшелом бревне. – Он любил твою мать и не хотел терять ее снова. Эгоистичное желание, но, как ни крути, Фрэнк был ее первым мужем. Нельзя винить его за то, что он не желал уступать Клэр другому мужчине. И это еще не все.

– Да? – Она говорила спокойно, голубые глаза смотрели прямо и уверенно.

– Ну, представь себе: а что, если бы он ей все рассказал? Молодой матери с маленьким ребенком. Ведь они не подозревали о том, что ты тоже можешь пройти сквозь каменный круг.

В глазах Брианны мелькнула грусть.

– Ей бы пришлось выбирать, – сказала Бри, не отводя взгляда. – Остаться с нами или отправиться к нему. К Джейми.

– Покинуть тебя, – кивнул Роджер, – или жить как прежде и постоянно помнить о том, что Джейми жив, но им не суждено быть вместе. Нарушить

супружеские клятвы – на этот раз осознанно – и бросить своего ребенка... или жить в бесконечной тоске по несбывшемуся счастью. Такой тяжкий груз разрушил бы вашу семью.

– Да, я понимаю, – сказала Бри, и ее вздох растворился в воздухе призрачной дымкой.

– Фрэнк боялся. Он не оставил Клэр выбора, но защитил ее – и тебя – от боли. Хотя бы на время.

Она прикусила губу, напряглась.

– Интересно, что бы она сделала. Если бы Фрэнк ей все рассказал, – тихо промолвила Бри.

Роджер сжал ее руку.

– Она бы осталась с тобой, – уверенно ответил он. – Ей уже приходилось выбирать: когда Джейми отправил ее обратно, чтобы защитить тебя. И во второй раз она поступила бы точно так же, зная, что Джейми ее поддержит. Клэр осталась бы с тобой. И не вернулась бы сюда, если бы ты не настояла. Понимаешь?

Бри слегка расслабилась, успокоенная его словами.

– Да, наверное, ты прав. И все же... Знать, что он остался жив, и не попытаться вернуться...

Роджер прикусил щеку, сдерживая рвущийся наружу вопрос. «А если бы выбирать пришлось тебе, Брианна? Между сыном и мной?» Но разве можно ставить любимую женщину перед таким жестоким выбором – даже теоретически? Неважно, ради чего. Он не станет спрашивать ее об этом.

– Все-таки... зачем он установил там надгробный камень? – Морщинка на лбу Брианны напряженно изогнулась, отражая глубокое смятение.

Роджер никогда не встречался с Фрэнком Рэндаллом лицом к лицу, но мог ему посочувствовать, – и это сочувствие не было холодным и отстраненным. Поначалу он не понимал, почему ему непременно хотелось рассказать о письме до свадьбы, однако постепенно начал осознавать собственные мотивы. И эти мотивы ему не нравились.

– Наверное, им двигало чувство долга. Не только по отношению к Джейми и твоей маме, но и к тебе. Если бы... – Он замолчал и крепко стиснул ее руку. – Послушай. Взять хотя бы крошку Джемми. Ты моя женщина, он мой сын – и всегда будет им оставаться. – Роджер глубоко вздохнул. – Но если бы я оказался на месте другого...

– На месте Стивена Боннета, – сказала Бри и поджала побелевшие губы.

– Если бы я оказался на месте Боннета, – кивнул он, содрогнувшись от

этой отвратительной мысли, – если бы я знал, что моего ребенка растит чужой человек... разве мне не хотелось бы, чтобы мой сын узнал правду?

Пальцы Брианны дернулись, глаза резко потемнели.

– Не рассказывай ему! Роджер, ради всего святого, не рассказывай! Пообещай!

Он удивленно взглянул на Бри. Ее ногти впились в его ладонь.

– Боннету? Господи, да ни за что! Если я его еще раз увижу, то не стану тратить время на разговоры!

– Не Боннету. – Она вздрогнула, то ли от холода, то ли от переполнявших ее эмоций. – Держись от этого мерзавца подальше! Нет, я про Джемми. – Бри сглотнула и крепко стиснула обе его руки. – Обещай, Роджер. Если ты меня любишь, обещай, что никогда не расскажешь Джемми про Боннета. Даже если со мной что-нибудь случится...

– Ничего с тобой не случится!

Она посмотрела на него с насмешливой улыбкой.

– Я, знаешь ли, вряд ли смогу соблюдать воздержание. Случиться может все. Пообещай, Роджер.

– Хорошо. Обещаю, – неохотно ответил он. – Если ты не сомневаешься...

– Не сомневаюсь!

– Неужели ты сама хотела бы остаться в неведении? Про Джейми?

Она прикусила губу, и зубы оставили глубокий красный след на нежной розовой коже.

– Между Джейми Фрейзером и Стивеном Боннетом нет ничего общего!

– Согласен. Но я говорил не про Джемми. На месте Боннета я бы хотел узнать правду и...

– Он знает. – Брианна резко высвободила руку, встала и отвернулась.

– Что?!

Роджер нагнал ее в два шага, ухватил за плечо и снова развернул к себе. Она отпрянула, и Роджер ослабил хватку. Глубоко вздохнул, стараясь говорить спокойно.

– Боннет знает про Джемми?

– Хуже того. – Губы у нее дрожали. Бри стиснула зубы, пытаясь успокоиться, а потом все-таки выдавила из себя признание: – Он думает, что Джемми его сын.

Она не желала больше сидеть под укрытием еловых веток, так что Роджер крепко взял ее под руку и повел за собой – сквозь бесконечный дождь, по камням и скалам, мимо быстрого ручья и качавшихся на ветру

деревьев, – пока Бри не успокоилась и не начала рассказывать о том, как жила одна в поместье «Горная река», невольная узница из-за собственной беременности. Она рассказала ему про лорда Джона Грея, который был другом ее отца; о том, как она изливала лорду Джону свои страхи и метания.

– Я боялась, что вы погибли. Все – и мама, и папа, и ты.

Капюшон соскользнул с головы, но Бри даже не попыталась надеть его снова. Волосы свисали на плечи мокрыми крысиными хвостиками, густые рыжие брови потемнели от влаги.

– Последнее, что сказал мне папа... даже не сказал – написал, потому что я не желала с ним разговаривать... – Бри сглотнула и утерла нос ладонью, стряхивая нависшую каплю. – Он сказал, что надо попытаться... простить его. Боннета.

– Что?!

Сам того не замечая, Роджер судорожно вцепился в ее руку, и Бри слегка отстранилась.

– Ты знаешь, что случилось с ним... в Уэнтворте.

Роджер кивнул. На самом деле он смутно представлял, какие испытания выпали на долю Джейми Фрейзера. Он видел шрамы на его спине и по отдельным репликам Клэр успел понять, что они остались в напоминание о пережитом.

– Папа понимал, что нужно делать. Сказал, что если... если я хочу снова почувствовать себя цельной, то мне придется простить Стивена Боннета. И я его простила.

Роджер держал Брианну за руку, держал крепко, чувствуя движение хрупких костей под кожей. Она ничего ему не рассказывала, а он не спрашивал. Имя Стивена Боннета не всплывало ни в одном из их разговоров – до сегодняшнего дня.

– Простила, значит, – мрачно пробормотал он и замолчал на секунду. – То есть ты его нашла? Поговорила с ним?

Она откинула мокрые волосы со лба и кивнула. Грей принес ей внезапную весть: Боннета арестовали и осудили, в Уилмингтоне его ждала смертная казнь. Держали его в подвалах под Королевскими складами в Кросс-Крике. И она отправилась туда, лелея в душе прощение – для Боннета и для себя самой.

– Я была вот такая. – Брианна провела ладонью в воздухе, обрисовывая живот на последних месяцах беременности. – Сказала, что ребенок его. Думала, что эта мысль послужит ему утешением перед смертью. Что после него осталось... хоть что-то.

Роджера охватил приступ ревности – такой внезапный и сильный, что на мгновение боль в сердце показалась вполне настоящей. «После него осталось хоть что-то, – подумал он. – После него. А после меня? Если я завтра умру – а я ведь могу, жизнь здесь суровая, и не только для женщин! – что останется после меня? Ну-ка, скажи мне, милая!»

Нельзя было задавать этот вопрос, никак нельзя. Он поклялся, что никогда не усомнится вслух в том, что Джемми его ребенок. Если Бри станет его женой, значит, Джем будет ему сыном, и неважно, от кого он рожден. И все же слова выплеснулись наружу, как едкая кислота.

– И ты уверена, что ребенок его?

Брианна застыла на месте и обернулась к нему с круглыми от изумления глазами.

– Нет, конечно! Если бы я знала, я бы уже давно сказала тебе.

Боль в груди слегка утихла. Совсем чуть-чуть.

– Вот как... Но при нем ты не упоминала о своих сомнениях?

– Боннета ждала смертная казнь! Я хотела утешить его, а не делиться своими душевными переживаниями. И не собиралась рассказывать про тебя, про нашу брачную ночь и... и... Да чтоб тебя, Роджер! – Она яростно пнула его по голени.

Пинок был сильный. Роджер едва удержался на ногах, но успел схватить Бри за руку.

– Прости! – торопливо сказал он, прежде чем она пнула его во второй раз. Судя по выражению лица, Бри была готова вцепиться в него зубами. – Прости, ты права. Я не должен был ворошить старые воспоминания.

Брианна шумно втянула носом воздух на манер дракона, который собрался испепелить свою жертву. Искры гнева в ее глазах слегка поугасли, хотя на щеках по-прежнему полыхали яркие пятна.

– Вот именно, – ответила она, наградив Роджера мрачным взглядом. – Ты сказал, что между нами не должно быть секретов, и я полностью с тобой согласна. Но за одной тайной всегда может скрываться другая. Так и тянутся друг за другом.

– Я не...

Не успел Роджер закончить фразу, как послышались голоса и звуки шагов. Из тумана им навстречу вышли четыре горца. Они шагали по тропе босиком, переговариваясь друг с другом на гэльском, и несли с собой заостренные палки и сети. Чешуя свежепойманной рыбы поблескивала под дождем.

– А, певец! – Один из рыбаков бросил цепкий взгляд из-под мягкой широкополой шляпы и хитро ухмыльнулся. – Дрозд, собственной

персоной! И дочка рыжего Джейми! Что, не смогли утерпеть до вечера?

– Запретный плод сладок, а благословения от сморчка-священника еще дожидаться надо. – Второй горец заломил берет на затылок и выразительно похлопал свой пах, демонстрируя, про какой «сморчок» идет речь.

– Да нет же, – сказал третий и утер нос, не сводя глаз с Брианны. Та старалась поплотнее укутаться в плащ. – Он просто решил спеть ей песенку перед свадьбой.

– Я тоже знаю эту песенку, – откликнулся его приятель и расплылся в широченной улыбке, в которой явно не хватало зубов. – Но могу спеть куда лучше!

Щеки Брианны снова запылали румянцем; на гэльском она говорила не так хорошо, как Роджер, однако достаточно, чтобы понять общий смысл грубых шуток. Роджер шагнул вперед, прикрывая ее собой. Горцы не затевали ничего дурного, и дальше подмигивания и выразительных усмешек дело не пошло. Наконец первый из них стянул шляпу, похлопал ею по бедру, стряхивая воду, и заговорил серьезно:

– Хорошо, что мы повстречали тебя здесь, Дрозд. Моя мать слышала, как ты пел у костра, а потом рассказала всем своим тетушкам и кузинам, что от твоей музыки ноги сами просятся в пляс. Теперь они хором настаивают, чтобы ты непременно спел на празднике в Спринг-Крике. Моя младшенькая кузина выходит замуж; у дяди нет других детей. Зато он владеет мельницей!

– Знатный праздник получится! – вставил другой рыбак, помоложе; судя по внешнему сходству, он приходился первому горцу сыном.

– Затеваете свадьбу? – Роджер говорил на гэльском очень медленно и официально. – Значит, селедки будет вдоволь!

Два горца постарше рассмеялись над его шуткой, но их сыновья только рассеянно переглянулись.

– Эх, ребята ни разу в глаза селедки не видели, – сказал горец в берете. – Здесь родились, оба.

– А откуда вы родом, сэр? Из какой части Шотландии?

Услышав звонкий голос, горец вздрогнул от удивления. Пару мгновений он просто смотрел на Брианну, потом лицо его резко переменилось.

– Остров Скай, – ответил он. – Городок Скибост у подножия Куиллин. Меня зовут Ангус Маклауд, и Скай – земля моих дедов и прадедов. Но мои сыновья родились здесь.

Слова прозвучали тихо, и было в его голосе что-то такое, отчего бурное веселье юношей стремительно угасло, будто их окатили водой.

Горец в широкополой шляпе посмотрел на Брианну с любопытством.

– А ты, дочка, родилась в Шотландии?

Бри молча покачала головой и запахнула плащ покрепче.

– Да, я тоже оттуда, – сказал Роджер в ответ на вопросительный взгляд. – Из селения Кайл-оф-Лохалш.

– Вот как, – ответил Маклауд, и на его суровом лице отразилось глубокое удовлетворение. – Значит, правду про тебя говорят? Что ты знаешь все песни шотландских гор и островов?

– Не все, – улыбнулся Роджер, – но многие. И еще выучу.

– Выучи, певец. – Маклауд медленно кивнул. – А потом научи своих сыновей. – Его взгляд остановился на Брианне, и губы тронула слабая улыбка. – Пусть поют моим детям, чтобы те помнили, откуда мы родом. Даже если им не суждено туда вернуться.

Один из юношей шагнул вперед и застенчиво протянул Брианне несколько рыбин, нанизанных на веревку.

– Возьмите, – сказал он. – Подарок на свадьбу.

Роджер видел, как дернулся уголок ее губ – от смеха или подступающей истерики? – но она приняла мокрую вязанку с королевским достоинством. И склонилась в глубоком реверансе.

– Chaneil facal agam dhuibh och taing, – медленно произнесла она со своим необычным акцентом. «У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность».

Юноша мгновенно покраснел, а старший горец просиял от удовольствия.

– Вот и славно, дочка, – сказал Маклауд. – Твой муж научит тебя гэльской речи, а ты научишь своих сыновей. Пусть их у вас будет много!

Он снял берет и отвесил эффектный поклон, пошире расставив босые ноги, чтобы не упасть в грязь.

– Желаем много сильных и здоровых сыновей! – тут же подхватил его приятель, а двое юношей улыбнулись и застенчиво пробормотали: – Много сыновей вам, госпожа!

Горцы пошли своей дорогой, периодически бросая назад любопытные взгляды, а они остались стоять в двух шагах друг от друга. Брианна скрестила руки на груди и разглядывала грязь у себя под ногами. Сердце Роджера опять сжалось от боли. Ему хотелось прикоснуться к ней, попросить прощения, но от этого стало бы только хуже.

В конце концов она сама шагнула навстречу. Положила голову на плечо, и холодные мокрые волосы коснулись его пораненной шеи. Роджер чувствовал, как распухли и отвердели от молока ее груди, напившие на

него, словно каменная преграда.

– Я хочу к Джемми, – тихо сказала она. – К моему малышу.

Невысказанные слова застряли в горле, и Роджер разрывался между извинениями и гневом. Мысль о том, что Джем принадлежит другому, – не ему, а Боннету! – причиняла невыносимую боль.

– Я тоже по нему соскучился, – прошептал он. Поцеловал Бри в лоб, взял за руку и повел напрямик через луг. Гора высилась над ними, невидимая в клубах тумана; сверху долетали обрывки фраз, крики и отголоски музыки, как эхо с вершины Олимпа.

Глава 7. Шрапнель

К середине утра дождь стих, сквозь облака начало проглядывать бледно-голубое небо, и у меня в душе зародилась смутная надежда на то, что вечером погода наладится окончательно. И вовсе не из-за пословиц и суеверий – мне просто не хотелось, чтобы дождь испортил Брианне свадьбу. Конечно, это не венчание в церкви Сент-Джеймс, с белым атласным платьем и россыпью рисовых зерен, но, по крайней мере, на свадьбе должно быть сухо.

Я помассировала правую руку, разминая затекшие мышцы: сломанный зуб мистера Гудвина доставил куда больше хлопот, чем я ожидала, и все-таки мне удалось выдернуть его вместе с корнями. Я вручила пациенту маленькую бутылку неразбавленного виски и велела полоскать рот раз в час для предотвращения инфекции. А уж проглатывать или не проглатывать – его личное дело.

От души потянувшись, я услышала, как звякнули деньги в потайном кармашке под юбкой, – суцая музыка для ушей. Мистер Гудвин и вправду заплатил за мои труды звонкой монетой. Я задумалась, хватит ли этих денег на астроблю и зачем вообще Джейми понадобился такой необычный инструмент. Мои размышления были прерваны тихим и очень официальным покашливанием.

Обернувшись, я обнаружила за спиной озадаченного Арчи Хэйза.

– Какая неожиданность! Могу ли я вам помочь, лейтенант?

– Полагаю, что можете, госпожа Фрейзер, – ответил лейтенант с легкой улыбкой. – Фаркуард Кэмпбелл рассказывал, что среди его рабов о вас ходят удивительные слухи. Будто бы вы умеете воскрешать мертвых. Смею надеяться, что пара осколков металла не вызовет особого затруднения у такого искусного хирурга.

Услышав его слова, Мюррей Маклауд громко фыркнул и отвернулся к своим пациентам.

– Хм. – Я смущенно потерла нос. Четыре дня назад у одного из рабов Кэмпбелла случился эпилептический припадок, и бедняга пришел в себя как раз в ту минуту, когда я положила ладонь ему на грудь. Мне так и не удалось втолковать окружающим, что я была непричастна к его исцелению, и слава о могущественной лекарке разнеслась со скоростью лесного пожара.

Вот и сейчас несколько рабов играли в кости на краю поляны,

дожидаясь, пока я разберусь с другими больными. На всякий случай я окинула их пристальным взглядом: они не стали бы привлекать к себе внимание, даже будучи при смерти, – из почтения к моим белым пациентам, а также из глубокой убежденности в том, что, случись беда, я просто воскрешу труп и вылечу все недуги.

Удостоверившись, что в ближайшее время никто не собирается терять сознание, я развернулась к Хэйзу и вытерла руки о передник.

– Давайте посмотрим, что у вас там за осколки.

Хэйз без возражений снял берет, куртку, жилет, шейный платок и рубашку вместе с серебряным нагрудным знаком. Вручил одежду сопровождавшему его адъютанту и сел на скамью, сохраняя невозмутимое спокойствие, несмотря на частичную наготу, покрывшиеся мурашками плечи и пораженное бормотание рабов.

Грудь у него была практически безволосой и очень бледной – так бывает, если солнце годами не касается кожи, – что резко контрастировало с потемневшими от загара руками, лицом и коленями. Однако контраст на этом не заканчивался.

Слева на молочно-белой груди расплывалось черное пятно, огромное, от ребер до ключицы. Правый сосок был нормального коричневаторозового цвета, а левый – белого. Я удивленно моргнула, а позади нас раздалось тихое: «A Dhia!»

– A Dhia, tha e tionndadh dubh! – подхватил другой голос, погромче. «Господи, да он начал чернеть!»

Хэйз пропустил все возгласы мимо ушей и слегка откинулся назад, позволяя мне приступить к осмотру. Скоро стало понятно, что причина была не в естественной пигментации, а в бесчисленном множестве мелких темных гранул, засевших под кожей. Вместо соска остался только блестящий белый шрам размером с шестипенсовик.

– Порох, – сказала я, проведя кончиками пальцев по темному пятну. Мне уже доводилось видеть такие следы; они возникали после осечки или выстрела в упор, когда частички пороха – а зачастую и ткани – проникали глубоко под кожу. Все верно. Под пальцами ощущались крошечные бугорки, мелкие кусочки той одежды, которая была на Хэйзе в момент ранения.

– Пуля все еще внутри?

Входное отверстие сразу бросалось в глаза. Я дотронулась до белого шрама и попыталась представить траекторию ее движения.

– Не целиком, – безмятежно ответил Хэйз. – Раскололась по дороге. Хирург отдал мне те куски, которые сумел достать. Потом я сложил их

вместе, но получилась только половина, так что все остальное по-прежнему во мне.

– Ваше счастье, что осколки не задели сердце и легкие, – сказала я, присаживаясь на корточки и разглядывая рану поближе.

– Еще как задели, – возразил он. – Во всяком случае, я так думаю. Понимаете ли, пуля попала в грудь, а теперь выходит на спине.

К огромному удивлению окружавших нас зрителей – и к моему собственному, – он оказался прав. Маленькая шишка под левой лопаткой не только прощупывалась руками, но и была заметна невооруженному глазу – темное уплотнение под нежной белой кожей.

– Чтоб мне провалиться! – воскликнула я, и Хэйз удивленно фыркнул.

Как ни странно, извлечь осколок удалось без особых усилий. Я обмакнула кусочек ткани в виски, протерла кожу, простерилизовала скальпель и сделала быстрый надрез. Хэйз сидел совершенно неподвижно, как полагается настоящему солдату и истинному шотландцу; если судить по шрамам, покрывавшим его грудь, ему приходилось терпеть вещи и похуже.

Я надавила на кожу по обеим сторонам надреза; края раны раздвинулись, и темный зазубренный осколок металла высунулся наружу, как кончик языка – ровно настолько, чтобы я смогла аккуратно подцепить его щипцами. С ликующим возгласом я кинула бесформенный кусок пули на ладонь Хэйза, а потом зажала порез пропитанной спиртом тканью.

Лейтенант медленно выдохнул сквозь зубы и улыбнулся, глядя на меня через плечо.

– Благодарю вас, миссис Фрейзер. Этот малыш пробыл со мной много лет, но горевать по нему я не стану. – Он с любопытством рассматривал металл, лежащий на забрызганной кровью ладони.

– Когда вы получили ранение? – поинтересовалась я.

На первый взгляд могло показаться, что осколок прошел тело насквозь, но я сильно сомневалась в такой возможности. Скорее всего, он просто застрял на груди у поверхности кожи, а потом, под давлением мышц, медленно сдвигался вокруг туловища, пока не достиг лопатки.

– Больше двадцати лет прошло, госпожа, – сказал Хэйз и коснулся плотного белого рубца, оставшегося на одном из самых чувствительных мест его тела. – Это случилось при Каллодене.

Говорил он спокойно, но по моим рукам пробежали мурашки. Больше двадцати лет... скорее, даже двадцать пять. Значит...

– Вам же было не больше двенадцати!

– Одиннадцать. – Он приподнял бровь. – Правда, на следующий день у

меня был день рождения.

Пришлось прикусить язык, чтобы не ляпнуть какую-нибудь глупость. Мне казалось, что суровые нравы прошлого уже не смогут выбить меня из колеи, однако я ошибалась. В Хэйза – в одиннадцатилетнего мальчика! – выстрелили в упор. Не по ошибке, не в угаре битвы... Нет. Тот, кто стрелял, прекрасно понимал, что целится в ребенка. И все равно нажал на курок.

Поджав губы, я осмотрела надрез. Неглубокий, длиной не больше дюйма; осколок находился у самой поверхности. Значит, швы не нужны. Я наложила на рану чистую повязку и принялась обматывать ее вокруг туловища.

– Чудо, что вы остались живы.

– Да, и вправду чудо. Помню, я лежал на земле, надо мной склонился Мурчисон и...

– Мурчисон! – воскликнула я, и на лице Хэйза мелькнуло удовлетворение. На секунду я испугалась, вспомнив слова Джейми: «Малыш Арчи – себе на уме. Болтает он много, а еще больше умалчивает. Будь с ним осторожней, саксоночка». Что ж, осторожничать уже поздно – да и какая разница? Даже если это был тот самый Мурчисон...

– Знакомое имя? – спросил Хэйз. – В Англии до меня дошли слухи, что сержант Мурчисон из двадцать шестого полка был отправлен в Северную Каролину. Но когда мы приехали в Кросс-Крик, гарнизон оказался разрушен. Говорят, там был пожар?

– Кхм, да. – Хорошо, что Бри успела уйти; правда о том, что случилось на королевских складах в Кросс-Крике, известна всего двум людям. Один из них – Бри. А что касается второго... Стивен Боннет вряд ли когда-нибудь повстречается с лейтенантом. Если он вообще жив.

– Солдаты из гарнизона, – продолжал Хэйз, – Мурчисон и все остальные... не знаете, где они теперь?

За моей спиной раздался мягкий глубокий голос:

– Сержант Мурчисон мертв, как ни прискорбно.

Хэйз улыбнулся говорившему.

– А, Рыжий Джейми, – сказал он. – Я как раз подумал, что рано или поздно ты решишь проведать жену. Искал тебя с самого утра.

Я вздрогнула, услышав прозвище, а по лицу Джейми скользнуло удивление, быстро сменившееся настороженностью. Никто не называл его «Рыжим Джейми» со времен восстания.

– Да, мне сообщили, – сухо ответил он и присел на вторую скамью лицом к Хэйзу. – Что ж, рассказывай. В чем дело?

Хэйз потянулся к споррану, болтавшемуся у него меж колен, и через

несколько мгновений выудил оттуда письмо, скрепленное красной сургучной печатью. Я сразу узнала герб, и сердце замерло. Вряд ли губернатор Трион решил поздравить меня с прошедшим днем рождения.

Хэйз перевернул письмо, убедился, что там указано имя Джейми, и протянул его адресату. К моему удивлению, Джейми не стал его вскрывать, а вместо этого продолжал внимательно смотреть на Хэйза.

– Что тебя сюда привело? – неожиданно спросил он.

– Известное дело, долг службы, – ответил Хэйз, изумленно приподняв брови. Сама невинность. – Что еще может руководить солдатом?

– Долг службы, – эхом откликнулся Джейми и похлопал письмом по бедру. – Ладно, не спорю. По долгу службы ты отправился из Чарльстона в Виргинию, да только вот путь выбрал весьма окольный.

Хэйз хотел пожать плечами, но тут же замер, потревожив свежую рану у себя на спине. Я продолжала накладывать повязку.

– Мне нужно было огласить губернаторскую прокламацию.

– Ни ты, ни твои солдаты не обязаны подчиняться губернаторским приказам.

– Верно, – кивнул Хэйз, – но почему бы не оказать услугу хорошему человеку?

– Он сам попросил тебя об этой услуге или ты выступил добровольцем? – Голос Джейми сочился сарказмом.

– К старости ты стал излишне подозрителен, – сказал Хэйз, с упреком покачав головой.

– А как, по-твоему, я дожил до своих лет? Исключительно благодаря подозрительности. – Джейми слабо улыбнулся, а потом замолчал и пару мгновений внимательно смотрел на Хэйза. – Говоришь, того солдата, который выстрелил в тебя у Друмossi, звали Мурчисоном?

Я затянула последний узел на повязке, и Хэйз осторожно пошевелил плечом.

– Тебе ли не знать, Рыжий Джейми. Ты же сам там был.

Лицо Джейми едва заметно исказилось. Он почти не помнил тот день, когда погибло множество кланов, ту страшную бойню, после которой сотни людей остались истекать кровью на поле сражения – и он среди них. Порой обрывки воспоминаний настигали Джейми во сне и бередили сердце кошмарами, но что бы ни было тому причиной – глубокая травма, ранение или сила воли, – битва при Каллодене почти полностью изгладилась из его памяти. И вряд ли он хотел о ней вспоминать.

– Тогда много чего случилось. Всего не упомнишь.

Джейми склонил голову и поддел бумагу пальцем, вскрыв письмо с

такой силой, что сургучная печать разлетелась на мелкие куски.

– Ваш муж – очень скромный человек, госпожа Фрейзер. – Хэйз кивнул мне и подозвал своего адъютанта. – Он никогда не рассказывал вам о том, что совершил на поле сражения?

– Многие в тот день проявили доблесть и мужество, – пробормотал Джейми, склонившись над письмом. – Но подлости и трусости было не меньше.

Он смотрел на бумагу, хотя вряд ли понимал, что там написано. Взгляд неподвижно застыл на одной точке, не видимой всем остальным.

– Не спорю, – кивнул Хэйз. – Но разве не стоит упоминания тот, кто спас тебе жизнь?

Джейми вскинулся от неожиданности, и я, торопливо подойдя к нему, осторожно положила ладонь на плечо. Тем временем Хэйз принялся натягивать рубашку, не переставая улыбаться. Улыбка была странная, настороженная.

– Разве ты не помнишь, как ударил Мурчисона по затылку, когда он поднял надо мной штык? А потом отнес меня к маленькому роднику? Глава одного из кланов лежал на траве, ему омывали водой лоб, но я видел, что он мертв, – живые никогда не бывают так неподвижны. Кто-то взялся осматривать мою рану, тебя тоже упрашивали остаться, однако ты отказался. Встал, весь в крови, пожелал мне выздоровления, благословил именем святого Михаила... и снова ушел на поле.

Хэйз надел цепочку с нагрудным знаком, аккуратно поправил маленький серебряный полумесяц. Горло, не прикрытое шейным платком, выглядело незащищенным и уязвимым.

– Вид у тебя был страшный. Кровь стекала по щекам, волосы развевались по ветру; ты развернулся и вновь достал палаш из ножен... Я думал, что больше тебя не увижу.

Хэйз покачал головой, прикрыв глаза, словно перед его внутренним взором стоял не суровый могучий горец, Фрейзер из Фрейзер-Риджа, – а тот, другой, Рыжий Джейми. Молодой воин, который отправился в бой, на смерть, тяготясь собственной жизнью, потому что недавно потерял меня.

– Вот как? – пробормотал Джейми. – Я и забыл.

Плечо под моей ладонью подрагивало от напряжения, как натянутая струна; за ухом отчаянно билась тонкая венка. Джейми не мог позабыть боль разлуки. Да и я не могла.

Хэйз склонил голову, позволяя адъютанту повязать шейный платок, потом выпрямился и кивнул мне.

– Примите мою глубочайшую благодарность, мэм. Вы были весьма

любезны.

– Не стоит благодарить, – ответила я, едва шевеля пересохшими губами. – Я только рада оказать помощь.

Опять зарядил дождь; холодные капли падали мне на лицо и руки, застывали серебристыми искрами на волосах и ресницах Джейми, скатывались по его широким скулам.

Хэйз надел куртку и застегнул плед маленькой позолоченной брошью – той брошью, которую отец отдал ему перед Каллоденом.

– Значит, Мурчисон мертв, – задумчиво произнес он. – Впрочем, я слышал, – его пальцы на мгновение замерли на застежке броши, – что у него был брат, с которым они похожи как две капли воды.

– Был, – подтвердил Джейми. Он наконец посмотрел Хэйзу прямо в глаза. Лицо лейтенанта выражало только легкое любопытство.

– И ты знаешь, кто из них?..

– Нет. Но это неважно, оба давно мертвы.

– Ясно.

Хэйз застыл в минутном раздумье, потом прижал берет к груди и отвесил Джейми официальный поклон.

– Buidheachas dhut, a Sheumais mac Brian^[9]. И да защитит тебя святой Михаил.

Он кивнул мне, надел берет и отправился прочь. Адъютант молча поспешил следом.

Над поляной пронесся сильный порыв ветра и окатил нас брызгами ледяного дождя, точь-в-точь как в то апрельское утро при Каллодене. Джейми вздрогнул всем телом, и его пальцы судорожно дернулись, комкая письмо, которое он по-прежнему держал в руке.

– Что ты помнишь о том дне? – спросила я, глядя, как Хэйз перешагивает через кровавые лужи.

– Почти ничего, – ответил он. Поднялся и посмотрел на меня потемневшими, как хмурое небо, глазами. – Но и этого бывает много.

Он протянул мне измятое письмо. Хотя кое-где от дождя чернила начали расплываться, текст оставался понятным и четким. В отличие от прокламации, в письме было целых два предложения.

Нью-Берн, 20 октября

Полковнику Джеймсу Фрейзеру

По причине нарушения мира и порядка на вверенной мне территории и нанесении огромного вреда жителям нашей провинции, а также их имуществу, с одобрения совета Его

Величества настоящим приказываю вам объявить общий сбор вооруженного ополчения, а затем незамедлительно доложить мне о числе добровольцев, готовых по призыву вступить на королевскую службу, и указать количество солдат, которых вы сможете направить ко мне в случае непредвиденных ситуаций или дальнейших проявлений насилия со стороны повстанцев. В ожидании своевременного и неукоснительного исполнения сего приказа,

ваш покорный слуга,

Уильям Трион

Я аккуратно свернула письмо, отстраненно заметив, что у меня дрожат руки. Джейми забрал его, брезгливо придерживая двумя пальцами, будто вместо бумаги там было что-то на редкость мерзкое. Потом с печальной усмешкой заглянул мне в глаза.

– А я так надеялся, что у нас еще будет время, – сказал он.

Глава 8. Управляющий

Брианна пошла за Джемми к Иокасте, а Роджер медленно побрел вверх по склону к своему лагерю. Здравовался с попадавшимися навстречу прохожими, принимал поздравления, но почти не слышал того, что ему говорили.

У них обязательно будет еще один малыш, сказала Бри. Он прокручивал эту фразу в голове, перебирая слово за словом, как пригоршню монет в кармане. Бри не отмахивалась от него, она и вправду дала обещание. И сейчас это обещание казалось Роджеру важнее всех клятв, принесенных в ночь их первой свадьбы.

Мысли о первой свадьбе закономерно напомнили о церемонии, которая ожидала их вечером. Роджер окинул взглядом свою одежду и понял, что Бри ни капли не преувеличивала – вид у него еще тот. Эх, и куртке Джейми тоже изрядно досталось!

Он принялся стряхивать сосновые иголки и налипшую грязь, когда его внезапно окликнули. Навстречу Роджеру по крутому склону осторожно спускался Дункан Иннес, склоняясь набок, чтобы удержать равновесие. Дункан снова надел свою роскошную алую куртку с синей оторочкой и золотыми пуговицами, а волосы его были туго заплетены и собраны под новенькую черную шляпу. Обыкновенный шотландский рыбак превратился в зажиточного землевладельца, и преобразование оказалось настолько разительным, что вместе с внешностью изменилось и поведение – Дункан стал держаться вдвое уверенней.

Рядом с Дунканом шагал высокий худощавый джентльмен преклонных лет, в очень опрятной, но изрядно поношенной одежде. Редкие седые пряди были собраны в хвост, открывая высокий лоб с глубокими залысинами. Зубов у него не хватало, рот ввалился, однако губы сохраняли насмешливый изгиб, а синие глаза смотрели зорко и проницательно. Кожа на удлинённом лице была натянута как барабан, на лбу и вокруг рта залегли глубокие морщины; картину дополнял длинный крючковатый нос и истрепанная черная одежда. Вылитый стервятник.

– Дрозд! – радостно окликнул Дункан Роджера. – Ты-то мне и нужен! Полагаю, уже подготовился к свадьбе? – добавил он, удивленно осматривая запачканную куртку и растрепанные волосы Роджера.

– Кхм-кхм! Да. – Роджер старательно откашлялся и постучал себя по груди, маскируя неловким жестом свои отчаянные попытки почистить

одежду. – Только вот погода слегка мокровата.

– Добрая примета, коли похороны в дождь, – кивнул Дункан с нервным смешком. – Остается надеяться, что мы не умрем от воспаления легких прямо перед свадьбой...

Он подтянул воротник куртки повыше и снял воображаемую ворсинку с рукава.

– Отличный наряд, Дункан, – сказал Роджер, надеясь отвлечь внимание от собственного растрепанного вида. – Хороший из тебя жених вышел!

Под обвислыми усами Дункана проступил румянец, и он принялся крутить гербовую пуговицу на куртке.

– Да уж... Мисс Ио сказала, что не пойдет к алтарю с пугалом.

Дункан кашлянул и резко повернулся к своему спутнику, будто внезапно вспомнив о его присутствии.

– Мистер Баг, это зять Макдью, Роджер Мак, про которого я вам рассказывал. – Дункан снова повернулся к Роджеру и указал на своего спутника. Тот шагнул вперед, протягивая руку со сдержанным, но весьма сердечным поклоном. – А это Арч Баг. Знакомься, певец.

– Мое почтение, мистер Баг, – вежливо произнес Роджер, с удивлением отметив, что на широкой костистой ладони, которую он пожимал, не хватало двух пальцев.

– Гм, – немногословно ответил мистер Баг. Он всем своим видом выражал искреннее дружелюбие и, возможно, даже собирался развить свою мысль, однако стоило ему открыть рот, как в тишине раздался скрипучий старушечий голосок.

– Мистер Фрейзер был так великодушен, сэр! Ему не придется жалеть о своей щедрости, ни за что не придется, я прямо так и сказала. Такое счастье, словами не описать, мы-то ведь уж и не знали, как прокормиться и где голову преклонить. Надо надеяться на милость божью, говорила я Арчу, на милость нашего Иисуса Христа; если умрем с голоду, то хоть в Божьей благодати, а Арч мне отвечал...

Из-за спины Арча показалась маленькая кругленькая старушка в истертой, аккуратно заштопанной одежде. Роджер поначалу даже не заметил ее за широким плащом мистера Бага.

– Госпожа Баг, – зачем-то пояснил Дункан.

– ...и оставалось-то всего полпенни серебром, я все думала, что же с нами будет теперь, а потом Салли Макбрайд сказала, мол, Джейми Фрейзеру нужен хороший...

Мистер Баг улыбнулся, глядя на Роджера поверх ее макушки. Но тут

его жена замолчала на полуслове и с ужасом воззрилась на куртку Роджера.

– Ох, да вы только посмотрите! Что с вами случилось, молодой человек? Неужто несчастье какое? Будто в навозе изваляли!

Не дожидаясь ответа, она решительным жестом выдернула из кармана чистый носовой платок, щедро поплевала на него и принялась оттирать грязные разводы с куртки.

– Право же, не стоит... ну что вы... кхм... спасибо. – Роджер быстро понял, что сопротивляться такому неумолимому напору совершенно бесполезно, и бросил на Дункана отчаянный взгляд.

– Джейми Рой предложил мистеру Багу должность управляющего во Фрейзер-Ридже. – Дункан поторопился воспользоваться минутным затишьем в бурной речи миссис Баг.

– Управляющего? – переспросил Роджер. Его словно под дых ударили.

– Да. На случай, если сам Джейми будет в отъезде или занят другими делами. Как-никак нельзя оставлять поля и арендаторов без присмотра.

Дункан говорил с легкой горечью в голосе; ответственность за огромную плантацию тяготила простого рыбака из Койгаха, и он задумчиво поглядывал на мистера Бага, словно сожалел, что не может увезти такого полезного человека с собой в «Горный ручей». Разумеется, миссис Баг поехала бы следом за мужем.

– И так нам повезло, чудо просто, я ж вчера говорила Арчу, что работа есть только где-нибудь в Эдентоне или Кросс-Крике и что ему, наверное, придется податься в рыбаки, а это доля нелегкая, ох, нелегкая: постоянно мокрый до костей, от болот поднимаются ядовитые испарения, в воздухе сплошная лихорадка, дышать нечем – жуть-то какая! А мне бы пришлось устроиться прачкой где-нибудь в городе, и страшно подумать, как бы я выдерживала целыми днями без моего Арча, мы ведь ни на одну ночь не расставались, ни разу, с самой свадьбы! Да, мой хороший?

Она запрокинула голову и наградила мужа преданным взглядом, а мистер Баг ласково улыбнулся в ответ. Возможно, он страдал глухотой, решил Роджер. Или они женаты всего неделю.

Ему не пришлось задавать ни одного вопроса: миссис Баг сама поведала, что женаты они уже больше сорока лет. Арч Баг был арендатором Малкольма Гранта из Гленмористона, но после восстания жизнь складывалась несладко. Надел, которым он управлял у Гранта, конфисковали в пользу Короны, и Баг несколько лет работал на маленькой ферме, а потом невзгоды и голод вынудили супругов собрать свои нехитрые пожитки и отправиться на поиски новой жизни в Америке.

– Сначала мы собирались обосноваться в Эдинбурге... – начал

пожилой джентльмен. Говорил он учтиво и медленно, с певучим горским акцентом. Значит, все-таки не глухой, подумал Роджер. Пока что.

– ...один из моих кузенов работал там в банковской конторе, и мы подумали, что он замолвит за Арча словечко...

– Но я был слишком стар для такой работы и не располагал соответствующей квалификацией...

– ...радовались бы, что он готов у них остаться! Из-за этих глупцов нам пришлось попытать счастья здесь...

Чета Баг продолжала наперебой рассказывать о своих приключениях. Дункан встретился с Роджером взглядом, старательно пряча улыбку под пышными усами. Роджер улыбнулся в ответ, хотя его обуревало навязчивое раздражение, которое никак не удавалось стряхнуть.

Управляющий. Тот, кто будет следить за делами в Ридже, за посевами и сбором урожая, разбираться с жалобами арендаторов в отсутствие Джейми Фрейзера. Незаменимый человек, особенно если учесть количество новых поселенцев и все грядущие перемены.

До сего момента Роджер был уверен, что правой рукой Джейми станет именно он. Ну, или левой – в крайнем случае.

Фergus частенько помогал Джейми разобраться с делами, выполнял поручения, узнавал нужные сведения. Но увечье ограничивало его возможности, поэтому он никогда не возился с бумагами и не вел учет расходов; Дженни Мюррей научила французского сиротку складывать буквы в слова, а вот с арифметикой у них ничего не вышло.

Роджер покосился на ладонь мистера Бага, лежавшую на пышном плече жены. Рука была широкой, обветренной, сильной, несмотря на два отсутствующих пальца, однако суставы сильно распухли и искривились от артрита.

Значит, Джейми считал, что даже больной старик справится с помещьем лучше, чем Роджер? От этой мысли неожиданно стало горько.

Он знал, что тесть питал глубокие сомнения по поводу его способностей, и эти сомнения не ограничивались обычной отцовской подозрительностью к мужчине, который делит постель с его дочерью. Сам Джейми был начисто лишен музыкального слуха и потому относился к таланту Роджера без особого пиетета. Сила и трудолюбие не могли заполнить нехватку знаний о скотоводстве и охоте, не говоря об умении ловко обращаться с оружием. И, по совести сказать, Роджеру ни разу не доводилось заниматься фермерством или управлять большим хозяйством – в отличие от мистера Бага. Что уж тут кривить душой.

Но он приходится Джейми зятем. Даже Дункан, черт побери, только

что назвал его зятем Макдью! И пусть Роджер вырос в другом столетии, – он шотландец. Любому горцу не понаслышке известно, что нет ничего важнее кровных связей и родства. Муж единственной дочери входил в новый дом на правах родного сына и уступал по положению только главе семейства. Бывали, конечно, исключения из правил. Например, если зять вдруг оказывался беспробудным пьяницей или распутником. Или совсем уж слабоумным... Господи, да неужели Джейми считает его полным болваном?

– Ну-ка, присядьте, молодой человек. Сейчас разберемся с этим безобразием! – Миссис Баг прервала его мрачные размышления и потянула Роджера за рукав. Она поцокала языком, разглядывая листья и веточки, застрявшие у него в волосах. – Вы только посмотрите, весь перепачкался! Драка была знатная, не иначе. Надеюсь, противнику досталось сильнее, что тут скажешь.

Роджер глазом не успел моргнуть, как она усадила его на валун, достала из кармана деревянный гребень и принялась расчесывать спутанные волосы с таким рьяным усердием, будто собралась основательно их проредить.

– Значит, тебя прозвали Дроздом? – Миссис Баг на мгновение перестала размахивать гребнем и с подозрительным прищуром встряхнула темную блестящую прядь. словно вшей высматривала.

– Так и прозвали. Но черные локоны тут ни при чем, – вставил Дункан, посмеиваясь над смущением Роджера. – Это все из-за песен. Он у нас сладкоголосый, как соловей.

– Из-за песен? – воскликнула миссис Баг и наконец отпустила многострадальную прядь. – А не ты ли вчера пел «Ceann-gàra» и «Loch Ruadhainn»?^[10] И играл на бойране?

– Вполне может быть, – скромно пробормотал Роджер.

Пожилая леди тут же рассыпалась в искренних комплиментах. Ее восхищение польстило Роджеру, и он устыдился своей минутной зависти. «В конце концов, – думал он, глядя на глубокие морщины и покрытый заплатками передник, – старикам пришлось хлебнуть горя. Может, Джейми предложил им работу просто по доброте души».

Роджер слегка успокоился и любезно поблагодарил миссис Баг за помощь.

– Вы присоединитесь к нашему костру? – спросил он, глядя на мистера Бага. – Полагаю, вы еще незнакомы с миссис Фрейзер...

Его прервал пронзительный вопль, напоминавший вой пожарной сирены. Источник звука постепенно приближался, но Джейми сразу его

опознал и потому ни капли не удивился, увидев на тропе своего тестя с Джемом на руках. Мальчишка вопил и извивался так отчаянно, будто его ошпарили.

Джейми с измученным видом вручил ребенка Роджеру. Тот подхватил малыша и, не придумав ничего лучше, сунул палец в широко распахнутый рот. Крик мгновенно утих, и все облегченно вздохнули.

– Какой славненький! – заворковала миссис Баг, встав на цыпочки, а Джейми повернулся с приветствиями к мистеру Багу и Дункану.

«Славненький» – весьма неподходящее определение, подумал Роджер. Скорее уж «буйный». Малыш яростно сосал предложенный палец: личико налилось багровым румянцем, на щеках остались разводы от слез, а глаза были плотно зажмурены в отчаянной попытке отгородиться от этого несовершенного мира. Взмокшие от пота волосенки торчали в разные стороны; Джем умудрился вывернуться из пеленок, и теперь они свисали неопрятными складками. Вдобавок ко всему прочему пахло от него, как от ночного горшка, – по весьма очевидным причинам.

Будучи опытным отцом, Роджер поспешил принять экстренные меры.

– Где Бри?

– Бог знает, да нам не скажет, – коротко ответил Джейми. – Я уже всю гору обошел, с тех пор как малец проснулся и решил, что ему не нравится моя компания.

– Кажется, моя компания ему тоже не по душе.

Джем жевал палец Роджера, пуская слюни прямо на запястье, и недовольно похныкивал.

– А Марсали вы не видели? – Брианна не давала посторонним кормить Джемми, но ситуация была критическая. Роджер оглянулся, надеясь, что где-то поблизости обнаружится кормящая мать, которая сжалится над голодным малышом – или над его папой.

– Дайте его сюда! Бедненький крохотулечка, – сказала миссис Баг и протянула руки к малышу. В глазах Роджера она сразу превратилась из навязчивой болтушки в ангела милосердия. – Тише, тише, мой хороший.

Джемми признал неоспоримый авторитет миссис Баг и мгновенно заткнулся, округлив восторженные глазищи. Она взялась за карапуза так же бойко и решительно, как за его отца. Пожалуй, Джейми нанял не того Бага, подумал Роджер.

Арч тем временем обстоятельно расспрашивал Джейми об урожае, поголовье скота и арендаторах, демонстрируя недюжинный ум, смекалку и опыт. «Я тоже с этим справился бы!» – думал Роджер, внимательно прислушиваясь к разговору. «Правда, не со всем», – признал он, когда

собеседники неожиданно перешли к обсуждению язв на коровьем вымени. Возможно, Джейми действительно был нужен кто-нибудь поопытнее. Но ведь Роджер быстро учится...

– И кто у нас тут такой краса-авчик! – Миссис Баг встала с валуна и снова заворковала над Джемми, который теперь был спеленат по всем правилам. Она погладила малыша по пухлой щечке, затем перевела взгляд на Роджера. – Да-да-да, глазки прямо как у отца!

Роджер покраснел, тут же позабыв о коровьих язвах.

– Думаете? По-моему, он больше похож на маму.

Миссис Баг поджала губы, посмотрела на Роджера с оценивающим прищуром и покачала головой.

– Волосами, может, и не похож, а вот по фигуре – вылитый отец. Плечи широкие, один в один.

Она одобрительно кивнула Роджеру и поцеловала Джема в лоб.

– Вот подрастет немножко, и глаза тоже станут зелеными. Попомните мои слова, будет вылитый папа! Правда, малышок?

«Простая вежливость, все так говорят, – напомнил себе Роджер, пытаюсь затоптать нелепую радость, вспыхнувшую в его груди. – Старушки любят обсуждать, на кого похож ребенок». Мысль была сладкой и пугающей: вдруг Джемми и вправду его сын? Роджер так об этом мечтал! Говорил себе, что кровная связь ничего не значит, что он все равно будет любить Джема и заботиться о нем. Конечно, будет, как же иначе. Но в сердце все равно поселилась тоска.

Мистер Баг обратился к Роджеру, прежде чем тот успел придумать достойный ответ его жене.

– Маккензи, верно? – спросил он, любезно вовлекая его в разговор. – А из какого клана? Маккензи из Торридона или из Килмарнока?

Во время Сбора Роджеру частенько приходилось отвечать на такие вопросы. Любая беседа среди шотландцев начиналась с выяснения корней – и за последующие двести лет в этом отношении ничего не изменится, думал Роджер. Настороженность, которую он испытывал поначалу, заметно притупилась. Но Джейми опередил его с ответом:

– Роджер Мак приходится мне родней со стороны матери. Маккензи из Леоха.

– Вот как? – удивленно поднял брови Арч Баг. – Далеко же тебя занесло, сынок.

– Не дальше, чем вас, сэр. Да и всех остальных, если уж на то пошло. – Роджер махнул в сторону горного склона, откуда доносились выкрики на гэльском и звуки волынки.

– Нет-нет, сынок! – Миссис Баг усадила Джемми повыше и присоединилась к беседе. – Арч имеет в виду, что ты далеко от своих.

– От своих? – Роджер вопросительно глянул на Джейми, но тот только пожал плечами.

– От Маккензи из Леоха, – поспешил вставить мистер Баг, пока его жена не перехватила нить разговора.

– Мы встретили их на корабле. Целая толпа народу из клана Маккензи, с тех земель, что находятся южнее старого замка. Они остались там после отъезда лэрда, а потом решили присоединиться к остальным и попытаться счастья...

– Лэрда? – резко перебил Джейми. – Это, случаем, не Хэмиш мак Колум?

«Хэмиш, сын Колума», – перевел для себя Роджер. Или, скорее, Хэмиш мак Дугал – но об этом знали только пятеро. Теперь уже, наверное, четверо.

Миссис Баг быстро закивала.

– Да-да, так они его и называли. Хэмиш мак Колум Маккензи, лэрд Леоха. Третий по счету. Ровно так и сказали, и...

Судя по всему, Джейми понял, как следует общаться с миссис Баг. Беспощадно перебивая ее на полуслове, он умудрился выяснить всю историю в рекордно короткий срок. Англичане разрушили замок Леох во время чистки, последовавшей за битвой при Каллодене. Об этом Джейми узнал уже в тюрьме и с тех пор не получил ни одной весточки о судьбе его обитателей.

– И не осмелился начинать расспросы, – добавил он, печально склонив голову. Баги посмотрели друг на друга, глубоко вздохнули, и на их лицах отразилась печать тоски, хорошо знакомая Роджеру.

– Но если Хэмиш мак Колум еще жив... – Джейми стиснул плечо Роджера. – То это хорошие вести!

Его улыбка светилась такой неприкрытой радостью, что Роджер невольно ухмыльнулся в ответ.

– Да, – сказал он, расправляя плечи. – И вправду хорошие!

И пусть они ни разу в жизни не виделись с Хэмишем мак Колумом Маккензи – какая, в сущности, разница? Этот человек приходился ему кровной родней, и Роджер был счастлив.

– Куда они отправились? – решительно спросил Джейми, отпустив его плечо. – Хэмиш со своими домашними?

– В Акадию – в Канаду, – одновременно сообщили мистер и миссис Баг. Или в Новую Шотландию? Или в Мэн? Нет, все-таки на острове,

решили они посоветовавшись. Хотя, наверное...

Голодный вой Джема прервал бурное обсуждение. Миссис Баг вздрогнула так, будто в нее ткнули палкой.

– Надо отнести бедняжку к матушке, – с упреком провозгласила она и наделила всех четверых мужчин суровым взглядом, словно обвиняя их в коварном замысле против невинного дитяти. – Где ваш лагерь, мистер Фрейзер?

– Я провожу вас, мэм, – торопливо сказал Дункан. – Пойдемте.

Роджер хотел было отправиться следом за ними, но Джейми удержал его за руку.

– Не надо, пусть идут, – сказал он и кивнул чете Баг. – С Арчем я поговорю попозже. А пока что мне надо перемолвиться с тобой словечком, зять.

От такого формального обращения Роджер слегка напрягся. Сейчас Джейми в подробностях объяснит, из-за каких таких недостатков он не может доверить Роджеру управление Фрейзер-Риджем...

Вместо этого Джейми достал из споррана измятое письмо и вручил Роджеру с таким видом, будто бумага обжигала ему пальцы. Роджер быстро пробежался по строчкам и удивленно поднял глаза.

– Собираем ополчение? Когда?

Джейми дернул плечом.

– Никто не знает. Но все равно слишком скоро. – Он уныло улыбнулся Роджеру. – Ты же слышал разговоры у костров?

Роджер кивнул. Обрывки сердитых речей всплывали между песнями, во время состязаний и за выпивкой, в маленьких компаниях под сенью высоких деревьев. Среди метателей бревен однажды завязалась драка – бойцов тут же разняли, и никто не пострадал, однако в воздухе, как дурной запах, витал назревающий гнев.

Джейми потер рукой лицо, взъерошил волосы и глубоко вздохнул.

– Повезло, что я сегодня наткнулся на старину Арча и его женушку. Если дело дойдет до драки – а оно до нее, скорее всего, дойдет, – то Клэр отправится с нами. В одиночку Брианне будет тяжело справляться с хозяйством.

Сомнения Роджера окончательно рассеялись, когда он понял, к чему клонит Джейми.

– В одиночку. Вы хотите, чтобы я помог вам собрать ополченцев?

Джейми озадаченно покосился на него.

– Ну да. На кого еще я могу положиться? – Он натянул плед повыше, закрываясь от пронизывающего ветра. – Пойдем, капитан Маккензи, –

сказал Джейми с легкой иронией. — Дел перед свадьбой неprovорот.

Глава 9. Тревожные поветрия

Я заглянула в ноздрю одного из рабов Фаркуарда Кэмпбелла. В ту минуту меня занимали две вещи: носовой полип и губернатор Трион – к первому из них я собиралась проявить благосклонность и выжечь его каленым железом, а вот второй такой милости не заслуживал.

Какая страшная несправедливость! Мрачно нахмурившись, я простерилизовала скальпель и положила инструмент для прижигания в раскаленные угли.

Неужели началось? Или это только первый вестник грядущей смуты? Стоял конец 1770 года, через пять лет революция охватит все тринадцать колоний. В каждой из них события будут развиваться по-разному. Во время жизни в Бостоне я выучила историю Массачусетса по школьным учебникам Бри: повышение налогов, Бостонская резня, гавань, Хэнкок, Адамс, Чаепитие и все, что случилось дальше. Но Северная Каролина? Как началась – как начнется – война на этой земле?

Может быть, она уже набирала силу. Раздоры между плантаторами на восточном побережье и нищими фермерами из западной части штата кипели на протяжении нескольких лет. Ряды регуляторов пополнялись в основном за счет вторых, тогда как первые всей душой поддерживали губернатора Триона – то есть оставались верны Короне.

– Готов? – Я дала рабу глотнуть виски для поддержания силы духа. Ласково улыбнулась и получила в ответ неуверенный кивок.

Раньше я слыхом не слыхивала о регуляторах, но они буйствовали здесь, у нас перед носом, – и я успела убедиться на собственном опыте, что в учебниках истории писали далеко не обо всем. Кажется, семена революции падали в землю прямо у нас на глазах.

Бормоча утешительные глупости, я обернула левую руку льняной повязкой, ухватила раба за подбородок, сунула скальпель ему в нос и одним ловким движением срезала полип. Теплая кровь хлынула прямо мне на ладонь, но раб даже не дернулся, хотя вид у него был удивленный. Значит, не больно.

Инструмент для прижигания напоминал крохотную лопатку – железная пластина на длинном стержне с деревянной ручкой. Полежав на углях, металл раскалился докрасна. Я промокнула кровь, а потом резко засунула горячее железо в ноздрю, чтобы прижечь перегородку – оставалось надеяться, что я не промахнулась и попала именно туда, где

раньше был полип.

Раб издал придушенный звук; по щекам градом катились слезы, и теплые капли падали мне на пальцы. Запах спекшейся крови и паленого мяса изрядно напоминал ароматы, исходившие от коптильных ям. У меня тут же заурчало в животе; встретившись со мной взглядом, раб удивленно выпучил покрасневшие глаза. Я не смогла сдержать улыбку, и он слабо хихикнул сквозь слезы.

Подставив повязку под нос, я вытащила железную лопатку. Кровь остановилась. Отлично. В ноздре можно было разглядеть маленький аккуратный след; я знала, что после такой процедуры остаются ярко-красные ожоги, но без медицинского фонарика был замечен только темный струп, скрытый в тени за волосками.

Раб не говорил по-английски; я ободряюще улыбнулась ему и обратилась к молодой женщине, которая крепко держала его за руку.

– Вот и все. Скажите ему, чтобы не трогал корочку от ожога. Если появится отек, гной или начнется лихорадка... – Я замолчала, едва не закончив фразу нелепыми словами «нужно сразу обратиться к врачу». Здесь этот совет был бесполезен. – Сообщите своей госпоже, – неохотно продолжила я. – Или найдите знахарку.

Нынешняя миссис Кэмпбелл была совсем молоденькой и довольно бестолковой. И все же хозяйка плантации должна знать, что требуется для лечения, и располагать всеми надлежащими средствами. А если обычная инфекция перейдет в заражение... что ж, в таком случае больному уже никто не поможет.

Я похлопала раба по плечу и позвала следующего пациента.

Лихорадка – вот что творилось в колонии. Сейчас царило временное затишье – в конце концов, королевские войска возвращались в Англию, – но тревожные поветрия неумолимо двигались в разные стороны, разнося гнев и недовольство все дальше и дальше. Стычки с регуляторами были только предвестниками настоящего столкновения.

Я опустила лопатку для прижигания в маленькое ведро с очищенным виски, а потом сунула ее обратно в угли. Капли алкоголя полыхнули на огне с тихим шипением.

В душе зарождалось мучительное предчувствие. Письмо губернатора, прожигавшее дыру в спорране Джейми, станет языком пламени, от которого вспыхнут тысячи мелких пожаров. Одни пожары удастся погасить, другие затихнут сами – а большинство будет пылать долго и яростно, разрушая дома и семьи. Конец этой лихорадке положит только беспощадная рука хирурга; но прежде чем раскаленный ружейный металл

прижжет открытую рану, прольется кровь.

Неужели нам с Джейми так и не суждено пожить в мире?

* * *

– Есть еще Дункан Маклауд. У него огромный надел в три сотни акров рядом с рекой Ядкин. Правда, на этой земле хозяйничают всего два человека – он сам и его брат.

Джейми вытер мокрое лицо рукавом. Моргнул пару раз и по-собачьи мотнул головой, стряхивая капли с волос.

– Дункан, – он указал на столб дыма, поднимавшийся от костра Маклауда, – приходится родней Робби Кокрейну. Робби не смог приехать на Сбор – говорят, заболел водянкой, – но у него одиннадцать взрослых сыновей. Рассеялись по горам, как зернышки на пашне. Поговори с Маклаудом по душам и убедись, что он приедет по доброй воле. А потом попроси замолвить словечко перед Робби. Через две недели соберем всех во Фрейзер-Ридже.

Он замолчал на несколько мгновений, придерживая Роджера за руку. С задумчивым прищуром прикинул план действий. Вдвоем они обошли уже три лагеря и заручились согласием четырех горцев. Сколько еще добровольцев найдется на Сборе?

– После Дункана ступай к овчарне. Ангус Ог наверняка будет там... ты же его знаешь?

Роджер кивнул, перебирая знакомых Ангусов Огов. За прошлую неделю он повстречал четверых шотландцев с таким именем; один из них пах овечьей шерстью и водил за собой пастушью собаку.

– Кэмпбелл, да? Вечно согнутый, как рыболовный крючок, косит на один глаз?

– Точно. – Джейми одобрительно кивнул и отпустил Роджера. – Старый ворчун, сам в ополченцы не пойдет, зато своих племянников отправит. И заодно расскажет про ополчение всем поселенцам в округе. Значит, Дункан, Ангус и... Ах да! Джоан Финдли.

– Джоан?

Фрейзер ухмыльнулся.

– Да, старушка Джоан. Она вместе с братом, Изном Мором, устроила лагерь неподалеку от Иокасты.

Роджер кивнул.

– Хорошо. Беседовать нужно именно с ней?

– Больше не с кем, – ответил Фрейзер. – Иэн Мор говорить не может. У Джоан есть еще два брата и взрослые сыновья. Она отправит их к нам.

Джейми посмотрел на небо; стало теплее, и дождь превратился в мелкую морось. Сквозь тонкую облачную завесу проглядывал бледный диск солнца – все еще высоко, но скоро начнет клониться к горизонту. До сумерек оставалась пара часов.

– Ну и хватит, – решил он, снова утерев нос рукавом. – Возвращайся к костру после беседы со старушкой Джоан, надо поужинать перед свадьбой.

Джейми лихо заломил бровь, улыбнулся и пошел было прочь, однако повернул обратно, прежде чем Роджер успел тронуться с места.

– И сразу представляйся как капитан Маккензи, – посоветовал он. – Будут слушать внимательнее.

Джейми снова развернулся и потопал по тропе в поисках более несговорчивых кандидатов.

От костра Маклауда поднимались клубы густого дыма. Роджер направился к нему, твердя имена про себя, словно мантру. «Дункан Маклауд, Робби Кокрейн, Ангус Ог Кэмпбелл, Джоан Финдли... Дункан Маклауд, Робби Кокрейн...» Ничего особенного, повторить три раза – и они накрепко засядут в его памяти, как слова новой песни, параграфы из учебника или инструкции по психологическому подходу к набору ополченцев.

Он понимал, что тесть хочет отыскать как можно больше добровольцев прямо на Сборе, пока горцы не разъехались по своим фермам и хижинам. И Роджер искренне радовался тому, что шотландцы, с которыми Фрейзер успел переговорить, встречали призыв в ополчение мрачными взглядами и выразительным покашливанием, но не выказывали сопротивления.

Капитан Маккензи. От звания, которым походя наградил его Фрейзер, в груди поднимался прилив гордости и смущения. «Солдат быстрого приготовления, – пробормотал Роджер себе под нос, расправляя плечи под мокрой курткой. – Просто добавь воды».

Несмотря ни на что, его охватывало радостное волнение. Нынешняя суэта больше напоминала игру в солдатики, но при мысли о том, что совсем скоро он будет шагать в полковом строю – ружье на плече, руки пахнут порохом...

До начала войны оставалось меньше четырех лет. Пройдет совсем немного времени, и ополченцы выстроятся на зеленых полях Лексингтона. Не суровые вояки, а те самые горцы, с которыми он беседовал под дождем, – точно такие же, как сам Роджер.

От ощущения неизбежности по коже пробежал холодок и меж ребер засела странная тяжесть.

Скоро начнется. Господи, совсем скоро.

* * *

С Маклаудом все прошло гладко, а вот Ангуса Ога Кэмпбелла найти удалось не сразу – он торчал посреди стада овец и явно не ждал гостей. Слова «капитан Маккензи» не произвели на старого пройдоху должного впечатления, зато упоминание «полковника Фрейзера» – с легким намеком на угрозу – все-таки помогло привлечь его внимание. Ангус Ог хмуро пожевал нижнюю губу, неохотно кивнул и вернулся к своим делам, бросив напоследок: «Хорошо, расскажу кому следует».

К тому времени, как Роджер выбрался на склон горы к лагерю Джоан Финдли, облака начали расходиться, а изморось почти прекратилась.

«Старушка Джоан», к его удивлению, оказалась привлекательной женщиной чуть старше тридцати лет. Из-под мокрого арисэда на Роджера с любопытством взглянули умные карие глаза.

– Дело дошло до ополченцев? – сказала она, выслушав его объяснение. – Не зря, значит, солдатик сегодня утром выступал.

Джоан задумчиво похлопала себя по губе деревянной ложкой.

– Знаете, в Хиллсборо у меня живет тетя. В небольшой комнатке в Кинг-Хаусе, прямо напротив дома Эдмунда Фаннинга – точнее, того места, где раньше стоял его дом. – Она коротко, безрадостно рассмеялась. – Тетя прислала мне письмо. Писала, что толпа хлынула на улицу, размахивая вилами, как черти из преисподней. Они срезали опорные брусья у дома Фаннинга и развалили все здание прямо у нее на глазах. А теперь мы должны отправить туда своих мужчин, чтобы Фаннинг мог разгрести жар чужими руками?

Роджер отвечал с осторожностью; он много чего слышал про Эдмунда Фаннинга и знал, что тот не пользовался особой любовью среди горцев.

– Не могу сказать точно, миссис Финдли. Но губернатор...

Джоан Финдли громко фыркнула.

– Губернатор, – процедила она и плюнула в костер. – Ха. Скорее уж губернаторские друзья. Бедняки всегда платят кровью за золото богачей, так ведь?

У Джоан за спиной появились две девчушки, бесшумные и безмолвные, как маленькие призраки в теплых шальных. Женщина

повернулась к ним.

– Анни, приведи братьев. Джоани, следи за похлебкой. И помешивай хорошенько, чтобы ко дну не пригорело.

Вручив ложку младшенькой девочке, Джоан поманила Роджера за собой.

Лагерь выглядел небогато. Меж двух кустов было подвешено шерстяное одеяло – плохонькое укрытие от непогоды. Джоан Финдли присела на корточки перед навесом, и Роджер пригнулся, заглядывая ей через плечо.

– Брат, к нам пришел капитан Маккензи, – сказала она и протянула руку мужчине, лежавшему на куче сухой травы. Вид этого человека поразил Роджера, но он сумел сдержать свое удивление.

Церебральный паралич – вот как назовут такую болезнь пару веков спустя; интересно, как ее называют сейчас? Возможно, у нее пока нет названия; Фрейзер просто сказал, что Иэн не может разговаривать.

Двигаться он тоже не мог. Руки и ноги были слабыми и худыми, тело изгибалось под невообразимым углом. На больного накинута потрепанный плед; от постоянных подергиваний он сбился в кучу и плотно скрутился вокруг ног, а изношенная рубашка задралась слишком высоко, обнажая плечо и ребра. В тени навеса бледная кожа отливала холодной синевой.

Джоан Финдли помогла брату повернуть голову, придерживая его под щеку.

– Это мой брат Иэн, мистер Маккензи, – сказала она твердым голосом, словно бросая Роджеру вызов.

Лицо Иэна искажала судорожная гримаса, по растянутым губам стекала слюна, но карие глаза смотрели ясно и пронизательно. Взяв себя в руки, Роджер склонился и пожал искривленную судорогой ладонь. Под ледяной, как у трупа, кожей прощупывались хрупкие тонкие кости.

– Иэн Мор, – тихонько сказал он. – Мне о вас рассказывали. Джейми Фрейзер просил передать свои наилучшие пожелания.

Мужчина на мгновение опустил веки, выражая благодарность, и снова посмотрел на Роджера с невозмутимым спокойствием.

– Капитан собирает ополченцев, – сказала Джоан из-за спины Роджера. – Губернатор прислал приказ. Ему надоели бунты и беспорядки, будет давить их с помощью солдат. – Голос миссис Финдли сочился иронией.

Иэн Мор перевел взгляд на лицо сестры. Губы дрогнули, тощая грудь напряглась от усилий, и он выдавил из себя несколько хриплых слов пополам со слюной. Потом в измождении опустил голову, жадно хватая

воздух, и посмотрел на Роджера.

– Брат хочет знать, будет ли губернатор платить ополченцам, – перевела Джоан.

Роджер заговорил не сразу. Джейми уже задавали такой вопрос, и точного ответа у них не было. Он чувствовал, как женщина и мужчина, лежащий под навесом, замерли в напряженном ожидании. Семья Финдли едва сводила концы с концами: девочки ходили босиком в изношенных до дыр платьях, рубашка на Иэне Море дышала на ладан, травяная постель не давала тепла. Но Роджер ответил по совести:

– Не знаю. Пока что никто не говорил о деньгах. Случиться может всякое.

Выплата вознаграждения зависела от того, сколько добровольцев откликнется на губернаторский призыв. Если обычного приказа будет недостаточно, чтобы собрать ополчение, губернатор попытается привлечь солдат деньгами.

На лице Иэна Мора мелькнуло разочарование – и тут же сменилось обреченной покорностью. Вознаграждение помогло бы облегчить их тяжкую долю, но никто на него не рассчитывал.

– Что ж... – В голосе Джоан тоже звучало смирение.

Роджер почувствовал, как она отвернулась в сторону, однако сам так и не пошевелился – под этим пристальным взглядом нельзя было сдвинуться с места. Карие глаза, обрамленные длинными ресницами, смотрели на него со спокойным любопытством. Роджер нерешительно замер: что ему оставалось делать? Просто уйти? Он искренне хотел помочь, но не знал как.

В конце концов он протянул руку к сбившейся рубашке и пледу. Сущя мелочь, конечно...

– Вы позволите?

Карие глаза закрылись на мгновение, обозначая согласие, и Роджер принялся расправлять постель и одежду. Иэн Мор был исхудавшим, но на удивление тяжелым. Роджер с трудом приподнял его, согнувшись в неудобной позе.

Через полминуты дело было сделано; больной лежал под пледом – так хотя бы теплее. Роджер снова посмотрел в карие глаза, улыбнулся, неловко кивнул и молча выбрался из травяного гнезда наружу.

Рядом с Джоан Финдли стояли двое ее сыновей – крепкие, коренастые юноши шестнадцати и семнадцати лет. Они рассматривали Роджера с настороженным любопытством.

– Это Хью, – сказала Джоан, положив руки на плечи сыновьям. – А это

Иэн Ог.

Роджер склонил голову:

– Мое почтение, джентльмены.

Мальчишки быстро переглянулись, а потом уставились себе под ноги, пряча ухмылки.

– Так что же, капитан Маккензи, – снова заговорила Джоан, чеканя каждое слово, – если я отпущу сыновей служить под вашим началом, вы дадите слово, что они вернутся домой невредимыми?

Глаза Джоан были ясными и проницательными, как у ее брата, а взгляд – таким же прямым и уверенным. Роджер заставил себя посмотреть ей в лицо.

– Я сделаю все, что в моих силах, мэм...

Губы Джоан Финдли дрогнули. Она прекрасно понимала, что силы его не так уж и велики. Женщина кивнула и опустила руки.

– Я отправлю их к вам.

Роджер попрощался и зашагал прочь, сгибаясь под грузом ее доверия.

Глава 10. Подарки бабушки Бэйкон

Закончив осмотр последнего пациента, я встала на цыпочки и со вкусом потянулась. По телу разливалось удовлетворение от проделанной работы: несмотря на недуги, которые я не могла излечить, несмотря на все неисцелимые болезни, я делала свое дело – и делала его хорошо.

Оставалось только забрать сундучок с лекарствами и со спокойной душой отправляться в лагерь; Мюррей любезно предложил мне донести остальные инструменты и скамейки в обмен на мешочек с сушеными листьями сенны и мою запасную дощечку для приготовления пилюль. Сам Мюррей еще возился с последним пациентом, сосредоточенно ощупывая живот маленькой старушки в чепце и шали. Я помахала ему на прощание и получила рассеянный ответный кивок. Мюррей потянулся за ланцетом – что ж, по крайней мере, он обмакнул инструмент в кипящую воду и зашевелил губами, шепотом повторяя заговор, которому его научила Брианна.

Ноги заledenели от неподвижности, спина и плечи давали о себе знать, но я не чувствовала усталости. Сегодня мои пациенты будут крепко спать, позабыв о боли; кто-то пойдет на поправку и встанет на ноги; чьи-то раны затянутся под чистыми повязками. Были и те, кого я точно спасла от опасной инфекции и, быть может, смерти.

Помимо прочего я успела произнести перед собравшейся толпой очередную версию своей Нагорной проповеди о пользе здорового питания и гигиены.

– Блаженны те, кто едят овощи, ибо у них не выпадут зубы, – пробормотала я, остановившись перед можжевельником. Сорвала несколько душистых ягод и раздавила одну между пальцами, вдыхая острый запах. – Блаженны те, кто лают руки, вытерев зад, – добавила я и ткнула пальцем в сойку, присевшую на соседней ветке, – ибо они не подхватят заразу.

Впереди показался наш лагерь; наконец-то можно будет выпить горячего чаю!

– Блаженны те, кто кипятят воду, – сказала я сойке, глядя, как от чайника, висящего над костром, поднимается пар, – ибо их назовут спасителями рода человеческого.

– Миссис Фрейзер! – Тоненький голосок, раздавшийся за моей спиной, вернул меня с небес на землю. Позади стояла Эглантин Бэйкон со своей

маленькой сестрой Пэнси, две круглолицые светловолосые девчушки с россыпью веснушек на щеках.

– Здравствуйте, мои хорошие! Как поживаете? – спросила я, расплываясь в улыбке. Судя по виду, обе были вполне здоровы; детские болезни сразу бросаются в глаза.

– Чудесно, мэм! – Эглантин отвесила мне небольшой реверанс, а потом ткнула сестренку в макушку, чтобы та последовала ее примеру. Покончив с любезностями – Бэйконы жили в городе, и девочкам прививали хорошие манеры, – Эглантин вытащила из кармана большой сверток ткани. – Вот, бабушка Бэйкон передает! – гордо пояснила она.

Я развернула ткань и обнаружила огромный чепец, щедро украшенный кружевами и отороченный лавандовыми ленточками.

– Она не смогла приехать на Сбор в этом году, но велела отдать вам подарок в благодарность за лекарство от рю-ма-тиз-ма!

Эглантин старательно выговорила каждый слог и радостно улыбнулась, одолев такое сложное слово.

– Спасибо большое! Какая прелесть! – Я расправила чепец, мысленно костеря бабулю Бэйкон на все лады.

Эту грозную даму я повстречала несколько месяцев назад на плантации Фаркуарда Кэмпбелла, где она навещала его старую сварливую матушку. Миссис Бэйкон не уступала своей подруге по возрасту и умению раздражать окружающих, зато обладала дивным чувством юмора.

Она неоднократно высказывала громкое неодобрение из-за того, что я не носила головной убор, и не стеснялась говорить об этом мне в лицо. По ее мнению, женщине моих лет не пристало бегать повсюду без чепца или керча, и такое поведение недостойно жены столь влиятельного человека. Более того, она считала, что с распущенными волосами ходят «только нищие потаскухи и прочие жалкие личности». Я пыталась отшучиваться, не обращать на нее внимания и даже передала ей бутылку виски из Джейминых запасов, велев принимать по глоточку за завтраком и перед сном.

Старушка решила не оставаться в долгу и отплатила мне той же монетой.

– А вы его примерите? – Эглантин и Пэнси смотрели на меня доверчивыми глазами. – Бабушка велела убедиться, что чепчик вам подойдет.

– Да неужели?

Делать нечего, придется надевать. Я встряхнула несчастный головной убор, скрутила волосы в пучок и натянула чепец на себя. Он тут же сполз

чуть не до самой переносицы. Ленты повисли вдоль щек, и я почувствовала себя бурундуком, выглянувшим из норки.

Эглантин и Пэнси дружно захлопали в ладоши от восторга. Где-то позади раздалось приглушенное фыркание.

– Передайте бабушке спасибо за такой замечательный подарок! – Я погладила девочек по белокурым макушкам, угостила конфетами из черной патоки и велела возвращаться к матушке. Мне хотелось поскорее стащить с головы чудовищное произведение шляпного искусства, и я уже подняла руку, как вдруг увидела, что мать девочек стоит за соседним деревом – и, вполне возможно, стояла там с самого начала.

– Ой, это вы! – Я подтянула треклятую шляпку повыше и прижала обвисшие поля пальцем, чтобы не закрывали обзор. – Миссис Бэйкон! Я вас и не заметила.

– Здравствуйте, миссис Фрейзер! – Щеки Полли Бэйкон заливал нежный румянец. От осенней прохлады, не иначе. Она поджала губы, но глаза под таким же благообразным чепцом искрились неудержимым весельем. – Девочки хотели вручить вам подарок, – сказала она, тактично отведя взгляд. – Моя свекровь прислала еще кое-что.

Перспектива очередного подношения от бабушки Бэйкон не вызывала во мне бурной радости, однако я вежливо приняла протянутый сверток – небольшой мешочек из промасленного шелка, плотно набитый чем-то сладко пахнущим. На ткани красовался грубоватый чернильный рисунок, изображавший зонтичное растение на длинном прямом стебле. Что-то смутно знакомое... Так и не вспомнив название, я развязала веревку и высыпала себе на ладонь несколько мелких темно-коричневых семян.

– Что это? – спросила я, озадаченно глядя на Полли.

– Я не знаю английского названия. Индейцы называют это растение «дауко». Бабуля Бэйкон говорила, что ее собственная бабушка была знахаркой из племени катоба. От нее она и узнала об этих семенах.

– Вот как? – Я заинтересовалась. Неудивительно, что рисунок выглядел таким знакомым, – это то самое растение, которое мне показывала Найавенна. Женская трава. На всякий случай я все-таки уточнила: – И для чего их используют?

Румянец на щеках Полли вспыхнул еще ярче, и она быстро глянула по сторонам. Убедившись, что рядом никого нет, Полли склонилась ко мне и зашептала:

– Эта трава не дает зачать ребенка. Принимать надо каждый день, по чайной ложке на стакан воды. Каждый день! И тогда мужское семя не сможет осесть у женщины в утробе.

За прежним шутливым весельем в ее глазах скрывалось что-то куда более серьезное.

– Бабушка сразу распознала, что вы колдунья. И что вам наверняка часто приходится помогать женщинам. И с выкидышами, и с мертворожденными, и с родильной горячкой, или если здоровенькие детки вдруг умирают... Она велела сказать вам: лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

– Передайте свекрови мою благодарность, – искренне ответила я. Как правило, ровесницы Полли успевали родить по пять-шесть детей, а у миссис Бэйкон было всего две дочки, и роды не подорвали ее здоровье. Значит, семена и вправду помогли.

Полли кивнула и широко улыбнулась.

– Хорошо, передам. А еще она велела сказать, что про женское колдовство нельзя рассказывать мужчинам. Так ей бабушка наказывала.

Я задумчиво обернулась в сторону лагеря, где Джейми вел беседу с Арчи Хэйзом. Сонный Джем сидел у деда на руках. Да, пожалуй, некоторым мужчинам снадобье бабушки Бэйкон придется не по нраву. Интересно, Роджер из их числа?

Распрощавшись с Полли, я отнесла сундук с лекарствами к нашему навесу и спрятала мешочек с семенами. Отличное дополнение к моей коллекции, если верить Найавенне и бабушке Бэйкон. К тому же подарок пришелся как нельзя вовремя, аккуратно после нашего утреннего разговора с Бри. Даже стопка кроличьих шкур не шла с ним ни в какое сравнение, хотя шкуркам я тоже была очень рада.

Кстати, куда они делись?.. Я принялась перебирать вещи, вполуха прислушиваясь к разговору между Джейми и лейтенантом. Ага, вот они, под парусиной. Надо сложить в короб из-под припасов, чтобы не потерялись по дороге домой.

– ...Стивен Боннет.

Имя обожгло, как укус пчелы, и я уронила крышку корзины. Быстро оглядела лагерь, убедившись, что Брианны и Роджера не было поблизости. Джейми стоял ко мне спиной, но имя Боннета произнес именно он.

Я стащила с головы чепец, повесила его на ветку и решительно подошла к мужу.

* * *

Мужчины сразу прекратили разговор. Лейтенант Хэйз с невозмутимым

выражением лица еще раз поблагодарил меня за хирургическую помощь и поспешил откланяться.

– Что там со Стивеном Боннетом? – спросила я, едва Хэйз отошел на приличное расстояние.

– Именно об этом я и спрашивал, саксоночка. Чай уже заварился? – Джейми шагнул к костру, но я ухватила его за руку.

– Зачем? – уточнила я, не разжимая хватки.

– Хочу разузнать, где он. – Джейми отвечал спокойно и даже не пытался увиливать; мое сердце сжалось от страха.

– Хэйз что-то про него рассказал?

Джейми только покачал головой. Он не лгал, и мои пальцы разжались от накатившего облегчения. Джейми высвободил руку – без злости, но с отчужденностью.

– Нет, это мое дело! – объявила я, отвечая на невысказанные слова. Я старалась говорить тихо и постоянно поглядывала по сторонам. Роджера в лагере не было, а вот Бри стояла у костра, беседуя с Багами, – пожилой четой, которую Джейми нанял для присмотра за хозяйством. – Зачем ты его ищешь?

– Хочу знать, откуда может нагрянуть беда.

Он посмотрел на кого-то через мое плечо, улыбнулся и кивнул. Я оглянулась: Фергус как раз подошел к костру, пряча покрасневшую от холода руку под мышкой, и радостно помахал нам своим крюком. Джейми махнул в ответ, потом развернулся ко мне, давая понять, что мы заняты беседой.

У меня похолодело внутри, будто в сердце вонзилась острая льдина.

– Разумеется, – сказала я, стараясь сохранять хладнокровие. – Ты хочешь выяснить, где находится Боннет, потому что тогда тебе будет проще его избегать.

По лицу Джейми мелькнула едва уловимая улыбка.

– Именно так, – ответил он.

Учитывая плотность населения Северной Каролины и уединенное расположение Фрейзер-Риджа, шанс на случайную встречу с Боннетом был ничтожно мал – с таким же успехом можно искать медузу на горной вершине. И Джейми прекрасно все понимал.

Я сердито прищурилась, заметив, как дрогнули уголки его губ, однако вскоре взгляд Джейми вновь стал серьезным. Причина, по которой он искал Стивена Боннета, была отлично мне известна.

– Джейми, – начала я, взяв его за руку, – не надо. Пожалуйста.

Он стиснул мои пальцы в ответ, но этот жест не принес никакого

утешения.

– Не тревожься, саксоночка. Я всю неделю расспрашивал народ на Сборе – сюда съехались все, от Галифакса до Чарльстона. Про Боннета никто не слышал.

– Вот и хорошо. – Господи, все это время Джейми усердно разыскивал Боннета, а мне не сказал ни словечка. И даже не пообещал прекратить поиски.

– Милый, не надо, – повторила я, глядя ему в глаза. – У нас и так слишком много забот, зачем ты еще одну беду накликаешь?

Он придвинулся вплотную, всем своим видом показывая остальным, что мы заняты исключительно друг другом. Я чувствовала исходящую от него силу: крепкое плечо шевельнулось под моей ладонью, бедро коснулось ноги. Благодаря этой силе, острому уму и целеустремленности стального снаряда, Джейми было невозможно сбить с намеченного курса.

– Говоришь, твое дело? – В вечернем свете его глаза казались бледно-голубыми. – Вот и помоги мне с ним разобраться.

Кровь застыла у меня в жилах, к горлу подступила паника. Черт подери, он и вправду собирался отыскать Боннета! И повод для этого мог быть только один.

Я потянула Джейми за собой и развернулась к костру; прижалась крепче, переплела наши руки. Брианна, Марсали и Баги увлеченно слушали Фергуса, который что-то рассказывал, покрасневшись от холода и смеха. Джем с любопытством выглядывал из-за маминого плеча.

– Думать надо не о Боннете, а о них. – Я говорила тихо, но мой голос подрагивал от напряжения. – Этот мерзавец и так причинил нам слишком много боли.

– Да, горя мы хлебнули.

Джейми обнял меня еще крепче; жар его тела чувствовался даже сквозь одежду, однако голос был холодным, словно осенний дождь. Фергус украдкой посмотрел на нас, улыбнулся и продолжил свою историю. В его глазах мы, несомненно, выглядели как влюбленная пара, застывшая в порыве сиюминутной нежности.

– Однажды я позволил ему уйти, – пробормотал Джейми. – И это обошлось мне слишком дорого. По-твоему, я должен оставить его на свободе, зная, сколько зла он способен причинить людям? Все равно что выпустить бешеного пса на волю.

Твердые прохладные ладони сжали мою руку.

– Да, ты его отпустил, но потом Боннета снова арестовали. Не твоя вина, что он опять выскользнул из петли!

– Может, и не моя, – согласился Джейми, – а только я не позволю ему дальше творить разбой. Мой долг – остановить негодяя.

– Твой долг – заботиться о семье!

Он взял меня за подбородок и посмотрел в глаза долгим тяжелым взглядом.

– Думаешь, я допущу, чтобы с вами случилась беда?

Несколько мгновений я сопротивлялась его напору, а потом опустила плечи и закрыла глаза.

– Ты затеял опасную охоту, Джейми, – мягко сказала я. – Сам знаешь.

Он ослабил хватку, но не убрал руки; большой палец нежно скользнул по коже, обводя губы.

– Знаю, – прошептал он, и его дыхание коснулось моей щеки. – Я хороший охотник, Клэр. И ни за что не стану рисковать вами.

– Только самим собой? И что, по-твоему, случится, если...

Уголкем глаза я заметила, как Брианна повернулась в нашу сторону и радостно улыбнулась – видимо, решила, что крепкие объятия были проявлением родительской страсти.

– Ничего со мной не случится, – заявил он, стиснул меня изо всех сил и прервал все возможные возражения решительным поцелуем. Со стороны костра донеслись нестройные аплодисменты.

– Encore!^[11] – крикнул Фергус.

– Ну уж нет, – яростно прошептала я в адрес Джейми. – Не желаю больше слышать имя Стивена Боннета!

– Все будет хорошо, – прошептал он в ответ и крепко сжал мои пальцы. – Поверь мне, саксоночка.

Глава 11. Гордость

Роджер ушел, не оглядываясь, но мысли о семействе Финдли не покидали его, пока он пробирался сквозь кусты и примятую траву.

Старшие мальчики были светловолосыми, низкорослыми – хоть и выше матери – и широкоплечими. А девочки – темненькими, высокими, худощавыми; выразительные карие глаза они явно унаследовали от матери. Разница в возрасте между сыновьями и дочерьми миссис Финдли явно указывала на то, что Джоан овдовела и вышла замуж во второй раз. И, судя по всему, снова осталась вдовой.

Может быть, стоило рассказать о ней Брианне. Еще одно подтверждение того, что супружество и вынашивание детей не означало смертной угрозы для всякой женщины. Нет, решил Роджер, лучше пока не трогать эту тему.

Помимо Джоан и ее отпрысков, Роджер продолжал вспоминать спокойные ясные глаза Иэна Мора. «Сколько же ему лет?» – думал Роджер, цепляясь за сосновую ветку, чтобы не скатиться кубарем вниз по склону. Так сразу и не определишь; бледное изможденное лицо покрывали морщины – не от возраста, а от боли и мук. По телосложению он напоминал двенадцатилетнего ребенка, но при этом Иэн Мор был явно старше своего тезки, Иэна Ога, которому уже исполнилось шестнадцать.

Возможно, он был моложе Джоан, хотя тут точно не угадаешь. Она обращалась с братом уважительно и с большим почтением; привела к нему Роджера, представляя гостя главе семьи. Значит, не сильно моложе – примерно тридцать или около того.

Господи, как же Иэн Мор смог дожить до тридцати в такие суровые времена?.. С другой стороны, Роджер успел заметить, как одна из девочек пробралась под импровизированный навес с миской молочного пудинга и присела около изголовья дяди, зажав в кулаке ложку. Иэна Мор не мог пошевелить даже пальцем – семья заменяла ему руки и ноги.

Сердце Роджера сжалось от горькой радости и сострадания, а потом ухнуло вниз, стоило ему вспомнить слова Джоан.

Он сделает все, чтобы ее сыновья вернулись домой. Но если случится непоправимое, то миссис Финдли останется с двумя маленькими дочерьми и беспомощным братом. Есть ли у них кров над головой?

После утреннего чтения губернаторской прокламации горцы без усталости обсуждали регуляторов. В учебниках по истории об этом движении

не было сказано ни слова, значит, вся затея с ополчением вряд ли закончится вооруженными стычками. А если им все-таки придется вступить в бой, то Роджер постарается уберечь Иэна Ога и Хью Финдли от смерти. И проследит за тем, чтобы им досталось вознаграждение от губернаторских щедрот.

Роджер подошел к лагерю Иокасты, который больше походил на маленькую деревню с десятками повозок, шатров и навесов. Для подготовки к двойной свадьбе Иокаста прихватила с собой почти всех рабов из поместья и несколько трудяг с плантации. Помимо скота, табака и товаров на продажу всюду стояли сундуки с одеждой и постельным бельем, блюда, складные столы, бочки с элем и горы еды для свадебного пиршества. Утром Роджер позавтракал у Иокасты вместе с Бри; угощение подавали на фарфоровых тарелках, расписанных розочками: ломтики сочной ветчины, утыканные головками гвоздики, сладкая овсяная каша со сливками, консервированные фрукты, свежие кукурузные лепешки с медом, ямайский кофе... От воспоминаний желудок Роджера свело сладостной болью.

Контраст между кричащей роскошью Иокасты и нищетой семьи Финдли оказался слишком разительным. Неожиданно для самого себя Роджер повернул обратно и направился к миссис Кэмерон.

Ему удалось застать ее на месте – перепачканные грязью ботинки стояли перед входом в шатер. Несмотря на слепоту, Иокаста наносила дружеские визиты в сопровождении Дункана или своего чернокожего дворецкого Улисса. Чаще, конечно, она приглашала горцев к себе, и в ее шатре целыми днями толклись гости – шотландцы с Кейп-Фира и из остальной части колонии.

Кажется, Роджеру повезло застать ее в одиночестве. Она сидела, откинув голову на спинку плетеного кресла; на ногах красовались домашние тапочки – минутка отдыха в середине бурного дня. Ее служанка, Федра, устроилась у входа, склонившись над охапкой синей ткани с иглой в руках.

Иокаста заметила Роджера первой, резко выпрямилась и повернула голову, едва он коснулся полога шатра. Федра запоздало оторвалась от шитья – ее отвлекло не столько появление Роджера, сколько движение госпожи.

– Мистер Маккензи. Это же вы, Дрозд, верно? – спросила миссис Кэмерон с улыбкой.

Он рассмеялся и, пригнувшись, шагнул внутрь.

– Верно. Как вы меня узнали, миссис Кэмерон? Я ведь еще ни

словечка не сказал, да и петь пока не начал. Неужели у меня даже дыхание музыкальное?

Брианна говорила ему, что из-за слепоты у тетушки необычайно хорошо развиты другие органы чувств, но Роджер все равно удивился остроте ее восприятия.

– Услышала шаги, потом почуяла запах крови, – невозмутимо пояснила она. – Рана опять начала кровоточить? Сядьте-ка, голубчик. Чаю или, может, глоточек виски? Федра, будь так добра, принеси мне кусок чистой ткани.

Роджер невольно потянулся к горлу. В дневной суете он успел напрочь забыть о порезе. Иокаста оказалась права: рана снова вскрылась, и теперь шею и воротник рубашки покрывали потеки спекшейся крови.

Федра вскочила со своей скамьи и принялась складывать на поднос пирожные и печенье. Если бы не трава под ногами, можно было решить, что они собираются пить чай в гостиной у миссис Кэмерон, прямо в поместье. Сама хозяйка куталась в простой шерстяной арисэд, зато брошь, служившая ей застежкой, была украшена дымчатым топазом.

– Ничего страшного, – попытался отмахнуться Роджер, но Иокаста забрала у служанки тряпку и настояла на том, что промоет порез своими руками. Пальцы у нее были прохладными и на удивление ловкими.

От Иокасты пахло дымом, как и от остальных горцев на Сборе, и крепким чаем, хотя Роджер всегда думал, что пожилые леди пахнут камфарой и затхлостью.

– Ай-яй-яй, и на рубашку попало! – сообщила она, неодобрительно ощупав жесткую ткань. – Постирать ее? Правда, до вечера высохнуть не успеет, придется надевать мокрую.

– Нет, мэм, спасибо, у меня есть другая. Для свадьбы.

– Тогда ладно.

Федра принесла маленький флакончик лечебной мази; Клэр постаралась – Роджер узнал запах лаванды и желтокорня. Иокаста почерпнула мазь и аккуратно нанесла на рану, придерживая Роджера за подбородок.

Несмотря на возраст, лицо Иокасты оставалось ухоженным и нежным, хотя было заметно, что она любит прогулки на свежем воздухе. Щеки горели румянцем; вблизи Роджер различал паутинку тоненьких алых веночек, придававшую миссис Кэмерон бодрый и цветущий вид. На руках Иокасты не было ни одного старческого пятна – да и неудивительно, она всю жизнь носила перчатки, – но суставы припухли, а на ладонях остались едва заметные мозоли от поводов. Истинная дочь Леоха, не какой-нибудь

оранжерейный цветок.

Разобравшись с порезом, Иокаста провела рукой по голове Роджера, вытащила сухой листик, застрявший в волосах, потом быстро отерла лицо влажной тканью, умудрившись застать его врасплох. Наконец отбросила тряпку и взяла Роджера за руку.

– Так-то лучше. Теперь вы выглядите подобающим образом, мистер Маккензи. Рассказывайте, что вас привело? Дела или просто заглянули на огонек?

Федра поставила рядом с Роджером поднос с чаем и пирожными, но Иокаста не выпустила его руки. Он подивился такой странности; что ж, ладно, в доверительной обстановке будет легче начать непростой разговор.

Роджер рассказал все как есть. Ему доводилось слышать, как преподобный отец призывал состоятельных людей к благотворительности: нужно просто изложить факты и оставить окончательное решение на совести слушателя.

Меж бровей Иокасты залегла морщинка. Роджер ожидал, что она примется раздумывать над его просьбой, однако пожилая леди ответила сразу:

– Да, я знаю Джоани Финдли и ее брата. Она похоронила мужа два года назад – беднягу унесла чахотка. Джейми Рой как раз вчера мне про нее рассказывал.

– Ясно... – Роджер почувствовал, что совершил глупость.

Иокаста кивнула и откинулась на спинку кресла, поджав губы.

– Помощь я, конечно, могу предложить, – пояснила она, – да ведь дело не только в этом. Джоан Финдли – женщина гордая. Не потерпит снисхождения и благотворительности.

В голосе Иокасты прозвучал легкий упрек. Роджеру следовало подумать об этом самому, а он поддался секундному порыву, пораженный видом чужой нищеты. Единственное, что осталось у Джоан Финдли, – гордость. Разумеется, она дорожит ею больше всего на свете.

– Понимаю, – медленно произнес он. – Но неужели нельзя помочь, никого не обидев?

Иокаста склонила голову в одну сторону, потом в другую – и эта манера показалась Роджеру странно знакомой... Ну конечно! Погрузившись в раздумья, Бри делала точно так же.

– Вполне возможно, – наконец сказала миссис Кэмерон. – Сегодня вечером, после свадьбы, будет праздник. Семья Финдли тоже придет туда и наестся досыта. И если Улисс даст им с собой в дорогу остатки еды, то никто не станет возражать. Ведь иначе припасы испортятся... – Она

улыбнулась, потом снова крепко задумалась. – Священник! – неожиданно объявила миссис Кэмерон.

– Священник? Отец Донахью?

Иокаста вздернула темную блестящую бровь.

– А у нас здесь есть другие?

Она подняла руку в призывном жесте, и Федра тут же поспешила к хозяйке.

– Мисс Ио?

– Перебери-ка одежду в сундуках, милая. – Иокаста положила ладонь на руку служанки. – Отложи несколько одеял, чепцов, пару фартуков, штаны и рубашки попроще... конюхам они не понадобятся.

– И чулки, – быстро добавил Роджер, вспомнив грязные босые ноги младшей Финдли.

– И чулки, – кивнула Иокаста. – Что-нибудь незамысловатое, но из хорошей шерсти и без прорех. Мой кошель у Улисса; возьми у него десять шиллингов – нет, стерлинг – и заверни деньги в фартук. Упакуй все вместе, передай сверток отцу Донахью и скажи, что это для Джоан Финдли, только пусть не рассказывает, от кого. Он разберется.

Она удовлетворенно кивнула и отпустила служанку, взмахнув рукой:

– Ступай.

Федра без возражений поспешила выполнять указания миссис Кэмерон. Остановилась всего на мгновение, чтобы встряхнуть и аккуратно сложить синюю вещицу, над которой она трудилась, когда Роджер зашел в шатер. Это был корсаж свадебного платья Брианны, расшитый кружевом и лентами. Перед глазами Роджера встал образ Бри: пышная белая грудь над низким декольте темно-синего платья – и он с огромным трудом заставил себя вернуться к разговору.

– Прошу прощения, мэ...

– Я спросила: этого достаточно? – Иокаста хитро улыбнулась, словно прочитав мысли Роджера. Глаза у нее были синими, как у Джейми и Брианны. Они глядели ему в лицо, и у Роджера складывалось жутковатое впечатление, что, несмотря на слепоту, Иокаста видит его насквозь.

– Да, миссис Кэмерон. Вы очень добры.

Роджер хотел встать и попрощаться с хозяйкой, но вместо того, чтобы отпустить его руку, Иокаста стиснула пальцы крепче, удерживая гостя на месте.

– Не торопитесь. Мне надо кое о чем поговорить с вами, молодой человек.

Роджер откинулся на спинку и приготовился слушать.

– Конечно, миссис Кэмерон.

– Я не знала, стоит ли заводить этот разговор сейчас или лучше подождать, пока все закончится... но раз уж вы оказались со мной наедине...

Она решительно склонилась к нему.

– Моя племянница сказала вам, что я хочу оставить поместье ей?

– Да.

Он снова насторожился. Брианна не стеснялась в выражениях, когда рассказывала ему о предложении Иокасты, – и ее мнение об этой затее было весьма однозначным. Роджер приготовился повторить все возражения в более тактичной форме.

– Я уверен, что моя жена глубоко польщена той честью, которую вы ей оказали, миссис Кэмерон, – осторожно начал он, – но...

– Неужели? – сухо перебила Иокаста. – А так и не скажешь. Впрочем, вы ее муж, вам лучше знать. В любом случае я изменила свое решение и хотела бы сообщить ей об этом.

– Думаю, она будет...

– Я поручила Джеральду Форбсу составить завещание, согласно которому «Горная река» достанется Джеремае.

– Дже... – Роджер не сразу осознал, о ком идет речь. – Подождите, вы про малыша Джемми?

Во время разговора Иокаста склонялась вперед, словно хотела заглянуть в глаза, но теперь наконец отодвинулась и кивнула, по-прежнему не выпуская его руку. Она не видела его лица, понял Роджер, и пыталась понять реакцию с помощью прикосновения.

Бог с ней, пусть прислушивается к своим пальцам. Новость была такой ошеломляющей, что Роджер не нашелся с ответом. Ох, что скажет Бри?

– Да. – Иокаста любезно улыбнулась. – Когда женщина выходит замуж, вся ее собственность достается мужу. Можно, конечно, устроить так, чтобы она могла сама распоряжаться богатством, но это слишком сложно, и я не хотела бы лишний раз привлекать законников. Зачем обращаться в суд, если можно решить дело миром, правда, мистер Маккензи?

С глубоким удивлением Роджер понял, что его пытаются оскорбить. И не просто оскорбить – ему выносят предупреждение. Иокаста думала... она решила, что Роджер охотится за предполагаемым наследством Брианны, и предупреждала, чтобы он не пытался прибегнуть к юридическим хитростям. От шока и ярости язык прилип к небу, однако через некоторое время Роджер все-таки заговорил.

– Господи, да это же... Значит, вы переживаете за оскорбленную гордость Джоан Финдли, а мою не ставите ни в грош? Миссис Кэмерон, как вы смеете предположить...

– Дрозд, вы хороши собой, – сказала она, стискивая его руку. – Я дотрагивалась до вашего лица, я знаю. И вы носите доброе имя Маккензи. Но в Шотландии много людей с таким именем. Среди них найдутся те, кто честен, и те, кто пойдет на любое преступление. Джейми Рой называет вас родичем – возможно потому, что вы обручены с его дочерью. А вот я не знаю, из какой вы семьи.

На смену шоку пришло желание громко расхохотаться. Не знает, из какой он семьи? Ха, конечно. И как теперь объяснить, что в шестом поколении он приходится внуком ее собственному брату Дугалу? Что он не просто племянник Джейми, но и племянник самой Иокасты – только находится на очень далекой ветке семейного древа?

– На всем Сборе никто не знает про вашу родню, – добавила она, склонив голову набок. Как ястреб, следящий за жертвой.

Вот в чем дело. Она расспрашивала о Роджере своих знакомых, и никто не смог рассказать о его корнях. Разумеется, это вызвало волну подозрений.

Интересно, Иокаста думала, что он втерся в доверие к Джейми? Или что тесть замешан в этом темном деле вместе с ним? Нет, вряд ли. Бри упоминала, что миссис Кэмерон сначала собиралась оставить наследство Джейми, однако тот категорически отказался, не желая добровольно засовывать ногу в капкан. Роджер всегда считал его здравомыслящим человеком.

Прежде чем Роджер смог придумать достойный ответ, Иокаста с улыбкой похлопала его по руке.

– Вот я и решила оставить все малышу. Очень удобно. Брианна сможет распоряжаться деньгами, пока Джерема не достигнет совершеннолетия... при условии, что с мальчиком ничего не случится.

В голосе снова мелькнула угроза, хотя Иокаста продолжала улыбаться, не отводя от Роджера невидящих глаз.

– Что?! Да о чем вы вообще говорите? – Он вскочил со стула, но миссис Кэмерон продолжала удерживать его руку с поразительной для такой хрупкой старушки силой.

– За соблюдением моей воли будет следить Джеральд Форбс, для управления поместьем назначено трое попечителей, – объяснила она. – Если с Джеремаей случится беда, то поместье отойдет моему племяннику Хэмишу. – Лицо Иокасты было совершенно серьезным. – Вы не получите

ни пенни.

Роджер стиснул ее пальцы так сильно, что слышался хруст костяшек. Пусть теперь читает его реакцию! Она охнула, но не разжала руки.

– Вы намекаете, что я могу причинить зло ребенку? – Он внезапно охрип.

Иокаста побледнела, стиснула зубы и подняла подбородок.

– Разве я так сказала?

– Вы уже много всего наговорили. И еще больше осталось несказанным. Как вы смеете обвинять меня в такой низости? – Он со злостью оттолкнул ее ладонь.

Иокаста медленно потерла покрасневшие пальцы и задумчиво поджала губы. Парусиновые стены шатра подрагивали на ветру.

– Если я ненароком вас обидела, то я должна извиниться, мистер Маккензи. Просто мне показалось, что так будет лучше.

– Лучше? Лучше для кого? – Роджер развернулся к выходу. Его обуревало желание расколотить напоследок все фарфоровые блюда с пирожными и печеньем, но он подавил это порыв огромным усилием воли.

– Для Джеремай, – ровно сказала Иокаста у Роджера за спиной. – И для Брианны. И, может быть, даже для вас.

Он обернулся и пораженно уставился на миссис Кэмерон.

– Для меня? О чем вы?

Она дернула плечом.

– Если вы не сумеете полюбить чужого ребенка, то, быть может, хотя бы мысли о наследстве смягчат ваше сердце.

Слова застряли у Роджера в горле. Лицо пылало, кровь глухо стучала в висках.

– Не волнуйтесь, я все понимаю, – продолжала Иокаста. – Не всякий мужчина может питать нежные чувства к малышу, рожденному от другого...

Роджер резко шагнул вперед и схватил ее за плечи. Иокаста дернулась, заморгала, и в топазе на брошке отразился огонек свечи.

– Мадам, – очень тихо сказал он Иокасте в лицо, – мне не нужны ваши деньги. Моей жене тоже. А мой сын к ним даже не притронется. Так что засуньте свое наследство себе в зад!

Он развернулся и вылетел из шатра, задев плечом Улисса. Тот проводил его озадаченным взглядом.

Глава 12. Источник силы

В сгущающихся сумерках горцы бродили от костра к костру, как и в предыдущие дни Сбора, хотя в этот вечер на склоне горы царила совершенно иная атмосфера.

С одной стороны, перед отъездом всех охватила сладкая грусть; старых друзей и новообретенных возлюбленных ждало неизбежное расставание, а кому-то и вовсе не суждено было свидеться. С другой стороны, нарастало радостное предвкушение, желание поскорее вернуться домой, погрузиться в манящие прелести и опасности обратной дороги. Ко всему этому примешивалась усталость: дети капризничали, мужчины сгибались под грузом тяжких хлопот, женщины были вымотаны бесконечной суетой у костра и стиркой – здоровый аппетит большого семейства приходилось удовлетворять, полагаясь на привезенные с собой припасы.

Я тоже поддавалась общим настроениям. За время Сбора я не только обзавелась новыми знакомствами и узнала множество сплетен – мне довелось испытать ни с чем не сравнимое счастье от встреч с пациентами, от изучения новых хворей, борьбы с недугами, которые были мне подвластны, и упрямых попыток спасти тех, кому нельзя было помочь. Это счастье ничто не могло отравить.

Тоска по дому росла с каждым днем – по просторному очагу с вертелом и глубоким котлом; по моему тихому и светлому кабинету с душистыми пучками крапивы и сушеной лаванды, развешанными под потолком. По мягкой чистой пуховой перине и льняным простыням, пахнущим розмарином и тысячелистником.

На мгновение я закрыла глаза, вспоминая свою уютную гавань, затем вновь вернулась на грешную землю к грязной сковороде с пригоревшими остатками овсяных лепешек; мокрой одежде, вымазанной в песке; опустевшим корзинам, в которых осталась краюха хлеба, заметно изгрызенная мышами, десять яблок и кусок сыра. В лагерь, где меня окружали три вопящих ребенка, одна измученная молодая мать с растрескавшимися сосками, одна взволнованная невеста, готовая впасть в панику перед свадьбой, одна бледненькая служанка, страдающая от менструальных болей, четыре нетрезвых шотландца и один нетрезвый француз, которые бродили туда-сюда, словно бессонные медведи зимой, и не собирались помогать мне упаковывать пожитки в дорогу... Тут низ

живота скрутило резким спазмом, и я поняла, что вдобавок ко всему прочему у меня начались месячные – видать, за компанию с Лиззи. Слава богу, в последнее время эта беда случалась гораздо реже, чем раньше.

Я стиснула зубы, сняла холодные волглые тряпки с куста и поковыляла по тропе в сторону канавки, служившей отхожим местом для женщин нашего лагеря.

По возвращении меня встретила острая вонь пригоревшего металла. Я громко выругалась по-французски – среди врачей в «Обители ангелов» ходило много выразительных оборотов, поскольку под рукой зачастую не было других лечебных средств, кроме крепкого словца.

Марсали удивленно открыла рот. Жермен восторженно посмотрел на меня и повторил ругательство с утонченным парижским акцентом, без единой ошибки.

– Извини, – сказала я, с сожалением глядя на Марсали. – Кто-то забыл чайник на костре.

– Ничего страшного, матушка Клэр, – сказала она с глубоким вздохом и покачала на руках ревущую Джоани. – Отец учил его словечкам и похуже. У нас есть сухие тряпки?

Я уже оглядывалась по сторонам в поисках прихватки или щипцов, чтобы подцепить железную ручку, но на глаза попадались только мокрые подгузники и чулки. Чайники продавали далеко не на каждом углу, и я не собиралась выбрасывать хорошую кухонную утварь. Обернув ладонь подолом юбки, я подхватила чайник за ручку и сдернула с огня. Горячий металл мгновенно обжег пальцы сквозь влажную ткань, и я швырнула свою добычу прямо на землю.

– Merde!^[12] – радостно повторил за мной Жермен.

– Полностью с тобой согласна.

Я засунула обожженный палец в рот. Чайник шипел и дымился на мокрой траве, и я пнула его, чтобы он откатился подальше в грязь.

– Merde, merde, merde, merde! – пропел Жермен на мотив песенки «Роза, роза», демонстрируя раннее пробуждение музыкального таланта, который, к сожалению, остался неоцененным.

– Ребенок, помолчи, – сурово сказала я.

Жермен не послушался. Джемми начал вопить в унисон с Джоан; Лиззи, вновь впавшая в тоску после ухода рядового Огилви, тихонько застонала в своем укрытии, а с неба посыпался град – крошечные белые льдинки ударялись о землю и били меня прямо по макушке. Я сняла мокрый чепец с ветки и нахлобучила его на голову, чувствуя себя сердитой жабой, нашедшей пристанище под необычайно уродливым грибом. Для

полноты картины не хватало только бородавок.

Град закончился очень быстро. Как только стук льдинок слегка поутих, с тропы донеслись глухие шаги, и в лагерь вернулся Джейми в компании с отцом Кеннетом Донахью – ботинки заляпаны грязью, в волосах застряли редкие градины.

– Я привел отца поужинать вместе с нами, – сказал он и осмотрел поляну с широкой улыбкой.

– А вот и нет, – мрачно объявила я. Если Джейми решил, что я уже забыла про Стивена Боннета, то его ждало сильное разочарование.

Обернувшись на мой голос, Джейми увидел чепец и отшатнулся в притворном испуге.

– Саксоночка, ты ли это? – шутливо спросил он, склоняясь вперед и выразительно заглядывая под кружевные складки. Если бы рядом не было священника, я бы непременно заехала мужу коленом по какому-нибудь чувствительному месту, но в присутствии отца Донахью пришлось ограничиться испепеляющим взглядом а-ля горгона Медуза.

Джейми не заметил моих усилий, отвлекшись на Жермена, который пританцовывал вокруг нас и напевал французские ругательства на мотив песенки «Греби, греби на лодочке». Отец Донахью отчаянно краснел, делая вид, что не понимает ни слова.

– Tais toi, petit sot^[13]. – Джейми запустил руку в спорран.

Невзирая на дружелюбные интонации, говорил он голосом человека, который не потерпит никаких возражений. Жермен резко замолчал, разинув рот, и Джейми ловко кинул туда конфету. Малыш причмокнул и сосредоточился на угощении, сразу позабыв о песнях.

Я снова потянулась к чайнику, используя подол платья вместо прихватки. Джейми подобрал с земли крепкую ветку и ловко подцепил чайник за ручку.

– Voila! – сказал он.

– Merci, – ответила я без особой благодарности в голосе. Взяла палку и отправилась к ближайшему ручью; дымящийся чайник воинственно покачивался впереди, как копье.

Отыскав среди валунов небольшое озерцо, я швырнула палку в воду, сорвала с головы чепец и принялась яростно втаптывать его в осоку. На ткани оставались отпечатки грязных ног.

– Ну что ты, саксоночка, чепчик был не такой уж и страшный, – раздалось у меня за спиной.

Я сурово подняла бровь.

– Хочешь сказать, мне идет?

– Нет, ты в нем похожа на ядовитую поганку. Так гораздо лучше, – успокоил меня Джейми.

И потянулся за поцелуем.

– Мне очень приятно твое внимание, – начала я ледяным голосом, и Джейми застыл в дюйме от моего рта. – Но если придвинешься поближе, то я точно тебя укушу.

Он выпрямился с превеликой осторожностью, будто отодвигаясь от осинового гнезда, а потом медленно и аккуратно убрал руки с моей талии.

– Ясно, – сказал он. Склонил голову набок, разглядывая меня. – Вид у тебя слегка задерганный, саксоночка.

Против правды ничего не попишешь, но стоило ему произнести эту фразу, как мне тут же захотелось разрыдаться. По всей видимости, это желание четко отразилось на моем лице: Джейми очень бережно взял меня за руку и отвел к большому валуну.

– Присядь-ка. Закрой глаза на минутку, а *nighean donn*^[14]. Отдохни.

Я послушно села, опустив веки. Рядом со мной раздался плеск и приглушенный звон: Джейми отмывал пригоревшее железо.

Потом он с тихим стуком поставил наполненный чайник у моих ног и опустился рядом на сухие листья. Тишину нарушало только его дыхание, шмыганье и шорох одежды, когда Джейми потянулся утереть нос рукавом.

– Прости, – сказала я наконец и открыла глаза.

Он с улыбкой повернулся ко мне.

– За что, саксоночка? Ты же не отказываешься делить со мной постель... во всяком случае, я надеюсь, до этого не дойдет.

Мысли о супружеском долге не вызывали у меня никакого интереса, но я нашла в себе силы улыбнуться в ответ.

– Мы уже две недели спим на голой земле. Сейчас я готова делить постель с кем угодно, лишь бы на нормальной кровати.

Брови Джейми поползли вверх, и я рассмеялась.

– Прости, – снова сказала я. – Издергалась что-то.

Низ живота вновь скрутило от боли, и я поморщилась, прижимая руки к паху.

– Вот оно что! – Джейми внезапно осенило. – В этом смысле...

– Ага, в этом, – согласилась я. Ткнула чайник ногой. – Надо отнести его в лагерь. Хочу вскипятить воду да заварить немного ивовой коры. Она долго настаивается.

На приготовление настоя уйдет не меньше часа; к тому времени боль заметно усилится.

– Да плюнь ты на ивовую кору, – объявил Джейми и достал из-за

пазухи серебряную фляжку. – Попробуй. Это, по крайней мере, кипятить не надо.

Я открутила пробку и принялась – виски, причем очень хороший.

– Я тебя люблю, – искренне сообщила я, и он рассмеялся.

– Я тебя тоже люблю, саксоночка. – Джейми ласково коснулся моей ноги.

Отпив глоточек, я позволила янтарной жидкости медленно прокатиться по горлу. Терпкий аромат поднялся вверх, пощекотал слизистую, потом опустился в желудок и растаял ласковым облачком, согревая и прогоняя боль.

– О-о-о, – выдохнула я и сделала еще один глоток. Даже зажмурилась, чтобы лучше оценить вкус. Один знакомый ирландец когда-то сказал мне, что по-настоящему хороший виски может поднимать мертвых. Склонна с ним согласиться.

– Чудесно, – сообщила я, открыв глаза. – Где достал?

Скотч двадцатилетней выдержки – куда лучше того алкоголя, который Джейми перегонял позади нашего дома.

– У Иокасты. Хотел сделать свадебный подарок Брианне и ее жениху, но тебе он пригодится больше.

– Это уж точно.

Мы сидели в уютном молчании, я прихлебывала виски, и желание убивать всех, кто попадался мне на глаза, постепенно шло на убыль – пропорционально жидкости, плескавшейся внутри фляжки.

Дождь затих, с деревьев то и дело срывались редкие капли. Неподалеку от ручья росло несколько елей, и до нас доносился острый горьковатый запах смолы вперемешку с запахом палой листвы, коптящих костров и влажной одежды.

– С твоей последней менструации прошло три месяца, – задумчиво сказал Джейми. – Я думал, больше уже не будет.

Меня всегда поражало то, как внимательно он замечал такие вещи, но, наверное, от фермера не стоило ожидать ничего иного. Джейми знал гинекологические особенности и циклы течки всех своих коров, овец и свиней – вряд ли я составляла исключение из списка просто потому, что меня не надо было водить на случку.

– Это тебе не краник, который можно закрыть, знаешь ли, – раздраженно заметила я. – Сначала месячные теряют регулярность, потом постепенно сходят на нет. Точное время никто не скажет.

– Понятно.

Он наклонился и сложил локти на коленях, провожая взглядом веточки

и листву на поверхности ручья.

– Я думал, без них легче будет. Меньше мороки. Разве не так?

Пришлось прикусить язык, чтобы не провести обидное сравнение на тему секса и различных телесных жидкостей.

– Может, и будет, – сказала я. – Обязательно поделюсь с тобой впечатлениями.

Джейми улыбнулся, однако заметил мое раздражение и мудро воздержался от дальнейших рассуждений на эту тему.

Я снова глотнула виски. По лесу эхом разнесся резкий крик дятла, потом наступила тишина. В такую погоду все птицы старались забиться в укрытие, хотя чуть ниже по руслу ручья раздавалось деловитое покрякивание перелетных уток. Они дождя не боялись.

Джейми неожиданно потянулся.

– Послушай, саксоночка...

– Что?

– Не знаю, правильно ли я поступил. Если неправильно, то должен просить у тебя прощения.

– Хорошо, – неуверенно ответила я. За что он собрался извиняться? Супружеская измена, скорее всего, тут была ни при чем, но вот остальные преступления исключать не стоило. Нападение, поджог, грабеж или богохульство? Господи, надеюсь, что это не связано с Бонннетом.

– Что ты наделал?

– Ничего, – смущенно ответил он. – Но я пообещал, что ты окажешь одну услугу.

– И какую же? – В моей душе зашевелились подозрения. – Если ты сказал Фаркуарду Кэмпбеллу, что я приеду с визитом к его сварливой матушке...

– Нет-нет, – поспешно перебил меня Джейми. – Ничего такого. Я пообещал Джосайе Бердсли, что сегодня ты удалишь ему гланды.

– Что-о-о? – Я вытаращила глаза. С Джосайей Бердсли я познакомилась день назад. У этого юноши был самый ужасный случай нагноения миндалин за всю мою практику; нарывы на аденоидах произвели на меня столь глубокое впечатление, что во время ужина я принялась рассказывать о них всем подряд – немного послушав, Лиззи позеленела и отдала свою вторую картофелину Жермену. Я упоминала, что от такой запущенной болезни поможет только хирургическое вмешательство, но не ожидала активной поддержки со стороны Джейми.

– Зачем? – спросила я.

Джейми откинулся назад и взглянул на меня.

– Он мне нужен, саксоночка.

– Для чего?

Джосайе было не больше пятнадцати лет. Сам он считал, что ему исполнилось четырнадцать, но точного года рождения не помнил – родители давно умерли и спрашивать было не у кого. Даже для четырнадцатилетнего парнишки он выглядел слишком мелким и тощим; ноги неестественно изгибались из-за рахита. Налицо были разнообразные паразитарные инфекции и какая-то болезнь легких – то ли туберкулез, то ли просто сильный бронхит.

– Будет у нас еще один арендатор.

– Я-то думала, что у тебя и так слишком много желающих.

Не просто думала, а точно знала. У нас не осталось ни пенни, хотя на Сборе Джейми удалось выручить достаточно, чтобы раздать почти все долги торговцам из Кросс-Крика: за скобяные товары, рис, инструменты, соль и прочие хозяйственные мелочи. Да, нам принадлежал обширный надел земли, большую часть которого покрывали леса, но мы не могли помогать новым поселенцам – а ведь нужно было строить дома и возделывать поля. Не знаю, как мы справимся с Чишолмами и Макгилливреями – какие уж тут еще арендаторы?

Джейми только кивнул, отменяя все возражения.

– Ничего, Джосайя нам подходит.

– Хм, – неуверенно фыркнула я. Сомневаться не приходилось, парнишка был крепкий – иначе просто не дожил бы до своих лет.

– Предположим. Но другие подходят не меньше. Что в нем такого особенного?

– Ему четырнадцать.

Я удивленно изогнула бровь, и Джейми слабо улыбнулся.

– Все мужчины от шестнадцати до шестидесяти должны служить в ополчении, саксоночка.

У меня слегка похолодело в животе. Губернаторский приказ был еще свеж в памяти, однако я не успела как следует обдумать его последствия.

Джейми вздохнул и потянулся, хрустнув костяшками.

– Значит, ты выполняешь его распоряжение? Собираешь полк?

– Выбора нет, – просто ответил он. – Трион крепко держит меня за яйца. Не хочется ждать, пока он решит надавить.

– Этого я и боялась.

К несчастью, такое красочное описание ситуации было донельзя точным. Губернатору Триону понадобился верный и умный сторонник, чтобы обустроить поселения на дальних территориях в глубине материка, и

он предложил Джейми королевское пожалование земли к востоку от границы колонии, без уплаты налога в течение десяти лет. Соблазнительное предложение, хотя и не настолько щедрое, как могло показаться на первый взгляд, — осваивать горные территории совсем нелегко.

Подвох заключался в том, что получить пожалование мог только белый мужчина старше тридцати лет, с незапятнанной репутацией и исповедующий протестантство. Джейми соответствовал всем требованиям, кроме одного — он был католиком. И Трион об этом знал.

Губернатор, как и всякий успешный политик, был готов промолчать о такой досадной мелочи ровно до тех пор, пока Джейми следовал полученным распоряжениям. В противном случае Триону довольно было отправить в Нью-Берн одно-единственное письмо, и всем Фрейзерам пришлось бы расстаться с Фрейзер-Риджем.

— Хм-м. То есть ты собираешься забрать из Риджа всех мужчин? Неужели никого нельзя оставить?

— У нас и так слишком мало людей, саксоночка. У Фергуса нет руки, и я могу оставить его присматривать за домом. Еще могу оставить мистера Уэмисса — все думают, что он находится в долговом рабстве, а в ополчении могут служить только свободные граждане.

— Свободные и здоровые. Значит, муж Джоанны Грант тоже останется. У него деревянная нога.

Джейми кивнул.

— Да, и Арч Баг. Старику уже не меньше семидесяти. Получается четверо мужчин — и примерно восемь мальчишек, которым не исполнилось шестнадцати лет. На тридцать домов и сто пятьдесят поселенцев.

— Женщины сумеют справиться с хозяйством сами, — сказала я. — Зимой не придется тревожиться о посевах и урожае. Да и с индейцами в последнее время все гладко.

Стягивая чепец, я случайно развязала ленту на косе. Теперь волосы выбивались в разные стороны и липли мне на шею мокрыми кудрявыми прядями. Я сняла ленту и попыталась собрать непослушную шевелюру в пучок.

— Но чем тебе так понравился Джосайя Бердсли? Один четырнадцатилетний мальчишка делу не поможет.

— Бердсли хороший охотник, — ответил Джейми. — Привез на сборище волчьи, оленьи и бобровые шкуры. Почти двести фунтов весом. Я и сам бы столько не смог добыть.

Похвала прозвучала искренне, и я закусила губу. Зимой шкуры были главным — да что там, единственным — источником дохода в горных

поселениях. У нас не было денег – даже бумажных, тех, что стоили гораздо дешевле стерлинга. Если к весне мы не добудем достаточно шкур на продажу, то останемся без посевной кукурузы и пшеницы. Мужчинам предстояло провести большую часть зимы вдали от дома, гоняясь за регуляторами...

Большинство женщин в Ридже умели стрелять из ружья, однако почти никто из них не смог бы отправиться в лес, потому что дома оставались маленькие дети. Даже Бри, ловкая охотница, не могла покинуть Джема больше чем на полдня – слишком короткий срок для охоты на волка или бобра.

Я запустила руку во влажные волосы, прочесывая выбившиеся прядки.

– Ладно, я поняла, зачем он тебе понадобился. Но при чем тут удаление гланд?

Джейми взглянул на меня с улыбкой. Молча встал, зашел мне за спину и принялся твердой рукой собирать непослушные локоны. Вскоре мне на плечи легла толстая тугая коса. Он забрал у меня ленту и завязал аккуратный бантик.

– Готово. – Джейми снова устроился у моих ног. – Теперь можно и про гланды. Ты сказала, что парню надо делать операцию, иначе станет хуже.

– Это точно.

Джосайя Бердсли поверил мне на слово. Прошлой зимой нарыв, разросшийся в горле, почти задушил его, и мальчишка чуть не простился с жизнью. Повторения ему не хотелось.

– Ты единственный врач к северу от Кросс-Крика, – сказал Джейми. – Кто еще возьмется за такую работу?

– Да, но... – неуверенно начала я.

– Вот я и предложил парню сделку, – перебил он. – С меня кусок земли – мы с малышом Роджером поможем ему построить там хижину, – а с него половина всех шкур, которые будут добыты за следующие три зимы. Но мальчишка поставил еще одно условие: хочет, чтобы ты вырезала ему гланды.

– Почему сегодня? Не могу же я проводить операцию прямо тут! – Я махнула рукой в сторону мокрой лесной чащи.

– А почему нет? – Роджер приподнял бровь. – Ты сама говорила, что в ней нет ничего сложного. Несколько надрезов мелким ножичком.

Я раздраженно шмыгнула и потерла костяшками нос.

– Не спорю, удалять гланды – не ноги ампутировать, но все равно... это не так-то просто!

Операция действительно была несложной, а вот риск развития

инфекции был слишком велик, и больному требовался тщательный уход – хоть какая-то замена антибиотикам.

– Не могу же я вырвать ему миндалины и отпустить на волю! Вот когда вернемся в Ридж...

– Он не собирается ехать туда вместе с нами, – перебил Джейми.

– Почему?

– Сказал, что надо дела уладить. Приедет к первой неделе декабря. Можно будет устроить его на чердаке в травяном сарайчике.

– То есть вы с ним рассчитываете, что я отрежу парню гланды, наложу пару швов и отпущу восвояси? – ехидно уточнила я.

– С собакой вышло неплохо, – ухмыльнулся Джейми.

– А, тебе уже рассказали.

– Еще как. И про мальчишку, который ударил себя топором по ноге, и про детей с молочной сыпью, и про больной зуб миссис Бьюкенен, и про то, как вы с Мюрреем Маклаудом поспорили о желчных протоках одного джентльмена...

– Да, утро выдалось непростое. – Я передернула плечами и глотнула виски.

– Саксоночка, о тебе говорит весь Сбор. Я как увидел, какая толпа собралась перед тобой на поляне, сразу вспомнил Библию.

– Библию? – Я не узнала отсылку, и Джейми ухмыльнулся еще шире.

– «Каждый старался дотронуться до него, – процитировал мой муж, – потому что от него исходила сила и исцеляла всех».

Я рассмеялась и тихонько икнула.

– Извините, сила временно закончилась.

– Не беспокойся, саксоночка, во фляжке еще осталось.

Вспомнив про фляжку, я протянула ее Джейми, но он покачал головой и глубоко задумался. Градины, застрявшие у него в волосах, успели растаять, и намокшие пряди легли на плечи тяжелыми бронзовыми лентами – сейчас Джейми походил на памятник какому-то воину, стоящий под дождем на парковой аллее.

– Ты согласишься удалить парнишке гланды, когда он приедет в Ридж?

Я подумала пару мгновений и кивнула, сглотив неуверенность. Обычно я не бралась за такие операции, стараясь избегать лишнего риска, однако болезнь Джосайи была слишком запущенной, и если не вмешаться сейчас, то он в скором времени погибнет от постоянных воспалений.

Джейми удовлетворенно кивнул в ответ.

– Хорошо, я ему передам.

Несмотря на сырость, мои ноги наконец согрелись, и по телу

растеклось тепло. Низ живота по-прежнему тянуло так, будто там образовался огромный валун, но я перестала обращать внимание на боль.

– Мне тут подумалось, саксоночка...

– О чем?

– Про Библию, к слову сказать.

– Ты сегодня целый день размышляешь о Священном Писании?

Джейми улыбнулся уголком губ.

– Да, вспомнилось. Когда ангел Господень принес Сарре весть о том, что через год у нее будет сын, Сарра не поверила и рассмеялась, потому что для нее миновало время, когда женщины могут иметь детей.

– Поверь мне, большинство женщин не стали бы смеяться в такой ситуации, – сказала я. – Иногда мне кажется, что у Господа весьма своеобразное чувство юмора.

Джейми сжимал в руке большой кленовый лист, отрывая от него по кусочку. Он опустил глаза, и я заметила, как дрогнули его губы.

– Мне тоже иногда так кажется, саксоночка. Так или иначе, ребенок у Сарры родился.

– Вряд ли стоит спорить с Книгой Бытия.

Я подумала, не отпить ли еще глоточек, потом решила оставить виски на черный день и закупорила фляжку. В лагере началась какая-то суеда, ветер доносил до меня отдельные фразы.

– Кто-то разыскивает Джейми Роя, – сказала я. – Опять.

Джейми обернулся, поморщился и остался сидеть на месте. По бледной шее расползлся румянец.

– Я к чему клоню, саксоночка, – продолжал он, старательно отводя глаза, – ты у меня не Мария, со Святым Духом не общалась, так что ребенка зачать можно только одним способом. Правильно?

– Насколько мне известно, да. – Я прикрыла рот ладонью, чтобы не икнуть снова.

– Значит... получается, что даже в старости Сарра по-прежнему делила постель с Авраамом?

Уши Джейми полыхали огнем, и я с запозданием поняла, зачем велась вся эта религиозная дискуссия. Вытянула ногу и потыкала его в бок.

– Ты решил, что я больше тебя не хочу?

– Сейчас же не захотела, – логично отметил он, не отводя глаз от истерзанного кленового листа.

– У меня болит живот – так, будто туда напихали битого стекла; я перемазана в грязи до колен, а через эти кусты скоро начнет ломиться стая ищеек, идущих по твоим следам, – сурово отрезала я. – Или ты

предлагаешь предаться разврату прямо в куче мокрых листьев?

– Нет-нет, – торопливо ответил он. – Не сейчас, конечно. Я просто подумал... если вдруг...

Кончики ушей стали малиновыми. Джейми резко встал и принялся усердно отряхивать с килта сухие листья.

– Джейми Фрейзер, – начала я ровным тоном, – если бы я сейчас внезапно зачала ребенка, то твои яички давно бы жарились на шампуре над костром. – Я взглянула ему в лицо. – А что касается постели...

Он перестал отряхиваться и посмотрел на меня. Я выразительно улыбнулась, не скрывая своих намерений.

– Ты получишь то, что хочешь, как только мы окажемся рядом с нормальной кроватью.

– Хорошо. – Джейми глубоко вздохнул, будто все его тревоги развеялись. – Тогда ладно. Просто немного забеспокоился, знаешь ли.

Кусты вдруг громко зашуршали, ветви раздвинулись, и оттуда выглянуло худощавое и крайне взволнованное лицо мистера Уэмисса.

– Вот вы где, сэр! – Он вздохнул с облегчением.

– Да, вот я здесь, – обреченно ответил Джейми. – Что случилось, мистер Уэмисс?

Уэмисс не смог ответить сразу, поскольку крепко зацепился за калиновый куст, и я поспешила к нему на помощь. Бывший счетовод, вынужденный продать себя в долговое рабство, был совершенно не приспособлен к жизни в лесной глуши.

– Я прошу прощения за беспокойство, сэр, – начал он, краснея. Нервно вытряхнул колючую веточку, застрявшую в легкой светлой шевелюре. – Понимаете, она обещала вспороть ему брюхо топором, если он не оставит ее в покое, а он сказал, что не позволит женщине разговаривать с ним таким тоном... И у нее вправду есть топор!

Джейми глубоко вздохнул, слушая бессвязное бормотание Уэмисса, взял фляжку и хорошенько к ней приложился.

– Кто?

– Э-э, а я не сказал? Розамунда Линдси и Ронни Синклер.

– Кхм.

Плохие новости. У Розамунды Линдси действительно был топор; она жарила свиные туши в коптильной яме на берегу ручья. А еще она весила почти две сотни фунтов и, несмотря на общее добродушие, бывала очень страшна в гневе. Ронни Синклер, в свою очередь, мог вывести из себя даже архангела Гавриила, не говоря уж о простой смертной женщине, которая пыталась заниматься стряпней под дождем.

Джейми вздохнул и отдал мне фляжку. Расправил плечи, стряхивая капли с плеча.

– Хорошо, мистер Уэмисс. Скажите, что я скоро буду.

При мысли о том, что ему снова придется иметь дело с Розамундой Линдси и ее топором, на узком лице мистера Уэмисс отразился ужас, но, по всей видимости, Джейми внушал ему еще больший трепет. Он быстро поклонился, развернулся на пятках и снова застрял в калиновом кусте.

Протяжный вой, походивший на сирену «Скорой помощи», ознаменовал приближение Марсали с крошкой Джоани на руках. Марсали аккуратно сняла веточку с плеча мистера Уэмисса, приветливо кивнула и обошла его стороной.

– Папа, – сказала она без лишних расшаркиваний, – возвращайся в лагерь. Отца Кеннета арестовали.

Брови Джейми взлетели вверх.

– Арестовали? Когда? Кто?

– Вот только что! Один гадкий толстяк, который назвался шерифом нашего округа. Пришел в лагерь с двумя подручными и спросил, где здесь священник. А потом они схватили отца Кеннета под руки и увели, ни словечка не сказав напоследок!

Кровь прилила к щекам Джейми, пальцы постукивали по бедру.

– Они схватили его прямо у моего очага? А Dhia!

Вопрос был риторический, но прежде чем Марсали успела открыть рот, с противоположной стороны донеслись шаги, и из-за сосны вынырнула Брианна.

– Ну, что еще? – рявкнул Джейми.

Она удивленно моргнула.

– Кхм... Джорди Чишолм говорит, что один из солдат стащил ветчину от его костра. Просит, чтобы ты сходил к лейтенанту Хэйзу и разобрался.

– Хорошо, – быстро ответил он. – Позже. Иди с Марсали и выясни, куда забрали отца Кеннета. А вы, мистер Уэмисс... – Но мистер Уэмисс все-таки вырвался из тесных объятий калинового куста. Громкий шорох и звуки падения сопровождали его дальнейшее продвижение по лесной чаще.

Быстро взглянув Джейми в лицо, обе девушки предпочли побыстрее скрыться из виду, и через пару мгновений мы вновь остались одни. Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул сквозь зубы.

Хотя меня разбирал смех, я героически сдержалась и просто встала рядом с мужем. От кожи Джейми шел жар.

– До меня желают дотронуться только хворые, – сказала я, протягивая ему фляжку. – А вот ты у нас нарасхват. Что будешь делать, когда силы

иссякнут?

На губах Джейми медленно расцвела улыбка. Не обращая внимания на фляжку, он склонился поближе, обхватил мое лицо руками и поцеловал. Бережно-бережно.

– Вот что, – ответил он.

А потом повернулся и зашагал вниз по склону – предположительно, с новым запасом сил.

Глава 13. Бобы и мясо

Я вернулась с чайником в лагерь и обнаружила, что все куда-то разошлись. Вдалеке раздавались голоса и смех – значит, Лиззи, Марсали и миссис Баг вместе с детьми отправились к отхожему месту, выгребной канаве, выкопанной за густыми зарослями можжевельника в стороне от лагеря. Повесив полный чайник над огнем, я задумалась, чем следует заняться в первую очередь.

Арест отца Кеннета грозил нам всем серьезными последствиями, но мое присутствие ничего бы не изменило. Зато в истории с Розамундой Линдси мог потребоваться врач – топор у нее был самый что ни на есть настоящий. Я быстро привела в порядок мокрые волосы, одернула платье и пошла в сторону ручья, бросив чепец на произвол судьбы.

Джейми, по всей видимости, оценил наши бедствия и пришел к таким же выводам. Пробравшись сквозь прибрежные заросли ивняка, я обнаружила мужа возле коптильной ямы: он беседовал с Ронни Синклером, непринужденно опираясь на ручку топора – и как Джейми удалось им завладеть?

При виде этого мирного зрелища я слегка успокоилась и сбавила шаг. Если Розамунда не попытается придушить Ронни голыми руками или забить его до смерти куском ветчины – а я не исключала такую возможность, – то врачебная помощь никому не понадобится.

Яма была широкой. После наводнения на глинистом берегу ручья осталась заметная вымоина, и сметливые горцы углубили ее лопатами. Судя по почерневшим камням и кучам древесного угля, яму использовали уже не первый год. Да и сейчас у нее собрались сразу несколько человек; запахи жареной птицы, свинины, баранины и мяса опоссума смешивались с ароматом дыма от яблоневого и пеканового дерева. Слюнки потекли после первого же вдоха.

Однако вид у коптильни была куда менее заманчивой. Облака белого дыма поднимались от влажных дров, скрывая туши, лежавшие на тлеющих углях, – и со стороны могло показаться, что сквозь дымку проглядывают искаженные очертания человеческих тел. Перед моими глазами сразу встали погребальные костры Ямайки, на которых сжигали трупы рабов, не вынесших изнурительного плавания от берегов Африки. Я сглотнула комок в горле, отгоняя воспоминания о чудовищной вони.

Розамунда стояла в яме, подоткнув повыше юбку и закатав рукава, и

поливала красноватым соусом ребра огромной свиной туши. Рядом с могучими ногами стряпухи лежало еще пять таких же туш, накрытых рогожей. Пахучий дым клубился вокруг них и уходил в небо.

– Да это же настоящая отравка! – горячо доказывал Ронни Синклер. – Она все испортит... Такое даже свиньям не скормишь!

– Ронни, это и есть свиньи, – терпеливо ответил Джейми. Заметив меня, он выразительно закатил глаза, а потом посмотрел в яму. Жир с шипением капал на пекановые угли. – Лично я думаю, что поросенка готовкой не испортишь, даже если расстараться.

– Верно-верно, – вставила я, улыбаясь. – Бекон, жареные отбивные, запеченное филе, ветчина, зельц, сосиски, ливер, кровяные колбаски... Говорят, свинью пускают в ход целиком.

– Да, но она мясо жарит! – упрямо возразил Ронни. – Всем известно, что свинину на углях надо сбрызгивать уксусом! Вы же не кидаете в колбасу гальку? А в бекон – мусор из курятника? Тьфу! – Он кивнул в сторону белой глиняной миски, давая понять, что ее содержимое относится к таким же несъедобным добавкам.

Ветер переменился, и от мяса потянуло аппетитным дымком. Я принялась: кажется, Розамунда добавила в свой соус помидоры, лук, красный перец и щедрую порцию сахара, так что на свиной туше появлялась толстая коричневатая корочка, а в воздухе витал сладкий аромат карамели.

– Полагаю, мясо получится весьма сочное, – сказала я, чувствуя, как под кружевным корсажем начинает урчать живот.

– И свинки у вас знатные, – льстиво добавил Джейми, встретившись с Розамундой взглядом. Она перепачкалась сажей до самых колен, по лицу с тяжелой квадратной челюстью стекали капли дождя и пота. – Дикие кабанчики, мэм? Или вы их сами выращивали?

– Дикие, – ответила она с гордостью. Выпрямилась и откинула со лба прядь мокрых седых волос. – Наедали жирок на каштанах. Мясо у них душистое.

Ронни Синклер фыркнул, выражая глубочайшее презрение.

– Да уж, душистое. Если вымажешь соусом, авось никто запаха и не заметит. От этой пакости кажется, что мясо вообще сырое!

Розамунда емко и красочно высказалась о мужском достоинстве горцев, чью трепетную натуру пугает вид крови, и Синклер принял ее слова на свой счет. Джейми ловко вклинился между ними, отодвигая топор подальше.

– Я уверен, мясо очень хорошо прожарилось, – примирительно сказал

он. – Госпожа Линдси трудится здесь с самого рассвета.

– Нет, мистер Фрейзер, гораздо дольше, – с мрачным удовольствием ответила женщина. – Если хотите приготовить все как положено, то начинать надо заранее. Я здесь со вчерашнего дня, всю ночь за мясом присматривала.

Она жадно принялась к дыму и блаженно улыбнулась.

– Ох, пахнет-то как! Не понять вам, треклятым шотландцам, какая это вкуснятина! – Розамунда бережно накрыла тушу рогожей. – Промариновались до мозга костей, всю свою еду уксусом поливаете. Мой Кенни даже в овсянку готов его добавлять. Если бы не я, он бы и кукурузные лепешки в уксус обмакивал.

Джейми повысил голос, заглушая горячие возражения Ронни.

– Значит, Кенни добыл этих свиней на охоте, госпожа? У кабанов опасный нрав, ловить такого зверя – дело нелегкое. Они как те дикие вепри, что водятся в Шотландии.

– Ха. – Розамунда бросила исполненный добродушного презрения взгляд в сторону прибрежного склона, где находился ее муж. Кенни был в два раза тоньше миссис Линдси и, вероятно, предпочитал заниматься более приятными делами, не требующими столь рьяных усилий. – Нет, мистер Фрейзер, я сама их убила. Вот этим вот топором! – добавила она, указав на свое грозное орудие, потом зловеще прищурилась и взглянула на Ронни. – Проломила черепушку одним махом.

Ронни не отличался особой чуткостью, и потому намек Розамунды остался незамеченным.

– Макдью, она добавляет туда помидоры, – прошипел он, притягивая Джейми за рукав, и указал на красную жижу в миске. – Дьяволы яблоки! Она нас всех отравит!

– Это вряд ли, Ронни. – Джейми крепко взял его под руку и улыбнулся Розамунде. – Вы ведь готовите мясо на продажу, миссис Линдси? Зачем же вам убивать своих покупателей?

– На продажу, и еще никто не жаловался, мистер Фрейзер, – подтвердила Розамунда, откидывая кусок рогожи со следующей туши. Она зачерпнула соус деревянной ложкой и щедро полила филейную часть. – Едят и нахваляют. Но я родом из Бостона, мы свинину всегда так готовим.

«Как и все нормальные люди» – читалось в ее голосе.

– Я встречал одного бостонца, когда ездил в Шарлотсвилл, – сказал Ронни, неодобрительно нахмутив лисьи брови. Попробовал выдернуть руку из хватки Джейми, но безрезультатно. – Он рассказывал, что у них

дома на завтрак едят бобы, а на ужин – устриц. Каждый день с малых лет набивал себе брюхо такой гадостью. Странно, что его не разорвало в клочья, как свиной пузырь!

– Съешь бобов и пукни звонко, сразу станет легче жить, – радостно пропела я, воспользовавшись секундной заминкой в разговоре. – Боб полезен для печени, жуй бобы и не тужи!

Ронни и миссис Линдси разинули рты от удивления. Джейми бурно расхохотался, и спустя мгновение Розамунда тоже разразилась громким смехом. Затем к общему веселью присоединился и Ронни.

– Мне довелось пожить в Бостоне, – мягко добавила я, когда хохот немного утих. – Поверьте, миссис Линдси, пахнет ваша стряпня замечательно.

Розамунда с достоинством кивнула в ответ.

– Так и есть, мэм.

Она склонилась ко мне и продолжила приглушенным – по сравнению с обычными громоподобными интонациями – голосом:

– Все дело в моем личном рецепте. – Розамунда похлопала ладонью по глиняной миске. – Отлично подчеркивает вкус.

Синклер открыл было рот, однако Джейми крепко стиснул его руку, и вместо пылкой речи с губ Ронни сорвалось только тихое оханье. Розамунда не обратила на него никакого внимания, погрузившись в любезную беседу с моим мужем, и в конце даже согласилась приберечь одну тушу для нашего свадебного застолья.

Я взглянула на Джейми. В эту минуту отец Кеннет, скорее всего, находился либо по дороге обратно в Балтимор, либо на пути в Эдентонскую тюрьму, и меня начинали терзать смутные сомнения насчет свадьбы.

С другой стороны, я твердо знала: Джейми нельзя недооценивать. Отвесив миссис Линдси прощальный комплимент, он потащил Ронни прочь от коптильной ямы и остановился, только чтобы вручить мне топор.

– Присмотри-ка за этой штукой, саксоночка, – сказал он, потом быстро поцеловал меня и ухмыльнулся. – Откуда у тебя такие глубокие познания о бобах?

– От Брианны. Ей было лет шесть, когда она слышала эту песенку в школе, – ответила я с улыбкой.

– Пусть споет своему мужу, – посоветовал Джейми. Ухмылка стала еще шире. – Чтобы записал себе в книжечку.

Он отвернулся, дружески положив руку на плечи Ронни Синклера, который то и дело порывался снова отправиться к яме.

– Пойдем, Ронни. Надо перемолвиться парой словечек с лейтенантом. Думается, он захочет купить ветчины у миссис Линдси. – Джейми посмотрел на меня и моргнул по-совиному: в его исполнении это означало подмигивание. Потом он снова обратился к Ронни: – Лейтенант будет рад, если ты расскажешь ему об отце. Ведь вы с Гэвином Хэйзом были друзьями?

– Да, – сказал Ронни, посветлев лицом. – Да, Гэвин был хорошим человеком. Жаль его. – Он покачал головой, вспомнив, как умер Гэвин несколько лет назад. Потом посмотрел на Джейми. – Парень знает, что с ним случилось?

Деликатный вопрос. Гэвина повесили в Чарльстоне за воровство – позорная смерть, как ни крути.

– Да, – тихо ответил Джейми. – Пришлось рассказать. Но ты можешь поговорить с ним про былые времена... про те годы, что мы вместе провели в Ардсмуре.

Джейми взглянул на Синклера, и лицо его внезапно смягчилось. Ронни ответил такой же горькой полуулыбкой. Стиснув напоследок плечо друга, Джейми опустил руку, и они зашагали вниз по склону, бок о бок. Все разногласия по поводу жарки мяса были забыты.

«Те годы, что мы провели вместе...» – одна простая фраза, словно тайное заклинание. Слова напоминали о крепкой дружбе, выкованной в горниле тяжких испытаний, о близости, доступной только тем, кто долгие дни и месяцы делил друг с другом отчаяние и боль. Джейми редко говорил об Ардсмуре вслух – как и остальные узники этой тюрьмы, сумевшие выжить, вырваться на свободу и увидеть Новый Свет.

От лощин и оврагов поднимался туман, и совсем скоро Синклер с Джейми скрылись из виду. Из-за подернутых дымкой деревьев донеслось слаженное пение бравых шотландцев:

«Съешь бобов и пукни звонко, сразу станет легче жить...»

* * *

Вернувшись в лагерь, я обнаружила, что Роджер уже покончил со своими делами и теперь беседовал с Бри у костра. Вид у него был встревоженный.

– Не беспокойся, – сказала я, потянувшись к кипящему чайнику. – Джейми все уладит. Как раз пошел разбираться.

– Уладит? – Он слегка удивился. – Джейми знает, что произошло?

– Да-да. Все будет хорошо, надо только найти шерифа.

Одной рукой я подхватила свой щербатый походный заварник, вытряхнула старые чайные листья на землю и поставила его на стол, чтобы ошпарить кипятком. День был долгим, а вечер обещал быть еще дольше. Не помешает подкрепиться хорошенько заваренным чаем и кексом с цукатами, который принесла мне одна из утренних пациенток.

– Шерифа? – Роджер взглянул на Брианну с глубоким изумлением. – Она натравила на меня шерифа?

– Кто натравил на тебя шерифа? – Теперь пришла моя очередь удивляться. Я отставила чайник в сторону и взяла жестяную банку с заваркой. – Признавайся, что ты наделал?

На высоких скулах Роджера проступил румянец, но Брианна не дала ему открыть рта.

– Поставил тетушку Йокасту на место! – Она злорадно прищурилась, воображая себе эту сцену. – Ох, жалко, меня там не было!

– Что ты ей сказал? – заинтересовалась я.

Роджер покраснел еще сильнее и отвернулся.

– Не хотелось бы повторять, – коротко ответил он. – Нельзя так разговаривать с женщиной, тем более пожилой. Особенно если она скоро станет твоей родственницей. Я как раз спрашивал у Бри, не надо ли мне сходить к миссис Кэмерон и извиниться перед свадьбой.

– Нет, – быстро ответила Брианна. – Да как у нее наглости хватило! Ты имеешь полное право ответить тем же.

– Я не жалею о сказанном, – произнес Роджер со слабой улыбкой. – Хотя формулировку стоило выбрать другую... Видите ли, – он повернулся в мою сторону, – я не хочу испортить Бри свадьбу. Надо принести извинения, иначе точно возникнет неловкость.

– Испортить Бри свадьбу? Я что, буду стоять перед алтарем в одиночестве? – сердито спросила она, сведя густые брови.

– Нет, конечно, – он погладил ее по щеке, – вместе со мной. Но мне просто хочется на тебе жениться. А ты наверняка мечтаешь, чтобы церемония прошла без сучка без задоринки. Нехорошо выйдет, если твоя тетушка приложит меня бревном по голове, прежде чем я успею сказать «да».

Я сгорала от любопытства – господи, да что он наговорил Йокасте? – однако сначала следовало обсудить более срочный вопрос. В конце концов, если свадьба сорвется, то и портить будет нечего.

– ...и Джейми пошел искать отца Кеннета, – закончила я. – Марсали не узнала этого шерифа, так что придется попотеть.

Темные брови Роджера приподнялись, потом снова сосредоточенно нахмурились.

– Знаете... Кажется, я его видел. Вот только что.

– Отца Кеннета? – уточнила я, занеся нож над кексом.

– Нет, шерифа.

– Как? Где? – Бри обернулась и окинула поляну гневным взглядом, сжимая кулаки. Хорошо, что шерифа не было рядом, подумала я. Если Брианну арестуют за нападение, со свадьбой точно придется повременить.

– Он пошел вон туда. – Роджер махнул в сторону ручья... и шатра лейтенанта Хэйза.

Стоило ему произнести эти слова, как от тропы донеслись чавкающие шаги и вскоре перед нами появился Джейми – усталый, встревоженный и донельзя раздраженный. Священника он так и не нашел.

– Папа! – воскликнула Бри. – Роджер говорит, что видел шерифа, который арестовал отца Кеннета.

– Вот как? – оживился Джейми. – Где?

Он крепко стиснул левую руку в кулак, и я не смогла сдержать улыбку.

– Что тут смешного? – сердито спросил он.

– Ничего-ничего. Вот, съешь кусочек кекса.

Я протянула угощение, и Джейми шустро запихнул его в рот, снова поворачиваясь к Роджеру.

– Где? – невнятно сказал он.

– Я не уверен, что это тот самый человек, – начал Роджер. – Такой маленький, неприметный. Но он уже успел арестовать кого-то из Дранкард-Крика. По-моему, Макленнана.

Джейми закашлялся, куски наполовину разжеванного кекса полетели в разные стороны.

– Он арестовал Макленнана? И ты не вмешался? – Бри смотрела на Роджера в оцепенении. Их обоих не было на завтраке, когда Авель Макленнан рассказывал о своей горе, но Бри с Роджером знали этого горца.

– Я же не мог его остановить, – мягко возразил Роджер. – Окликнул и спросил, не нужна ли Макленнану помощь. Думал позвать твоего отца или Фаркуарда Кэмпбелла. Но Макленнан только посмотрел куда-то сквозь меня, а потом странно улыбнулся и покачал головой. Нельзя же просто взять и ввязаться в драку с шерифом. Если...

– Не с шерифом, – хрипло произнес Джейми. Глаза заслезились, и он опять разразился громким кашлем.

– Это охотник за головами, – пояснила я Роджеру. Чай еще не заварился, но у нас оставался эль, и я вручила мужу глиняную бутылку. –

Куда он поведет Абея? – спросила я. – Ты же говорил, что Хэйзу не нужны заключенные.

Джейми помотал головой, сглотнул и опустил бутылку с облегченным вздохом.

– Не нужны. Мистер Бобл – а это наверняка он – поведет Абея к ближайшему магистрату. И если малыш Роджер видел его всего пару минут назад, значит, скорее всего, они пойдут к Фаркуарду. На Сбор приехали четыре мировых судьи и три магистрата. На этой стороне стоянка разбита только у Кэмпбелла.

– Слава богу, – вздохнула я. Фаркуард Кэмпбелл судил справедливо; строго следовал закону, но всегда проявлял сострадание – и, что самое главное, он был старинным другом Йокасты.

– Да, надо попросить тетю, чтобы замолвила за него словечко... Пожалуй, лучше сделать это до свадьбы. – Джейми повернулся к Роджеру: – Сходи к ней, Маккензи. А я пойду искать отца Кеннета, а то сегодня вообще никто ни на ком не женится.

Роджер совсем растерялся.

– Кхм... – неловко начал он. – Лучше бы мне пока не разговаривать с миссис Кэмерон.

Во взгляде, которым одарил его Джейми, смешались любопытство и легкое раздражение.

– Это почему же?

Покраснев до кончиков ушей, Роджер пересказал нам свою беседу с Йокастой. Под конец истории его голос сошел на едва различимый шепот.

Тем не менее мы все прекрасно расслышали. Плечи Джейми затряслись, губы дрогнули. Из моей груди тоже вырвался смешок, но он не шел ни в какое сравнение с бурным весельем Джейми. Он смеялся почти беззвучно, однако так сильно, что на глазах выступали слезы.

– Ох, бог ты мой, – всхлипнул он, схватившись за бока. – Кажется, я себе ребро вывихнул.

Потом снял с куста непросохшую пеленку и ничтоже сумняшеся утер ею лицо.

– Ладно, – сказал он, успокоившись. – Тогда иди к Фаркуарду. Если Абель там, скажи Кэмпбеллу, что я готов за него поручиться. И приведи его обратно в лагерь. – Он махнул рукой, и Роджер – лиловый от стыда, но исполненный чувства собственного достоинства – отправился выполнять поручение. Бри последовала за ним, бросив на отца укоризненный взгляд, который, впрочем, не возымел особого действия. Джейми снова рассмеялся.

Я спрятала улыбку за кружкой душистого чая. Предложила чашечку мужу, но он отмахнулся, решив прикончить оставшийся эль.

– Моя тетушка, – заметил Джейми, опуская бутылку, – хорошо понимает, что можно купить за деньги... а чего не купишь ни за какое богатство.

– Получается, она купила бедняге Роджеру добрую славу – и в своих глазах, и в глазах всего Сбора, – сухо ответила я.

Иокаста Кэмерон принадлежала роду Маккензи из Леоха; Джейми как-то сказал, что члены этого семейства «сладкоголосы, словно жаворонки летним утром, и хитры, как лисицы». Быть может, Иокаста действительно сомневалась в чистоте намерений Роджера – или просто хотела погасить вздорные сплетни, которые неизбежно расползлись бы по Кейп-Фиру после его свадьбы с Бри. Так или иначе, замысел оказался весьма успешным, и в эту минуту старушка наверняка сидела у себя в шатре, упиваясь собственной хитростью и предвкушая, как она будет рассказывать друзьям о своем щедром предложении – и об ответе Роджера.

– Бедный Роджер, – согласился Джейми. Губы у него все еще подрагивали. – Бедный, но добропорядочный.

Он осушил бутылку до дна и поставил на стол, удовлетворенно вздохнув.

– Хотя если подумать, – он взглянул на меня украдкой, – из этой затеи и для Роджера вышел толк.

– «Мой сын», – процитировала я, кивая. – Думаешь, он успел осознать свои слова? Успел понять, что действительно любит Джемми как сына?

Муж только неопределенно дернул плечом в ответ.

– Не знаю. Надо бы ему привыкнуть к этой мысли, прежде чем появится следующий малыш. Тот, в чьем родстве у него не будет сомнений.

Мне на ум пришел утренний разговор с Бри, но я промолчала. В конце концов, это касается только Роджера и Брианны. Я снова кивнула Джейми и принялась убирать припасы со стола.

В животе потеплело, и причина тому заключалась не только в горячем чае. Роджер пообещал, что примет Джемми как родного, кто бы ни был его отцом. Намерение, бесспорно, благородное и искреннее, однако голос сердца порой сильнее любых обещаний.

Когда я, отягченная бременем, прошла через каменный круг, Фрэнк поклялся, что я останусь его женой, что он воспитает моего нерожденного ребенка как собственное дитя – и будет любить меня, как прежде. Глас разума приказывал Фрэнку сдерживать все три клятвы, но сердце выбрало только одну. Брианна стала его дочерью в то мгновение, когда он впервые

взял ее на руки.

Как бы сложилась жизнь, если бы у нас появился еще один ребенок? Тогда я и помыслить не могла о подобном, однако если допустить хоть на минуту, что... Я медленно вытерла чайник и завернула его в полотенце, пытаюсь представить малыша, который мог бы родиться у нас с Фрэнком... но не родился – и не родится уже никогда. Бережно, словно спящего младенца, я прижала спеленатый чайник к груди.

Джейми стоял позади и смотрел на меня со странным выражением лица – нежным и полным горького сожаления.

– Я тебя когда-нибудь благодарил, саксоночка? – спросил он с хрипотцой в голосе.

– За что? – изумленно переспросила я.

Джейми взял меня за руку и притянул к себе, окружая запахом эля, мокрой шерсти и сладких, вымоченных в бренди цукатов.

– За детей, – тихо ответил он. – За детей, которых ты мне принесла.

Я медленно уткнулась лбом в надежную теплую грудь. Обхватила Джейми за талию и вздохнула.

– Эта доля была мне в радость.

* * *

– Мистер Фрейзер, мистер Фрейзер!

Я подняла голову и увидела летящего вниз по склону мальчонку. Он лихо размахивал руками, чтобы не упасть, и весь раскраснелся от холода и бега.

– Ух! – Последние несколько футов мальчишка пронесся на полных парах, и Джейми едва успел подхватить его на руки. С широкой улыбкой он поднял ребенка перед собой, и я опознала младшего сына Фаркуарда Кэмпбелла.

– Здравствуй, Робби! Что такое? Твой папа хочет, чтобы я забрал мистера Макленнана?

Робби помотал головой, и его непослушные лохмы разлетелись в стороны, как полы пастушьего плаща.

– Нет, сэр! – Он страшно запыхался и говорил, хватая воздух ртом. Горлышко раздувалось от усилий, словно у квакающей лягушки. – Нет! Папа узнал, где священник, и велел отвести вас туда. Пойдемте?

Брови Джейми поползли вверх. Он переглянулся со мной, кивнул и поставил малыша на землю.

– Хорошо, постреленок. Веди!

– Весьма хитрый ход со стороны Фаркуарда, – пробормотала я, и Робби помчался вперед, периодически оглядываясь на нас через плечо – не отстаем ли? Ребенок не мог привлечь излишнего внимания среди других детишек, постоянно сновавших от костра к костру. А вот если бы Фаркуард Кэмпбелл прислал к нам кого-то из своих взрослых сыновей, то его бы заметили сразу.

– Фаркуард отправил ко мне мальчишку – значит, разведал, кто тут замешан, однако хочет остаться в стороне. – Джейми посмотрел на небо и вздохнул с сожалением. – Я, конечно, обещал отыскать священника к заходу солнца... Ох, сдается мне, что свадьбы сегодня не будет, саксоночка.

Робби вел нас все дальше и дальше, лихо петляя по извилистым дорожкам и притоптанной сухой траве. К вечеру солнце выглянуло из облаков; оно уже почти скрылось за горным кряжем, но теплые закатные лучи еще омывали вершины деревьев, прогоняя дневную прохладу. Семьи собирались у костров, предвкушая сытный ужин, и никто не удостоил нас даже взглядом.

Наконец Робби остановился перед широкой тропой, ведущей вверх по склону и сворачивающей вправо. Исходив за прошлую неделю гору вдоль и поперек, я никогда не забиралась так высоко. Кто же арестовал отца Кеннета – и что Джейми будет делать?

– Вон там. – Робби указал на верхушку шатра, виднеющуюся за сосновыми зарослями.

При виде этого шатра Джейми издал странный сдавленный звук.

– Ага, – тихонько пробормотал он. – Вот оно как...

– Ты о чем? Чей это лагерь? – Я с сомнением осмотрела внушительное сооружение из коричневой вощенной парусины, слабо поблескивающей в вечерних сумерках. Шатер явно принадлежал какому-то состоятельному владельцу.

– Мистера Лиллиуайта из Хиллсборо, – сказал Джейми, нахмурившись в глубоком раздумье. Он погладил Робби Кэмпбелла по голове и достал из споррана пенни. – Спасибо, малыш. Беги к маме. Тебя уже, наверное, ждали к ужину.

Робби, довольный тем, что успешно выполнил важное дело, взял монетку и бесшумно скрылся из виду.

– Ясно. – Я настороженно посмотрела в сторону шатра.

Пожалуй, это многое объясняло. Мистер Лиллиуайт был магистратом из Хиллсборо. Во время Сбора он пару раз попадался мне на глаза – высокий сутуловатый мужчина, выделявшийся в толпе благодаря своей

бутылочно-зеленой куртке с серебряными пуговицами. Хотя я знала, как он выглядит, мы не были представлены друг другу официально.

Магистрат отвечал за назначение шерифа, что объясняло связь Лиллиуайта с «гадким толстяком», про которого говорила Марсали, а также то, почему отца Кеннета держали под стражей именно здесь. Однако другой вопрос по-прежнему оставался без ответа: по какой причине шериф взял священника под арест – исходя из собственных соображений или по приказу Лиллиуайта?

Джейми взял меня под руку и отвел с тропы к небольшой сосенке.

– Ты знаешь Лиллиуайта, саксоночка?

– Только в лицо. А что?

Он улыбнулся, и, несмотря на беспокойство за священника, в глазах его мелькнуло мальчишеское озорство.

– Что, уже готова к бою?

– Вполне. Только если ты не предлагаешь мне оглушить мистера Лиллиуайта камнем по голове, чтобы выпустить отца Кеннета. Это скорее по твоей части.

Он рассмеялся и посмотрел на шатер со смутным сожалением.

– Эх, будь моя воля... – вздохнул Джейми, подтвердив мои опасения, и смерил шатер оценивающим взглядом, наблюдая, как парусиновые стенки прогибаются на ветру. – Внутри наверняка тесновато. Кроме священника туда поместится не больше двух или трех человек. Можно было бы подождать до ночи, позвать на помощь пару ребят, и...

– А от меня-то что требуется? – перебила я Джейми, решив положить конец преступным рассуждениям.

– Хм. – Он отвлекся от плетения коварных интриг – хотя бы на время – и осмотрел меня с ног до головы. Передник, заляпанный кровью после приема больных, остался в лагере, непослушные кудри я подобрала шпильками и в общем и целом вид имела довольно приличный, хотя подол платья был слегка заляпан грязью.

– Случайно, нет с собой лекарственных инструментов? – с сомнением поинтересовался Джейми. – Какого-нибудь флакончика с полосканием или небольшого ножичка?

– Флакончик с полосканием, как же... А, нет, подожди. Вот, есть такой инструмент. Подойдет? – Порывшись в сумке, привязанной к поясу, я отыскала маленькую коробочку из слоновой кости, в которой хранились акупунктурные иглы с позолоченными наконечниками.

Джейми одобритительно кивнул и достал из споррана фляжку с виски.

– Да, подойдет. – Он протянул мне фляжку. – Вот, и ее возьми, хотя бы

для виду. Иди к шатру, саксоночка, и скажи тому, кто сторожит священника, что он болен.

– Кто, стражник?

– Нет, священник, – ответил Джейми и одарил меня нетерпеливым взглядом. – Всему Сбору известно, что ты знахарка, и каждый знает тебя в лицо. Скажи, что отец Кеннет тяжело болен и ты должна дать ему лекарство, иначе он быстро зачахнет и умрет под арестом. Возражать они вряд ли станут... да и твой вид не вызовет ни у кого опасений.

– Им и не нужно меня опасаться, – ехидно подтвердила я. – Ты же не просишь, чтобы я воткнула свои иголки в сердце шерифа?

Джейми ухмыльнулся.

– Нет, просто хочу выяснить, зачем они схватили священника и что собираются с ним делать. Если я сам заявлюсь к Лиллиуайту с расспросами, он сразу насторожится.

Понятно. И если добытые мной ответы не понравятся Джейми, то диверсионный налет на крепость противника все-таки состоится. Я покосилась на шатер, глубоко вздохнула и поправила шаль на плечах.

– Хорошо. А чем займешься ты?

– А я приведу детей, – сказал Джейми и, сжав напоследок мою ладонь, зашагал по тропе.

* * *

Размышляя над загадочными словами Джейми, – каких детей он приведет, зачем? – я приблизилась к откинутому пологу шатра. Все посторонние мысли развеялись, стоило мне увидеть джентльмена, который до того точно попадал под описание Марсали, что у меня даже не возникло никаких сомнений по поводу его персоны. «Гадкий толстяк» – низкорослый, похожий на жабу, с залысинами на лбу и с пузом, распирающим заляпанный жиром льняной жилет, с маленькими выпуклыми глазками, которые следили за мной с пристальным вниманием, будто оценивая на съедобность.

– Доброго дня вам, мэм, – сказал толстяк. Он взирал на меня без особой радости – видимо, счел не слишком аппетитной, – но все-таки отвесил вежливый кивок.

– Доброго дня! – бодро откликнулась я и склонилась в коротком реверансе. Вежливость не повредит, по крайней мере в начале беседы. – Я имею честь говорить с шерифом? Боюсь, нас еще не представили друг

другу. Меня зовут миссис Фрейзер. Я жена Джейми Фрейзера из Фрейзер-Риджа.

– Дэвид Анструтер, шериф округа Ориндж. Мое почтение, мэм. – Он снова склонил голову, хотя и без особого пыла. Имя Джейми не произвело на него впечатления. Либо шериф ничего о нем не слышал, что маловероятно, либо ожидал появления посетителей.

Ладно, тогда не имеет смысла ходить вокруг да около.

– До меня дошли вести, что отец Донахью находится у вас, – любезно продолжала я. – Я врач и пришла навестить своего пациента.

Мистер Анструтер не ожидал такого поворота; его челюсть слегка отвисла, демонстрируя сильное нарушение прикуса, запущенное воспаление десен и выбитый зуб. Но прежде чем шериф успел закрыть рот, из шатра вышел высокий джентльмен в бутылочно-зеленой куртке.

– Миссис Фрейзер? – спросил он, приподняв бровь, и церемонно поклонился. – Вы желаете побеседовать со священнослужителем, который находится под арестом?

– Священник, под арестом? – Я изобразила глубокое удивление. – По какой же причине?

Шериф с магистратом переглянулись, и магистрат откашлялся.

– Возможно, вам об этом неизвестно, мэм, но на территории Северной Каролины службу могут проводить только представители государственной церкви – то есть англиканской. Богослужения любой иной церкви запрещены законом.

Такой закон был хорошо мне известен; более того, я знала, что соблюдали его крайне редко, поскольку всех священнослужителей в колонии можно было пересчитать по пальцам, и никто не пытался вести учет странствующим проповедникам, которые путешествовали от поселения к поселению.

– Боже милостивый! – Я пустила в ход весь свой актерский талант. – Нет, я об этом не знала. Надо же, как странно!

Судя по тому, как мистер Лиллиуайт захлопал глазами, мое изумление выглядело вполне натурально. Я откашлялась и достала серебряную фляжку и коробочку с иглами.

– Надеюсь, что это недоразумение прояснится в скорейшем времени. Однако мне бы очень хотелось провести отца Донахью. Как я говорила, я его врач. Ему в последнее время нездоровится... – Я словно бы невзначай откинула крышку коробочки и показала иглы, позволяя своим зрителям самостоятельно придумать какую-нибудь страшную хворь. – Требуется постоянный уход. С вашего разрешения я бы хотела дать больному

лекарство. Пациент не должен страдать из-за неосмотрительности врача.

Я обворожительно улыбнулась.

Шериф втянул шею в воротник куртки, и сходство со злобной жабой стало полным, зато на мистера Лиллиуайта улыбка подействовала должным образом. Поколебавшись, он посмотрел на меня.

– Я не уверен... – начал он, как вдруг со стороны тропы донеслись шаги. Сначала я подумала, что это Джейми решил вернуться, но вместо него из-за поворота вынырнул мой утренний пациент, мистер Гудвин, – рука надежно перевязана, на щеке легкая припухлость.

При виде меня мистер Гудвин тут же рассыпался в сердечных приветствиях, обдавая всех присутствующих облаком алкогольных паров. Кажется, он неукоснительно выполнил все советы о дезинфекции рта.

– Миссис Фрейзер! Что вы здесь делаете? Неужто пришли лечить моего друга Лиллиуайта? Хотя мистеру Анструтеру не помешала бы хорошая чистка организма, чтобы устранить избыток желчи, так сказать. Правда, Дэвид? Ха-ха-ха!

Он дружески хлопнул шерифа по спине; тот перенес такую вольность молча, с едва заметной гримасой, из чего я сделала соответствующий вывод об общественном положении мистера Гудвина в округе Ориндж.

– Джордж, дружище! – душевно поприветствовал его мистер Лиллиуайт. – Вы знакомы с этой милой леди?

– Еще как знаком, сэр! – Мистер Гудвин повернулся ко мне с широченной улыбкой. – Сегодня утром миссис Фрейзер оказала мне огромную услугу! Вот, смотрите!

Он помахал перевязанной рукой, и я с удовлетворением отметила, что движения явно не причиняли ему никакой боли, хотя причина тому крылась, скорее всего, в глубокой алкогольной анестезии, а не в моем врачебном мастерстве.

– Миссис Фрейзер вылечила мне руку всего лишь парой прикосновений и так удачно вырвала сломанный зуб, что я вообще ничего не почувствовал! Гляньте!

Он сунул палец в рот и оттянул щеку, демонстрируя пропитавшуюся кровью вату, торчащую из зубной лунки, и аккуратные черные стежки на десне.

– Поразительно, миссис Фрейзер, просто поразительно! – Лиллиуайт с интересом заглянул мистеру Гудвину в рот, приносясь к запаху гвоздики и виски, и по его надувшейся щеке я заметила, как он трогает языком больной зуб.

– Что вас сюда привело, миссис Фрейзер? – Мистер Гудвин обратился

свое дружелюбие на мою скромную персону. – Дело уже к вечеру. Не желаете ли отужинать у моего костра?

– К сожалению, я занята, – ответила я, растягивая губы в слащавой улыбке. – Мне нужно навестить пациента...

– Она хочет повидаться со священником, – перебил Анструтер.

Гудвин удивленно моргнул.

– Со священником? Вы привели сюда священника?

– Паписта, – подчеркнул мистер Лиллиуайт с легким отвращением. – До моего сведения дошли слухи, что на Сборе присутствует католический священник, который намерен свершить мессу во время вечерних празднеств. И я незамедлительно поручил мистеру Анструтеру произвести арест.

– Отец Донахью – мой хороший друг, – решительно сказала я. – Он приехал сюда по приглашению миссис Кэмерон, ни от кого не скрываясь. И ему требуется врачебная помощь. Позвольте мне ее оказать.

– Ваш друг, миссис Фрейзер?.. Вы католичка? – пораженно спросил мистер Гудвин. Он в недоумении потрогал свою щеку: мысль о том, что зуб ему вырвала папистка, не укладывалась у него в голове.

– Совершенно верно, – сказала я, надеясь, что, по мнению мистера Лиллиуайта, это не преступление.

Мистер Гудвин подтолкнул мистера Лиллиуайта локтем.

– Да бросьте, Рэндалл. Позвольте миссис Фрейзер взглянуть на святошу, вреда не будет. И если его вправду пригласила Иокаста Кэмерон...

На мгновение мистер Лиллиуайт задумчиво поджал губы, а потом шагнул в сторону, открывая передо мной полог шатра.

– Полагаю, вреда действительно не будет. Проходите, мадам, навестите своего... друга.

Солнце почти скрылось из виду, и внутри шатра было темно, хотя последние вечерние лучи еще освещали одну из парусиновых стенок. Я на секунду прикрыла глаза, чтобы немного привыкнуть полумраку, а потом моргнула и огляделась по сторонам.

Несмотря на тесноту, походная кровать и прочая полезная утварь намекали на определенную роскошь. В воздухе пахло не только влажной парусиной и шерстью, но и цейлонским чаем, дорогим вином и миндальным печеньем.

На фоне освещенной солнцем стенки виднелся силуэт отца Донахью; он сидел на скамье перед маленьким складным столом, на котором были разложены несколько листов бумаги, чернильница и перо. Напряженно-прямая спина и мученическое выражение лица священника красноречиво

говорили о том, что с таким же успехом там могли лежать тиски, клешни и раскаленная кочерга.

У меня за спиной раздалось пощелкивание огнива, и по шатру разлился слабый свет. Чернокожий мальчишка – видимо, слуга Лиллиуайта – молча поставил на стол маленькую масляную лампу.

При свете лампы образ великомученика стал еще красочней. Священник выглядел как святой Стефан после избиения камнями: на подбородке красовался синяк, от надбровной дуги до скулы расплывался огромный лиловый кровоподтек. Веки припухли так сильно, что глаз превратился в узкую щелочку.

Заметив меня, Донахью широко распахнул уцелевший глаз и подскочил на ноги.

– Отец Кеннет! – Я крепко стиснула его руку, залихватски улыбнулась и начала представление для зрителей, стоявших перед входом в шатер. – Я принесла вам лекарство. Как вы себя чувствуете?

Я выразительно пошевелила бровями: подыграйте мне, святой отец! Священник пару секунд зачарованно смотрел на мои гримасы, потом все-таки сообразил, чего я от него хочу. Он громко кашлянул и, воодушевленный моим кивком, зашелся в кашле с удвоенным пылом.

– Ох... вы так добры... миссис Фрейзер, – прохрипел он.

Я открыла флажку и налила ему щедрую порцию виски.

– Что случилось, святой отец? – шепотом спросила я, протягивая ему «лекарство». – Что у вас с лицом?

– Ничего страшного, миссис Фрейзер, уверяю вас. Сущие пустяки. – От волнения в его голосе проявился легкий ирландский акцент. – Не следовало сопротивляться шерифу во время ареста. Во всей этой суматохе я едва не заехал ему промеж ног, а ведь бедняга просто выполнял приказ. Да простит меня Господь!

Отец Кеннет благочестиво возвел здоровый глаз к небу, но в ухмылке, изгибавшей его губы, не было ни капли раскаяния.

Невысокий и жилистый, священник выглядел старше своих лет из-за долгих изнурительных дней, проведенных в седле. И все же ему было не больше тридцати пяти, а под черным плащом и поношенной сорочкой скрывалось сильное и гибкое, словно хлыст, тело. Я начала понимать, почему шериф держался настолько воинственно.

– Кроме того, – добавил он, осторожно притронувшись к подбитому глазу, – мистер Лиллиуайт принес мне свои искренние извинения.

Священник кивнул в сторону столика, и я заметила, что рядом с письменными принадлежностями стояла откупоренная бутылка вина и

оловянный кубок. Бутылка была едва почата, а вино в кубке оставалось нетронутым.

Отец Кеннет взял предложенный мной виски и выпил залпом, мечтательно зажмурившись.

– Лучшее лекарство из всех, что мне доводилось принимать, – сказал он. – Благодарю, госпожа Фрейзер, вы вернули мне силы. Теперь и по воде пройти сумею.

Спохватившись, священник покашлял в кулак – на этот раз совсем тихонько.

– С вином что-то не так? – спросила я, покосившись на вход в шатер.

– Нет-нет. Просто я счел, что в текущих обстоятельствах мне не стоит принимать угощение магистрата. Считайте, совесть не позволила.

Он снова улыбнулся мне, не пряча иронии.

– За что вас арестовали? – прошептала я. Снаружи доносились голоса. Видимо, Джейми оказался прав: я не вызывала ни у кого подозрений.

– За проведение священной мессы. – Отец Кеннет тоже понизил голос. – Но это злейшая ложь. Я не проводил мессы с прошлого воскресенья, да и та была в Вирджинии.

Он окинул фляжку печальным взглядом, и я снова плеснула ему виски.

Пока священник неторопливо смаковал лекарство, я крепко задумалась. Что замышлял мистер Лиллиуайт со своими соратниками? Не могли же они и вправду судить священнослужителя за проведение мессы! Разумеется, найти лжесвидетелей не составит труда, но какой с этого прок?

И хотя в Северной Каролине католиков недолюбливали, я все равно не могла понять, зачем было арестовывать священника, который собирался покинуть колонию следующим же утром. Отец Кеннет приехал на Сбор из Балтимора – и только потому, что Иокаста Кэмерон попросила его об одолжении.

– Хм! – фыркнула я.

Отец Кеннет вопросительно посмотрел на меня поверх кружки с виски.

– Нет, не обращайтесь внимания. – Я махнула, предлагая ему продолжить свой рассказ. – Вы, случайно, не знаете, знаком ли мистер Лиллиуайт с миссис Кэмерон?

Иокаста Кэмерон была известной состоятельной женщиной с упрямым характером и не без врагов. Неясно, почему мистер Лиллиуайт решил досадить ей таким необычным образом, но...

– Я знаком с миссис Кэмерон, – сказал мистер Лиллиуайт из-за моей спины. – Хотя и не являюсь ее близким другом.

Я развернулась и обнаружила, что магистрат стоит на пороге, а следом за ним толпятся шериф Анструтер, мистер Гудвин и Джейми. Последний посмотрел на меня и приподнял бровь, сохраняя выражение сосредоточенного интереса.

Мистер Лиллиуайт поклонился мне.

– Я только что объяснил вашему мужу, мадам, что я действую, исходя из лучших интересов миссис Кэмерон, и пытаюсь узаконить положение мистера Донахью, чтобы он мог остаться в колонии. – Мистер Лиллиуайт холодно кивнул священнику. – Однако мое предложение было решительно отвергнуто.

Отец Кеннет поставил кружку на стол и расправил плечи, сверкая неподбитым глазом.

– Мне предложили подписать клятву, сэр, – обратился он к Джейми, указывая на бумагу и перо, лежащие на столе. – Согласно этой клятве, я должен отвергнуть учение о пресуществлении.

– Вот как? – переспросил Джейми с вежливым любопытством, а я наконец поняла, что священник имел в виду, когда говорил о совести.

– Он ведь не может ее подписать, разве нет? – спросила я, окинув взглядом собравшихся здесь мужчин. – Католики... то есть мы, – подчеркнула я, поглядывая на мистера Гудвина, – верим в пресуществление. Так ведь?

Я обернулась к священнику; тот улыбнулся и кивнул в ответ.

Мистер Гудвин бросил на меня грустный взгляд; вызванное алкоголем веселье заметно поубавилось из-за неловкости.

– К сожалению, миссис Фрейзер, таковы правила. Чтобы остаться в колонии на законных основаниях, священник, не принадлежащий англиканской церкви, должен подписать подобную клятву. Иначе нельзя. Многие так и делают. Вы знаете преподобного Урмстона, священника-методиста? Он ее подписал, как и мистер Калверт из баптистской церкви, который живет рядом с Уэйдсборо.

Шериф самодовольно ухмыльнулся. Я подавила желание хорошенько наступить ему на ногу и повернулась к Лиллиуайту:

– Отец Донахью не может подписать эту клятву. Что вы намерены делать? Бросить его за решетку? Но это бесчеловечно... он болен!

Отец Кеннет послушно закашлялся.

Мистер Лиллиуайт покосился на меня с подозрением и предпочел вести разговор с Джейми.

– Я имею полное право заключить этого человека в тюрьму, но не стану так поступать из уважения к вам, мистер Фрейзер, и к вашей тете.

Однако завтра утром ему придется покинуть колонию. Мистера Донахью доставят в Вирджинию и освободят из-под стражи. Вы можете не волноваться о его судьбе – мы сделаем все возможное, чтобы дорожные тяготы не сказались на здоровье вашего друга.

Он устремил на шерифа холодные серые глаза; тот резко выпрямился, всем своим видом излучая благонадежность, однако выглядело это не очень убедительно.

– Что ж, ясно, – учтиво ответил Джейми. Он перевел взгляд с одного собеседника на другого, потом посмотрел на шерифа в упор. – Надеюсь, вы сдержите свое обещание, сэр. Если святой отец попадет в беду, я буду склонен принять это... весьма близко к сердцу.

Шериф выдержал его взгляд с невозмутимым выражением лица и не отводил глаз, пока мистер Лиллиуайт не откашлялся.

– Даю вам слово, мистер Фрейзер.

Джейми повернулся к нему с легким поклоном.

– Большого я и не прошу, сэр. Однако же, не будете ли вы столь любезны отпустить святого отца, чтобы он мог провести вечер в кругу друзей и сердечно с ними попрощаться? Моя жена осмотрит и вылечит его раны, а утром мы снова доставим его к вам. Я за это ручаюсь.

Мистер Лиллиуайт поджал губы и притворился, будто обдумывает слова Джейми, но актер из магистрата был никудышный. Я с удивлением поняла, что он ожидал услышать подобное предложение и заранее собирался ответить отказом.

– Увы, сэр, – начал он, изображая глубокое сожаление. – Боюсь, я не могу удовлетворить вашу просьбу. Если святой отец пожелает отправить кому-нибудь весточку, – он указал на стопку бумаги, – то я непременно прослежу за тем, чтобы письма были доставлены адресатам.

Джейми откашлялся и расправил плечи.

– Что ж, смею ли я попросить... – И смущенно умолк.

– О чем же, сэр? – Лиллиуайт с любопытством посмотрел на Джейми.

– Не позволите ли вы мне исповедаться перед святым отцом?

Джейми разглядывал опору шатра, не желая встречаться со мной глазами.

– Исповедаться? – пораженно переспросил Лиллиуайт, а шериф злорадно прихрюкнул.

– Совесть покоя не дает? – грубо поинтересовался Анструтер. – Или скорую смерть почуяли?

Шериф ухмыльнулся, а мистер Гудвин разразился возмущенными протестами в его адрес. Джейми не обратил на них обоих внимания.

– Да, сэр. Понимаете ли, я давненько не был на исповеди и не знаю, когда такая возможность появится снова... – Он наконец посмотрел мне в глаза и быстро кивнул в сторону выхода. – Простите, господа, нам с женой нужно на минуточку отлучиться...

Не дожидаясь ответа, он подхватил меня под локоть и вывел наружу.

– Брианна и Марсали спрятались с детьми у тропы, – прошипел Джейми, когда мы выбрались из шатра. – Проследи, чтобы Лиллиуайт с этим уродцем шерифом отошли подальше, и заводи всех внутрь.

Глубоко пораженная, я осталась стоять на месте, а он нырнул обратно.

– Прошу прощения, джентльмены, – донеслось оттуда. – Не обо всех грехах можно рассказывать в присутствии жены...

Раздалось согласное бормотание; слово «исповедь» прозвучало несколько раз – кажется, это был исполненный сомнения голос Лиллиуайта. Джейми ответил ему раскатистым шепотом. Шериф громко переспросил «Вы... что?», но мистер Гудвин яростно на него шикнул.

После долгих невнятных переговоров слышались шаги; едва я успела спрятаться за сосновыми зарослями, как из шатра вышли три протестанта. День совсем угас, на небе мерцали закатные угли облаков, подсвеченных последними лучами солнца, но мужчины стояли совсем рядом, и я видела, что их обуревают смущение.

Сгрудившись поближе друг к другу, джентльмены погрузились в горячее обсуждение, то и дело бросая взгляды в сторону шатра, откуда доносился голос отца Кеннета, который произносил благословение на латыни. Лампа, бросавшая тени на парусиновые стенки, погасла; силуэты Джейми и священника растворились в исповедальном сумраке.

Анструтер придвинулся к мистеру Гудвину.

– Пресуществление? Что за чертовщина такая? – пробормотал он.

Мистер Гудвин выпрямился и пожал плечами.

– По чести сказать, сэр, я не очень хорошо понимаю значение этого слова, – чопорно объявил он. – Какая-то вредоносная доктрина папистской церкви. Возможно, мистер Лиллиуайт даст более точное определение... Рэндалл?

– Конечно. Это понятие означает, что, когда во время мессы священник произносит молитву, хлеб и вино превращаются в сущность тела и крови Христовых.

– Что? – Анструтер ничего не понял. – Как такое может быть?

– Превратить хлеб и вино в плоть и кровь? – ошарашенно переспросил мистер Гудвин. – Это же самое настоящее колдовство!

– Не беспокойтесь, это все выдумки. – В голосе мистера Лиллиуайта

появились обычные человеческие интонации. – Наша церковь утверждает, что подобное превращение категорически невозможно.

– А вы уверены? – подозрительно спросил Анструтер. – Вы видели, как они это делают?

– Доводилось ли мне посещать католическую мессу? Разумеется, нет! – Лиллиуайт выпрямился во весь рост, грозно нависая над шерифом в сгущающейся темноте. – За кого вы меня принимаете, сэр!

– Тише, Рэндалл, шериф не хотел вас обидеть. – Мистер Гудвин положил руку на плечо друга. – По долгу службы ему приходится проявлять практичность.

– Что вы, сэр, не обижайтесь, – торопливо добавил Анструтер. – Я не это имел в виду. Просто... вдруг найдутся добропорядочные свидетели, которые смогут рассказать о подобных злодеяниях перед судом?

Мистер Лиллиуайт держался весьма прохладно.

– Этой ереси не требуются свидетели, шериф. Священники признаются в ней добровольно.

– Нет-нет, конечно же! – Анструтер согнулся в подобострастном поклоне. – Но получается, сэр, что паписты... э-э... участвуют в этом, как его, пресуче...

– Да, все верно.

– Тогда... это же людоедство, чтоб мне провалиться! – Шериф снова выпрямился и воодушевленно продолжил: – А людоедство запрещено законом! Давайте отпустим святошу, пусть идет разводить свои папистские шуры-муры с католиками – тут-то мы их всех и накроем! Упечем за решетку целую толпу, одним махом!

Мистер Гудвин испустил тихий стон, потирая щеку, – видимо, вырванный зуб давал о себе знать.

Мистер Лиллиуайт шумно выдохнул через нос.

– Нет, – сказал он ровным голосом. – Боюсь, ничего не выйдет, шериф. Мне было велено проследить за священником. Он не должен проводить никаких обрядов, и к нему нельзя пускать посетителей.

– А зачем же вы впустили туда Фрейзера? – возмущенно спросил Анструтер, махнув рукой в сторону шатра, откуда доносился неуверенный, едва слышный голос Джейми. Я решила, что он говорит на латыни.

– Это совсем другое дело! – запальчиво ответил Лиллиуайт. – Мистер Фрейзер настоящий джентльмен. Посетители не допускаются, чтобы священник не провел с ними тайный обряд венчания. Согласитесь, сейчас нет никаких поводов для беспокойства.

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешил! – громко сказал

Джейми по-английски, и мистер Лиллиуайт вздрогнул от неожиданности. В ответ раздалось вопросительное бормотание отца Кеннета.

– Грехи мои – похоть и нечестивость. И в делах, и в мыслях, – пылко объявил Джейми. Я удивилась: он хочет, чтобы его услышала вся округа?

– Понимаю, сын мой. – Голос отца Кеннета тоже вдруг зазвучал гораздо громче. Говорил он крайне заинтересованно. – В чем же заключался грех нечестивости? И сколько раз ты согрешил?

– Во-первых, я смотрел на женщин с вожделением. А вот сколько раз, я вам сразу и не скажу. С последней исповеди прошло немало времени... пусть будет сто. Надо ли мне перечислить всех женщин и рассказать, что я о них думал, святой отец?

Плечи мистера Лиллиуайта застыли.

– Пожалуй, у нас не хватит на это времени, Джейми, – ответил священник. – Не мог бы ты привести какой-нибудь пример, чтобы я понял... э-э... насколько тяжек твой грех?

– Хорошо, постараюсь, святой отец. Самый тяжкий грех был с маслбойкой.

– С маслбойкой? О, понимаю. Такая высокая и ручка торчком? – Слова отца Кеннета были преисполнены глубочайшего сострадания ввиду чудовищных перспектив для разврата.

– Нет, отец. Маслбойка была в форме бочки – та, которую на бок кладут. С маленькой ручкой. Да только эта женщина слишком усердно взбивала масло, и шнуровка у нее на корсаже распустилась. Груды подпрыгивали туда-сюда, платье прилипло к телу от пота. Маслбойка доставала ей примерно до пояса... такая изогнутая, знаете? Я сразу представил, как нагну красотку через бочку, задеру юбки и...

У меня невольно отвисла челюсть. Это мой корсаж он описывал, мою грудь и мою маслбойку! Не говоря уже о юбках. Я прекрасно помнила тот день; и тогда дело не обошлось одними нечестивыми мыслями.

Бормотание и шорохи снова заставили меня переключить внимание на мужчин, стоявших на тропе. Мистер Лиллиуайт ухватил за руку шерифа, который жадно прислушивался к исповеди Джейми – кажется, даже уши оттопырились, – и с шипением потянул его прочь от шатра. Мистер Гудвин неохотно последовал за ними.

Как ни прискорбно, этот шум заглушил конец истории о прегрешениях моего мужа, а заодно и хруст веток позади меня, оповестивший о прибытии Брианны и Марсали с малышами: Джемми и Джоан спали у матерей на руках, а Жермен цеплялся за спину Марсали, словно мартышка.

– Я уж думала, что они вообще отсюда не уйдут, – прошептала

Брианна, выглядывая у меня из-за плеча. – Путь свободен?

– Да, пойдёмте.

Я протянула руки Жермену, и он послушно склонился ко мне.

– Ou qu'on va, Grand-mère?^[15] – сонно спросил малыш, укладывая белокурую макушку на мое плечо.

– Т-ш-ш! К бабушке и отцу Кеннету, – прошептала я. – Только совсем тихонечко!

– Вот так вот? – спросил он громким шепотом и начал вполголоса распевать какую-то похабную французскую песенку.

– Т-ш-ш! – Я зажала ему рот ладонью. Губы у Жермена были мокрыми и липкими. – Не надо петь, милый, а то малыши проснутся.

Марсали сдавленно фыркнула, Бри с трудом подавила смешок, и я наконец обратила внимание на то, что Джейми все еще продолжал свою исповедь. Он явно вошел во вкус и дал волю воображению – во всяком случае, со мной он этим грехам не предавался.

Я выглянула из зарослей и осмотрелась по сторонам. Поблизости никого не было. Махнув рукой девочкам, я поспешила к темному шатру.

При виде нас Джейми быстро завершил свои красноречивые признания:

– Грех гнева, гордыни и зависти... ах да, еще я порой привирал, святой отец. Аминь.

Он упал на колени, торопливо протараторил молитву о прощении на французском и подскочил на ноги, чтобы забрать у меня Жермена, еще до того, как отец Кеннет произнес «Ego te absolvo»^[16].

Глаза постепенно привыкли к темноте, и я начала различать силуэты Марсали и Брианны и рослую фигуру Джейми. Он поставил Жермена на стол перед священником, пробормотав:

– Поторопитесь, святой отец, у нас совсем нет времени.

– Воды у нас тоже нет, – заметил отец Кеннет. – Если только дамы не принесли ее с собой.

Он отыскал огниво и теперь пытался разжечь лампу. Испуганно переглянувшись, Бри с Марсали единодушно помотали головами.

– Не тревожьтесь, святой отец, – мягко сказал Джейми. Я заметила, как он что-то взял со стола; послышался скрип пробки, и через секунду воздух наполнился сладким запахом хорошего виски. Фитиль разгорелся, огонек дрогнул и выпрямился, освещая шатер.

– В сложившихся обстоятельствах... – Джейми протянул фляжку священнику.

Отец Кеннет поджал губы, но я видела, что вся эта ситуация его скорее забавляет.

– Да, в сложившихся обстоятельствах, – повторил он. – Живительный напиток как нельзя лучше подойдет для наших целей.

Священник расстегнул воротник и вытащил из-под рубашки кожаный шнур, на котором болтался деревянный крест и маленькая стеклянная бутылочка, закупоренная пробкой.

– Елей, – пояснил он, открыв бутылочку и поставив ее на стол. – Слава Пресвятой Деве, что он остался при мне. Шериф забрал короб со всеми принадлежностями для мессы.

Он быстро пересчитал все, что было разложено на столе, загибая пальцы.

– Огонь, елей, вода – своего рода – и дитя. Хорошо, тогда приступим. Вы с мужем будете крестными родителями, мэм?

Последний вопрос священник адресовал мне, поскольку Джейми уже занял оборонительную позицию перед входом в шатер.

– Да, для всех детишек, отец, – ответила я, покрепче ухватив Жермена, который собрался спрыгнуть со стола. – Постой смирно, милый. Это недолго.

Позади нас раздался свистящий звук – так поет металл, когда его достают из промасленных ножен. Я обернулась и увидела, что Джейми, полускрытый тенью, стоит у полога с кинжалом в руке. Желудок тревожно сжался, а у моего плеча судорожно вздохнула Бри.

– Джейми, сын мой, – с упреком произнес отец Кеннет.

– Начинайте, святой отец, – ответил Джейми с невозмутимым спокойствием. – Сегодня вечером я окрещу своих внуков, и никто не посмеет этому помешать.

Священник втянул воздух и покачал головой.

– Хорошо. Но если ты кого-нибудь убьешь, то мне придется еще раз тебя исповедовать. Прежде чем нас обоих повесят, – пробормотал он, склонившись за елеем. – И если будет выбор, то постарайся первым прикончить шерифа, сын мой.

Отец Кеннет резко перешел на латынь. Он отодвинул густую белокурую челку Жермена, быстро мазнул пальцем по лбу и губам, а потом сунул руку под рубашку мальчика – тот дернулся и захихикал – и коснулся груди, творя крестное знамение.

– От имени этого ребенка отрекаетесь ли вы от сатаны и от всех дел его?

Священник говорил слишком быстро. Я не сразу поняла, что он снова

перешел на английский, и едва успела повторить вместе с Джейми надлежащий ответ:

– Отрекаюсь.

Я напряженно прислушивалась к каждому шороху, который мог предвещать возвращение мистера Лиллиуайта и шерифа; в голове проносились картины ужасающей потасовки. Лиллиуайт вряд ли обрадуется, обнаружив, что отец Кеннет проводит «незаконный обряд» в его отсутствие.

Я встретила с Джейми взглядом, и он улыбнулся мне – наверное, хотел успокоить. Но я слишком хорошо знала своего мужа. Он твердо решил окрестить внуков и вверить их невинные души Господу, даже если ради этого ему придется расстаться с жизнью – а мы все, включая Брианну, Марсали и детей, отправимся за это в тюрьму. Вот так и появляются на свет великомученики. Их семьям остается только смириться и терпеть.

– Веруете ли вы в Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа?

– Упрямец, – беззвучно сказала я Джейми одними губами. Он улыбнулся еще шире, и я повернулась обратно, подхватывая ответ вместе с ним: – Верую.

Там снаружи – шаги или просто вечерний ветер скрипит ветвями?

Вопросы закончились; священник ухмыльнулся и подмигнул мне здоровым глазом. В мерцающем свете масляной лампы он напоминал горгулью.

– Что ж, мэм, полагаю, ваши ответы останутся неизменными и для остальных детишек. Какое же имя мы дадим этому славному малышу?

Не сбиваясь с привычного ритма, отец Кеннет подхватил фляжку и аккуратно полил виски на макушку мальчика:

– Я крещу тебя, Жермен Александр Клодель Маккензи Фрейзер, во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Жермен следил за действиями священника с глубочайшим интересом. Круглые голубые глаза сошлись в кучку, когда янтарная жидкость пробежала по его переносице. С носа сорвалось несколько капель; Жермен поймал их языком и тут же скорчил недовольную рожицу.

– Фу! – четко сказал он. – Конская моча.

Марсали сердито цыкнула, но священник только рассмеялся. Снял Жермена со стола и поманил к себе Бри.

Она подняла Джемми на вытянутых руках, словно собиралась принести жертву. И хотя все ее внимание было сосредоточено на ребенке, Брианна едва заметно повернула голову к выходу. Со стороны тропы доносился шум. Я различала голоса: несколько мужчин переговаривались

друг с другом – весело, но без пьяной удали.

Я замерла на месте, стараясь не смотреть на Джейми. Если они войдут сюда, надо сразу хватать Жермена, выбираться наружу с другой стороны шатра и бежать что есть мочи. На всякий случай я покрепче взяла малыша за шиворот, но потом почувствовала, как рядом пошевелилась Бри.

– Все в порядке, мам, – прошептала она. – Это Роджер с Фергусом.

Она кивнула в сторону темной тропы и снова повернулась к Джемми.

И вправду они. От облегчения у меня закололо в висках. Теперь я узнавала повелительный, чуть гнусавый голос Фергуса, увлеченно разглагольствовавший о чем-то; его собеседник отвечал с раскатистым шотландским акцентом – наверное, Роджер. Вслед за этим раздался высокий, тоненький смешок мистера Гудвина и протяжная, аристократичная речь Лиллиуайта.

Я посмотрела на Джейми. Он все еще сжимал кинжал в кулаке, но рука была опущена, а плечи наконец-то расслабились. Мы улыбнулись друг другу.

Джем осоловело жмурился и не обратил никакого внимания на помазание елеем, зато, когда холодные капли виски коснулись его лба, глаза малыша испуганно распахнулись и он замахал руками с возмущенным писком. Крошечное личико угрожающе суксилось – Джем решал, разревется ему или нет, – и Бри торопливо прижала ребенка поближе к себе.

Она похлопывала Джема по спинке со скоростью ошалевшего барабанщика, тихонько гукая ему в ухо. В конце концов Джемми передумал реветь, засунул в рот палец и наградил всю нашу компанию подозрительным взглядом. К тому времени отец Кеннет уже лил виски на Джоан, спящую у Марсали на руках.

– Я крещу тебя, Джоан Лири Клэр Фрейзер, – сказал он, повторяя имя за Марсали.

Я изумленно вскинула голову. Мне было известно, что она назвала Джоан в честь своей младшей сестры, но я не знала про другие имена. Я смотрела, как Марсали склоняется над ребенком, и в горле поднимался комок. Ее сестренка и мать, Лири, остались в Шотландии. Им вряд ли когда-нибудь доведется встретиться со своей крошечной тезкой.

Ни с того ни с сего глаза Джоан распахнулись, и она пронзительно завопила. Все подскочили так, будто рядом взорвалась бомба.

– Идите с миром и служите Господу! И поторапливайтесь, – напутствовал нас отец Кеннет. Он ловко заткнул пробками бутылочку с елеем и фляжку, заматавая следы. С тропы донеслись озадаченные голоса.

Марсали вылетела из-под полога шатра, прижимая Джоан к груди и таща за руку сопротивляющегося Жермена. Брианна задержалась на мгновение, чтобы поцеловать священника в лоб.

– Спасибо, святой отец, – прошептала она и убежала, взмахнув юбками.

Джейми потянул меня за собой к выходу, но напоследок обернулся и шепнул:

– Рах vobiscum, святой отец!^[17]

Отец Кеннет уже сидел за столом, сложив руки перед собой, а на столе снова покоились листы чистой нетронутой бумаги. Он посмотрел на нас и улыбнулся. На лице, несмотря на синяки и кровоподтеки, отражалось глубокое умиротворение.

– Et cum spiritu tuo^[18], – ответил он и поднял три пальца в жесте прощального благословения.

* * *

– Ну и зачем ты это сделала? – услышала я сердитый шепот Брианны. Они с Марсали шагали чуть впереди нас – быстро идти не получалось из-за детей, – но я с трудом различала укутанные в шали силуэты от кустов, окружавших тропинку.

– Что сделала?.. Жермен, брось сейчас же. Пойдем к папе, хорошо? Нет, не надо тянуть это в рот!

– Ты ущипнула Джоани. Я видела! Из-за тебя нас всех чуть не поймали!

– Мне пришлось ее ущипнуть. Как же иначе-то? – Марсали удивилась таким обвинениям. – И они бы все равно ничего не смогли поделать, крещение ведь уже закончилось. Отец Кеннет не смог бы взять свои слова обратно. – Она хихикнула, а потом переключилась на Жермена: – Жермен, я кому сказала, брось!

– Что значит «тебе пришлось»?.. Ай, Джем, отпусти! Это мои волосы!

Судя по звонким невнятным восклицаниям, Джемми окончательно проснулся и начал проявлять активный интерес к происходящему.

– Она спала! – возмутилась Марсали. – И не проснулась, когда отец Кеннет окропил ее водой... то есть виски. Жермен, сейчас же иди сюда! Thig air ais a seo!^[19] Плохо, если ребенок во время крещения не завопит. Как иначе узнаешь, что первородный грех вышел наружу? Не могла же я

оставить дьявола внутри моей крошки. Да, mo mhaorine?

Донеслись звуки поцелуев и нежное агуканье Джоани; потом Жермен, снова начавший распевать песни, сразу все заглушил.

От удивления Бри громко фыркнула, забыв о своем раздражении.

– Понятно. Что ж, причина весомая. Хотя я не уверена, что примета сработала с Джемми и Жерменом. Только посмотри на них – вертятся, будто одержимые. Ай! Не надо кусать меня, ты, исчадие ада, я сейчас тебя покормлю!

– Ну, это же мальчики, – философски заметила Марсали, повышая голос, чтобы перекрыть стоящий гвалт. – Всем известно, что мальчишки – сущие чертенята. Тут одной святой воды мало, даже если она сорокаградусная... Жермен, от кого ты научился такой гадкой песне?!

Я улыбнулась. Рядом со мной тихонько рассмеялся Джейми. Мы уже отошли от места преступления, и можно было не тревожиться о том, что нас услышат. Среди деревьев разносились обрывки песен, звуки скрипки и смех. В сгустившейся тьме ярко горели костры.

Дневные дела закончились, и горцы усаживались поужинать, перед тем как в последний раз навестить друзей. Дразнящие запахи дыма и еды расплзались в холодном воздухе, и мой желудок тихо заурчал в ответ на призывы. Хорошо бы Лиззи уже оправилась от боли и взялась за стряпню.

– Что значит «mo mhaorine»? – спросила я Джейми. – Незнакомое словечко.

– Кажется, «моя милая картошечка», – ответил он. – На ирландском. Марсали услышала это от священника.

Джейми глубоко и удовлетворенно вздохнул.

– Да благословит Святая Дева отца Кеннета. Вот уж ловкий парень. В какой-то момент я подумал, что ничего не выйдет... Глянь-ка, это Роджер и малыш Фергус?

Из лесу вынырнули две тени и присоединились к нашим девочкам. При виде своих отцов оба мальчишки пронзительно завопили, потом раздался приглушенный смех и тихие голоса двух молодых семей.

– Они самые. К слову сказать, мой милый картофель, – начала я, придерживая Джейми под локоть, – зачем ты рассказал отцу Кеннету про маслбойку?

– А разве ты против, саксоночка? – удивленно спросил он.

– Конечно, против!

К щекам прилила кровь – то ли от воспоминаний о Джейминой исповеди, то ли о том самом случае с маслбойкой. По телу разлилось тепло, менструальные спазмы наконец-то утихли; утроба дрогнула в

последний раз и расслабилась от сладостного внутреннего жара. Не вовремя и не к месту, но вот вечером, если получится остаться одним... Я торопливо задвинула эту мысль подальше.

– Во-первых, это личное. Во-вторых, какой же это грех? – чопорно отрезала я. – Мы с тобой женаты!

– Я и во лжи на исповеди признался, саксоночка.

В темноте улыбка была невидна, но в голосе Джейми слышались нотки смеха. Как и в моем.

– Пришлось придумать грех, который точно отпугнул бы Лиллиуайта от шатра... Нельзя было признаваться в воровстве или содомии. Вдруг мне еще придется вести дела с этим джентльменом?

– Ты думаешь, что содомия его отпугнула бы, а вот слабость к женщинам в мокрых сорочках выглядит вполне простительно?

Рука у Джейми была теплая. Я дотронулась до внутренней стороны запястья – там, где нежная кожа выглядывала из-под рукава, – и погладила пульсирующую вену, которая тянулась от ладони к сердцу.

– Говори потише, саксоночка, – пробормотал он, тронув мою руку. – Вдруг дети услышат. Да и, кроме того, – Джейми склонился и зашептал мне в ухо, – я питаю слабость не ко всем женщинам. А только к дамам с очаровательной круглой задницей.

Он отпустил мою ладонь и привычно похлопал меня пониже спины. Несмотря на крошечную темноту, Джейми попал по нужному месту с удивительной точностью.

– К тощей женщине я бы не подошел и на пушечный выстрел, даже если бы она разгуливала голышом. А что касается Лилиуайта, – продолжал он серьезным голосом, задумчиво оглаживая мою ягодичу сквозь ткань юбки, – он, конечно, протестант, саксоночка, но при этом все-таки мужчина.

– Я не знал, что это взаимоисключающие условия, – сухо сказал Роджер, появляясь из темноты.

Джейми отдернул руку с моего зада, словно обжегшись. Жаль, что спать мы ляжем еще не скоро.

Легонько стиснув Джейми за укромное местечко и заслужив резкий удивленный вздох, я повернулась к Роджеру, который держал перед собой какой-то большой извивающийся сверток. На поросенка не похоже, решила я, хотя и похрюкивает. Приглядевшись, я различила личико Джемми. Малыш яростно слюнявил папины костяшки; в случайном отблеске света мелькнул розовый кулачок, нацеленный Роджеру прямо в ребра.

Джейми удивленно хмыкнул, ничуть не смущаясь того, что его мнение

о протестантах услышал кто-то посторонний.

– Все невесты хороши, отколь берутся злые жены? – процитировал он с резким шотландским акцентом.

– А? – озадаченно откликнулся Роджер.

– Протестанты рождаются со стручком на нужном месте, – пояснил Джейми. – Во всяком случае, мужчины. Да только у некоторых он отсыхает за ненадобностью. Человек, который постоянно сует свой... нос в чужие грехи, сам нагрешить не успеет.

Я тактично закашлялась, чтобы скрыть смех.

– Зато у других стручок растет на зависть. – Роджер говорил еще суше, чем раньше. – Ладно. Я пришел поблагодарить вас... за крещение.

Я заметила короткую заминку. Он все еще не определился, как лучше называть Джейми в лицо. Сам Джейми обычно звал зятя «малыш Роджер», «Роджер Мак» или «Маккензи» – и чуть реже гэльским прозвищем, которое ему дал Ронни Синклер из-за приятного голоса, «а Smeòraich». Певчий дрозд.

– Это я должен благодарить тебя, дружище. Если бы не вы с Фергусом, мы бы не справились, – сказал он, тепло рассмеявшись.

Высокий худощавый силуэт Роджера был четко виден в отсветах костра. Он пожал плечами, пересадил Джемми на другую руку и вытер обслюнявленные пальцы о бриджи.

– Да что там, пустяки. Как думаете, что будет со священником? Брианна сказала, что ему крепко досталось. Надеюсь, с ним обойдутся по совести.

Джейми сразу посерьезнел.

– Надеюсь, с ним все будет в порядке... Я перемолвился парой словечек с шерифом.

Конец фразы прозвучал весьма сурово, не оставляя сомнений в том, что Джейми имел в виду. Взятка была бы надежнее, но у нас было ровно два шиллинга, три пенса и девять фартингов. Лучше приберечь деньги и обойтись словесными угрозами, подумала я. И Джейми был со мной согласен.

– Я поговорю с тетей, – сказал он, – и попрошу ее отправить Лиллиуайту записку. Пусть выскажет все, что думает по этому поводу. Такое письмо поможет делу лучше, чем любые мои слова.

– Вряд ли она обрадуется, узнав об отмене свадьбы, – заметила я. Иокаста Кэмерон, дочь шотландского лэрда и вдова зажиточного плантатора, привыкла всегда добиваться желаемого.

– Это точно, – с усмешкой согласился Джейми, – зато Дункан вздохнет

с облегчением.

Роджер рассмеялся и зашагал рядом с нами по тропе, засунув сердито фырчащего Джема под мышку, как футбольный мяч.

– Да, бедный Дункан. Значит, свадьбам сегодня не бывать?

Я не видела лица Джейми, но уловила, что он покачал головой.

– Не бывать. Они не отпустили священника, хотя я поручился, что утром приведу его обратно. Можно было бы освободить отца Кеннета силой...

– Ничего не выйдет, – перебила я и рассказала о том, что успела подслушать на тропе у шатра. – Они бы не позволили отцу Кеннету провести венчание, – закончила я. – Всю гору бы прочесали, разыскивая беглеца. Тут бы такой мятеж поднялся...

У шерифа Анструтера нашлись бы сторонники. Джейми с тетей пользовались заслуженным уважением в шотландском обществе, но здесь никто не любил католиков – и католических священников в частности.

– Значит, ему «было велено»? – повторил Джейми. – Ты уверена, саксоночка? Лиллиуайт именно так сказал?

– Да, – откликнулась я и в первый раз за вечер подумала, что это и вправду весьма странно. Шериф получал приказы от магистрата. Но от кого мог получать приказы сам Лиллиуайт?

– На Сбор приехал еще один магистрат. Есть еще парочка мировых судей, но... – медленно проговорил Роджер, качая головой. Его размышления прервало недовольное хныканье. Он склонился к своему отпрыску, и отблеск соседнего костра выхватил из темноты резкий профиль и улыбку. – Что такое? Проголодался? Не плачь, мама скоро придет.

– А где, собственно, его мама? – спросила я, вглядываясь в идущие впереди тени. Поднялся ветер, голые ветви деревьев бряцали у нас над головами, как сабли в бою. И все же Джем вопил достаточно громко, Бри не могла не заметить. Я уловила голос Марсали, увлеченно беседующей с Жерменом и Фергусом на тему ужина, однако низких, хрипловатых интонаций Брианны не было слышно.

– Почему? – спросил Джейми Роджера, стараясь перекрыть ветер.

– Что «почему»? Джем, смотри-ка сюда! Хочешь эту штуковину? На, погрызи немножко. – В свободной руке Роджера блеснуло что-то металлическое. Плач Джемми разом прекратился, и за ним последовало громкое чавканье и причмокивание.

– Что ты ему дал? Не проглотит? – встревоженно спросила я.

– Нет, это цепочка для часов. Не беспокойтесь, – заверил меня Роджер. – Я ее крепко держу. Если проглотит, вытащу обратно.

– Почему кто-то пытается помешать твоей свадьбе? – терпеливо произнес Джейми, не обращая внимания на опасность, которой подвергалась пищеварительная система его внука.

– Помешать моей свадьбе? – удивился Роджер. – Да кому это нужно? Женат я или не женат – только моя забота. Ну, может, еще и ваша, – добавил он с усмешкой. – У ребенка должен быть отец, который даст ему имя. К слову об имени... – Роджер обернулся ко мне. Ветер тут же растрепал ему волосы, отчего темный силуэт стал казаться взъерошенным и зловещим. – Какое имя получил Джемми во время крещения?

– Джеремая Александр Иэн Фрейзер Маккензи, – сказала я, надеясь, что ничего не перепутала. – Ты так и хотел его назвать?

– Я ни на чем не настаивал, – ответил Роджер, аккуратно пробираясь вокруг большой лужи, перекрывшей тропу. Снова начал накрапывать дождь; я чувствовала, как мне на лицо падают прохладные капли, и видела пузырьки на поверхности воды. – Я хотел, чтобы его назвали Джеремаей, остальные имена выбирала Бри. Она не могла решить, что лучше: Джон в честь Джона Грея или Иэн в честь ее кузена. Хотя Иэн – это тот же Джон, только на гэльском.

И снова я заметила короткую заминку в голосе Роджера и почувствовала, как напряглась рука Джейми под моей ладонью. Воспоминания о его племяннике, Иэне, были слишком болезненны и свежи в памяти из-за недавно полученного письма. Должно быть, именно оно и определило решение Брианны.

– Если дело не в тебе и Бри, – упрямо продолжал Джейми, – то в ком? В Иокасте и Дункане? Или в той паре из Бремертона?

– Думаете, кто-то специально решил сорвать сегодняшние венчания? – Роджер торопливо переключился с Иэна на тему свадьбы. – А может, здесь просто не любят папистов?

– Вряд ли. Слишком долго они тянули с арестом священника. Подожди, саксоночка, я тебя перенесу.

Джейми обошел лужу, протянул ко мне руки, подхватил за талию и перенес на другую сторону – только юбки взметнулись. Под ногами чавкнули скользкие листья, но я уцепилась за мужа, удерживая равновесие.

– Нет, – продолжал Джейми. – Лиллиуайт и Анструтер с католиками не дружат, но зачем устраивать суматоху под самый вечер? Священник все равно собирался уезжать. Решили, что за ночь он совратит всех богобоязненных горцев на Сборе?

Роджер рассмеялся.

– Согласен, не похоже на правду. Чем еще хотел заниматься отец

Кеннет? Помимо венчания и крещения.

– Пара-другая исповедей, – предположила я, ущипнув Джейми за руку. – Больше, пожалуй, ничем.

Внезапно я почувствовала, как пеленка, уложенная у меня между ног, поползла в сторону. Кажется, одна из булавок расстегнулась, когда Джейми перетаскивал меня через лужу. Неужели я ее потеряла?

– Может, они не хотели, чтобы святой отец услышал чью-нибудь исповедь? – неуверенно спросил Роджер.

Джейми внимательно обдумал его слова.

– Мне-то никто не мешал. Да и не станет Лиллиуйат переживать за грехи католиков – на его взгляд, мы все обречены на муки вечные. Хотя если они знали, что кому-нибудь на Сборе срочно понадобится исповедь, и решили извлечь из этого выгоду...

– Думаешь, они собирались взимать плату со страждущих грешников? – фыркнула я. – Джейми, мы про шотландцев говорим. Если за исповедь придется платить звонкой монетой, то твой католический убийца или прелюбодей обойдется одной молитвой да понадеется на милость божью.

Джейми тихо фыркнул, и дыхание белым облачком зависло у него над головой, как дым от погасшей свечи. Холодало.

– Да уж, – сухо сказал он. – И если Лиллиуйат хотел на этом подзаработать, то он слишком поздно взял священника под стражу. Но что, если они хотели не помешать исповеди, а подслушать ее?

Такая идея вызвала у Роджера явное одобрение.

– Шантаж? Да, вполне возможно.

Кровь всегда берет свое, подумала я. Несмотря на оксфордское образование, Роджер был шотландцем до мозга костей.

Тут у него под локтем началась отчаянная возня, а через секунду раздался громкий вопль Джема. Роджер посмотрел вниз:

– Что, уронил свою игрушку? И куда же?

Он вскинул Джема на плечо, как связку грязного белья, и присел, обшаривая тропу в поисках цепочки.

– А мне кажется, это слегка притянута за уши, – возразила я, шмыгая носом от холода. – Вот, например, заподозрили они, что Фаркуард Кэмпбелл совершил ужасное преступление. Тогда почему не арестовать его сразу? Слишком уж коварный план получается. Роджер, поищи там заодно и булавку – я только что потеряла.

– Лиллиуйат и Анструтер англичане, – ехидно ответил Джейми, и Роджер рассмеялся. – Коварство и обман – их вторая натура. Разве не так,

саксоночка?

– Ерунда, – миролюбиво откликнулась я. – На себя бы посмотрели. Кроме того, твою исповедь они не подслушивали.

– А меня не за что шантажировать, – возразил Джейми, но было видно, что спорит он исключительно ради азарта.

– Даже если так... – начала я, но не успела закончить фразу. Джем заметался у Роджера на руках, то и дело издавая пронзительные вопли. Роджер охнул, подхватил что-то с земли и выпрямился.

– Вот ваша булавка. Только цепочки нигде нет...

– Ничего, утром кто-нибудь найдет. – Пришлось поднапрячь голос, чтобы перекрыть поднявшийся гвалт. – Давай-ка его сюда.

Я протянула руки, и Роджер с явным облегчением передал мне свою ношу. И понятно, почему – от подгузника снова нехорошо пахло.

– Что, опять? – воскликнула я. Джем, по всей видимости, счел эти слова личным оскорблением и завыл, как сирена воздушной тревоги.

– Где Бри? – спросила я. Успокоить малыша, удерживая его на приличном расстоянии, – задача нелегкая. – Ай!

Складывалось ощущение, что в темноте Джемми успел отрастить себе пару новых конечностей и теперь отчаянно хватался ими за все подряд.

– Да так, пошла уладить одно дельце, – неопределенно ответил Роджер, отчего Джейми сразу насторожился. Свет озарил его лицо, блики пламени скользнули по длинному носу, и я заметила, как нахмурились густые рыжие брови. Все ясно, Джейми почуял подвох. Он повернулся ко мне с вопросительным взглядом: знаю ли я, что затевают дети?

– Понятия не имею. Надо сходить к Макаллистерам за чистым подгузником. Мы с Джемми вас догоним.

Не дожидаясь ответа, я покрепче ухватила малыша и свернула в заросли. До лагеря Макаллистеров было рукой подать. Четыре дня назад у Джорджианы родились близнецы, которым я помогла появиться на свет. Она с радостью одолжила мне чистые пеленки и указала на укромные кустики, где можно было спокойно опростить юбки. Покончив со своими делами, я подошла полюбоваться новорожденными и завела разговор с хозяйкой. Мысли о сегодняшних откровениях не давали мне покоя: лейтенант Хэйз со своей прокламацией, интриги Лиллиуайта, тайные дела Брианны и Роджера – куда ни ступи, сплошные заговоры.

Хорошо, что мы успели окрестить детей! Удовлетворение, охватившее меня, было неожиданным и глубоким, хотя отмена свадьбы изрядно подпортила радостный настрой. Бри не жаловалась, но я знала, с каким нетерпением они ждали благословения церкви. На моем пальце немым

укором сверкнуло золотое кольцо, и я мысленно развела руками в сторону Фрэнка.

«И что я, по-твоему, должна сделать?» – спросила я про себя, а вслух горячо согласилась с Джорджианой по поводу лечения глистов.

– Мэм? – Одна из старших дочек Макаллистера взялась менять Джемми пеленки и теперь обращалась ко мне, держа перед собой что-то скользкое и длинное. – Эта вещь была у него в подгузнике. Наверное, она принадлежит вашему мужу?

– Господи! – На мгновение я перепугалась, что Джемми все-таки проглотил цепочку для часов, но потом одернула себя. Из детского пищеварительного тракта – даже из самого активного – твердый объект выходит только через несколько часов, так что, скорее всего, Джем просто уронил игрушку в пеленку.

– Дай-ка сюда, милая.

Мистер Макаллистер забрал цепочку, слегка сморщив нос; вытащил из-за пояса носовой платок, тщательно ее вытер, и в свете костра блеснули серебряные звенья с маленькой подвеской, на которой виднелся какой-то герб.

Окинув подвеску мрачным взглядом, я решила устроить Роджеру хорошую взбучку: кто же дает такое ребенку? Слава богу, что она не отвалилась.

– Да это же цепочка мистера Колдуэлла! – Джорджиана, кормившая близнецов, с любопытством склонилась к мужу.

– Точно? – спросил он, прищурившись, и потянулся за очками.

– Точно-точно! Схватки у меня начались прямо на воскресной проповеди. Пришлось уйти пораньше, а священник заметил, что я встала, и тут же полез в карман за часиками. Наверное, решил, что затянул свою речь... Вот тут-то я и увидела этот блестящий кругляш.

– Это не кругляш, а печать, дорогая моя, – сообщил ей муж, водрузив на нос очки-полумесяцы. – Но ты права, цепочка действительно принадлежит мистеру Колдуэлла. Видишь?

Мозолистый палец коснулся герба на печати: жезл, открытая книга, колокол и дерево, стоящие на спине у рыбы, которая сжимала во рту кольцо.

– Герб университета Глазго. Мистер Колдуэлл – человек ученый, – сказал Макаллистер, почтительно округлив голубые глаза. – Ездил туда, чтобы стать проповедником. И хорошо же у него получается!.. Эх, Джорджи, ты самое интересное пропустила! – добавил он, повернувшись к жене. – Мистер Колдуэлл так раздухарился, пока говорил о мерзости

запустения и гнев Господнем, что его чуть удар не хватил. Я уж не знал, к какому лекарю бежать: Мюррей Маклауд для него все равно что еретик, потому как ходит в баптистскую церковь, – пояснил Макаллистер, – а миссис Фрейзер католичка. Да и занята она была тогда, с тобой и детишками.

Он погладил одного из близнецов по макушке; младенец не обратил на ласку никакого внимания, продолжая сосредоточенно причмокивать.

– Ха! Мне не до того было. Лопни мистер Колдуэлл, я бы и глазом не моргнула, – искренне ответила его жена, устраивая малышей поудобнее. – Лично я считаю, что повитуха должна уметь детей принимать и кровь останавливать, а уж индианка она или англичанка – дело десятое... Ой, прошу прощения, миссис Фрейзер.

Я пробормотала что-то приличествующее случаю и отмахнулась от извинений Джорджианы.

– Значит, мистер Колдуэлл – проповедник? – спросила я. Картина складывалась весьма подозрительная.

– Да. Лучший из всех, кого я слышал, – уверил меня мистер Макаллистер. – А слышал я немало. Вот, мистер Урмстон, к примеру, хорошо про грехи рассказывает, с чувством. Но ему уже много лет, голос охрип от натуги, потому на проповеди приходится садиться поближе. А это, знаете ли, опасно: начинает-то он с тех грехов, в которых повинны сидящие в первом ряду. Есть еще священник-баптист, но он совсем плох, голосок слабый.

Мистер Макаллистер отверг несчастного проповедника с видом искушенного знатока.

– Мистер Вудмейсон тоже ничего, только держится слишком чопорно – англичанин, что с него взять. Уж какой дряхлый старик, а еще ни одной проповеди не пропустил. Что касается молодого мистера Кэмпбелла из Барбекю...

– Малыш совсем изголодался, мэм, – вмешалась девушка, баюкавшая Джемми. И правда, он уже раскраснелся от плача. – Может, покормить его овсянкой?

Я покосилась на котелок, висевший над очагом; каша в нем кипела и булькала, так что можно было не беспокоиться из-за микробов. Вытащив из кармана относительно чистую роговую ложку, я вручила ее девочке.

– Спасибо тебе большое. А мистер Колдуэлл – он, часом, не пресвитерианец?

– Верно! Вы про него слышали, миссис Фрейзер?

– Сдается мне, что мой зять с ним знаком, – сказала я с усмешкой.

Джорджиана рассмеялась.

– Скорей уж ваш внук. – Она кивнула на цепочку, лежавшую в широкой ладони мистера Макаллистера. – Детки, как сороки, хватают все блестящее.

– Это точно, – тихо ответила я, не отводя глаз от серебряного металла. История со свадьбой предстала передо мной в новом свете. Если Джемми стащил цепочку из кармана мистера Колдуэлла, то произошло это явно до того, как мы отправились крестить детей.

Но Бри с Роджером узнали об аресте отца Кеннета гораздо раньше, и времени у них было достаточно. Пока мы с Джейми разбирались с Розамундой, Ронни и прочими бедами, Роджер вполне мог сходить к пресвитерианскому проповеднику, мистеру Колдуэллу, захватив с собой Джема.

И как только он убедился в том, что католический священник не сможет провести венчание, Брианна сбежала куда-то по своим неведомым «делам». Что ж, если отец Кеннет изъявил желание побеседовать с женихом-пресвитерианцем, то и мистеру Колдуэллу наверняка потребовалось перемолвиться парой слов с невестой-католичкой.

Джем накинулся на овсянку с жадностью оголодавшей пираньи, так что о возвращении в лагерь не могло быть и речи. И хорошо. Пусть Брианна расскажет новости своему отцу: свадьба состоится, со священником или без него.

Я расправила юбки, чтобы просушить намокший подол; пламя отражалось в обоих кольцах на моей руке. Стоило вообразить, что скажет Джейми, как к горлу подкатывал смех. Я подавила неуместное веселье и обратилась к Макаллистеру:

– Можно я заберу цепочку? Мы с мистером Колдуэллом еще увидимся сегодня вечером.

Глава 14. Лунный свет на свадьбе – добрая примета

Нам повезло. Дождь закончился, и сквозь рваные тучи выглянула серебристая луна – кривобокая, но яркая, поднимавшаяся над склоном Черной горы. Отлично подходит для свадьбы в узком семейном кругу.

Завидев Дэвида Колдуэлла, я вспомнила, что уже встречала этого невысокого представительного джентльмена, который умудрялся оставаться крайне опрятным, несмотря на целую неделю, проведенную у походных костров. Джейми тоже был с ним знаком и питал к священнослужителю глубокое уважение. Однако когда преподобный Колдуэлл подошел к костру, сжимая в руке потертый молитвенник, Джейми едва заметно стиснул зубы. Я пихнула его локтем, и лицо мужа тут же превратилось в непроницаемую маску.

Роджер бросил взгляд в нашу сторону, потом снова повернулся к Бри. На его губах мелькнула улыбка – или, может, просто игра теней. Джейми шумно выдохнул через нос, и я снова ткнула его под ребра.

– Ты уже окрестил детей, – напомнила я. В ответ он лишь слегка приподнял подбородок. Брианна с тревогой посмотрела на нас.

– А разве я возражаю?

– Абсолютно приличная христианская церемония.

– Я хоть словечко против сказал?

– Тогда улыбнись, черт бы тебя побрал! – прошипела я.

Джейми снова выдохнул, и на его лице расплылась улыбка, выражавшая безграничный восторг на грани слабоумия.

– Так лучше? – спросил он, радостно сверкая зубами.

Дункан Иннес повернулся к нам, вздрогнул и торопливо отвел глаза, сказав что-то стоявшей у костра Йокасте. Белые волосы миссис Кэмерон мерцали в свете огня, глаза закрывала темная повязка. Позади нее замер Улисс; в честь венчания он даже надел свой напудренный парик – в темноте я различала белое пятно, висевшее в воздухе над плечом Йокасты. Потом пятно медленно повернулось в нашу сторону и внизу блеснули глаза.

– Кто это, Grand-mère?

Жермен, вновь сбежавший от родителей, выглянул из-за моих юбок и ткнул пальцем в сторону преподобного Колдуэлла.

– Это пастор, солнышко. Тетя Бри и дядя Роджер собираются

пожениться.

– С'est quoi пастор?

Я уже набрала в грудь воздуха, но Джейми меня опередил:

– Кто-то вроде священника. Но не совсем священник.

– Плохой священник? – Интерес Жермена к преподобному Колдуэллу заметно возрос.

– Нет-нет, – сказала я. – Понимаешь, малыш, мы католики, а дядя Роджер пресвитерианец...

– То есть еретик, – услужливо подсказал Джейми.

– Нет, не еретик. Милый, Grand-père просто шутит. Пресвитерианцы – это...

Но Жермен уже не слушал мои объяснения и с любопытством разглядывал лицо Джейми.

– А почему Grand-père корчит рожицы?

– Потому что мы очень счастливы, – ответил Джейми, продолжая благодушно улыбаться.

– А-а-а. – На подвижной мордашке Жермена мгновенно появилось точно такое же выражение: широкая ухмылка, стиснутые зубы, выпученные глаза. – Вот так?

– Да, милый, – едко сказала я. – Именно так.

Марсали посмотрела на нас, моргнула и подергала Фергуса за рукав. Фергус прищурился.

– Папа, мы счастливы! – Жермен указал на свою сияющую улыбку. – Видишь?

Губы Фергуса дрогнули, и он перевел взгляд на Джейми. Пару мгновений его лицо оставалось неподвижным, а потом расплылось в таком же неискреннем белозубом оскале. Марсали пнула его в лодыжку. Фергус поморщился, но улыбаться не перестал.

По другую сторону костра Брианна и Роджер разговаривали с преподобным Колдуэллом. Бри обернулась, отбрасывая волосы, заметила стройный ряд широченных улыбок и застыла от удивления. Я только пожала плечами.

Брианна стиснула губы, но ее плечи затряслись от сдерживаемого смеха. Рядом со мной мелко дрогнула рука Джейми.

Преподобный Колдуэлл вышел вперед, заложил молитвенник пальцем, нацепил очки и радушно улыбнулся собравшимся. Встретив вереницу ехидных лиц, он только изумленно моргнул.

Наконец пастор откашлялся и открыл книгу.

– Возлюбленные братья и сестры, сегодня мы собрались здесь перед

лицом Господа...

Я почувствовала, как Джейми слегка расслабился, прислушиваясь к незнакомым словам. Наверное, ему еще не доводилось участвовать в протестантском обряде – если не считать того крещения, которое Роджер провел среди могавков. Как и всегда, вспомнив о юном Иэне, я закрыла глаза и быстро вознесла за него молитву.

– Вспомним же о том, что Господь установил брак и благословил его для счастья рода человеческого...

Открыв глаза, я увидела, что внимание всех собравшихся было сосредоточено на Роджере и Брианне. Они стояли лицом друг к другу и держались за руки. Красивая пара: почти одного роста, она светлая, а он темный, словно фотография и негатив. В чертах лица не было ничего общего, но фигуры отличались гордыми изгибами и смелой статью, доставшимися им обоим в наследство от клана Маккензи.

Я бросила взгляд через языки пламени – туда, где стояла Иокаста, такая же гордая, рослая и красивая. Она жадно впитывала каждое слово, обратив слепое лицо в сторону пастора, потом опустила руку на плечо Дункана, и длинные белые пальцы бережно сжались. Преподобный Колдуэлл предлагал обвенчать их, но Иокаста предпочла дожидаться католической церемонии.

– Нам же некуда торопиться, правда, милый? – спросила она Дункана, хотя ее показное почтение никого не смогло обмануть. И все же перенос свадьбы не сильно расстроил ее жениха – скорее, он вздохнул с облегчением.

– Устами своих апостолов повелел Он брачующимся чтить и любить друг друга...

С удивительной нежностью Дункан накрыл ладонь Иокасты своей. «И пусть в этом браке не будет любви, – думала я, – зато он исполнен почтения».

– Призываю вас обоих перед лицом Господа Всемогущего: если вам известны причины, по которым вы не можете сочетаться в законном браке, сознайтесь в них, ибо не будет благословен союз, нарушающий Слово Божие.

Преподобный Колдуэлл замолчал и перевел взгляд с Роджера на Брианну. Роджер слегка покачал головой, не отрывая глаз от Бри. Она слабо улыбнулась в ответ, и пастор продолжил.

На лицах зрителей не осталось ни следа от прежнего веселья; в воздухе раздавался только тихий голос преподобного да потрескивание костра.

– Роджер Джеремая, берешь ли ты эту женщину в жены, чтобы жить с ней в любви и верности, служить ей, лелеять и почитать ее по Закону Божьему в священных узах брака?

– Да. – Голос у Роджера был хриплым и низким.

Справа от меня раздался глубокий вздох, и Марсали с мечтательной улыбкой положила голову Фергусу на плечо. Он нежно поцеловал жену в лоб, а потом прижался щекой к ее макушке, покрытой белым керчем.

– Да, – четко произнесла Брианна в ответ на слова пастора.

Мистер Колдуэлл обвел благодушным взглядом всех собравшихся, и стекла его очков блеснули в свете огня.

– Кто отдает эту женщину в жены?

Повисло секундное молчание. Джейми, не ожидавший вопроса, вздрогнул, и я крепко сжала его ладонь. На золотом кольце сверкнул отблеск пламени.

– Я отдаю, разумеется! – сказал он. Глаза Брианны потемнели от нежности, она улыбнулась отцу. Он тоже улыбнулся, заморгал, потом откашлялся и стиснул мою руку.

Молодые начали произносить клятвы, а у меня перехватило горло от воспоминаний о собственных свадьбах. Интересно, что чувствует Иокаста? Она выходила замуж трижды. Какие отголоски прошлого слышались ей в этих словах?

– Я, Роджер Джеремая, беру тебя, Брианна Эллен, в законные жены...

Нас окружали сияющие лица. Мистер и миссис Баг смотрели друг на друга нежно и преданно. Мистер Уэмисс стоял рядом с дочерью, склонив голову и закрыв глаза; на лице его смешались радость и грусть – наверное, думал о жене, умершей много лет назад.

– В богатстве и в бедности...

– В горе и в радости...

– В болезни и в здравии...

Лиззи завороченно смотрела на разворачивающееся перед ней таинство. Скоро ли наступит ее черед? Скоро ли она встанет перед свидетелями и принесет клятву с благоговейным трепетом?

Джейми потянулся за моей правой рукой, переплетая наши пальцы. В свете костра серебряное кольцо полыхнуло алым. Я видела в глазах Джейми отражение обещаний, что звучали в моей душе.

– Пока смерть не разлучит нас.

Глава 15. Пламя клятвы

Большой костер Сбора пылал до небес, влажные дрова оглушительно потрескивали, словно далекие ружейные залпы на горном склоне, но не мешали веселью.

Отказавшись от собственного венчания, Иокаста устроила щедрый пир в честь Роджера и Брианны. Вино, эль и виски лились рекой под чутким взором Улисса, чей белый парик мелькал в толпе, как неугомонная мошка перед свечой.

Несмотря на холод и тяжелые тучи, нависшие над головой, к костру пришла по меньшей мере половина горцев со Сбора. Они лихо отплясывали под звуки скрипки и губной гармошки, налетали на ломящиеся от угощений столы, словно голодная саранча, и так азартно пили за здоровье новобрачных и еще не поженившихся, что Роджер, Бри, Иокаста и Дункан должны были прожить не меньше тысячи лет.

Да и я сама чувствовала себя так, будто жизнь едва началась. Никакой боли и тревог, только головокружительная радость бытия и безграничная свобода.

По другую сторону костра Роджер играл на одолженной у кого-то гитаре, выводя серенаду в кругу восторженных слушателей. Чуть ближе ко мне сидели Дункан и Иокаста, погруженные в беседу со своими друзьями.

– Мадам? – У моего локтя возник Улисс с подносом в руках. Он был наряжен в ливрею и вел себя так, будто мы сидели в гостиной «Горной реки», а не в промозглой лесной чаще.

– Спасибо. – Я взяла оловянный кубок, полный янтарной жидкости. Бренди, да какой хороший! Отпила глоточек, наслаждаясь терпким ароматом. Но прежде чем я успела снова поднести кубок к губам, в праздничном веселье наступило внезапное затишье.

Джейми обвел взглядом пирующих, поднялся и протянул мне руку. Справившись с удивлением, я торопливо поставила кубок Улиссу на поднос, пригладила волосы, поправила косынку на шее и подошла к мужу.

– Thig a seo, a bhean uasa, – сказал он с улыбкой. «Иди сюда, жена». Потом мотнул головой, подзывая остальных. Роджер тут же отложил гитару, аккуратно накрыл ее парусиной и протянул руку Бри.

– Thig a seo, a bhean, – повторил он вслед за Джейми. Бри удивилась, но встала, прижимая Джема к себе.

Джейми ждал, и постепенно, один за другим, остальные тоже

поднялись с мест и принялись отряхивать сосновые иголки с одежды, пересмеиваясь и озадаченно поглядывая в его сторону. Танцоры и скрипачи остановились и с любопытством подошли к нам.

Джейми повел меня за собой – туда, где плясало пламя большого костра, – и горцы потянулись следом, тихонько переговариваясь. Муж остановился на самом краю поляны. В тенях мелькали смутные силуэты. Но вот на фоне огня застыла мужская фигура с поднятой рукой.

– Мензисы здесь! – крикнул горец и бросил ветку в костер. Слова были встречены радостными воплями шотландцев из его клана.

Следом за ним вышел еще один – Макбин, и еще один – Огилви. Потом наступила наша очередь.

Джейми шагнул вперед, к отсветам огня. Костер был сложен из дубовых и сосновых бревен, языки пламени поднимались выше человеческого роста – прозрачно-желтые, чистые и яростные, отливающие белизной на фоне глубокого темного неба. На лице, вскинутой голове и плечах Джейми играли яркие блики, а тень его растянулась почти до середины поляны.

– Мы собрались здесь, чтобы повидаться со старыми друзьями, – заговорил он по-гэльски. – Повстречать новых... и вместе с ними строить новую жизнь на новой земле.

Его голос звучал четко и глубоко. Последние обрывки разговоров затихли, и народ начал сдвигаться поближе к костру, вытягивая шеи.

– Наш путь был нелегким.

Он медленно повернулся, обводя взглядом всех и каждого. Здесь было много узников Ардсмур: я заметила трех братьев Линдси, уродливых, словно жабы, хитрую мордочку Ронни Синклера с зализанными рыжими волосами, римский профиль Робина Макгилливрея. Блики пламени выхватывали лица из темноты, скользя по бровям и переносицам.

Не знаю, что было тому виной – выпитый бренди или прилив чувств, – но за спинами этих людей я видела ряды призраков: семьи и друзья, оставшиеся в Шотландии. Живые и мертвые.

На лице Джейми залегли глубокие тени; свет костра проявил на его челе следы времени и страданий, как на источенных ветром и дождем скалах.

– Многие из нас погибли в бою. – Голос был едва слышен. – Многие сгорели в огне. Многие умерли от голода. Кто-то сгинул в море, кто-то скончался от болезней и ран... А кто-то умер от горя.

Джейми посмотрел за пределы огненного круга – быть может, искал Абея Макленнана. Потом поднял чашу над головой и замер так на

мгновение.

– Sláinte!^[20] – Шепот разнесся по нашим рядам, словно ветер.

– Sláinte! – эхом откликнулся Джейми и наклонил чашу, проливая бренди в огонь. Капли полыхнули синим пламенем и с шипением испарились.

Он помолчал пару мгновений, опустив кубок и склонив голову, потом обратился к Арчи Хэйзу, стоявшему по другую сторону костра. Круглое лицо лейтенанта не выражало никаких эмоций; на рубашке сверкал серебряный нагрудный знак и брошь его отца.

– Оплакав погибших, мы должны воздать почести тем, кто сражался наравне с ними – и вернулся домой живым.

– Sláinte! – громко подхватил хор мужских голосов.

Джейми на секунду прикрыл глаза и развернулся к Брианне, которая стояла рядом с Лиззи и Марсали, так и не выпустив из рук сына. Резкое, волевое лицо Джейми казалось еще суровее на фоне детской пухлощечкой невинности и нежных глаз молодых матерей – однако под этой хрупкостью таился такой же несокрушимый шотландский гранит.

– Мы воздаем почести нашим женщинам, – сказал Джейми, подняв чашу, и повернулся сначала к Брианне, потом к Марсали, потом ко мне. Его губы тронула слабая улыбка. – Ибо в них наша сила. И наша месть, что настигнет врагов, хотя еще спит в своей колыбели. Sláinte!

Под крики толпы он осушил деревянную чашу и швырнул ее в огонь; пару секунд она лежала неподвижно, а потом взорвалась языками огня.

– Thig a seo! – позвал он, протягивая мне руку. – Thig a seo, a Shorcha, nighean Eanruig, neart mo chridhe.

«Иди ко мне. Иди ко мне, Клэр, дочь Генри, радость моего сердца».

Не чуя под собой ног и запинаясь о чужие ботинки, я пробралась к мужу. Он стиснул мою ладонь холодными сильными пальцами.

Джейми повернулся; искал Бри? Нет... Он протянул другую руку Роджеру.

– Seas ri mo lámh, Roger an t’oranaiche, mac Jeremiah MacChoinneich!

«Встань рядом со мной, Роджер-певец, сын Джеремаи Маккензи».

Несколько мгновений Роджер просто стоял, сверля Джейми темными глазами, потом двинулся вперед, будто во сне. Толпа все еще ликовала, но крики немного стихли. Все ждали, пока Джейми начнет говорить.

– Встань рядом со мной в бою, – сказал он по-гэльски и протянул Роджеру левую руку. Каждое слово звучало чеканно и ясно. – Будь защитником для моей семьи. Теперь она и твоя тоже, сын.

На секунду лицо Роджера дрогнуло и пошло рябью, как отражение в

воде. Потом он опомнился и крепко стиснул руку Джейми.

Мой муж повернулся к толпе и начал выкрикивать имена. Я уже видела такое однажды – в Шотландии, много лет назад. Приглашение арендаторов лэрдом – небольшая церемония, которую обычно проводили в равноденствие или после сбора урожая. Многие заметно оживились – обычай был широко известен среди горцев, но на этой земле его еще не видели.

– Подойди ко мне, Джорди Чишолм, сын Уолтера, сына Коннахта Рыжего.

– Встань рядом со мной, а Choinneich, Эван, Мурдо, сыновья Александра Линдси из Глена!

– Подойди, Джозеф Уэмисс, сын Дональда, сына Роберта! – Сквозь толпу к нам шагал мистер Уэмисс, взволнованный, но донельзя довольный тем, что его имя выкрикнули наравне с остальными. Голова мистера Уэмисса была гордо поднята, волосы реяли по ветру.

– Встань со мной, Джосайя-охотник!

Джосайя Бердсли тоже был здесь? И точно. Худенькая темная фигурка выскользнула на свет и замерла рядом с Джейми. Я встретила с ним взглядом, приветливо улыбаясь; мальчишка торопливо отвел глаза, но на губах застыла смущенная, растерянная ухмылка – кажется, он и сам ее не замечал.

Когда Джейми закончил перекличку, вокруг нас собралось почти четыре десятка горцев, покрасневших от гордости и виски. Роджер не сводил внимательных глаз с Брианны, которая улыбалась ему с другой стороны костра. Она склонилась к сонному Джему, зашептала что-то ему на ушко, потом вытащила из-под одеяла крохотную ручонку и помахала ею. Роджер засмеялся.

– Air mo mhionnan^[21]... – Отвлечшись, я пропустила финальную речь Джейми и уловила только последние слова. Однако горцы ответили ему низким торжественным рокотом, выражая одобрение и согласие, а потом на мгновение замолчали.

Джейми отпустил мою руку, подобрал с земли ветвь, поджег ее, занеся высоко над головой, и швырнул ввысь что есть силы. Пылающий факел перевернулся в воздухе и упал в самое сердце костра.

– Фрейзеры из Риджа здесь! – взревел он, и толпа разразилась дружными криками.

А потом мы зашагали вниз по склону, обратно к праздничным столам и танцам. Роджер шел рядом со мной, что-то радостно напевая себе под нос. Когда я тронула его за рукав, он повернулся ко мне с широкой улыбкой.

– Поздравляю! – сказал я. – Добро пожаловать в нашу семью, сынок.

Улыбка Роджера растянулась от уха до уха.

– Спасибо, мам.

Пару секунд мы шли молча. Потом он сказал уже совсем другим тоном:

– Сегодня очень важный день. И речь была необычная.

Не знаю, что именно имел в виду Роджер – важный день для истории, важный день для нашей семьи? – но, пожалуй, в любом случае он был прав.

– Да... Правда, под конец я расслышала не все. Не знаю, что значит «earbsachd». А ты?

– Знаю. – На тропе было темно, и Роджер казался очередным черным силуэтом среди кустов и деревьев. В голосе его мелькнули странные нотки. – Это что-то вроде клятвы. Он... Джейми... поклялся своей семье и друзьям, что будет оберегать и защищать нас всех.

– Понятно, – озадаченно откликнулась я. – А почему «что-то вроде»?

Роджер помолчал, подбирая слова.

– Это не просто клятва, а слово чести. Понятие «Earbsachd» пошло от клана Маккриммонов с острова Скай. Дав обещание, они выполняли его, чего бы им это ни стоило. Ради своей клятвы любой Маккриммон, – Роджер глубоко вздохнул, – был готов пойти на верную смерть.

Мне на локоть неожиданно легла твердая ладонь.

– Осторожно, давайте помогу, – тихо сказал Роджер. – Внизу скользко.

Глава 16. В ночь нашей свадьбы

– Спой мне, Роджер.

Она замерла перед входом в шатер, отвернувшись в сторону. Роджер различал только темный силуэт на фоне серого хмурого неба да длинные волосы, трепетавшие на ветру. Брианна оставила их распущенными и пришла к пастору с непокрытой головой – как невинная девушка, хотя у нее был сын.

Ночь стояла холодная, совсем непохожая на ту, что они впервые провели вместе, когда жаркая нежность обернулась гневом и горечью. С тех пор прошло много месяцев, много ночей, исполненных одиночества, и ночей, напоенных радостью. И все же его сердце билось так же отчаянно, как и в первый раз.

– Конечно, милая. Я всегда буду петь для тебя.

Он встал у Бри за спиной, притянул к себе. Она откинула голову ему на плечо, и прохладные волосы защекотали шею. Роджер крепко обнял жену, уткнувшись носом в ее ухо.

– Что бы ни случилось, – прошептал он, – где бы я ни был. И где бы ты ни была – я всегда буду петь для тебя.

Брианна развернулась в его объятиях, тихо вздохнула и потянулась за поцелуем. От ее губ пахло жареным мясом и пряным вином.

Дождь стучал по своду шатра, от земли поднималось холодное дыхание поздней осени. В их первую ночь в воздухе пахло хмелем и водорослями, терпким сеном и хлебом. А сейчас вокруг них витал запах сосновых иголок и можжевельника, щедро сдобренный горьким дымом коптящих костров, – с едва заметной сладковатой ноткой детского дерьма.

И снова она прижималась к нему в переплетении света и тьмы – лица не видно, а тело лучится белизной в полумраке. В ту ночь Бри плавилась и растекалась у него в руках, а теперь кожа была прохладной, словно мрамор, – но летний зной по-прежнему обжигал ему пальцы, когда он прикасался к ней: сладкий и влажный, скрывающий в себе темные жгучие тайны. Хорошо, что свои сегодняшние клятвы они принесли под открытым небом. Совсем как тогда – перед землей и ветром, огнем и водой.

– Я люблю тебя, – прошептала она, и он мягко прихватил ее губу зубами. От нахлынувшей нежности Роджер не мог вымолвить ни слова.

Все слова уже были сказаны – сначала в ту далекую ночь, потом сегодня. Оба раза Роджер говорил искренне и горячо, но сегодняшняя

церемония все изменила.

У первой клятвы не было иных свидетелей, кроме Бога, да и тот не нарушил их уединения, отстранившись и отвратив взор от обнаженных тел.

А сегодня он произнес слова любви в ярком свете костра, перед лицом Господа и всего мира. Сердце Роджера и все, что он имел, давно принадлежало Бри, но теперь между ними не осталось различий. Клятвы сказаны, кольца надеты, узы скреплены у всех на глазах. Они стали единым целым.

Одна часть единого целого слишком крепко сжала чужую грудь, и Бри едва слышно охнула. Она слегка отстранилась от мужа, и Роджер увидел – нет, не увидел, скорее почувствовал – гримасу боли. Холодный воздух коснулся его кожи, и даже краткое расставание показалось мучительным, словно удар ножа.

– Мне нужно... – сказала Бри и тронула грудь, не закончив фразы. – Подожди минутку, ладно?

Клэр успела покормить малыша, пока Брианна ходила беседовать с преподобным Колдуэллом. Объевшись овсянкой и вареными персиками до самых ушей, Джемми едва открыл глаза, когда мать прижала его к груди, и тут же снова погрузился в сытую дремоту. Лиззи унесла ребенка с собой. Вся ночь была в их распоряжении – прожорливый кроха проспит до самого рассвета. Однако за такую роскошь приходилось платить: молока осталось слишком много.

Живя под одной крышей с кормящей матерью, невозможно было не обращать внимания на ее грудь – это касалось всех домочадцев, а уж тем более мужа. Грудь Брианны жила собственной жизнью. Они постоянно менялись в размере; мягкие полушария превращались в твердые круглые пузыри; казалось, дотронься до них – тут же лопнут.

Изредка случалось и такое: плоть поднималась, словно дрожжевое тесто, медленно и уверенно распирая корсаж, а потом на платье как по волшебству появлялось большое мокрое пятно, будто какой-то невидимка кинул в Брианну снежком. Или даже двумя снежками – потому как вторая грудь редко отставала от своей сестрицы.

Порой божественные близнецы оставались обмануты: Джемми добросовестно присасывался к одной стороне, а потом засыпал, не добравшись до второй. И тогда мать, стиснув зубы, приподнимала грудь ладонью и прижимала оловянную кружку под самым соском, чтобы сцедить рвущееся наружу молоко. Иначе она не могла уснуть от боли.

Вот и сейчас Брианна занималась именно этим. Она скромно отвернулась от Роджера и укрыла плечи арисэдом. До него доносилось

шипение молочных струй, бьющихся о металлические стенки кружки.

Роджеру не хотелось заглушать звук, который казался ему эротичным, но он послушно взял в руки гитару и занес пальцы над струнами. Решив обойтись без звонких аккордов, он неторопливо извлекал отдельные ноты, тихим эхом ложившиеся на его голос. Каждую строку песни сопровождал удар струны.

Разумеется, он пел о любви. Одну из старинных гэльских баллад. Даже если Бри не поймет всех слов, песня сама расскажет свою историю.

В ночь нашей свадьбы
Я сложу к твоим ногам дары.
В ночь нашей свадьбы...

Он закрыл глаза, вспоминая очертания тела, скрытые под покровом сумрака. Крупные, словно вишни, соски цвета спелой сливы. Роджер хорошо помнил, как они ощущались на языке. Когда-то он даже пробовал их на вкус – еще до Джемми, – но больше не пытался этого делать.

Я подарю тебе сотню серебристых форелей,
Сотню барсучьих шкур...

Брианна не отказывала ему вслух, не отворачивалась, однако он чувствовал, как она втягивает воздух сквозь зубы и напрягается от его прикосновений.

«Больно? – думал он. – Или боится, что я могу быть с ней груб?»

Роджер прогнал эту мысль прочь, затопил мелодичными гитарными переливами.

«А может, дело не в тебе, – нашептывал ему упрямый голос. – Может, это из-за него. Это он причинил ей боль».

«Чтоб. Ты. Сдох», – яростно подумал Роджер, подчеркивая каждое слово резким ударом. Стивену Боннету не место на их брачном ложе. Никогда, ни за что.

Он накрыл струны рукой, обрывая мелодию, а потом, когда Бри сбросила с плеч арисэд, завел новую песню, на этот раз на английском. Особенную, только для них двоих. Даже если его сейчас кто-то услышит – неважно. Бри встала, плавно стягивая сорочку, а пальцы Роджера уже выводили вступление. «Битлз», «Yesterday».

Она рассмеялась, вздохнула, и тонкий лен с шорохом скользнул вниз по телу.

Тихая меланхоличная песня заполнила темноту. Полностью обнаженная, Брианна остановилась у Роджера за спиной. Погладила по голове, собрала в горсть волосы на затылке. Он чувствовал, как она прижимается к нему мягкой грудью, податливой и теплой сквозь ткань рубашки. Дыхание Бри щекотало кромку его уха. Маленькая ладонь замерла у Роджера на плече, потом спустилась вниз; теплый металл – его кольцо – коснулся кожи, и Роджер задохнулся в приливе собственнического желания, как от глотка крепкого виски.

Ему хотелось развернуться и стиснуть жену в объятиях, но он сдержался, растягивая сладостное ожидание. Склонился над струнами и запел. И пел до тех пор, пока в голове не осталось ни единой мысли. Только два тела, прижавшиеся друг к другу. Роджер даже не заметил, когда Бри накрыла его пальцы своей ладонью. Встал, обернулся... Музыка и любовь переполняли его – нежные, чистые и всемогущие в этой бескрайней ночи.

* * *

Брианна лежала неподвижно, прислушиваясь к грохоту сердца в висках. Кровь эхом пульсировала в горле, в запястьях, в потяжелевшей груди, в утробе. Казалось, она полностью растворилась в темноте, и теперь нужно было заново вспоминать границы собственного тела. Бри убрала ладонь, плотно зажатую между ног, и последние отголоски удовольствия пробежали по бедрам.

Она медленно втянула воздух, прислушиваясь.

Дыхание Роджера оставалось глубоким и ровным. Слава богу, не проснулся. Брианна вела себя очень осторожно, двигала только кончиком пальца, но оргазм оказался слишком сильным. По животу прокатилась судорога, и Бри дернулась, с громким шорохом упираясь пятками в соломенный тюфяк.

К концу дня Роджер остался без сил – да что там, они все вымотались. Правда, по склону горы по-прежнему разносились приглушенные звуки веселья. Такие мелочи, как дождь, холод или усталость, не могли послужить помехой хорошей пирушке, слишком уж редко выпадала такая возможность.

Брианна растеклась по постели, словно лужица ртути – мягкой, тяжелой и вздрагивающей от каждого удара сердца. Двигаться не хотелось,

однако на пике наслаждения она сдернула с Роджера плед, и теперь его смуглая спина была обнаженной. Несмотря на ленивую негу, совесть не позволяла ей лежать под одеялом, пока муж замерзал от холодного сквозняка. В шатер проникали призрачные клубы тумана, и Бри видела, как на высоких скулах Роджера оседает блестящая влага.

Кости, мышцы, нервная система – Брианна собирала себя по частям. Она отдала непослушному телу строгий приказ, перекатилась на бок, лицом к Роджеру, и натянула плед повыше. Муж пошевелился, что-то невнятно пробормотал, и Бри погладила его по спутанным волосам. На устах Роджера мелькнула улыбка, веки чуть приподнялись, но взгляд остался пустым – он по-прежнему спал и видел сны. Роджер глубоко вздохнул, снова закрывая глаза.

– Я люблю тебя, – прошептала она с невыразимой нежностью.

Погладила его сквозь плед, скользнула рукой по широким лопаткам, выпуклым косточкам у основания шеи и длинной прямой ложбинке, тянущейся вдоль позвоночника до самых ягодиц. От прохладного ветра по коже Бри побежали мурашки, и она снова спрятала руку под покрывалом. Ее ладонь невесомо опустилась Роджеру пониже спины.

Тело под ее пальцами было привычным, теплым и упругим, жесткие курчавые волоски щекотали ладонь, и в душе Бри снова поднималось сладкое волнение. Преследуя слабые отзвуки недавнего удовольствия, она опустила руку между ног. Пальцы коснулись припухшей плоти, лениво погружаясь во влажную глубину.

Бри надеялась, что сегодня все получится по-другому. Без постоянной тревоги о спящем Джемми, неторопливо и медленно, в приливе глубоких чувств после обмена клятвами... но ничего не изменилось.

И дело было не в том, что она не испытывала возбуждения. Наоборот. Каждое движение, каждое прикосновение огнем горело на коже, на языке, отпечатывалось в глубине памяти, так что Брианна задыхалась от нахлынувших ощущений. Но ее все равно преследовало странное отчуждение – словно их с Роджером разделяла стена, которую она не могла преодолеть.

И вот Бри снова лежала рядом с мужем, вспоминая их близость, минуту за минутой, – и сдавалась на милость страсти, хотя бы мысленно.

Быть может, ее любовь оказалась слишком сильна. Быть может, она слишком тревожилась об удовольствии Роджера и потому не думала о своем. Когда он забывался в ее объятиях, исходя на стоны и всхлипы, Брианна испытывала удовлетворение, несравнимое с обычным оргазмом. Ее охватывало смутное, темное торжество, словно от победы в каком-то

непризнанном состязании, тайно идущем между ними.

Бри вздохнула и уткнулась лбом Роджеру в плечо, вдыхая резкий мужской запах, – горький мускус, похожий на болотную мяту.

Мысль о болотной мяте напомнила ей о другой траве. Осторожно, чтобы не разбудить Роджера, она снова опустила руку между ног и просунула скользкий палец внутрь. Нет, все на месте. Тряпица, смоченная в душистом пижмовом масле, по-прежнему защищала вход в ее чрево.

Брианна придвинулась ближе, и Роджер сразу повернулся, окутывая ее своим теплом, успокаивая и убаюкивая. Рука вслепую зашарила по телу, скользнула по бедрам и мягкому животу... Брианна перехватила его ладонь, надежно прижимая к своему подбородку. Пальцы Роджера дрогнули; Бри поцеловала крупные обветренные костяшки, и он наконец вздохнул и расслабился.

Звуки праздника, доносившиеся со склона горы, затихли. Танцоры устали, музыканты охрипли. Снова начал накрапывать дождь; капли застучали по своду шатра, и туман коснулся лица Брианны серыми влажными пальцами. Запах мокрой парусины напомнил ей о походах, в которые они ходили вместе с отцом в далеком детстве, – и то незабываемое ощущение радостного предвкушения и полной безопасности. Она поуютнее устроилась в объятиях Роджера, испытывая похожее чувство.

Они очень молоды, вся жизнь впереди. Бри еще успеет сдаться своим желаниям.

Глава 17. Походный костер

Они лежали под навесом, но сквозь просвет меж скалами было видно весь склон горы, до самого шатра Хэйза. Большой костер Сбора прогорел, хотя угли еще мерцали в темноте, напоминая о ярком пламени клятвы. А вот походный костерок горского полка сиял, словно звездочка в холодной ночи. Время от времени на фоне огня мелькал черный силуэт в килте, подкидывал дров и снова скрывался в тени.

Краем сознания Джейми замечал облака, бегущие по небу, тяжелый трепет парусины над головой и чернильные тени скал, но все его внимание было сосредоточено на шатре, застывшем позади костра бесформенным пятном.

Он старался дышать размеренно, осознанно расслабляя мышцы: руки, грудь, спину, ягодицы, ноги. Сон не шел, но Джейми не собирался его преследовать.

И не пытался одурачить Клэр. Они были слишком близки – и телом, и душой, Клэр сразу заметила бы, что он бодрствует. Нет, Джейми просто давал ей понять, что на него можно не обращать внимания. Взаимное притворство, бессловесный знак. Может, ей удастся заснуть, пока он прячется в своей скорлупе, глубоко погружаясь в мысли.

Мало кто спал на горе той ночью. Ветер доносил приглушенное бормотание голосов и шаги, однако обостренное охотничье чутье позволяло Джейми различать десятки едва заметных звуков, опознавать каждую тень. Вот подошвы сапог прошаркали по камням, хлопнуло одеяло, встряхиваемое в воздухе, – это собирались в дорогу Хобсоны и Фаулзы. Они не стали ждать рассвета, опасаясь предательства.

Вдалеке слышались обрывки мелодии; гармоника и скрипка – это рабы Иокасты радовались празднику, не желая поддаваться усталости и дурной погоде.

Тихий плач ребенка. Малыш Джемми? Нет, звуки раздались сзади. Значит, кроха Джоан. А потом ласковый голос Марсали, тихонько напевающий французскую песню.

– Alouette, gentil Alouette...

Ага, вот и звук, которого Джейми ждал все это время, – шаги у дальних скал, обрамлявших их лагерь. Кто-то быстрый и легконогий спускался по склону. Вниз, дальше, дальше. Джейми прислушивался, широко распахнув глаза, и через несколько мгновений различил тихое

приветствие часового. Около походного костра все было спокойно, только шевельнулся и снова опустился полог в шатре лейтенанта.

Все так, как он и думал. Никто не поддерживал бунтовщиков. Речь шла не о предательстве друзей, а о выдаче преступников законным властям, о защите законопослушных граждан. Доносили о них неохотно – свидетели дождались наступления темноты, – но не скрываясь от посторонних взглядов.

– Je te plumerai la tête^[22]...

Интересно, почему колыбельные порой такие жуткие? Почему никто не задумывается над песнями, которые дети впитывают с молоком матери? Все мелодии для Джейми были едины – возможно, именно поэтому он внимательно прислушивался к словам.

Даже Брианна, пришедшая из куда более мирной эпохи, пела Джему колыбельные о страшной смерти и тяжелых потерях, хотя лицо при этом у нее было нежным, словно у Девы Марии, баюкающей Христа. Чего только стоила песня про дочь рудокопа, утонувшую в утином пруду^[23]...

Джейми подумал про колыбельные, которые пела Пречистая Мать; судя по Библии, жизнь на Святой земле мало отличалась от жизни во Франции и в Шотландии. Мира там не было точно.

Он тут же раскаялся в подобных мыслях и хотел было перекреститься, но на его правой руке лежала Клэр.

– Они поступили неправильно? – неожиданно спросила жена, пряча голову у него под подбородком.

– Кто? – Он поцеловал мягкие густые локоны. Волосы Клэр пахли дымом и терпкими ягодами можжевельника.

– Бунтари в Хиллсборо.

– Да.

– А что бы ты сделал на их месте?

Он вздохнул.

– Кто ж его знает? Если бы меня обманули, не оставив надежды на возмещение, я бы тоже попытался добраться до того мерзавца. Но беспорядки в Хиллсборо... сама понимаешь. Разрушенные дома, пожары, до смерти избитые судьи... нет, саксоночка. Не знаю, что бы я сделал, только не это.

Она повернула голову. В полумраке было видно, как ее скула дрогнула от улыбки.

– Я так и подумала. Не могу представить тебя в безумной толпе.

Джейми поцеловал жену в ухо, ничего не ответив. Сам он легко мог

представить себя в толпе, и это его пугало. Джейми слишком хорошо понимал, какая сила кроется в таких вещах.

Один шотландец в поле воин, но даже самые могущественные из людей – всего лишь люди. А безумие объединяло их вместе и правило горными долинами уже тысячу лет – то был зов крови, просыпавшийся, когда ты слышал оглушительные крики своих товарищей, чуял в себе непобедимую силу и несясь вперед на крыльях общей ярости, познавая бессмертие, – ибо если ты падешь на поле боя, то твой дух ринется дальше вместе с теми, кто бежал позади тебя. И лишь потом, когда кровь остывала на мертвых телах и над погибшими раздавались женские рыдания...

– А если бы тебя обманул не конкретный человек? А, допустим, государство? Или суд?

Джейми понимал, к чему она ведет. Он покрепче обнял жену, чувствуя, как ее дыхание задевает его костяшки.

– Рано еще. Не здесь, не сейчас.

Бунтовщики восстали против преступлений отдельных людей. Виновные заплатились кровью, не войной. Пока не войной.

– Рано, но...

– Не сейчас, – снова повторил он.

Треклятое письмо было надежно спрятано в седельной сумке. Скоро ему придется выполнять чужие приказы, однако сегодня можно притвориться, что ничего не случилось. Последняя мирная ночь в объятиях жены и в кругу родных.

Еще одна тень на фоне костра. Еще один окрик часового, еще один шаг в ворота предательства.

– А они? Они поступают правильно? – Она склонила голову в сторону шатра. – Те, кто доносит на своих знакомых?

– Нет, – сказал Джейми спустя мгновение. – Они тоже неправы.

Толпа правила бал, но за ее бесчинства приходилось платить каждому по отдельности. И цена была высока: разрушенное доверие, сосед, обратившийся против соседа, и страх петли – удушающий, тесный, не оставляющий места милосердию и прощению.

Дождь разошелся не на шутку. Капли громко забарабанили по навесу, и воздух задрожал от потоков воды. Началась зимняя буря без грома и молний. Горы, маячившие над головой, оставались невидимы.

Он прижал Клэр к себе, положив ладонь на ее живот. Она едва заметно вздохнула и устроилась поудобнее; круглый зад аккуратно лег прямо меж его бедер, словно орех в скорлупу. Жена расслабилась, и Джейми снова испытал странное чувство единения плоти.

Поначалу такое случалось, только когда он брал ее. Потом это ощущение стало приходить все раньше и раньше. Первое же прикосновение Клэр становилось для Джейми приглашением и наградой; она неизбежно сдавалась на его милость, а он принимал этот дар. Порой, испугавшись, Джейми осознанно отказывал себе в близости – просто чтобы убедиться, что все еще может это сделать. Страсть была коварна, как ярость толпы, и отнимала разум.

Но теперь он отбросил сомнения. Ведь в Библии говорилось: «И будут два одною плотью; что Бог сочетал, того человек да не разлучит». Однажды Джейми уже пережил такую разлуку; второе расставание его просто убило бы.

Часовые поставили над костром навес, укрывая его от дождя, но капли все равно иногда попадали в огонь. Языки пламени то и дело начинали шипеть и метаться, бросая отблески на парусину.

Джейми не боялся умереть рядом со своей женой – даже в огне войны. Он боялся, что ему придется без нее жить.

Ветер переменялся, и от крохотного шатра, где спали молодожены, донесся тихий смех. Джейми улыбнулся себе под нос. Надо надеяться, что его дочь, как и он сам, обретет в браке истинное счастье. Пока что все шло хорошо. Лицо Роджера озарялось любовью всякий раз, когда он смотрел на Бри.

– Что ты собираешься делать? – тихо спросила Клэр. Дождь почти заглушил ее слова.

– То, что должен.

Другого ответа у него не было.

Весь мир сжался до границ Фрейзер-Риджа. С Шотландией покончено, Колониям тоже недолго осталось; смутные и далекие картины будущего складывались перед ним по рассказам Бри. А женщина, лежавшая у него в объятиях, его дети и внуки, слуги и арендаторы – они были настоящими. Господь дал ему их, чтобы беречь и защищать.

Гора высилась, темная и молчаливая, но Джейми знал, что семья спит рядом, вверяя себя под его покровительство. Если Господь позволил ему заслужить такое доверие, значит, Он даст Джейми сил, чтобы его сохранить.

От привычного соприкосновения тел Джейми охватило возбуждение; приподнявшийся член оказался зажат в складках одежды. Он хотел Клэр, хотел уже давно и отмахивался от этого желания в суете Сбора. Должно быть, глухая боль в паху стала эхом боли, охватившей ее чрево.

Иногда, если взаимное нетерпение было слишком велико, Джейми

брал жену прямо во время месячных – и каждый раз эта близость казалась ему грязной, тревожной и волнующей, а удовольствие смешивалось со стыдом. Мысли пришли не ко времени и не к месту, и Джейми отвернулся от Клэр, не желая ее тревожить.

Однако чувство, разгоравшееся в его чреслах, не было похоже на похоть или на всепоглощающее желание быть рядом. Он хотел накрыть Клэр своим телом, завладеть ею – ибо тогда он мог притвориться, будто она в безопасности. Укрыв Клэр собой, он мог защитить ее. Бессмысленный, глупый порыв, но Джейми ничего не мог с ним поделать.

Он невольно напрягся, и Клэр завожилась, протянула руку вперед. Ладонь коснулась его бедра, остановилась на мгновение, а потом сонно поползла вверх.

Джейми прижался губами к ее уху и, не задумываясь, пробормотал:

– Пока я жив, с тобой ничего не случится, а níghean donn. Ничего.

– Я знаю. – Постепенно она снова расслабилась, задышала глубже и спокойнее. Только мягкий живот вздымался у него под рукой.

Походный костер давно погас под ливнем, а Джейми по-прежнему лежал без сна.

Часть вторая. Призывая вождя

Глава 18. Нет ничего лучше дома

Гидеон в змеином броске вытянул шею, норовя куснуть всадника впереди.

– Стоять! – вовремя осадил Джейми коня. – Вот поганец!

Джорди Чишолм удивленно обернулся, не подозревая о грозившей ему участи. Джейми со смущенной улыбкой приподнял фетровую шляпу.

Пробираясь вдоль медленно ползущего каравана, приходилось то и дело пинать Гидеона по ребрам, чтобы конь не кусался, не лягался и не топтал шмыгающих под копытами детей. За неделю в дороге Джейми хорошо изучил скверный нрав жеребца. Брианну и Марсали, ехавших в середине колонны, он обогнал неторопливой рысью, а затем набрал скорость, и мимо Клэр и Роджера в голове каравана пролетел, едва успев махнуть в знак приветствия шляпой.

– А Mhic dhiobhail!^[24] – Джейми пригнулся к лошадиной шее. – Что-то больно ты резвый, приятель. Давно плетью не получал?

Он взял левее и направил коня вниз по склону, топча сухую траву и с треском ломая голые ветки кизила. Надо бы погонять сукина сына, выбить из него дурь, вот только на двадцать миль вокруг ровного места не найти.

Джейми перехватил вожжи, прищелкнул языком, врезал каблуками по бокам коня, и тот пушечным ядром полетел по заросшему склону.

Гидеон был откормленным и быстрым жеребцом, поэтому Джейми его и купил. А еще он был упрямым и злобным, потому стоил совсем недорого. Хотя все равно больше, чем Джейми мог себе позволить.

Когда они перебрались через ручей, перепрыгнули упавшее бревно и стали карабкаться по почти отвесному склону сквозь заросли дуба и хурмы, Джейми усомнился, таким ли мудрым было то решение. Это оказалась последняя его связная мысль, потому что Гидеон вдруг встал на дыбы, резко свернул и помчался вниз, распугивая перепелов.

Через полчаса бешеной скачки Гидеон стал если не сговорчивее, то хотя бы чуточку покорнее. Джейми промок до пояса, разодрал в царапины кожу, набил синяки и пыхтел едва ли не громче коня. И все же держался в седле и не выпускал поводья.

Развернув жеребца в сторону заходящего солнца, он прищелкнул языком.

– Давай. Двигай к дому.

Хоть он гонял Гидеона довольно долго, вряд ли они забрались далеко.

Вскоре Джейми увидел знакомую грядку.

Он направил коня по хребту, выискивая безопасный спуск. До каравана отсюда было рукой подать, но прокладывать путь сквозь заросли тополей, каштанов и елей нелегко, а Джейми спешил присоединиться к своим людям прежде, чем они достигнут Риджа. Не то чтобы он не доверял Клэр или Маккензи, просто ему хотелось самому возглавить отряд при возвращении домой.

– Господи, да ты никак возомнил себя Моисеем, – пробормотал он и в притворном смятении покачал головой.

Жеребец был весь в мыле, и когда деревья расступились, Джейми чуть ослабил поводья, давая ему передохнуть. И все же он по-прежнему держался настороже: вдруг скотине придет в голову выкинуть очередной фортель.

С запада дул ветер. Джейми поднял голову, наслаждаясь его охлаждающей лаской на разгоряченном лице. Во все стороны тянулись коричнево-зеленые холмы, в низинах клубился туман. При виде этой картины на Джейми снизошел покой, и он вздохнул.

Гидеон тоже успокоился. Джейми неспешно опустил руки на шею коня, но тот даже не дрогнул. Ага, вот оно – то самое Место.

Место, которое нельзя описать, его можно лишь увидеть собственными глазами. Кто-то говорит, оно святое, хотя церковь и религия здесь совершенно ни при чем. Это просто то самое Место, которое предназначено именно тебе, вот и все. Джейми отпустил вожжи: даже самый сварливый конь не будет показывать здесь норы.

Жеребец замер, только темная кожа парила на холоде. Им стоило бы поторопиться, но Джейми был рад перевести дух. Его вымотала не битва с Гидеоном, нет, – тяжелое внимание людей.

Он с раннего детства был окружен другими и научился отгораживаться от них, находить уединение в мыслях. А еще, рожденный горцем, быстро осознал целительную силу подобных мест.

Перед глазами вдруг всплыл образ матери – как всегда неожиданно, бог знает по какой причине: наваяло случайным звуком, запахом или просто причудой памяти.

В тот день он ставил силки на кроликов, исколот все руки, взмок и перемазал рубаху. Завидев неподалеку рощицу, направился к ней в поисках тени – и нашел там мать. В зеленоватом сумраке она сидела возле крошечного ручья, сложив на коленях руки – совершенно неподвижно, что было на нее не похоже.

Она ничего не сказала, лишь улыбнулась; Джейми молча подошел к

ней и положил голову на плечо, ощущая невероятный покой и умиротворение. Сколько ему тогда было: пять лет, шесть?

Видение исчезло, яркой форелью нырнув в темные воды памяти. Однако чувство покоя в душе осталось: будто кто-то обнял его и легонько взъерошил волосы.

Джейми спешил, желая ощутить, как гнутся под ногами сосновые иглы. Поводья на всякий случай примотал к дереву, хотя Гидеон вел себя смирно: уронил голову и принялся обнюхивать клочья сухой травы. Джейми постоял недолго и повернулся направо, на север.

Он не помнил, кто научил его этому: мать ли, отец, старый Джон – отец Иэна, но стал крутиться по часовой стрелке, бормоча слова молитвы. Закончил он, стоя лицом на запад. Джейми сложил ладони чашей, и заходящее солнце залило их светом.

Боже, оберегай каждый мой шаг,
Боже, открой передо мной все двери,
Боже, освободи мне все пути
И крепко держи в руках Своих.

Повинуясь инстинкту, что древнее молитвы, он снял флягу и пролил несколько капель воды на землю.

Ветер донес обрывки звуков: смех и крики, рев животных. Караван был уже недалеко, через долину; он выползал из-за соседнего холма. Надо ехать, чтобы присоединиться к нему на последнем рывке до Риджа.

И все же Джейми мешкал, не желая разрушать чары этого места. Он заметил вдруг движение и наклонился, заглядывая в густые тени под остролистом. Из темноты на него уставился, не мигая, крошечный котенок, распушивший серый мех головкой одуванчика.

– Вот бандит, – прошептал Джейми, медленно протягивая к нему руку. – Ты что здесь делаешь?

Наверняка дикий, от кошки, сбежавшей из какого-нибудь каравана. Джейми дотронулся до пушка у него на груди, и котенок тут же вонзил в палец зубы.

– Ай!

Джейми отдернул руку, рассматривая набухающую каплю крови. Сердито уставился на кота, но тот просто следил за ним, не пытаясь удрать. Помедлив немного, Джейми все же решился и стряхнул кровь на опавшую листву – еще одно подношение духам этого Места, которые, видимо,

преподнесли ему ответный дар.

– Что ж, отлично, – усмехнулся он, встал на колени и вытянул руку ладонью вверх. Медленно, очень медленно, пошевелил одним пальцем, потом другим: точно водоросли в воде.

Круглые светлые глаза неотрывно следили за его движениями. Заметив, как дергается кончик хвоста, Джейми улыбнулся.

Если тыловишь руками форель, уж с котом-то должен справиться?

Он негромко засвистел сквозь зубы, подражая пению птиц. Котенок заворуженно смотрел на мягко покачивающиеся пальцы. Когда те вновь коснулись меха, огрызаться не стал, позволил обхватить себя ладонью и поднять с земли.

Джейми прижал невесомое тельце к груди, поглаживая котенка между ушами. Тот закрыл глаза и довольно заурчал, отзываясь в ладони дрожью далекого грома.

– О, значит, ты не против поехать со мной, да?

Не услышав возражений, Джейми расстегнул ворот рубашки и усадил кота за пазуху, где тот поерзал немного, щекоча ребра, а потом, неслышно мурлыча, свернулся клубком.

Гидеон охотно тронулся в путь, и за четверть часа они догнали остальных. Покорность жеребца тут же улетучилась, и виною тому был не предстоящий тяжелый подъем. Конь запросто справился бы с крутой тропинкой, но его дико раздражали чужие лошадиные хвосты перед носом.

Караван растянулся на полмили, каждая семья двигалась со своей скоростью: Фрейзеры, Маккензи, Чишолмы, Маклауды, Аберфельды. Стоило телегам расступиться, как Гидеон нахраписто пер вперед, распахивая мулов, овец, пеших людей и кобыл. Он даже чуть не растоптал трех поросят, плетущихся за бабулей Чишолм, и те с громким визгом ринулись от него в кусты.

В глубине души Джейми разделял чувства коня, он стремился поскорее попасть домой, и любая заминка выводила его из себя. Теперь вот их задерживала Клэр, которая – черт бы побрал эту женщину! – спешила, чтобы надергать у дороги каких-то трав. Куда ей столько – и так весь дом завален до самой крыши, и седельная сумка вот-вот лопнет.

Гидеон, тонко чувствуя настроение хозяина, извернулся и куснул ее кобылу за круп. Та взбрыкнула и с испуганным ржанием поскакала прочь, волоча за собой поводья. Гидеон довольно всхрапнул и дернулся было за ней, но его остановил сильный рывок.

Не выпуская охапку рваных листьев и грязных корешков, Клэр обернулась на шум и изумленно округлила глаза. Она перевела взгляд с

удирающей кобылы на Джейми и пожала плечами.

– Прости.

Правда, уголок рта у нее подрагивал, а в глазах утренним светом на воде мерцала улыбка. Джейми ощутил, как тяжесть невольно спадает с его плеч. Он собирался отчитать жену – правда, собирался, – но слова не шли на язык.

– Залезай, женщина, – вместо этого хрипло велел он и кивком указал себе за спину. – Я хочу ужинать.

Клэр рассмеялась и, поднимая юбки, забралась на лошадь. Недовольный лишним весом, Гидеон защелкал зубами, однако Джейми был готов к его выходкам и стегнул жеребца поводьями по носу. Тот дернул головой и удивленно зафыркал.

– Вот тебе, негодник.

Сдвинув шляпу на лоб, Джейми помог жене устроиться поудобнее. Клэр подоткнула юбку и обняла его за талию. Она не надела ни чулок, ни ботинок, и ее голые ноги белели на фоне темной шкуры. Джейми подобрал поводья и пнул коня сильнее, чем следовало.

Гидеон всхрапнул и попятился, пытаясь столкнуть их низкой веткой тополя. Возня разбудила котенка, тот недовольно вонзил в живот Джейми когти и заорал. Ругаясь, Джейми рывком развернул коня.

Не желая сдаваться, Гидеон скакнул не хуже кузнечика. Раздался тихий вскрик, и за спиной Джейми вдруг образовалась пустота – Клэр кулем слетела в кусты. Конь рванул в заросли ежевики, скользя копытами по грязи и палой листве, потом выпрямился, мотнул головой и как ни в чем не бывало затрусил к кобыле Роджера, стоящей возле ручья и взирающей на них с тем же удивлением, что и ее спешившийся наездник.

– Все хорошо? – спросил Роджер, приподнимая одну бровь.

– Само собой, – задыхаясь, выпалил Джейми, не желая терять достоинства. – А ты как?

– Отлично.

– Вот и славно.

Джейми спешился, не глядя бросил поводья Маккензи и побежал обратно.

– Клэр, где ты?

– Я здесь, – весело отозвалась та и вышла из тени тополей, прихрамывая, вся в листьях, но вроде бы невредимая. – Ты сам-то живой?

– Да. Пристрелю негодника!

Джейми сгреб Клэр в объятия, желая убедиться, что та и впрямь цела.

– Эй! Не трогай, ты, подонок!

Роджер еле успел выхватить из-под любопытного носа Гидеона какой-то потрепанный пучок. Опять травы?! Что за мания?.. Клэр подошла ближе, с интересом разглядывая растение.

– Что там у тебя такое, Роджер?

– Для Бри. Посмотрите, это те самые?

На взгляд Джейми, это была пожухлая ботва морковки, которую забыли на зиму в грядке, но Клэр потрогала вялые листья и одобительно кивнула:

– О да. Ты молодец!

Джейми деликатно кашлянул, напоминая, что им пора выдвигаться, пока Бри и еле ползущие Чишолмы их не перегнали.

– Да, конечно. – Клэр похлопала его по плечу. – Не фыркай, уже идем.

– Хм, – пробурчал он и наклонился, подставляя ей руки вместо ступени. Посадив ее в седло, Джейми наградил Гидеона свирепым взглядом и сам устроился сзади. – Дождешься остальных и проводишь их?

Не дожидаясь ответа Роджера, он дернул за поводья и направил Гидеона на тропу.

Жеребец смирно карабкался по склону сквозь дебри тополя, граба и каштана. Даже сейчас, поздней осенью, на ветках еще были листья, желто-коричневым дождем опадавшие на лошадиную гриву и длинные волосы Клэр. Те растрепались, и она не стала вновь их заплетать.

Джейми постепенно обрел душевное равновесие – они ведь ехали вперед. Еще и шляпа нашлась – висела на белом дубе возле тропы, словно оставленная чьей-то заботливой рукой. Все же смутное беспокойство грызло изнутри, хотя вокруг простирались мирные горы, а воздух сладко пах вечнозеленым сырым лесом.

И вдруг Джейми понял, в чем дело – котенок пропал. По груди и животу тянулись царапины: во время безумной скачки зверек отчаянно цеплялся за Джейми, но потом, должно быть, выскочил в распахнутый ворот и свалился с плеча. Джейми стал озираться, высматривая кота под кустами, но тщетно: слишком густо лежали тени, да и возвращались они другим путем.

– Ну, с богом, – перекрестился Джейми.

– Что такое? – встрепелась Клэр.

– Ничего.

В конце концов, это дикий кот, хоть и маленький. Выживет как-нибудь.

Гидеон волновался и выплясывал. Джейми понял, что слишком сильно натягивает поводья, и ослабил их. Отпустил и Клэр, которую сжимал чересчур крепко, и она глубоко вдохнула.

Сколько себя помнил, Джейми всегда возвращался домой с чувством назревающей опасности. После восстания он жил в пещере и в поместье наведывался лишь изредка, по темноте, не зная, что там его ждет. Многие горцы находили сгоревшие руины, а то и тела родных...

Нужно бы взять себя в руки и не придумывать всякие ужасы. Беда в том, что ему не надо ничего придумывать, – память сама услужливо подсказывала, *что* может произойти.

Конечно, в новом месте свои опасности. Кроме солдат-англичан есть мародеры: те, кому не хватило воли пустить корни, предпочли заниматься грабежом и разбоем. А еще индейцы. Дикие звери. И огонь.

Чета Багов вместе с Фергусом отправились раньше, чтобы по возвращении Клэр не пришлось ломать голову, как разместить всех прибывших. Чишолмы, Маклауды и Билли Аберфельд с женой и дочкой пока проживут в большом доме. Джейми велел миссис Баг все приготовить. На хороших лошадях и не обремененные детьми и поклажей, те должны были достигнуть Риджа еще два дня назад. Никто из них не вернулся сообщить о беде. И все же...

Клэр вдруг расслабилась (она, оказывается, тоже была натянута как струна) и положила руку ему на бедро.

– Все хорошо. Я чувствую запах печного дыма.

Джейми поднял голову, принюхиваясь. Она права – ветер отчетливо пах горелым гикори. То была не едкая вонь пожарища, а легкий горьковатый аромат, сулящий тепло и пищу. Наверняка миссис Баг готовит ужин.

Последний поворот – и они увидели выглядывающий из-за деревьев высокий дымоход и клубы дыма над крышей.

Дом на месте.

Джейми с облегчением выдохнул, теперь замечая и другие домашние запахи: душок навоза, ароматы копчений из сарая... Дыхание леса – сырой древесины, прелых листьев и мокрого камня – ласково тронуло его за щеку.

Выйдя из каштановой рощи, они очутились на большой поляне, где стоял дом, крепкий и аккуратный. Застекленные окна золотом блестели на солнце.

Бревенчатый дом был довольно простым: с белеными стенами и глиняной черепицей, но по сравнению с большинством грубых лачужек для поселенцев казался дворцом. Первая хижина, почерневшая, однако еще крепкая, стояла чуть ниже по склону, и из ее трубы тоже клубился дымок.

– Кто-то разжег очаг для Бри и Роджера, – заметила Клэр.

– Хорошо, – сказал Джейми и обнял ее за талию, а она довольно

мурлыкнула и заерзала у него на коленях.

Гидеон тоже приободрился, вытянул шею и заржал, обращаясь к двум лошадям, семенящим по загону. У забора стояла кобыла Клэр. Маленькая чертовка скалила зубы, будто посмеиваясь над ними. Издалека донесся громкий счастливый рев – Кларенс тоже радовался возвращению домой.

Скрипнула дверь, и на порог выскочила взволнованная миссис Баг. Джейми улыбнулся ей и подал Клэр руку, помогая спуститься с седла.

– Все чудесно, все славно, а вы-то сами как, сэр? – выпалила миссис Баг.

Она держала оловянную чашу и неотрывно полировала ее тряпкой, даже когда Джейми подошел поцеловать ее морщинистую щеку. Не дожидаясь ответа, она повернулась к Клэр и радостно ее чмокнула.

– Ой, до чего ж здорово, что вы, мадам, дома, и вы тоже, сэр, а ужин уже готов, так что волноваться вам не о чем, заходите, снимайте пыльные ботинки, а я пока pošлю Арчи за свежим пивом, и мы...

Непрерывно болтая, она подхватила Клэр под руку и поволокла в дом. Та бросила через плечо беспомощный взгляд, но Джейми только усмехнулся.

Гидеон нетерпеливо пихнул его под локоть.

– Да, да, – опомнился Джейми. – Идем уже, паршивец.

Клэр удалось сбежать от миссис Баг, лишь когда Джейми расседлал жеребца и кобылу, протер им шкуры и задал корм. По пути из конюшни он увидел, как Клэр, воровато оглядываясь, прошмыгивает в дверь, будто опасаясь погони.

Куда это она собралась? Клэр его не заметила: подобрав юбку, спешила за угол дома. Джейми с любопытством пошел вслед за ней.

А, медицинский кабинет она уже проверила, теперь захотела взглянуть, пока еще не совсем стемнело, в порядке ли садик... Женский силуэт вырисовывался на фоне закатного неба, и последние лучики солнца паутиной сверкали в волосах. Сейчас на грядках остались только самые стойкие травы да зимовавшие овощи вроде лука, репы и моркови. Впрочем, неважно: Клэр всегда обходила свои владения, даже если ее не было каких-то пару дней.

Джейми и сам успокаивался лишь после того, как заглянет в каждый сарай.

Поднявшийся к ночи ветер донес резкий запах от уборной: надо бы ею заняться. Впрочем, Джейми вспомнил о новых поселенцах и расслабился: пусть яму копают старшие мальчишки Чишолма.

Старую они с Иэном вырыли, когда только прибыли на Ридж. Господи,

сколько воды с тех пор утекло...

Задвинув боль от потери в дальний угол сознания, Джейми подошел к дереву, расстегнул штаны и облегчился. Увидь его сейчас Клэр, наверняка отпустила бы шуточку насчет собак, метящих территорию. «Еще чего», – мысленно возразил он. Просто зачем лишний раз тащиться вверх по склону в переполненную уборную? В конце концов, это его земля и ему решать, где можно отлить, а где нельзя...

Повернув голову, он увидел, что Клэр возвращается из огорода, неся в переднике морковь и репу. Ветер взметнул опавшие каштановые листья, и те закружились вокруг нее в танце, искрясь на свету.

Поддавшись внезапному порыву, Джейми зашел глубже в лес. Обычно он замечал лишь те растения, которые шли в пищу людям или скоту либо могли пригодиться в строительстве дома. Теперь же он пытался увидеть красоту леса.

Вот незрелый ячмень – зерна уложены в колос женской косой. Вот высохший до хрупкости сорняк, похожий на кружева носового платка. Ветка ели, непривычно зеленая и оставляющая на коже душистый сок. Охапка блестящих дубовых листьев, золотистых, коричневых и серых, так напоминающих о волосах Клэр. И яркий алый плющ.

Клэр, погруженная в свои мысли, шла, не замечая Джейми.

– Сорча^[25], – тихо позвал он, и она повернула голову, щурясь от солнца.

– Добро пожаловать домой.

Джейми протянул ей букетик из листьев и веток.

– О...

Клэр посмотрела на листья, и губы у нее задрожали – не то от смеха, не то от слез. Потом взяла букет, коснувшись руки Джейми холодными пальцами.

– Джейми, они чудесные...

Она привстала на цыпочки и поцеловала его теплыми и солеными губами. Ему захотелось большего, но она уже уходила в дом, прижимая к груди дурацкие листья так, будто они из золота.

Джейми чувствовал себя до глупого приятно.

– Сорча, – прошептал он. Странно даже, и почему он так ее называл?.. Джейми никогда не обращался к ней по-гэльски. Ему нравилось, что она англичанка, его саксоночка.

И все же в тот момент она была именно «Сорчей». На гэльском это имя означает «свет».

Джейми довольно выдохнул. Он вдруг понял, как ужасно изголодался:

и по пище, и по Клэр. Однако в дом все равно не спешил. Иногда и голод бывает сладким.

Раздался топот и голоса; наконец-то прибыли остальные. В считанные секунды вокруг возникла суетливо разгружающаяся толпа, взволнованные детские вопли перемежались усталыми окриками матерей и торопливыми приветствиями. Однако даже в этой суматохе Джейми двигался неспешно и спокойно.

Он был дома.

* * *

Уже совсем стемнело, когда удалось разместить всех прибывших, переловить детенышей Чишолма и отправить их на ужин, устроить и накормить животных. Джейми пошел вслед за Джефом Чишолмом к дому, но на секунду задержался во дворе.

Он стоял, лениво потирая руки от холода, и любовался помещьем. Добротный сарай, ровные навесы, огороженные загоны для скота, аккуратный частокол вокруг садика Клэр – от голодных оленей. Белый дом маячил в темноте, точно призрак, охраняющий горный хребет. Из его дверей и окон лился свет.

Почувствовав рядом движение, Джейми повернулся. Его дочь, поставив ведро с парным молоком на землю, тоже глядела на дом.

– Приятно вернуться, правда? – тихо спросила Брианна.

– Ага, – отозвался Джейми. – Еще как.

Они с улыбкой посмотрели друг на друга. Внезапно Брианна подалась вперед, заставила его развернуться к свету и нахмурила лоб.

– Что это? – Она стряхнула с плаща крошечный алый листик. – Па, тебе лучше сходить домой и хорошенько помыться. Ты весь в ядовитом плюще.

* * *

– Ты должна была мне сказать, саксоночка! – Джейми негодуя косился на стол в нашей спальне, куда я поставила стакан с его букетиком. Листики ядовитого плюща ярко горели даже в полумраке от очага. – И почему ты еще не выкинула эту дрянь? Нарочно надо мной издеваешься, да?

– Вовсе нет, – улыбнулась я, вешая фартук на крючок и расстегивая воротник платья. – Если бы я тебе сказала, ты бы сразу его выбросил. А это единственные цветы, которые ты мне дарил.

Он фыркнул и сел на кровать, чтобы снять чулки. От плаща, рубашки и платка он уже избавился, так что отблеск очага играл на широких плечах. Джейми почесал запястье, хотя я сказала, что покраснения нет, а зуд он себе придумал.

– У тебя никогда не было сыпи, – напомнила я, – а ты ведь не раз должен был попадать в заросли плюща. У тебя, наверное, иммунитет. Такое бывает.

– Как у вас с Бри? Поэтому вы и не болеете? – спросил Джейми.

Я сняла бледно-зеленое платье, заметно истрепавшееся за неделю в пути, и с облегчением распустила корсет. Потом проверила воду в кастрюльке, которую поставила в золу очага. Кого-то из новоприбывших мы отправили ночевать к Фергусу и Марсали или к Роджеру с Бри, и все же на кухне, в операционной и в кабинете Джейми нельзя было и шагу ступить от гостей. Я не хотела спать грязной, но мыться на глазах у всех тоже не стоило.

Вода понемногу грелась, крошечные пузырьки уже липли к бокам. Я попробовала ее пальцем, отлила немного в таз, а остальное поставила обратно, чтобы не остывала.

– У нас не полный иммунитет, – предупредила я. – Кое-какие болезни, вроде той же оспы, мне, Роджеру и Бри совсем не опасны; нам сделали прививку, а это на всю жизнь. Другие, например холера и тиф, скорее всего, тоже не страшны, однако прививка от них не дает постоянной защиты, со временем она слабеет.

Я принялась копаться в седельных сумках, которые Джейми свалил возле двери. На Сборе один из пациентов расплатился за лечение зуба настоящей губкой из Индии.

– А вот болезни вроде холеры – как у Лиззи...

– Я думал, ты ее вылечила, – хмуро перебил Джейми.

Я с сожалением покачала головой:

– Нет, бедняжке теперь от этой заразы не отделаться. Я могу лишь облегчить приступы, чтобы они были реже. Болезнь сидит у нее в крови.

Джейми стянул с волос ремешок и потрянул рыжей гривой.

– Ничего не понимаю. – Он встал, развязывая штаны. – Ты говорила, что если у человека была корь и он выжил, то болезнь больше не вернется, потому что осталась в крови. Именно поэтому я не могу заболеть оспой: потому что уже болел ею в детстве.

– Это немного другое, – запнувшись, пробормотала я. После целого дня на спине лошади мне не очень хотелось объяснять разницу между активным, пассивным и приобретенным иммунитетом или антителами и паразитарной инфекцией.

Я обмакнула губку в воду и отжала, наслаждаясь ее мягкой шелковистостью. Из пор вылились струйки мокрого песка, оседая на дне фарфорового таза. От воды губка размякла, но с одного края прощупывалось твердое место.

– Кстати, о лошадях...

– А мы что, о них говорили? – не на шутку всполошился Джейми.

– Нет, просто подумала, – недовольно отмахнулась я. – В любом случае, что ты собираешься делать с Гидеоном?

– А-а. – Джейми уронил штаны на пол и потянулся. – Ну, стрелять его я пока не буду, все-таки он парень неплохой. Наверное, сперва я его охолощу. Это укротит его нрав.

– Охлостишь? В смысле, кастрируешь? Радикальная мера. Хотя должно помочь... Хочешь, чтобы я этим занялась? – помедлив, неохотно добавила я.

Джеймс изумленно уставился на меня и громко захохотал.

– Нет, саксоночка, не думаю, что холостить жеребца – работа для женщины, пусть даже она хирург.

Что ж, приятно слышать. Я сдавила губку, и из большой поры вдруг выскочила розово-сиреневая ракушка.

– Взгляни-ка! – в восторге воскликнула я.

– Какая забавная штучка. – Джейми перегнулся через мое плечо, бережно трогая перламутровую спиральку большим пальцем. – Интересно, как она попала в губку?

– Наверное, губка нечаянно ее съела.

– Как это съела?

– Губки ведь живые, – пояснила я. – Точнее, состоят из одного желудка. Они всасывают воду и переваривают все, что попадает внутрь вместе с ней.

– Так вот почему Бри называет малыша губкой. Он тоже так делает.

При мысли о внуке Джейми улыбнулся.

– Да, именно.

Я села и спустила с плеч рубашку. В комнате горел очаг, но воздух еще не прогрелся, по груди и рукам побежали мурашки.

Джейми снял с ремня все, что на нем висело: пистолет, рожок с порохом, кинжал, – и сложил на столик. Затем поднял флягу и

выразительно выгнул бровь.

Я с энтузиазмом кивнула, и он принялся копаться в вещах в поисках чашки. Раз уж все комнаты были заняты, то наши седельные сумки, а еще свертки и коробки с товарами, купленными на Сборе, свалили прямо в спальне. Теперь на стенах от них плясали горбатые тени, отчего комната превратилась в каменистый грот.

Джейми и сам похож на губку, подумала я, глядя, как он голый, совершенно не стесняясь наготы, роется в вещах. Он принимал все, что попадалось ему на пути, каким бы чуждым или странным это ни было. Дикий жеребец, похищенный священник, служанка на выданье, упрямая дочка или зять-еретик – все, что он не мог изменить или одолеть хитростью, Джейми просто впитывал, как губка – ракушку.

А я, стало быть, та самая ракушка – выхваченная из привычной жизни сильным течением. Раз и навсегда застрявшая посреди чуждых потоков.

Сердце отчего-то кольнуло. Раковина неподвижно лежала на дне таза – изящная, красивая... и пустая. Я медленно поднесла губку к затылку. Теплая вода щекотно побежала по спине.

В общем-то, я ни о чем не жалела. Сама выбрала эту жизнь. И все же порой некоторые мелочи – например, сегодняшняя беседа об иммунитете – напоминали, как много я потеряла. Словно некую часть меня переварили, отчего иногда я чувствовала себя опустевшей.

Джейми наклонился, бесстыдно выставляя напоказ голые ягодички. Это зрелище вмиг развеяло грустные мысли. Зад у него был подтянутый, округлый, с золотисто-красным пушком, блестящим в свете очага. Между бледными ногами проглядывала мошонка.

Он наконец нашел чашку и наполнил ее до половины. Повернулся, чтобы вручить мне, – и удивленно наморщил лоб, заметив, как пристально я его разглядываю.

– Что такое? Что случилось, саксоночка?

– Ничего.

Видно, это прозвучало не слишком убедительно, потому что Джейми нахмурился.

– Ничего, – повторила я уже веселее. Взяла чашку и приподняла ее в знак благодарности. – Просто задумалась.

Он улыбнулся в ответ.

– Да? Не надо так много думать на ночь, саксоночка. Станут сниться кошмары.

– Пожалуй, ты прав. – Я пригубила содержимое чашки. Как ни странно, там оказалось вино, причем на удивление хорошее. – Ты где это

взял?

– Отец Кеннет дал. Это вино для церкви, но не освященное. Он сказал, пусть лучше мне достанется, чем отберут люди шерифа.

На лицо Джейми набежала легкая тень.

– Как думаешь, с ним все будет хорошо? – спросила я. Люди шерифа мало походили на слуг закона – скорее уж на головорезов, которых сдерживал лишь страх перед Джейми.

– Надеюсь. Я сказал шерифу, если со святым отцом что случится, он и его люди ответят.

Я молча кивнула, потягивая вино. Если Джейми узнает, что отца Донахью обидели, он и впрямь заставит шерифа дорого заплатить. На душе стало тревожно – не время сейчас наживать врагов, а шериф графства Ориндж обещает быть серьезным противником.

– Ты похорошела, саксоночка, – заметил вдруг Джейми, с невероятно довольным видом склоняя голову набок.

– Лстец.

Я наградила его холодным взглядом и снова взялась за губку.

– С весны ты, похоже, набрала целый стоун, – невозмутимо продолжил он, обходя меня кругом. – Нагуляла за лето жирок, да?

Я швырнула губку ему в голову.

Ухмыльнувшись, он легко ее поймал.

– Я и не замечал под этими тряпками, как ты поправилась, саксоночка. Я ведь не видел тебя голой уже целый месяц, если не больше.

Он разглядывал меня так, будто я серебряный призер на выставке свиней.

– Наслаждайся моментом, – посоветовала я, краснея с досады. – Теперь не скоро меня увидишь.

Я потянула сорочку вверх, прикрывая свою, пожалуй, и впрямь полноватую грудь.

Джейми удивленно приподнял брови.

– Саксоночка, ты же не сердишься?

– Нет, конечно. С чего ты взял?

Он улыбнулся, рассеянно проводя губкой по груди, а сам пожирая меня взглядом. Соски у него сморщились от холода, влажно мерцая среди рыжих завитков.

– Ты нравишься мне пухленькой, саксоночка. Сочная и аппетитная, как маленькая курочка.

Я бы подумала, что он хочет загладить вину, но обнаженные мужчины снабжены безотказным детектором лжи. Судя по всему, Джейми и впрямь

нравилось то, что он видит.

– О. – Я медленно отпустила сорочку. – Тогда ладно.

Замешкавшись на секунду, я уронила сорочку на пол и забрала у Джейми губку.

– Я... хм... пожалуй, продолжу мыться, хорошо? – пробормотала я и повернулась к нему спиной, ставя ногу на стул. Джейми одобряюще хмыкнул. Я улыбнулась про себя, но торопиться не стала. Воздух в спальне прогрелся, и когда я закончила купание, кожа у меня порозовела, только кончики пальцев все еще покалывало от холода.

Я обернулась. Джейми по-прежнему наблюдал за мной, с хмурым видом почесывая запястье.

– Ты купался? – спросила я. – Потому что, даже если тебе самому ядовитый плющ не страшен, он может попасть на все, что ты трогаешь, а у меня к нему иммунитета нет.

– Весь отдраился щелоком, – заверил он, в подтверждение кладя руки мне на плечи. От него и впрямь сильно пахло едким мылом, которое мы варили из сала и древесной золы, не для купания, а для мытья половиц или закопченных горшков. Неудивительно теперь, что Джейми чесался – мыло нещадно щипалось, попадая в ранки и царапины, щедро усеивающие его ладони.

Я поцеловала костяшки пальцев, потом нашла коробку, где хранила всякие мелочи, и достала баночку с бальзамом из орехового масла, пчелиного воска и ланолина из овечьей шерсти с добавлением ромашки, окопника, тысячелистника и бузины.

Я зачерпнула немного бальзама и растерла между ладонями. Твердый шарик расплавился и растекся по коже.

– Дай сюда, – велела я и, взяв одну его руку, принялась втирать мазь в складки на суставах. Джейми расслабился и позволил размять каждый палец, смазать каждую самую крошечную царапину и трещинку. На ладонях до сих пор пропечатывались следы поводьев.

– Красивый букетик, – кивнула я на пучок листьев в стакане. – Что это на тебя вдруг нашло?

Романтичный на свой лад, Джейми прежде всего радел за практичность. Он в жизни не делал мне легкомысленных подарков, а в растительности и вовсе не видел никакой пользы, если ее нельзя было съесть, добавить в сусло или пустить на целебный отвар.

– Да так. – Джейми смущенно отвел глаза. – Я... хотел подарить тебе одну вещь, но потерял. А потом ты похвалила букетик, который Роджер нарвал для Брианны, вот...

Он замолк, буркнув под нос что-то вроде «Ifriinn!»^[26].

Я сдержала смех и поцеловала его ободранные костяшки. Джейми в ответ очертил большим пальцем след моего полузажившего ожога, оставленного горячим чайником.

– Саксоночка, тебе тоже надо бы подлечиться.

Он зачерпнул зеленоватой мази и обхватил мою руку большими теплыми ладонями, скользкими от масла и пчелиного воска.

Пальцы Джейми вычерчивали большие медленные круги по ладони; хотелось закрыть глаза и тихо таять от удовольствия. Кажется, и я впрямь зажмурилась, потому что не заметила, как Джейми наклоняется, чтобы меня поцеловать, – только ощутила легкое прикосновение к губам.

Я лениво подняла другую руку, и Джейми обхватил ее, нежно поглаживая. Наши пальцы сплелись. Он стоял так близко, что меня окутывало его теплом и выгоревшие на солнце волоски щекотали мне бедро, когда он потянулся за мазью.

В очаге зашипел огонь – точно на берег хлынула приливная волна, а по беленым стенам заплясали водяной рябью отблески света. Мы словно очутились на дне моря.

– По правде говоря, Роджер рвал букетик вовсе не в подарок Брианне, – сказала я. – А может, и в подарок, как посмотреть.

Джейми удивленно наморщил лоб. Наши пальцы вновь сплелись, и я тихо выдохнула от удовольствия.

– То есть?

– Бри спрашивала, как предохраниться от беременности, и я рассказала о доступных здесь методах. Вообще-то, они не очень работают, но все лучше, чем ничего. Старая бабушка Бэкон дала мне семена, которыми пользуются индианки.

Сонное удовлетворение мигом с него слетело.

– Предохраниться от... Что? Она... хочешь сказать, эти сорняки...

– Ага. По крайней мере, я надеюсь, что они помогут избежать беременности.

– Хмм...

Между бровей у него залегла складка – скорее беспокойная, нежели неодобрительная. Какое-то время он деловито втирал мазь в кожу, словно полировал седло, а не ласкал руки любимой женщины. Я хотела уже отстраниться, когда Джейми наконец опомнился, мягко пожал мне пальцы, поцеловал их и возобновил нежный массаж.

– Ты полагаешь?.. – Он замолк.

– Что?

– Хмм... Саксоночка, а тебе не кажется это странным? Молодая женщина, которая только что вышла замуж, – и вдруг думает о таких вещах?

– Вовсе нет, – резковато ответила я. – На мой взгляд, это вполне разумно. И молодоженами их назвать трудно, ведь они... У них уже ребенок есть!

Джейми беззвучно выдохнул, раздувая ноздри.

– Это у нее есть ребенок. Об этом я и говорю, саксоночка. Не должна молодая женщина, которая нашла себе подходящего мужчину, первым делом думать о том, как бы от него не забеременеть. У них точно все хорошо?

– Все хорошо, – медленно проговорила я. – Не забывай, Бри из другого времени, когда женщина сама решает, заводить ей детей или нет. У нее есть такое право.

Джейми недовольно поджал губы – эта мысль не укладывалась в его картину мира.

– Вот как, значит, будет? Женщина скажет «хочу» или «не хочу», а мужчина тут и ни при чем?

Я прыснула со смеху.

– Не совсем. И не всегда. Просто это ведь по-разному случается. Порой по глупости или незнанию. А так женщинам, конечно же, не все равно, что думают их мужчины. Хотя в целом... Да, похоже, ты все-таки прав.

Он недовольно хмыкнул.

– Маккензи ведь тоже из того времени... Значит, ему это странным не кажется?

– Он сам собирал для нее травы, – напомнила я.

– Значит, не кажется...

Морщинка между бровями не разгладилась, но хмуриться он перестал.

Дело шло к ночи, и гул разговоров в доме понемногу стихал. Наступающую тишину вдруг пререзал детский плач. Мы оба встрепнулись. Затем из-за двери донеслись тихие увещевания матери.

– Кроме того, для молодой женщины в таких мыслях нет ничего странного. Марсали перед свадьбой тоже приходила ко мне и спрашивала.

– Неужели? А почему ты ей не сказала?

– Конечно, сказала!

– Выходит, твои способы не такие уж действенные? – криво усмехнулся Джейми: Жермен родился через десять месяцев после свадьбы. Второй раз Марсали забеременела сразу же, как только отняла его от груди.

Щеки у меня вспыхнули.

– Даже в мое время с пилюлями случались осечки. А Марсали не помог бы ни один способ, она ведь ими не пользуется!

Марсали подходила ко мне не потому, что не хотела детей, а потому, что переживала, как бы страх беременности не помешал ее близости к Фергусом. «Когда дойдет до дела, я хочу, чтобы мне понравилось» – так она сказала.

Видно, ей понравилось настолько, что о предохранении она просто-напросто забыла. Что же до Брианны, уверена, между ней и Роджером все ладно. Только все непросто...

Джейми вдруг выпутал одну руку из моей хватки и принялся поглаживать мне живот.

– О... – Я невольно сбилась с мысли.

– Ты говорила о пилюлях... Их для этого принимают?

– Ммм... Да.

– И ты не взяла их? Когда вернулась.

Я шумно выдохнула, начиная понемногу таять.

– Нет.

Джейми помолчал, лаская меня все ниже.

– Почему? – тихо спросил он.

– Я... ну... Их надо принимать постоянно, я столько бы взять не смогла. А чтобы на все время, есть одна операция. Довольно простая. Она делает человека... бесплодным.

Я сглотнула. Собираясь в прошлое, я и впрямь подумывала о рисках беременности. Шансов, конечно, было мало, учитывая мой возраст и предыдущий опыт, и все-таки...

Джейми замер, глядя на меня сверху вниз.

– Ради бога, Клэр... Скажи, что ты ее сделала.

Глубоко вздохнув, скользкими от мази пальцами я взялась за его руку.

– Джейми... Если бы сделала – сразу бы тебе сказала. – Я снова сглотнула комочек в горле. – Ты... ты бы этого хотел?

Он обхватил меня за талию и очень бережно привлек к себе.

Долгое время мы стояли в обнимку, молча и не двигаясь. Наконец он вздохнул.

– Мне хватит детей. У меня только одна жизнь – и она твоя, *mo chridhe*^[27].

Я погладила его по лицу. На нем залегли усталые морщины, щетина отросла – он не брился уже несколько дней.

Я думала об этом. И даже почти попросила знакомого хирурга сделать

операцию. Так говорил здравый смысл – зачем рисковать? К тому же не было никаких гарантий, что я переживу путешествие, что найду Джейми... А вероятность забеременеть в моем-то возрасте и вовсе до крошечного мала...

И все же, прожив столько времени вдали от него, я не могла взять и разрушить наш последний шанс. Не то чтобы я хотела ребенка. Но если бы нашла Джейми – и захотел он... Я бы рискнула.

Джейми негромко застонал, зарываясь носом в мои волосы. Мы всегда балансировали на грани риска и надежды: ложась с ним в постель, я вверяла ему свое тело, а он мне – душу.

– Я думала... Я думала, что Брианну ты никогда не увидишь. А о Вилли не знала. Было бы нечестно забрать у тебя возможность иметь детей – и не спросить при этом твоего мнения.

Ты кровь от моей крови, плоть от плоти. Так было и будет, неважно, есть у нас дети или нет.

– Я не хочу другого ребенка, – прошептал он. – Я хочу тебя.

Джейми поднял руку, словно бы против воли, и кончиком пальца мазнул по соску, оставляя зеленый след. Я обняла его, увлекая за собой на кровать, едва сообразив при этом затушить свечу.

– Не волнуйся за Бри, – прошептала я, когда он навис надо мной черным силуэтом. – Роджер сам собирал для нее травы. Он знает, чего ей хочется.

Джейми негромко хмыкнул – и застонал от удовольствия, скользнув в меня.

– Я тоже знаю, чего хочу, – пробормотал он мне на ухо. – И завтра соберу тебе еще один букетик.

* * *

Убаюканная усталостью, любовью и теплой мягкой кроватью, я спала как убитая.

Где-то к рассвету мне приснился туманный сон, одни лишь цвета и ощущения. Чьи-то маленькие руки перебирали мои волосы и гладили по лицу. Я перекатилась на бок, во сне мечтая покормить дитя. Крошечные пальцы защекотали грудь. Я прижала ребенка к себе – как вдруг меня укусили.

Я подпрыгнула и открыла глаза. По одеялу вихрем пронеслась серая тень. Увидев ее, я заорала во весь голос.

Джейми слетел с кровати и вскочил на ноги.

– Что случилось? – принялся он озиаться в поисках нападавших. – Кто здесь?

– Крыса!

Дрожащим пальцем я ткнула в щель между стеной и ножкой кровати, куда ускользнула серая гадина.

– А... – Он расслабился, сонно потирая лицо и ероша волосы. – Крыса, значит?

– Крыса в нашей постели! – Я не собиралась спокойно это терпеть. – Она меня укусила!

Я осмотрела пострадавшую грудь. Крови не было, зато была парочка царапин, которые нещадно саднили. Все внутри заledenело при мысли о бешенстве.

– Успокойся, саксоночка. Я разберусь.

Джейми взял кочергу и решительно направился к изножью. Кровать была из цельных досок, между ней и стеной оставалось каких-то пару дюймов. Крыса попала там в ловушку, если не успела сбежать, пока мы с Джейми выпутывались из одеял.

Я встала на колени, готовая удрать при малейшей опасности. Джейми перехватил кочергу поудобнее и поднял свисающий конец покрывала. Потом замахнулся хорошенько, но в самый последний момент отвел удар, громыхнув кочергой по стене.

– Что такое? – спросила я.

Не отвечая, он наклонился, щурясь в тусклом свете, и вдруг захохотал. Отбросил кочергу, присел на корточки и медленно просунул руку в щель, бормоча что-то сквозь зубы.

– Ты что, разговариваешь с крысой?

Я подползла поближе, но он покачал головой, останавливая меня, и, должно быть, что-то схватил, потому что довольно хмыкнул.

Джейми выпрямился, держа за шкурку серый пушистый комочек.

– Вот, саксоночка, твоя крыса.

Он осторожно уложил зверька на одеяло. На меня, не мигая, уставились огромные зеленые глаза.

– Господи... Ты откуда взялся?

Я медленно протянула к котенку руку и погладила крошечную головку. Тот зажмурился и принялся тереться о мои пальцы. Комнату наполнило удивительно громкое урчание.

– Вот подарок, который я хотел тебе преподнести, саксоночка, – заявил ужасно довольный собой Джейми. – Он разгонит грызунов в медицинском

кабинете.

– Разве что самых мелких. – Я скептически разглядывала свое приобретение. – С ним ведь... это же мальчик да?.. с ним любой таракан справится, не говоря уж о мыши.

– Вырастет, – заверил Джейми. – Взгляни на лапы.

Котенок – это и впрямь был парень – перекатился на спину и, точно жук, задрогал лапками. Каждая была размером с монетку, но по сравнению с крохотным тельцем казалась просто огромной. Я пощекотала розовые подушечки, проглядывающие из серой шерсти.

Кто-то сдержанно постучал, и я поспешно прикрылась простыней. В спальню заглянул лохматый и взъерошенный мистер Уэмисс.

– Э... Все хорошо, сэр? – поинтересовался он, близоруко моргая. – Дочка разбудила, сказала, крики какие-то, а потом мы услышали стук.

Он торопливо отвел от меня глаза, уставившись на выбоину в белой стене.

– Все хорошо, – успокоил его Джейми. – Просто ловили котенка.

– Правда? – Джозеф расплылся в улыбке, увидев на кровати серый комочек. – Cheetie^[28], да? Что ж, на кухне ему будут рады.

– А то. Кстати, о кухне. Джозеф, отправьте девочку, пусть принесет киске немного сливок, хорошо?

Тот кивнул и исчез.

Джейми потянулся и зевнул, еще сильнее растрепывая руками волосы. Я окинула его придиричивым взглядом.

– Ты похож на мамонта.

– Да? А кто такой мамонт?

– Доисторический слон – ну, ты знаешь, животное с длинным хоботом.

Он покосился вниз и выразительно приподнял бровь.

– Что ж, спасибо за комплимент, саксоночка. Мамонт, значит, да?

Он снова вскинул руки и от души потянулся, прогибаясь в спине, тем самым невольно усиливая сходство между некоей частью мужской анатомии и слоновьим носом.

Я захохотала.

– Я не совсем это имела в виду. Хватит бахвалиться, сейчас Лиззи придет. Или надевай штаны, или возвращайся в кровать.

В коридоре раздались шаги, и Джейми нырнул в постель, спугнув котенка, который ринулся прочь, цепляясь коготками за простыню. Сливки принес сам мистер Уэмисс – решил избавить дочку от лицезрения обнаженного горца.

Погода была хорошей, ставни на ночь оставили открытыми. Теперь в

них заглядывало небо цвета свежих устриц: влажное и жемчужно-серое. Мистер Уэмисс покосился в окно, моргнул, кивком ответил на благодарность Джейми и поплелся обратно в постель, намереваясь подремать еще полчаса до рассвета.

Я выпутала котенка из моих волос, где он укрылся, и поставила перед миской со сливками. Вряд ли он хоть раз их видел, но запах взял свое, и котенок сунул в миску усы.

– Вот это чавкает! – одобрительно заметил Джейми. – Я отсюда слышу.

– Чудесный котенок. Ты где его взял?

Я устроилась рядышком с Джейми, наслаждаясь его теплом. Огонь за ночь прогорел, в комнате было свежо и горько пахло золой.

– В лесу нашел. – Джейми широко зевнул и пристроил голову мне на плечо, наблюдая за котенком, предающимся греху чревоугодия. – Думал, что потерял, когда Гидеон понес. А он, наверное, залез в седельную сумку.

Мы сонно блаженствовали, обнимаясь в теплом коконе постели, а небо за окном понемногу светлело. Одна за другой пробуждались птицы, а вместе с ними и дом – снизу донесся детский плач, потом шаги и ропот голосов. Надо было вставать – предстояло немало дел, но мы не двигались с места, не желая покидать тихое убежище.

Джейми вздохнул, обдавая горячим дыханием мое плечо.

– Неделя осталась, – пробормотал он.

– До твоего отъезда?

– Угу. Как раз успею здесь все наладить и поговорить с мужчинами из Риджа. Потом еще неделя, чтобы проехать от границы до Дранкард-Крик и собрать людей. Если Трион объявит мобилизацию...

– Если объявит, я поеду с вами.

Джейми поцеловал меня в шею.

– Вряд ли. Ведь вы с Бри не слышали о боевых действиях в здешних местах.

– Значит, крупных стычек не было. Колонии огромны, Джейми. За двести лет мы могли просто забыть о мелких битвах, особенно если те происходили на другом конце страны. А в Бостоне сейчас...

Я вздохнула. Я и о Бостоне знала немного, однако Бри там выросла, и в школе им неплохо преподавали местную историю. Дочь рассказывала нам о Бостонской бойне – уличной стычке между горожанами и английскими солдатами, которая случилась в прошлом марте.

– Да, возможно, – согласился Джейми. – И все же не думаю, что нас ждет война. Скорее всего, Трион лишь хочет припугнуть регуляторов.

Возможно, так и будет. Однако я помнила старую поговорку: «Человек

предполагает, а Бог располагает», и от кого бы ни зависели грядущие события – от Бога ли, от губернатора, – одним лишь небесам ведомо, что нас ждет.

– Ты правда так думаешь? Или просто надеешься?

– И то, и другое. Хотя больше надеюсь. И молюсь. Но все равно верю, что обойдется.

Котенок тем временем опустошил блюдо, шумно шлепнулся на зад, слизал с мордочки последние капли и вразвалку, покачивая округлившимися боками, побрел к кровати. Запрыгнул, примостился у меня под боком и заснул.

Точнее, задремал – я даже сквозь одеяло чувствовала, как он мурлычет.

– И как мне его назвать? – задумалась я, поигрывая с кончиком пушистого хвоста. – Пятнышко? Пушок? Тучка?

– Что за дурацкие клички, – лениво отозвался Джейми, не страдая толерантностью. – Это ты в Бостоне так называла котят?

– Нет. У меня раньше не было кошек, – призналась я. – У Фрэнка была аллергия, он от них чихал. А как шотландцы называют кошек? Диармайд? Макгилливри?

Джейми фыркнул и расхохотался.

– Адсо, – уверенно сказал он. – Назови его Адсо.

– Это что за кличка такая? – поразила я. – Впервые слышу это слово.

Джейми пристроил подбородок мне на плечо, глядя на спящего котенка.

– У моей мамы был кот по кличке Адсо. Серый чертенок, очень похожий на этого.

– Правда?

Джейми редко говорил о матери, та умерла, когда ему было восемь.

– Ага. Тот еще мышелов и мать обожал, а нас, детей, терпеть не мог. – Джейми улыбнулся. – Наверное, потому, что Дженни наряжала его в платьица и кормила сухарями, а я однажды кинул в мельничный пруд – хотел проверить, умеет ли он плавать. Умел, кстати, – добавил Джейми. – Только не любил.

– Кажется, я его понимаю. И все-таки, почему Адсо? В честь какого-то святого?

Кельтских святых порой звали очень странно: например, Онху или Дарлугдаха. Но о святом Адсо я слышала впервые. Какой-нибудь покровитель мышей?

– Не святого, – поправил Джейми. – Монаха. Мать, как ты знаешь, получила хорошее образование, она училась в Леохе с Колумом и Дугалом,

умела читать на греческом и латыни, немного на иврите, а еще на французском и немецком. В Лаллиброхе, конечно, библиотека была маленькой, но отец старался выписывать для нее книги из Эдинбурга и Парижа.

Джейми почесал коту полупрозрачное ухо, и тот смешно дернул усами, прищурился, будто собираясь чихнуть, однако глаз так и не открыл. Мурлыканье притихло.

– Одну из ее любимых книг написал австриец, Адсо из Мелька. И она решила, что его имя отлично подходит для кота.

– Почему?

– Потому что Мельк... – Джейми выразительно кивнул на опустевшее блюдо, – ...значит «молоко».

Котенок приоткрыл зеленый глаз, будто бы отзываясь на кличку, и замурлыкал с новой силой.

– Что ж, раз он не против, я – тем более. Пусть будет Адсо.

Глава 19. Меньшее зло

Неделю спустя мы – то есть женщины – гнули спины над стиркой, как вдруг Кларенс зычно объявил о чьем-то визите. Маленькая миссис Аберфельд подпрыгнула, будто ужаленная пчелой, и уронила мокрые рубашки на землю. Миссис Баг и миссис Чишолм дружно открыли рты, собираясь ее отчитать, а я воспользовалась моментом, чтобы улизнуть: вытерла руки о фартук и поспешила во двор встречать гостей.

Как раз вовремя: из кустов показался гнедой мул, вслед за ним – толстая кобыла на поводу. Мул встряхнул ушами и радостно поздоровался с Кларенсом. Я поспешно зажала уши и прищурилась, разглядывая в слепящем солнечном свете всадника.

– Мистер Хазбенд!

– Миссис Фрейзер, доброго вам дня!

Эрмон Хазбенд снял черную фетровую шляпу, коротко кивнул мне и спешил, с громким стоном разгибая спину. Под бородой беззвучно шевельнулись губы. Он был квакером и избегал крепких выражений, по крайней мере вслух.

– Ваш супруг дома, миссис Фрейзер?

– Только что видела, как он идет в конюшню. Сейчас найду его, – крикнула я, перекрывая рев мулов, взяла у гостя шляпу и махнула в сторону дома. – Идите, я позабочусь о ваших лошадях.

Он поблагодарил и, хромя, направился к кухонной двери. Со спины я видела, что Хазбенд почти не опирается на левую ногу. Шляпа у меня в руке была в пыли и грязи, а еще от него несло немытым телом и потной одеждой. Значит, в седле он провел не только сегодняшний день, но и как минимум всю неделю, а спал под открытым небом.

Я расседлала мула и сняла две седельные сумки, набитые скверно пропечатанными памфлетами с жуткими иллюстрациями. Одна из картинок показалась весьма любопытной: гравюра изображала горящих праведным гневом регуляторов, противостоящих кучке чиновников, среди которых заметно выделялся приземистый силуэт Дэвида Анструтера. Подписи не было, но художнику на удивление тонко удалось передать сходство шерифа с ядовитой жабой. Интересно, с какой стати Хазбенд развозит эти чертовы листовки?

Животных я загнала в загон, шляпу и сумки сложила на крыльце, а сама поднялась на холм к конюшне – небольшой пещере, огороженной

частоколом. Бри называла ее родильным отделением: обычно мы там держали тельных коров или жеребых лошадей.

Что же привело в наши земли Эрмона Хазбенда... и нет ли за ним погони? До его фермы отсюда ехать дня два – не самый близкий путь для увеселительной прогулки.

Хазбенд был одним из лидеров регуляторов и неоднократно попадал в тюрьму за свои разоблачительные брошюры. Последний раз я о нем слышала, когда его изгнали из местной общины квакеров, – те сочли, что он подстрекает людей к насилию. Судя по памфлетам, опасения были не напрасны...

Из приоткрытой двери конюшни доносились терпкие запахи соломы, скота и навоза вперемешку с крепкими ругательствами. Джейми квакером не был и сквернословить не стеснялся, хотя на гэльском эти выражения звучали весьма поэтично.

Нынешнюю реплику я перевела для себя примерно как «чтоб кишки перепутались змеями, и брюхо лопнуло! Да падет на тебя, отродье навозных мух, проклятье ворон!» И так далее в том же духе.

– Ты с кем разговариваешь? – удивленно заглянула я внутрь. – И что за проклятье ворон?

Я прищурилась, вглядываясь в темноту, но увидела лишь силуэт Джейми возле белеющей в углу копны соломы. Он повернулся ко мне и вышел на свет, приглаживая руками выбившиеся из-под ремешка волосы.

– *Tha nighean na galladh torrach!* – хмуро объявил он, тыча пальцем себе за спину.

– *Белая сукина дочь...* – недоуменно перевела я. – О, чертова свинья опять сбежала?

Наша свиноматка – создание крайне коварное и свободолюбивое. Она уже дважды сбежала из загона: в первый раз кинулась на Лиззи (той, к счастью, хватило ума отпрыгнуть с ее пути и закричать), а во второй вырыла себе яму возле стены, легла в засаде, дождалась, когда ворота откроют, и сбила меня с ног. Сегодня она столь грандиозных планов не строила – просто выбила доску и прокопала под частоколом лаз... Прямотаки побег из нацистского лагеря!

– А то. – Джейми, несколько успокоившись, вновь перешел на английский. – Что до проклятья ворон, то оно бывает разным. Например, ты желаешь кому-нибудь, чтобы птицы налетели на его посевы и сожрали зерно. Я вот хотел, чтобы они выклевали этой твари глаза.

– Да, тогда, наверное, было бы легче ее ловить, – вздохнула я. – Как скоро она должна опороситься?

– День, может, два или три. Если это произойдет в лесу и ее вместе с поросятами сожрут волки, так ей и надо. – Он пнул кучку земли возле лаза, бросая комок глины в темную дыру. – Кто-то приехал? Я слышал Кларенса.

– Эрмон Хазбенд.

Джейми резко повернулся, мигом позабыв о свинье.

– Хазбенд? – переспросил он тихо, словно про себя. – С чего бы?

– Не знаю. Но он не первый день в седле – наверное, памфлеты развозит.

Мне пришлось почти бежать, так стремительно Джейми спускался по склону, на ходу завязывая волосы. Догнав мужа, я стряхнула у него с плеч соломинки.

Небрежно кивнув миссис Чизхолм и миссис Маклауд, которые палками выуживали дымящееся белье из чана и развешивали на кустах, Джейми направился в дом. Под двумя осуждающими взглядами я последовала за ним, старательно делая вид, что у меня есть занятие поважнее стирки.

О Хазбенде уже позаботились – возле него лежал на тарелке хлеб с маслом и стояла полупустая кружка пахты. Сам Хазбенд, опустив голову на сложенные руки, крепко спал. Рядом крутился Адсо, приглядываясь к густым седым бакенбардам, дрожащим от храпа. Котенок зачарованно протянул к ним лапку, но Джейми за шкуру сгреб его со стола и сунул мне.

– Мистер Хазбенд, – тихо позвал Джейми, наклоняясь над столом. – Сэр...

Тот фыркнул, заморгал и резко сел, чудом не опрокинув кружку с пахтой. Уставился на меня, словно припоминая, где это он, затем опомнился и привстал, кивая Джейми.

– Друг Фрейзер! Прощу прощения, я...

Джейми отмахнулся и сел напротив, небрежно беря с тарелки второй кусок хлеба.

– Вы чего-то хотели, мистер Хазбенд?

Тот с силой потер лицо, что, конечно, красоты ему не добавило, зато позволило проснуться. Здесь, в полумраке кухни, он выглядел еще хуже: под красными глазами проступали мешки, седые волосы и борода сбились в колтуны. Хазбенду было немногим за пятьдесят, но казался он лет на десять старше.

– Благодарю за гостеприимство, миссис Фрейзер. И вас также, мистер Фрейзер. Я хотел бы попросить об одной услуге, если не затруднит.

– Чем могу помочь? – вежливо отозвался Джейми и, вопросительно

приподняв брови, откусил от хлеба.

– Вы не могли бы купить мою лошадь?

Джейми продолжал задумчиво жевать.

– Зачем?

Разумный вопрос. Лошадь гораздо проще продать в Салеме или Хай-Пойнте, раз уж ему не хочется ехать в Кросс-Крик. Человек в здравом рассудке не потащится в такую глушь, как Ридж. Я спустила котенка на пол и села рядом с Джейми.

– Слышал, вас назначили полковником милиции.

– Виноват. – Джейми взмахнул кусочком хлеба и криво усмехнулся. – Вы же не думаете, что правительство дало мне денег на содержание полка?

Гость приподнял уголок рта в знак того, что оценил шутку. Полковник должен сам обеспечивать своих людей, надеясь в будущем получить компенсацию от Ассамблеи: именно поэтому должность не считалась почетной и ею «одаряли» лишь самых состоятельных граждан.

– Если б так, я был бы рад помочь.

Джейми приглашающе указал на тарелку, и Хазбенд взял другой кусок хлеба. Он долго жевал его, глядя на Джейми из-под седоватых бровей, и наконец покачал головой.

– Нет, друг Фрейзер. Я должен распродать свой скот, чтобы заплатить штраф. Иначе у меня отберут имущество. В таком случае мне с семьей придется покинуть колонии. В общем, надо продать все, что могу, и за любую цену.

Джейми нахмурился.

– Ясно... Я бы помог вам, Эрмон, надеюсь, вы понимаете. Но, боюсь, у меня наличных наберется не больше двух шиллингов, нет даже бумажных векселей, не говоря уж о серебре. Если я могу еще что сделать...

Хазбенд улыбнулся.

– Да, друг Джеймс. Ваш совет и поддержка будут бесценны. Что до остального...

Он поднялся и достал из наплечной сумки письмо со знакомой восковой печатью. В груди тревожно похолодело.

– В Пампкин-Тауне я встретил гонца, – пояснил Хазбенд, пока Джейми ломал печать. – И предложил сам передать вам письмо, раз уж собирался сюда.

Джейми кивнул, внимательно читая послание. Я подвинулась ближе, заглядывая ему через плечо.

22 ноября 1770 года.

Полковнику Джеймсу Фрейзеру.

По последним известиям, возле Солсбери собрались лица, именующие себя регуляторами. Я отправил распоряжение генералу Уодделу разогнать это незаконное собрание силами милиции. Приказываю вам собрать годных к службе мужчин и явиться в Солсбери, чтобы до 15 декабря вступить в войска генерала. С собой надлежит иметь запас провианта в достаточном количестве, чтобы обеспечить ваших людей на протяжении двух недель.

Ваш покорный слуга,

Уильям Трион.

В комнате повисла тишина, только потрескивали угли в очаге. Снаружи доносились женские голоса, в окно залетал запах щелочного мыла, смешиваясь с ароматами тушеного мяса и дрожжевого теста.

Джейми перевел взгляд на Хазбенда.

– Знаете, о чем письмо?

Квакер устало кивнул.

– Гонец рассказал. Губернатор не пытается делать из этого тайну.

Джейми согласно хмыкнул и посмотрел на меня. Да уж, губернатор секретничать не станет. Чем больше людей знает, что Уоддел направляется в Солсбери с отрядом милиции, тем лучше. Особенно если известна конкретная дата. Мудрый полководец предпочитает запугивать противника, а не сражаться с ним, тем более что официального войска у Триона нет, а значит, главное его оружие – это осмотрительность.

– Так что думают регуляторы? – спросила я Хазбенда. – Что они намереваются делать?

Тот испуганно вздрогнул.

– Делать?

– Ваши люди ведь собрались там не просто так, – заметил Джейми.

Хазбенд не стал спорить.

– Конечно, – с достоинством выпрямил он спину. – Хотя вы ошибаетесь, это не мои люди, если не считать того, что все люди – братья. Что же до их цели, они хотят выразить протест против злоупотребления властью. Против введения незаконных налогов, изъятия земель...

Джейми нетерпеливо взмахнул рукой.

– Да, Эрмон, я все это слышал. И ваши памфлеты читал. Вы сами-то

чего хотите?

Квакер безмолвно приподнял густые брови.

– Трион не скрывает своих планов. А вы – скрываете. И в конечном счете они разнятся с интересами регуляторов, так ведь?

Джейми смотрел на Хазбенда, потирая пальцем длинный нос. Тот почесал подбородок.

– Вы о том, что я привез письмо, хотя мог бы его придержать?

– Именно.

Хазбенд глубоко вздохнул и потянулся, громко хрустнув суставами.

– Даже если забыть о том, что я думаю о подобном поступке, друг Джеймс... Я ведь уже говорил, как много для меня значит ваша дружба?

– И для меня тоже, – улыбнулся Джейми краешками губ.

– Предположим, генерал Уоддел выступит против регуляторов. Как думаете, с кем им лучше столкнуться: с враждебно настроенными незнакомцами или своими приятелями-соседями?

– Из двух зол выбирают меньшее... И я, выходит, меньшее зло. Понятно.

– Именно так, друг Джеймс. Я последние десять дней провел в седле, ездил по всем западным колониям, пытаюсь распродать имущество. Регуляторы не представляют угрозы, мы не желаем разрушений, мы хотим лишь, чтобы наши жалобы услышали. В Солсбери соберутся те, кто пострадал от властей, мы надеемся привлечь внимание к вопросам, которые важны для всех. Хотя симпатий тех, кто далек от наших проблем, мы не ждем.

Джейми перестал улыбаться.

– Мои симпатии на вашей стороне, Эрмон. Дело в том, что я... я полковник милиции. И выполню свой долг, по душе он мне или нет.

Хазбенд отмахнулся.

– Я не прошу забыть о долге. Хотя приехал с просьбой. У меня жена, дети... Если им придется спешно уезжать...

– Отправляйте их сюда. Здесь они будут в безопасности.

Хазбенд уронил плечи, зажмурился и вздохнул. Потом открыл глаза и положил руки на стол, собираясь подняться.

– Благодарю. Что до кобылы – оставьте пока себе. Если моей семье она понадобится, я за ней пришлю. Если нет... пусть лучше будет у вас, чем достанется какому-нибудь продажному шерифу.

Я почувствовала, что Джейми хочет возразить, и предупреждающе положила руку ему на колено. Эрмону Хазбенду сейчас больше нужна поддержка, нежели кобыла, которую он не в силах прокормить.

– Мы позаботимся о ней, – сказала я с улыбкой. – И о ваших близких, если придется. Как ее зовут, кстати?

– Кобылу? – Хермон встал на ноги и вдруг задорно усмехнулся. – Ее зовут Джеруша, хотя моя жена называет ее Миссис Свинка. Боюсь, аппетит у нее чрезмерный, – смущенно добавил он для Джейми, который при слове «свинка» ощутимо напрягся.

– Пустяки. – Джейми, видно, с большим трудом отогнал мысли о свинье и встал, глядя в окно: лучи послеполуденного солнца заливали золотом подоконник и пол. – Уже темнеет, Эрмон. Может, переночуете у нас?

Тот покачал головой и наклонился за сумкой.

– Нет, друг Джеймс, благодарю. Мне еще много куда надо успеть.

Я настояла, чтобы он подождал, пока ему соберут еды в дорогу. Джейми тем временем седлал мула. Я слышала, как они переговариваются во дворе, хотя голоса звучали так тихо, что я не разобрала ни слова, только самую последнюю фразу, когда вынесла сверток с сэндвичами и бутылку пива. Джейми как раз напористо спросил: «Эрмон, вы уверены, что это разумный поступок? И что иначе нельзя?»

Тот ответил не сразу. Забрал у меня сверток, благодарно кивнул. Потом, держа мула на поводу, все-таки повернулся к Джейми.

– Я частенько вспоминаю о Джеймсе Нейлере. Слышали о нем?

Мы с Джейми недоуменно переглянулись, и Эрмон улыбнулся в бороду.

– Он был членом Общества Друзей, одним из первых, кто присоединился к Джорджу Фоксу. Человек твердой веры, хотя и не без некоторой... экстравагантности. Однажды Джеймс Нейлер побежал голым по снегу, крича о падении города Бристоля. Джордж Фокс спросил его: «Уверен ли ты, что Господь желал подобного поступка?»

Эрмон нахлобучил шляпу, улыбаясь еще шире.

– А тот ответил: «Да, уверен». Вот и я уверен, друг Джеймс. Храни Господь тебя и твою семью.

Глава 20. Уроки стрельбы

Терзаемая чувством вины, Брианна оглянулась. Дом давно исчез в желтом море каштановых листьев, но плач ребенка до сих пор стоял в ушах.

Роджер проследил за ее взглядом и нахмурился.

– Не переживай, милая. Ты же знаешь, твоя мать и Лиззи о нем позаботятся.

– Лиззи совсем его избалует, – согласилась она, но на сердце все равно было тяжело. Лиззи не спускала Джемми с рук, играла с ним, кормила рисовым пудингом с патокой... Брианну вдруг накрыл ужасный приступ ревности, ей стала ненавистна одна лишь мысль, что Лиззи будет трогать розовые пальчики Джемми и играть с ним в «Десять маленьких поросят».

Брианна не любила оставлять сына, пусть даже на время. В голове до сих пор звенели его панические крики, во сто крат усиленные воображением, а перед глазами так и застыло личико, искаженное гневом и болью предательства.

В то же время ей надо было уйти. Она не могла дожидаться момента, когда оторвет от себя липкие детские пальчики и перелетным гусем умчится в утреннюю даль.

Наверное, отсюда и чувство вины – в глубине души Брианне *хотелось* уйти и бросить сына.

– Я не сомневаюсь, что все будет хорошо, – сказала она скорее для себя, чем для Роджера. – Просто... Я никогда так надолго его не оставляла.

– Угу, – сочувственно пробурчал Роджер. Однако, судя по лицу, он явно думал, что ребенка надо оставлять почаще.

Брианна вспыхнула от гнева, но вовремя прикусила язык. Роджер ведь ничего не сказал. Она проглотила колкую фразу и улыбнулась.

– Хороший сегодня денек, правда?

Зеленые глаза разом потеплели, приобретая оттенок сочного мха, ковром пружинившего под ногами.

– Еще какой. Приятно погулять на свежем воздухе, правда?

Прозвучало это немного двусмысленно. Брианна не стала отвечать, просто кивнула и запрокинула голову, подставляя лицо блуждающему ветру, заблудившемуся в елях и пихтах. Неожиданно их окутало вихрем ржавых осиновых листьев.

– Постой-ка.

Повинуясь внезапному желанию, Брианна сбросила кожаные башмаки с чулками и затолкала в сумку на плече. Встала и закрыла глаза, шевеля пальцами босых ног во влажном мху.

– Роджер, только попробуй! Так здорово!

Он заломил бровь, но все-таки опустил ружье (Брианна позволила нести оружие Роджеру, хотя то и дело порывалась его отобрать), снял ботинки, осторожно ступил одной ногой на мох – и невольно зажмурился, округляя рот в беззвучном «Оох!».

Брианна порывисто подалась ближе и поцеловала его. Он изумленно распахнул глаза, потом обхватил ее за талию и стал целовать в ответ. День для поздней осени выдался на удивление теплым, Роджер не надел пальто; сквозь материал рубашки ощущалась твердая грудь.

Бог знает, что случилось бы дальше, но тут ветер сменил направление. Из моря желтой листвы донесся слабый крик. Может, это вовсе был не ребенок, просто ворона каркнула вдалеке, однако Брианна стрелкой компаса немедленно развернулась на звук.

Настроение пропало, и Роджер отступил на шаг.

– Хочешь вернуться? – безропотно спросил он.

Она поджала губы и мотнула головой.

– Нет. Только давай отойдем подальше. А то нас услышат. В смысле, выстрелы.

Роджер усмехнулся, и Брианна вспыхнула. Она не могла притворяться, будто не понимает, что у сегодняшней прогулки есть и иная цель.

– Конечно. – Роджер наклонился за ботинками. – Пошли.

Обуваться Брианна не стала, но ружье забрала. Не то чтобы она не доверяла Роджеру (хотя он признался, что из такого прежде не стрелял). Просто с ружьем, пусть даже незаряженным, ей было безопаснее. Длинный пехотный мушкет весил добрых фунтов десять, зато полированный приклад удобно лежал в руке, а стальной ствол приятно оттягивал плечо.

– Так и пойдешь босиком?

Роджер неодобрительно посмотрел на ее ноги и перевел взгляд на горный склон, заросший кустами колючей ежевики и усыпанный валежником.

– Только немного, – заверила Брианна. – Я с детства привыкла ходить босиком. Папа – Фрэнк – каждое лето возил нас в горы, в Уайт-Маунтинс или Адирондак. За пару дней ноги у меня грубели так, что я могла по горящим угольям ходить.

– Ага, у меня тоже, – усмехнулся Роджер и снова сбросил ботинки. – Правда, гулять по берегам Несса или галечному пляжу Ферт-оф-Форт

проще, чем по этим булыжникам.

Он кивком указал на тропинку, прятavшуюся под обломками гранитных скал.

– Кстати... – Брианна хмуро опустила взгляд. – Ты давно делал прививку от столбняка? Вдруг наступишь на что-нибудь острое?

– Прежде чем пройти сквозь камни, я сделал все прививки, какие только можно, – заверил Роджер. – От тифа, холеры, лихорадки денге... Думаю, в этом списке был и столбняк.

– Денге? Я тоже позаботилась о прививках, но о тропической лихорадке не подумала... – Зарываясь пальцами в сухую траву, Брианна догнала его несколькими широкими шагами. – К чему ее бояться здесь или в Шотландии?

Тропинка вилась по крутому берегу и исчезала под навесом черно-зеленой тсуги. Роджер приподнял тяжелые ветви, и Брианна нырнула в душистый сумрак.

– Я же не знал, куда попаду. – Голос Роджера звучал здесь приглушенно. – Вдруг в какой-нибудь портовый город или Вест-Индию, где раньше было... где сейчас, – поправился он, – немало заразы, которая разносится на невольничьих судах.

Брианна не ответила, сделав вид, что отвлеклась на дорогу. Однако в душе стало тревожно от того, насколько серьезно Роджер готовился к ее поискам... А еще эта мысль до неприличия обрадовала.

Земля вся была усыпана иголками, такими мокрыми, что они даже не хрустели под ногами, лишь приятно пересыпались и пружинили.

– Ай!

Роджеру не повезло – он поскользнулся на гнилой хурме и едва не упал, чудом ухватившись за куст падуба, который в отместку исколол его острыми листьями.

– Черт... – пробормотал он, слизывая с пальца каплю крови. – Хорошо, что я привит от столбняка, правда?

Брианна рассмеялась, но на сердце вдруг стало тяжело. А как же Джемми? Он ведь скоро начнет ходить и босиком лазить по горам... Мальчишки Маклауда и Чишолма – не говоря уж о Жермене – постоянно были в синяках и царапинах, с ними каждую неделю что-то случалось. Или вот болезни... Ей с Роджером брюшной тиф или дифтерия не страшны, однако у Джемми такой защиты нет...

Она сглотнула, вспоминая вчерашний вечер. Этот дьявольский жеребец все-таки цапнул отца, и Клэр, усадив его перед очагом, заставила снять рубашку и стала перевязывать рану. Джемми с любопытством

высунул голову из колыбельки, и дед взял его на руки.

– *Цоки цок, цоки цок!* – напевал он, легонько подбрасывая на коленях счастливого малыша. – *А по нашей злобной кляче... скоки скок, скоки скок... нож мясницкий давно плачет!..*

В голове у Брианны засела не милая песенка. Нет, ее поразили резкий контраст между полупрозрачной нетронутой кожей ребенка и блестящей паутиной шрамов по всей спине отца вкупе с кроваво-черной раной на руке. Для мужчин сейчас опасное время...

Конечно, от всех бед Джемми не уберечь. Но от одной мысли, что с ним – или Роджером – что-то случится, сводило живот и бросало в холод.

– Ты сильно поранился? – резко повернулась она к Роджеру.

– Что? – удивленно моргнул он, уже забыв об исколотых пальцах. – Нет, конечно.

Брианна взяла его за руку и поцеловала царапинки.

– Будь осторожнее, – велела она.

Роджер удивленно рассмеялся.

– Хорошо. Не волнуйся, с оружием обращаться я умею. Пальцы себе не отстрелю. Как думаешь, это место пойдет для полигона?

Они вышли на небольшой луг, заросший рододендронами и высокой травой. С той стороны стояли осины, трепеща остатками золотых и багряных листьев на фоне яркого неба. Где-то рядом шумел ручей, над головой кружил красный ястреб. Солнце приятно грело плечи.

– То, что надо, – согласилась Брианна и сняла с плеча ружье.

* * *

Ружье оказалось замечательным: длинным, но сбалансированным, его запросто можно было удержать на вытянутой руке – что Брианна и продемонстрировала с превеликим удовольствием.

– Видишь? – сказала она, одним движением вскидывая ружье. – Вот точка равновесия.левой рукой берешься здесь, поднимаешь и упираешь приклад в правое плечо. Держи крепче. Отдача сильная.

Она показала, как это делается, затем передала ружье Роджеру – причем нежнее, чем когда протягивала ему ребенка. С другой стороны, Джем рос малышом крепким.

Брианна неторопливо зарядила ружье. Роджер, прикусив от усердия язык, за ней повторял: оторвать зубами бумажную закрутку на гильзе, забить пулю в дуло... Собственная неуклюжесть его раздражала, а вот

изящные выверенные движения Брианны очаровывали и вызывали возбуждение.

Ладони у нее были крупными, почти мужскими, только более тонкими. С оружием она обращалась легко – другие женщины управляют так с метлой и иглами. Сегодня она надела бриджи, и домотканая материя плотно обтянула длинные ноги, когда Брианна села на корточки и принялась рыться в сумке.

– Ты что, взяла еду? – пошутил Роджер. – Я думал, на обед мы кого-нибудь подстрелим.

Она молча вытащила белый платок и встряхнула его, придирчиво разглядывая. Прежде Роджеру казалось, что Брианна пахнет жасмином и травой, теперь же – порохом, кожей и потом. Он глубоко втянул в себя эти ароматы, невольно поглаживая приклад ружья.

– Готов?

– Ага, – отозвался он.

– Тогда проверь кремень и запал. – Она встала. – А я пока привяжу мишень.

Со спины, в просторной рубаше из оленьей кожи и заплетенными в косу волосами, она была на удивление похожа на отца. Хотя их двоих все равно не спутать. В брюках или нет, у Джейми Фрейзера такой задницы не было. Роджер мысленно поздравил себя с удачным выбором инструктора.

Тесть с удовольствием дал бы ему пару уроков стрельбы. Джейми был терпеливым преподавателем; Роджер видел, как тот после ужина обучает мальчишек Чишолма. Вот только страдать от унижения под бесстрастным синим взглядом совершенно не хотелось.

Был у Роджера и скрытый мотив обратиться за помощью к Брианне. А может, не такой уж и скрытый... Клэр, например, услышав об их планах, посмотрела на дочь со столь ехидной улыбкой, что та возмущенно выпалила: «Мама!»

Не считая короткой ночи после брачного обряда, сегодня первый раз, когда он получит Брианну в полное свое владение, хоть ненадолго избавившись от общества ненасытного отпрыска.

Роджер заметил солнечный зайчик, сверкнувший на ее руке. Она носила браслет – тот самый, который он подарил, когда просил выйти за него замуж... в прошлой жизни, туманным зимним вечером в Инвернесе. По серебряному ободку вилась надпись на французском: *Un peu, beaucoup, passionnément, pas du tout* – любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет...

– К сердцу прижмет, – пробормотал Роджер, представляя, что на

Брианне ничего нет, кроме браслета и его обручального кольца.

Ладно, и до этого тоже дойдет очередь. Он взял новую гильзу. В конце концов, времени у них много.

* * *

Удостоверившись, что Роджер научился заряжать ружье (хоть и чересчур медленно), Брианна позволила ему прицелиться и наконец выстрелить.

Лишь с десятой попытки он попал в белый лоскуток платка. Когда на квадратном полотнище с краю возникло темное пятно, Роджера охватило ликование, заставившее достать новый патрон прежде, чем развеялось облачко дыма. Он не замечал ничего вокруг, ощущая лишь толчок приклада, вспышку пороха, грохот выстрела – и прилив восторга, когда на мишени появлялась новая дыра.

От платка остались одни лишь клочья, и облака дыма окутывали весь луг. Ястреб удрал с первым же выстрелом, как и прочие птицы, хотя где-то вдалеке чирикали синицы.

Наконец донельзя довольный Роджер опустил ружье и посмотрел на Брианну. Она расхохоталась.

– Ты похож на негра. Вот, вытрись, и продолжим.

Она забрала ружье, а взамен протянула чистый платок. Роджер вытер с лица сажу, а Брианна тем временем ловко прочистила ствол и зарядила. И вдруг вскинула голову, уставившись на дуб по ту сторону луга.

Роджер, изрядно оглохнувший от выстрелов, ничего не слышал, однако, приглядевшись, заметил движение среди ветвей: футах в тридцати от земли скакала темная белка.

Брианна мигом вскинула ружье и выстрелила, словно бы не целясь. Ветвь под белкой взорвалась в щепы, а сам зверек полетел на землю.

Роджер кинулся к дубу, но спешить необходимости не было: мертвая белка лежала комком серого меха.

– Отличный выстрел! – поздравил он Брианну, показывая ей трупик. – Только следов от пули не вижу – должно быть, перепугалась до смерти.

Брианна наградила его хмурым взглядом.

– Если б я хотела ее подстрелить, подстрелила бы. И ты держал бы сейчас кровавое месиво. В зверей такого размера стрелять нельзя, надо целиться чуть ниже. Это называется «снять с ветки», – снисходительно пояснила она.

– А, ясно... – Роджер проглотил недовольство. – Это тебя отец научил, да?

Брианна странно посмотрела на него, прежде чем ответить.

– Нет. Иэн.

Роджер неразборчиво хмыкнул. Двоюродного брата Брианны все любили и очень по нему скучали. Однако при Роджере о нем старались не говорить.

Не то чтобы это он был виноват, что молодой Мюррей остался с могавками, – и все же свою роль в этом сыграл. Если бы он не убил того индейца...

Уже не первый раз Роджер отмахнулся от воспоминаний о Змеином городе, но те все равно давали о себе знать холодком страха в животе и дрожью в руках – совсем как тогда, когда он ткнул концом сломанного шеста в выпрыгнувшую из ниоткуда тень...

Брианна тем временем установила на большом пне другую мишень – три чурбачка разного размера. Роджер вытер вспотевшие ладони о бриджи и сосредоточился на новой задаче. Однако Иэн Мюррей упорно не шел из головы. Хотя Роджер видел его лишь мельком, очень хорошо запомнил высокого долговязого парня, почти подростка, с простым симпатичным лицом.

Перед глазами он стоял таким, как в их последнюю встречу: с корочкой на свежих татуировках, вившихся по скулам и носу. Лицо загорелое, а только что выбритый череп – на удивление розовый, весь в красной сыпи раздражения, точно попка младенца.

– Роджер, что такое?

Вопрос Брианны застал его врасплох, и Роджер промахнулся. За последующую дюжину выстрелов ему так и не удалось поразить мишень.

Он опустил ружье.

– Что такое? – озадаченно повторила она.

Роджер глубоко вздохнул и вытер лицо, оставляя мазки сажи.

– Это из-за твоего брата... Прости за него, Бри.

Она чуть смягчилась, и тревожный взгляд просветлел.

– А...

Брианна положила руку ему на плечо и подошла ближе. Роджера окутало теплом ее тела. Вздохнув, она прижалась лбом к его груди.

– Что ж... Мне тоже жаль. Это не твоя вина. И не моя, и не папина, и даже Иэн тут ни при чем, если уж на то пошло. – Она невесело фыркнула. – Если кто и виноват, так это Лиззи.

Роджер криво усмехнулся.

– Да, знаю. Ты права. И все же... Бри, я убил человека.

Она не дернулась, не отшатнулась – но между ними вдруг все стало совсем по-другому. Роджер это понимал, поэтому так и не хотелось ей признаваться.

– Ты не рассказывал, – неуверенно заговорила она, поднимая голову.

Брианна сомневалась, стоит ли спрашивать. Ветер кинул пряди ей в лицо.

– Я... ну, по правде говоря, я об этом не думал.

Оцепенение прошло. Брианна вздрогнула и отступила на шаг.

– Звучит ужасно, да? – Роджер мучительно подбирал слова. Он не хотел рассказывать, но нужно было оправдаться за свое неосторожное замечание. – Ночью, во время драки. Я сбежал... у меня с собой был обломок шеста. И когда из темноты кто-то выскочил, я...

Он уронил плечи – все равно не сумеет объяснить, как это случилось.

– Я не понял, что убил его, – тихо сказал он, глядя на ружье в своих руках. – И даже лица не видел. Хотя я наверняка его знал. Змеиный город был маленькой деревушкой, я знал всех *ne rononkwe*.

И почему он не спрашивал, кем был тот мертвец? Хотя и так понятно: потому что не хотел услышать ответ.

– *Ne rononkwe*? – переспросила Брианна.

– Мужчины... воины... бойцы. Так *Kahnuyen'kehaka* себя называли.

Слова могавков странно ложились на язык – непривычно и в то же время знакомо. Брианна удивленно приподняла брови. Роджер понимал, какой своеобразной воспринимается сейчас его речь – он не просто использовал чужие слова, он небрежно, не задумываясь, мешал два языка... совсем как ее отец.

Роджер по-прежнему смотрел на ружье так, словно видел его впервые. Брианна нерешительно подошла ближе.

– И ты... жалеешь?

– Нет, – сразу же ответил он и поднял глаза. – Я хочу сказать... Мне жаль, что так вышло. Но я не жалею, что это сделал.

Слова, на удивление верные, текли сами собой. Роджеру и правда было жаль – но не смерти индейца, кем бы тот ни был. В Змеином городе Роджер жил рабом и не питал к могавкам особой любви. Убивать он не хотел, это была самозащита. И если придется, он опять поступил бы точно так же.

И все же его терзала вина – за то, что он легко забыл эту смерть. *Kahnuyen'kehaka* воспевали своих мертвых и вечерами, сидя возле костров, восхваляли их деяния, передавая детям память о прошлых поколениях. Да и горцы делали так же. Роджер вдруг вспомнил, как Джейми Фрейзер на

Сборе перечислял имена своих людей. *Встань рядом со мной, Роджер-певец, сын Джеремайи Маккензи...*

Возможно, Иэн Мюррей найдет с индейцами общий язык.

В общем, Роджеру было не по себе, что он лишил индейца не только жизни, но и имени, стремясь вычеркнуть его из памяти и вести себя так, словно ничего не было.

Брианна глядела на него с состраданием. Роджер отвел глаза и увидел, что грязные пальцы оставили на полированном металле ружья черные пятна. Брианна забрала его и принялась подолом юбки стирать отметины.

Роджер молча отер руки о штаны.

– Дело в том... Тебе не кажется, что если уж убивать человека, то с какой-то целью?

Она ответила не сразу.

– Если ты застрелишь кого-нибудь из этого ружья – то намеренно, – тихо проговорила Брианна.

Она подняла взгляд – и то, что он принимал за сострадание, на самом деле оказалось яростной решимостью, полыхавшей, точно языки пламени на прогоревших дровах.

– Если ты решишь кого-нибудь убить, Роджер, то я хочу, чтобы ты знал, как это делается.

* * *

Полчаса спустя ему удалось-таки несколько раз попасть по чурбакам. Роджер крепко держал ружье, но Брианна заметила, как дрожат у него руки, удерживая длинный ствол на весу. Он опять стал мазать чаще, теперь уже от усталости.

Брианне тоже приходилось несладко. Переполненная молоком грудь ныла все сильнее.

– Давай отдохнем немного и поедим. – Она с улыбкой отобрала мушкет. – Я проголодалась.

До сих пор они не замечали холода, перезаряжая тяжелое ружье или бегая на другой конец лужайки, чтобы поправить мишень. Однако дело близилось к осени, и воздух был довольно свеж. Нагишом на траве уже не полежать. К счастью, солнце пригревало, а Брианна предусмотрительно захватила два старых одеяла.

Она любовалась тем, как Роджер длинными ловкими пальцами нарезает сыр, сосредоточенно поджимает губы, а капельки пота

скатываются по загорелой щеке возле уха.

Брианна сомневалась, правильно ли поняла его рассказ. Однако хорошо, что он признался, хотя лично она предпочла бы вовсе стереть из памяти время, которое он провел у могавков. То были ужасные дни. Брианна осталась одна, беременная, родители запросто могли не вернуться... Что же пережил он?

Она потянулась за кусочком сыра, задела его пальцы – и подалась вперед, подставляя губы для поцелуя.

Роджер послушно чмокнул ее и выпрямился. Тень из светлых зеленых глаз исчезла.

– Пицца, – произнес он.

Брианна моргнула и рассмеялась. Это была такая игра: по очереди называть предметы из другого времени (прошлого или будущего, как посмотреть), которых им не хватало.

– Кока-кола, – тут же ответила она. – Пиццу я, допустим, приготовить смогу – но что за пицца без колы?

– Отлично пойдет с пивом! – заверил Роджер. – А пиво у нас есть. Лиззи, конечно, варит далеко не лагер, но все же. А ты правда сможешь приготовить пиццу?

– Почему бы нет? – Брианна откусила кусочек сыра и скривилась. – Только такой не подойдет – слишком острый. Если подумать...

Она тщательно прожевала и запила большим глотком сидра.

– Знаешь, а сидр тоже подойдет для пиццы. Сыр лучше взять овечий. Па привозил небольшую головку из Салема. Попрошу купить еще и посмотрю, как он плавится.

Она задумалась, щурясь от яркого солнца.

– У мамы есть сушеные помидоры и чеснок. И базилик... насчет орегано не знаю, обойдемся без него. А тесто... – Она небрежно махнула рукой. – Мука, вода и масло – делов-то.

Роджер рассмеялся, протягивая ей булочку с ветчиной и пикули.

– Вот так пицца и попала в Америку! – провозгласил он, торжественно приподнимая флягу с сидром. – Всегда интересно, как появились гениальные изобретения. Теперь мы знаем.

– Может, и знаем, – тихо отозвалась Брианна. – А ты не думал, зачем все это? Зачем мы здесь?

– Конечно, думал. – Глаза у него потемнели. – А ты?

Она кивнула и взяла еще одну булочку. Лук сладко пощипывал язык. Конечно, все они над этим размышляли. И она, и Роджер, и мать... Наверное, сквозь камни они прошли неспроста. И все же... Родители редко

говорили о войне, но даже той малости хватало, чтобы понять, какими бессмысленными и случайными порой бывают события. Иногда смерть подстерегает человека на ровном месте.

Роджер раскрыл последний кусочек булки и бросил в сторону. С дерева слетела синица, клюнула разок, и к ней вмиг присоединилась вся стая. Глядя, как птицы с громким щебетом подчищают крошки, Роджер потянулся и лег на спину.

– Ладно, если поймешь когда-нибудь, скажи мне, хорошо?

В груди екнуло сердце, разгоняя кровь и заставляя напрячься соски. Брианна старалась не думать о Джемми; одна мысль о сыне – и молоко брызнет из груди.

Выбросив лишнее из головы, она стянула с себя рубашку.

Роджер не отрывал от нее глаз – ярких и блестящих, как мох под деревьями. Брианна распустила льняную полосу и голой кожей почувствовала холодное прикосновение ветра. Она обхватила тяжелую, налитую грудь и посмотрела на Роджера.

– Иди сюда. Быстрее. Ты мне нужен.

* * *

Они лежали, запутавшись в старом одеяле, – раздетые, сонные и липкие от полусохшего молока.

Сквозь переплетения ветвей пробивалось солнце, отчего под зажмуренными веками вилась черно-красная рябь, точно Брианна глядела сквозь кроваво-багряную воду на вулканический темный песок.

Спит ли Роджер? Она не стала поворачиваться или открывать глаза, просто мысленно, от самого сердца, послала ему сообщение. «Ты здесь?» – безмолвно спросила она. Вопрос потек от груди по рукам: Брианна воочию представляла, как он ритмично, в такт пульсу, струится по тонким синим венам, достигает ладони и, оставив легкое покалывание в кончиках пальцев, впитывается в кожу Роджера.

В ответ – ничего. Только мужское дыхание, ровное и размеренное, да ветер, шелестящий в траве океаническим прибоем.

Палец Роджера легонько, точно птичье перо, скользнул по ее ладони.

«Я здесь, – также безмолвно ответил он. – А ты?»

Брианна сжала его руку, и Роджер повернулся к ней.

Темнело рано. До зимнего солнцестояния было еще около месяца, но после обеда, когда Роджер с Брианной пошли к дому, солнце уже катилось за Блэк-Маунтин, а тени росли все длиннее и длиннее.

Ружье несла Брианна – с тренировкой на сегодня покончено, а вот поохотиться не мешает. Нарочно дичь они не выслеживали, но если вдруг подвернется по дороге, упускать ее не стоит. Одну белку в овощном рагу и не заметишь. Вот бы попалась еще парочка... Или опоссум, например.

О повадках опоссумов Брианна знала мало. Вроде бы зимой они впадают в спячку – если так, то рассчитывать на встречу бесполезно. Хотя вот медведи еще рыскали по округе: на тропинке изредка попадался свежий помет, а из царапин на осиновой коре стекал желтый сок. Медведь, конечно, добыча славная, однако рисковать Брианне не хотелось – если только он сам нападет, что вряд ли. Если оставить медведя в покое, тебя он не тронет. Так ей говорили оба отца, и она старалась следовать их совету.

Из-под соседнего куста шрапнелью вспорхнула стая куропаток, Брианна отшатнулась и вскрикнула от неожиданности.

– Они вкусные? – кивнул Роджер на бело-серые пушистые тушки, уже исчезающие вдаль.

– Ага, – согласилась она, досадуя на свою оплошность. – Только из мушкета их не подстрелить – одни перья для подушки останутся. Нужен дробовик.

– Знаю, – коротко отозвался он.

Продолжать разговор и сбивать мирное настроение не хотелось. Грудь снова наливалась молоком и ныла. Надо торопиться домой, к Джемми.

Она невольно ускорила шаг, хотя еще были свежи воспоминания о терпком запахе сухого папоротника, солнечных лучах, игравших на загорелых плечах Роджера, и бело-золотистых капельках молока, приятно холодивших разгоряченные тела.

Она глубоко вздохнула, а Роджер тихо засмеялся.

– Мм? – повернулась она, и он указал на землю под ногами. Они шли рядом, не замечая, как их влечет друг к другу сила сродни гравитации. Тени их объединились, словно перед ними брел странный четырехногий зверь о двух головах.

Роджер обнял ее за талию – и головы тени слились в одну.

– Хороший был день, правда? – негромко спросил он.

– Да, – улыбнулась Брианна. Она хотела сказать что-то еще, когда

рядом вдруг затрещали ветки.

– Что... – начал было Роджер, но она приложила палец к его губам и жестом поманила к зарослям красного дуба.

Под высоким деревом рылась стоя индюшек, выискивая в опавшей листве личинок. В низких лучах заходящего солнца темные перья на груди отливали радугой.

Не отрывая взгляда от птиц, Брианна нащупала пороховницу и высыпала тонкую струйку на полку. Роджер присел рядом, настороженный, точно взявшая след гончая. Брианна протянула ему ружье, многозначительно выгибая бровь. До индеек – жирных, размером с футбольный мяч, – было всего-то футов двадцать.

Он замешкался. Она сунула ружье ему в руки и кивком указала на проплешину в кустарнике.

Роджер прокрался вперед, чтобы между ним и добычей не оказалось помех. Брианна не учила его стрелять с колена, и он рассудительно не стал экспериментировать, хотя целиться сверху было неудобно. Пальцы, до боли впившиеся в ствол, ныли.

Наконец он сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Все последующие события слились воедино, точно произошли одновременно: грянул выстрел, под деревом взметнулся фонтанчик земли, и пятнадцать обезумевших индеек, истерично курлыча, ринулись прямо на них.

Они вломились в кустарник, увидели Роджера и, судорожно хлопая крыльями, неуклюже взлетели. Роджер пригнулся, уворачиваясь от первой птицы, но вторая врезалась ему в грудь. Он качнулся, и индейка, цепляясь за рубашку, вскочила ему на плечо и прыгнула, расцарапав когтями всю шею.

Брианна поймала на лету выпавшее ружье, выдернула пулю из патронташа на поясе и стала перезаряжать. Последняя индейка шарахнулась от Роджера, чуть не налетела на Брианну и заметалась вокруг, оглушая их обоих громкими воплями, потом наконец взмыла вслед за остальными.

Брианна повернулась, поймала черную точку в небе на прицел и выстрелила. Индейка рухнула, с ощутимым стуком приложившись о землю ярдах в сорока.

Брианна замерла на мгновение и наконец опустила ружье. Роджер, разинув рот, уставился на нее, зажимая саднящие царапины на шее. Она слабо улыбнулась, чувствуя, как взмокли руки на деревянном прикладе. Сердце запоздало забухало.

– Господи Иисусе, – потрясенно произнес Роджер. – Это же не просто

везение, да?

– Ну... может, и везение, – пытаюсь быть честной, призналась Брианна. Однако горделивая улыбка, сама собой растянувшая губы, ее выдала. – Немножко.

Пока она перезаряжала ружье, Роджер сходил за добычей и вернулся с десятифунтовой увесистой птицей, истекающей кровью, точно проколотый бурдюк.

– Вот это махина! – восхитился он, любуясь красным гребнем на лысой голове и кожистой бородой. – Я таких видел разве что в ресторане, фаршированных каштанами и яблоками. Отличный выстрел!

Брианна залилась краской и, как ни подмывало ее гордо ответить: «А, пустяки, было бы о чем речь вести», ограничилась простым «спасибо».

Они направились к дому. Роджер нес птицу в вытянутой руке, чтобы не заляпаться кровью.

– А ты ведь научилась стрелять совсем недавно, – все еще под впечатлением проговорил он. – Сколько времени прошло? Месяцев шесть?

Брианне не хотелось его разочаровывать, но все-таки со смехом она сказала правду:

– Скорее уж лет десять.

– Как это?

– Папа – Фрэнк – научил меня стрелять, когда мне было десять-одиннадцать. На тринадцатилетие он подарил мне ружье, а с пятнадцати мы чуть ли не каждые выходные стреляли в парке по голубям или тарелкам.

– Я думал, тебя Джейми научил. Понятия не имел, что Фрэнк Рэндалл увлекался стрельбой.

– Ну... – медленно проговорила Брианна. – Не то чтобы он увлекался...

Роджер удивленно заломил бровь.

– О, стрелять он умел, конечно. Он же во Вторую мировую служил в армии. Но с тех пор ружье почти не брал, если только мне показать, что надо делать, а потом больше наблюдал. У него даже своего собственного оружия не было.

– Странно...

– Разве?

Она подошла ближе, задев Роджера локтем, чтобы тени их снова слились.

– Знаешь, я много думала... После того, что ты рассказал на Сборе о том письме...

– О чем думала?

Она глубоко вдохнула, и льняные полосы на груди больно впились в кожу.

– О том, почему человек, который сам не ездил верхом и не любил стрелять, приложил столько сил, чтобы научить этому дочь. В наше время девочкам эти умения ни к чему. В Бостоне, по крайней мере.

Повисла тишина, только листья хрустели под ногами.

– Господи, – тихо сказал наконец Роджер. – Он искал Джейми Фрейзера. Так он говорил в письме.

– И ведь нашел. Мы только не знаем, тот ли этот Джейми Фрейзер. – Брианна внимательно глядела под ноги, опасаясь змей. Здесь водились и медянки, и гремучники – она не раз видела, как они греются на камнях или бревнах.

– И ты думаешь теперь, что еще он мог найти?

Она кивнула.

– Может, он узнал что-нибудь обо мне, – сипло сказала Брианна. – Может, он выяснил, что я прошла сквозь камни. Но тогда... почему он мне не сказал?

Роджер остановился и повернул Брианну к себе.

– А может, Фрэнк ничего не нашел. Просто подумал, вдруг ты решишь попробовать, когда узнаешь про Фрейзера. Вдруг захочешь сама выяснить, и... Неважно, что он нашел: он в любом случае хотел лишь одного: чтобы ты могла за себя постоять.

Брианна выдохнула, чувствуя странное успокоение. Она никогда не сомневалась, что Фрэнк Рэндалл и впрямь ее любит. Не стоит сомневаться в этом и сейчас.

– Да.

– Вот и славно. – Джейми нежно коснулся ее груди, где по кожаной рубашке уже расплывалось влажное пятно. – Джейми наверняка проголодался. Идем. Пора домой.

Они пошли сквозь море золотых каштановых листьев, глядя на бегущие впереди сплетенные тени.

– Как думаешь... – начала она, но тут же осеклась. Одна из теней склонила голову набок, прислушиваясь. – Как думаешь, Иэн счастлив?

– Надеюсь. – Роджер обнял ее крепче. – А если ему досталась такая же чудесная жена, то даже не сомневаюсь.

Глава 21. Орлиное зрение

– Теперь закрой левый глаз и прочитай самую мелкую строчку.

Многострадально вздохнув, Роджер прижал к левому глазу ложку и прищурил правый, вглядываясь в листок бумаги, приколотый к кухонной двери. Сам он стоял на пороге дома – лишь в этом коридоре я насчитала нужное расстояние в двадцать футов.

– «*Et tu, Brute?*»^[29] – Он опустил ложку и выразительно изогнул брови. – Еще никогда не видел таблиц для проверки зрения с цитатами из классики.

– Просто буквы – скучно, – сказала я, переворачивая листок. – Другой глаз, пожалуйста. Какую строчку видишь?

Он прижал ложку к другому глазу, уставился на пять строчек, которые я, как могла, в нужном размере вывела печатными буквами, и медленно, по слогам, прочел третью:

– «*Не кушайте ни луку, ни чесноку*». Это еще откуда?

– Из Шекспира, конечно, – сказала я, делая пометки. – «*Да еще, возлюбленные актеры, не кушайте ни луку, ни чесноку, потому что дыхание наше должно быть приятно*»^[30]. А строчки ниже ты уже не видишь?

Я заметила, как Джейми при этом изменился в лице. Они с Брианной стояли на крыльце позади Роджера и с интересом наблюдали за нашими упражнениями. Брианна тревожно подалась вперед, переживая за мужа.

Джейми же, казалось, был удивлен – а еще испытывал легкую жалость вперемешку с самодовольством. Сам-то он, судя по всему, пятую строку прочитать мог: «*Я чествую его*». Из «Юлия Цезаря»: «*Так как он был отважен, я чествую его; так как он был властолюбив, я убил его*»^[31].

Перехватив мой взгляд, он тут же принял прежний непринужденный вид. Я прищурилась: «Тебе меня не одурачить», – и он отвел глаза, дернув уголком рта.

– Что, совсем не видишь? – Брианна подалась вперед и пристально уставилась на листок, потом перевела полный надежды взгляд на мужа. Очевидно, она тоже могла прочитать две нижних строки.

– Нет, – выдавил тот не сразу. Роджер согласился по моей просьбе проверить зрение, но с большой неохотой. – Еще что-нибудь?

Он нетерпеливо хлопал ложкой по ладони.

– Только парочка упражнений. Идем туда, там свет лучше.

Взяв его под локоть, я повела Роджера в медицинский кабинет, через плечо свирепо покосившись на Джейми и Бри.

– Брианна, может, пора уже накрывать на стол? Мы быстро.

Она замешкалась, однако Джейми положил руку ей на плечо и что-то негромко сказал. Брианна кивнула, бросила на Роджера еще один тревожный взгляд и ушла. Джейми примирительно пожал плечами и последовал за ней.

Роджер стоял посреди операционной с видом медведя, слышавшего лай гончих, – вроде как настороже, но при этом донельзя раздраженный.

– Ничего не надо, – сказал он, когда я закрыла дверь. – Я прекрасно вижу. Просто стреляю пока из рук вон плохо.

– Разумеется, – заверила я. – Мы сейчас быстренько проверим, и все... по правде говоря, мне самой интересно.

Я заставила его сесть, за неимением фонарика зажгла свечу и поднесла ее к лицу Роджера, чтобы проверить зрачки. Какие у него все-таки красивые глаза – не карие, а чисто-зеленые, в тени кажутся почти черными, а на свету – удивительно яркими. Даже мурашки по коже... Особенно у тех, кто знал Гейлис Дункан и видел, как в точно таких же глазах плясало безумие.

Он моргнул, темные ресницы взметнулись, и пугающее сходство исчезло. Эти глаза были красивы – но совершенно спокойны и ясны. Я улыбнулась, и Роджер невольно улыбнулся в ответ.

Я принялась водить свечой перед его лицом: вверх, вниз, налево, направо, – попросив следить за пламенем. Раз ничего особенного не требовалось, Роджер разжал кулаки.

– Очень хорошо, – с той же легкостью сказала я. – Да, отлично. Вверх посмотри, пожалуйста. А теперь вниз, в угол окна. Угу... И на меня. Видишь палец? Хорошо, закрой левый глаз и скажи, сдвинулся ли он. Ага...

Наконец я задула свечу и с тихим стоном разогнула затекшую спину.

– Итак, ваш вердикт, госпожа врач? Мне скоро понадобятся трость и черные очки?

Роджер рукой развеял облачко дыма, оставшееся от свечи, пытаясь шутить, но напряженные плечи его выдавали.

Я рассмеялась.

– Нет, собаку-поводыря пока тренировать не будем. Хотя... ты сказал, что не видел таких таблиц для проверки зрения. А обычные, с буквами, видел? Ты в детстве носил очки?

Роджер задумчиво свел брови.

– Да, было дело. Лет в семь или восемь. В них было ужасно неудобно, а еще постоянно болела голова. Так что я их все время терял. Только купят новые, и я тут же, буквально через час, забывал их то в автобусе, то в школе. После третьей пары отец смирился. – Он пожал плечами. – Если честно, не помню, чтобы они были так уж мне нужны.

– Да, сейчас они тебе уже не нужны.

– Вы это о чем?

– У тебя небольшая близорукость на левый глаз. – Я потеряла переносицу, словно поправляя очки. – Дай угадаю: в школе ты отлично играл в футбол или хоккей, а вот с теннисом дела не складывались?

Он расхохотался.

– Теннис? В школе Инвернесса? Это же спорт для слабаков южан! Мы его так и называли – игра для педиков. Но я понял, о чем вы. Да, правильно, я хорошо играл в футбол, а в крикет не очень. А что?

– У тебя нет бинокулярного зрения. Скорее всего, в детстве это заметили и пытались исправить с помощью специальных очков... но к тому времени было уже поздно, – поспешно добавила я. – Действовать надо было раньше, лет до пяти.

– У меня нет... бинокулярного зрения? Что это значит? Я прекрасно вижу...

Роджер уставился на свою ладонь, поочередно закрывая то один глаз, то другой, словно пытаясь найти ответ в переплетениях линий.

– Глаза видят отлично, – заверила я. – Просто изображение не сливается в одно. Заболевание, кстати, очень распространенное, а многие люди о нем даже не знают. Это значит, что мозг не может объединить две картинки, создав трехмерный образ.

– То есть я не воспринимаю объемные изображения?

Роджер глядел на меня, щурясь, – словно ждал, что я вот-вот плоской картинкой сравнюсь со стеной.

– Ну, у меня нет инструментов окулиста... – Я махнула рукой, указывая на свечной огарок, ложку, нарисованные от руки картинки и деревянные палочки, которые составляли весь мой нехитрый инструментарий. – Да и на офтальмолога не училась...

Мои объяснения Роджер выслушал спокойно. Зрение у него было острым. Но раз мозг не мог правильно воспринимать информацию, значит, ему приходилось оценивать расстояние до объектов, лишь сравнивая их размеры друг с другом. Следовательно...

– Видишь ты отлично, – успокоила я. – И скорее всего, легко научишься стрелять, потому что, когда целятся, один глаз все равно

закрывают. А вот со стрельбой по движущейся мишени могут возникнуть сложности. Ты видишь цель, однако без биноклярного зрения не поймешь, в какую именно точку надо стрелять.

– Понятно... То есть если дойдет до драки, лучше полагаться на кулаки, так?

– По моему скромному опыту, шотландцы почти все конфликты решают именно кулаками. Ружья или арбалеты нужны лишь на случай войны, и то для убийства они предпочитают сабли. По крайней мере, так уверяет Джейми.

Роджер насмешливо хмыкнул. Он сидел спокойно, обдумывая мои слова, пока я наводила порядок. Из кухни доносился лязг посуды и скворчание сала – а еще восхитительный аромат жареного лука и бекона.

Ужин готовили на скорую руку – миссис Баг весь день собирала поклажу для похода. Однако даже простейшие ее блюда были весьма аппетитны.

За стеной раздались приглушенные голоса: внезапный вопль Джемми, краткое восклицание Брианны, потом какая-то реплика от Лиззи и наконец низкое бормотание Джейми, успокаивающего ребенка, пока Бри и Лиззи накрывали на стол.

Роджер тоже их слышал, потому что повернулся на звуки.

– Какая у вас чудесная дочь, – с легкой улыбкой пробормотал он. – Может сама убить дичь и сама приготовить ее на ужин. Это хорошо... Потому что я-то много мяса добыть не сумею.

– Пф-ф-ф, – бодро объявила я, пытаюсь избавить его от ненужных сожалений. – Я в жизни не держала ружье, а обед готовлю каждый день. Если тебе так хочется кого-нибудь прикончить, к твоим услугам цыплята, гуси и свиньи. А если поймашь белую свиноматку, пока она не срыла весь дом, так и вовсе станешь героем.

Роджер криво усмехнулся.

– Думаю, чувство собственного достоинства рано или поздно ко мне вернется. Вопрос, как теперь рассказать о моей проблеме нашим стрелкам. – Он махнул подбородком в сторону кухни. – Теперь будут видеть во мне безногого калеку.

Я засмеялась, убирая в шкаф чистую ступку.

– Бри за тебя волнуется из-за регуляторов. Однако Джейми считает, что в походе это умение тебе все равно ни к чему. Скорее всего, обойдется без стрельбы. Кроме того, у хищных птиц вовсе нет биноклярного зрения, – добавила я. – Только у сов. А у ястребов и орлов глаза расположены по разные стороны черепа. Поэтому скажи Бри и Джейми,

что у тебя орлиное зрение.

Расхохотавшись, Роджер встал, отряхивая полы пальто.

– Точно, так и сделаю.

Он услужливо открыл передо мной дверь, но, когда я выходила, придержал за руку.

– Биноклярное зрение... Оно ведь врожденное, так?

Я кивнула.

– Да, почти всегда.

Роджер медлил, не зная, как выразить свою мысль.

– А оно... передается детям? Мой отец служил в ВВС, у него такой проблемы быть не могло, а вот мать носила очки. Они висели на цепочке у нее на шее, я помню, как с ними играл. Вдруг мне это от нее досталось...

Я поджала губы, пытаюсь вспомнить, что знаю о наследственных заболеваниях глаз, однако на ум ничего не шло.

– Не могу сказать. Может, и так. А может, и нет. А что, ты волнуешься за Джемми?

Роджер неумело пытался скрыть разочарование.

– Нет, не волнуюсь. Просто подумал... если оно наследственное и у парня тоже есть, я бы тогда знал, что...

В коридоре вкусно пахло беличьим рагу и свежим хлебом, а я изрядно проголодалась – но все равно стояла на месте, глядя на Роджера.

– Не то чтобы я желал парнишке таких проблем, – поспешил он добавить. – Ни в коем случае! Просто если бы было так... – Роджер замолк и, нервно сглотнув, отвел взгляд. – Только, пожалуйста, Бри ничего не говорите.

Я легонько тронула его за руку.

– Думаю, она и сама понимает. Ты просто хочешь знать наверняка.

Он смотрел на кухонную дверь, за которой Бри напевала «Клементину» под веселое лепетание сына.

– Одно дело – понимать. И совсем другое – слышать своими ушами.

Глава 22. Огненный крест

Мужчины ушли. Джейми, Роджер, мистер Чишолм и его сыновья, братья Маклауды... они исчезли еще до рассвета, оставив лишь крошки от торопливого завтрака да грязные следы на крыльце.

Джейми вставал и одевался так тихо, что редко меня будил. Обычно целовал перед уходом и шептал на ухо пару ласковых слов; его прикосновения и запах вплетались в мои сны.

Сегодня он меня не разбудил.

Эта миссия досталась мальчишкам Чишолм и Маклауд, которые на рассвете затеяли битву под моим окном.

Оглушенная криками, я подпрыгнула на кровати и невольно зашарила вокруг в поисках шприца и марлевых тампонов. На мгновение показалось, будто я снова в больнице. Тут я учуяла запах дыма, а не спирта и медикаментов, и увидела помятое сине-желтое одеяло, одежду, мирно висящую на колышках, и полузакрытые ставни, из-под которых пробивался бледный солнечный свет. Дома. Я дома, в Ридже.

Внизу распахнулась дверь, и крики затихли, сменившись топотом и приглушенным смехом.

– Вот так-то, – довольно заявила миссис Баг, разогнавшая бунтовщиков. Дверь хлопнула – и скрип дерева с лязгом стального засова возвестил о начале нового дня.

Спустившись, я обнаружила, как эта милая женщина жарит тосты, варит кашу и при этом громко сетует на беспорядок, царивший в кухне. Ее возмущала не сама грязь – чего еще ждать от мужчин? – а то, что Джейми ее не разбудил, чтобы она приготовила им приличный завтрак.

– Как же он выдержит дорогу? – кипятилась миссис Баг, укоряюще помахивая вилкой. – Такой крупный солидный мужчина – а уехал, перекусив на скорую руку черствой лепешкой и глотком молока?!

Бросив сонный взгляд на гору грязной посуды, я прикинула, что «крупный солидный мужчина» и его спутники слопали не меньше двух дюжин кукурузных булочек, целую буханку хлеба с фунтом свежего масла, банку меда, миску изюма и ведро парного молока.

– Вряд ли он так уж голоден, – пробормотала я. – А кофе готов?

Старшие дети Чишолма и Маклауда спали в кухне. Они давно проснулись, и возле скамьи теперь лежала горка одеял. Запахи еды тем временем растекались по дому, и сверху тоже слышался шум – вставали

женщины с младшими детишками. В окнах замелькали любопытные личики.

– А вы отмыли свои грязные лапы, а, маленькие дикари? – рыкнула миссис Баг. Она указала ложкой из-под каши на лавки возле стола. – Если да, заходите и садитесь. И только попробуйте не вытереть ноги!

В мгновение ока все скамьи и стулья были заняты; миссис Чишолм, миссис Маклауд и миссис Аберфельд, позевывая, принялись поправлять своему потомству рубашки и платки, вытирать обслонявленными пальцами грязные щеки и приглаживать растрепанные волосы.

Миссис Баг порхала между столом и очагом, торопясь накормить десяток голодных ртов. Должно быть, в прошлой жизни она была синицей.

– Вы утром видели Джейми? – спросила я, когда она снова взялась за чайник, в другой руке держа большую колбаску.

– Увы, нет, – покачала та головой. – Я не знала, что они уходят. Слышала, как мой старик поднялся, но решила, он просто в уборную идет. Однако он так и не вернулся, а когда я встала, оказалось, что все уже ушли... Эй, положи на место!

Заметив, как шестилетний Маклауд тянется к банке с джемом, миссис Баг огрела его колбаской.

– Может, на охоту пошли? – робко предположила миссис Аберфельд, кормя овсянкой маленькую дочку. Женщине было лет девятнадцать, и она ужасно стеснялась более зрелых товаров.

– Лучше бы нарубили леса и занялись стройкой. – Миссис Маклауд подняла ребенка к плечу и похлопала по спинке. Откинув с лица прядь седых волос, она криво усмехнулась. – Не подумайте ничего, миссис Фрейзер, мы ценим ваше гостеприимство, но не хотелось бы всю зиму путаться у вас под ногами. Джорджи! А ну оставь сестру в покое, не то пожалеешь!

Я, будучи не в лучшем расположении духа, сонно пробормотала в ответ что-то вежливое. Мне тоже не улыбалась мысль привечать в своем доме с десяток человек.

В письме губернатора заявлялся недвусмысленный приказ: все здоровые мужчины должны вступить в ряды милиции и к середине декабря явиться в Солсбери. Тут уж не до стройки. Впрочем, надеюсь, Джейми что-нибудь придумает. А то котенок все время прятался в моем шкафу с медицинскими инструментами, а кухня каждое утро походила на полотно Иеронима Босха.

Зато воздух прогревался быстрее, и теперь здесь было тепло и шумно. В такой толпе я не сразу заметила лишние лица.

– Ты что тут делаешь? – поразилась я, увидев в углу свою дочь, завернувшуюся в пыльный плед.

Она сонно моргнула и поправила Джемми, увлеченно сосущего молоко, невзирая на шум и суету.

– Посреди ночи к нам заявились Мюллеры. Восемь человек. Они плохо говорят по-английски, но, как я поняла, их па позвал.

– Правда? – Я потянулась за кусочком пирога с изюмом, уведя его из-под носа юного Чишолма. – Они все еще здесь?

– Угу... Спасибо, мама. – Она взяла у меня половинку пирога. – Да. Па забрал Роджера до рассвета, но Мюллеры ему, судя по всему, пока не нужны. Когда Роджер ушел, старый Мюллер поднялся с пола, сказал: «Bitte, Maedle» и лег рядом со мной. – Брианна залилась румянцем. – Так что я решила прийти сюда.

– О. – Я не сдержала улыбки. – Это, наверное, Герхард.

Старик фермер не понимал, почему должен морозить кости на твердом полу, если в теплой кровати есть место.

– Наверное, – пробурчала Брианна, набив рот. – Я знаю, он безобидный, но все же...

– Да уж, – иронично согласилась я.

Герхард Мюллер был патриархом большой семьи немцев, жившей между Риджем и Салемом. И безобидным этого человека я бы не назвала.

Джейми рассказывал о скальпах, прибитых к двери его сарая. Женских скальпах, с длинными черными волосами. «Совсем как живые, – сказал тогда Джейми. – Словно птицы, припиленные к стене». А белый скальп Герхард принес мне, завернув в тряпку, намокшую от крови... Нет, он вовсе не безобидный. Я сглотнула, проталкивая пирог в пересохшее горло.

– Как бы там ни было, они явно голодны, – объявила миссис Чишолм. Она держала в руках соломенную куколку, мокрую пеленку и извивающегося младенца – и при этом умудрялась потягивать кофе. – Надо бы прибраться здесь, пока немцы не учуяли завтрак и не стали ломиться в дверь.

– А нам есть чем их кормить? – встревожилась я, припоминая, сколько мяса осталось в копильне. Еще две недели гостеприимства – и запасы растают как дым.

– Конечно, есть, – бодро заявила миссис Баг, ворочая ломтики колбасы на шипящей сковородке. – Сейчас все доделаю, и можете их звать. Ну-ка ты, *muirinn*^[32], – она постучала лопаткой по плечу восьмилетней девочки. – Сбегай в подвал, принеси картофеля. Немцы картофель любят.

Я доела кашу и принялась собирать грязные чашки, а миссис Баг

безжалостно выметала с кухни мусор и детей, выдавая при этом десятки поручений Лиззи и миссис Аберфельд – кажется, молодую маму звали Рут, – судя по всему, назначив их своими помощницами.

– Давайте помогу... – начала я робко, но миссис Баг покачала головой и взмахнула метлой в мою сторону.

– Забудьте, миссис Фрейзер! У вас и так достаточно дел... Эй! Куда это вы на чистую кухню в грязных сапожищах?! Вон отсюда и не вздумайте показываться, пока не оботрете их как следует!

Герхард Мюллер в сопровождении детей и племянников в замешательстве застыл у порога. Миссис Баг, ничуть не смущаясь разницы ни в языке, ни в росте (он был выше на целую голову), скорчила гримасу и яростно указала метлой на его сапоги.

Я приветливо махнула ему рукой и, воспользовавшись моментом, сбежала.

* * *

Итоги инвентаризации погреба меня подбодрили. К счастью, все оказалось не так плохо, как я думала: запасов должно хватить на зиму, хотя щедрую руку миссис Баг придется-таки ограничить.

Кроме четырех окороков, там нашлись копченые бока, целая полка сушеной оленины и половина свежей туши. Под закопченной крышей гроздьями уродливых цветов висели большие связки потрошенной рыбы. Соленая хранилась в десятке бочек, еще в четырех – свинина. В большом глиняном кувшине – топленое сало; в тех, что поменьше, – нутряной жир и зельц... Насчет последнего я, правда, сомневалась.

Зельц я делала по рецепту одной из женщин Мюллеров в переводе Джейми – но никогда прежде его не видела и не была уверена, что он должен выглядеть именно так. Я подняла крышку и принялась; тухлятиной вроде не пахло, только чесноком и перцем. Надеюсь, от отравления трупным ядом мы не умрем, хотя, пожалуй, первым я угощу Герхарда Мюллера.

– Как вы можете привечать этого злодея? – ужаснулась в свое время Марсали, когда Герхард с сыновьями пару месяцев назад наведывался в Ридж. Зная о судьбе индианок, она с отвращением разглядывала немцев.

– А что мне делать? – возмутился в ответ Джейми, не донеся ложку ко рту. – Перестрелять всех Мюллеров, потому что одним Герхардом дело не обойдется, и прибить их скальпы к своему сараю? Боюсь, перестанут

доиться коровы.

Марсали, не оценив шутку, сердито нахмурила брови.

– Пусть так. Но принимать их в своем доме, словно друзей!.. – Она перевела взгляд на меня. – Женщины, которых он убил... они же были вашими подругами!

Я переглянулась с Джейми и пожала плечами. Он помолчал, медленно помешивая суп, чтобы собраться с мыслями.

– Герхард совершил ужасный поступок. Но он мстил. Мне тоже следует ему мстить?

– Нет, – тут же отозвался Фергус. Он взял Марсали за руку, не давая ей продолжить спор, и ласково улыбнулся жене. – Французы никогда не ищут мести.

– Не все, – пробормотала я, вспоминая графа Сен-Жермена.

Марсали, однако, не хотела сдаваться.

– Хмм... Вы так говорите, потому что лично вас это не затронуло, да? – Джейми удивленно нахмурился, и она пояснила: – Те женщины... Если бы на их месте была ваша семья? Я, Лиззи, Брианна...

– Тогда я бы вмешался, – ровно произнес Джейми. – Но то была семья Герхарда.

Он встал из-за стола, оставив суп недоеденным.

– Фергус, ты все?

Тот поднял миску и допил содержимое через край, дергая кадыком на загорелом горле.

– *Oui*. – Он вытер рот рукавом. Встал и дернул Марсали за прядку светлых волос, выбившихся из-под чепчика. – Не переживай, *chéri*. Если кому приглянется твой скальп, я сделаю из его мошонки кисет для табака.

Марсали раздраженно фыркнула и хлопнула мужа по руке, но разговор о Герхарде Мюллере больше не заводила.

Я подняла тяжелый кувшин с зельцем и поставила возле двери, чтобы не забыть на обратной дороге. Интересно, приехал ли с Герхардом его сын, Фредерик? Скорее всего, да, парню уже лет двадцать, в таком возрасте жаждут приключений. Молодая жена Фредерика и их новорожденный сын умерли от кори – а Герхард решил, что заразу на их дом наслали индейцы.

Нашел ли Фредерик себе новую жену? Наверное. А если нет... Среди приехавших недавно арендаторов есть две молоденькие девушки. И Лиззи, само собой. Возможно, Джейми захочет подобрать им мужа.

Ларь с кукурузой был полон на три четверти, вот только мышинный помет вокруг навевал неприятные мысли. Муки маловато – всего восемь мешков. Надо попросить Джейми съездить на мельницу...

Еще мешок риса и бобов, по бушелю кедровых, грецких и серых орехов. Горка сушеной тыквы, мешок овсяной и кукурузной муки, по галлону яблочного сидра и уксуса. Кувшин соленого сливочного масла, еще один – свежего, корзина круглых козьих сыров, выменянных на ежевику и смородину. Остальные ягоды я засушила вместе с диким виноградом или сварила из них варенье, припрятав в кладовой, подальше от детей.

Мед. Я замерла, поджимая губы. Двадцать галлонов чистого меда, а еще четыре банки с сотами, которые ждали своей очереди переплавиться в свечи. Все это хранилось в «родильном» загоне, куда не могли добраться медведи. Вот только там частенько бывали дети, чтобы покормить животных. Подозрительно липких мордашек и рук я пока не замечала, но надо бы предупредить возможные набеги.

Судя по запасам, голодать нам зимой не придется. Меня больше волновала нехватка витаминов. Каштановая роща совсем осыпалась. Свежей зелени мы не увидим еще месяца четыре, хотя на грядках у меня оставались репа и капуста.

Погреб под домом был полон. В нем пахло землистым картофелем и сладкой репой с едкими нотками лука и чеснока. У задней стены стояли две большие бочки с яблоками, возле которой виднелись отпечатки детских ног.

На стропилах висел дикий виноград, медленно превращающийся в изюм. Ягод было много, хотя нижнюю часть гроздьев уже общипали до голых стеблей. В общем, цинги нам можно не бояться.

Я побрела домой, пытаясь посчитать про себя, сколько продуктов выделить Джейми для его милиции, а сколько – оставить женщинам и детям. Пока сложно сказать, все зависит от того, большой ли отряд он соберет, и возьмут ли мужчины свои собственные припасы. Хотя полковником был Джейми, и именно ему надлежит кормить людей, надеясь в будущем когда-нибудь получить компенсацию.

Не в первый раз я пожалела, что знаю о революции так мало. Долго ли еще просуществует Ассамблея?

Брианна медленно расхаживала вокруг колодца, сосредоточенно шевеля бровями.

– Сейчас делают металлические трубы? – спросила она. – У римлян они были, но...

– В Париже и Эдинбурге я их видела, по ним отводили дождевую воду с крыш. Правда, в колониях не встречала; если они здесь и есть, то стоят баснословно дорого.

Как и другие металлические изделия, вроде подков и гвоздей, привозимые из далекой Британии.

– Хмм... По крайней мере, люди знают, что это такое. – Она прищурилась, вычисляя угол наклона между колодцем и домом. – Я могла бы сделать насос. Как-нибудь провести воду. – Она зевнула, сонно моргая от яркого света. – Боже, как я устала. Джемми ревел всю ночь, а едва он успокоился, заявили Мюллеры. Кажется, я вообще не спала.

– Мне это знакомо, – сочувственно кивнула я и рассмеялась.

– Я что, была капризным ребенком? – с улыбкой спросила Брианна.

– Не то слово, – заверила я, шагая к дому. – А где Джемми?

– Он у...

Брианна застыла, хватая меня за руку. Я обернулась, и живот свело от страха.

– Что... Господи боже, это что такое?

Крест. Большой крест, футов семь высотой, из ободранных сухих сучьев, перевязанных веревкой, торчал рядом с голубой елью, охранявшей дом. Не бросался сразу в глаза, но ненавязчиво довлел над окружающим, как ларец со святыми дарами в церкви. Однако веяло от него не покоем и благоговением, а зловещим чувством страха.

– У нас что, ожидается собрание секты?

Брианна дернула уголок рта, пытаясь обратить все в шутку. Крест пугал ее не меньше моего.

– Не слыхала о таком.

Судя по аккуратной работе, крест сколотил Джейми. Ветви он выбрал самые ровные, тщательно их обстругал, заострил концы. На крестовине сделал выемки, а узел завязал со старанием моряка.

– Может, па решил основать свою собственную религию? – Брианна тоже узнала руку мастера.

Из-за угла вдруг вылетела миссис Баг. При виде нас она застыла, разинув рот. Я невольно съежилась, ожидая очередной отповеди, и Брианна сдержанно хихикнула.

– А, вот вы где, мэм! Я только что сказала Лиззи, какой стыд, какой ужасный позор, что эти отродья перерыли весь дом, разбросав повсюду свои объедки, – даже в кабинете хозяйки, а Лиззи говорит мне...

– Что? В моем медицинском кабинете?! Как?! Что они сделали?

Забыв про крест, я поспешила к дому. Миссис Баг бежала за мной по пятам, непрерывно тараторя.

– Я поймала там двух чертенышей, которые играли в крикет с вашими бутылочками и яблоками, и, уж будьте уверены, хорошенько надрала им уши. Будут теперь знать, как переводить хорошую пищу, та аж вся сгнила и...

– Мой хлеб!

Я рванула в коридор и распахнула дверь операционной, чтобы увидеть, как все внутри сияет чистотой – включая столешницу, на которой еще утром лежали последние образцы для выведения пенициллина. Теперь та была совершенно пустой, дубовую поверхность отдраили до царапин.

– Такая гадость была! – возмущалась за моей спиной миссис Баг. Миниатюрная шотландка чопорно поджимала губы. – Повсюду плесень, все аж синее, и...

Я сделала глубокий вдох и стиснула кулаки, чтобы ненароком ее не придушить.

– Миссис Баг... – начала я, еле сдерживая крик, – я очень ценю вашу помощь, но не могли бы вы...

Распахнувшаяся входная дверь шарахнула по стене рядом со мной.

– Старая карга! Как ты посмела тронуть моих детей!

Повернув голову, я нос к носу столкнулась с миссис Чишолм, красной от ярости. Она наперевес держала метлу, а за ее юбку цеплялись два детеныша с перемазанными от слез мордашками. Меня она и вовсе не заметила, глядя лишь на миссис Баг, оцетинившуюся, точно ежик.

– Ты и твои драгоценные детки! – возмущенно выпалила миссис Баг. – Раз уж произвела их на свет, надо и воспитать должным образом, а не бросать на произвол судьбы, а то носятся от чердака до подвала, как стая диких обезьян, и хватают своими липкими ручонками все, что не приколочено!

– Ну, ну, миссис Баг, вряд ли они хотели... – вмешалась я, но мой голос потонул в воплях троих Чишолмов, причем старшая орала громче всех.

– Да кто ты такая, чтобы называть моих деток ворами, старая *nettercap*!

[33]

Выставив перед собой метлу, несправедливо обвиненная мать двинулась вперед. Я быстро влезла между ними.

– Миссис Чишолм, – примиряюще подняла я руку, – Маргарет, честное слово, я уверена, что...

– Как ты меня назвала? – Миссис Баг дрожжевым тестом раздувалась на глазах. – Меня – богобоязненную женщину и ревностную христианку? И ты смеешь разговаривать так с теми, кто старше и лучше тебя и твоего проклятого племени, которое в лохмотьях шлялось по горам, не имея за душой даже ночного горшка?!

– Миссис Баг! – завопила я, оборачиваясь уже к ней. – Нельзя...

Миссис Чишолм до ответа не снизошла, просто взмахнула метлой и ринулась на противника. Я перехватила другой конец метлы, и Маргарет, не

в силах оттолкнуть меня в сторону, просто принялась истошно тыкать палкой поверх моего плеча.

Миссис Баг, чувствуя себя в безопасности, скакала за моей спиной, точно шарик от пинг-понга.

– Голодранцы! – кричала она, надрывая легкие. – Попрошайки! Цыгане!

– Миссис Чишолм! Миссис Баг! – умоляла я, но меня никто не слушал.

– *Kittock! Mislearnit pilsh!*^[34] – ревела миссис Чишолм, безумно размахивая метлой. Дети плакали на два голоса. Так продолжалось бы еще долго, только Маргарет – женщина весьма грузная – вдруг наступила мне на ногу.

У меня лопнуло терпение. Увидев, как я сверкнула глазами, миссис Чишолм выронила метлу и попятилась.

– Ха! Распутная дура! Ты и твои...

Пронзительные вопли миссис Баг за моей спиной вдруг затихли, я обернулась и увидела, как Брианна, должно быть, обежавшая вокруг дома и зашедшая через кухню, зажимает ей рот и приподнимает над полом, а та, выкатив глаза, истошно колотит ногами. Бри подмигнула мне и попятилась, унося свою пленницу.

Я повернулась к миссис Чишолм, намеренная с ней разобраться, – но та, взмахнув серыми юбками, уже исчезала за углом вместе со своим потомством. Метла валялась у моих ног. Я подняла ее, зашла в кабинет и закрыла за собой дверь.

Зажмурив глаза, ухватила руками за пустой стол. Ужасно хотелось ударить кого-нибудь – и я замолотила кулаками по столешнице.

Какого черта со мной творится? Да, вмешательство миссис Баг вывело меня из себя, но не настолько же... А миссис Чишолм со своим выводком рано или поздно уйдет из моего дома... Надеюсь.

Сердце стучало уже медленнее, но колючки раздражения крапивницей еще щипали кожу. Чтобы успокоиться, я заглянула в шкаф – только бы любопытные руки не дотянулись до его содержимого.

Нет, там все было в порядке. Бутылочки, отполированные до блеска – солнечный свет играл на синих и зеленых боках, – стояли на месте, обратив ко мне аккуратно подписанные этикетки. С пучков сушеных трав смахнули пыль, но развесили каждую на свой гвоздик.

Вид лекарств меня утешил. Я прикоснулась к баночке с мазью против вшей, чувствуя себя скупцом, лелеющим свои сокровища.

Спиртовая лампа, пузырьки с лекарствами, микроскоп, большая пила для ампутации, баночка с нитками для швов, мешочек с паутиной – все

выстроилось по полкам, точно разношерстные новобранцы перед сержантом. Пусть миссис Баг и позволяла себе слишком много, зато хозяйкой она была отличной.

Единственное, что не тронули в кабинете, – кожаный мешочек, который дала мне Найавенна, шаман тускарора, теперь в одиночестве лежавший в уголке. Интересно, почему миссис Баг не переложила его к остальным вещам? Я ведь никогда не говорила ей, откуда он, хотя понятно, что вещицу сделали индейцы – из узелка торчали перья дятла и ворона. Прожив в колониях меньше года, миссис Баг относилась к индейцам с излишней подозрительностью.

В кабинете безмолвным укором витал запах щелока. Не стоит винить домоправительницу: это для меня заплесневелый хлеб, куски гнилой дыни и яблоки были экспериментом, а для нее – вопиющим оскорблением бога чистоты.

Вздохнув, я закрыла шкаф. Уже не впервые мой эксперимент завершался провалом, тем более что и в этот раз успеха он не предвещал. Ничто не мешает приготовить новые кусочки хлеба и овощей. Однако делать этого я не стала, хотя времени до обеда было достаточно. Джейми уже собирает милиционеров, значит, через несколько дней они выдвинутся в Солсбери – и я вместе с ними.

В голову вдруг пришло, что я в любом случае не успела бы завершить эксперимент. Раскладывая испорченные препараты, я ведь знала, что нам скоро уезжать. Даже если бы что-то получилось, все равно не хватило бы времени собрать грибок, высушить, очистить... Я это знала – и упрямо затеяла опыты, словно жизнь мирно шла своим чередом и над нами не нависала угроза. Будто мои действия могли все изменить.

– Какая же ты все-таки дура, Бичем, – пробормотала я, устало заправляя прядь волос за ухо. Вышла, плотно затворила за собой дверь и отправилась мирить миссис Баг и миссис Чишолм.

* * *

Покой на первый взгляд удалось восстановить, но в доме все равно царил тревога. Женщины хмуро делали свои дела, и даже Лиззи, славящаяся безропотностью и терпением, прикрикнула на детей, когда те пролили кувшин пахты на ступеньки.

Воздух искрил, как при грозе. Я то и дело поглядывала на небо, почти ожидая увидеть тучи – но оно было бледно-синим, как всегда в конце

осени, с тонкими струйками прозрачных облаков.

Я не могла ни на чем сосредоточиться, бросала одно дело за другим. В кладовой лежала полусплетенная связка лука, на крыльце – миска недочищенных бобов, на скамье – пара рваных штанов с воткнутой иглой. Я же слонялась по двору, не зная, чем себя занять.

Проходя мимо креста, я всякий раз смотрела на него, словно ожидая, что он исчезнет или обзаведется поясняющей табличкой. Пусть даже «*Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum*»^[35]. Увы. Крест стоял на месте – две палки, скрепленные веревкой. Вот только он что-то значил, а я никак не могла понять, что именно.

Миссис Баг, будучи не в духе после ссоры, отказалась готовить обед и удалилась в свою комнату, сославшись на головную боль, хотя мою помощь категорически отвергла. Всегда аккуратная Лиззи спалила рагу, и черная сажа теперь пятнала дубовые балки над очагом.

Радовало лишь, что Мюллеры не путались под ногами. Захватив боценок пива, после завтрака они удалились в хижину Брианны.

Хлеб не поднимался. У Джемми полез новый зуб, и мальчишка орал не умолкая. Истеричные вопли накалили и без того напряженную атмосферу. Я хотела уже предложить Бри забрать сына и уйти прогуляться, но увидела темные круги у нее под глазами и промолчала. Однако миссис Чишолм, утомленная битвой с собственным потомством, столь деликатной не была.

– Ради бога, девушка, почему бы тебе не забрать ребенка и не вернуться домой, – в гневе выпалила она. – Нечего всем слушать, какой он горластый!

Бри хищно прищурилась.

– Потому что в моем доме два ваших сына пьют с немцами. Не хочу им мешать.

Миссис Чишолм пошла красными пятнами. Прежде чем она открыла рот, я шагнула вперед и выхватила ребенка у Бри.

– Мы с ним погуляем, хорошо? Подышим свежим воздухом. А ты пока пойди приляг у меня, дорогая. А то, наверное, устала.

– Угу, – криво усмехнулась она. – Есть немного. Спасибо, мама.

Она поцеловала горячую потную щечку Джемми и исчезла на лестнице.

Миссис Чишолм угрюмо уставилась ей вслед, но, заметив мой взгляд, кашлянула и окликнула своих трехлетних близняшек, деловито ломающих мою корзинку для шитья.

После душной дымной кухни свежий ветер приятно обдувал кожу. Джемми немного притих, хотя продолжал хныкать и извиваться.

Прижавшись мокрым лицом к моей шее, он яростно вгрызся в платок, пуская слюни.

Я медленно ходила взад-вперед, напевая под нос «Лиллибуллерио»^[36]. Это занятие весьма успокаивало, несмотря на капризы Джемми.

– Ты ведь мужчина. – Я поправила шерстяной чепчик, прикрывавший пушок на макушке. – Не без недостатков, конечно, но хотя бы соперниц за волосы таскать не будешь.

Хоть я и питала нежную привязанность к отдельным женщинам – Бри, Марсали, Лиззи, даже миссис Баг, в целом, надо признать, я предпочитала общаться с мужчинами. Причиной ли тому мое неортодоксальное воспитание (ведь меня растил дядюшка Лэмб и его лакей-перс Фируз) или военный опыт, а может, просто личные предпочтения... Так или иначе, мужчины казались мне более логичными и прямолинейными.

Я повернулась к дому. Крепкий и красивый, он безмятежно стоял среди елей и каштанов. В одном из окон мелькнуло лицо; высунув язык, оно прижалось к стеклу, расплющивая нос и щеки. Затем раздался грохот и женские крики.

– Хмм... – протянула я.

Хоть я и не рвалась так скоро в дорогу и переживала, как бы Джейми не втянулся в очередной военный конфликт, все же сама идея о том, что ближайшие пару недель я проведу в обществе двух-трех десятков бородатых немых мужчин, выглядела с каждым часом все привлекательнее. Пусть даже спать придется на сырой земле.

– *«И в жизни каждого когда-нибудь прольется дождь»*^[37], – со вздохом сказала я Джемми. – Ты, бедняжка, уже и сам, наверное, знаешь.

– Угуу, – согласился он и захныкал от боли в деснах, пнув меня под ребро. Я перехватила ребенка поудобнее и протянула ему палец. Десны были твердыми и бугристыми, на месте растущего зуба ощущалась горячая шишка. Со стороны дома донесся дикий вопль и топот.

– Знаешь... – задумчиво произнесла я. – Давай-ка попробуем виски.

Отобрав палец, я прижала ребенка к груди и нырнула за большую красную ель – как раз вовремя, потому что распахнулась дверь и по мерзнувшей горе эхом разнесся зычный голос миссис Баг.

* * *

В лесу было на удивление тихо, и убаюканный ровным шагом Джемми

прикорнул у меня на груди, обмякнув, точно тяжелый мешочек с песком.

Деревья давно облетели, тропинку по щиколотку засыпало коричневыми и золотыми листьями, а кленовые семена кружили на ветру, цепляясь к юбке. Над головой хрипло каркнул ворон, и ребенок испуганно дернулся.

– Шшш... – Я прижала его крепче. – Ничего страшного, милый, просто птичка.

Однако я посмотрела вслед ворону и прислушалась, нет ли других. Горцы считали, что эти птицы – вестники судьбы. Один ворон сулит скорые перемены, два – удачу, три – болезнь... Я в такие глупости не верила, конечно, но Найавенна как-то сказала, что ворон – мой тотем, и с тех пор я не могла без мурашек глядеть на черные крылатые тени.

Джемми заерзал, издал короткий вопль и затих. Я погладила его по щечке. Интересно, а какой тотем у него?

«Не ты выбираешь, а дух животного», – говорила Найавенна. Надо искать знаки и ждать, когда зверь сам тебе покажется. У Иэна – волк, у Джейми – медведь: так сказали тускарора. Меня все подмывало спросить, доставался ли кому навозный жук или еще какая-нибудь пакость, да воспитание не позволило.

Итак, ворон всего один. Значит, перемены...

– Можно было и не утруждаться, – негромко сказала я, чтобы не разбудить ребенка. – Сама знаю.

Я медленно поднималась в гору, слушая вздохи ветра и собственное шумное дыхание. Скорые перемены уже витали в воздухе запахами мертвой листвы: зима была все ближе. Нас, однако, ждали и другие перемены, куда более тревожные.

Я оглянулась на дом: отсюда виднелся лишь угол крыши и дым из печной трубы.

– Как думаешь, будешь ли ты жить здесь, а потом твои дети и внуки?.. – тихо спросила я, прижимаясь подбородком к вязаному чепчику.

Все могло обернуться иначе. Если бы Брианна рискнула и прошла беременная сквозь камни... но она осталась здесь. Думала ли она о том, что выбор сделала не только за себя, но и за него? Предпочла войну и болезни, лишь бы быть с отцом... и Роджером. Я сомневалась, что она поступила правильно, но решать было не мне.

Нельзя предсказать заранее, как рождение ребенка перевернет твою жизнь.

– И это хорошо, – сообщила я Джемми. – Иначе никто в здравом рассудке не решился бы завести детей.

Мое раздражение улеглось, успокоенное ветром и тишиной облысевшего леса. Поляна с виски, как мы ее называли, располагалась в стороне от тропы. Джейми несколько дней искал подходящее место. Солодильню устроили у подножья холма, а перегонный куб поставили выше по склону, возле небольшого ручья с чистой свежей водой. С тропинки его видно не было, но отыскать не составляло особого труда.

– Какой смысл прятаться, если это место легко найти по запаху? – пояснил как-то Джейми.

Даже сейчас, когда зерно уже не бродило под навесом и не поджаривалось на токе, в воздухе висел легкий дымный аромат. Когда же зерно было «в деле», плесневелый запах брожения ощущался за полмили, а дымок при копчении при правильном ветре достигал хижины Фергуса.

Обычно за каждой партией присматривали Марсали и Фергус. Сейчас под навесом из гладких досок, посеревших от дыма и дождей, было пусто, хотя рядом лежала небольшая кучка поленьев.

Я подошла ближе и пригляделась к дровам. Фергус предпочитал гикори – древесина легче кололась и придавала солоду сладковатый вкус. Джейми, свято придерживающийся традиционного рецепта, брал только дуб. Я коснулась расколотого чурбачка: широкие волокна, бледная древесина, тонкая кора. Значит, недавно здесь был Джейми.

Обычно мы держали про запас бочонок виски: мало ли что может произойти?

– Если Марсали вдруг наткнется на бандитов, лучше ей иметь под рукой откуп, – рассудительно заметил Джейми. – Все знают, что мы делаем виски. Получив бочонок, никто не станет пытать, где склад.

Виски, само собой, оставляли не самый лучший – незрелый и неочищенный, но для непрощенных гостей или, допустим, для прорезывания зубок у младенца сгодится.

– У тебя ведь еще нет вкусовых рецепторов, да? – пробормотала я Джемми, который во сне причмокнул губами и скривил личико.

Почему-то бочонка нигде не было: ни за мешками с зерном, ни в куче дров. Неужто украли? Или забрал кто из своих?

Я прошла десяток шагов на север и свернула направо к большой скале над зарослями ниссы и цефалантуса. Она была не такой уж цельной: между двумя гранитными плитами имелась трещина, спрятанная за кустами остролиста. Я прикрыла Джемми платком от колючек и осторожно нырнула в расщелину.

С той стороны расщелины скала распадалась на десяток здоровых валунов, между которыми рос подлесок. Отсюда место казалось

непролазным, но со скалы можно было разглядеть едва заметную тропку, уводящую на другую поляну, – даже не поляну, а скорее проплешину между деревьями, где с камня резво сбегал ручей. Летом поляну нельзя было заметить и сверху – ее укрывали густые кроны.

Теперь же, на пороге зимы, белый камень возле ручья отчетливо проглядывал сквозь лысые ветки ольхи и рябины. Валун прикатил сюда Джейми; он нацарапал на нем крест и вознес молитву, благословляя ручей. Я хотела пошутить про «святой виски», но воздержалась: вряд ли искренне верующий Джейми оценил бы мой юмор.

По кривой заросшей тропинке я медленно обогнула скалу. От ходьбы стало жарко, хотя пальцы, которыми я придерживала края платка, все равно стыли на ветру.

Там, на берегу ручья, стоял Джейми – почти голый, в одной лишь рубашке.

Я застыла, прячась за высоким кустарником.

Меня смутила не его нагота, а странная поза и выражение лица. Джейми выглядел усталым; ничего удивительного, ведь поднялся он задолго до рассвета. Старые брюки, которые он носил для верховой езды, лежали на земле, рядом – аккуратно свернутый пояс. Неподалеку в траве виднелось что-то темное – приглядевшись получше, я узнала синекоричневый килт. Джейми тем временем стянул рубашку, опустил нагой на колени и плеснул в лицо водой из ручья.

Одежда изрядно запыхилась от скачки, но сам Джейми был не таким уж грязным. Достаточно умыться с мылом – причем куда приятнее это сделать в теплой кухне у очага.

Однако Джейми взял стоявшее неподалеку ведро, зачерпнул ледяной воды и, зажмурившись, перевернул над собой. Струи побежали по груди и ногам, мошонка поджалась, прячась в заросли рыжих волосков.

– Да твой дедушка совсем спятил, – прошептала я Джему, который сморщился, не обращая никакого внимания на выкрутасы предка.

Не то чтобы Джейми не боялся холода – из своего убежища я видела, как он дрожит и хватается ртом воздух. Тем не менее он глубоко вдохнул и снова облился водой. Потом третий раз зачерпнул ведро... И я вдруг стала понимать, что он делает.

Хирурги перед операцией всегда моют руки – не только ради стерильности. Это целый ритуал – намылить, выскоблить грязь из-под ногтей, снова и снова до боли тереть кожу... Можно собраться с мыслями и очистить сознание. Смыть все внешние заботы вместе с микробами и омертвелыми частицами плоти.

Я сама так часто выполняла этот ритуал, что легко его узнала: Джейми не просто мылся, – студеной водой из ручья он очищал тело и сознание.

По спине у меня ледяным ручейком побежали мурашки.

Наконец Джейми поставил ведро и встряхнулся; капли брызгами разлетелись на траву. Прямо на мокрое тело он надел рубашку и повернул на запад, где между гор затаилось солнце.

Сквозь голые деревья струился свет, такой яркий, что я видела только мужской силуэт под белой рубахой. Джейми стоял, расправив плечи и высоко подняв голову, точно прислушивался к чему-то.

Я затаила дыхание и прижала ребенка к груди, баюкая, чтобы ненароком не проснулся.

Тихо вздыхал лес, шелестя иголками. Дул ветер, вода плескала в ручье, шурша по камням. Стучало мое собственное сердце, Джейми сопел мне в шею. А я вдруг, сама не зная почему, испугалась: эти звуки были слишком громкими и могли навлечь на нас беду.

Джейми крикнул что-то на гэльском: не то вызов, не то приветствие. Слова показались мне смутно знакомыми, но на поляне никого не было – ни души. Воздух враз стал холоднее, свет потускнел, словно туча набежала на солнце, – только небо оставалось чистым. Джем заерзал у меня на руках, и я перехватила его покрепче, чтобы молчал.

Затем ветер переменился, унес с собой холод, и чувство опасности ушло. Джейми расслабил плечи, и заходящее солнце залило его золотом, озаряя нимбом рыжие волосы.

Он вытащил из ножен кинжал и решительно полоснул лезвием по правой руке. Закусив губу, я смотрела, как набухает на пальцах красная линия. Джейми выждал немного и вдруг взмахнул рукой так, что капли разлетелись веером, осеняя камень у истока ручья.

Положив кинжал, он перекрестился мокрыми от крови пальцами, встал на колени и медленно опустил голову, прижимаясь лбом к скрещенным на камне рукам.

Я и прежде видела, как он молится – на людях или, по крайней мере, в моем обществе. Сейчас же он полагал, что находится один, и смотреть на него коленопреклоненного, обнажающего душу, было неудобно, словно я подглядывала за неким действием, более интимным, нежели телесная близость. Надо сказать что-нибудь, подать знак – но я не решалась осквернить его ритуал. Я молчала, хотя была уже не просто зрителем – в моей душе тоже звучала молитва.

Слова рождались в сознании сами собой: *«Господи, вручаю тебе душу раба твоего Джейми. Помоги ему, молю».*

Джейми перекрестился и встал – и время снова потекло своим ходом. Я, сама не зная как, сделала первый шаг, спустилась по склону, цепляясь юбкой за траву. Джейми, ничуть не удивленный моему появлению, уже шел навстречу.

– *Mo chridhe*^[38], – тихо сказал он, целуя меня. Отросшая щетина царапалась, кожа была ледяной после купания.

– Надел бы штаны. Замерзнешь.

– Сейчас. *Ciamar a tha thu, an gille ruaidh?*^[39]

Как ни странно, Джем уже не спал, а хлопал большими синими глазами и пускал слюни, забыв обо всех своих капризах. Он потянулся к Джейми, и тот осторожно забрал ребенка, прижал к плечу и поправил съехавший набок чепчик.

– У нас растет зубик. Малыш вредничал, так что я решила, вдруг виски поможет... а дома не было.

– А, да. Сейчас все сделаем. У меня с собой.

Джейми подошел к горке своей одежды и выудил помятую оловянную флягу. Протянул ее мне, чтобы я открыла, а сам сел на камень, укачивая внука.

– Я была в солодильне. – Пробка выскочила с тихим чпоканьем. – Бочки там нет.

– Да, ее Фергус забрал. Давай я, у меня руки чистые.

Он вытянул указательный палец, и я плеснула на него из фляги.

– Зачем ему виски? – спросила я, усаживаясь рядом.

– Я велел взять, – расплывчато ответил Джейми и сунул палец ребенку в рот, потирая распухшие десны. – Вот так. Уже лучше, да? Ай!

Он осторожно выпутал пальчики Джемми из поросли на своей груди.

– Кстати...

Я потянулась к его правой руке. Джейми переложил ребенка на другой локоть и послушно расправил передо мной ладонь.

Неглубокий порез шел по подушечкам трех пальцев. Кровь уже запеклась, но я все равно плеснула на ранку виски и промокнула платком.

Джейми молчал. Когда я закончила и подняла голову, он встретил мой взгляд с легкой усмешкой.

– Все хорошо, саксоночка.

– Точно?

Он выглядел усталым, но совершенно спокойным. Хмурые складки, не сходявшие с его лба последние дни, исчезли. Что бы Джейми ни затеял, все уже решено.

- Ты видела, да? – негромко уточнил он.
- Да. Это... это как-то связано с тем крестом возле дома?
- В каком-то смысле.
- Для чего он? – прямо спросила я.

Джейми поджал губы, продолжая тереть воспаленные десны внука. Наконец неохотно произнес:

- Ты не видела, как Дугал Маккензи объявлял сбор клана?
- Я ужасно удивилась, но осторожно ответила:
- Нет. Я видела, как это делал Колум, когда принимал присягу в Леохе.
- Джейми кивнул, вспоминая ту давнюю ночь.
- Да. Колум был лэрдом, и люди отзывались на его призыв. Однако на войну нас собирал Дугал.

Он помолчал немного.

– Мы частенько совершали набеги. Ничего серьезного – просто так захотелось Дугалу или потому, что выпивка в голову ударила... Маленькими отрядами, всего-то с десятков человек, чтобы отбить у соседей пару голов скота или украсть немного зерна... Но чтобы весь клан собрался на войну – это было редкостью. Я видел такое лишь раз – и не забуду никогда.

Сосновый крест он заметил сразу же, как только вышел во двор. Обитатели Леоха занимались своими делами, словно ни в чем не бывало. Однако в замке ощущалось волнение.

Мужчины, обсуждавшие что-то по углам, тут же делали вид, будто болтают о пустяках, едва Джейми подходил ближе.

– Пусть я и был племянником Колума, но в замке своим так и не стал, к тому же они слышали о моем деде.

Дедом Джейми по отцовской линии был Саймон, лорд Ловат, вождь клана Фрейзеров из Ловата, – давний недруг Маккензи из Леоха.

– Я понимал, что затевается что-то нехорошее. Постоянно ловил на себе странные взгляды, от которых волосы вставали дыбом.

Наконец Джейми явился в конюшню и нашел там старого Алека, главного конюха. Старик любил Эллен Маккензи и потому был добр к ее сыну.

– Это ж огненный крест, парень, – сказал он Джейми, бросая тому скребницу и кивком указывая на стойла. – Ты что, прежде таких не видал?

Он объяснил, что это очень древний обычай, которому сотни и сотни лет.

– Собирая горцев на войну, вождь ставит деревянный крест и поджигает, – говорил старик, распутывая скрюченными пальцами

лошадиную гриву. – Огонь сразу тушат – кровью или водой, – однако крест все равно называют огненным. Его везут по землям клана как знак, что мужчины должны взять оружие и явиться к вождю.

– Да? И с кем же мы будем воевать? Куда мы отправимся?

Старик одобрительно повел бровями, услышав многообещающее «МЫ».

– Куда велит твой вождь, парень. Сегодня, например, против Грантов.

– Так оно и было, – рассказывал Джейми. – Вечером Дугал поджег крест и созвал весь клан. Крест облили овечьей кровью, и двое мужчин выехали с ним в ту же ночь. Спустя четыре дня в замок прибыло триста человек, вооруженных до зубов. И мы выступили против Грантов.

Джейми укачивал ребенка, но мыслями был далеко отсюда.

– Тогда я впервые поднял меч на человека.

– Понятно, – пробормотала я. Джейми вновь начал извиваться и хныкать, и я переложила его к себе на колени. Пеленка оказалась насквозь мокрой. К счастью, за поясом я держала запасную.

– Значит, крест возле дома... – негромко проговорила я, переодевая малыша, – чтобы собрать милицию?

Джейми вздохнул.

– Да. Я позову – и люди из моего клана, люди моей крови, должны явиться на зов.

Полуприкрыв глаза, он смотрел на склон, однако наверняка видел перед собой не зеленые горы Каролины, а каменистые поля и скалы Лаллиброха. Я положила руку ему на запястье: под холодной кожей ощущался жар внутренней лихорадки.

– Они пойдут за тобой, Джейми. Ты был с ними в Каллодене. Собрал их всех – и потом вернул домой.

Ирония судьбы: люди, которые ответили тогда на его зов, остались живы. Высокогорье сильно пострадало от войны – но Лаллиброх и все его население уцелело. Благодаря Джейми.

– Да. – Он повернулся ко мне, и грустная улыбка тронула его губы. – Но все эти люди здесь – их не связывает долг крови. Они не Фрейзеры, и я не был рожден их вождем и лэрдом. Если они и пойдут сражаться под моим началом, то лишь по своей воле.

– И по воле губернатора Триона, – сухо добавила я.

Джейми покачал головой:

– Вовсе нет. Разве губернатор знает кого-нибудь из них? Нет, он знает только меня, и этого достаточно.

Надо признать, он прав. Триону все равно, кого именно приведет

Джейми, ему важно лишь, чтобы отряд был большим и мог сделать за него всю грязную работу.

Я задумалась, вытирая ребенка подолом юбки. О революции я знала крайне мало – лишь то, что писали в учебниках Брианны, а пропасть между официальной историей и реальностью порой невероятно глубока.

Кроме того, мы жили в Бостоне, и в школе преподавали в основном местную историю. Судя по тому, что писали о сражениях при Лексингтоне и Конкорде, в милицию вступали все здоровые мужчины колоний, причем добровольно, они горели желанием исполнить свой гражданский долг. Может, в Бостоне так оно и было, но мы-то в Каролине, едва ли не на другом конце страны.

– «...Народ весь, поднявшись, слышит сквозь тьму, как в полночь с призывом несется к нему на скачущей лошади Пол Ревир»^[40], – процитировала я под нос.

– Что? – удивился Джейми. – Какой еще Пол Ревир?

– Да так, один ювелир из Бостона... Хотя скоро будет считаться героем, – отмахнулась я.

– Да?.. Ладно, как скажешь, саксоночка. Но я не понимаю, при чем здесь он?

– Я все о милиции...

Джейми бузил и извивался рыбой на траве, не желая надевать новую пеленку.

– Ох, угомонись уже!..

Джейми взял ребенка под мышки и приподнял, чтобы мне было удобнее.

– Давай поддержи. Может, ему надо еще виски?

– Не знаю. Хотя орать с твоим пальцем во рту он не сумеет.

Я с облегчением отдала внука и вернулась к своим мыслям.

– В общем, Бостону уже больше ста лет. Вокруг него много ферм и деревень, причем близко к городу. Люди живут там давно, и все знают друг друга.

Джейми кивнул, терпеливо ожидая, когда я приду к какому-то выводу. И тут меня осенило: он только пытался объяснить мне то же самое.

– Если собирать милицию там, то явятся все: кому хочется, чтобы соседи считали его трусом? А в этих местах...

Я закусила губу, созерцая горы, плавающие в тумане.

– Да, – согласился Джейми. – Здесь все иначе.

Здесь на целую сотню миль не было ни одного крупного города, не считая немецкого поселения в Салеме. Только разрозненные фермы.

Крошечные деревушки прятались в горах, их жители порой годами не видели чужих лиц.

Здесьшние поселенцы готовы прийти соседу на помощь – ведь завтра беда может явиться и в твой дом. Однако еще никогда они не выступали все вместе против общего врага. Не бросали семьи ради губернаторской прихоти. Смутное чувство долга, возможно, призовет одного или двоих; другие пойдут из любопытства или жажды наживы... Но большинство – лишь за человеком, которого они уважают и которому могут доверять.

«Я не был рожден их вождем и лэрдом», – так сказал Джейми. Однако он все равно лэрд по праву. И, если захочет, может стать вождем.

– Зачем, – шепотом спросила я, – зачем тебе все это?

Тени от скал росли и росли, глотая свет.

– А ты разве не видишь? – приподнял бровь Джейми. – Ты рассказала, что случится в Каллодене, и я поверил, саксоночка. Благодаря тебе люди из Лаллиброха вернулись домой живыми и невредимыми.

Не совсем так: любой, кто присоединился к армии горцев, понимал, чем может все обернуться. Однако... я сумела помочь, убедилась, что Лаллиброх готов не только к войне, но и ее страшным последствиям. И чувство вины, которое терзало всякий раз при мыслях о восстании, слабело.

– Допустим. И все же...

– Теперь ты рассказываешь, что случится здесь, саксоночка. Что опять будет восстание и война... и на сей раз победа.

Победа... Я ошеломленно кивнула, зная, какой страшной ценой она достанется.

– Вот только... – Джейми махнул кинжалом в сторону гор. – Я дал клятву короне, и если выступлю против нее, я стану предателем. Мою землю отнимут; может быть, меня даже казнят, и всех моих сторонников тоже. Верно?

– Верно.

Я сглотнула, плотно обхватив себя руками.

– Но в этот раз короне не победить. И когда королевскую власть свергнут... Как быть с моей клятвой? Если я сдержу слово, стану предателем уже для повстанцев...

– О... – слабо выговорила я.

– Вот видишь. В какой-то момент Трион потеряет надо мной власть, хотя когда это произойдет, я не знаю. И до той поры...

Он опустил кинжал острием вниз.

– Понятно. Мы в тупике.

Внутри все холодело от осознания, в каком мы безвыходном положении.

Ясно, что теперь надо выполнять приказы Триона. Но потом... Если Джейми и дальше, уже при революции, будет человеком губернатора, его объявят лоялистом, что в конце концов приведет к нашей гибели. Если же слишком рано отречься от короны и примкнуть к мятежникам, можно лишиться земли, а то и жизни.

Он пожал плечами и откинулся назад, покачивая Джемми на коленях.

– Ничего, я ведь и прежде бывал меж двух огней, саксоночка. Как видишь, уцелел. – Джейми насмешливо фыркнул. – Наверно, это у меня в крови.

Я усмехнулась.

– Если ты о своем деде, то, пожалуй, это и впрямь наследственное. Только в конце концов и он поплатился.

– А тебе не кажется, что это могло быть частью его плана?

Покойный лорд Ловат был печально известен своим коварством, но я не видела никакой выгоды в том, чтобы расстаться с головой.

Джейми улыбнулся.

– Ты же помнишь, что он сделал – отправил молодого Саймона в бой, а сам остался. И кто из них в итоге стоял на эшафоте?

Я медленно кивнула. Молодой Саймон – ровесник Джейми – почти не пострадал за участие в восстании. Его не отправили в тюрьму и даже не сослали, только лишили части земель, которые ему вскоре удалось вернуть через суд.

– Хотя старый Саймон вполне мог обвинить во всем сына и отправить его на казнь, он этого не сделал. Не сумел обречь на смерть собственного наследника.

Джейми кивнул.

– Ты отдашь свою голову, саксоночка, за жизнь Брианны?

– Да, – не колеблясь ответила я.

Жаль признавать, но даже такие ползучие гады, как старый Саймон, беспокоятся о благополучии потомства.

Джему тем временем надоело жевать палец, и он яростно вгрызся в рукоять дедовского кинжала. Джейми крепко держал его за лезвие, но отобрать не пытался.

– Я тоже, – улыбнулся он. – Хотя, надеюсь, не понадобится.

Мне вдруг захотелось бросить все, убедить Джейми держаться в стороне. Сказать Триону, пусть забирает свою землю, предупредить арендаторов – и бежать. Да, война так или иначе будет, но нам

необязательно в ней участвовать. Мы пойдем на юг, во Флориду или Вест-Индию. Или на запад, укроемся у чероки. А может, вернемся в Шотландию. Мы найдем, где спрятаться.

Джейми внимательно глядел на меня.

– Это будет мелкая стычка, саксоночка. Скорее всего, безобидная. Но она положит начало всему.

Небо озаряли последние лучи солнца.

– Если я спасу этих людей, если они пройдут меж двух огней, то дальше последуют за мной без вопросов. Лучше начинать сейчас, пока еще не так много поставлено на карту.

Я вздрогнула.

– Знаю.

– Замерзла, саксоночка? Вот, возьми ребенка и ступай домой. А я за вами, только оденусь.

Он вручил мне Джемми и кинжал (потому что разъединить их было невозможно), встал и принялся отряхивать свой килт. Однако я не двигалась с места. Лезвие кинжала, теплое от его руки, приятно грело ладонь.

Джейми удивленно взглянул на меня, но я покачала головой.

– Подожду тебя.

Он быстро оделся. Несмотря на дурные предчувствия, меня восхищали его инстинкты. Сегодня он надел не обычный малиново-черный килт, а охотничий, желая привлечь людей не богатством наряда, а его самобытностью: показать горцам, что он один из них. Плед, как всегда, заколол брошью в виде бегущего оленя, надел пояс с ножнами, чистые шерстяные чулки. И все молча, погруженный в свои мысли, – так священник облачается в одеяния перед торжественным церковным ритуалом.

Сегодня начнется. Роджер и остальные мужчины уже отправились в горы, чтобы привезти тех, кто живет поблизости. Сегодня Джейми зажжет крест и впервые призовет людей на войну, а сделку закрепит виски.

– Знаешь, Бри была права, – заговорила я, чтобы нарушить молчание. – Она сказала, что ты основываешь собственную религию. Когда увидела твой крест.

Он недоуменно покосился на меня, потом взглянул в сторону дома и насмешливо скривил губы.

– Наверное, так и есть. Помоги мне Господь.

Он забрал у Джемми кинжал, отер его о складки килта и засунул в ножны.

Слова встали в горле комом, и я торопливо выпалила:

– Ты просил Господа тебе помочь? Во время того ритуала?

– А, нет. – На секунду он отвел глаза. – Я взывал к Дугалу Маккензи.

Меня затошнило. Дугал ведь умер, еще давно, в самом конце восстания. На руках у Джейми... с его кинжалом в горле. Я сглотнула желчь, невольно скользнув взглядом по ножнам на поясе.

– Я примирился с Дугалом, – тихо сказал Джейми, заметив выражение моего лица. Он коснулся рукояти кинжала с золоченым навершием, который некогда принадлежал Гектору Кэмерону. – Дугал был вождем. Он бы понял, что я не мог поступить иначе.

Теперь ясно, что именно сказал Джейми, стоя лицом к западу, куда устремлялись души мертвых. То была не молитва и не мольба. Слова, которые он произнес, были мне знакомы, хотя я не слышала их уже целую вечность. Джейми кричал: «*Tulach Ard!*» – боевой клич клана Маккензи.

Я проглотила комок.

– Думаешь, он поможет?

– Если сумеет. Мы много лет сражались с ним спина к спине. Кровь за кровь, саксоночка.

Я невольно кивнула в ответ и прижала к плечу Джейми. Небо позимнему белело, на поляну наплзали тени. Камень у черного ручья казался призраком.

– Пойдем, – сказала я. – Уже темнеет.

Глава 23. Бард

Приветливо светились окна, из печной трубы валил дым с искрами, суля тепло и пищу. Роджер устал, продрог и ужасно проголодался и потому при виде родных стен ощутил приступ особенной нежности, усугубленный тем, что завтра снова придется их покинуть.

– Брианна?

Он зашел в дом, щурясь на свету.

– Вот ты где! Так поздно! Ты где был?

Она выскочила из задней комнаты, держа на бедре ребенка и прижимая к груди ворох клетчатой ткани. Брианна подалась к мужу, чтобы поцеловать его и оставить на губах дразнящий вкус сливового повидла.

– Я десять часов провел в седле. – Роджер забрал у нее тартан и бросил на кровать. – Искал каких-то мифических голландцев. А теперь иди сюда и поцелуй как следует.

Она услужливо обняла его свободной рукой. Роджер подумал, что ужин, пожалуй, подождет. У ребенка, однако, были свои планы, и он издал громкий вопль. Брианна, поморщившись, отступила.

– Зубы режутся? – спросил Роджер, глядя на распухшее личико сына, лоснящееся от слюней и слез.

– Как ты догадался? – язвительно отозвалась Брианна. – Вот, поддержи минутку.

Она сунула брыкающегося Джемми отцу и принялась расшнуровывать лиф зеленого платья, мятого и сплошь покрытого пятнами молока. Высвободив одну грудь, она забрала ребенка и села на стул возле очага. Джемми взвыл и замолотил кулачками.

– Капризничает весь день, – покачала она головой. – Начинает сосать и тут же все выплевывает. Не дается на руки и орет, если положить в колыбельку. Такое чувство, будто я весь день сражаюсь с аллигаторами.

– Хмм... Плохо. – Роджер украдкой потер нившую поясницу. – А тартан зачем?

– Ох, совсем забыла – это тебе. Па принес. – Отвлекшись на секунду от воющего ребенка, Брианна впервые внимательно посмотрела на Роджера. – У тебя все лицо в грязи – упал с лошади?

– И не раз.

Он подошел к умывальнику, стараясь не хромать. Один рукав и штанина до колена были сплошь заляпаны глиной, из-за воротника

высыпался целый ворох листьев.

– Да? Ужас какой. Тихо, малыш, тихо... Не поранился?

– Нет. Все хорошо.

Роджер повернулся спиной, наливая в таз воду. Умываясь, он прислушивался к воплям Джемми и думал, каковы шансы уложить Брианну в постель до завтрашнего отъезда. Учитывая, что у ребенка растут зубы, а его дед строит какие-то планы на вечер, шансы эти весьма невелики, но надежда умирает последней.

Роджер вытер лицо полотенцем и оглянулся украдкой в поисках еды. Оба стола, однако, были пусты, хотя в воздухе витал сильный запах уксуса.

– Квашеная капуста? – приняхиваясь, догадался он. – Мюллеры приезжали?

– Привезли два бочонка. – Брианна указала в дальний угол. – Один – нам. Ты сегодня хоть что-нибудь ел?

– Нет.

Желудок громко заурчал, согласный даже на холодную квашеную капусту, раз уж ничего не предлагают. Хотя в большом доме должна быть еда. Ободренный этой мыслью, Роджер стянул штаны и принялся неуклюже заматываться в тартан.

Джем понемногу притих.

– А что за голландцев ты искал? – спросила Брианна, продолжая укачивать ребенка, хоть и не так усердно.

– Джейми отправил меня на северо-восток к семье, которая якобы поселилась где-то возле Бойлин-Крик, – сообщить о мобилизации и привезти с собой мужчин. – Роджер нахмурился, раскладывая ткань на кровати. Такой плед он носил всего пару раз в жизни и самостоятельно надевать не умел. – Слушай, а мне обязательно это напяливать?

Брианна весело фыркнула.

– Ты ведь не пойдешь в большой дом в одной рубашке. Так что, голландцев не нашел?

– Только деревянный башмак.

Роджер добрался до реки и проехал по ее берегу около мили, уворачиваясь – не всегда удачно – от низких ветвей лещины, но так никого и не встретил, кроме лиса, который при его появлении шмыгнул в кусты.

День был долгим и неудачным. Хотя провал не так уж страшен: Джейми сказал «найди, если сумеешь». Даже если бы Роджер и нашел их, голландцы могли не понять его речь, ведь язык он учил целую вечность назад, когда пару месяцев жил в Амстердаме. А еще они могли запросто отказаться ехать невесть куда за незнакомцем. Однако чувство неудачи

кололо изнутри, точно камешек в обуви.

Надевать тартан – не самое легкое занятие. Проще всего лечь на свернутую ткань и перекатываться по ней, точно сосиска на гриле. Джейми удавалось делать это стоя, но ему помогал опыт.

Роджер возился с пледом, нарочито вздыхая, и был вознагражден хихиканьем Брианны, которое к тому же успокаивало ребенка. Когда он сумел-таки расправить складки и драпировки, и мать, и дитя уже хохотали во все горло.

Роджер отставил ногу и отвесил им глубокий поклон, и Бри хлопала одной рукой по бедру, изображая аплодисменты.

– Потрясающе! – Она окинула его придирчивым взглядом. – Видишь папу? Какой он у нас красивый!

Она повернула Джемми лицом, малыш задумчиво уставился на живое воплощение мужской доблести, а потом широко улыбнулся, роняя струйку слюны.

Роджер по-прежнему еле стоял на ногах от усталости и голода, но все это было неважно. Он протянул руки к ребенку.

– Хочешь переодеться? Если он наелся и сухой, я могу взять его в дом, а ты пока приведешь себя в порядок.

– А что, нужно?! – Брианна сердито вздернула длинный нос. Волосы растрепались и висели лохмами, платье выглядело так, будто она спала в нем всю неделю, а по груди расплывалось темное пятно.

– Ты прекрасно выглядишь! – Роджер ловко выхватил ребенка. – Вот так, *bhalaich*^[41], маме надо чуть отдохнуть. Пойдем со мной.

– Не забудь бойран, – крикнула ему вслед Брианна.

Роджер удивленно обернулся.

– Зачем?

– Па хотел, чтобы ты сегодня спел. Погоди, он дал мне список.

– Список? Какой еще список?

Джейми Фрейзер не интересовался музыкой. Роджера порой немного раздражало, что тесть совершенно равнодушен к его таланту.

– Песен, конечно. – Нахмурившись, Брианна стала вспоминать: – Он хотел, чтобы ты спел «Барни Бузл» и «Большой тюлень». Можешь и другие добавить. А потом что-нибудь военное. Что именно, он не сказал, но, скорее всего, имел в виду «Килликранки», «Холмы Кромдейла» или «Битву при Шеррифсмуре». В общем, любые подстрекательные песни, только старые, написанные до сорок пятого года. А еще «Джонни Коупа» – па хочет, чтобы ты ее спел ближе к концу. И...

Роджер изумленно хлопнул глазами, выпутывая ножку Джемми из

складок пледа.

– Не думал, что твой отец так хорошо разбирается в музыке.

Брианна вытащила деревянную заколку, удерживающую волосы, и густые рыжие пряди рассыпались по плечам.

– Он и не разбирается. У него совершенно нет слуха. Мама, говорит, он не может различить ни одной ноты.

– Я так и думал. Почему же тогда...

– Он не слышит музыку, Роджер, но слышит слова. А еще наблюдает за другими. Он знает, как ведут себя люди и что чувствуют, когда слышат твои песни.

– Правда? – пробормотал Роджер. Приятно все-таки, что Фрейзер заметил его талант. – Значит, он хочет, чтобы я настроил людей на нужный лад?

– Ага, – кивнула Брианна, распуская лиф. Под тонким муслином сорочки качнулись высвободившиеся груди.

Роджер неловко переступил с ноги на ногу. Брианна заметила это и обернулась. Она медленно обхватила грудь руками и приподняла ее, неотрывно глядя ему в лицо. У Роджера перехватило дух.

Чары первой разрушила Брианна – отвернулась и стала копаться в сундуке с бельем.

– Ты знаешь, что именно он задумал? – приглушенно спросила она. – И что за крест он поставил?

– Да, знаю. – Джемми запыхтел, точно паровозик, взбирающийся в гору, и Роджер переложил его в другую руку. – Это огненный крест.

Прижав к груди чистую сорочку, Брианна подняла испуганный взгляд.

– Огненный крест? Он что, собирается спалить его прямо во дворе?

– Ну, не полностью.

Сняв со стены бойран, Роджер щелчком проверил, крепко ли натянута кожа.

– Ритуал очень редкий, его, наверное, не проводили после восстания якобитов. Твой отец рассказывал, что он и сам видел его всего лишь раз. Любопытно будет взглянуть...

Окрыленный энтузиазмом историка, Роджер не заметил, что Брианна не разделяет его интереса.

– Может быть... Не знаю. Как-то у меня мурашки по коже...

– Да? Почему?

Она пожала плечами и стянула через голову мятую сорочку.

– Может, потому, что видела горящие кресты по телевидению. Ну, ты знаешь, в новостях про ку-клукс-клан. А что, в Британии о нем не

сообщали?

– Ку-клукс-клан? – Фанатики интересовали Роджера куда меньше полуобнаженной жены, но усилием воли он сосредоточился на разговоре. – Да, слышал о них. Как думаешь, откуда они пошли?

– В смысле? Хочешь сказать, что...

– Да, – насмешливо подхватил Роджер, – продолжили традиции горцев-эмигрантов. Почему, по-твоему, они называли себя именно «кланом»? Подумай только! Все может начаться сегодня! Тот самый ритуал, который из Старого Света привезли в Новый.

– Наверное, – слабо отозвалась Брианна. Она надела чистую сорочку и встряхнула синее платье.

– Все должно где-то брать начало, – заговорил Роджер уже мягче. – Обычно мы не знаем, где и когда. Но если в этот раз все иначе? К тому же ку-клукс-клан появится только лет через сто, не раньше. – Он пересадил Джемми на бедро. – Мы с ними не встретимся, и Джеремайя тоже.

– Отлично, – сухо сказала Брианна, затягивая шнуровку на лифе. – Зато наш правнук может стать Великим Драконом.

Роджер захохотал.

– Не исключено. Но сегодня эта роль достанется твоему отцу.

Глава 24. Игра с огнем

Видимо, ожидалось что-то вроде Сбора – песни, еда и выпивка возле костра. Огромный бочонок пива и поменьше с виски уже стояли у ограды, а большущая свиная туша медленно вращалась на ореховом вертеле над слоем углей, испуская аппетитный дымный аромат.

Роджер усмехнулся, глядя в лица, лоснящиеся от жара костра и выпивки, и ударил в бойран. Звук потонул в хоре хриплых голосов:

...Но с Данди чуть голову не сложил
При битве у Килликранки.

Ужин он давно себе заработал, ведь пел и играл уже больше часа. За это время успела взойти луна. Дождавшись припева, Роджер прервался на секунду, чтобы сделать глоток пива из чаши, стоящей возле стула, и продолжил с новой силой:

Я в море сражался, в пехоте служил,
И с братом сходил в драке,
Но с Данди чуть голову не сложил
При битве у Килликранки.

Роджер профессионально улыбался, окидывая слушателей взглядом. Ему удалось их разогреть – не без помощи виски, – теперь настала очередь того, что Бри назвала «подстрекательными песнями».

Крест стоял позади. Все недоуменно спрашивали друг друга, что бы он значил.

Фрейзер держался в стороне, далеко от костра. Роджер видел его высокий силуэт в тени большой красной ели. Джейми весь вечер обходил людей, обменивался приветствиями и шутками. Теперь, в одиночестве, он чего-то ждал.

Роджер замолк для аплодисментов и нового глотка, потом заиграл задорную и быструю мелодию «Джонни Коупа».

Он уже исполнял эту песню на Сборе и знал, как воспринимают ее слушатели. Сперва нерешительно замирают, а со второго куплета начинают подпевать, изредка выкрикивая оскорбления в адрес англичан.

Кое-кто из сегодняшних гостей сражался при Пестонпансе, и пусть их потом разбили в Каллодене, но сперва они разгромили армию Джона Коупа и любили вспоминать о славной победе. Горцы, которых там не было, много слышали о той битве. Даже Мюллеры, которые знать не знали ни о каком Карле Стюарте и понимали одно слово из десяти, подпевали припеву, размахивая чашами после каждой фразы. В общем, веселились от души.

Последние строки толпа ревела уже хором, заглушая голос Роджера.

Эй, Джонни Коуп, где же ты есть?
Вставай, барабаны бьют!
Коли не струсишь завтра, то здесь
Я жду тебя поутру.

Он сыграл последний аккорд и под шквал аплодисментов поклонился. Разминка завершена, настало время кульминации. Улыбаясь и кивая зрителям, Роджер встал с табурета и исчез в тенях возле разрезанной свиной туши.

Там его уже ждала Брианна, и Джемми бодро хлопал глазами у нее на руках. Она поцеловала мужа, отдала ребенка, а взамен забрала бойран.

– Потрясающее выступление! Подержи, я принесу тебе еды и пива.

Джем, как всегда, потянулся за матерью, но, оглушенный ревом пламени, плакать не рискнул – прижался к Роджеру и сосредоточенно сунул в рот большой палец.

Роджер весь взмок от напряжения, сердце бухало в груди, и воздух охлаждал разгоряченное лицо. Ребенок приятно оттягивал руки. Выступление и впрямь удалось... лишь бы Фрейзер оценил.

К тому времени, как вернулась Брианна с кружкой пива и оловянной тарелкой, заваленной нарезанным мясом и жареным картофелем, место Роджера в кругу костров занял Джейми.

Он стоял, высокий и плечистый, в своем лучшем сюртуке и синем килте, волосы свободно вились по ветру, только сбоку была заплетена тонкая косичка с пером. Пламя играло на золотой рукояти кинжала и броши, удерживающей плед. Джейми выглядел настоящим джентльменом, суровым и полным решимости.

Мужчины тут же осадили своих говорливых соседей, и толпа притихла.

– Вы все знаете, зачем мы здесь, – начал Джейми безо всяких предисловий. Он поднял руку, в которой держал скомканное письмо

губернатора; красное пятнышко печати отчетливо виднелось в ярком свете костров. Толпа воодушевленно заворчала. – Долг призывает нас служить закону и губернатору.

Старый Герхард Мюллер повернул голову, прислушиваясь к переводу, который один из зятьев шептал ему на ухо. Одобрительно кивнув, он заорал: *«Йа! Ланг лебе губернатор!»* По толпе прокатился смех и ответные выкрики на гэльском и английском.

Джейми дождался, когда шум утихнет, затем медленно повернулся, кивая каждому. И наконец указал на крест, мрачно стоящий за его спиной:

– В горной Шотландии накануне битвы вождь поджигал крест и проносил его по всем землям клана. Так он показывал своим людям, что надо брать оружие и ехать в замок.

Толпа зашевелилась – люди принялись толкать друг друга и одобрительно поддакивать. Кое-кто уже слышал о таком ритуале. Другие подались вперед, жадно хватая каждое слово.

– Однако это новая земля и мы – не клан, а друзья. – Джейми улыбнулся Герхарду Мюллеру. – Йа: фройнт, соседи и земляки. – Он посмотрел на братьев Линдси. – Товарищи по оружию. Но не клан. И я ваш командир – но не вождь.

«Черта с два не вождь», – подумал Роджер. Он допил одним глотком остатки пива и отставил тарелку. Ужин подождет. Он вернул ребенка Брианне и забрал бойран.

Джейми вытащил из костра горящую ветвь и высоко ее поднял. Отблески пламени заострили его черты.

– Пусть Господь станет свидетелем нашей воли, пусть Он дарует нам силы. – Джейми замолк ненадолго, чтобы немцам успели перевести его слова. – А этот огненный крест знаменует крепость наших убеждений, волей Господнею охраняя наши семьи и наши дома.

Он коснулся факелом вертикальной перекладины, и темную сухую кору лизнул алый язычок.

Все замерли в ожидании. Толпа не издавала ни звука, только шелестело общее дыхание. Все смотрели на крошечный огонек, колыхавшийся на ветру.

Пламя понемногу разгоралось. Сосновая кора засветилась малиновым, потом белым, рассыпалась в пепел – и огонь пополз вверх. Крест был большим и крепким, он будет гореть всю ночь, озаряя всполохами двор, пока люди пируют вокруг него, становясь теми, кого видел в них Джейми: друзьями, соседями, братьями по оружию.

Фрейзер убедился, что пламя не угаснет, и бросил факел в костер.

– Пусть Господь одарит нас мужеством и храбростью. И, если будет на то Его воля, Он дарует нам мир. Выступаем утром.

Джейми отошел от костра, ища взглядом Роджера. Тот кивнул ему и тихонько запел из темноты те самые строки, которыми Джейми хотел завершить сегодняшний вечер.

Цветок шотландский дикий
Увидим ли мы вновь
На холмах и в долинах,
Где проливали кровь?^[42]

Песня о победе шотландцев при Бэннокберне была отнюдь не «подстрекательной», скорее торжественной и меланхоличной. Впрочем, не тоскливой, а полной гордости и решимости. Она даже старинной не была – Роджер лично знал ее автора. Джейми слышал ее пару раз и потому одобрил исполнение.

Сказал король английский:
«Пойду на вас войной».
Но гордых англичан
Прогнали мы домой.

Шотландцы неуверенно вторили куплету, но припев подхватили уже все вместе.

...Но гордых англичан
Прогнали мы домой.

Роджер вспомнил вчерашний разговор с Бри. Лежа в постели, они вдруг завели речь о выдающихся современниках, о том, удастся ли им пообщаться с Джефферсоном или Вашингтоном. Дух захватывало от одной мысли – а ведь это вполне возможно! Брианна упомянула Джона Адамса и процитировала его крылатое выражение: *«Я сражаюсь ради того, чтобы мой сын мог стать торговцем, а его сын – поэтом»*.

Холмы пусты отныне,

И лег листвы покров
На землю, что под властью
Извечнейших врагов
И где король английский
Ходил на нас войной,
Но гордых англичан
Прогнали мы домой.

Им предстоит сражаться с армией не Эдварда, а Георга, но гонору у англичан меньше не стало. Роджер мельком увидел Клэр, стоящую с женщинами на другом конце двора. На лице у нее замерло отстраненное выражение, волосы вились на ветру, а в золотых глазах затаилась странная тень.

Им противостоят те же гордые англичане, с которыми ей уже доводилось сражаться. Англичане, из-за которых погиб его отец. У Роджера перехватило горло, и он сглотнул, продолжая петь. Ни Адамс, ни Джефферсон никогда не воевали, у Джефферсона вовсе не было детей. Адамс был поэтом, чьи слова эхом прошли сквозь года, воодушевляя армии, воспламеняя сердца людей, готовых умереть за свою страну.

«Может, это все из-за волос?» – подумалось вдруг Роджеру, когда он заметил рыжие всполохи в распушенной шевелюре Джейми. Наверное, в нем текла кровь викингов, тех огромных необузданных берсерков, которые были рождены для войны.

Зима минует скоро,
Чертополох взойдет
И весь народ шотландский
Под стяги соберет.

Так было, и так будет. Именно за это сражались люди – за дом и за семью.

Еще один рыжий всполох мелькнул возле вертела со свиньей – там стояла Бри с Джемми на руках. Сейчас Роджер бард при горце-вожде; скоро он будет воином, чтобы спасти своего сына и всех его будущих потомков.

И пусть король английский
Идет на нас войной —

Спесивых англичан
Прогоним мы домой.
Прогоним мы... домой.

Глава 25. Пусть ангелы лелеют их покой

Позже мы занялись любовью, надеясь обрести в супружеских объятиях утешение и покой. Отгородившись ставнями от голосов со двора (бедняга Роджер еще пел на радость публике), мы смогли хоть на время забыть о трудностях минувшего дня.

Джейми крепко обнял меня, зарывшись лицом в волосы.

– Все будет хорошо, – шепотом заверила я, поглаживая влажные пряди и разминая твердые, точно дерево, плечи.

– Знаю.

Он лежал на мне неподвижно – и наконец окаменевшие мышцы расслабились и отяжелевшее тело вдавило меня в матрас. Услышав мой судорожный вздох, Джейми перекатился на бок.

В желудке у него заурчало, и мы расхохотались.

– Не успел поужинать?

– Сперва не мог – боялся, вдруг начнутся колики. А потом было некогда. Здесь есть чем перекусить?

– Нет, – с сожалением отозвалась я. – Были яблоки, так до них добрались дети Чишолма. Прости, я о тебе не подумала.

Я ведь знала, как редко он ест перед ответственным делом, но совсем забыла, что и после ему не дадут спокойно поужинать, потому что каждый захочет «сказать всего пару словечек, сэр».

– У тебя было много других дел, саксоночка, – насмешливо отозвался Джейми. – Не кори себя, потерплю до завтрака.

– Точно? – Я выпростала ноги из-под одеяла. – Там много чего осталось, я могу сходить, если сам не хочешь, и...

Он взял меня за руку и затянул обратно в постель – еще и обнял, чтобы я наверняка никуда не делась.

– Нет уж, – решительно возразил Джейми. – Это, возможно, последняя ночь, которую я провожу в постели с женой. Не хочу вставать – и тебя отпускать.

– Хорошо.

Я послушно прильнула к нему, радуясь, что никуда не надо идти. В нашу спальню без крайней необходимости никто не сунется, но стоит спуститься вниз, как все тут же налетят с вопросами, просьбами, советами... Лучше уж лежать здесь, нежиться в кровати и наслаждаться друг другом.

Свечи я затушила, очаг почти прогорел. Надо бы встать и подкинуть дров... Ладно, пусть потухает, все равно скоро утро.

Несмотря на тяготы дороги, путешествия я ждала с нетерпением. Оно манило новизной и приключениями, обещавшими разнообразить унылые будни, полные стирки и свар. И все же Джейми прав – сегодня мы последний раз за долгое время сможем посибаритствовать.

Я потянулась, наслаждаясь мягкостью перины и гладкостью простыней с легким ароматом розмарина и бузины. Кстати, упаковала ли я постельные принадлежности?..

Сквозь ставни доносился голос Роджера, сильный, но уже хриплый от усталости.

– Пора бы Дрозду в кровать, – с легким неодобрением заметил Джейми. – Если он хочет как следует попрощаться с женой.

– Господи, Бри и Джемми ушли давным-давно!

– Малыша, может, и уложили, а вот девочка еще там. Я только что слышал ее голос.

– Правда? – Я прислушалась, но ничего не разобрала за шумом аплодисментов, которые Роджер сорвал очередной песней. – Наверное, решила остаться рядом с мужем. К утру мужчины совсем выбьются из сил... не говоря уж о похмелье.

– Лишь бы в седле держались, а там пусть хоть все кусты заблюют, – дипломатично заверил Джейми.

Я подтянула одеяло, укутывая плечи. Роджер со смехом отказывался петь новую песню. Мало-помалу шум во дворе утих, хотя порой доносилось бульканье, когда трясли бочонок с пивом, выжимая из него последние капли.

В доме послышалась возня: младенческий плач, шаги на кухне, сонное попискивание малышни, разбуженной мужчинами, сердитое увещевание женщин...

После долгой прогулки с Джемми у меня ныли ноги, шея и плечи. Сон, однако, не шел, я не могла отключиться от внешнего мира, отгородиться от него глухими ставнями.

– Помнишь все, что ты сегодня делал?

Порой по ночам мы затевали игру: припоминали во всех подробностях, чем занимались, что видели или слышали... Практически вели устный дневник – а заодно лучше узнавали друг друга. Мне нравились отчеты Джейми, но сегодня он был не в настроении.

– Только как мы закрыли дверь этой спальни. – Он дружески ущипнул меня за ягодицу. – Зато, что было после, – во всех подробностях.

– Это я тоже хорошо помню, – заверила я и пощекотала пальцами ног его ступни.

Больше мы не разговаривали. Звуки внизу утихли, понемногу сменяясь разнокалиберным храпом. Я старалась уснуть; невзирая на усталость, ничего не выходило. Перед глазами то и дело вспыхивали разные сцены сегодняшнего дня. Миссис Баг с метлой, Герхард Мюллер в грязных сапогах, общипанный виноград, клубок квашеной капусты, круглая розовая попка Джемми, десятки Чишолмов, носящихся по дому... Пытаясь выбросить из головы лишние мысли, я принялась составлять список необходимых лекарств.

Однако стало еще хуже: вскоре сон и вовсе меня покинул, когда я представила, как мой медицинский кабинет разносят ко всем чертям, Бри, Марсали и дети подхватывают странную заразу, а миссис Баг затевает кровавый бунт...

Джейми лежал на спине, сложив на животе руки, будто фигура на надгробии. Глаза у него были закрыты, но во сне он хмурился и шевелил губами, словно спорил сам с собой.

– Ты так громко думаешь, что даже мне слышно, – улыбнулась я. – Или ты считаешь овец?

Он сразу же распахнул глаза и грустно усмехнулся.

– Вообще-то свиней. Причем в углу постоянно маячит белая тварь...

Я рассмеялась, положила голову ему на плечо и глубоко вздохнула.

– Нам и правда стоит поспать, Джейми. Я так устала, что даже кости ноют, а ты ведь встал гораздо раньше.

– Угу...

Он обнял меня, укладывая поудобнее.

– Этот крест... От него дом не загорится? – вспомнила я еще один повод для тревоги.

– Нет. Он уже давно прогорел.

Огонь в очаге потрескивал на ложе пылающих углей. Я перевернулась, глядя на пламя.

– Перед тем как пожениться, мы с Фрэнком беседовали с одним священником. Тот советовал на ночь брать в постель четки. Фрэнк так и не понял зачем: то ли вместо снотворного, то ли чтобы предохраняться от беременности.

Джейми задрожал от беззвучного смеха.

– Если хочешь, саксоночка, можно попробовать. Но считать количество «Аве Марий» будешь ты, а то у меня левая рука вконец отекла, потому что ты на ней лежишь.

Я подвинулась, высвобождая многострадальную конечность.

– «Аве Мария» не годится. Надо что-то другое. Ты знаешь какую-нибудь молитву для сна?

– О, полно. Дай-ка подумать, – сказал Джейми, сгибая и разгибая пальцы, чтобы разогнать кровь. В полумраке комнаты казалось, что он подманивает форель.

В доме было тихо, только поскрипывали половицы и стонали стены.

– Вот, например, – наконец сказал Джейми. – Я ее почти забыл. Отец научил незадолго до смерти. Вдруг, мол, когда-нибудь пригодится.

Он лег поудобнее, пристроил подбородок у меня на плече и хрипло заговорил прямо на ухо:

Благослови, Господь, луну, что в небесах,
Благослови, Господь, Ты землю под ногами,
Румянец у детишек на щеках,
Очаг за крепкими высокими стенами.

Теперь Джейми обращался уже не ко мне, хотя и обнимал за талию.

Благослови, Господь, что радует глаза,
Благослови, Господь, что согревает душу,
И пусть, молю, мирских невзгод гроза
Покой и сон моей семьи не рушит.
Благослови, Господь, постель моей любви,
Благослови, Господь, мой дом Своей рукой.
Молю Тебя, дай силы убереечь родных.
Пусть ангелы лелеют их покой!

Он замолк. Я тихо вздохнула.

– Мне нравится. Особенно выражение: «ангелы лелеют их покой»... Когда Бри была маленькой, мы укладывали ее спать с молитвой, обращенной к ангелам:

«Святой Михаил справа, Святой Гавриил слева, Святой Рафаил позади, а сам Господь – предо мною».

Джейми не ответил. Головня в очаге с тихим треском рассыпалась в золу, на мгновение озарив комнату искрами.

Чуть позже я проснулась оттого, что Джейми выбирался из кровати.

– Что такое? – сонно спросила я.
– Ничего, – прошептал он. – Забыл письмо написать. Спи, *nighean donn*^[43], я тебя разбужу.

* * *

Фрейзер-Ридж, 1 декабря 1770 года
Джеймс Фрейзер, эсквайр – лорду Джону Грею.
Плантация «Гора Джосайя»

Друг мой!

Пишу в надежде, что в имении вашем все хорошо. Отдельные приветствия передаю вашему сыну.

В доме моем все по-старому, и в «Горной речке», насколько известно, тоже. Бракосочетания моей дочери и тетушки, о которых я писал ранее, увы, оказались под угрозой (во многом благодаря Рэндаллу Лиллиуайту, о котором я предупреждаю на тот случай, если вам суждено будет с ним столкнуться). Внука, по счастью, удалось крестить, а свадьбу тетушки отложили на более поздний срок. Союз же моей дочери с мистером Маккензи любезно скрепил узами брака преподобный мистер Колдуэлл, джентльмен достойный, хоть и пресвитерианин.

Юный Джеремая Александр Иэн Фрейзер Маккензи (Иэн – шотландский вариант имени Джон: так моя дочь решила проявить уважение и к кузену, и к вам, дорогому другу нашей семьи) пережил и крещение, и дорогу домой в добром здравии. Мать велела сообщить, что ваш тезка уже может похвастать четырьмя зубами, которые представляют весьма серьезную опасность для всякого, прельщенного его напускной невинностью. Ребенок кусается точно крокодил.

Население Риджа отрадно растет с каждым днем: за последнее время к нам прибыло около двадцати семей. Господь вознаградил наши усилия щедрым урожаем кукурузы, обилием сена и богатым приплодом у скота. Свиньи поросются, две коровы принесли телят, и я купил коня. Нрав у жеребца весьма крут, зато ноги быстрее ветра.

Что ж, таковы хорошие новости.

Есть, однако, и плохие. Меня назначили полковником милиции и велели собрать как можно больше людей к середине месяца, чтобы помочь военным в подавлении бунтов.

Вероятно, в свой последний визит в Северную Каролину вы слышали о

регуляторах... А может, и нет, ведь у вас были другие, более насущные заботы (супруга рада получить отчет о вашем самочувствии и передает лекарство на тот случай, если вас мучают головные боли).

Так вот, эти регуляторы – всего лишь сброд, еще более разнузданный, чем те, кто повесил в Бостоне чучело, изображавшее губернатора. Нельзя не признать, что их протесты имеют под собой основания, но выбранные меры борьбы вряд ли позволят получить компенсацию – скорее уж подтолкнут обе стороны к кровопролитному конфликту.

В Хиллсборо 24 сентября была серьезная стычка; протестующие разрушили дома и избili служащих Короны (некоторых, впрочем, заслуженно). Одного из них, судью, тяжело ранили, многих регуляторов арестовали. С тех пор ропот усилился. Зима пока сдерживает недовольных, но как только подуют теплые ветра, протестные настроения разнесутся по всем колониям, словно дурной запах из наглухо закрытого дома.

Трион – человек умный, однако не земледелец. Иначе не стал бы затевать войну в зимнее время. Хотя, возможно, он надеется запугать бандитов, пока они не получили поддержки.

Вот так я и подобрался к истинной цели письма. Не думаю, что наше предприятие грозит серьезными последствиями... Но вы тоже солдат, как и я. Вы знаете, какой непредсказуемой бывает война и как легко самый незначительный повод оборачивается катастрофой.

Никому не ведомо, что ждет его в будущем. Поэтому я хочу обезопасить свою семью. Я перечислю родных на тот случай, если вы кого-то не знаете: Клэр Фрейзер, моя возлюбленная жена, моя дочь Брианна и ее супруг Роджер Маккензи и их сын Джеремайя Маккензи. Также моя дочь Марсали и ее муж Фергус Фрейзер (тоже мой приемный сын) и их дети Жермен и Джоан (девочку назвали в честь сестры Марсали, известной как Джоан Маккензи, ныне живущей в Шотландии). Увы, нет времени рассказывать вам всю историю, но эту молодую женщину я тоже склонен считать своей дочерью и потому обязан заботиться о ее благополучии, а также о благополучии ее матери, Лири Маккензи.

Молю вас ради нашей давней дружбы и ради уважения к моей жене и дочери: если удача отвернется от меня, позаботьтесь о них.

Мы выезжаем на рассвете грядущего дня, до которого осталось всего несколько часов.

Ваш покорный слуга,

Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер.

Постскриптум: благодарю за новости относительно Стивена

Боннета. Признателен за совет, однако в своем намерении я непоколебим.

Постпостскриптум: копию моего завещания, а также все бумаги касательно моей собственности (и здесь, и в Шотландии) вы найдете у Фаркуарда Кэмпбелла из Гринокс, что возле Кросс-Крик.

Часть третья. Волнения и тревоги

Глава 26. Милиция

Природа благоволила: было холодно, но ясно. Вместе с Мюллерами и добровольцами из Риджа выехало человек сорок – и я с ними.

Фергус помог созвать людей: у него были знакомые во всех соседних поселениях. Кое-кто из рекрутов даже умел сражаться: воевали в Шотландии, Франции или Индии. Большинство, однако, о войне имели лишь смутное представление, и Джейми каждый вечер их муштровал, хоть и не по канонам воинской службы.

– У нас нет времени готовить людей как следует, – сказал он Роджеру. – На это уйдут недели. Главное – чтобы они не дрогнули под огнем и не сбежали.

Роджер молча кивнул, хотя на лице у него мелькнуло сомнение. Он ведь и сам не знал, как поведет себя на поле боя.

Джейми криво усмехнулся: тоже ведь когда-то был неопытным бойцом и потому понимал опасения зятя. Кашлянув, он принялся ворошить палкой угли, чтобы достать обмазанных глиной перепелов.

– Бежать от опасности – это естественно. Задача муштры – научить солдат слышать голос офицера даже за грохотом пушек и подчиняться ему.

– Ага. Все равно что тренировать лошадь не бояться шума, – язвительно вставил Роджер.

– Да, – совершенно серьезно согласился Джейми. – Разница лишь в том, что лошадь надо *убедить*, что командует всадник, а офицеру достаточно орать во всю глотку.

Роджер рассмеялся, а Джейми с той же кривой усмешкой продолжил:

– Когда я служил во Франции, то маршировал взад-вперед, пока начисто не стер пару сапог, – и только потом мне дали ружье. К вечеру так устал, что можно было над ухом из пушки стрелять, я бы и глазом не повел.

Он махнул рукой в сторону дальних гор.

– Не очень-то похоже на поле боя, правда? Не знаю, где будет сражение – если оно будет, – но лучше бы самим выбрать место. Мы научим людей драться так, как это делают горцы: по первому же слову командира идти врассыпную и бить противника из укрытия. Как на охоте – это ведь умеет каждый.

Он кивком указал на новобранцев, которые за день успели настрелять дичи. Перепелов, например, принесли братья Линдси. Роджер выкатил из

огня почерневший глиняный шар, старательно пряча глаза. Нет, охотиться умеет не каждый. Роджер тренировался все свободное время, но до сих пор не попал даже в опоссума. Джейми тайком признался мне, что Роджеру проще забить зверя прикладом, чем подстрелить.

Я выразительно нахмурилась, однако Джейми ответил невинным взглядом: «Не маленький, переживет». Я драматично закатила глаза.

– Сейчас у нас не охота. – Я села рядом с Джейми и вручила ему горячую лепешку.

– Ты о чем, саксоночка?

Он разломил лепешку и, полуприкрыв от восторга глаза, вдохнул ароматный пар.

– Во-первых, ты не знаешь наверняка, что сражение вообще будет. Во-вторых, перед вами не обученная армия, а кучка неопытных регуляторов. Ну и в-третьих, вы же их не убить хотите, а просто напугать, чтобы они отступили или сдались. А в четвертых... – Я улыбнулась Роджеру. – На охоте главное – подстрелить кого-нибудь. А на войне – вернуться живым.

Джейми подавился лепешкой. Я услужливо похлопала его по спине. Он откашлялся, сглотнул крошки и встал, взмахнув пледом.

– Знаешь, саксоночка, не во всем ты права. Да, это не охота. Потому что на охоте дичь не жаждет тебя прикончить. Понимаешь ли... – Он повернулся к Роджеру. – Война – это в первую очередь убийство. Будешь относиться к ней несерьезно – и, уверяю, до вечера не доживешь.

Он бросил остатки лепешки в костер и широким шагом ушел.

* * *

Какое-то время я сидела неподвижно, пока жар лепешки не просочился сквозь платок и не обжег пальцы. С приглушенным вскриком я бросила ее на бревно.

– Все хорошо? – спросил Роджер, не оборачиваясь, – он глядел вслед Джейми.

– Да.

Я прижала зудящие кончики пальцев к приятно холодной темной коре. Раз обмен любезностями уже нарушил молчание, я решила продолжить разговор.

– У Джейми, конечно, большой опыт. Но, боюсь, сейчас он перестарался.

– Разве? – Роджера будто ничуть не смутила последняя реплика моего

мужа.

– Да! Чем бы ни закончилась стычка с регуляторами, все мы знаем, что войны пока не будет. Скорее всего, просто поговорим и разойдемся!

– Ах да... – Роджер глядел в темноту, задумчиво поджимая губы. – Думаю, он не поэтому вспыл.

Я приподняла брови.

– Когда мы были на охоте, он спросил, знаю ли я, что нас ждет. Я рассказал. Бри говорила, ее он тоже расспрашивал.

– Что нас ждет... В смысле, революция?

Роджер кивнул, кроша лепешку длинными музыкальными пальцами.

– Я рассказал все, что помнил. О политике, о сражениях. Не обо всех, конечно, – о самых главных. В общем, о той многолетней кровавой бойне, которая скоро начнется.

Он помолчал немного и продолжил:

– Кажется, мой рассказ... его напугал. Поэтому сейчас он вроде как мне отомстил. Наверное, справедливо.

Фыркнув, я встала и отряхнула юбки от крошек и золы.

– Чтобы ты напугал Джейми Фрейзера баснями про войну... Мальчик мой, не дожدهшься!

Он рассмеялся, несколько не обиженный.

– Может, и не напугал... – Роджер вдруг посерьезнел; правда, в глубине глаз все равно плескалась насмешка. – Зато ему удалось перепугать меня до чертиков.

Я посмотрела в сторону лошадей. Луна еще не взошла, и я видела лишь смутное нагромождение теней; изредка в свете костров мелькали блестящие глаза. Джейми тоже был где-то там: лошади переступали с ноги на ногу и тихо фыркали, как всегда, если рядом оказывался кто-то знакомый.

– Он не просто солдат, – шепотом сказала я, хотя Джейми не мог меня услышать. – Он офицер.

Снова усевшись на бревно, я взяла кукурузную лепешку. Она совсем остыла. Я развернула платок, но есть не стала.

– Знаешь, я была медсестрой. В полевом госпитале во Франции.

Роджер с интересом кивнул. Огонь бросал на его лицо тени, очерчивая тяжелые брови, худые скулы и на удивление мягкие губы.

– Солдаты, которых я выхаживала, были очень напуганы. И те, кто помнил бои, и те, кто нет... Но офицеры – они по ночам совсем не спали.

Я рассеянно водила пальцем по шершавой лепешке, жирной от свиного сала.

– Я видела, что было с Джейми в Престоне, после того как один из его людей умер у него на руках. Он плакал. И тот день помнит до сих пор. А вот Каллоден – забыл, потому что это слишком тяжело.

Глядя на комок жареного теста, я выковыривала ногтем подгоревшие кусочки.

– Да, ты его напугал. Потому что он не хочет оплакивать тебя. И я не хочу, – тихо добавила я. – Ты там поосторожнее, хорошо? Пусть не сейчас, потом, когда настанет время.

Долгое молчание.

– Хорошо, – чуть слышно обронил Роджер, встал и ушел.

Спускалась ночь, и лагерные костры горели все ярче. Мужчины держались небольшими группами, поближе к родственникам и знакомым. Потом это напряжение уйдет – и в конце концов все наши люди соберутся вокруг одного большого костра.

Джейми испугали не слова Роджера, а то, что скрывалось за ними. Для хорошего офицера было два пути: или умирать с каждым из своих людей, или обратить сердце в камень.

Оба моих мужа были офицерами – Фрэнк ведь тоже служил. Я была медсестрой и врачом на двух войнах. Не понаслышке знала даты сражений. Помнила, как пахнет кровь, рвота и гной. Видела раздробленные конечности, вываливающиеся кишки, торчащие обломки костей... и людей, которые в жизни не держали ружья, но умирали от лихорадки, болезни и отчаяния.

Тысячи людей сложили голову на поле боя во Вторую мировую – и десятки тысяч погибли от инфекций и эпидемий. Здесь через четыре года будет то же самое.

И это приводило меня в ужас.

* * *

Следующим утром мы разбили лагерь на склоне Балзам-Маунтин, в миле от поселения Лаклоу. Кое-кто из мужчин хотел ехать дальше, добраться до деревушки Браунсвилл, откуда мы должны были повернуть в Солсбери. Наверняка там нас ждала таверна и крыша над головой, но Джейми решил не торопиться.

– Не хочу перепугать тамошний народ, – объяснил он Роджеру. – А то ворвемся ночью вооруженным отрядом... Лучше заедем при дневном свете, дадим мужчинам время собраться, а наутро покинем деревню...

Он прервал себя на полуслове и закашлял, сгибаясь пополам.

Кашель мне очень не нравился, да и Джейми выглядел не лучшим образом. На лице у него горели пятна, при каждом вдохе он сипел. Впрочем, в отряде многие шмыгали красными носами и постоянно сплевывали в огонь, отчего пламя то и дело трещало.

Надо бы уложить Джейми в постель, в ноги пристроить горячий камень, на грудь наклепать горчичник, а в рот влить отвар мяты и эфедры. Но поскольку в кровати его можно удержать лишь кандалами и десятком вооруженных мужчин, пришлось довольствоваться тем, чтобы просто плюхнуться в его миску кусок мяса понаваристее.

– Эвальд... – хрипло позвал Джейми одного из Мюллеров и опять закашлялся. – Эвальд, возьмите Поля, принесите дров. Ночь будет холодной.

Холодало уже сейчас. Люди толпились возле огня – подошвы сапог едко воняли паленой кожей. На ногах у меня, казалось, вот-вот вздуются пузыри ожогов, потому что я, разливая рагу, стояла вплотную к костру. Задница, напротив, заledenела, несмотря на нижние юбки и поддетые под них старые штаны, чтобы не стереть ноги в кровь, – по здешним местам в дамском седле не наездишься.

Раздав остатки ужина, я повернулась к костру спиной, чтобы съесть свою порцию, – и благодатное тепло потекло по заledenевшей коже.

– Ну, как вам, мэм? – напрашивался на похвалу Джимми Робертс, который сегодня варил рагу.

– Просто замечательно, – заверила я. – Очень вкусно!

Горячее рагу приятно согревало изнутри. Кроме того, готовить пришлось не мне, так что говорила я более чем искренне.

Я медленно ела, грея руки о теплую миску. Даже звуки отхаркивания и плевков не могли омрачить чувство покоя, рожденное сытным ужином и предстоящим отдыхом после целого дня в седле. Негостеприимный лес под звездным небом, черный и холодный, ничуть не пугал.

Из носа тоже вдруг потекло. Отогрелся после теплого ужина? Я сглотнула на пробу, но горло не болело и в груди было тихо, тогда как Джейми сипел не переставая – он уже поел и теперь стоял рядом, грея мне спину.

– Все хорошо, саксоночка? – хрипло спросил он.

– Только ринит. – Я шумно высморкалась в платок.

– Где?!

Он подобрался, глядя на темный лес.

– Что? Нет, просто у меня течет из носа, но это не инфлюэнца.

– Ясно. Тогда хорошо. А вот у меня простуда, – зачем-то пояснил он и чихнул три раза подряд. Протянув мне пустую миску, он трубно высморкался. Увидев красные распухшие ноздри, я поморщилась. В седельной сумке было немного медвежьего жира с камфорой, но Джейми ни за что не даст натереть себя на глазах у всех.

– Нам точно не стоит ехать дальше? Джорди говорит, до деревни всего ничего.

Я и сама знала ответ: Джейми не станет менять планы в угоду собственному комфорту. К тому же лагерь уже разбит. Однако я переживала: меня пугали свист и клочкотание в его груди.

Он это понял, потому что улыбнулся и заправил мокрый платок в рукав.

– Все хорошо, саксоночка. Обычная простуда. И похуже бывало.

Поль Мюллер подкинул в костер дров. Большая головня разломилась и взметнула яркое пламя, заставляя отступить от снопа искр. Отогрев спину, я повернулась к костру лицом. Джейми, однако, хмуро посматривал на лесные тени.

Потом морщинки у него на лбу разгладились, и я, обернувшись через плечо, увидела выходящих из леса мужчин – Джека Паркера и еще одного типа, я не помнила его имени, знала лишь, что он недавно приехал откуда-то из Глазго, судя по акценту.

– Все тихо, сэр. Только холодно, как в богадельне.

– Угу. Я еще с обеда член отморозил, – вставил тип из Глазго, морщась и потирая руки. – Совсем его не чувствую!

– А то, – усмехнулся Джейми. – Я тоже хотел помочиться – а в штанах пусто.

Под взрыв громкого смеха он отошел проверить лошадей.

Люди уже раскладывали одеяла, споря, как лучше спать: ногами или головой к костру.

– Ляжешь слишком близко и спалишь подошвы, – доказывал Эван Линдси. – Сгорят деревянные гвозди, и вот что будет!

Он поднял ногу, показывая всем рваный сапог, перевязанный бечевкой. Кожаную подошву редко пришивали, куда чаще ее крепили на крохотные колышки из дерева или кожи, обмазанные сосновой смолой или каким другим клеем. А смола, как известно, загорается на раз; я сама видела, как от ног спящих людей летят снопы искр.

– Все лучше, чем остаться без волос, – возражал Ронни Синклер.

– Думаю, нам, Линдсеям, это не грозит, – усмехнулся Кенни и стянул вязаную шапочку с лысой головы.

– Нет уж, голова важнее, – спорил Мердо. – Если застудишь скальп – останешься без печени, и тогда ты покойник.

Мердо свято берег голову, его никогда не видели без вязаного колпака или причудливой меховой шапки из шкуры опоссума, украшенной хвостом скунса. Он завистливо посмотрел на Роджера, который перетягивал свою черную гриву одним лишь кожаным шнурком.

– Вон Маккензи можно не переживать, у него мех как у медведя.

Роджер усмехнулся в ответ. Он перестал бриться, как и остальные, и теперь, спустя восемь дней дороги, весь зарос черной щетиной, и впрямь превратившись в злобного медведя. Борода к тому же грела лицо холодными ночами, а вот мне приходилось прятать голый подбородок в складках шали.

Джейми тем временем вернулся и, услышав последнее замечание Мердо, зашелся смехом, тут же перешедшим в кашель.

– Так что скажете, Макдью? Орел или решка? – упорствовал Эван.

Вытерев губы рукавом. Джейми улыбнулся. Заросший, как и остальные, он выглядел настоящим викингом: борода и волосы отливали золотом, медью и серебром.

– Без разницы, парни, мне-то будет тепло, как бы я ни лег.

Он выразительно качнул головой в мою сторону, и все дружно загоготали, сыпля грубоватыми замечаниями на гэльском.

Кое-кто из новобранцев прошелся по мне оценивающим взглядом, но, наткнувшись на высоченного свирепого Джейми за моей спиной, быстро потерял интерес. Я улыбнулась одному из них, тот испуганно шарахнулся; потом, впрочем, хмыкнул в ответ, вежливо склоняя голову.

И как Джейми это удастся – с помощью одной-единственной грубой шутки оградить меня от нежелательных ухаживаний, а заодно укрепить свой статус лидера?

– Чертовы бабуины, – пробормотала я под нос. – И я сплю с их вожаком.

– Бабуины это такие мартышки без хвоста? – уточнил Фергус, отвлекаясь от разговора с Эвальдом.

– Сам знаешь.

Я поймала взгляд Джейми – тот кривил губы в ехидной улыбке. Понял ведь, о чем я думаю...

Французский король держал в Версале целый зоопарк, была в котором и стая бабуинов. Придворные обожали по весне гулять возле их клеток, восхищаясь сексуальным аппетитом самца и его ярким задом. Маркиз дю Ровель как-то заявил, что готов сделать себе такую же татуировку, если это

позволит снискать ему благосклонность неких дам. Однако мадам де ла Турель ловко его осадила: если мол, оснащением не вышел, крашенный зад дело не поправит.

– Кстати, о хвостах... – шепнул мне на ухо Джейми. – Ты опять надела эти чертовы штаны?

– Да...

– Сними.

– Зачем? – притворно ужаснулась я. – Хочешь, чтобы я себе все отморозила?

Он хищно, словно дикий кот, прищурился.

– Не отморозишь. Обещаю.

Он встал у меня за спиной, и пылкий жар костра сменился приятной прохладой его тела... хотя пылкости в Джейми было не меньше, как я почувствовала сквозь юбки, когда он обнял меня за талию и привлек к себе.

– О, так ты его нашел? Как мило!

– Что нашел? Вы что-то теряли? – перебил Роджер, держащий в руке бойран, а под мышкой – свернутое в рулон одеяло.

– А, всего лишь старые штаны, – отмахнулся Джейми. Руки скользнули за пояс моей юбки – благо сверху была повязана шаль. – Будешь петь для нас перед сном?

– Если хотите. Правда, я собирался выучить пару новых песен. Эван обещал спеть что-то про силки, его бабушка научила.

Джейми рассмеялся:

– О да, я ее тоже знаю.

Роджер изумленно вскинул брови, а я извернулась в руках Джейми, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Ну, сам спеть, конечно, не смогу, – мягко ответил тот, видя наше удивление. – Но слова помню. Эван часто ее пел в Ардсмуре. Она довольно пошлая, – добавил Джейми с чопорным видом, который всегда принимают горцы перед тем, как произнести вопиющую похабщину.

Роджер расхохотался.

– Тогда я лучше ее запишу. Для грядущих поколений.

Джейми тем временем умело развязал мой пояс, и брюки (я стащила их из его гардероба, и потому они были ужасно велики) свалились на землю. Холод тут же обжег голую кожу. Я шумно втянула воздух.

– Холодно, правда? – Роджер поежился и нарочито застучал зубами.

– Да, есть немного, – саркастично согласилась я. – Даже бабуины себе все отморозили бы.

Джейми и Роджер громко закашлялись.

Пока Джейми расставлял часовых, я обустроивала место нашего ночлега. Убрала с земли самые большие камни, выломала из лапника толстые сучья и застелила пледом. Вдали от костра было холодно, но всерьез я задрожала, лишь когда Джейми меня обнял.

Хотелось поскорее забраться под одеяла, однако Джейми не пускал. Он вроде бы не изменил своих намерений, но что-то его отвлекало. Он стоял совершенно неподвижно, вслушиваясь в тишину и глядя в темный лес. Лишь ближайшие стволы поблескивали на свету пламени – а дальше деревья тонули в бездонной мгле.

– Что такое?

Я отступила на шаг, и Джейми сжал меня еще крепче.

– Не знаю. Что-то чувствую, саксоночка...

Он повернул голову, словно волк, приносящийся к ветру. Было тихо, только деревья шелестели.

– Пусть не твой ринит, но что-то там есть, – прошептал он, и волосы у меня на затылке поднялись дыбом. – Сейчас, *lass*.

Он пошел поговорить с мужчинами, а мне, лишенной его тепла, стало ужасно холодно. Я нервно закуталась в одеяла.

Что он мог почувствовать там, в темноте? Я уважала его интуицию: Джейми много лет охотился и скрывался от преследователей и потому остро ощущал даже незримое присутствие хищника или дичи.

Вскоре Джейми вернулся и сел рядом.

– Все хорошо. Я велел, чтобы часовых было двое, а остальные держали под рукой заряженные ружья. Надеюсь, обойдется.

Он глядел в сторону леса, теперь уже задумчиво, а не тревожно.

– Все хорошо, – повторил он более уверенно.

– Оно ушло?

Джейми изогнул в улыбке губы, мягкие в жесткой щетине рыжей бороды.

– Я не знаю, что там было, саксоночка. Вроде бы кто-то смотрел на меня – может, волк или сова, а может, какой шальной лесной дух.

Свет костра окутывал мужскую голову и плечи сияющим ореолом. Сквозь треск пламени доносился голос Роджера, хрипло вторящий Эвану. Джейми забрался под одеяло, и я нашарила пояс его штанов.

Дрожа от холода, мы торопились согреть друг друга. Джейми повернул меня на бок, задирая многослойные юбки, и под теплым одеялом наши тела

слились. Я лежала лицом к лесу, глядя, как пламя пляшет на блестящих стволах, а Джейми двигался позади и внутри меня так нежно и медленно, что даже листья под нами не шелестели. Голос Роджера набирал силу, становился громче и увереннее, а наша дрожь понемногу утихала.

* * *

Я проснулась под иссиня-черным небом, умирая от жажды. Джейми хрипло сопел мне на ухо. Я видела сон – один из тех смутных кошмаров, которые забываются с пробуждением, но оставляют после себя неприятный привкус во рту и мыслях. Мечтая о глотке воды, а заодно и об освобождении мочевого пузыря, я выбралась из рук Джейми. Он зашевелился и простонал что-то, не открывая глаз.

Я потрогала его лоб. Холодный, лихорадки нет. Может, и впрямь обычная простуда? Я встала, не желая покидать теплое святилище нашего гнезда.

Песни уже утихли. Костер стал меньше, но не угас, подкармливаемый часовым. Сейчас на посту сидел Мердо Линдсей, его белая шапка из опоссума возвышалась над необъятной горой одеял. На другом краю поляны пристроился тот безымянный тип из Глазго. Он кивнул мне; его лицо скрывалось в тени под шляпой. Белая меховая шапка тоже повернулась на звук моих шагов. Я помахала, и Мердо отвернулся к лесу.

Мужчины лежали вокруг костра, укрывшись с головой. Идя между ними, я вдруг почувствовала странный приступ тревоги. Ночью, после неприятного сна, эти молчаливые тела изрядно меня пугали. Точно так же укладывали павших солдат в Амьене. Рядами, бок о бок, закрывая лица. Война прячет лики своих мертвых.

Одна из безымянных фигур вдруг закашлялась и перекатилась на бок, по-прежнему пряча лицо. Из-под одеяла выскользнула большая нога в сапоге, перемотанном бечевкой. Эван Линдси. Мне чуточку полегчало: тела не такие уж и безликие.

Именно безликость позволяет убивать на войне. Потом мертвые вновь обретают имена на могильном камне, возвращают потерянную личность и свое место в памяти родных и близких. Возможно, наше путешествие закончится миром. Но впереди все равно война... Война, которая прогремит на весь мир. Я тихо прошла между спящими телами, словно еще блуждая в страшном сне.

Вытащив из седельной сумки флягу, я сделала жадный глоток. Вода,

ледяная и на удивление сладкая, смыла все мрачные мысли. Задыхаясь от пронзительного холода, я вытерла губы.

Надо бы оставить немного Джейми; он обязательно проснется, когда я вернусь. Наверняка во рту у него пересохло не меньше моего, потому что носом он дышать не может. Перекинув ремень фляги через плечо, я вступила в лес.

Тени, которые возле костра казались зловещими, вблизи странным образом стали дружелюбными. Глаза понемногу привыкали к темноте. Какой-то мелкий зверек зашуршал в траве под ногами, вдалеке громко ухнула сова.

Покончив с насущными делами, какое-то время я стояла, наслаждаясь одиночеством. Было холодно и очень тихо. Джейми прав – кто бы раньше здесь ни был, сейчас лес не представлял угрозы.

Рядом вдруг, словно подчиняясь безмолвному призыву, послышались его шаги и тяжелое хриплое дыхание. Он сдавленно закашлял, пугая меня рокошующими звуками.

– Я здесь, – тихо окликнула я. – Простуда замучила?

Кашель перешел в панический хрип, шумно захрустели листья. У костра вскочил Мердо, вскидывая мушкет, и мимо меня промчалась темная фигура.

– Эй! – пораженно крикнула я.

Силуэт споткнулся, и я, сама не понимая, что делаю, сдернула с плеча флягу и раскрутила ее за ремень. С глухим звоном та врезалась в спину незнакомца – потому что это, само собой, был вовсе не Джейми, – и тот, задыхаясь от кашля, упал на колени.

Началась суматоха, ошарашенные мужчины повскакивали, путаясь в одеялах и хватаясь за оружие. Парень из Глазго перескочил через соратников и, вскинув мушкет над головой, с бессвязным воплем ринулся в лес. К несчастью, первой ему попалась именно я – и, полетев в листья, безобразно разлеглась на траве, едва дыша из-за мужского колена, уткнувшегося в желудок.

Должно быть, при падении я не по-мужски взвизгнула, потому что он не огрел меня прикладом по голове, а принялся обшаривать свободной рукой.

– Э?..

Рука безошибочно легла прямо на грудь. Испуганно отпрянув, он вскочил.

– Ээ... Хмм!.. – только и выдавил он.

– А, – как можно непринужденнее отмахнулась я, с трудом переводя

дух. Над головой кружили звезды, ярко сияя сквозь голые ветки. Парень из Глазго, смущенно хмыкнув, исчез. Слева слышались крики и грохот.

Злоумышленника поймали и притащили к костру. Если бы он не закашлялся, когда я его ударила, то, скорее всего, смог бы удрать. Сейчас же он задыхался и хрипел, едва удерживаясь на ногах и багровея от усилий урвать хоть глоточек воздуха. На лбу извилистыми червями проступили вены, при каждом вздохе – точнее его попытке – раздавался ужасающий свист.

– Ты какого черта здесь делаешь? – требовательно спросил Джейми и сам закашлял в унисон.

Вопрос был риторическим – парень все равно не смог бы ответить. Это оказался Джосайя Бердсли, кандидат на удаление миндалин. Кажется, со времен Сбора его здоровье ничуть не улучшилось.

Я поспешила к костру, где в золе стоял мой кофейник. Обернув ручку углом шали, я его встряхнула. Внутри забулькало – значит, что-то осталось, и содержимое должно быть крепче некуда, раз настаивается еще с ужина.

– Усадите его, расстегните одежду и принесите холодной воды!

С дымящимся кофейником наперевес я растолкала толпившихся вокруг пленника людей. Спустя минуту я уже протягивала ему кружку крепчайшего смолянистого кофе.

– Медленно выдохни на четыре счета, вдохни на два, удержи дыхание и выпей, – велела я.

Он испуганно таращил глаза, в уголках губ собралась слюна. Я твердо схватила его за плечо, заставляя считать, – и жуткое напряжение понемногу спало.

Глоток, вдох, глоток, выдох. Когда кружка опустела, багровое лицо стало белесо-серым, точно брюхо снулой рыбы, с двумя красными отметинами на скулах. В легких еще свистело, но парень уже дышал, что не могло не радовать.

Мужчины наблюдали за нами и перешептывались, однако было холодно и поздно, интерес понемногу угасал, они начинали позевывать. В конце концов, это всего лишь мальчишка, к тому же тощий и больной. Люди охотно вернулись под теплые одеяла. С незванным гостем остались только я и Джейми.

Мы закутали его в запасной плед, натерли медвежьим жиром, сунули в руки еще одну чашку кофе – и лишь после этого я позволила Джейми его допросить. Парень ужасно смущался и прятал глаза. Уж не знаю, то ли он просто не привык к вниманию, то ли его пугал хмурый Джейми, сердито скрестивший на груди руки.

Для четырнадцати лет он был мелковат и ужасно тощ. Когда я расстегнула рубашку, чтобы послушать сердце, я смогла бы пересчитать все ребра. Да и вообще парнишка был на удивление некрасив: криво обрезанные волосы сбились в колтуны от грязи и пота; он косился исподлобья, словно ожидая удара, и здорово напоминал обезьянку, замученную блохами.

Дождавшись моего кивка, Джейми сел на землю рядом с мальчишкой.

– Итак, мистер Бердсли, – вежливо начал он. – Неужто вы решили присоединиться к нашему отряду милиции?

– Ээ... Нет. – Тот, не поднимая глаз, катал в ладонях деревянную кружку. – Я... хм... у меня были свои дела, я случайно на вас наткнулся.

Он говорил так хрипло, что я невольно вздрогнула: изодранное кашлем горло должно было нещадно болеть.

– Понятно, – протянул Джейми. – Увидели наш костер и решили заглянуть на огонек?

– Ага. – Тот с усилием сглотнул.

– Хмм... Но ведь вы давно подстерегали нас в лесу, еще до заката? Зачем тогда ждали глухой ночи?

– Неправда!.. Я не был...

– Был. – Джейми схватил мальчишку за грудки, вынуждая посмотреть в лицо. – Слушай меня, парень. Мы заключили сделку. Теперь ты мой арендатор, значит, я за тебя в ответе. А еще это значит, что я имею право услышать правду.

Джосайя не пытался отвести взгляд, пусть испуганный и настороженный, но все равно слишком твердый для четырнадцати лет. Этот мальчик – если его можно так назвать – привык полагаться лишь на самого себя.

– Я обещал вам, сэр, прийти к Новому году. И приду. А чем я буду заниматься до той поры – мое дело.

Джейми поднял брови, медленно кивнул и ослабил хватку.

– Верно. Однако признай, что дела эти могут вызывать интерес.

Парень открыл было рот, но передумал спорить и уткнулся носом в кружку.

Джейми решил зайти с другой стороны:

– Может, мы сумеем тебе чем-то помочь? Или хотя бы проводим?

Джосайя мотнул головой.

– Нет. Спасибо, сэр, я справлюсь сам.

Роджер не пошел спать с остальными, он сидел чуть в стороне и тихо за нами наблюдал. Теперь же вдруг подался вперед, буравя мальчишку

взглядом.

– Это твое дело, случайно, никак не связано с меткой на большом пальце?

Кружка ударила оземь, забрызгивая горячим кофе мне лицо и платье. Мальчик сбросил одеяло и успел пробежать с десятков ярдов, прежде чем мы поняли, что происходит, и Джейми бросился вслед за ним. Джосайя обежал костер, Джейми просто перепрыгнул его, и они оба, как лиса и гончая, исчезли в лесу. Мы с Роджером, разинув рот, глядели им вслед.

Мужчины опять вскочили, хватаясь за ружья. Губернатор будет доволен своей милицией: они готовы к бою в любую минуту.

– Какого черта?.. – Я удивленно вытирала с бровей брызги кофе.

– Не стоило, наверное, так внезапно о ней говорить...

– Что?! Где?! Что случилось? – проревел Мердо Линдсей, воинственно размахивая мушкетом.

– На нас напали?! Где эти ублюдки?! – Кенни, припав на четвереньки, будто жаба под лейкой, обозревал лес из-под вязаной шапочки.

– Ничего не случилось. Никто не напал. Все хорошо!

Я пыталась объяснить, но мой голос утонул в суматохе. Впрочем, Роджеру, более крупному и басистому, удалось в конце концов всех успокоить. Недовольно бурча, люди разошлись, оставляя нас двоих над пролитым кофейником.

– Так что за отметина? – чуть раздраженно спросила я.

– Буква «В» – я хорошо ее разглядел, когда он брал чашку.

Сердце тревожно сжалось. Я знала, что означает эта буква, – уже видела такие прежде.

– Вор, – подтвердил Роджер, глядя мне прямо в глаза. – Его заклеямили.

– Да, – выдавила я. – О боже.

– Люди в Ридже ведь не примут его, если узнают?

– Вряд ли кому-то будет до этого дело. Хуже другое – почему он сбежал? Вдруг он не просто вор, а беглец с каторги? А Джейми на Сборе объявил его своим человеком...

– А-а. – Роджер рассеянно почесал бороду. – *Earbsachd*^[44]. Джейми теперь считает, что в ответе за него?

– Вроде того.

Роджер был шотландцем и – формально – горцем, но родился уже после гибели кланов и потому не мог уяснить всю глубину древних связей между лэрдом и арендаторами. Скорее всего, и Джосайя не имел ни малейшего понятия о том, какие обязательства клятва накладывает на обе

стороны. А вот Джейми – знал.

– Как думаете, Джейми его поймает?

– Думаю, уже поймал. В темноте все равно искать бесполезно. Если бы парень удрал, Джейми должен был сразу вернуться.

Была и другая вероятность – что Джейми упал в овраг, сломал ногу или повстречал медведя, – но я предпочла об этом не думать.

Я встала, потирая занемевшие руки, и посмотрела в лес. Джосайя – мелкий, проворный, еще и страх его подстегивает, зато Джейми – крупнее, сильнее и кровожаднее.

Роджер встал рядом, тревожно вглядываясь в сплетение ветвей.

– Их долго нет. Если он поймал парня, что там с ним делает?

– Допрашивает, наверное. – Я закусила губу. – Джейми не любит, когда ему врут.

– И как же он его допрашивает?

– Как получится, – пожалала я плечами.

Порой хитростью, порой угрозами и очарованием, а то и вовсе грубой силой. На сей раз до силы, надеюсь, не дойдет. Хотя я больше переживала не за Джосайю, а за Джейми.

– Понятно, – тихо ответил Роджер.

Запахнувшись в плащ, я сходила к ручью сполоснуть пустой кофейник и набрать воды, снова повесила его над огнем и стала ждать.

– Тебе надо выспаться, – сказала я Роджеру.

Он улыбнулся, вытер нос и сгорбился под плащом.

– Вам тоже.

Ветра не было, однако холод сгущался, укрывая лес сырым тяжелым туманом. На мужских одеялах проступала влага, сквозь юбки просачивалась стылость земли. Надо бы надеть штаны, но искать их нет сил... Волнение, вызванное внезапным появлением и побегом Джосайи, стихало, сменяясь летаргией усталости.

Роджер разворошил огонь и, подумав, добавил дров. Я зачихнула под себя юбку и поглубже закуталась в плащ, пряча в складках руки. Кофейник дымился, изредка с него падали капли и с шипением исчезали в пламени, вторя мужскому дыханию.

Я не видела завернутых в одеяла фигур, не слышала шелеста темных сосен; в ушах стоял шорох сухих листьев в дубовом лесу под Карриарриком. За два дня до Престонпанса мы встали там лагерем. И вдруг из темноты выскочил мальчик, в свете огня размахивающий ножом.

Другое место, другое время... Я тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения. Перед внутренним взором так и стояло бледное лицо с

огромными глазами, полными боли и страха. Темное лезвие кинжала, наливающееся алым от жара углей. Запах пороха, пота и паленой плоти.

«Я застрелю вас, – сказал тогда Джейми Джону Грейю. – Выбирайте: в голову или сердце?»

Роджер тихо сидел, из-под опущенных век наблюдая за танцующим пламенем. Интересно, о чем он думает?

– Вы боитесь за него?

– Сейчас? Или вообще? – невесело улыбнулась я. – Я бы тогда не знала ни минуты покоя.

Он посмотрел на меня со слабой усмешкой.

– А сейчас – знаете?

– Не мечусь ведь взад-вперед, заламывая руки.

– Может, тогда согрелись бы, – иронично поднял бровь Роджер.

Кто-то из мужчин заворочался и сонно забормотал, и мы притихли. Кофейник закипел: внутри мягко булькала вода.

Почему Джейми так долго? Неужели все это время допрашивал Джосайю Бердсли? Он уже давно должен был вытрясти нужные ответы или отпустить мальчишку с богом. Что бы парень ни украл, Джейми до этого дела нет, его волнует лишь клятва.

Пламя завораживало, я смотрела в мерцающее свечение – а видела большой костер Сбора, темные силуэты вокруг и приглушенное пиликанье скрипки.

– Может, поискать его? – предложил Роджер.

Я дернулась, приходя в себя, потерла лицо и тряхнула головой.

– Нет. Опасно идти ночью в незнакомый лес. Да и все равно не найдешь. Если не вернется к утру, тогда отправимся на поиски.

Время шло. Я, конечно, волновалась, но до утра все равно ничего нельзя сделать... В голову лезли беспокойные мысли. Вдруг у Джосайи был нож? Вдруг ему хватило безрассудства напасть на Джейми и застать его врасплох? Чтобы не думать о дурном, я принялась подсчитывать мужские чихи, то и дело звучащие вокруг костра.

Восьмым стал Роджер – глубокой утробный кашель сотряс все его тело. Боится ли он за Бри и Джемми? Гадает, ждут ли они его, скучают? Я могла бы унять его беспокойство – только зачем? Мужчины дерутся за то, чтобы уберечь свой дом, мысли о нем позволяют сохранять присутствие духа. В бой их толкают другие мотивы, но сам бой – еще не вся война...

«Однако чертовски важная ее часть», – произнес в мыслях голос Джейми.

Я клевала носом, то и дело невольно вскидывая голову. Последний раз

проснулась от чужого прикосновения. Роджер уложил меня на землю, подsunул вместо подушки край шали, а оставшимся концом укутал грудь. Мельком я заметила его силуэт на фоне костра, черный и косматый, и сразу же провалилась в сон.

* * *

Не знаю, как долго я спала. Проснулась резко, от чужого громкого кашля. Неподалеку сидел Джейми, держал за запястье Джосайю Бердсли, а в другой руке сжимал кинжал. Чихнув пару раз, он нетерпеливо вытер нос рукавом и сунул лезвие в угли.

Почувяв вонь горячего металла, я привстала на локте – и вдруг рядом со мной что-то зашевелилось. Я с удивлением опустила взгляд и поняла, что, должно быть, еще сплю.

Под моим плащом, прижимаясь ко мне, спал мальчик – темноволосый, тощий, весь исцарапанный и перемазанный сажей. У костра вдруг раздался странный свист, я вскинула глаза и увидела, как Джейми прижимает раскаленный кинжал к большому пальцу Джосайи.

Заметив движение, Джейми повернул голову и сдвинул брови, уговаривая меня молчать. Джосайю перекосило, он до крови закусил губу, но не издал ни звука. С той стороны костра за ними наблюдал безмолвный, как скала, Кенни Линдсей.

Все еще уверенная, что сплю, я положила руку на мальчика. Тот заерзал, и ощущение твердой плоти под пальцами окончательно меня разбудило.

Мальчишка испуганно распахнул глаза, дернулся и вскочил на ноги. Затем увидел брата – а Джосайя точно был его братом – и принялся озираться, испуганно оглядывая поляну, лежащих мужчин, Джейми, Роджера и меня.

Джосайя, забыв об ужасающей боли, подошел к брату.

Я встала медленно, чтобы их не напугать. За мной следили два настороженных взгляда – совершенно одинаковых. Да, они были очень похожи, только у второго мальчика волосы оказались длиннее и одет он был в одну лишь драную рубаху и босиком. Начиная подозревать, что именно украл Джосайя, я улыбнулась и протянула руку:

– Давай посмотрю.

Замешкавшись, Джосайя все-таки дал осмотреть рану. Работу проделали так аккуратно, что к горлу подкатил ком. Основание большого

пальца срезали начисто и прижгли раскаленным металлом. Позорное клеймо сменила кроваво-черная корка.

За спиной раздались шаги – Роджер принес саквояж с инструментами и поставил у моих ног.

Я мало что могла сделать, только нанести мазь из горечавки да перевязать палец чистой тканью. Джейми тем временем рылся в седельных сумках. Когда я закончила, он вернулся, неся узелок с едой и запасное одеяло, скатанное в рулон, а еще мои штаны.

Он протянул их новому гостю, отдал еду с одеялом Джосайе и крепко сжал парню плечо. Другого мальчишку мягко развернул в сторону леса и подтолкнул в спину. Джосайя закивал. Коснувшись лба перевязанной рукой, он прошептал: «Спасибо, мэм». И двое мальчишек исчезли в лесу, сверкая босыми пятками.

Джейми кивнул Кенни и сел у костра, устало опустив плечи. Я налила ему кофе. Он взял кружку, слабо улыбнувшись, но его тут же скрутил приступ сильнейшего кашля.

Я забрала кружку, пока он ее не опрокинул, и поверх головы Джейми перехватила взгляд Роджера. Тот указал на восток и приложил палец к губам, после чего демонстративно пожал плечами и скривился. Ему не меньше моего хотелось узнать, что произошло, однако он прав: рассвет уже близок и скоро проснутся остальные.

Джейми прекратил кашлять, хотя еще издавал жуткие булькающие звуки, точно свинья барахталась в грязи.

– Вот, – шепнула я, возвращая ему кружку. – Пей и ложись. Тебе надо поспать.

Он качнул головой и сделал глоток, кривясь от горечи напитка.

– Нет смысла, – прохрипел он, кивком указывая на верхушки сосен, уже проступающих на светлеющем небе. – Кроме того, надо подумать, что, черт возьми, теперь делать.

Глава 27. Смерть наносит визит

Я еле сдерживала нетерпение, пока мужчины завтракали, собирали лагерь и неспешно седлали лошадей. Наконец мы выдвинулись. Утро было таким холодным, что воздух почти звенел.

– Итак, – безо всяких предисловий начала я, когда пробилась к Джейми. – Рассказывай!

Джейми улыбнулся. Он изрядно устал, но свежий воздух и крепкий кофе возродили его к жизни. Несмотря на бессонную ночь, я тоже чувствовала себя бодрой, кровь бежала по венам, окрашивая щеки румянцем.

– Даже не дожدهшься Роджера?

– Потом ему расскажу.

Втроем мы здесь бы не проехали – склон размыло так, что оставалась узкая полоса щебня, на которой помещались только две лошади. Услышать нас не могли. Я нетерпеливо подалась ближе: пар из ноздрей его жеребца теперь обдавал мои колени.

Джейми потер лицо и мотнул головой, стряхивая усталость.

– Ладно. Видела, что они братья?

– Да, заметила. Откуда, черт возьми, взялся второй?

– Оттуда.

Подбородком он указал на запад. В промоине внизу виднелась поляна. Из деревьев на ее краю вилась тонкая струйка дыма. Прищурившись, я разглядела фермерский дом с покосившимися сараями.

– Скоро парня хватятся, – угрюмо добавил Джейми. – Хотя если повезет, сперва решат, что он в уборной или доит коз.

Я не стала спрашивать, откуда ему известно, что там есть козы.

– Это их дом? Джосайи и его брата?

– Вроде того. Они работали там по контракту.

– Работали? – скептически уточнила я. Вряд ли срок контракта истек аккуратно прошлой ночью.

Джейми пожал плечами и вытер мокрый нос.

– Если их не поймают, то да.

– Ты же поймал Джосайю, – напомнила я. – Что он тебе сказал?

– Правду. – Джейми чуть усмехнулся. – По крайней мере, на то похоже.

Ночью он загнал парня в ловушку между скалами. Укутал

окоченевшего мальчика в свой плед и, чередуя терпеливые расспросы с глотками виски из фляги, выведал-таки всю историю.

– Они эмигрировали. Всей семьей – отец, мать и шестеро братьев. Выжили только близнецы. Остальные умерли в море от лихорадки. Здесь никаких родственников не было, по крайней мере, корабль никто не встречал, потому капитан их продал. Вырученных денег не хватило, чтобы покрыть расходы на проезд, и братья попали в рабство на тридцать лет, пока не отработают долг.

Такое иногда в колониях происходило. Я это знала, однако все равно не сдержалась:

– Тридцать лет! Сколько же им тогда было?

– Года два или три.

Я опешила. Наверное, можно сказать, что детям повезло, покупатель ведь должен был о них заботиться... Затем вспомнились торчащие ребра и кривые ноги Джосайи. Непохоже, чтобы дети ели досыта.

– Джосайя понятия не имеет, кто его родители, откуда они и как их звали, – пояснил Джейми. – Он помнит лишь свое имя и имя брата – Кесайя. Бердсли – это фамилия человека, который их купил. Парни не знают, откуда они – из Шотландии, Англии, Ирландии... Вряд ли из Германии или Польши – с такими-то именами.

– Хмм... – Я задумчиво выдохнула облачко пара, на миг скрывшее дом внизу. – Значит, Джосайя сбежал. Полагаю, из-за клейма на большом пальце?

Джейми кивнул, следя за тем, как жеребец прокладывает себе путь по камням. Глина с обеих сторон дороги была мягкой, и черная земля грибами лезла между гравием.

– Он признался, что украл сыр в Браунсвилле, и доярка его увидела. Вообще-то она указала на другого брата, но... – Джейми на мгновение сдвинул рыжие брови. – Как бы там ни было, кто-то из мальчишек украл сыр, Бердсли поймал их обоих и вызвал шерифа. Джосайя взял на себя вину – и его наказали.

Это случилось два года назад. Вскоре Джосайя сбежал с фермы. Он признался Джейми, что хотел вернуться за братом, как только найдет подходящее место для жилья. Предложение Джейми оказалось как нельзя кстати, и он пешком отправился на ферму.

– Представь же его удивление, когда он увидел наш отряд на склоне холма, – сказал Джейми и чихнул, вытирая слезящиеся глаза. – Парень притаился, пытаясь решить, что делать: дожждаться, когда мы уйдем, или воспользоваться шансом? Вдруг мы едем на ферму: отвлечем хозяев и ему

удастся выкрасть брата.

– И ты, выходит, сам помог ему с кражей. Весело было, да?

У меня тоже текло из носа. Я одной рукой нащупала платок, надеясь, что лошадь не скинет меня из седла. Джейми был бледен, но щеки разрумянились на утреннем солнце, и вообще он вел себя довольно бодро для человека, прошедшего бессонную ночь в холодном лесу.

– Еще бы! Давненько я так не развлекался! – Он зазорно прищурил глаза. – Совсем как набег на Грантов по молодости. Лезть в темноте в чужой сарай!.. Господи, я еле сдержался, чтоб не прихватить заодно корову... может, и прихватил бы, если б она у них была.

Я фыркнула и снисходительно засмеялась.

– Да ты разбойник, Джейми!

– Разбойник?! Я честнейший человек, саксоночка!.. Когда могу себе это позволить, – уточнил он.

– Да, да, ты честный человек, – заверила я. – Даже слишком. Просто не всегда законопослушный.

Джейми, казалось, смутился, потому что хмуро свел брови и издал глухой звук, пытаясь не то возразить, не то откашлять мокроту. Он чихнул, натянул поводья и помахал шляпой Роджеру, который ехал чуть выше по склону. Роджер повернул коня в нашу сторону.

– Отправлю Дрозда в Браунсвилл с остальными, – пояснил Джейми. – А сам поеду к Бердсли. Ты со мной или с ними?

– Конечно, с тобой, – тут же отозвалась я. – Хочу посмотреть на этих Бердсли.

Он улыбнулся и, убрав со лба волосы, снова надел шляпу. Джейми волосы не завязывал, чтобы грели шею и уши, и теперь рыжие пряди отливали в лучах утреннего солнца чистейшей медью.

– Хорошо, только следи за лицом, – полушутя предупредил он. – Не вздумай краснеть, если они вдруг заговорят о сбежавшем слуге.

– Сам за собой следи, – огрызнулась я. – Джосайя рассказывал, что с ним и его братом плохо обращались? Может, он сбежал не только из-за того случая с сыром?

– Я не спрашивал. Но подумай сама, саксоночка, что заставило бы тебя покинуть дом и жить в лесу, питаться личинками и спать на сырых листьях?

Джейми тронул коня каблуками и поехал вверх по склону, чтобы поговорить с Роджером, а я осталась размышлять над его словами. Вскоре он вернулся, и я снова пристроилась рядом, обдумывая уже новый вопрос.

– Если все было так плохо, почему он сразу не взял с собой брата?

Джейми удивленно воззрился на меня.

– Саксоночка, Кесайя ведь глухой!

Как рассказал наш беглец, брат потерял слух из-за травмы лет этак в пять. Поэтому говорить он умел, но ничего не слышал, кроме совсем уж громких звуков. Он не мог разобрать ни чужих шагов, ни шороха листьев – а значит, не сумел бы охотиться или удрать от погони.

– Они с братом понимают друг друга. Когда мы заползли в сарай, я остался караулить внизу, а парень пошел на чердак. Я ни звука не услышал, но уже через минуту они оба стояли рядом со мной, а братец протирали заспанные глаза. Я и не знал сперва, что они близнецы, и, увидев их двоих, жутко удивился.

– Интересно, почему тогда Кесайя не захватил штаны, – вспомнила я еще одну странность.

Джейми расхохотался.

– Я спросил. Оказывается, он снял их прошлой ночью, оставил на сеновале, а там окотилась кошка. Он решил ее не тревожить.

Я тоже рассмеялась, хотя при воспоминании о синюшно-бледных ногах с фиолетовым отливом по спине бежали мурашки.

– Славный парнишка. А с ботинками что?

– У него их и не было.

Мы к тому времени спустились с холма. Лошади медленно кружили возле Джейми, пока он раздавал указания и прощался. Затем Роджер с чуточку озабоченным видом свистнул сквозь зубы и, махнув шляпой, тронул коня каблуками. Сперва он зачем-то обернулся и лишь потом стал смотреть на дорогу.

– Сомневался, поедут ли за ним, – пояснил Джейми и пожал плечами. – А, ладно, справится.

– Конечно, – заверила я, вспоминая минувшую ночь.

– Рад, что ты так думаешь, саксоночка. Ну, поехали.

Он прищелкнул языком и развернул коня.

– Если ты в нем сомневаешься, зачем его отправил? – спросила я, пока мы пробирались сквозь рощицу перед невидимой пока фермой. – Почему бы просто не разбить лагерь? Люди подождут бы, когда ты вернешься.

– Тогда он ничему не научился бы, потому что я не даю ему шанса. С другой стороны... – Джейми замолк и оглянулся. – С другой стороны, я не хочу, чтобы все узнали о Бердсли и их пропавшем слуге. Ведь Джосайю видели в лагере. Если у тебя сбежал работник, а поблизости вдруг объявился похожий на него парень, – легко сложить два и два, правда?

Он свернул, и я проехала за ним между двумя тонкими соснами. На

коре и иголках крохотными алмазами сверкала роса, и ледяные капельки сыпались мне на плечи, заставляя ежиться от холода.

– Если этот самый Бердсли не дряхлый старик или калека, он присоединится к нашему отряду, – возразила я. – И кто-нибудь обязательно упомянет при нем о ночном госте.

Джейми покачал головой.

– Скажут, и что? Ну, видели они какого-то парня, тот вскоре сбежал.

– Кенни Линдси знает, что ты привел их двоих обратно.

– Да. Я и взял с него слово молчать.

Кенни тоже из тюрьмы Ардсмур, он без колебаний и вопросов выполнит любой приказ Джейми.

– И кстати... – продолжил он, умело объезжая большой валун, – Бердсли вовсе не старик. По словам Джосайи, тот торгует с индейцами, возит разные товары в деревни чероки. Не знаю, правда, дома ли он. Если да...

Джейми снова закашлялся, потому что холодный воздух жег легкие.

– Еще один повод отослать людей, – хрипло договорил он. – Вернемся мы, скорее всего, только завтра. К тому времени они заведут в Браунсвилле новых знакомых, напьются и забудут про парня. Так что вряд ли кто ляпнет о нем при Бердсли. А если кто и сболтнет, мы к тому времени будем уже далеко и Бердсли не сможет отправиться на поиски мальчишек.

Значит, Джейми рассчитывает, что Бердсли проявит гостеприимство и предложит нам остаться на ночь. Слушая его кашель, я твердо решила вечером сесть ему на живот и, нравится или нет, хорошенько обмазать камфорой.

Мы выехали из деревьев, и я скептически уставилась на дом впереди. Он оказался меньше, чем я думала, обветшалый, со сломанными ступеньками, провисшим крыльцом и полуосыпавшейся черепицей. Впрочем, мне доводилось ночевать и в менее приятных местах.

Дверь в покосившийся сарай болталась на ветру. Ферма выглядела совершенно пустой, только дымок вился из трубы.

То, что я сказала Джейми, было правдой, хоть я и выразилась не совсем точно. Он честный и законопослушный – но уважает лишь те законы, что ему по душе. Любые королевские указы ему безразличны. А вот за неписанные законы он готов умереть.

И все же хотя горцы, обожавшие набеги, иначе относились к частной собственности, от моего внимания не ускользнул тот факт, что Джейми рассчитывает на ужин и ночлег под кровом человека, чье имущество, пусть и живое, он украл. В контрактах на службу он не видел ничего дурного и

обычно уважал их условия. Разве только в действие вступал иной закон – милосердия или присяги лэрд, уж не знаю.

– Почему ты решил помочь Джосайе? – спросила я прямо, пока мы пробирались через кукурузное поле перед домом. Сухие стебли хрустели под копытами, и лед поблескивал на мертвых листьях.

Джейми снял шляпу, положил ее на седло и стал завязывать волосы, чтобы принять более приличествующий вид.

– Ну, я сказал, если он в своем намерении тверд, так тому и быть. Но раз он хочет попасть в Ридж – с братом ли, без брата, – от клейма надо избавиться, потому что могут поползти слухи, которые рано или поздно дойдут до Бердсли.

Он выдохнул, выпуская белое облачко пара.

– Парень ни секунды не раздумывал, хотя наверняка помнил, как было больно, когда ему ставили клеймо. Вот что я скажу, саксоночка: многие способны на отчаянный поступок из любви или храбрости... но мало кто готов повторить его снова.

Джейми отвернулся, не дожидаясь ответа, и въехал во двор, распугивая голубей. В седле он сидел прямо, расправив широкие плечи. Плащ скрывал шрамы, щедро усеивающие спину.

Вот, значит, в чем дело... *«Как в воде лицо – к лицу, так сердце человека – к человеку»*^[45]. Именно мужество Джейми почитал превыше всего.

* * *

На крыльце, сердито нахохлившись, сидели цыплята. Они заворчали, сверкая на нас глазами, но потеснились лишь на пару шагов, не желая покидать солнечное местечко. Ступеньки были сломаны, во дворе валялись обструганные доски и гвозди, словно кто-то собирался их починить, да никак не находил времени. Не находил причем уже давно – гвозди успели проржаветь, а доски разбухли и покорежились от дождей.

– Эй! Внутри! – крикнул Джейми, останавливаясь в центре двора. Так в горах было принято: прежде чем проявлять гостеприимство, незваных гостей предпочитали держать под прицелом, пока не выяснят их намерения.

Из этих соображений я пристроилась позади Джейми, но юбки расправила, чтобы было видно: я женщина и потому не представляю опасности.

Проклятье, в подоле была дыра, оставленная, должно быть, искрой от костра. Я прикрыла ее складками. Странно, что женщины считаются безобидными существами. Что мешает мне грабить и убивать?

К счастью, подобного желания у меня не возникало, хотя порой приходилось напоминать себе про клятву Гиппократ и ее главный принцип «Не навреди». Некоторых упрямых пациентов так и хотелось утихомирить дубиной по голове.

Джейми не спеша шел к сараю, изредка покрикивая. Во дворе были лишь наши собственные следы. Возле полуотесанного бревна виднелась горка конского навоза, мокрого от росы и успевшего уже рассыпаться.

Никто не приезжал, никто не уезжал, разве что приходил пешком. Бердсли, скорее всего, были дома.

День, однако, давно начался. В это время люди на ферме уже должны заниматься делом. Я отступила на шаг и прикрыла глаза, высматривая признаки жизни. Хотелось взглянуть на этих самых Бердсли.

У двери я заметила странные короткие зарубки. Они заполняли один косяк целиком, другой – наполовину, и располагались группами по семь штук на небольшом расстоянии друг от друга: словно кто-то вел счет неделям.

Джейми вышел из сарая, вслед ему донеслось бляение. Те самые козы, о которых он говорил. Наверняка их должен доить Кесайя; раз так, его отсутствие скоро заметят.

Сделав пару шагов в сторону дома, Джейми сложил руки рупором и крикнул. Тишина. Выждав немного, он пожал плечами и заколотил в дверь. Шум должен был разбудить и мертвых – куры, по крайней мере, в панике бросились врассыпную. Однако никто так и не вышел.

Джейми оглянулся и приподнял бровь. Люди редко бросают ферму вместе с домашним скотом.

– Здесь точно кто-то есть, – ответил он на мой невысказанный вопрос. – Коз совсем недавно доили, на вымени еще осталось молоко.

– Может, они все ищут... ну, сам знаешь кого? – пробормотала я, на всякий случай подходя ближе.

– Может.

Он заглянул в окно. Когда-то в них стояли стекла; теперь пустые рамы с зубьями осколков затягивали лишь тряпки. Джейми пренебрежительно скривился.

Вдруг он повернул голову.

– Слышала, саксоночка?

– Да. Я думала, это козы, разве нет?..

Блеяние послышалось снова, на этот раз из дома. Джейми толкнул дверь, но та не шелохнулась.

– Заперто, – бросил он и вернулся к окну, потянув за край тряпки.

– Фу.

Я скривила нос. К запахам закрытого дома, где к ароматам выпечки и тушеного мяса примешивалась вонь пота, нестираной одежды, плесени и помойных ведер, было не привыкать, однако амбре из дома Бердсли просто сшибало с ног.

– Либо они держат в доме свиней, либо внутри живет с десяток человек, которые с прошлой весны не казали носа на улицу.

– Да, здесь немного припахивает, – согласился Джейми. Морщась от вони, он сунул голову в окно и заорал: – *Thig a mach!*^[46] Выходите, Бердсли!

Я заглянула ему через плечо. Просторная комната была вся завалена разным барахлом. Втянув легонько воздух, я поняла, что в бочках у стены, скорее всего, соленая рыба, смола, яблоки, пиво и квашеная капуста. Помимо них повсюду валялись шерстяные одеяла, крашенные кошенилью и индиго, бочонки с порохом и полувыдубленные шкуры, нестерпимо воняющие собачьими экскрементами, добавляя свою толику в общий смрад. Видимо, товары на продажу.

Другое окно тоже было затянуто рваной волчьей шкурой, так что в комнате царил полумрак. Из-за всех этих коробок, мешков и связок она напоминала пещеру Али-Бабы в нищенской ее вариации.

Из глубины дома снова донесся тот звук, теперь уже громче: что-то среднее между визгом и воем. Я отступила, невольно представляя себе черную косматую тварь, кидающуюся на нас из-за угла.

– Медведи, – полушутя предположила я. – Люди ушли, и вместо них поселились медведи.

– Угу, и Златовласка, – насмешливо ответил Джейми. – Конечно. Медведи там или нет, в доме определенно кто-то есть. Принеси из седельной сумки мой пистолет и патроны.

Я не успела спуститься с крыльца, как послышались шаркающие звуки. Джейми схватился за кинжал, потом, приглядевшись получше, убрал руку, удивленно вскидывая брови. Я тоже вытянула шею.

Из-за гор товара, подозрительно озираясь, точно крыса, вышла женщина. Не то чтобы эта грузная особа с кудрявыми волосами походила на мелкого грызуна с мусорной свалки, но помаргивала она точно так же.

– Уходите, – велела она.

– Доброго вам утра, мэ. Я Джейми Фрейзер из...

– Мне плевать, кто вы такой. Уходите.

– Не уйду, – твердо заявил он. – Я должен поговорить с мужчинами в вашем доме.

На лице ее проступило странное выражение: не то тревога, не то задумчивость, не то вовсе насмешка.

– Долш-шны? – переспросила женщина, чуть шепелявя. – Кто ж вам такое скажал?

У Джейми покраснели уши, но он терпеливо ответил:

– Губернатор, мэ. Я полковник Джеймс Фрейзер. Собираю отряд милиции. Все здоровые мужчины от шестнадцати до шестидесяти должны вступить в наши ряды. Будьте добры, позовите мистера Бердсли.

– Ми-лит-шия? – повторила она по слогам непривычное слово. – И с кем же вы будете шражаться?

– Если повезет, ни с кем. Однако приказ отдан, и мы обязаны его соблюдать.

Джейми взялся за крестовину окна и потрянул ее на пробу. Раму сделали из хлипких сосновых дощечек, давно рассохшихся, – их легко было выломать одним движением.

Хозяйка прищурилась и задумчиво поджала губы.

– Ждоровые муш-щины... Хм, у нас таких нет. Был шлуга, но он шбежал. Все равно б вам не шгодился – глухой как пень и немой. Если поймаете, можете жабирать.

Судя по всему, побег Кесайи особой шумихи не вызвал. Я с облегчением перевела дух. Джейми, однако, так легко не сдавался.

– А мистер Бердсли дома? Я хотел бы с ним поговорить.

Он снова потрянул раму, и сухое дерево треснуло с шумом пистолетного выстрела.

– Он не принимает гош-штей, – ответила женщина, и в ее голове вновь прорезались странные нотки: тревога пополам с радостным волнением.

– Он болен? – вмешалась я. – Я могла бы помочь. Я врач.

Она шагнула вперед и хмуро уставилась на меня из-под растрепанных темных волос. На свету женщина оказалась моложе, чем я думала: ни морщин, ни отвислой дряблой кожи.

– Врачш?

– Моя жена – известная целительница. Индейцы называют ее Белый Ворон.

– Колдунья? – Женщина вытаращила глаза и попятилась.

Было в ней что-то странное, и я только теперь поняла, что именно. Вопреки вони и разрухе в доме, сама женщина была в чистом платье с

вымытой головой – хотя в это время года люди не купались месяцами, чтобы не подхватить простуду.

– Кто вы? – прямо спросила я. – Миссис Бердсли? Или мисс?

Да ей же не больше двадцати пяти! Плечи под платком округлые, бедра широкие, почти касаются бочек. Видно, торговля с чероки приносит немалый доход, способный прокормить семью... но не слуг.

– Я миш-шиш Бердшли.

Тревога исчезла. Хозяйка смотрела на меня, задумчиво пожевывая губы. Джейми сжал пальцы, и рама хрустнула.

– Входите уш.

И снова те же интонации: вызов и бешеная радость. Женщина направилась к двери. Я заметила, что она хромает, – одна нога волочилась по деревянному полу.

Кряхтя и сопя под нос, она принялась возиться с замком. Засов громыхнул и с громким стуком упал на доски. Перекошенная дверь, однако, не желала открываться; Джейми надавил плечом, и та с натужным скрипом распахнулась. Интересно, когда ее трогали последний раз?

Видимо, целую вечность назад. Джейми фыркнул и закашлялся, стараясь дышать только ртом. Я тоже, хотя запах все равно разил наповал. Кроме испорченных товаров, в доме нещадно воняло застоялой мочой и фекалиями, гнилью и чем-то еще. Я на пробу шевельнула ноздрями, стараясь не вдыхать лишнего.

– Как давно болен мистер Бердсли?

Во всем этом смраде я разобрала яркий запах болезни. Не только высохшей рвоты или свежего гноя, но и плесневелый душок, присущий любому серьезному недугу.

– Ох... Давно уш-ше.

Воздух внутри казался гуще из-за вони и темноты. Хотелось сорвать с окон тряпки и впустить свежий ветер.

Миссис Бердсли боком, точно краб, стала пробираться между рядами товаров. Джейми посмотрел на меня и, с отвращением чихнув, нырнул под нависающие шесты для палаток. Я последовала за ними, стараясь не глядеть, куда именно ставлю ногу. Что там на полу: гнилое яблоко? Дохлая крыса? Зажав нос, я подняла глаза к потолку.

Дом состоял из двух комнат: большая впереди, та, что поменьше, кухня, – сзади.

Задняя комната на удивление отличалась от передней. Она была простой и аккуратной, точно квакерский зал собраний. Повсюду – ни пятнышка, стол и каменный очаг выскоблены до блеска, на полках сверкала

немногочисленная оловянная посуда. В окно сквозь уцелевшие стекла свободно лилось чистое утреннее солнце. А еще здесь царила мертвая тишина, словно из хаоса гостиной мы попали в святилище.

Однако это впечатление тут же развеял громкий шум сверху – тот самый звук, который мы слышали прежде: пронзительный визг, полный отчаяния, точно там резали борова. Джейми шагнул к лестнице в дальнем углу, ведущей на чердак.

– Он там, – зачем-то пояснила миссис Бердсли.

Визг раздался снова, громче и истошнее, и я передумала идти за аптечкой, чтобы не тратить зря время.

Джейми выглянул с чердака.

– Захвати свет, саксоночка, – коротко велел он и снова исчез.

Не думая даже подать свечу, миссис Бердсли мяла в руках шаль и плотно сжимала губы. Я протиснулась мимо нее, схватила с полки подсвечник и запалила фитиль в очаге.

– Джейми?

Я просунула голову в люк, держа свечу над макушкой.

– Я здесь, саксоночка.

Он стоял в дальнем углу, где гуще всего ложились тени. Я вскарабкалась по лестнице и, осторожно переставляя ноги, подошла ближе.

Вонь шла именно отсюда. Заметив в темноте что-то светлое, я поднесла свечу. Джейми свистяще выдохнул сквозь зубы.

– Мистер Бердсли, я полагаю? – спросил он.

Мужчина был очень крупным. Из мрака китовой тушей возвышалась огромная выпуклость живота, рука, безвольно лежащая на половице, могла бы обхватить пушечное ядро. Однако белесая и дряблая плоть обвисла, грудь провалилась. Некогда бычья шея неестественно вытянулась, под спутанными волосами дико сверкал глаз.

Мужчина снова захрипел, пытаясь поднять голову. Джейми вздрогнул – и мурашки побежали у меня по спине. Превозмогая страх, я сунула ему подсвечник.

– Посвети.

Я встала на колени, запоздало чувствуя, как сквозь юбки просачивается жидкая грязь. Мужчина лежал в собственных испражнениях, причем довольно долго – слизь толстым слоем покрывала весь пол. Под льняной простыней он был голым. Перекатив его на бок, я увидела на спине кровоточащие язвы.

Диагноз был ясен без слов: одна половина лица сползла вниз, веко обвисло, рука и нога недвижно распластались по полу, под кожей

проступали узловатые суставы. Бедняга пыхтел и блеял, бессильно высовывая язык и пуская слюни, но не мог произнести и слова.

– Тише. Успокойтесь, теперь все будет хорошо.

Я взяла его за запястье, чтобы проверить пульс: плоть свободно ходила по костям, не отзываясь на мое прикосновение.

– Инсульт, – тихо сказала я Джейми. – Вы называете это апоплексия.

Я положила руку Бердсли на грудь, чтобы хоть немного успокоить.

– Не волнуйтесь, мы вам поможем, – заверила я, а сама думала, что тут можно сделать. Ну, прежде всего, отмыть и согреть: на чердаке было чуть ли не холоднее, чем снаружи, и голая грудь под густыми волосами вся шла гусиной кожей.

Лестница скрипнула. Обернувшись, я увидела в проеме голову и массивные плечи миссис Бердсли, озаренные слабым светом с кухни.

– Как давно это с ним? – резко спросила я.

– Мош-шет... мес-сатц, – с заминкой выдавила она и, щетинясь, затараторила: – Я не могла его шдвинуть. Он шлишком тяш-шелый.

Все так. Однако...

– Как он вообще сюда попал? – потребовал ответа Джейми.

Пламя свечи высветило лицо миссис Бердсли, и светло-голубые глаза сверкнули льдом.

– Он... гналша ш-ша мной, – слабо выговорила она.

– Что?

Джейми подошел и взял ее за руку, помогая – против воли – забраться на чердак.

– Что значит гнался?!

Она сгорбила круглые плечи под завязанной крест-накрест шалью – точь-в-точь кухонный горшок с остывающим супом.

– Он меня ударил. Я побеш-шала, а он погналша. Я хотела ш-шдесь шпрятаться, но он нашел. А потом... упал. И... не шмог больш-ше вштать.

Джейми поднес свечу к ее лицу. Миссис Бердсли нервно улыбнулась, глядя то на меня, то на Джейми, и я поняла, почему она шепелявит: передние зубы были сломаны и осколки боком торчали из десны. По верхней губе вился небольшой шрам, еще один белел на лбу.

Мужчина на полу истошно завизжал, словно протестуя, и она невольно съежилась и закрыла глаза.

– Хмм... – пробормотал Джейми. – Ладно. Принесите воды, мэм. А еще чистых тряпок и новых свечей, – крикнул он ей в спину, когда она заторопилась прочь.

– Джейми, верни свет, пожалуйста.

Он встал рядом, держа подсвечник так, чтобы я видела распластанное тело. Окинув Бердсли взглядом, полным жалости пополам с презрением, Джейми покачал головой.

– Что скажешь, саксоночка? Божья кара?

– Не совсем божья, – вполголоса возразила я, чтобы на кухне не услышали. Я забрала у Джейми свечу. – Вот, взгляни.

Возле головы Бердсли стояла фляга воды и тарелка с черствой и плесневелой краюхой, рядом валялись липкие крошки полупережеванного хлеба. Она кормила его, чтобы не умер с голоду. Однако в передней комнате хранились всяческие разносолы: копченые окорока, сушеные фрукты, соленая рыба, квашеная капуста... Там были связки мехов, кувшины с маслом, горы шерстяных одеял, – а хозяин всех этих богатств лежал в темноте голый, дрожа под тонкой простыней.

– Интересно, почему она просто не дала ему умереть? – тихо спросил Джейми, не сводя глаз с плесневелого хлеба.

Бердсли в ответ замычал, свирепо вращая глазом и хлюпая носом, по лицу потекли слезы. Он рычал и выгибался, силясь встать, но только бился о пол с мясистым стуком.

– Похоже, он тебя понимает. Вы нас слышите? – обратилась я к больному, который в ответ забулькал еще громче. – Что же до того, почему...

Я медленно провела свечой над ногами Бердсли. Какие-то из ран были обычными пролежнями. Другие же – нет. По массивному бедру шли черные косые надрезы, явно оставленные ножом. Голень покрывали багровые язвы, сочащиеся сукровицей. Загноившиеся ожоги...

Джейми сдавленно замычал. Внизу распахнулась дверь, и на чердак взлетел холод, заставляя плясать пламя свечи. Потом дверь хлопнула и огонь вновь успокоился.

– Полагаю, его удастся спустить. – Джейми поднял свечу, осматривая крышу. – Если привязать там веревку с петлей. Но можно ли его вообще трогать?

– Можно, – задумчиво ответила я. От ног пациента разило вонью, которую я не чувствовала уже давно. Плохой знак. Едкий запах газовой гангрены ни с чем не перепутать. Чтобы не тревожить зря Бердсли – если он способен нас понимать, – я встала.

Джейми отдал мне свечу и спросил чуть слышно на ухо:

– Саксоночка, можешь что-нибудь для него сделать?

– Нет, – так же тихо ответила я. – Апоплексия не лечится. Могу перевязать язвы и дать трав от лихорадки, вот и все.

Он постоял, глядя на распростертое тело, качнул головой, перекрестился и пошел вниз за веревкой.

Я же вернулась к пациенту, который приветствовал меня протяжным «Хээ-эх» и задергал ногой, точно испуганный кролик. Опустившись на колени, я забормотала ласковые успокаивающие слова, разглядывая его раны. Пальцы на парализованной ноге были обожжены: какие-то до пузырей, другие – почти до костей. Два первых совсем почернели, и от них по стопе растекалась зеленоватая гниль.

Пламя свечи задрожало, потому что у меня затряслись руки. Самое страшное ждало этих людей впереди. Что, черт возьми, теперь делать?

С собой взять Бердсли мы не можем, оставить с женой – тем более. Соседей рядом нет, чтобы отдать больного на их попечение. Вероятно, нам удастся отвезти его в Браунсвилл, в сарае должен быть фургон. Но что потом?

На сотни миль вокруг – ни одной больницы. Может, в Браунсвилле кто смилостивится и возьмет его к себе... Однако он уже никогда не поправится. Значит, за ним надо ухаживать день и ночь до конца жизни.

А жизнь эта может оказаться весьма короткой, если я не справлюсь с гангреной. Единственный выход – ампутировать ногу. Если отнять всю стопу, он может умереть от болевого шока или инфекции. Порой после инсульта в парализованных конечностях сохраняются нервные окончания.

Здоровый глаз был открыт, смотрел в чердачные балки. Бердсли не издал ни звука, не взглянул на меня. Значит, чувствительность пропала. Это хорошо – не будет мучиться от боли. А еще, получается, он не чувствовал и пыток. Знала ли об этом миссис Бердсли? Или же мертвую ногу она терзала лишь потому, что здоровой он мог дать хоть какой-то отпор?

Позади раздался шорох. Вернулась миссис Бердсли. Она поставила ведро воды, положила ворох тряпья и встала рядом, наблюдая, как я смываю грязь.

– Мош-жете его вылечить? – спросила она отстраненно, словно говорила о чужаке.

Пациент дернул головой, уставившись на меня.

– Думаю, я сумею ему помочь, – неопределенно ответила я.

Хоть бы Джейми скорее вернулся. Мне нужен чемоданчик с инструментами, а еще от компании обоих Бердсли мороз шел по коже.

Тем более что мистер Бердсли пустил немного мочи. Его жена рассмеялась, а он так истошно взвизгнул, что по рукам побежали мурашки. Стараясь не обращать внимания, я вытерла жидкость с его бедра.

– У вас или мистера Бердсли есть родня поблизости? – как можно

непринужденнее спросила я. – Кто-нибудь мог бы о вас позаботиться?

– Никого. Он шабрал меня иш-ш дома отца в Мериленде. В это меш-што.

Она сказала так, будто здесь пятый круг ада. Хотя почему «будто»?..

Дверь открылась, и порыв ветра возвестил о появлении Джейми. С тихим стуком он поставил мой саквояж на стол, и я вскочила, радуясь, что хоть ненадолго избавлюсь от общества хозяев дома.

– Там мой муж принес инструменты. Я только спущусь и заберу.

Я бочком протиснулась мимо миссис Бердсли и, вся мокрая, невзирая на холод, сбежала по лестнице.

Джейми стоял возле стола, хмуро складывая веревку в петлю. Услышав мои шаги, он немного расслабился.

– Как там, саксоночка? – указал он подбородком на чердак.

– Все плохо, – сказала я, вставая рядом. – На двух пальцах гангрена; придется их отрезать. И жена говорит, родственников у них нет.

– Хмм... – Джейми поджал губы.

Я потянулась к медицинскому саквояжу, но замерла, увидев на столе рядом с ним пистолеты с рожком пороха и коробкой патронов. Схватив Джейми за руку, я кивнула на них и одними губами прошептала: «Что это?»

Морщинка на лбу у него стала глубже, но ответить он не успел: сверху донесся ужасающий рев, грохот и бульканье.

Джейми отшвырнул веревку и бросился наверх, я – за ним. Услышав его крик, я торопливо вскарабкалась по лестнице и увидела, как он борется с миссис Бердсли.

Она двинула локтем его в лицо и разбила нос. Это заставило Джейми забыть, что он не бьет женщин; он развернул ее к себе и ударил кулаком в челюсть. Она щелкнула зубами и с остекленелым взглядом зашаталась. Я бросилась вперед, ловя свечу, и миссис Бердсли ворохом юбок рухнула на задницу.

– Черт бы... побрал... эту женщину, – промычал Джейми, зажимая кровоточащий нос.

Мистер Бердсли бился, точно выброшенная на берег рыба, хрипя и булькая. Подняв свечу, я увидела, как он хватается за шею, вокруг которой был обвит свернутый в жгут льняной платок. Лицо у него побагровело, здоровый глаз вылез из орбит. Я торопливо распутала платок, и Бердсли шумно выпустил из легких зловонный воздух.

– Еще чуть-чуть, и она бы успела. – Джейми кровавыми пальцами осторожно ощупал нос. – Боже, сломала...

– Зачем? Зачем вы меня ош-штановили? – Миссис Бердсли была в

смотрела на почерневшие пальцы, потом покачала головой:

– Нет. Пусть гниет заш-шиво.

Вопрос, понимает ли нас Бердсли, решился сам собой: он выкатил глаз и истошно взвыл, извиваясь на столе в безуспешной попытке до нее дотянуться. Он не скатился на пол сущим чудом – Джейми вовремя подхватил необъятную тушу. Наконец Бердсли утих, задыхаясь и мыча. Джейми наградил его жену взглядом, полным отвращения.

Она ссутулилась, натягивая на плечи платок, но не отступила и не отвела глаз, только вызывающе вздернула подбородок.

– Я его ш-шена. И не пошволю резать. Это опасно для ш-шизни.

– Если ничего не делать, он точно умрет, – коротко ответила я. – Ужасной смертью. А вы...

Я не договорила – Джейми взял меня за плечо и крепко сжал.

– Уведи ее, Клэр, – тихо велел он.

– Но...

– Уведи. – Он стиснул пальцы сильнее, почти до боли. – И не возвращайтесь, пока не позову.

Лицо у него было мрачным, а от взгляда мурашки пошли по коже. Я покосилась на стол, где рядом с моим саквояжем лежали пистолеты, и распахнула глаза.

– Так нельзя!

Он с застывшим лицом посмотрел на Бердсли.

– Собаку я пристрелил бы не задумываясь. А он разве не заслужил такой милости?

– Он не собака!

– Конечно.

Джейми обошел стол, вставая рядом с Бердсли.

– Если слышите меня, моргните, – негромко сказал он.

Налитый кровью, но ясный глаз смотрел прямо на Джейми. Потом веко медленно опустилось и снова поднялось.

Джейми повернулся ко мне:

– Идите. Пусть сам решает. Если нет, я тебя позову.

Колени тряслись, я мяла в руках юбку.

– Нет. – Я взглянула на Бердсли, сглотнула и покачала головой: – Нет. Если ты... тебе нужен свидетель.

Он задумался, но все-таки кивнул:

– Да, ты права.

Джейми снова повернулся к лежащему мужчине.

– Моргните один раз, если да, и два раза, если нет. Вы понимаете?

Веко тут же опустилось.

– Тогда слушайте.

Джейми глубоко вдохнул и начал говорить, спокойно и ровно, не спуская с лица Бердсли взгляда.

– Вы знаете, что с вами случилось?

Моргание.

– Вы знаете, что моя жена – лекарь, целительница?

Глаз покосился в мою сторону и снова уставился на Джейми. Моргание.

– Она говорит, у вас апоплексия и это не лечится. Вы понимаете?

Из перекошенного рта послышалось рычание. Для Бердсли это уже не новости. Моргание.

– Ваша нога гниет. Если ее не отрезать, вы умрете. Вы понимаете?

Никакого ответа. Он раздул ноздри, принюхиваясь, потом с фырканьем выдохнул. Бердсли чувствовал смердящий запах, но не знал наверняка, что издает эту вонь его собственная плоть. Он медленно моргнул.

Литания продолжалась, короткие фразы словно бросали очередной комок земли на крышку гроба. Каждая из них заканчивалась вопросом: «Вы понимаете?»

Руки и ноги у меня онемели. Комната уже воспринималась не как святое убежище, а скорее как церковь. Место, где проводят ритуал, сулящий неизбежно уготованный конец. Все это было предопределено. Бердсли сам выбрал свою судьбу, еще до нашего приезда. Он месяц провел в чистилище, в стылой темноте между небом и землей, и успел примириться со смертью.

Понимает ли он?

О да, еще как!

Джейми склонился над столом, священником в запятнанном одеянии предлагая отпущение грехов. В противовес ему у окна застыла миссис Бердсли – ангел возмездия.

Вопросы подошли к концу.

– Вы согласны, чтобы моя жена отняла вам ногу и перевязала раны?

Одно моргание – и сразу же еще два.

Джейми шумно дышал, каждое слово с хрипом выходило из его груди.

– Вы просите меня лишить вас жизни?

И хоть одна половина лица Бердсли безжизненно обвисла, а на второй проступила печать страданий, ему хватило сил скривить губы в циничной ухмылке. «А что еще остается?» – безмолвно спросил он. Потом смежил веки – и больше не открывал.

Джейми тоже зажмурил глаза и вздрогнул всем телом. Затем встряхнулся, как от ледяной воды, и отошел к столу с пистолетами.

Я положила ладонь ему на плечо. Он, не глядя на меня, заряжал пистолет. Джейми был до ужаса бледен, но руки двигались уверенно.

– Иди, – приказал он. – Забери ее.

Я подошла к женщине, взяла ее за руку и развернула к двери. Она бездумно пошла за мной, не оглядываясь.

* * *

Двор казался ненастоящим: слишком солнечным. Миссис Бердсли высвободилась из моей хватки и быстро зашагала к сараю. Обернулась через плечо и рванула за дверь так, будто удирала от демонов.

Почти заразившись ее паникой, я было последовала за ней, но вовремя взяла себя в руки. Встав у ограды, принялась ждать. Сердце медленно стучало в ушах.

Наконец раздался выстрел, негромкий и ужасно чужеродный в блянии коз и кудахтанье цыплят, барахтающихся в грязной луже. «В голову или в сердце?» – вспомнилось вдруг, и меня передернуло.

Время шло к обеду, по двору гулял холодный ветер, перемешивая клубы пыли с клочьями сена, а я все стояла и ждала. Джейми задерживался – наверняка решил прочитать молитву за душу Бердсли. Прошла минута, вторая, и дверь открылась. Он вышел, сделал пару шагов, согнулся пополам, и его вырвало.

Я поспешила было к нему, но моя помощь не требовалась. Он выпрямился, вытер рот и через весь двор ушел куда-то в лес.

А я вмиг почувствовала себя лишней и донельзя оскорбленной. Совсем недавно, каких-то несколько минут назад я отдавала все силы врачеванию, пыталась разгадать секрет чужой плоти, высматривала симптомы, ловила пульс и дыхание... Бердсли был глубоко мне противен, и все же я хотела сохранить ему жизнь и облегчить страдания.

А теперь мой пациент умер – и от меня словно отсекли некую важную часть. Наверное, так сказывался шок.

Я посмотрела на дом, чувствуя к нему странное отвращение, даже страх. Надо обмыть тело и одеть его для похорон. Мне уже приходилось таким заниматься – пусть без энтузиазма, но и без тошноты, – однако сейчас я ужасно не хотела заходить внутрь.

Я сталкивалась с насильственной смертью – порой даже более

омерзительной, чем эта. Смерть есть смерть, как бы она ни воспринималась: переход в иной мир, мучительная разлука или желанное освобождение. Джейми освободил Бердсли от оков сломленного тела, но что, если дух еще остался в доме, не осознав пока своей свободы?

– Бичем, да ты становишься суеверной, – сурово сказала я самой себе. – А ну прекращай немедленно.

И все же вместо того, чтобы идти внутрь, я нерешительно топталась во дворе.

Пусть Бердсли уже не нужна моя помощь, и Джейми тоже, мне все равно есть о ком позаботиться. Я зашагала к сараю.

Он больше походил на навес с сеновалом, полным душистого сена. Я встала в дверях, привыкая к темноте. В углу – пустое стойло для лошадей, с другой стороны – загон для коз за хлипким забором. В нем на охалке свежей соломы и сидела миссис Бердсли. Вокруг толкались с полдюжины коз, жующих ее платок. Женщина съежилась еще больше, сверкнув в темноте глазами.

– Ш-шакончилось? – чуть слышно спросила она.

– Да.

На коленях у нее лежал козленок, и она поглаживала кудрявую голову.

– Миссис Бердсли, все хорошо?

Молчание, потом она пожала плечами и бессильно уронила их.

– Не шнаю.

Женщина продолжала молчать, так что я развернулась и вышла, завидуя ее теплоте убежищу и мирной компании.

Нерасседланных лошадей мы оставили во дворе, привязав к молодой ольхе. Джейми только ослабил подпругу и отцепил седельные сумки, когда искал мои инструменты. Так что я сняла седла, уздечки, спутала лошадям ноги и пустила пастись на бурой травке, до сих пор растущей под соснами. Все равно уезжать еще не скоро.

С западной стороны дома стояла выдолбленная колода, из которой, видимо, поили лошадей. Она была пустой, и я, радуясь отсрочке, принесла воды и наполнила ее до краев.

Вытирая мокрые ладони о юбку, я огляделась в поисках нового занятия, но ничего толкового в голову не пришло. Значит, выбора нет. Собравшись с духом, я налила воды в полую тыкву, стоящую на краю колодца, и понесла к дому, стараясь не расплескать по дороге – все, лишь бы не думать о том, что ждет внутри.

Подняв глаза, я с удивлением обнаружила, что задняя дверь открыта. Прежде она точно была заперта. Кто ее отворил – Джейми? Или миссис

Бердсли?

Подойдя ближе, я вытянула шею, пытаюсь разглядеть, что происходит на кухне, но тут услышала сырое чваканье лопаты. За углом дома обнаружился Джейми – он рыл могилу под одинокой рябиной. Ветер трепал испачканную кровью рубаху.

Джейми запястьем откинул волосы, и я потрясенно увидела, что у него на щеках слезы. Он плакал молча и свирепо орудовал лопатой, вонзая ее в землю так, будто перед ним противник. Заметив меня, он остановился и поспешно стер лицо, словно бы от пота.

Он дышал так хрипло, что слышно было издали. Я подошла и протянула ему тыкву с водой и чистый платок. Избегая смотреть мне в глаза, он сделал пару глотков, закашлялся, выпил еще, вернул тыкву и шумно высморкался. Нос сильно распух, но уже не кровоточил.

– Мы ведь не будем здесь ночевать? – рискнула я спросить, присаживаясь на колоду возле ясеня.

– Упаси господь, – хрипло ответил Джейми. На лице проступали яркие пятна, глаза покраснели. – Похороним его как полагается и уедем. Лучше в лесу переночевать, чем здесь.

Я была только за, но сперва требовалось решить еще один вопрос.

– А что... с ней? – осторожно спросила я. – Она в доме? Там дверь открыта.

Он хмыкнул и вонзил лопату в землю.

– Нет, это я. Забыл открыть, когда уходил, – надо, чтобы душа вылетела, – пояснил он, видя мое удивление.

Джейми так спокойно подтвердил мои собственные опасения, что волосы вставали дыбом.

– Понятно...

Он молча копал, загоняя лопату глубоко в землю. Почва была глинистой, полной перегнившей листвы. В конце концов, не прерывая своего занятия, он произнес:

– Брианна как-то рассказывала мне историю из книги. Деталей я не помню, речь шла об убийстве. Жертвой оказался один негодяй, который кого-то вынудил себя убить. И когда в конце убийцу спросили, почему так, он ответил: «Да свершится Божье правосудие».

Я кивнула. Хотя быть орудием такого правосудия ох как нелегко...

– Думаешь, сегодня было то же самое? Божья кара?

Он в замешательстве качнул головой и продолжил копать. Какое-то время я молча наблюдала за ним. Однако вскоре вспомнила о непростой задаче, что мне предстоит.

– Наверное, пойду в дом, обмою тело и наведу порядок на чердаке. – Я неохотно встала. – Нельзя оставлять в такой грязи бедную женщину, что бы она ни сделала.

– Погоди-ка, саксоночка, – тут же прервался Джейми и чуть настороженно взглянул на дом. – Я пойду с тобой. А ты пока принеси камней для пирамиды.

Он кивком указал на опушку леса.

Пирамиды? Странно, почести покойному мистеру Бердсли вроде уже ни к чему. Хотя в лесу полно волков, пару дней назад я видела на тропе звериный помет. А еще, наверное, Джейми ищет предлог меня задержать, чтобы я не ходила в дом одна.

К счастью, камней здесь было навалом. Я достала из седельной сумки крепкий холщовый фартук, который обычно надевала на операции, и принялась трудолюбивым муравьем снова туда-обратно. Полчаса спустя я была уже не против зайти в дом. Джейми, однако, еще копал, так что мне не оставалось ничего иного, кроме как таскать камни и дальше.

Наконец, тяжело дыша, я остановилась и в который раз вытряхнула содержимое фартука на землю возле ямы. Тени протянулись через весь двор, и похолодало так сильно, что пыльцы вконец онемели. Впрочем, учитывая многочисленные ссадины и царапины, это было даже к лучшему.

– Выглядишь не очень. – Я отбросила с лица спутанные волосы. – Миссис Бердсли еще не выходила?

Он покачал головой и, с трудом переведя дух, сипло выдавил:

– Нет, все сидит в сарае. Наверное, там тепло.

Я с беспокойством оглядела Джейми. Рыть могилу – непростое занятие. Рубашка липла к телу, лицо, несмотря на холод, покраснелось – хоть бы не от лихорадки... Пальцы, напротив, были белыми и не гнулись, он с трудом отодрал их от черенка лопаты.

– Думаю, уже хватит. – Я оценила глубину ямы. Как по мне, хватило бы и вдвое меньше, но Джейми, взявшись за дело, всегда доводил его до конца. – Иди переоденься. Ты весь мокрый, еще разболеешься.

Он не стал спорить, только подровнял края могилы, чтобы земля не осыпалась.

Сосновые тени становились все гуще, цыплята давно залезли на насест рыжими гроздьями омелы. Лесные птицы тоже замолкли, и тень дома легла на могилу. Я обхватила себя руками, дрожа от холода.

Джейми бросил лопату, напугав меня ее стуком. Выбрался из ямы и замер на секунду, покачиваясь. Потом устало мне улыбнулся.

– Ну что, давай заканчивать.

То ли дух и впрямь вылетел в открытую дверь, то ли присутствие Джейми придало мне сил, но в дом я вошла уже без страха. Огонь погас, на кухне было холодно и темно, и все же ничего страшного здесь не ощущалось.

Бренная оболочка мистера Бердсли мирно покоилась на одном из его одеял.

Миссис Бердсли наотрез отказалась нам помогать и даже заходить в дом, пока тело мужа остается внутри, так что я выгребла очаг и развела новый огонь, а Джейми наводил порядок наверху.

Мертвым мистер Бердсли выглядел лучше, чем при жизни; искривленные конечности расслабились, неистовый дух борьбы угас. Джейми прикрыл лицо полотенцем, но и под ним не было ожидаемого месива. Он выстрелил в омертвевший глаз, пуля не разнесла череп. Здоровый глаз был закрыт, пустая глазница – слепо чернела. Я вернула полотенце на место, устраняя эту дисгармонию.

Джейми спустился по лестнице и встал позади меня, легонько коснувшись плеча.

– Иди умойся. – Я указала на чайник, подвешенный над огнем. – Сама управляюсь.

Кивнув, он стянул с себя мокрую грязную рубаху и бросил ее в очаг. Я прислушивалась, как он моется; эти тихие звуки казались на удивление домашними.

– Не знал, что так бывает, – сказал он. – Я думал, при апоплексии человек умирает сразу.

– Порой не сразу, – рассеянно ответила я, обмывая тело. – Даже не порой, а чаще всего.

– Да? Я никогда не спрашивал у Дугала или Руперта. Или Дженни. Что, если мой отец...

Он вдруг запнулся и умолк.

Ох. Меня словно ткнули в солнечное сплетение. Вот он к чему. Я и забыла... Отец Джейми видел ту порку в Форт-Вильямсе, и от потрясения его разбил удар. Джейми о смерти отца узнал лишь спустя несколько недель, потому что был в бегах и не мог уже ни проститься, ни почтить его могилу.

– Дженни должна знать, – мягко ответила я. – Она бы тебе сказала, если...

...Если Брайан Фрейзер встретил свою смерть беспомощным и жалким.

Ведь сказала бы? Что ухаживала за отцом, неспособным удержать ложку? Что целыми днями, оставшись в полном одиночестве, ждала неотвратимой смерти? И все же... Дженни Фрейзер – женщина сильная и в брате не чаяла души. Вдруг она решила оградить его от чувства вины?

Я повернулась к Джейми. Он, раздетый до пояса, стоял с чистой рубашкой в руках и смотрел на меня, хотя взгляд то и дело невольно падал на труп за моей спиной.

– Она бы тебе сказала, – уже увереннее повторила я.

Джейми со свистом втянул воздух.

– Возможно.

– Сказала бы, – твердо отрезала я.

Джейми кивнул и выдохнул, уже легче. Видно, не только в этом доме живут призраки.

Теперь понятно, почему он с таким рвением копал могилу. Вовсе не из сострадания, не говоря уже о любви к покойнику. Нет – ради Брайана Фрейзера, отца, которого ему не удалось ни похоронить, ни оплакать.

Я завернула края пледа и обвязала бечевкой ноги и голову, превращая мертвеца в безымянный сверток. Джейми сорок девять, в этом же возрасте умер его отец. Горло вдруг сжалось от внезапного чувства потери. Тоски по человеку, который наверняка был великим, если судить по его сыну.

Одевшись, Джейми подошел помочь мне с телом. Однако вместо того, чтобы поднять его, он вдруг наклонился и взял меня за руки.

– Поклянись мне, Клэр, – велел он сипло. – Если однажды меня настигнет участь моего отца... поклянись, что окажешь мне ту же милость, что я оказал здесь этому несчастному.

– Я сделаю все, что надо, – прошептала я. – Как и ты.

Я сжала его пальцы и отпустила.

– Давай похороним его. Пусть все закончится.

Глава 28. Браунсвилл

В Браунсвилл Роджер, Фергус и отряд милиции добрались лишь к полудню: они пропустили поворот и несколько часов блуждали в горах, пока не встретили двоих чероки, которые подсказали путь.

Поселение представляло собой с полдюжины ветхих домов, разбросанных среди мертвых кустов на склоне холма, точно горы мусора в сорняках. Рядом с дорогой – если таковой можно считать узкую черную колею, – по обе стороны более-менее крепкого здания притулились две кривые хижины, как пьяницы, повисшие на трезвом товарище. Ирония заключалась в том, что именно это здание, судя по пивным бочонкам и кипам мокрых шкур в грязном дворе, было здешним магазином и таверной – хотя удостоить эту развалюху столь лестных названий не поворачивался язык.

Однако начинать следовало именно отсюда – мужчин магнитом тянуло на дрожжевой запах хмеля. Роджер и сам не отказался бы от пинты-другой и потому размашисто махнул, давая знак остановиться. День был промозглым, с завтрака прошло немало времени. Вряд ли здесь готовят что-то аппетитнее рагу с хлебом, но сейчас главное, чтобы блюдо было горячим.

Роджер спешил и хотел было окликнуть людей, как вдруг его схватили за руку.

– *Attendez*^[48], – одними губами велел Фергус, глядя ему за спину. – Не двигайся.

Роджер послушался, как и остальные мужчины в седлах.

– Что такое? – вполголоса спросил он.

– Там двое в окне наставили на нас ружья.

– О.

Только сейчас Роджер понял, как умно со стороны Джейми было вчера не торопиться. Наверное, он знал, что местные – весьма подозрительные типы.

Он медленно поднял руки над головой и кивком велел Фергусу сделать то же самое. Тот неохотно подчинился, и его крюк сверкнул в полуденном солнце. Не опуская рук, Роджер повернулся. Даже зная, чего ждать, он все равно нервно сглотнул при виде двух длинных стволов, высунутых из-за промасленной шкуры на окне.

– Эй, внутри! – крикнул он как можно увереннее (насколько это

получается с поднятыми руками). – Я капитан Роджер Маккензи с отрядом милиции под командованием полковника Джеймса Фрейзера из Риджа!

Никакого ответа, только один из стволов дернулся, теперь глядя черным дулом ему прямо в лицо. Второй же по-прежнему целился поверх его правого плеча на мужчин, нервно переминающихся в седлах.

Отлично. И что дальше? Люди ждут каких-то действий. Роджер опустил руки и едва набрал в грудь воздуха, как из дома прогремел раскатистый бас:

– Кого я вижу! Мортон, ты, ублюдок!

Первый ствол рывком качнулся, уставившись, судя по всему, на Исайю Мортон, добровольца из Гранит-Фолс.

Оба ружья громыхнули, и вокруг разразился настоящий ад. Лошади встали на дыбы и пустили вскачь, мужчины заорали, сыпля проклятиями, из окна выплыли облачка белого дыма.

При первом же выстреле Роджер упал на землю, однако сразу вскочил, стряхнул с глаз липкую грязь и бросился на дверь. Как ни странно, в голове было ясно. Брианна перезаряжала ружье за двадцать секунд, вряд ли эти подонки управлялись быстрее. У него в запасе еще секунд десять – главное, умело их потратить.

Он ударил в дверь плечом, и та распахнулась. Роджер влетел внутрь и, не удержавшись, с силой приложился о каминную полку.

Люди в доме изумленно на него уставились. В глазах просветлело, и он увидел, что ружья есть только у двоих. Он рванул к ближайшему из них – тощему мужчине с растрепанной бородой – и схватил его за грудки, как это делал один из учителей в гимназии.

– Ты что такое вытворяешь, а? – взревел он, вздергивая мужчину на цыпочки. Мистер Сандерсон был бы доволен своим учеником. И хотя мужчина в руках Роджера не зарыдал и не обмочился от страха, как это случалось с первоклассниками, он все равно растерялся и беззвучно разинул рот, пытаясь отодрать пальцы от своего горла.

– Эй, ты! А ну живо отпусти моего брата!

Заложник Роджера при нападении выронил оружие и рожок с порохом, черной пылью усеявшим весь пол. Однако второй стрелок успел зарядить ружье и попытаться навести его на Роджера. Ему, правда, мешали три женщины, две из которых с визгом цеплялись за него, а третья, накрыв голову фартуком, истошно выла.

В этот самый момент в дом неторопливо зашел Фергус с огромным седельным пистолетом.

– Будьте так любезны, опустите оружие, – распорядился он,

перекрикивая шум. – А вы, мадам, плесните водой в эту юную особу, пожалуйста. Или дайте ей пару пощечин.

Кривясь от шума, он крюком указал на бьющуюся в истерике девушку.

Будто под гипнозом, одна из женщин подошла к ней, грубо встряхнула за плечо и зашептала что-то на ухо. Визг понемногу утих, сменяясь иканием и всхлипами.

Роджер украдкой выдохнул. Сюда его привели чистая ярость и паника, однако, по правде говоря, он не представлял, как быть дальше. Он выпустил свою жертву и неловко кивнул в знак извинения. Мужчина быстро попятился, разглаживая рубашку и не сводя с Роджера негодующего взгляда.

– А вы, черт возьми, кто такой?

Второй мужчина, который и впрямь положил ружье на пол, в замешательстве смотрел на Фергуса.

Француз небрежно взмахнул крюком, заморозившим всех женщин в комнате, и величественно задрал длинный нос.

– Не имеет значения. Прежде всего я хотел бы... то есть *мы* хотели бы знать, – поправился он, вежливо кивая Роджеру, – кто такие вы?

После минутного колебания старший из мужчин вызывающе задрал подбородок.

– Меня зовут Браун, сэр. Ричард Браун. А это мой брат Лайнел, моя жена Мэг, племянница Алисия... – Он указал на девушку в переднике, которая стояла, потупив заплаканные глаза. – И моя сестра Томасина.

– К вашим услугам, мадам, мадемуазели. – Фергус галантно поклонился дамам, не забывая, впрочем, о пистолете, нацеленном в лоб Ричарда Брауна. – Простите за вторжение.

Миссис Браун с несколько остекленелым взглядом кивнула в ответ. Мисс Томасина Браун, женщина высокая и сурового вида, брезгливо смотрела то на Роджера, то на Фергуса, словно разглядывая сороконожку с тараканом и решая, кого растоптать первым.

Фергус, изящно превратив таверну, где только что чуть не состоялась бойня, в модный парижский салон, довольно усмехнулся и едва заметно кивнул Роджеру, передавая ему лидерство.

– Отлично. – Свободная охотничья рубаша вдруг показалась Роджеру тесной. Он с трудом сделал вдох. – Ну, я... хм... капитан Маккензи. По приказу губернатора Триона мы собираем отряд милиции и приехали уведомить, что вы должны предоставить в наше распоряжение людей и продовольствие.

Ричард Браун удивленно поднял брови, его брат негодуя вскинулся,

однако прежде, чем они успели возразить, Фергус подошел ближе и пробормотал:

– Капитан, наверное, стоит сперва выяснить, жив ли мистер Мортон.

– О! Хмм... – Роджер смерил Браунов суровым взглядом. – Мистер Фрейзер, проверьте, как там мистер Мортон. Я подожду здесь.

Он протянул руку за пистолетом.

– Да живехонек ваш Мортон, капитан. Только все, нету его больше, он, как паленым завоняло, хвост поджал и в кусты сиганул. Но удирал на своих двоих, пятки так и мелькали, – гнусаво промычал с порога парень из Глазго. Роджер оглянулся и увидел за его спиной толпу, с любопытством заглядывающую в дом, щетинясь при этом пистолетами и ружьями. Дышать стало легче.

Брауны мигом потеряли к Роджеру всякий интерес, растерянно уставившись на Генри Галлегера.

– Что он сказал? – шепотом уточнила миссис Браун у своей невестки. Та, поджав губы, покачала головой.

– Мистер Мортон жив и здоров, – перевел Роджер и закашлялся. – К счастью для вас, – добавил он, стараясь вложить в интонации как можно больше угрозы. Затем повернулся к Галлегеру, который вошел в дом и прислонился к косяку, предвкушая интересное зрелище. – Генри, остальные в порядке?

Тот пожал плечами.

– Эти бездари мазали как слепые, только зазря дырок наделали в вашей седельной сумке. Сэр, – запоздало вставил он, сверкнув в бороде зубами.

– Той, что с виски? – встрепенулся Роджер.

– Упаси господь! – испуганно вытаращил тот глаза. – Не-а, в другой.

– А-а, ясно. – Роджер махнул рукой. – Там лежат мои запасные штаны.

Мужчины засмеялись и заулюлюкали в ответ; это воодушевило Роджера продолжить допрос. Он повернулся к младшему Брауну:

– Что вы имеете против Исайи Мортонна?

– Он обесчестил мою дочь, – отозвался тот и раздраженно дернул бородой. – Я сказал, что если еще хоть раз увижу его рожу в десяти милях от Браунсвилла, пристрелю как собаку – и, лопни мои глаза, трусливый змееныш приполз прямо к дверям!

Ричард Браун повернулся к Галлегеру:

– Хотите сказать, мы оба промахнулись по этому ублюдку?

– Ага. Уж простите.

Младшая мисс Браун, разинув рот, прислушивалась к их разговору.

– Промахнулись? – В покрасневших глазах вспыхнула надежда. – Исайя жив?

– Ненадолго, – мрачно заверил ее дядя. Он наклонился за ружьем, и женская половина семьи разом загомонила, потому что в дверях на него нацелилось с десятков стволов. Браун неохотно вернул оружие на пол.

Роджер взглянул на Фергуса, но тот поднял бровь и чуть заметно пожал плечами. Не он тут главный.

Брауны стояли плечом к плечу, за их спинами сгрудились плачущие женщины. В окна заглядывали милиционеры – и все ждали указаний Роджера.

Что же им сказать? Мортон вступил в милицию, значит, предполагается, что он под ее защитой. Роджер не может отдать его Браунам, что бы тот ни натворил (даже если удастся его поймать). С другой стороны, Роджер должен заручиться поддержкой Браунов, а заодно получить от них продовольствия хотя бы на неделю.

Джейми Фрейзер наверняка придумал бы, как разрешить ситуацию. Роджер же не имел ни малейшего понятия.

Остается лишь тянуть время. Он опустил пистолет.

– Генри, принесите сумку с виски. Мистер Браун, может, вы продадите нам немного еды и бочонок пива, чтобы мои люди могли перекусить и освежиться?

Если повезет, Джейми Фрейзер объявится раньше, чем все протрезвеют.

Глава 29. Козы

Кто бы знал, что все закончится еще не скоро? Когда мы навели порядок на ферме, собрали сумки и оседлали лошадей, успело стемнеть. Я думала перекусить перед отъездом – с самого завтрака у нас во рту не было и крошки, – но атмосфера в доме не способствовала аппетиту.

– Лучше подождем, – сказал Джейми, закидывая сумки на спину кобыле. – В этом месте я не смогу проглотить и кусочка.

– Согласна. – Я тоже с опаской оглянулась, хотя дом был темен и пуст. – Скорей бы уехать отсюда.

Солнце уже спускалось за деревья, и синие тени ползли по низине. Сырая земля на могиле Бердсли горбилась темным пятном под лысыми ветвями рябины. В голову опять полезли непрошенные мысли.

«Ваша нога гниет. Вы умрете», – сказал ему Джейми. Надеюсь, поменяв местами эти два события, Бердсли выгадал... Я поглубже запахла платок и вдохнула всей грудью, чтобы холодный воздух, пахнувший соснами, развеял иллюзорную вонь мертвой плоти.

Лошади нетерпеливо переминались и трясли гривами, спеша отсюда убраться. Не представляю, как здесь можно ночевать одному.

Должно быть, миссис Бердсли также не представляла, потому что вдруг вышла из сарая и объявила, что едет с нами. Очевидно, вместе с козами: она вручила мне козленка и опять исчезла внутри.

Сонный козленок уютно оттягивал руки. Ондохнул мне на ладонь, попробовал на вкус и тихонько заблеял. Громкое «бе-е» и толчок в бедро возвестили о появлении его матери, зорко присматривающей за потомством.

– Здесь их не оставишь, – сказала я Джейми, который недовольно хмыкнул у меня за спиной. – Надо доить. К тому же идти не так уж далеко.

– Саксоночка, ты хоть знаешь, с какой скоростью передвигаются козы?

– Не считала, – раздраженно огрызнулась я, перехватывая удобнее мохнатую ношу. – Вряд ли медленнее лошадей в темноте.

Он снова хмыкнул, выразительнее, чем обычно, из-за мокроты в горле, и закашлялся.

– Кашляешь ты ужасно. Когда доберемся, имей в виду: я тебя всего обмажу гусиным жиром!

Джейми не стал спорить, и это меня встревожило: видимо, он и впрямь выбился из сил. Однако поинтересоваться, как он себя чувствует, я не

успела: миссис Бердсли вывела из сарая полдюжины коз, обвязанных веревкой.

Джейми с сомнением оглядел эту процессию и задумался. Вопрос о том, чтобы посадить миссис Бердсли на людоеда Гидеона, даже не стоял. Поэтому Джейми смерил взглядом ее грузную фигуру, потом мою хрупкую лошадку чуть крупнее пони.

После краткого раздумья он все-таки водрузил миссис Бердсли на кобылу и вручил ей спящего козленка. Я же сяду на холке Гидеона, чтобы эта злобная тварь опять не сбросила меня в кусты. Козла он привязал на длинной веревке к седлу кобылы, коз трогать не стал.

– За козленком мать побежит сама, а остальные – за ней и за козлом. Козы – животные стадные, не станут разбредаться, особенно ночью. Брысь, – Джейми отпихнул излишне любопытный нос, сунувшийся ему в лицо, когда он проверял подпругу. – Свиньи куда хуже. Они предпочитают бродить сами по себе. Если что случится, сразу дергайте за петлю. – Он показал миссис Бердсли кончик веревки, привязанной к ее седлу. – Если лошадь понесет, козла просто-напросто задушит.

Она кивнула и вдруг подняла голову, глядя на дом.

– Надо уехать до полунош-ши. Пока она не приш-шла.

По спине побежали ледяные мурашки, а Джейми вскинулся, всматриваясь в темный дом. Очаг давно угас, а дверь так и не прикрыли, и та теперь зияла пустой глазницей.

– Кто она? – натянуто спросил Джейми.

– Мэри-Энн. Которая была до меня, – сомнамбулой ответила та.

– Что значит, до вас? – уточнила я.

– Его пошлелая жена. – Женщина взялась за поводья. – Она штоит под рябиной, когда вошходит луна.

Джейми повернулся ко мне. В темноте нельзя было разобрать его лица.

– Может, нам... закрыть дверь.

Дух мистера Бердсли уже должен был уйти. Не стоило бросать все его имущество (нужно оно жене или нет) на разграбление белкам и енотам, которых наверняка привлечет свежая могила. С другой стороны, подходить к дому очень не хотелось.

– Садись на коня, саксоночка.

Джейми прошел через двор, хлопнул дверью сильнее, чем требовалось, вернулся и вскочил в седло за моей спиной.

До дороги нам предстояло проехать с четверть мили по низине. Из-за коз мы двигались медленно; я разглядывала траву и кусты, думая про себя, вижу ли их потому, что глаза привыкли к темноте... или потому что луна

уже вошла?

На спине крупного жеребца, рядом с Джейми и в окружении блеющих коз я чувствовала себя в безопасности. Однако повернуться и взглянуть на дом никак не решалась, хотя желание было так велико, что почти пересиливало чувство страха.

– Это ведь вовсе не рябина? – тихо спросил Джейми.

– Нет, рябина, – отозвалась я. – Только американская, поэтому не очень похожа на нашу.

Такую рябину я видела здесь не раз: горцы высаживают ее возле домов, потому что перистыми листьями и гроздьями рыжих ягод она немного напоминает ту, что растет в Шотландии. Однако Джейми интересовался отнюдь не с ботанической точки зрения, его больше волновало, способно ли дерево отпугнуть злых духов. Бердсли он похоронил под рябиной не просто так.

Я погладила его мозоли, и Джейми поцеловал меня в макушку.

Добравшись до конца тропы, я все-таки обернулась, но увидела лишь слабый отблеск на черепице дома. Рябина и все, что было под нею, терялось во тьме.

Гидеон вел себя на удивление смирно и не возмущался двойной ношей. Наверное, был рад покинуть ферму не меньше нашего.

Козы воспринимали ночное путешествие как забаву: они резво бежали вслед за нами, хватали пучки травы, натыкались друг на друга и на лошадей и шумели, как стадо слонов на сухом подлеске.

Когда ферма исчезла из виду, я с облегчением перевела дух и, постаравшись забыть о тревожных событиях дня, стала думать о том, что ждет нас с Браунсвилле.

– Надеюсь, Роджер справился.

С легким вздохом я откинулась Джейми на грудь.

– Хмм...

Благодаря большому опыту, хмыканье я расценила как вежливое согласие вкупе с полным безразличием к предмету дела. То ли Джейми не видел причин для беспокойства, то ли переложил все проблемы на плечи зятя.

– Надеюсь, там есть трактир, – обнадеживающе предположила я. – Горячая еда и чистая постель – что может быть лучше?

– Хмм... – Теперь легкая насмешка с врожденным скептицизмом, подкрепленным многолетним опытом: Джейми сомневался, что в глубинке Каролины можно сыскать горячую еду и теплую постель.

– Козы вроде бы идут довольно бодро. – Я замерла в ожидании.

– Хмм... – Веселье вперемешку с сомнением в дальнейшем благоразумии этих тварей.

Я принялась обдумывать следующую фразу в надежде услышать очередное хмыканье (до сих пор рекордом было три раза), когда Гидеон вдруг вскинул голову и встал на дыбы.

Я опрокинулась Джейми на грудь, приложившись затылком о его плечо, и в глазах заплясали звезды. Стиснув меня так, что выдавил весь воздух, он схватился за поводья и заорал.

Что именно он кричит и на каком языке, я не разобрала. Конь ржал и бил передними копытами, а я шарила руками, пытаюсь ухватиться за гриву, седло или вожжи. По лицу хлестнула ветка, на мгновение ослепив. Вокруг разразился сущий ад: громко блеяли козы, их перебивал визг и шум рвущейся ткани. Что-то толкнуло меня, и я полетела наземь.

При падении выбило дух. Я лежала в кустарнике, пытаюсь отдышаться и не видя вокруг ничего, кроме звезд.

В страшном шуме, который подняли перепуганные козы, слышались истерические женские вопли.

Ошеломленно тряхнув головой, я торопливо поползла прочь, только теперь поняв, кто издает эти звуки. Я ведь часто слышала мяуканье пантеры – но издалека. Сейчас же рык хищной кошки раздавался до ужаса близко, на расстоянии вытянутой руки.

Наткнувшись на поваленное бревно, я забилась под него в узкую щель. Не самое надежное убежище, зато пантера хотя бы не прыгнет мне на спину.

Джейми что-то яростно кричал. Козы, напротив, замолкли... Не могла же кошка перебить их всех так быстро? Миссис Бердсли я тоже не слышала; правда, возможно, ее стоны терялись в топоте и ржании лошадей.

Сердце колотилось, холодный пот стекал по вискам. Ничто не сравнится по силе ощущений с первобытным страхом быть съеденным, и я всецело разделяла ужас животных.

Кусты рядом затрещали, и Джейми выкрикнул мое имя.

– Я здесь, – прохрипела я, не желая покидать убежище.

Лошади уже не ржали, только фыркали и брыкались. Это хорошо, значит, они не пали от клыков хищника и не сбежали.

– Я здесь, – повторила я громче.

Треск послышался ближе. Джейми споткнулся в темноте, присел и нащупал под бревном мою руку.

– Саксоночка, ты цела?

– Вроде бы.

Я выползла из-под бревна и прислушалась к своим ощущениям. Несколько синяков, содранные локти, ссадина на щеке от ветки...

– Хорошо. Тогда давай быстрее, он ранен.

Джейми вздернул меня на ноги и куда-то поволок.

– Кто?

– Козел, конечно же.

Глаза привыкли к темноте, и я разобрала очертания Гидеона и кобылы, которые трясли гривами под голым тополем. Рядом с ними горбилась фигурка поменьше – должно быть, миссис Бердсли.

Густо пахло кровью и козлятиной. Я присела на корточки и провела по жесткой колючей шкуре. Козел дернулся с жалобным «ме-е...». Это хорошо, значит, не умирает.

– Где кошка? – спросила я, ощупывая витые рога, хребет и ребра. Козел блеял и вырывался.

– Ушла. – Джейми присел рядом и положил руку козлу на голову. – Ну-ну, *bhalaich*^[49]. Все хорошо. *Seas, mo charaid*^[50].

Я не находила ран, но кровью пахло сильно: горячая металлическая вонь перебивала ароматы леса. Лошади тоже ее чуяли и нервно топтались в темноте.

– Она точно не вернется? – спросила я, почти чувствуя на себе пристальный кошачий взгляд. – Кровью пахнет.

– Да. Она задрала одну из коз.

Джейми встал на колени и погладил козла по шее.

– Миссис Бердсли отвязала этого парня, и он бросился на кошку, пытаясь ее забодать. Я слышал, как она взвыла, а потом, судя по всему, дала ему лапой, потому что он вдруг заорал. Кажется, ногу сломал.

Так и было. Теперь я легко нащупала острые края перелома. Кожа уцелела, но плечевая кость была раздроблена. Когда я дотронулась до больного места, козел приподнялся, выпучив глаза, и хотел меня боднуть. Странные квадратные зрачки сверкнули в бесцветном лунном свете.

– Сумеешь его вылечить? – спросил Джейми.

– Не знаю.

Закусив губу, я нашарила пульс, быстрый и нитевидный, в складке между ногой и телом. Сам перелом – пустяки, но у зверя может развиваться шок. Мне доводилось видеть, как животные – а порой и люди – умирали от незначительных на первый взгляд ран.

– Джейми, он может умереть, даже если я вправлю перелом. Не проще ли добить его и забрать с собой мясо?

Джейми легонько гладил козла по шее.

– Жалко, храбрый парнишка.

Миссис Бердсли нервно, по-девичьи захихикала.

– Его зовут Хирам. Он славный мальчик.

– Хирам, – повторил Джейми. – Хороший Хирам, смелый... У тебя яйца размером с дыню.

– Скорее уж с хурму, – авторитетно поправила я: случайно задела мошонку, когда искала раны. – Хотя довольно крупную.

Мускусные железы козла работали вовсю, перебивая даже металлический запах крови.

– Я говорил образно, – сухо сообщил Джейми. – Саксоночка, что тебе нужно?

– Ладно. Найди мне пару прямых веток без сучков длиной около фута и принеси веревку из седельной сумки. – Я откинула волосы тыльной стороной ладони. – А потом мне будет нужна твоя помощь, – добавила я, пытаюсь удержать бьющегося пациента. – Кажется, Хираму ты понравился. Узнал родственную душу.

Джейми рассмеялся и, почесав напоследок ухо козлу, пошел искать материал для шины.

– Отлично. – Придерживая козла за шею, я забрала у Джейми палки. – Надо сделать лубок. Тогда он не сможет двигать ногой и сместить кость. Помоги-ка его перевернуть.

Хирам, не то из мужской гордости, не то из козлиного упрямства (хотя как по мне, это одно и то же), попытался встать, однако тут же затряс головой, заскреб копытами по земле и обмяк.

Миссис Бердсли заглянула мне через плечо, по-прежнему держа козленка. Тот тихонько заблеял, словно только сейчас проснулся, и Хирам ответил громким «Бе-е-е!».

– А это мысль, – пробормотал Джейми.

Он забрал козленка и подложил его Хираму под бок. Тот сразу прекратил брыкаться и, опустив голову, принялся обнюхивать детеныша. Козленок заблеял, тычась носом в колющий бок, а Хирам стал вылизывать длинным слюнявым языком ему голову.

– Давай быстрее, саксоночка, – велел Джейми.

Я торопливо зафиксировала ногу, наложила шину и закрепила ее одним из платков миссис Бердсли. Хирам не сопротивлялся, только изредка стонал. Козленок же блеял беспрерывно.

– Где его мать? – спросила я, хотя и сама догадывалась. В повадках коз я не смыслила, но понимала, что ничто, кроме смерти, не удержит мать вдали от плачущего дитя. Остальные козы толпились вокруг, не то из

любопытства, не то из страха темноты, но матери козленка среди них не было.

– Бежняш-шка Бекки... – грустно протянула миссис Бердсли. – Такая шлавная козош-шка.

Козы наседали все сильнее. Одна, фыркнув мне в ухо, принялась жевать волосы, вторая наступила на ногу острым копытцем, заставив вскрикнуть от боли. Однако я их не гнала: присутствие гарема вроде бы смиряло нрав Хирама.

Вправив кость и закрепив лубок, я нашла на ухе пульс. Козы обнюхивали козла, жалобно блея, и он вдруг вскинул голову и привстал, неуклюже выставив перед собой шину. Пьяно закачался на трех ногах и, издав громкое воинственное «Ме-е-е!», опять завалился на бок. Однако это действие всех приободрило, даже миссис Бердсли довольно хмыкнула.

– Хорошо. – Джейми встал и с усталым вздохом запустил руку в волосы. – Теперь дальше.

– Что дальше? – спросила я.

– Вот и надо решить, что делать дальше, – чуть ядовито отозвался он.

– Разве мы не поедем в Браунсвилл?

– Поедем – если миссис Бердсли знает дорогу и сумеет найти ее при звездах.

Он выжидающе повернулся к ней. Та качнула головой. До меня вдруг дошло, что мы на узкой оленьей тропке где-то посреди леса.

– Мы ведь не могли далеко уйти...

– Не могли, – согласился Джейми. – И я рано или поздно найду дорогу. Однако бродить в такой компании по ночному лесу не стоит.

Он обвел нас выразительным взглядом. Две пугливых лошади, две женщины (одна из которых немного не в себе и, возможно, опасна) и шесть коз. Да, я прекрасно понимала Джейми.

– Пойду осмотрюсь. Если найду дорогу, хорошо. Если нет, значит, заночуем здесь, а при дневном свете разберемся. Саксоночка, будь осторожна.

Чихнув напоследок, он исчез в темноте, оставив меня в лагере главной.

Осиротевший козленок плакал все громче, надрывая не только уши, но и сердце. Зато миссис Бердсли с уходом Джейми оживилась. Должно быть, он ее пугал. Теперь она убеждала одну из коз покормить малыша. Тот сперва отворачивался, но голод взял свое, и вскоре он принялся деловито сосать, подергивая хвостиком.

Я была рада это видеть, хоть и испытывала к нему легкую зависть,

потому что вмиг осознала, что ничего не ела весь день, замерзла, устала, заработала с десяток синяков и без миссис Бердсли с ее выводком коз уже давно сидела бы в Браунсвилле сытая и в тепле. Погладив малыша по круглому животику, подумала с тоской, что была бы не прочь, если бы и обо мне кто позаботился, однако пока роль Доброго Пастыря уготовили именно мне.

– Как думаете, она не вернетш-ша?

Миссис Бердсли села рядом, кутаясь в шаль, и говорила тихо, словно опасаясь, что нас подслушают.

– Кто, пантера? Нет, вряд ли. Зачем?

Однако я все равно испуганно вздрогнула: Джейми ведь бродил там в темноте один. Хирам, уютно устроившийся у моих ног, протяжно фыркнул.

– Говорят, они охотятша парами.

– Правда? – Я подавила зевок – не от скуки, просто от усталости. – Ну, все равно козы им должно хватить на двоих. Кроме того... – Я снова зевнула, хрустнув челюстью. – Лошади нас предупредят.

Гидеон и моя кобыла смирно стояли бок о бок. Их спокойствие утешило миссис Бердсли, которая вдруг обмякла, шумно выпуская воздух из легких.

– Как вы? – спросила я больше из желания поддержать разговор, нежели из искреннего любопытства.

– Рада, что ушла из того места, – коротко ответила она.

Я разделяла ее радость: даже под открытым небом и с пантерой неподалеку было лучше, чем на ферме. Правда, задерживаться здесь все равно не хотелось.

– Знаете кого-нибудь в Браунсвилле?

– Никого. – Она замолчала, запрокидывая голову к звездам, и добавила почти застенчиво: – Я... никогда там не бывала.

Она принялась рассказывать свою историю, сперва робко, потом все решительнее. Бердсли, по сути, купил ее у отца и привез с прочими товарами из Балтимора к себе домой, где она стала настоящей пленницей. Он запрещал ей покидать ферму и показываться на глаза случайным гостям. Когда он уезжал торговать с чероки, она и вовсе оставалась одна, не считая немного слуги.

– И правда, – пробормотала я. За событиями сегодняшнего дня я совсем забыла о Джосае и его брате. Интересно, она знала обоих или только Кесайю?

– Как давно вы живете в Северной Каролине?

– Два года. Два года, три меш-шяца и пять дней.

Я вспомнила те зарубки на косяке. Давно ли она ведет счет? С самого первого дня? Я потянулась, чтобы размять уставшие мышцы, и потревоженный Хирам недовольно фыркнул.

– Ясно. Кстати, как вас зовут? – Я запоздало сообразила, что не знаю ее имени.

– Френшиш, – сказала она и попробовала снова. – Френ... шиш. – Последний слог со свистом вырывался сквозь сломанные зубы. Она пожалала плечами и застенчиво хохотнула. – Мама звала меня Фанни.

– Фанни, – воодушевленно повторила я. – Прекрасное имя. Можно я буду вас так звать?

– Я... была бы рада.

Она перевела дыхание и замолкла – должно быть, смущение не позволяло ей выразить все, что накопилось в душе. После смерти мужа она словно ушла в себя, будто разом иссякли силы, что поддерживали ее раньше.

– Ой, – спохватилась я. – Клэр. Зовите меня Клэр.

– Клэр... Чудешное имя.

– Ну, в нем хотя бы нет свистящих, – не подумав, ляпнула я. – Ой. Простите!..

Фанни отмахнулась. Словно воодушевленная темнотой и чувством близости, возникшим после знакомства, а может, просто из желания излить кому-то душу, она рассказала о матери, которая умерла, когда ей было двенадцать, об отце-креболове и своей жизни в Балтиморе, где она во время отлива бродила по пляжу, собирала устриц с мидиями, наблюдала за рыбацкими лодками и военными судами, идущими мимо Форт-Ховард вверх по Патапско.

– Там было... шпокойно, – грустно добавила Фанни. – Только вода и небо, и больше ничего.

Она снова запрокинула голову, вглядываясь в звезды, мерцающие сквозь ветки. Должно быть, девушке, рожденной на бескрайних просторах Чесапикского залива, лесистые горы Северной Каролины казались западней.

– Вы теперь вернетесь? – спросила я.

– Куда? – удивилась она. – О... Я и не думала...

– Разве? – Я подвинулась, чтобы прислониться ноющей спиной к дереву. – Вы же видели, что ваш муж... что мистер Бердсли умирает. Разве не строили планы?

Кроме как половчее его пытаться... Слишком я расслабилась наедине с этой женщиной. Мы не знаем наверняка, что Бердсли над ней издевался, –

это она так говорит. Не стоит забывать о страшных ожогах у него на ноге и о нечистотах, заливавших чердак. Я на всякий случай нащупала ножик за поясом.

– Нет. – Она казалась сбитой с толку. Впрочем, ничего удивительного. Я и сама была немного не в себе от волнения и усталости. Даже прослушала следующую ее фразу.

– Что вы сказали?

– Я сказала... Мэри-Энн не говорила, что делать... дальш-ше.

– Мэри-Энн... – нерешительно повторила я. – Первая супруга мистера Бердсли?

Фанни рассмеялась – и от этого звука мурашки пошли по коже.

– О нет. Мэри-Энн была четвертой.

– Че-четвертой? – запнувшись, переспросила я.

– Ее он похоронил под рябиной, – доверительно сообщила Фанни. – И жря. Ошталных-то в лешу. А потом обленилша, наверное, и реш-шил далеко не ходить.

– О, – только и смогла я сказать.

– Я вам говорила – она штоит под рябиной, когда поднимаетшя луна. Я когда первый раж ее увидела, реш-шила, что она живая. Ишпугалась, что он ш ней жделает, и пошла предупредить.

– Понятно.

В моем голосе, должно быть, послышалось сомнение, потому что она вдруг странно на меня посмотрела. Я поудобнее перехватила нож.

– Вы мне не верите?

– Верю, конечно, – заверила я, пытаясь незаметно выползти из-под Хирама. Под его тяжестью ноги совсем затекли.

– Я могу вам показать, – предложила Фанни. – Мэри-Энн сказала мне, где они похоронены – ошталные. Я могу показать вам их могилы.

– Уверяю, в этом нет необходимости.

Я пошевелила пальцами, чтобы кровь бежала быстрее. Если она на меня кинется, толкну на нее козла, а сама брошусь прочь, пусть даже на четвереньках. И где, черт возьми, носит Джейми?

– Так, значит... хмм... Фанни. Вы говорите, что мистер Бердсли... – Я вдруг поняла, что не знаю его имени. – Что ваш муж убил четырех жен?

Вполне возможно. Бердсли жил отшельником. Да и мало ли от чего могли умирать женщины: в родах ли, от несчастного случая или непосильной работы.

– Да, – равнодушно ответила Фанни. – Он бы и меня убил, но Мэри-Энн его остановила.

– Как это?

Она вздохнула и устроилась поудобнее. Слабо заблеял козленок; я вспомнила о нем и разжала пальцы на рукояти ножа. Вряд ли она станет нападать, когда тот спит у нее на коленях.

Фанни рассказала, что разговаривала с Мэри-Энн, когда поднималась луна; призрак появлялся под рябиной между первой и последней четвертью.

– Как необычно, – пробормотала я, но она не обратила внимания, вся поглощенная своей историей.

Так продолжалось несколько месяцев. Мэри-Энн рассказала о себе, о том, как умерли ее предшественницы, и о собственной смерти.

– Он ее жадушил. Я видела у нее на шее отметины. Она предупредила, что шо мной он ждекает то же шамое.

И однажды тот день настал.

– Он выпил шлишком много рому. Пьяный, он вшегда был ужашным. Но в тот раз...

Перепуганная Фанни уронила поднос, забрызгав его похлебкой. Муж с ревом кинулся на нее, и она бросилась бежать.

– Он штоял между мной и дверью. Пришлось бежать на чердак. Я надеялась, он шпьяну не шможет туда жабратьша.

Так и вышло – он споткнулся и полетел вниз вместе с лестницей. Пока, ругаясь во весь голос, пристраивал ее на место, в дверь вдруг постучали.

Бердсли крикнул: «Кто там?», но ему не ответили, только постучали громче. Фанни подкралась к люку и увидела, как муж смотрит на нее снизу, весь красный от выпивки. Внезапный гость не уходил; Бердсли грозно поднял палец и, спотыкаясь, побрел к двери, распахнул ее, выглянул наружу – и заорал.

– Я никогда такого не шлышала. Никогда, – тихо призналась она.

Бердсли побежал прочь, зацепил ногой табурет, упал, кое-как вскочил и, скуля от ужаса, стал забираться по лестнице, промахиваясь мимо ступенек.

– Он кричал, чтобы я помогла ему.

В ее голосе прорезались странные нотки, она будто удивлялась, что такой мужчина – и вдруг просил ее о помощи, и при этом испытывала неимоверное наслаждение.

Бердсли почти залез на чердак, однако последний шаг сделать не успел. Его вдруг перекосило, он смертельно побелел, закатил глаза и рухнул на пол, болтая в люке ногами.

– Я не шмогла бы его шпуштить, поэтому втащила наверх. – Она

вздохнула. – А оштальное... вы знаете.

– Не совсем, – проговорил за моей спиной Джейми, и я подпрыгнула. Проснувшийся Хирам недовольно заблеял.

– И давно ты здесь? – сердито спросила я.

– Достаточно.

Он подошел и опустился рядом со мной на колени.

– Кто все-таки стучал в дверь? – уточнил он у миссис Бердсли, при этом сжимая мне пальцы так, что мурашки шли по коже.

И в самом деле: кто?

– Никто, – ответила Фанни. – Я никого не видела. Но... рябина там раштет рядом, и луна к тому времени уже вжошла.

Повисла долгая тишина. Наконец Джейми потер лицо, встряхнулся и встал.

– Ясно. Что ж, я нашел место, где можно переночевать. Саксоночка, помоги поднять козла.

Дорогу усеивали скалы, поросшие кустарником и ползучей травой, еще и темно было, хоть глаз выколи, так что я дважды чуть не упала, не свернув себе шею лишь сущим чудом. К счастью, идти было недалеко.

Джейми нашел что-то вроде пещеры, стену которой увивала виноградная лоза, а пол усеивали клубки спутанной сухой травы. Когда-то здесь протекал ручей, и вода подмыла берег, оставив небольшой козырек. Потом русло сменилось, и валявшиеся на дне ручья округлые камни утонули во мху. Один закатился мне под ногу, и я упала на колено, ударившись им о другой чертов булыжник.

– Ты цела, саксоночка? – Джейми услышал мою ругань. Он стоял на склоне чуть выше меня с Хирамом на плечах. Силуэт, прорисовывающийся на фоне неба, выглядел довольно пугающим: высокий, рогатый и со здоровенным горбом.

– Все нормально, – выдохнула я сквозь зубы. – Нам сюда?

– Да. Поможешь?

Джейми опустился на колени, и я поспешила стянуть козла с его плеч. Сам он так и остался стоять, упираясь руками в землю.

– Надеюсь, утром мы быстро найдем дорогу, – с тревогой сказала я. При каждом вдохе в груди у него kloкотало.

– Я знаю, где она, – покачал он головой и закашлялся. – Просто...

Я положила руку Джейми на спину и почувствовала, как он дрожит.

– Я не могу идти дальше, Клэр, – тихо сказал он, почти стыдясь своего признания. – У меня нет сил.

– Ляг. Я все сделаю.

Не без суматохи и лишней суеты, я все-таки разбила лагерь, спутала лошадей и развела небольшой костер.

Встав на колени, я проверила своего главного пациента, который лежал на животе, вытянув перебинтованную ногу. Хирам встретил меня недружелюбно и с грозным «Ме-е-е» выпятил рога.

– Неблагодарный ты козел, – отступила я.

Джейми зашелся смехом, тут же перешедшим в кашель. Он лежал с краю впадины, подсунув под голову свернутое пальто.

– Что до тебя, я насчет гусиного жира не шутила. Снимай плащ и подними рубаху.

Он прищурился и указал взглядом в сторону миссис Бердсли. Улыбаясь про себя его скромности, я все-таки вручила Фанни чайник из седельной сумки и отправила ее за водой и дровами, а сама достала тыквенную баночку ментоловой мази.

Выглядел Джейми откровенно больным: весь белый, с бледными губами, вокруг глаз залегли тени, возле носа – яркие пятна. Дышал он и вовсе ужасно: при каждом вздохе в груди свистело.

– Надеюсь, раз Хирам не стал помирать на глазах у своих коз, ты тоже выживешь.

Я зачерпнула немного душистой мази.

– Я вовсе не собираюсь умирать, – чуть раздраженно отозвался Джейми. – Просто устал. К утру все будет хоро... О господи, ужас какой!

Грудь у него была горячей, а мои пальцы – ледяными. Он дернулся, взвизгнул и попытался отползти. Я вдавила колено ему в живот и, не слушая протестов, принялась втирать мазь. В конце концов он смирился, только изредка хихикал, чихал и невольно попискивал, когда я дотрагивалась до самых чувствительных мест.

Я натерла его так, что кожа покраснела и заблестела от мази, распространяя крепкий аромат перечной мяты и камфоры, потом заботливо укутала теплой фланелью, поправила рубашку, завернула в плащ и укрыла одеялом, натянув его до самого подбородка.

– Ну вот. – Я довольно вытерла руки о тряпку. – Как только нагреется вода, заварю чай из белокудренника.

Джейми с сомнением приоткрыл один глаз.

– Что, на всех?

– Нет, тебе одному. Я-то, пожалуй, лучше выпью конской мочи.

– Я тоже.

– Увы, она не так целебна, насколько я знаю.

Джейми застонал и закрыл глаза, дыша, точно кузнечные меха. Потом

вдруг приподнял голову.

– Эта женщина еще не вернулась?

– Нет. Наверное, не может в темноте найти воду. – Я помолчала немного. – Ты... слышал все, что она рассказала?

– Ты про Мэри-Энн и прочее?

– Да.

– Неужели ты ей поверила, саксоночка?

Я ответила не сразу, выковыривая остатки гусиного жира из-под ногтей.

– Сперва да, – наконец призналась я. – Теперь уже сомневаюсь.

Он одобительно хмыкнул.

– Вряд ли она опасна. Но лучше держи под рукой нож и не поворачивайся к ней спиной. Будем спать по очереди, разбуди меня через час.

Он закрыл глаза, кашлянул и тут же уснул.

* * *

Луну порой закрывали длинные облака, и холодный ветер шевелил траву.

– Через час разбудить, значит? – бормотала я, пытаюсь устроиться на камнях поудобнее. – Размечтался.

Я переложила голову Джейми себе на колени. Он застонал, но не шевельнулся.

– Небольшая простуда, значит? – осуждающе продолжала я. – Ну-ну!

Повертев плечами, я прислонилась к скошенной стене нашего убежища. Вопреки опасениям Джейми, я не считала нужным следить за миссис Бердсли: та принесла дров, а потом свернулась рядом с козочками и, будучи существом из плоти и крови, уставшим не меньше нашего, тут же заснула. Я слышала ее тихий храп среди сопенья и фыркания коз.

– Из чего ты, по-твоему, сделан? – властно спросила я у спящего Джейми. – Из железа?

Я легонько погладила ему волосы, а он вдруг дернул губами в нежной улыбке. Я уставилась на Джейми в немом удивлении... Нет, он спал. Дышал хрипло, но размеренно, и длинные ресницы отбрасывали тень на щеки. Я украдкой снова погладила его по голове.

И конечно же, на губах опять мелькнула улыбка. Он вздохнул, прижался ко мне и расслабился всем телом.

– О господи, Джейми... – прошептала я сквозь подкатившие слезы.

Уже много лет я не видела такой улыбки. Со времен Лаллиброха, если быть точной. «Ребенком он всегда улыбался во сне, – говорила его сестра Дженни. – Наверное, это значило, что он счастлив».

Я запустила пальцы ему в волосы, чувствуя твердый череп с выпуклостью старого шрама.

– Я тоже.

Глава 30. Отродья сатаны

Миссис Маклауд с двумя детьми отселилась к жене Эвана Линдси, а братья Маклауды ушли с отрядом милиции, как и Джорджи Чишолм со старшими сыновьями, так что в доме стало просторнее. Хотя все равно тесновато: ведь миссис Чишолм осталась.

И дело было не в ней самой, а в пяти ее младших детях – все поголовно мальчишки, которых миссис Баг звала не иначе как «отродья сатаны». Прочие обитатели дома, хоть и не столь откровенно выражали свое мнение, но с миссис Баг были всецело согласны. Хуже всех вели себя трехлетние мальчишки-близнецы, и Брианна с трепетом ждала тех времен, когда Джемми дорастет до их лет.

Пока же он не выказывал никаких задатков хулигана и мирно дремал на тряпичном коврикe в кабинете Джейми, куда Брианна спряталась в слабой надежде уединиться хотя бы на полчаса, чтобы сделать записи. Благоговейный ужас перед Джейми пока еще вынуждал малолетних негодяев держаться подальше от этой комнаты.

Что до медицинского кабинета, то миссис Баг сообщила восьмилетнему Томасу, шестилетнему Энтони и пятилетнему Тоби, что миссис Фрейзер – знаменитая ведьма, Белая Дама, которая превратит их в лягушек (невелика потеря для общества), если те хоть пальцем тронут ее вещи. Не то чтобы это умерило их пыл, скорее наоборот, но по крайней мере пока они не перевернули кабинет вверх дном.

Чернильница Джейми – тыква, плотно закупоренная желудем, – стояла рядом с глиняной банкой заостренных индюшачьих перьев. Став матерью, Брианна научилась ценить свободные минуты и потому схватила перо и открыла тетрадку, в которой вела личные записи.

Прошлой ночью мне приснилось, что я делаю мыло. Я еще никогда его не варила, но вечером драила пол, и когда легла спать, от рук пахло щелоком. Запах противный: как пепел и кислота, а еще вонь свиного жира и душок застарелой тухлятины.

Я лила воду в котелок с древесной золой, и та сразу же превращалась в щелок. Из котелка поднималось большое облако ядовитого желтого дыма.

Па принес миску сала, и в нем почему-то были детские пальчики. Хотя тогда мне странным это не показалось.

Брианна старалась не замечать ужасающий шум с лестницы, словно несколько человек скакали по ней вверх-вниз. Эти звуки сменил пронзительный крик, за которым, в свою очередь, последовали громкие шлепки и вопли на разные голоса.

Она вздрогнула и смежила веки; шум тем временем нарастал. Брианна торопливо взглянула на Джемми – тот проснулся, однако не заплакал. Неужто привыкает? Брианна опустила перо и со вздохом встала.

Мистер Баг занимался фермой и хозяйством; мистер Уэмисс рубил дрова, носил воду и вообще приглядывал за домом. Однако Баг по натуре был молчалив, а Уэмисс – слишком робок, и потому главной считалась Брианна. Судить конфликты надлежало наследнице Макдью.

Она распахнула дверь и сердито оглядела толпу: миссис Баг, как всегда красную от возмущения; миссис Чишолм, преисполненную материнского негодования; маленькую миссис Аберфельд, пунцовую и рьяно прижимающую к груди двухлетнюю дочь Рут; зареванных Тони и Тоби. У Тони на щеке проступал багровый отпечаток ладони, а у Рут отчего-то криво были подстрижены волосы.

Все загомонили хором:

...Краснокожие дикари!

...У моей дочки были такие чудесные волосы!

...Она первая начала!

...Осмелилась поднять руку на моего сына!

...Мы всего лишь играли в индейцев, мэм... Хотели снять скальп...

...Ыыыыыы!

...Порвали мою перину, паршивцы!

...Только смотрите, что она сделала, старая метелка!

...Смотрите, что они натворили!

...Взгляните, мэм...

...Аааааааааааааааааа!

Брианна вышла в коридор и захлопнула за собой дверь. Грохот толстой и крепкой двери на время унял крики. Джемми, правда, расплакался, но его она успокоит позже.

Она набрала полную грудь воздуха, собираясь вступить в перепалку, затем передумала. Ее не прельщала мысль начать новый виток бесконечного скандала. Разделяй и властвуй – вот единственный путь.

– Я делаю очень важные записи, – громогласно объявила Брианна и, прищурившись, обвела взором собравшихся.

Миссис Аберфельд смутилась, миссис Чишолм оскорбленно

фыркнула, а миссис Баг выпучила глаза. Брианна величественно кивнула.

– Позже обсудим, что произошло, с каждой из вас. Хорошо?

Она вернулась в кабинет, тихо закрыла дверь перед тремя изумленными лицами и, выдохнув, прижалась к ней спиной.

С той стороны повисла тишина, потом раздалось отчетливое хмыканье миссис Чишолм и удаляющиеся шаги: одни вверх по лестнице, другие – в сторону кухни, третьи – самая тяжелая поступь – в медицинский кабинет; легкий топот у передней двери возвестил о побеге Тони и Тоби.

Завидев мать, Джемми перестал выть и задумчиво взял в рот большой палец.

– Надеюсь, миссис Чишолм ничего не смыслит в травах, – шепотом поделилась с ним Брианна. – А то у нашей бабушки там хранятся яды.

Хорошо еще, что скальпели и пилы мать забрала с собой.

Она прислушалась. Звона бьющегося стекла не слышать. Наверное, миссис Чишолм ушла в медицинский кабинет лишь затем, чтобы не встречаться с соседками. Брианна села возле небольшого столика. Скорее всего, миссис Чишолм просто надеется подловить ее первой, чтобы излить свои претензии.

Джемми лежал на спине, болтая ногами, и самозабвенно грыз найденный где-то сухарик. Услышав, что миссис Чишолм выходит из кабинета, Брианна торопливо схватила перо и одну из счетных книг отца.

Дверь приоткрылась на дюйм. Брианна преувеличенно хмуро царапала в книге сухим пером. Дверь так же бесшумно закрылась.

– Сука, – пробормотала Брианна под нос. Джемми вопросительно агукнул. – Ты ничего не слышал, ладно?

Малыш согласно пискнул и стал запихивать размокший сухарь в левую ноздрю. Брианна дернулась было, чтобы его отобрать, но передумала. Сегодня у нее не было настроения с кем-то спорить.

Она задумчиво постучала пером по пустой странице. Надо что-то делать, причем как можно скорее. Миссис Чишолм уже наверняка нашла ядовитый паслен, а у миссис Баг есть топорик. Маргарет выше и руки у нее длиннее, однако Брианна все равно поставила бы на коварную миссис Баг. Что до миссис Аберфельд, то бедняжка вместе с дочерью падет под перекрестным огнем словесных пуль.

Отец запросто уладил бы конфликт с помощью природного очарования и мужского авторитета. «Подойдите сюда», – велит он любой из них, и та с мурлыканьем свернется у его ног. «Можете идти», – прикажет он другой, и та бросится на кухню за хрустящими тостами для самого Макдью.

Мать под любым предлогом ушла бы из дома – провести дальнего

пациента или собрать лекарственных трав, чтобы к ее возвращению перемирие установилось само собой. В случае же Брианны ни та, ни другая стратегия не годится, хотя желание схватить Джемми и сбежать в горы было очень велико.

В который раз после отъезда мужчин Брианна пожалела, что не отправилась вместе с ними. Она легко могла представить себя на лошади, рядом с Роджером: в легкие льется чистый свежий воздух, а впереди ждут приключения.

Она скучала по мужу до боли, до ломоты в костях. Как долго его не будет? А если и впрямь начнется война? Брианна старательно гнала эту мысль, не хотелось даже допускать вероятность – пусть и слабую, – что Роджер вернется раненым... или не вернется вовсе.

– Все будет хорошо, – твердо сказала она вслух. – Через неделю-другую приедут.

Раздалось дребезжание, когда порыв ледяного дождя ударился о стекло. Холодало с каждым часом, к ночи и вовсе пойдет снег. Брианна вздрогнула и закуталась в шаль, глядя на Джема – тепло ли он одет? Рубашка на нем задралась, подгузник явно намок, а один из чулочков свалился, оголив розовую ножку. Однако он, ничего не замечая, радостно гулил и пускал пузыри.

– Ладно, – вздохнула Брианна. Надо только решить проблему с тремя фуриями, пока они не поубивали друг друга скалками и вязальными спицами. – Будем рассуждать логически, – сказала она Джему. – Должно быть разумное решение. Как в той задачке, когда нужно перевезти каннибала, миссионера и козу на одном каноэ через реку. Дай-ка подумаю...

Джем вопреки всякой логике потянул ногу в рот.

– Ты, должно быть, уродился в папу, – терпеливо сообщила Брианна.

Она поставила перо в банку и стала закрывать счетную книгу, как вдруг невольно обратила внимание на корявые записи. Характерный почерк Джейми напомнил те времена, когда она впервые увидела его кривые буквы на старом документе, выцветшем от времени.

Здесь чернила изначально тоже были светлыми, но потом потемнели – содержащееся в них железо вступило в реакцию с кислородом.

Это оказалась не счетная книга, а скорее журнал, описывающий повседневную жизнь фермы.

16 июля. Выменял у пастора Готтфилдана на две бутылки мускатного вина и большой топор шестерых поросят. Поставил их в

загон – пусть подрастут для убоя.

17 июля. Один из ульев начал роиться в конюшне. Жене, по счастью, удалось загнать пчел в пустую маслобойку. Говорит, надо заказать у Ронни Синклера новую.

18 июля. Получил письмо от тетушки. Она спрашивает совета насчет лесопилки на Гриндер-Крик. Ответил, что через месяц приеду сам и посмотрю. Письмо отправил с Ронни Синклером, который повез в Кросс-Крик двадцать два барреля. Половина прибыли от продажи пойдет за инструменты для починки обуви. Не забыть прибавить стоимость новой маслобойки.

Записи навевали покой, напоминая о мирных летних днях. Напряжение в спине понемногу уходило.

20 июля. Ячмень на нижнем поле уже до колена. Ночью родился здоровый теленок. Отличный день.

21 июля. Ездил к Мюллерам. Выменял банку сот на кожаную уздечку, немного порванную (можно починить). Домой вернулся затемно, потому что по дороге нашел пруд возле ущелья и поймал с десятков мелких форелей. Шесть съели за ужином, остальное пойдет на завтра.

22 июля. У моего внука какая-то сыпь, хотя жена говорит, что ничего страшного. Белая свиноматка опять разнесла загон и сбежала. Уж не знаю, искать ее или пожалеть бедных хищников, которые попадутся ей на пути. Она сейчас особенно не в духе, совсем как моя дочь, – та почти не спала последние несколько ночей...

Брианна нахмурилась и перевернула страницу.

...из-за детского плача. Жена говорит, у ребенка колики, скоро пройдет. Надеюсь, она права. Но я все равно отселил Брианну с младенцем в нашу старую хижину, так будет спокойнее. Белая свиноматка последний раз сожрала почти весь помет, прежде чем я заметил.

– Черт побери!

Сравнение с белой свиньей Брианне очень не понравилось. Джемми, испугавшись восклицания, уронил хлеб и затряс губами.

– Нет-нет, все хорошо, маленький. – Она подхватила его на руки и принялась укачивать. – Ш-ш-ш. Все замечательно. Мама вспомнила бабушку. А таких слов ты не слышал, ладно? Шшш, шшш.

Джем затих и недовольно вывернулся в руках, потянувшись к забытой корочке хлеба. Брианна брезгливо подняла ее двумя пальцами. Старый сухарь был весь размусолен и в кошачьей шерсти.

– Фу! Ты и впрямь это хочешь?

Еще как! Пришлось достать с полки большое железное кольцо вроде тех, которые вставляют быку, чтобы водить его за нос (надо же, какая ирония!). Куснув кольцо, Джем сменил гнев на милость, забыл про хлеб и притих у Брианны на коленях, позволяя ей перечитать нелестную запись.

– Хмм...

Она откинулась на спинку, устраивая сына поудобнее. Он сидел уже сам, хотя ее порой изумляло, как такая большая голова держится на тонкой соломинке шеи. Брианна задумчиво разглядывала тетрадь.

– А ведь это мысль, – сообщила она Джемми. – Если я переселю старую ведьму... то есть миссис Чишолм в нашу хижину, значит, отсюда исчезнет и весь ее выводок маленьких монстров. Миссис Аберфельд и Рут прекрасно уживутся с Лиззи и ее отцом, можно притащить к ним в комнату раскладную кровать из родительской спальни. Баги получают назад свою старую комнату, и миссис Баг уже не будет такой стер... Ну, неважно. А мы с тобой можем спать в родительской спальне, по крайней мере, пока они не вернутся.

Брианне не хотелось переезжать из хижины. Это ее дом, ее личное пространство. Она всегда могла уйти туда, закрыть дверь и отгородиться от здешних дразг. Там были ее вещи: недостроенный ткацкий станок, оловянные тарелки, глиняные кувшины с ручной росписью – все те мелочи, которые делают помещение домом.

А еще она испытывала странное чувство, сродни суеверию. Они ведь жили там с Роджером; уйти из хижины – все равно что признать, будто он может не вернуться...

Она крепче обняла Джема, который, увлекшись новой игрушкой, не обратил на ее ласки никакого внимания. Кольцо смачно блестело в пухлых кулачках.

Нет, переезжать совсем не хотелось. Однако это выход, причем самый разумный. Вот только согласится ли миссис Чишолм? Старой хижине не достает многих удобств...

И все же Брианна не сомневалась, что та даст согласие. Маргарет была из тех, кто провозгласил по жизни: *«Лучше царствовать в аду, чем прислуживать в раю»*.

Невзирая на дурное настроение, Брианна невольно засмеялась.

Она закрыла счетную книгу и хотела поставить на полку, однако с

Джейми на коленях не смогла дотянуться, и та упала на стол.

– Черт, – ругнулась она и привстала на стуле, чтобы вернуть книгу на место. Из нее выпало несколько листов, и Брианна, как могла, одной рукой стала запихивать их обратно.

Это были письма, на них еще оставались обломки восковой печати. Заметив изображение улыбающегося полумесяца, Брианна замерла. Печать была ей знакома – герб лорда Джона Грея. Наверное, это то письмо, которое он прислал в сентябре; в нем он во всех подробностях описывал свою неудачную охоту на оленей. Отец перечитывал его вслух несколько раз. У лорда Джона было отличное чувство юмора, и он иронично поведал обо всех злоключениях, которые сперва кажутся неприятными, а потом вспоминаются с улыбкой.

Усмехнувшись, она развернула письмо, чтобы насладиться той историей снова, – и вдруг поняла, что держит в руках совсем другое послание.

13 октября, год от рождества Христова 1770.

Мистеру Джеймсу Фрейзеру

Фрейзер-Ридж, Северная Каролина.

Дорогой друг!

Этим утром я проснулся под звуки дождя, который преследует нас всю неделю, и под кудахтанье куриц, избравших в качестве насеста изголовье моей кровати. Выбравшись из постели под их пристальными взглядами, я пошел выяснять, каким образом сия домашняя птица очутилась в моей спальне. Оказалось, река за ночь вышла из берегов и затопила нужник и курятник. Обитателей последнего спас Уильям (мой сын, как вы помните) и двое рабов, которые выгнали испуганных куриц метлами. Не могу сказать, кому именно пришла в голову гениальная идея приютить несчастную живность в моей спальне, но есть на сей счет у меня некоторые подозрения.

Воспользовавшись ночным горшком (жаль только, птицы его игнорировали, ибо работа их желудков приносила весьма неприятные плоды), я оделся и пошел спасать остатки своего имущества. От курятника сохранились столбы и крыша, а вот нужник, увы, полностью попал во владения Нептуна или кто там из речных божеств ведает нашей скромной речушкой.

Впрочем, прошу не переживать: дом стоит на возвышении далеко от реки, так что даже самое бурное наводнение нам не грозит (нужник же

был вырыт возле прежней хижины, и я все собирался построить новый; это незначительное бедствие стало знаком свыше, в котором сие многострадальное строение нуждалось не меньше нашего).

Прочитав несуразный каламбур, Брианна возвела глаза к небу, но все-таки улыбнулась. Джейми уронил кольцо и захныкал. Брианна наклонилась было за ним, однако застыла, привлеченная следующим абзацем.

В прошлом письме вы спрашивали насчет Стивена Боннета, нет ли у меня каких новостей. Пусть я и встречался с ним, но совсем не помню ни обстоятельств встречи, ни деталей внешности; на память о том событии, как вы знаете, у меня осталась дырка в черепе (можете сообщить супруге, что я полностью исцелился и не испытываю ни малейших болей, кроме разве что редких мигреней. А еще серебряная пластина, прикрывающая отверстие, в холодную погоду стынет, отчего слезится левый глаз и обильно соплывит нос, но это пустяки).

Я разделяю ваше стремление найти мистера Боннета и потому разослал запросы своим знакомым в портах: род деятельности этого человека указывает, что его следует искать именно там (и это радует, учитывая, как далеко от побережья находится ваше нынешнее родовое гнездо). Поскольку река наша судоходна и сообщается с морем, у меня есть подозрение, что некоторые из речных капитанов и прочих бездельников, которые порой присаживаются за мой обеденный стол, могут что-то знать о том негодяе.

Увы, я вынужден сообщить, что Боннет еще числится среди живущих. Новостей о нем мало; ублюдок, похоже, сознает опасность и потому залег на дно.

Джемми брыкался и вопил. Брианна, словно в трансе, привстала за кольцом, не отрывая от письма глаз.

Я слышал, он якобы отправился во Францию; если так – хорошие новости. Две недели спустя, однако, у меня был гость, некий капитан Листон. «Капитан» – это любезная формальность: хоть он утверждает, что служил в королевском флоте, я готов поставить бочонок лучшего табака (того самого, которого я выслал немного на пробу вместе с письмом; если не получите, дайте знать, потому что рабу я не доверяю), что он даже чернил на офицерском патенте не нюхал. Так вот, сей капитан поведал мне одну свежую и довольно неловкую историю.

Листон рассказал, как в порту Чарльстона свел знакомство со всяческим сбродом. Те пригласили его на петушинные бои во дворе гостиницы под названием «Чертова кружка». Среди тамошнего отребья выделялся один человек в дорогой одежде и с полными карманами монет. Листон слышал, как его именовали Боннетом. Хозяин гостиницы рассказал, что этот самый Боннет – известный контрабандист с Внешних отмелей и повязан со многими торговцами вплоть до Северной Каролины, так что власти почти бессильны против его деятельности, поскольку едва ли не вся торговля в Уилмингтоне, Идентоне и Нью-Берне зависит от стараний этого человека.

Листон сперва не обратил на Боннета внимания, пока на петушинных боях не произошла ссора. Слово за слово, люди вскипели, жаждая кровью смыть оскорбление. Толпа начала охотно делать ставки уже на человеческий бой.

Одним из противников был тот самый Боннет, другим – капитан Марсден, армейский офицер в отставке, прославленный фехтовальщик. Марсден, чувствуя себя потерпевшей стороной, обвинил Боннета в слепоте и вызвал на дуэль. Ставки делали в основном на Марсдена, но уже вскоре стало ясно, что в лице Боннета он нашел опытного противника. Боннету удалось разоружить Марсдена и тяжело ранить его в бедро. Тот упал на колени и, не имея иного выхода, объявил о своем поражении.

Боннет, однако, не принял капитуляции и совершил такую подлость, что та потрясла даже бывалую матросню. Хладнокровно заявив, что слепец здесь не он, Боннет шпагой выколол Марсдену глаза и при этом так изрезал лицо, что на него нельзя теперь смотреть без ужаса и жалости.

Оставив Марсдена истекать кровью, Боннет вытер шпагу о его шейный платок и ушел, прихватив с собой кошель раненого, – это, мол, выигрыш в пари. Присутствующим не хватило смелости остановить злодея, ведь они лично убедились в его воинском опыте.

Сию историю я пересказываю вам, чтобы сообщить о последнем известном местонахождении этого малого, а заодно предупредить о его подлости и способностях. Знаю, что в первом вы уже и сами убедились, я же спешу рассказать о втором, заботясь прежде всего о вашем благополучии. Я не жду, что мой совет найдет отклик в вашем сердце, переполненном негодования относительно этого человека, – но молю хотя бы помнить о том, что у него есть связи с властями.

При нашей встрече он был осужден на смерть и вряд ли успел оказать Короне какие-то услуги, чтобы заработать официальное помилование. Тем не менее раз он открыто расхаживает по Чарльстону, где несколько

лет назад чудом избежал петли, и ничуть не опасается за свою голову, значит, он пользуется покровительством влиятельных друзей. Узнайте о них и остерегайтесь, если хотите уничтожить Боннета.

Я же буду продолжать поиски и уведомлять вас обо всех новостях. Будьте здоровы и вспоминайте порой о своем промокнувшем насквозь знакомце из Вирджинии. Наилучшие пожелания вашей супруге, дочери и прочим домочадцам.

Ваш преданный слуга, Джон Уильям Грей, эсквайр.

Плантация «Гора Джосайя». Вирджиния.

Постскриптум: астролябию ищу, однако пока не нашел инструмента, подходящего для ваших целей. В этом месяце шлю заказ на мебель в Лондон и буду рад передать запрос в лавку Холлибарона на Грин-стрит: их товар славится своим качеством.

Брианна медленно села на стул, зажала сыну уши и смачно выругалась.

Глава 31. Дитя бури

Я так и заснула, держа голову Джейми на коленях, и сны видела мутные, как всегда, если приходится ночевать в неудобной позе на холоде. Мне снился лес, бесконечные ряды одинаковых деревьев с острыми, как льдинки, иглами. Среди стволов мелькали желтые козы глаза, а в ушах звенели вопли пантеры и плач осиротевших детей.

Проснувшись я резко, все еще слыша отголоски этого плача. Я лежала в мешанине одеял, змеей обернувшись вокруг Джейми, и на нас сквозь сосновые ветки падали холодные снежинки.

Ресницы смерзлись, лицо было мокрым от талого снега. Спросонья я потянулась к Джейми; он пошевелился и закашлял, сотрясаясь под моими руками. И тут я вспомнила все: Джосайю и его брата, ферму Бердсли, призраков Фанни, вонь нечистот и гангрены, пороха и сырой земли. И блеяние коз, до сих пор звеневшее в голове.

Сквозь пелену снега донесся тихий писк, и я рывком села, сбрасывая одеяла с льдистой россыпью. Это не коза. Совсем не коза!

Разбуженный мною Джейми резко откатился в сторону и встал на четвереньки, озираясь из-под спутанных волос в поисках неведомой угрозы.

– Что такое? – хрипло спросил он и потянулся за лежащим неподалеку кинжалом.

– Не знаю. Шум какой-то. Слышишь?

Он поднял голову, прислушиваясь, и болезненно дернул кадыком. Я уже ничего не слышала, кроме падающих с деревьев капель, а вот Джейми отчего-то изменился в лице.

– Вот.

Он ткнул пальцем мне за спину. Я встала на колени и увидела кучку тряпья футах в десяти от прогоревшего костра. Писк раздался снова, уже громче.

– Иисус твою Рузвельт Христос! – невольно вырвалось у меня. Я бросилась к свертку и стала торопливо распутывать слои ткани. Ребенок был еще живым – ведь плакал же! – но не шевелился.

Крошечное лицо и лысый череп были синюшно-белыми, кожа – сморщена, как кожура высохшей ягоды. Я поднесла к его носу ладонь и почувствовала слабое влажное тепло. Младенец приоткрыл рот в мяукающем плаче и крепче зажмурил глаза, словно не желая видеть этот

опасный мир.

– Святый Боже! – прохрипел Джейми и наскоро перекрестился. – Где эта женщина?

Ужасаясь состоянию ребенка, я не думала о том, откуда он взялся. На разговоры нет времени. Ребенок слабо шевельнулся, но ручки у него были холоднее льда и отливали фиолетовой синью.

– Потом разберемся... Джейми, подай мою шаль! Бедняжка совсем замерз.

Я торопливо расстегнула лиф платья и прижала ребенка к обнаженной груди, еще теплой со сна. Ветер обсыпал снегом голые плечи и шею. Дрожа от холода, я сгорбилась и набросила на ребенка сорочку. Джейми завернул меня в платок и обнял нас, крепко прижимая к себе, чтобы поделиться своим жаром.

Он оказался куда теплее меня, потому что горел в лихорадке.

– Господи, ты как себя чувствуешь?..

Он был ужасно бледным, с красными глазами, но вроде бы держался.

– Все нормально. Где она? Где та женщина?

Похоже, что ушла. Козы лежали вповалку; дюжина желтых глаз с любопытством глядела на нас, напоминая о недавнем сне.

Миссис Бердсли исчезла, и на место, где она лежала, указывал только клочок примятой травы. Должно быть, когда начались роды, она отошла подальше, потому что возле костра не было никаких следов.

– Это ее ребенок? – спросил Джейми. В горле у него клокотала мокрота, но дышал он уже легче.

– Наверное. Иначе откуда бы он здесь взялся?

Баюкая малыша, я окинула лагерь взглядом. Если миссис Бердсли и ушла в лес, следов не осталось. Снег оседал на ветках и на землю почти не падал, а осыпавшиеся сосновые иглы схватились морозной коркой.

– Она не могла уйти далеко без лошади.

Гидеон и моя кобыла стояли под елью, грустно прижимая уши. Увидев, что мы встали, жеребец топнул и нетерпеливо заржал, обнажая желтые квадратные зубы – за ночь он проголодался.

– Да иду я, паршивец, иду... – Джейми отпустил нас, вытирая нос согнутыми пальцами. – Она не взяла коня, потому что хотела уйти тайно. Лошади подняли бы шум и разбудили меня. Надо бы их покормить. Саксоночка, малыш выживет?

– Сейчас согреется, – заверила я. – Правда, он скоро тоже проголодается.

Ребенок завился червяком и слепо зашарил по моей груди. Это чувство

оказалось настолько знакомым, что соски невольно затвердели, и меня будто ударило током, когда младенец нашел желаемое и плотно обхватил губами.

Я удивленно вздрогнула, и Джейми приподнял бровь.

– Он... хмм... Уже проголодался.

– Понятно. – Джейми оглянулся на коз, которые поднимались со своего лежбища и недовольно блеяли. – Подожди немного, хорошо?

Мы захватили с фермы пару тюков сена, Джейми развязал один и рассыпал перед козами и лошадьми, потом вытащил из влажной кучи одеял мой плащ и набросил мне на плечи, достал деревянную чашку и решительно зашагал к пасущимся козам.

Ребенок сосал все сильнее, изо всех сил вцепившись мне в грудь. С одной стороны, это радовало, значит, малыш здоров, вот только ощущения были довольно неприятными.

– Не то чтобы я против, – сообщила я ребенку, пытаюсь отвлечь нас обоих. – Но я не твоя мама. Уж прости.

Где, черт возьми, ее носит! Никаких следов Фанни Бердсли, не говоря уже о причинах ее столь внезапного исчезновения посреди ночи.

Что же с ней случилось? И зачем она прятала беременность под складками шалей и платков – между прочим, довольно успешно?

– Почему она нам не сказала? – пробормотала я, прижимаясь губами к макушке ребенка. Тот елозил все тревожнее, и я принялась его укачивать. Может, боялась, что Джейми не возьмет с собой женщину на сносях? В общем-то, я понимала ее нежелание оставаться в том доме...

Однако почему тогда она бросила ребенка? Или не бросила?.. По спине побежали мурашки, когда я представила, как некто – например, пантера – утаскивает женщину в кусты. Потом здравый смысл взял свое.

Допустим, хищная кошка или медведь могли подобраться к нам с Джейми незамеченными – мы слишком устали, – однако козы и лошади наверняка бы всполошились. А еще дикий зверь в поисках добычи предпочел бы лакомую детскую плоть, а не жесткое мясо взрослого.

А если в ее исчезновении виновен человек, то почему он не взял младенца?

Я повертела головой, принюхиваясь. Роды – действие грязное, и его запахи были мне знакомы. От ребенка, например, пахло кровью и околоплодными водами, но ветер был чист, в нем ощущался только козий помет, лошадиный навоз, горьковатые нотки древесной золы и крепкий аромат гусяного жира и камфоры от одежды Джейми. И все.

– Что ж, ладно, – сказала я вслух, мягко укачивая ребенка. – Рожать

она ушла в лес. Либо сама, либо ее кто-то заставил. Но если ее кто-то забрал, зачем ему утруждаться и возвращать тебя к костру? Проще было либо взять с собой, либо оставить там. Ой, прости, не хотела тебя расстраивать. Ш-ш-ш, милый, ш-ш-ш.

Ребенок уже согрелся и стал замечать прочие неудобства этого мира. Он выплюнул пустую грудь и недовольно захныкал. К счастью, подошел Джейми с парящей чашкой козьего молока и относительно чистым платком. Свернув из него подобие соски, он окунул ее в молоко и сунул мокрый кончик ткани в открытый рот младенца. Писк сразу же утих, и мы с облегчением выдохнули.

– Уже лучше, правда?

Я всматривалась в личико ребенка, еще бледное и восковое от родовой смазки, но с каждым глотком набирающее красок.

– Как она смогла оставить его? И почему?

В голову приходило только одно объяснение – похищение. Что еще заставило бы мать бросить новорожденного? Не говоря уж о том, чтобы сразу встать и, истекая кровью, пуститься ночью в лес.

Джейми покачал головой.

– У нее наверняка были на то причины, правда, один Господь знает, какие. Однако к ребенку она не испытывала ненависти, иначе бросила бы его в лесу.

Это верно: Фанни (или кто-то другой) тщательно укутала младенца и положила его возле костра. Ей хотелось, чтобы он выжил.

– Думаешь, она сама ушла?

– Допустим, ее могли забрать индейцы; если так, почему они не тронули нас? – резонно заметил Джейми. – Лошадей они бы точно забрали. Нет, она ушла сама. Другой вопрос, почему...

Он покачал головой и снова обмакнул платок в молоко.

Снег падал все сильнее, сухой и легкий, но порой уже слипающийся в комья. Надо ехать, пока не разыгралась буря. И все же мне казалось неправильным уходить, не выведав сперва судьбу Фанни Бердсли.

Женщина исчезла словно по волшебству, оставив ребенка... вместо платы. Как в шотландских сказках про фейри, которые подбрасывали свое потомство вместо человеческих детенышей. Правда, непонятно, что волшебному народцу могло понадобиться от Фанни Бердсли?

Я огляделась еще раз, высматривая следы. Ничего. Над нами нависал глиняный козырек с бахромой налипшего снега. Неподалеку журчал ручей и вздыхали на ветру деревья. На пружинистом слое игл – никаких отпечатков: ни копыт, ни ног, ни лап.

– «*Меня далекий ждет ночлег?*»^[51] – со вздохом поинтересовалась я у Джейми.

– Что?.. Нет, до Браунсвилла всего-то час езды. Ну, может, два, – поправился он, взглянув на затянутое молочной пеленой небо, все сильнее сыпавшее снегом. – Теперь, когда светло, я знаю, где мы.

Он закашлялся, сгибаясь пополам, и протянул мне чашку с платком.

– Вот, саксоночка. Покорми бедного *sgaogan*, а я пока займусь животными.

Sgaogan. Подменьш. Значит, и моему мужу вся эта история кажется потусторонней. Хотя... женщина ведь говорила, что видит призраков. Вдруг за ней пришел один из них? Я вздрогнула и прижала к себе ребенка.

– А здесь есть другие поселения, кроме Браунсвилла? Ей было куда идти?

Джейми хмуро покачал головой. Падая на его горячую кожу, снег таял и сбегал по лицу ручейками.

– Насколько я знаю, нет.

Пока я кормила ребенка, Джейми подоил остальных коз и вернулся с ведром теплого молока. Мне хотелось чего-нибудь погорячее – от мокрой соски пальцы совсем онемели, однако жирное молоко со сливочным вкусом было на удивление сладким и приятной тяжестью легло в желудок.

Ребенок перестал сосать и от души намочил пеленки – значит, здоров; вот только совсем не ко времени, потому что мой лиф тоже пропитался насквозь.

Джейми опять развязал седельные сумки в поисках сменного платья для меня и чистых тряпок для ребенка. К счастью, моя кобыла везла мешок с льняными бинтами. Джейми стал пеленать младенца, пока я неуклюже пыталась поменять сорочку, не снимая при этом юбок и плаща.

– Н-надень плащ, – велела я Джейми, стуча зубами. – А то ум-мрешь от черт-товой пневмонии.

Он улыбнулся, хотя кончик носа на бледном лице заметно отливал красным.

– Все хорошо, – прохрипел Джейми и откашлялся. – Хорошо, – повторил он тверже и вдруг замер, изумленно распахивая глаза. – О, посмотри. Это девочка.

– Правда? – Я встала рядом на колени.

– Такая страшненькая. – Он задумчиво разглядывал ребенка. – Хорошо, что у нее богатое приданое.

– Вряд ли в ее возрасте ты был симпатичнее, – укоризненно сказала я. – Ее даже не обмыли, бедняжку. А что за приданое?

Джейми пожал плечами, подсовывая под ребенка сложенную тряпицу.

– Отец умер, мать исчезла. Братьев и сестер у нее нет, больше заявить о своих правах на ферму Бердсли некому. А ферма-то хорошая, не говоря уж о товарах в той комнате. Ну и козы, само собой. – Он с улыбкой покосился на Хирама с его гаремом. – Теперь это все ее.

– Выходит, она очень богатая маленькая девочка?

– Ага, которая только что обделалась. Ты нарочно ждала, когда я тебя переодену? – сердито спросил он у ребенка.

Та, ничуть не смущаясь, сонно моргнула.

– Что ж, ладно, – вздохнул Джейми. Он встал с другой стороны, укрывая ее от ветра, приподнял шаль и одним ловким движением вытер черноватую слизь.

Девочка казалась вполне здоровой, хоть и мелкой. Она походила на куклу с выпирающим от молока животом. В этом-то и беда – такая маленькая, без капельки жирка, она очень быстро замерзнет и умрет.

– Следи, чтобы не застыла. – Я сунула руки под мышки, согреть их перед тем, как взять ребенка.

– Не волнуйся, саксоночка. Сейчас вытру ее хорошенько и... – Он вдруг нахмурился. – Саксоночка, это еще что такое? Неужели синяк? Глупая женщина что, уронила ее?!

Джейми держал попку ребенка на весу. Чуть выше маленьких ягодичек виднелись синеватые пятна.

Это были не синяки. И в какой-то степени они объясняли, почему ребенка бросили.

– С девочкой все в порядке, – заверила я, натягивая один из платков миссис Бердсли на лысую макушку. – Это монгольское пятно.

– Что?

– Ребенок черный, – пояснила я. – По крайней мере, наполовину.

Джейми моргнул и опустил голову, хмуро вглядываясь под платок.

– Да нет же! Саксоночка, она бледнее тебя.

И правда – ребенок был таким белым, что, казалось, в нем вовсе нет крови.

– Темнокожие дети обычно рождаются светлыми, и только спустя пару недель кожа чернеет. Но на спине у них почти всегда есть такие пятна.

Джейми провел рукой по лицу, сморгнув с ресниц снежинки.

– Понятно, – медленно произнес он. – Что ж, это все объясняет, правда?

Еще как. Покойный мистер Бердсли при всей черноте своей души был белым. Фанни, зная, что младенец выдаст ее измену, решила бросить его и

сбежать. Интересно, таинственный отец ребенка как-то связан с трагедией в доме Бердсли?

– Почему она была так уверена, что ребенок черный? Она ведь ее толком и не видела. Рожала-то в темноте. Возможно, тогда не сбежала бы...

– И все же сбежала. Как думаешь, кто отец?

Бердсли жили отшельниками, вряд ли вокруг Фанни крутилось много мужчин, кроме разве что индейцев, с которыми торговал ее муж. Бывают ли монгольские пятна у здешнего коренного населения?

Джейми обвел взглядом пустынный лес и взял ребенка.

– Думаю, в Браунсвилле все выясним. Идем, саксоночка.

* * *

Чтобы не задерживаться с младенцем на руках, Джейми решил оставить коз здесь.

– Ничего с ними не случится, – сказал он, рассыпая остатки сена. – Козы не уйдут от своего вожака – а тебе пока деваться некуда, да, *bhalaich*?

Он почесал Хирама между рогами, и мы тронулись в путь под обиженное блеяние коз, привыкших к нашей компании.

Погода портилась: стало чуть теплее, и снег уже не сыпал сухим порошком, а валил большими мокрыми хлопьями.

Укутанная в несколько платков и толстый плащ с капюшоном, девочка лежала на перевязи у моего живота. Джейми постоянно кашлял, но выглядел уже здоровее, чем утром, – ответственность за нас его приободрила.

Он ехал позади меня, высматривая пантер и прочие угрозы. Хотя я на месте любой уважающей себя кошки – особенно сожравшей козлиную тушу – вместо того, чтобы морозить лапы на снегу, свернулась бы калачиком в уютном логове.

Малышка спала беспокойно – сучила ножками, словно все еще толкалась в тесной матке.

– Ты выглядишь так, будто носишь ребенка, саксоночка.

Я обернулась через плечо: Джейми глядел из-под полей шляпы с насмешкой, хотя в глазах у него было что-то еще. Возможно, затаенная грусть?

– Наверное, потому, что я и впрямь несу ребенка, – парировала я. – Только чужого.

Легкие толчки в живот, пусть и снаружи, а не изнутри, действительно

навевали мысли о беременности.

Джейми подвел Гидеона ближе. Жеребец фыркнул и мотнул головой, желая вырваться вперед, но Джейми удержал его тихим «Seas!», и тот затих, выпуская из ноздрей пар.

– Волнуешься за нее? – спросил Джейми, кивком указывая на лес.

Нет нужды уточнять, о ком он. Я кивнула, поглаживая кривую спинку младенца. Что Фанни делает там, одна? Заползла, как раненый зверь, в какую-нибудь нору, чтобы умереть? Или бредет вслепую, мечтая найти неведомое укрытие... может, тот самый Чесапикский залив, манящий воспоминаниями о бескрайних водах, просторе и счастье?

Джейми подался ближе и положил руку поверх моей. Холод его пальцев просочился даже сквозь одежду.

– Она сделала свой выбор, саксоночка. А ребенка доверила нам. Мы позаботимся о девочке – вот и все, что можно сделать для той женщины.

Я не могла взять его за руку, поэтому просто кивнула. Легонько сжав мне пальцы, Джейми отъехал, а я уставилась перед собой, смагивая капли с ресниц.

Когда впереди наконец показался Браунсвилл, тревоги о Фанни Бердсли отступили перед опасениями за ее дочь. Ребенок проснулся, заплакал и замолотил меня кулачками, требуя молока.

Я привстала в седле, всматриваясь сквозь снег. Большой он хоть, этот Браунсвилл? Пока за соснами и лаврами я видела одну лишь крышу. Мужчины в Гранит-Фолс говорили, что поселение крупное, – но что значит «крупное» по меркам здешней глуши? Каковы шансы, что тут найдется хоть одна кормящая мать?

Джейми налил козьего молока во флягу, однако надо бы добраться до жилья. Хорошо, если там будет женщина, готовая стать кормилицей, но даже если нет, козье молоко все равно нужно подогреть, иначе ребенок замерзнет еще сильнее.

Кобыла вдруг фыркнула и ускорила шаг: должно быть, учуяла жилье и других лошадей. Вскинув голову, она пронзительно заржала, Гидеон подхватил, – и издали донеслось ответное ржание.

– Они здесь, – с облегчением выдохнула я. – Они доехали!

– Уж надеюсь, саксоночка, – хмыкнул Джейми, с силой удерживая Гидеона. – Если бы малыш Роджер заплутал на прямой дороге, я бы усомнился в остроте не только его глаз, но и ума.

Впрочем, он тоже улыбался.

Тропа свернула, и я наконец увидела Браунсвилл, по сути оказавшийся обычной деревней. Справа дымили с десятков хижин, разбросанных по

склону, несколько домов сгрудились у дороги – здесь, должно быть, шла торговля, если судить по валявшимся повсюду пустым бочкам, бутылкам и прочему хламу.

Через дорогу поставили навес для лошадей, устланный сосновыми ветками. В этом уютном убежище теснились, фыркая и перебирая ногами, кони милиционеров.

Завидев конюшню, наши лошади поспешили вперед; пришлось с силой натянуть поводья, не давая кобыле пуститься рысью, которая растрясла бы мою маленькую спутницу. Пока я боролась с лошадью, из загона на дорогу вышел невысокий человек и замахал нам руками.

– Милорд! – приветствовал Фергус Джейми, когда тот осадил недовольного Гидеона. Француз глядел снизу вверх из-под синей вязаной шапки, которую он носил, натягивая по самые брови. – Что-то случилось? Какие-то неприятности?

– А! – Джейми небрежно махнул рукой, указывая на мой живот. – Не то чтобы неприятности, просто...

Фергус в изумлении уставился на меня.

– *Quelle virilité, monsieur!*^[52] – выдал он тоном глубочайшего уважения. – Мои поздравления!

Джейми наградил его свирепым взглядом и издал странный горловой звук: точно валуны перекатывались под водой. Ребенок снова заплакал.

– Так, давайте по порядку, – сказала я. – Прежде всего: здесь есть женщины с маленькими детьми? Ребенка надо покормить, и как можно скорее.

Фергус кивнул, с любопытством тараща глаза.

– *Oui*, миледи. Я видел по крайней мере двоих.

– Отлично. Веди меня к ним.

Он взял кобылу за повод и потянул ее к селению.

– Что-то стряслось? – спросил Джейми и закашлялся. Я-то в своей тревоге за ребенка даже не подумала, с чего бы Фергусу здесь находиться. Джейми прав: простая забота о нашем благополучии не выгнала бы его на дорогу в такую погоду.

– Да, милорд, у нас возникли небольшие сложности. – Он вкратце описал события минувшего дня. – ...Так что месье Мортон укрывается среди лошадей, – Фергус кивком указал на навес, – а остальные наслаждаются гостеприимством Браунсвилла.

Джейми заметно помрачнел – видно, представил, во сколько обойдется это самое гостеприимство для сорока мужчин.

– Хмм... Полагаю, Брауны не знают, что Мортон здесь?

Фергус затряс головой.

– А зачем он вообще остался? – спросила я, прикладывая ребенка к груди, чтобы он хоть ненадолго унялся. – Я-то думала, парень уже на полпути к Гранит-Фолс, радуется, что вообще уцелел.

– Он не уйдет, миледи. Говорит, ему нужна премия.

Губернатор распорядился, чтобы каждому вступившему в милицию выделили премию в сорок шиллингов – весьма значительная сумма, особенно для новичков-переселенцев вроде Мортонна.

Джейми задумчиво провел рукой по лицу. Да, это проблема: милиции нужны люди и продовольствие из Браунсвилла – но Браунов не призовешь, потому что они тут же попытаются убить Мортонна. Заплатить же Мортону из личных средств Джейми не мог. Судя по гримасе, он подумывал прикончить Мортонна своими руками – только это тоже был не самый разумный выход.

– Может, пусть он просто женится на этой девушке?

– Я уже предлагал, – ответил Фергус. – К сожалению, у мистера Мортонна есть супруга в Гранит-Фолс.

– А почему Брауны за ним не погнались? – Джейми, само собой, думал о своем. – Если враг приходит в твои земли, его преследуют и убивают.

Фергус кивнул, должно быть, разделяя эту традицию горцев.

– Они хотели. Однако *le petit*^[53] Роджер их отвлек.

В его голосе отчетливо слышалась насмешка.

– Что же он сделал? – поинтересовался Джейми.

– Спел им, – весело отозвался Фергус. – Пел почти всю ночь. Вся деревня собралась его послушать. Кстати, здесь шестеро мужчин подходящего возраста и, как я уже сказал, две дамы *avec lait*^[54], – рассудительно уточнил он.

– Хорошо. Малышку надо покормить. Скажи Мортону, что я загляну позже.

Он направил коня к таверне. Я подтолкнула кобылу пятками, следуя за ним.

– Что будешь делать с Браунами?

– Господи! – в сердцах выпалил Джейми. – Да если б я только знал!

Глава 32. Миссия завершена

Наше прибытие в Браунсвилл с ребенком на руках переполошило всю деревню. Роджер облегченно выдохнул, хоть тут же вновь расправил плечи, принимая самоуверенный вид. Я опустила голову, пряча улыбку, и покосилась на Джейми: заметил ли он? Тот старательно отворачивался – значит, заметил.

– Молодец, справился, – словно невзначай обронил он, хлопая Роджера по плечу.

Роджер небрежно кивнул, хотя лицо у него просветлело, будто озаренное свечой.

Юная мисс Бердсли подняла настоящую суматоху; одна из кормящих матерей тут же забрала ее и приложила к груди, вручив мне взамен своего ребенка. Трехмесячный карапуз чуть недоуменно взглянул на меня, но возмущаться не стал, только выпустил пару пузырей.

Нас сразу же засыпали вопросами и домыслами, однако рассказ Джейми о событиях на ферме – урезанный и подправленный – положил конец спорам. Даже девушка с заплаканными глазами (та самая возлюбленная Исайи Мортон) забыла о своей печали и слушала с открытым ртом.

– Бедняжка, – причитала она, глядя на младенца, яростно сосущего грудь ее кузины. – Значит, осталась вовсе без родителей...

Судя по тяжелому взгляду на отца, в сиротстве она видела одни лишь преимущества.

– Что теперь станется с малышкой? – рассудительно заметила миссис Браун.

– О, мы о ней позаботимся, дорогая. С нами она будет в безопасности!

Муж ободряюще похлопал ее по руке, а сам переглянулся с братом. Джейми это заметил и открыл было рот, но потом пожал плечами и стал что-то обсуждать с Генри Галлегером и Фергусом, двумя пальцами постукивая по ноге.

Старшая мисс Браун подалась ко мне, но в комнату вдруг ворвался ветер, взметнул на окнах шкуры и засыпал всех снежными брызгами. Женщина тихонько вскрикнула от испуга и, забыв про любопытство, бросилась закрывать окна.

Пока мисс Браун воевала со шкурами, я выглянула наружу. Буря разыгралась не на шутку. Снег валил пеленой, залепляя сугробами черные

рытвины дороги. Кажется, отряд милиции на какое-то время здесь застрянет. Мистер Ричард Браун, хоть и не без недовольства, предложил нам приют еще на одну ночь, и милиционеры разместились по хижинам и сараям деревушки.

Джейми вышел, чтобы взять из седельных сумок наши вещи, а заодно проверить лошадей. А еще, скорее всего, поговорить с Исайей Мортонем, если тот, несмотря на пургу, до сих пор прятался в конюшне.

Интересно, что Джейми будет делать с этим горским Ромео? Правда, размышлять времени не было: уже темнело, и меня вовлекли в суматоху, поднявшуюся возле очага: перед женщинами встала необходимость приготовить ужин на сорок лишних ртов.

Джувлетта – то есть младшая мисс Браун – угрюмо сидела в углу и помогать отказывалась. Впрочем, она охотно взяла на себя заботу о девочке Бердсли, укачивала ее и пела колыбельные, даже когда девочка давным-давно заснула.

Фergus и Галлегера отправили за козами; они вернулись только к ужину, грязные, промокшие насквозь, с обледенелыми бровями. Козы тоже замерзли, болтая распухшими красными выменами, полными молока. Они были рады вернуться в лоно цивилизации и потому задорно скакали и блеяли.

Миссис Браун со своей золовкой отвела коз в сарай, чтобы подоить, а я осталась присматривать за котелком с рагу и Хирамом, которого разместили в самодельном загоне из перевернутого стола, двух стульев и сундука. Хижина представляла собой одну большую комнату с чердаком и кладовой, всю заставленную вещами: столами, скамьями, бочонками пива и связками шкур; в одном углу примостился прядильный станок, в другом – высокий комод с часами (на которых красовались донельзя нелепые купидончики), у дальней стены – кровать и два сундука, а на колышках у двери висела груда одежды, так что раненый козел вполне вписывался в обстановку.

Я пыталась осмотреть пациента, но тот мекнул и словно в насмешку высунул длинный синий язык. Рога, мокрые от талого снега, блестели черным, а шкура собралась на плечах колючками.

– Такова, значит, твоя благодарность? – упрекнула я. – Если бы не Джейми, вариться бы тебе сейчас в том горшке, злобный ты черт.

– Бе-е, – огрызнулся тот.

Впрочем, он устал, ослабел от голода и в отсутствие своего гарема смиловивился и позволил-таки почесать затылок, потрепать за ушами, скормить пару пучков сена и – так уж и быть – проверить лубок. Я сама еле

держалась на ногах, потому что с утра ничего не ела, кроме той чашки козьего молока. От пьянящих запахов мясного рагу голова шла кругом.

– Ты ведь славный парнишка, правда? – пробормотала я. После целого дня с орущим мокрым младенцем на руках компания сердитого козла только успокаивала.

– Он умрет?

Я удивленно подняла глаза – совсем забыла про юную мисс Браун, которая притаилась в темном уголке. Теперь она, держа спящую девочку, стояла возле очага и хмуро глядела на Хирама, лениво жевавшего мой передник.

– Нет. – Я вытянула ткань у него изо рта. – Вряд ли.

Как же ее зовут? Я сонно рылась в памяти, сопоставляя имена и лица людей, которых мне наскоро представили. Алисия, кажется, хотя про себя я называла ее Джульеттой.

Тем более что девушка наверняка ее ровесница – выглядела она лет на пятнадцать. Суший ребенок с пухлым лицом и плоской фигуркой: плечики узкие, а бедра, напротив, чересчур широкие. Да уж, не «в ухе мавра – жемчуг несравненный»^[55]...

Она молчала, и я, чтобы поддержать разговор, кивнула на младенца:

– Как малышка?

– Хорошо, – безучастно ответила девчушка, и вдруг из глаз ее хлынули слезы. – Лучше бы я умерла.

– Правда? – опешила я. – Ох... Ну...

Я провела рукой по лицу, пытаюсь собраться с мыслями и понять, что с ней делать. Где же мать этой девчонки? Я покосилась на дверь, но там было тихо. Мы остались наедине: женщины готовили ужин, мужчины устраивали на ночь животных.

Я вышла из загона и взяла девочку за плечи.

– Послушай, – негромко начала я. – Исайа Мортон того не стоит. Ты ведь знаешь, что он женат?

Она распахнула глаза и вдруг зажмурилась, вновь брызгая слезами. Похоже, не знала.

Слезы катились по щекам и капали ребенку на голову. Я забрала у нее младенца и легонько подтолкнула девушку к скамье.

– От-ткуда вы?.. К-кто?.. – заикалась и всхлипывала она, тщетно пытаясь успокоиться. С улицы донесся мужской голос, и девушка отчаянно принялась вытирать лицо рукавом.

Ее слезы напомнили, что хоть мне вся эта ситуация кажется излишне мелодраматичной, дело очень серьезное. В конце концов, ее родственники

пытались убить Мортон — и наверняка убьют, как только поймают. Услышав шаги, я вся собралась, и ребенок на руках захныкал. Однако, кто бы ни был за дверью, он прошел мимо.

Я села рядом с Алисией Браун и с облегчением вытянула усталые ноги. Каждая мышца, каждый сустав ныли. Судя по всему, нам с Джейми предстоит еще одна ночь на твердом полу, хотя на затоптанные деревяшки возле очага я поглядывала почти со страстью.

В комнате было на удивление спокойно, за окном шуршал снег, булькал котелок, распространяя умопомрачительный аромат лука, оленины и репы. Ребенок мирно дремал у груди. Хотелось просто сидеть и держать ее, ни о чем не думая... Но долг превыше всего.

— Откуда я знаю? Мортон сообщил одному из людей моего мужа. Вроде бы его жена живет в Гранит-Фолс.

Я погладила ребенка по спинке, девочка чуть отрыгнула и снова тепло засопела мне на ухо. Женщины обмыли ее и смазали маслом, теперь она пахла свежими блинчиками. Я смотрела на дверь, одним глазом приглядывая за Алисией Браун — как бы та снова не закатила истерику.

Она и впрямь зарыдала, потом икнула и затихла, уставившись в пол.

— Лучше бы я умерла...

Девушка сидела сгорбившись, из-под чепца свисали волосы, а руки она бережно прижимала к животу.

— Ох, милая моя... — Учитывая ее бледность, все обстоятельства и трепетное отношение к ребенку Бердсли, вывод напрашивался сам собой. — Родители знают?

Она вскинула голову.

— Только мама и тетя. Я думала... думала, папа разрешит нам пожениться, если...

Как по мне, шантаж не лучший повод для свадьбы, но говорить об этом уже нет смысла.

— Хмм... А сам мистер Мортон в курсе?

Она безутешно затрясла головой.

— А у него... у его жены есть дети, не знаете?

— Понятия не имею.

Алисия вдруг с неожиданной силой схватила меня за руку.

— Я слышала вчера разговор мистера Маккензи и других мужчин. Они говорили, вы целительница... колдунья. Я насчет ребенка. Может, вы знаете, как...

— Кто-то идет, — вовремя перебила я. — Вот, возьми девочку. Мне надо... надо помешать рагу.

Я бесцеремонно сунула ей ребенка и встала. Когда открылась дверь, впуская порыв снежного ветра вместе с мужчинами, я уже стояла возле очага, держа в руке ложку и глядя на горшок. В голове кипели мысли.

Алисия Браун не произнесла этого вслух, но я поняла, о чем она просит. Она назвала меня колдуньей. И почти наверняка хотела, чтобы я помогла ей избавиться от ребенка. Как?! Как женщина может думать о таком, держа на руках младенца, только-только покинувшего женское чрево?..

Впрочем, она очень молода. К тому же потрясена новостью, что ее возлюбленный – подлец. Беременность на раннем сроке. Алисия еще не чувствовала шевелений ребенка и не воспринимает его как живого. В нем она видела лишь средство воздействия на отца... вот только ловушка захлопнулась для нее самой.

Ничего удивительного, что она в отчаянии ищет выход. Надо дать ей время прийти в себя. Поговорить с ее матерью, с тетей...

Рядом вдруг возник Джейми, потирающий над огнем красные руки и вытряхивающий из складок одежды снег. Он был на удивление весел, невзирая на холод, разгулявшуюся пургу и непростую личную жизнь Исайи Мортон.

– Как дела, саксоночка? – хрипло спросил он и, не дожидаясь ответа, отобрал ложку, обнял холодными руками и притянул для крепчайшего поцелуя.

Оторопев от его напора, я вдруг поняла, что все остальные так же веселы. Мужчины хлопали друг друга по спинам, шутя и подзадоривая.

– Что такое? Что случилось?!

Я изумленно обвела комнату взглядом. Как ни странно, посреди толпы обнаружился Джозеф Уэмисс, покрасневшийся от холода и еле держащийся на ногах, потому что каждый норовил хлопнуть его по плечу.

Джейми расплылся в широченной улыбке, сверкая зубами на обледенелом лице, и сунул мне в руки мокрый измятый лист бумаги с остатками восковой печати.

Чернила расплылись от снега, однако суть была понятна. Прослышав о походе генерала Уоделла, регуляторы сочли, что осмотрительность почетнее доблести, и разошлись. Согласно новому приказу губернатора Триона, милиция распускалась.

– О господи! – пробормотала я и, повиснув у Джейми на шее, жарко поцеловала холодные обветренные губы.

Взволнованные новостью, милиционеры решили устроить праздник, тем более что плохая погода не располагала к скорому отъезду. Брауны, радуясь, что им не придется вступать в наши ряды, выкатили три больших бочонка лучшего домашнего вина Томасины Браун и шесть галлонов сидра – всего-то за полцены.

К концу ужина я сидела в уголке с ребенком Бердсли на руках, засыпая от усталости. Воздух дрожал от дыма и разговоров, я выпила слишком много сидра, и в глазах теперь все плыло, сливаясь в одно большое пятно.

Алисия Браун не смогла подойти ко мне для разговора, но и я не сумела перекинуться парой слов с ее матерью или теткой. Девушка сидела в загоне Хирама и угрюмо скармливала козлу жесткие корочки хлеба.

Роджер по просьбе слушателей исполнял французские баллады. Прямо передо мной из тумана вдруг проступило женское лицо. Незнакомка что-то сказала (я не разобрала за гулом голосов) и ласково, но настойчиво отняла у меня ребенка.

А, ну да. Это Джемайма, так ее вроде зовут, – молодая мать, которая кормила девочку. Я встала, освобождая ей место, и она сразу же приложила ребенка к груди.

Я прислонилась к каминной полке, глядя, как она поддерживает новорожденной девочке голову и ласково бормочет. Женщина словно воплощала в себе нежность и уверенность. Ее собственный ребенок, малыш Кристофер, мирно сопел на руках бабушки, покуривающей глиняную трубку.

При виде Джемаймы меня охватывало странное чувство дежавю. Я моргнула, пытаюсь разобраться, откуда умиротворяющее ощущение тепла, покоя и близости. И сперва подумала, что это воспоминания о том, как сама нянчила дитя, но потом вдруг поняла, что воспринимаю себя не как мать, а как младенца. Мне вспомнилось, как это было, когда я грелась в крепких объятиях, сытая и преисполненная любви.

Я закрыла глаза и надежнее оперлась на каминную полку, чувствуя, как вертится вокруг мир.

– Бичем... Да ты совсем пьяная.

Если так, то не я одна. Радуясь скорому возвращению домой, милиционеры охотно поглощали горячительное. Праздник уже подходил к концу, и мужчины разбредались по холодным сараям или – кому повезло – кутались в одеяла возле огня.

Открыв глаза, я увидела, как широко, едва ли не ломая челюсть, зевает Джейми. Он встал, стряхивая оцепенение от выпивки и сытной еды, потянулся и нашел меня взглядом. Джейми устал не меньше моего, но, судя по всему, голова у него не кружилась.

– Пойду проверю лошадей, – сказал он, вконец охрипнув от простуды и болтовни. – Прогуляемся под луной, а, саксоночка?

* * *

Снег уже перестал, и сквозь прозрачные облака лился лунный свет. После вьюги ветер был особенно холодным и быстро выдул пьяный дурман из головы.

С детским восторгом я шла по нетронутomu снегу и потому ступала осторожно, постоянно оглядываясь, чтобы полюбоваться цепочкой следов. Она выходила кривоватой, но, к счастью, никому не было дела до того, насколько я пьяна.

– Можешь прочитать алфавит задом наперед? – спросила я у Джейми.

– Наверное. А какой? Английский, греческий или иврит?

– Неважно. – Я взяла его за руку. – Если помнишь все три, значит, в отличие от меня, не пьян.

Он фыркнул и закашлялся.

– Саксоночка, ты же никогда не напивалась! По крайней мере, не тремя чашками сидра.

– Наверное, это из-за усталости, – сонно ответила я. – Того гляди голова улетит, как воздушный шарик. А откуда ты знаешь, сколько я выпила? Считал?

Он снова рассмеялся.

– Люблю за тобой наблюдать, саксоночка. Особенно на людях. У тебя так сверкают зубы, когда ты смеешься.

– Льстец, – отозвалась я, радуясь про себя комплименту. Я ведь несколько дней не умывалась, не говоря уж о том, чтобы принять ванну или сменить одежду; наверное, только зубами и можно было любоваться. Впрочем, на душе стало теплее.

Под ногами похрустывал снег. Джейми дышал хоть и тяжело, но уже без страшных хрипов в груди, и кожа у него была прохладной.

– К утру погода разойдется, – сказал он, глядя на туманную луну. – Видишь кольцо?

Его трудно было не заметить – мерцающий ореол на полнеба. Сквозь

облака проглядывали звезды, через час-другой они засияют совсем ярко.

– Да. И мы поедem домой?

– Ага. Правда, будет слякотно. Ветер меняется. Утром все начнет таять.

Зато пока что я мерзла. Конюшня, укрытая ветками сосны и тсуги, походила на пушистый холмик, засыпанный снегом. Кое-где он стоял, и с темных островков вились тонкие струйки лошадиного дыхания.

– Мортону должно быть уютно, если он еще там, – заметила я.

– Не знаю. Я отправил к нему Фергуса сообщить о приказе губернатора.

– Ну, будь я на месте Исайи Мортонa, вряд ли рискнула бы ехать в такую пургу, – скептически отозвалась я.

– Еще как рискнула бы, знай, что в Браунсвилле каждый жаждет тебя пристрелить, – ответил Джейми, впрочем, все равно подошел ближе и негромко окликнул: – Исайя!

Тишина. Взяв меня за руку, Джейми повернул к дому. Здесь снег уже утоптали милиционеры, расходившиеся на ночь. Роджер больше не пел, хотя в доме по-прежнему слышались голоса – не все спешили на боковую.

Не желая возвращаться в душную шумную комнату, мы по молчаливому согласию обошли дом и сарай, чтобы чуть дольше насладиться снежной тишиной и нашей близостью. Я заметила, что дверь кладовой приоткрыта, и указала на нее Джейми.

Заглянув, он убедился, что все в порядке, но вместо того, чтобы задвинуть щеколду, схватил меня за руку и втащил внутрь.

– Хочу кое о чем тебя спросить, саксоночка.

Дверь он оставил открытой, и лунный свет лился в проем, выхватывая из темноты висящие окорока, бочки и мешки.

Внутри было холодно, однако ветер не дул, так что я сняла с головы капюшон.

– О чем же?

Прогулка здорово взбодрила, и хотя я знала, что усну сразу же, как только лягу, сейчас я испытывала лишь чувство легкости, свойственное исполненному долгу. Вчера был ужасный день и тяжелая ночь, а сегодняшний день казался еще длиннее, но все уже закончилось, и мы свободны.

– Ты хочешь ее, саксоночка? – тихо спросил Джейми.

– Кого?! – удивилась я.

– Ребенка. Кого ж еще? – насмешливо хмыкнул он.

– Ты имеешь в виду... хочу ли я ее забрать? – осторожно уточнила я. –

Удочерить?

Эта мысль мне в голову не приходила, хотя, возможно, исподволь жила в подсознании, потому что я ничуть не удивилась.

С самого утра грудь ныла, точно переполнившись молоком; на сосках до сих пор чувствовались жадные детские губы. Сама я не смогу кормить ребенка – но мне помогут Брианна или Марсали. В крайнем случае, есть козье и коровье молоко.

Я внезапно поняла, что обхватила грудь ладонью, и сразу же убрала руку, но Джейми заметил этот жест и обнял меня. Я положила голову ему на плечо, чувствуя под щекой грубую ткань охотничьей рубахи.

– А ты хочешь? – спросила я, не зная, что именно надеюсь услышать в ответ.

Джейми чуть заметно пожал плечами.

– У нас большой дом, саксоночка. Места хватит всем.

– Хмм, – только и сказала я.

Этим неопределенным ответом Джейми дал понять, что примет любое мое решение. Фергуса, например, он подобрал в парижском борделе, где тот промышлял воровством. Если мы возьмем и этого ребенка, он будет относиться к ней как к дочери. Полюбит ли?.. Никто не знает... как и то, полюблю ли девочку я.

Джейми понял мои сомнения.

– Я видел, как ты везла ее на лошади. Ты всегда обо всех заботишься, но этим утром... с выпуклостью под плащом ты выглядела совсем как в те дни, когда носила Фейт.

У меня перехватило дыхание: чтобы Джейми вот так просто, почти невзначай, произнес имя нашей первой дочери?! Мы редко о ней говорили, она умерла слишком давно. И все же та рана никогда не заживет в наших сердцах...

Безымянная сирота, крохотная и хрупкая, с такой же полупрозрачной кожицей и синими прожилками вен напомнила мне о Фейт. Однако эта девочка – не мое дитя...

Готовы ли мы взвалить на себя эту ответственность?

– Думаешь, нам стоит ее забрать? Я о том... что с ней будет, если мы не согласимся?

Джейми коротко фыркнул и склонил голову, прислушиваясь к гулу голосов за стеной.

– О ней в любом случае позаботятся, саксоночка. В конце концов, она богатая наследница.

О да, об этом я не подумала.

– Точно? – с сомнением переспросила я. – Она же незаконная...

Джейми качнул головой, перебивая меня.

– Вовсе нет, законная.

– Неправда.

– Ее отец – Аарон Бердсли, – сообщил Джейми. – По английским законам ребенок, рожденный в браке, всегда записывается на имя мужа, даже если жену уличили в измене. А та женщина говорила, что Бердсли на ней женился.

Странно, отчего Джейми так рьяно почитает английские законы? Я хотела было спросить, но, слава богу, вовремя спохватилась!

Из-за Вильяма. Его сына, известного как девятый граф Элсмир. Значит, юридически мальчик будет считаться наследником древнего рода, даже если вдруг всплывет правда (которую пока знал один лишь Джон Грей).

– Понятно, – протянула я. – То есть малышка унаследует все имущество Бердсли, даже если выяснится, что он никак не мог быть ее отцом. Это... хорошо.

Перехватив мой взгляд, Джейми опустил глаза.

– Да, – тихо ответил он. – Хорошо.

В его голосе будто бы послышалась горечь, но тут он снова закашлялся.

– В общем, – продолжил Джейми уже тверже, – ей нечего опасаться. Суд по делам сирот передаст все имущество Бердсли... коз и прочее, – с насмешкой добавил он, – ее опекуну, и тот будет распоряжаться им, следуя интересам девочки.

– ...и ее опекунов, – подхватила я, вспомнив взгляд, которым обменялись братья Брауны. – Так что Брауны охотно примут ее в свой дом.

– Да, – согласился Джейми. – Они знали Бердсли и знают, как она богата. Будет непросто забрать у них девочку, но если ты хочешь ребенка, саксоночка, ты его получишь. Обещаю.

Этот разговор будил во мне странное чувство сродни панике, будто кто-то невидимый толкает меня со скалы и неизвестно, что ждет за ее краем – пологий скат или бездонная пропасть.

В глазах так и стояли тонкие, почти бумажные ушки: розовые завитки с синеватыми жилками.

Чтобы оттянуть время, я спросила:

– Почему непросто? Разве у Браунов есть какие-то права на девочку?

Джейми покачал головой.

– Нет. Но они не убивали ее отца.

– Какое... Ох.

Такую ловушку я и не предвидела – что Джейми могут обвинить в убийстве Бердсли ради опеки над его ребенком, которая позволит прибрать к рукам ферму. Я сглотнула желчный комок.

– Никто, кроме нас, не знает, как умер Бердсли, – напомнила я. Джейми рассказал лишь, что с торговцем случился удар; о своей роли ангела-избавителя он умолчал.

– Кроме нас – и миссис Бердсли, – чуть иронично поправил он. – Вдруг она объявится и обвинит меня в смерти мужа? Будет нелегко оправдаться, особенно если я заберу девочку.

Я не стала спрашивать, с чего бы ей так поступать: и без того понятно, что от Фанни Бердсли можно ждать чего угодно.

– Она не вернется.

Что бы я ни думала насчет всего остального, в этом я была уверена. Куда бы Фанни Бердсли ни делась, мы о ней больше не услышим.

– А даже если вернется... – В глазах стоял заснеженный лес и маленький сверток возле кострища. – Я тоже там была. И расскажу, что на самом деле случилось.

– Если тебя послушают. Что вряд ли. Ты ведь замужняя женщина, саксоночка, ты не можешь свидетельствовать в суде.

И в самом деле... Живя в глуши, я редко сталкивалась с местными, порой очень странными и вопиющими законами. Как замужняя женщина, я не имею никаких юридических прав. В отличие от Фанни Бердсли, как ни парадоксально, – ведь та теперь вдова и вправе выступать в суде.

– Черт бы их всех побрал! – с чувством воскликнула я.

Джейми засмеялся.

Я фыркнула, выдохнув облачко белого пара. Стать бы драконом и спалить ко всем чертям некоторых неприятных личностей, начиная с той же Фанни Бердсли. Увы... Я вздохнула, и бесполезное дыхание развеялось в полумраке кладовки.

– Теперь понимаю, что значит «непросто».

– Да, но отнюдь не невозможно.

Он обхватил большой холодной ладонью мое лицо, вынуждая повернуть голову и посмотреть ему в глаза.

– Клэр, если ты хочешь ребенка, я заберу ее, несмотря на все трудности.

Если хочу... В руках ощущался невесомый груз спящего младенца. Я почти забыла безумие материнства, ту адскую смесь паники, восторга, усталости и гордости.

– Остался один вопрос. Отец ребенка – не белый. Как это отразится на

девочке?

Я знала, что ждало бы ее в Бостоне 1960-х годов, однако сейчас другие времена, и здешнее общество, пусть не столь просвещенное, во многом отличалось большей толерантностью.

Джейми задумался, правой рукой выстукивая ритм по бочке соленой свинины.

– Думаю, с этим проблем не возникнет, – ответил он наконец. – В рабство ее точно не обратят. Даже если отец был из рабов (хотя тому нет никаких доказательств), ребенок всегда приобретает статус матери. А та женщина рабыней не была.

– Ну, по крайней мере, на словах. – Я вспомнила зарубки на дверном косяке. – А если забыть о рабстве и посмотреть глубже?..

Джейми вздохнул.

– Нет, не думаю. В Чарльстоне, где ей пришлось бы возвращаться в общество, еще возможно, но в здешнем захолустье?

Он пожал плечами. Наверное, так и есть. Здесь, вблизи границы с индейцами, немало детей-полукровок: поселенцы часто берут жен из чероки. Связи с чернокожими случаются реже, зато в прибрежных районах мулатов довольно много. Правда, большинство из них рабы...

Маленькой мисс Бердсли вряд ли грозит знакомство с высшим обществом, если мы оставим ее с Браунами. Здесь богатство куда важнее цвета кожи. А вот с нами ей придется сложнее, потому что Джейми был (и всегда будет, несмотря на тощий кошель) джентльменом.

– И последний вопрос, – сказала я, прижимаясь щекой к его руке. – Почему ты мне предлагаешь?

– О... Ну, я подумал... – Он отвернулся. – Ты ведь говорила недавно. Что могла сделать операцию и стать бесплодной, но рискнула ради меня. Вот я и решил... Я не хочу, чтобы ты вынашивала еще одного ребенка, – твердо сказал он, глядя в пустоту. – Я не могу рисковать тобой, саксоночка. У меня уже есть дочери и сыновья, племянники и племянницы, внуки... Но мне не будет жизни без тебя, Клэр. В общем, я подумал... Если вдруг ты хочешь ребенка, я мог бы тебе его дать.

Глаза защищало от слез. В кладовой было холодно, и пальцы почти не гнулись. Я крепко сжала руку Джейми.

Пока он говорил, я просчитывала мысленно все ходы и варианты. Впрочем, думать уже было не о чем, я приняла решение. Ребенок всегда становится соблазном и для плоти, и для духа; я знала, какую радость дарует безграничное единство с ним и какую муку доставляет разлука, когда ребенок обретает самостоятельность.

И я уже пересекла невидимую черту. Не знаю, был ли мне с рождения дан некий лимит, или я просто вся, без остатка, окунулась в другие обязательства... Так или иначе, я с лихвой исполнила свой материнский долг.

Я прижалась лбом к груди Джейми и проговорила в грубую ткань над его сердцем:

– Нет. Но, Джейми... как же я тебя люблю!

* * *

Мы долго стояли, обнявшись. С той стороны перегородки доносились шумные голоса, а мы молчали, храня покой и умиротворение. Слишком мы устали, чтобы покидать это бесхитростное убежище.

– Надо идти, – пробормотала я в конце концов. – А то прямо здесь и уснем, среди копченых окороков.

Джейми хрипло засмеялся, однако ответить не успел – кто-то встал в дверях, укрывая нас тенью.

Джейми вскинул голову, сжимая мне плечи, но тут же выдохнул и ослабил хватку, позволяя повернуться.

– Мортон... Какого черта вы еще здесь?

Как по мне, Исая Мортон мало походил на лихого соблазнителя. Впрочем, о вкусах не спорят. Он был ниже меня, зато с широченными плечами, бочкообразным торсом и довольно кривыми ногами. Глаза у него оказались симпатичные, и волосы красиво кудрявились, правда, в темноте кладовой я не могла разобрать их цвет. А еще он был довольно молод: вряд ли старше двадцати лет.

– Полковник, мэ, – шепотом пробормотал он. – Простите, не хотел вас пугать. Просто услышал голос полковника и решил: вот удача-то.

– Удача, значит? – хищно прищурился Джейми.

– Ага, сэр. Я все думал, как бы выманить Элли из дому, и тут услышал вас с вашей леди...

– Мортон, – начал Джейми. – Вы почему еще здесь? Разве Фергус не сказал, что отряд распускается?

– Да, сэр, сказал, еще как сказал. – Мортон чуть встревоженно поклонился Джейми. – Я ж не могу уйти, сэр, не повидавшись с Элли.

Я выразительно кашлянула и посмотрела на Джейми. Тот вздохнул.

– Э... Боюсь, мисс Браун уже наслышана о ваших обязательствах, – тактично заметила я.

– А? – глупо моргнул тот, и Джейми раздраженно хмыкнул.

– Она хочет сказать, девушка уже знает о вашей жене. И если ее отец не пристрелит вас на месте, она сама вырежет вам сердце. А если не они, так я самолично удавлю вас голыми руками. – Джейми расправил плечи, вытягиваясь во весь рост. – Что вы за мужчина такой, если награждаете девушку ребенком, которому нельзя дать ваше имя?

Даже в полумраке кладовой было видно, как побелел Исайя Мортон.

– Каким еще ребенком?

– Она беременна, – холодно пояснила я.

– Беременна, – повторил Джейми. – И лучше вам, чертов двоеженец, бежать прежде, чем...

Он вдруг замолк, потому что Исайя вытащил из-под плаща взведенный пистолет.

– Вы уж простите, сэр, – забормотал он, облизывая губы и переводя взгляд с меня на Джейми. – Не хочу случайно ранить вас, сэр, а уж вашу даму – тем более. Но вы ж понимаете, мне очень надо повидаться с Элли.

Губы у него подрагивали, однако пухлые черты лица вдруг заострились, и оружие он держал весьма уверенно.

– Мэм, будьте добры, идите в дом и позовите Элли... А мы с полковником пока подождем здесь.

Испугаться я толком не успела, зато от изумления лишилась дара речи. Джейми закрыл глаза, словно вознося молитву, потом вздохнул, выпуская белое облачко.

– Опустит-ка ты оружие, идиот, – почти ласково велел он. – Сам знаешь, что не сумеешь в меня выстрелить.

Исайя закусил губы и крепче перехватил рукоять. Я затаила дыхание. Джейми глядел на него с жалостью и укоризной. Наконец палец на спусковом крючке расслабился и Исайя опустил пистолет, уставившись в пол.

– Я просто хочу повидать Элли, полковник, – прошептал он, не поднимая головы.

Я вздохнула и посмотрела на Джейми. Тот замешкался было, но все-таки кивнул.

– Ладно, саксоночка. Только осторожно.

Я поспешила в дом, услышав за спиной, как Джейми пробормотал на гэльском что-то про выживших из ума. Уж не знаю, кого именно он имел в виду. Если Брауны проводят о свидании, несдобровать будет всем – и нам в том числе.

На полу валялись вперемежку спящие тела, завернутые в одеяла, хотя

кое-кто еще сидел возле очага, передавая по кругу бутыль. Я пригляделась: Ричарда Брауна, слава богу, среди них не было.

Я прошла по комнате, осторожно переступая через спящих, заглянула в кровать у стены. На ней крепко спали Ричард Браун с супругой, низко надвинув колпаки, хотя в доме было душно из-за множества гостей.

Алисию Браун стоило искать только в одном месте. Я тихонько, как могла, отворила люк на чердак. Люди возле очага ничего не заметили. Один из них как раз пытался напоить Хирама из кувшина.

Наверху оказалось неожиданно холодно, потому что крохотное окошко под крышей было открыто нараспашку, и ледяной ветер надул в него снег. В сугробе лежала Алисия Браун, причем совершенно голая.

Я встала рядом, глядя на нее сверху вниз. Она распростерлась на спине, сложив на груди руки. Девушка дрожала от холода, однако свирепо жмурила глаза. За шумом снизу она не слышала моих шагов.

– Чем это вы тут занимаетесь? – вежливо спросила я.

Она взвизгнула и рывком села, прижимая к губам руку.

– Я слыхала о многих способах избавиться от ребенка... – Я сняла с койки одеяло и накинула девушке на плечи. – Но замерзнуть насмерть – это что-то новое.

– Если я ум-мру, от реб-бенка не нужно б-будет избавляться, – веско заметила она и все же, стуча зубами, завернулась в одеяло.

– Как по мне, не самый лучший способ самоубийства... Хотя не мое дело. Впрочем, вам стоит задержаться в этом мире – мистер Мортон в кладовой и отказывается уезжать, пока не поговорит с вами. Давайте-ка вставайте и оденьтесь уже.

Изумленно округлив глаза, она вскочила и тут же чуть не упала – мышцы заоченели от холода. Я, слава богу, успела подхватить. Кое-как завязывая ленты негнущимися пальцами, Алисия Браун принялась торопливо одеваться.

Вспомнив о словах Джейми, я не стала сопровождать девушку. Если ее кто-то увидит, решит, что она идет в уборную. Мое присутствие, несомненно, вызовет лишние вопросы.

Оставшись на темном чердаке одна, я запахнулась в плащ и подошла к узкому окну, решив немного выждать, прежде чем спускаться. Внизу тихо стукнула дверь кладовой. Судя по радостному лицу девушки, убивать Мортон она не собиралась, хотя одному богу известно, что эти двое способны натворить.

Облака уже разошлись, и передо мной раскинулся залитый лунным светом пейзаж. Через дорогу стояла темная конюшня. Как и предвещал

Джейми, ветер сменился, и с навеса то и дело падали белые комья снега.

Несмотря на досаду из-за молодых любовников и вообще весь комизм ситуации, я испытывала к ним некоторую симпатию. Похоже, они питают друг к другу искренние чувства.

А как же неизвестная жена Исайи?..

Я съежилась под плащом, дрожа от холода. Не стоит одобрять их поведение – я и не одобряла, – но кто может знать, какие тайны скрываются за стенами супружеской спальни? Мне ли искать соломинки в чужих глазах? Почти рассеянно я погладила золотой ободок обручального кольца.

Прелюбодеяние. Блуд. Предательство. Бесчестье. Слова падали, как комья талого снега, оставляя взамен черные дыры.

Можно, конечно, найти себе оправдание. В случившемся не было моей вины, я к этому не стремилась, напротив – боролась изо всех сил. Вот только выбор есть всегда... Я свой сделала – и потом жила с его последствиями.

Бри, Роджер, Джемми... Все дети, которые родятся у них в будущем... Они будут жить здесь, потому что в тот день, много лет назад, я сделала выбор на Крэг-на-Дун.

«Ты слишком многое на себя берешь» – так постоянно говорил мне Фрэнк, почти всегда неодобрительно, но порой и нежно, желая избавить меня от лишних забот.

А может, не было никакой нежности, просто я пыталась найти себе утешение? Каждый делает выбор, не зная, к чему он приведет. Далеко не все случившееся зависело от того моего решения. И не во всех бедах я виновата.

«Пока смерть не разлучит нас». Многие дают эту клятву и не задумываясь нарушают ее. Я же верила, что ни смерть, ни неверное решение не способны разрушить некоторые узы. К добру ли, к худу, я любила двоих мужчин – и оба они всегда будут со мной.

Самое страшное, что я ни капельки не сожалела о своем выборе и не испытывала вины. Будь у меня второй шанс, поступила бы так же.

Я вздрогнула, заметив внизу движение. Две темные фигуры бесшумно, как олени, бежали бок о бок, а за спиной у них вились на ветру плащи. Замерев на секунду возле конюшни, беглецы скользнули под навес.

Я высунулась в окно, не чувствуя, как обледенелые доски царапают ладони. Проснувшиеся лошади зафыркали и засопели. Шум в доме затих, только козел громко заблеял, видно, почуяв волнение лошадей.

Потом грянул мужской смех, заглушая любые шорохи. Где же Джейми? Я высунулась дальше, и ветер сорвал капюшон, бросая в лицо

снежную крошку.

Он тоже там был – брел к загону, поднимая белые облака пыльного снега. Что он делает?..

Неужели... затирает следы молодых любовников?!

Часть стены в загоне вдруг обрушилась, в дыру хлынуло облако пара, за которым выскочила лошадь, несущая на спине двух всадников, и галопом рванула на запад. Снег был неглубоким – три-четыре дюйма, не более, – и копыта оставляли в нем четкие следы.

В загоне заржала лошадь, потом другая. Снизу послышалась возня и бряканье металла – мужчины повскакивали и похватали оружие. Джейми исчез.

Из загона вдруг вырвались все лошади разом, сваливая остатки стены. Фыркая, храпя и толкаясь, они бросились прочь, только гривы с хвостами трепало на ветру. Самая последняя еле увернулась от удара хлыстом по задку.

Джейми отбросил хлыст и торопливо нырнул в конюшню, потому что дверь дома распахнулась, заливая двор светом.

Воспользовавшись переполохом, я незамеченной сбежала вниз. Все высыпали на улицу, даже кутающаяся в одеяло миссис Браун в ночном колпаке.

По дороге метались полуодетые люди, суматошно размахивая руками. Посреди толпы я увидела Джейми, который актерски изображал удивление. Отовсюду сыпались вопросы и предположения: «Напугали...», «Пантера?», «Черт бы ее побрал!».

В конце концов все единогласно согласились, что к утру лошади вернутся сами. Ледяной ветер сбивал с деревьев снег и норовил забраться под одежду.

– Вы бы остались на улице в такую погоду? – веско заметил Роджер.

Поскольку ни одно здравомыслящее существо не осталось бы (а лошади хоть и не мыслящие, но в здравости сознания им не откажешь), пыл азарта понемногу схлынул, и люди стали расходиться по домам, ворча под нос.

Одним из последних был Джейми. Он повернулся и увидел меня на крыльце. Перехватив мой взгляд, он выразительно возвел глаза к небу и чуть заметно пожал плечами.

Я прижала к губам застывшие пальцы и послала ему воздушный поцелуй.

**Часть четвертая. Не слышу музыку, но
слышу бой барабанов**

Глава 33. Рождество дома

– А что бы ты сделал? – спросила Брианна, осторожно перекатываясь на узкой кровати Уэмиссов, чтобы пристроить острый подбородок на плече у Роджера.

– С чем?

Отогревшись впервые за много недель, набив желудок сытным ужином миссис Баг и уютно устроившись в постели с женой, Роджер испытывал приятную сонную лень.

– С Исайей Мортонем и Алисией Браун.

Роджер от души зевнул, хрустнув челюстью, и устроился поудобнее. Набитый кукурузными листьями матрас громко зашуршал. Наверное, их с Брианной недавние игры слышал весь дом... Впрочем, плевать. В честь его возвращения она вымыла голову, и волосы теперь мягко лежали на груди, мерцая в тусклом свете очага. На улице еще не стемнело, но Роджер и Брианна все равно закрыли ставни, создавая иллюзию, будто находятся в крохотной пещере на двоих.

– Не знаю. Наверное, то же, что и твой отец... Ты так вкусно пахнешь...

Он намотал прядь волос на палец.

– Спасибо. Я попробовала тот новый шампунь, который мама сделала из масла грецкого ореха и бархатцев. А как же бедная жена Исайи из Гранит-Фолс?

– А что она? Джейми все равно не заставил бы Мортоня вернуться к ней против воли... если она вообще жаждет его возвращения. И вряд ли ту девушку, Алисию, он увез силой, иначе твой отец не стал бы покрывать их побег. – Роджер откинулся на подушку, поглаживая пальцем рыжую бровь. – Думаю, самое лучшее, что можно было сделать в тех обстоятельствах – это дать молодым немного форы. А к утру снег смешался с грязью, так что и стаю медведей не выследишь, не говоря уж о парочке влюбленных.

Морозы сменились оттепелью, и домой милиционеры приехали в добром расположении духа, но по уши в грязи.

Брианна вздохнула, и от теплого воздуха по груди Роджера побежали мурашки. Она вдруг приподняла голову, с любопытством их разглядывая.

– Что такое? Я не всю грязь смыл?

Роджер умывался довольно торопливо, спеша в теплую постель.

– Нет. Просто мне нравится, когда у тебя мурашки. Волоски на груди встают дыбом, а соски сморщиваются.

Она пощекотала один из них, вызывая на радость себе новую волну мурашек. Роджер недовольно заерзал. Надо бы сменить тему. Он глубоко вздохнул и оторвал голову от подушки, с интересом принюхиваясь к густым ароматам, текущим с кухни.

– Что готовят?

– Гуся. Точнее, гусей, их там с десяток.

В голосе Брианны отчего-то послышалось сожаление.

– Здорово... – Он лениво провел ладонью по ее спине, бледно-золотой от сияния свечи. – А по какому случаю? Из-за нашего возвращения?

Брианна смерила Роджера долгим пристальным взглядом.

– На Рождество.

– Что?! – Он заморгал, пытаясь подсчитать дни; календарь в голове начисто сбился. – Когда?

– Завтра, идиот ты эдакий, – с нарочитым вздохом проговорила она, подалась ближе и проделала что-то невообразимое с его соском, а потом в шорохе постельного белья сползла вниз, лишая Роджера уютного тепла. – Ты что, не видел украшения в доме? Мы с Лиззи заставили чертенят Чишолмов наломать еловых веток и три дня плели венки и гирлянды.

Ее голос из-под надеваемой сорочки звучал неразборчиво, но, как Роджер смел надеяться, без особой обиды.

Он сел и свесил ноги, поджав пальцы, когда босые ступни коснулись холодных деревяшек пола. В их собственной хижине у кровати лежал плетеный коврик, однако там сейчас обосновались Чишолмы... Роджер запустил руку в волосы, срочно придумывая себе оправдание.

– Я ничего перед собой не видел, только тебя одну.

Это истинная правда – а она, как известно, лучше самой сладкой лжи. Высунув голову из сорочки, Брианна с прищуром уставилась на Роджера, но, увидев его искренний взгляд, медленно улыбнулась.

Она подошла к постели и обняла его, окутывая запахом бархатцев, душистого белья и молока. Ребенок скоро опять проголодается... Смирившись, Роджер обхватил ее за бедра и привлек к себе, чтобы хоть на секунду прижаться лицом к пышной груди.

– Прости... Совсем забыл. Иначе обязательно привез бы тебе с Джемом что-нибудь в подарок.

– Что, например? Кусочек Исайи Мортонна?

С тихим смехом она высвободилась и стала заплетать волосы. На запястье покачивался браслет, который Роджер подарил ей в прошлый

сочельник.

– Ага. Из его шкуры вышел бы неплохой переплет для книги. Или ботиночки Джемму.

Путь домой был неблизок. Роджер не чуял под собой ног от усталости и хотел лишь одного подарка: снова нырнуть с Брианной в постель и провалиться в глубокий сон любовных грез. Однако его звал долг, и Роджер, зевая и помаргивая, встал.

– Значит, на ужин сегодня гусятина? – уточнил он, копаясь в грудке грязной одежды. Где-то должна быть чистая рубашка, но раз хижину заняли Чишолмы, а Брианна перебралась в комнату Уэмиссов, Роджер не представлял даже, где теперь искать свои вещи. Да и нет смысла надевать чистое, чтобы отмывать хлев или кормить лошадей. Переоденется потом, к ужину.

– Угу. А на завтра миссис Баг запечет половину свиной туши. Гусей я подстрелила вчера, и она решила их не коптить. Мы надеялись, вы успеете вернуться к празднику.

В ее голосе опять прозвучали странные нотки.

– Ты что, не любишь гусятину?

– Никогда ее даже не пробовала. Роджер...

– А?

– Просто хотела спросить. Ты знаешь...

– Что знаю?

Голову еще заполнял приятный туман усталости и любовного истощения. Брианна успела надеть платье и уложить косу, а он до сих пор искал чулки и ботинки. Роджер рассеянно тряхнул штаны, и осыпавшиеся с них комки грязи градом застучали по деревянному полу.

– Ты что делаешь! Что с тобой такое?! – рявкнула вдруг Брианна. Она раздраженно вырвала у него штаны, распахнула ставни и с силой принялась выбивать их за окном. Потом швырнула штаны через всю комнату обратно Роджеру.

– Эй! Это с тобой что такое?!

– Со мной?! Ты раскидал грязь по всему полу – и обвиняешь меня?!

– Прости. Я не подумал...

Она сдавленно хмыкнула. Роджер торопливо сунул ногу в штанину, повинувшись чисто мужскому рефлексу. Назревала буря, а любую опасность лучше встречать не с голой задницей. Поспешно завязывая пояс, он затараторил:

– Слушай, прости, я совсем забыл, что скоро Рождество. Я... у меня были важные дела. Я все исправлю. Давай, когда поедем в Кросс-Крик на

свадьбу твоей тетушки, я...

– К черту гребаное Рождество!

– Что?..

Он замер, так и не успев застегнуть штаны. Даже в сумраке комнаты было видно, как Брианна наливается краской.

– К черту Рождество, и Кросс-Крик пусть катится ко всем чертям вместе с тобой!

Мимо его уха просвистела деревянная мыльница, с силой грохнувшая о стену.

– Да подожди ты, черт бы тебя побрал!

– Не смей при мне выражаться!

– Ты ведь сама...

– У тебя, значит, «важные дела», да?!

Брианна схватила с умывальника большой фарфоровый кувшин. Роджер пригнулся, но она опомнилась и поставила его на место.

– Я весь последний месяц провела по уши в стирке и детском дерьме, среди истеричек и орущих младенцев, пока ты занимался своими «важными делами», и вот ты заявляешься весь в грязи и топчешься по чистым полам! Ты хоть представляешь, каково скоблить их, стоя на четвереньках? Этим гребаным щелоком?

Она затрясла перед ним руками.

– Ты даже на сына не взглянул и ни слова о нем не спросил – а он, между прочим, научился ползать! Тебе хотелось поскорее завалиться в постель, и ты даже не побрился!..

Роджер почесал куцую бороду.

– Я... хм... просто решил, что ты тоже хотела...

– И пусть! – Брианна топнула, поднимая облачко пыли. – Это здесь ни при чем!

– Ладно. – Он наклонился за рубашкой, опасливо кося на Брианну одним глазом. – Выходит, ты так взъерилась, потому что я не заметил чистые полы?

– Нет!

– Нет, – повторил он, глубоко вдохнул и попробовал снова: – Значит, из-за того, что я забыл про Рождество?

– Нет!

– Тогда потому, что я поспешил заняться с тобой любовью?

– НЕТ! Ты можешь уже заткнуться?!

Роджер и сам над этим подумывал. Однако непреодолимое желание докопаться до правды его не оставляло.

- Тогда я не понимаю, почему...
- Вот именно! В этом-то все и дело!

Развернувшись на голых пятках, она протопала к сундуку возле окна и принялась в нем рыться, что-то злобно бормоча под нос.

Усилием воли Роджер смолчал и рывком натянул грязную рубашку. Он был раздражен и чувствовал себя виноватым – убойная смесь эмоций. Дальше он одевался в напряженной тишине, то и дело порываясь задать новый вопрос, но вовремя спохватываясь, чтобы не разжечь ссору.

Брианна нашла чулки, судорожно натянула их и сунула ноги в разбитые ботинки. Встала лицом к окну и часто задышала, точно перед прыжком в воду.

Роджера так и подмывало сбежать, пока она не видит. И все же он не мог уйти, не выяснив сперва, где совершил ошибку (одному Господу ведомо какую!). Он подошел к ней сзади и положил руки на плечи. Брианна его не оттолкнула, не попыталась засадить ботинком по ноге или заехать коленом в пах, поэтому он рискнул скользнуть губами по ее затылку.

- Так что ты говорила о гусях?

Она глубоко вздохнула и обмякла. Кажется, злость угасла так же быстро, как вспыхнула. По-прежнему ничего не понимая, Роджер обнял Брианну за талию и привлек к себе.

- Вчера миссис Аберфельд сожгла печенье на завтрак, – начала она.

- Ох. Правда?..

– Миссис Баг обвинила ее, что она слишком много внимания уделяет своей дочери, вместо того чтобы следить за плитой. И кто, мол, вообще кладет чернику в тесто?

- А что, нельзя?

– Понятия не имею. Миссис Баг считает, что нет. Потом Билли Маклауд упал с лестницы, и мы никак не могли найти его мать – она ушла в уборную и застряла, и...

- Что-что?!

Миссис Маклауд была низенькой, но довольно пухлой, а ее сиденье под юбкой так и вовсе напоминало два пушечных ядра в мешке. Картина получалась донельзя зрелищной; Роджеру стало смешно.

- Не надо над ней смеяться! Она теперь вся в занозах...

Несмотря на упрек, Брианна и сама тряслась со смеху.

- Господи... А потом что?

– Ну, Билли орал во все горло... он ничего не сломал, но довольно сильно стукнулся головой, и миссис Баг выскочила из кухни с метлой наперевес – она решила, будто на нас напали индейцы. А миссис Чишолм

как раз нашла миссис Маклауд в уборной и начала нас звать... И тут миссис Баг поднимает голову и вдруг как завопит: «Гуси!», так громко, что все разом заткнулись, а она бежит в отцовский кабинет, хватает ружье и сует мне в руки.

За рассказом Брианна успокоилась и прильнула к Роджеру спиной.

– Я так рассвирепела, пальцы просто чесались кого-нибудь убить. А гусей было очень много – ты же знаешь, как они обычно летают?

Да, Роджер не раз видел неровный темный клин, пронзающий зимнее небо, слышал крики, рождающие в сердце странное чувство одиночества и стремление последовать вслед за ними.

Все выбежали посмотреть. Детеныши Чишолмы со своими дикими, едва прирученными щенками носились взад-вперед, собирая упавшие тушки, а Брианна все стреляла и стреляла, торопливо перезаряжая ружье.

– Одна из собак стала жрать гуся, а Тоби пытался разжать ей челюсти, и она его тяпнула, и он заметался, заорал, что ему отгрызли палец; весь перемазался кровью, и мы никак не могли его поймать и посмотреть, что там на самом деле; и мамы, как назло, не было, а миссис Чишолм ушла к ручью с близнецами...

Брианна снова окаменела, наливаясь краской. Роджер обнял ее крепче.

– Что, палец впрямь откусили?

Она помолчала, потом вздохнула.

– Нет. Даже кожу не порвали, а кровь была гусиной.

– Ясно. Все же здорово, правда? Кладовая полна мяса, палец на месте, и дом еще стоит...

Он сказал это в шутку и удивился, когда Брианна задышала часто-часто.

– Да, – произнесла она с чувством глубочайшего удовлетворения. – Я справилась. Все живы, здоровы и сыты. И даже обошлось без кровопролития... почти, – добавила она.

– Как там говорят: лес рубят – щепки летят? – Роджер засмеялся и подался вперед, чтобы ее поцеловать, потом вспомнил про бороду. – Ой, прости. Мне побриться, да?

– Не надо. – Она провела пальцем по его челюсти. – Мне даже нравится. Побриться ты всегда успеешь.

– Да, успею...

Он поцеловал ее. Значит, вот в чем дело? Брианне хотелось, чтобы ее похвалили? Если так, она заслужила. Роджер знал, что она не сидела у очага и не пела Джемму колыбельные... но он и не подозревал, что все было настолько жутко.

Пахло можжевельником, смолой и свечным воском. Обычно Брианна берегла дорогие свечи и подпаляла масляную лампадку, однако сейчас спальню заливал мягкий золотистый свет от трех подсвечников. Роджер вспомнил, как они занимались любовью и на коже Брианны плясали рыжие блики, а в сокрытых обычно местах залегали малиновые и фиолетовые тени, отчего простыни казались еще белее.

Пол был чистым – до недавних пор, – в углах лежали пучки ароматного розмарина. Кровать застелена свежим бельем. Брианна ждала его возвращения – а он ворвался, весь полный впечатлений, ожидая похвалы за то, что уцелел, и не замечая ничего, будучи ослепленным одним лишь желанием поскорее завалить ее в постель.

– Эй, – прошептал он ей на ухо. – Может, я и дурак, но я люблю тебя.

Она глубоко вздохнула, ткнувшись в него полной молока грудью, теплой даже сквозь слои одежды.

– Да, ты дурак. Но я тоже тебя люблю. И рада, что ты вернулся.

Он рассмеялся и выпустил ее. Над окном висела веточка можжевельника, сгибающаяся под тяжестью сине-зеленых ягод. Роджер отломил ее и знаком примирения заправил в вырез платья.

– Счастливого Рождества. Так что там с гусями?

С легкой улыбкой Брианна погладила колючие иголки.

– Ну... неважно. Просто...

Он проследил за ее взглядом, обернулся и увидел на умывальнике лист бумаги. Это был рисунок древесным углем: в штормовом небе дикие гуси рвались сквозь ветер, гнувший кроны деревьев. При виде его в груди вновь рождалось то самое чувство: то ли радость, то ли боль.

– Счастливого Рождества, – тихо сказала Брианна. Она встала рядом, обнимая Роджера за талию.

– Спасибо. Боже, Брианна, ты просто чудо!

Он жадно поцеловал ее, чтобы унять странную тоску.

– Взгляни, там еще один.

Все-таки Брианна отлично рисует, так, что кровь стынет в сердце. На верхнем листе она изобразила ярость грозового неба, волю и невероятное мужество. Нижний рисунок, пусть и в тех же черно-серых тонах, был совсем другим.

Мертвый гусь висел, подвешенный за лапы. Шея выгнута, крылья распластаны, а клюв полуоткрыт, словно даже в смерти он звал товарищей. Каждое перо было прописано до мельчайших деталей. Роджер еще никогда не видел чего-то столь прекрасного... и безжизненного.

– Я рисовала прошлой ночью, – негромко сказала Брианна. – Все

спали, а я не могла.

Не находя себе покоя, она слонялась по пустым коридорам, а потом, несмотря на холод, вышла и стала бродить по двору. В коптильне мерцали угли; она заглянула туда и поразилась красоте висящих гусей, белеющих на фоне зачерненных стен.

– Я проверила, спит ли Джемми, потом принесла этюдник и рисовала, пока пальцы не замерзли так, что я не чувствовала в руке уголь.

Только сейчас Роджер заметил на ее лице синие тени и представил, как поздно ночью, при одной лишь свече, она рисует мертвых гусей. Он хотел обнять ее, но она отвернулась и отошла к окну с дрожащими ставнями.

Морозный ветер рвал с деревьев последние серые листья и каштаны, которые картечью стучали по крыше.

– Перед самыми родами па рассказывал мне всякие истории. Я тогда мало что слышала... Хотя кое-что все-таки запомнила.

Брианна прижалась спиной к ставням, рукой держась за подоконник.

– Он сказал, если охотник убивает серого гуся, то нельзя уходить сразу. Серые гуси образуют пару на всю жизнь, и если убить одного, второй будет оплакивать его до самой смерти. Если подождать немного, тот, второй, прилетит, и его тоже надо убить.

Глаза у нее были темными, и пламя свечи плясало в их глубине синими искрами.

– Вот я и подумала: вдруг так со всеми гусями? Не только серыми?

Роджер откашлялся. Ему хотелось успокоить ее – но не горькой ложью.

– Не знаю. Ты боишься, что у убитых тобой птиц остались пары?

Она плотно поджала губы.

– Не боюсь. Просто не могу выбросить эти мысли из головы. Что они летают там... одни. Ты уехал, а я все думала... ну, то есть я знала, что с тобой все будет хорошо... в этот раз, зато потом, в другой раз, ты можешь и не вернуться... А, ладно, забудь. Глупости.

Она хотела пройти мимо него в глубь комнаты, но Роджер поймал ее и крепко обнял, не давая увидеть своего лица.

В обычной жизни он Брианне ни к чему – он не умеет ни косить сено, ни пахать, ни охотиться. Если надо, она сделает все сама... или найдет себе другого мужчину. Вот только этим разговором о диких гусях она намекала: он нужен ей, и она будет его оплакивать. Может быть, всю жизнь. И в теперешнем его настроении это был самый ценный подарок.

– Знаешь, – тихо сказал он ей в волосы, – когда я был ребенком, соседи держали гусей. Таких здоровенных белых тварей. Целых шесть штук; они

сбились в настоящую банду и запугали всю улицу.

– И тебя тоже?

Дыхание Брианны ласково пощекотало ключицу.

– Еще как. Только мы начинали играть, как они выскакивали, орали во все горло, клевали нас, били крыльями. Если я хотел выйти во двор, приходилось звать миссис Грэхем, чтобы та загнала этих тварей обратно в загон. А однажды утром приехал молочник. Они, как всегда, бросились на него, напугали лошадь, и та понесла. Прежде чем ее успели поймать, тележкой задавило двоих гусей. Прямо в лепешку смяло. Дети были в восторге.

Брианна не без удивления рассмеялась ему в плечо.

– И что было дальше?

– Миссис Грэхем их ощипала, и всю неделю мы ели пироги с гусятиной, – невозмутимо ответил Роджер. – Вот что я знаю о гусях: они те еще сволочи, но на вкус – объедение.

Он наклонился за грязным пальто.

– Ладно. Пойдем, я помогу твоему отцу с делами, а потом посмотрю, как мой сын умеет ползать.

Глава 34. Амулет

Я коснулась блестящей белой поверхности и на пробу потерла подушечки пальцев.

– Нет ничего жирнее гусиного сала, – одобрила и взяла большой черпак.

– Ага, корочка на выпечке получается просто загляденье, – согласилась миссис Баг. Стоя на цыпочках, она ревностно следила, как я разливаю топленый жир на два горшка: один для кухни, второй для хирургического кабинета.

– На Хогманай^[56] мы испечем чудесный олений пирог. – Она мечтательно прищурилась. – А еще сделаем хаггис^[57], и каллен-скинк^[58], и кроуди^[59] с кукурузной крошкой... а на сладкое большущий пирог с изюмом, джемом и топлеными сливками!

– Отлично, – пробормотала я, строя на гусиный жир собственные планы, вроде мази из дикой сарсапариллы для ожогов и ссадин, ментолового бальзама для заложенных носов и чего-нибудь успокаивающего и душистого для опрелостей... может, из лаванды и размельченных листьев бальзамина?

Я взглянула под ноги в поисках Джема: он научился ползать всего пару дней назад, но уже развивал невероятную скорость, особенно когда его никто не видел. Однако он смиренно сидел в углу и грыз деревянную лошадку, которую Джейми вырезал ему в подарок.

Шотландские горцы, истинные католики, отмечали Рождество прежде всего как религиозный праздник. Священника у нас не было, и потому сегодняшний день прошел как обычное воскресенье, разве что мы накрыли более обильный стол и обменялись небольшими подарками. Мне от Джейми достался деревянный черпак с резной ручкой (которым я, собственно, и орудовала); я же одарила его новой рубашкой с пышным кружевным воротником для торжественных случаев, а то старую он износил до дыр.

Мы с миссис Баг, Брианной, Марсали и Лиззи предусмотрительно наварили целую гору ирисок, которую рассовали всем детям, что только попались на глаза. Пусть для зубов вредно, зато на какое-то время рты посклеивались (даже неугомонный Жермен только изредка побулькивал) и мы смогли насладиться тихим вечером.

А вот Хогманай – совсем другое дело. Бог знает, из каких языческих

глубин идут корни этого праздника; главное, заранее запастись целебными средствами, пока Джейми решает, достаточно ли созрел виски.

Я разлила почти весь жир, только на самом дне котла плескался темный бульон с клочками кожицы и волокнами мяса. Миссис Баг уже присматривалась к нему, обдумывая рецепт подливы.

– Пополам, – строго сказала я, протягивая руку к большой бутылки.

Миссис Баг пожала круглыми плечами и спросила, глядя, как я укрываю горлышко платком:

– А что вы с ним будете делать? Гусиный жир – понятно, он для мазей. Бульон, конечно, тоже полезен при лихорадке, но вы же знаете, он быстро скисает. – Она выразительно приподняла бровь: вдруг я не знаю? – Через день-другой весь пойдет плесенью.

– Вот и славно, – ответила я, переливая жидкость в бутылку. – Я как раз заложила новую партию хлеба. Заодно проверю, как плесень растет на бульоне.

Ее очень пугало, как бы моя страсть к гнилым продуктам не перекинулась на кухню. Миссис Баг опасливо покосилась в сторону кладовой и смерила меня подозрительным взглядом.

Я отвернулась, чтобы спрятать улыбку, и заметила котенка Адсо, который стоял на задних лапках, когтями царапая столешницу и увлеченно наблюдая за черпаком.

– О, ты тоже хочешь?

Я достала блюдце и до краев наполнила его густым бульоном с кусочками мяса и белыми шариками жира.

– Это из моей половины, – предупредила я миссис Баг.

Та решительно затрясла головой.

– Ни в коем случае, миссис Фрейзер. Парнишка за последние два дня поймал с полдюжины мышей. – Она нежно улыбнулась котенку, который пулей соскочил с лавки и жадно начал лакать бульон. – Уж поверьте, этот красавец на моей кухне получит все, чего только пожелает.

– Правда? Отлично! Может, он и у меня в хирургическом кабинете поохотится?

Нас атаковали полчища мышей: холода загнали их в дом, и теперь они бегали под полами, ночью, а порой и днем, выскакивая из открытого шкафа или щели в стене, отчего сердце замирало в груди, а тарелки под аккомпанемент испуганного визга летели на пол.

– Ну, мышей можно понять... – многозначительно протянула миссис Баг. – Они всегда заводятся там, где пища.

Бульон чуть было не пролился мимо горлышка бутылки: платок забило

гущей. Я выложила ее в блюдечко Адсо и вновь взялась за черпак.

– Верно, – ровным голосом ответила я. – Вы уж простите, плесень мне очень нужна. Это для лекарства, и...

– Да, конечно! Я знаю, – заверила миссис Баг. Как ни странно, сарказма в ее голосе не слышалось. – В Очтерлони жил один человек... Очтерлони – это такая деревня, у нас с Арчем там был дом. Так вот, этот Джонни Холат, он был колдуном, и люди его не любили, но все равно к нему шли. Одни приходили, чтобы купить разные травы и снадобья, а другие – за всякими заговорами. Ну, сами знаете...

Я неуверенно кивнула.

Действительно знаю. Порой травники-горцы торговали не только «снадобьями», но и якобы магическими штучками: приворотными зельями, средствами от бесплодия... По спине скользнуло что-то холодное, оставив неприятное ощущение, будто липкие следы улитки.

Я сглотнула, вспомнив пучок колючей травы, перевязанный черными и красными нитками. Его подложила мне под подушку одна ревнивая девушка по имени Лири – а купила она его у ведьмы Гейлис Дункан. Ведьмы такой же, как я...

Уж не к этому ли клонит миссис Баг? Она задумчиво наблюдала за мной, отчего-то растеряв всю свою болтливость.

– Тот еще грязнуля, Джонни Ховат. У него не было женщины, чтобы прибраться в доме, и в хижине всегда ужасно воняло. И от него самого тоже.

Она поежилась, хотя за спиной жарко пылал очаг.

– Я порой встречала его в лесу или на болоте, он копался в земле. Искал всяких дохлых тварей, чтобы из костей или зубов сделать амулеты. Он всегда носил такую широкую рубаху, и кое-кто видел, как она торчит в разные стороны, а из-под нее капает кровь...

– Картина жуткая. – Я снова соскоблела с платка гущу и зачерпнула еще бульона. – Но люди ведь все равно к нему ходили?

– Больше ж никого не было, – коротко ответила она и, не моргая, уставилась на меня, теребя что-то в кармане. – Джонни брал землю с кладбищ, куриную кровь, растирал кости в порошок... Вы... – она задумчиво кивнула мне строгим белым чепцом, – вы совсем другая.

– Спасибо.

Ее признание меня и повеселило, и растрогало. Из уст миссис Баг это был самый настоящий комплимент.

– Но вот заплесневелый хлеб! – Она строго поджала губы. – И та языческая штука в вашем шкафу... Это ведь правда, да? Вы тоже колдунья,

как Джонни?

Я замешкалась, не зная, что ответить. В памяти впервые за много лет всплыли воспоминания о Крейнсмуре. Не хотелось бы, чтобы миссис Баг распространяла разные сплетни – обо мне и без того шла нехорошая слава. Не то чтобы я боялась судебного процесса... Однако одно дело – иметь репутацию целительницы, которая помогает людям, и совсем другое – ведьмы, торгующей заговорами.

– Нет, – настороженно ответила я. – Я много знаю о растениях, а колдовать и накладывать чары не умею.

Она удовлетворенно кивнула, будто я подтвердила ее подозрения, а не опровергла.

Однако возразить я не успела – из-под ног раздался жуткий звук, точно на горячую сковороду плеснули водой. Джемми надоела его игрушка, и он решил взглянуть, что у кота в блюде. Адсо делиться лакомством не пожелал и громко зашипел, перепугав ребенка. Тот заревел во все горло, отчего котенок сам испуганно шмыгнул под скамью: наружу торчал лишь розовый нос и нервно шевелящиеся усы.

Я подхватила Джемми, вытирая слезы, а миссис Баг заглянула в котел с остатками бульона и вытащила большую косточку с белым круглым хрящом на конце.

– Вот, держи.

Она покрутила ею перед носом Джемми. Тот сразу же замолчал, сграбастал косточку и запихнул в рот. Другую кость – из крыла, с волокнами мяса – миссис Баг положила в блюдо.

– А это тебе, мой мальчик, – сказала она в тень под скамьей. – Только не набивай пузо, оставь местечко для мышек.

Потом вернулась к столу и стала перекладывать кости в кастрюльку.

– Поджарю их для супа, – сказала она, не поднимая глаз. И тут же, не меняя тона, добавила: – Я ходила к нему как-то раз. К Джонни Холату.

– Правда? – Я села, удерживая Джемми на коленях. – Вы были больны?

– Я хотела ребенка.

Я не знала, что и сказать. Сидела неподвижно, слушая, как бульон капает с платка. Миссис Баг молча отнесла кастрюльку с костями к очагу.

– За год я скинула ребенка четыре раза. Сейчас по мне и не скажут, но тогда я превратилась в настоящий скелет, лицо было белое, как разбавленное молоко, а грудь висела тряпкой.

Она поставила кастрюлю на угли и плотно закрыла крышкой.

– Поэтому я взяла все деньги, что у нас были, и пошла к Джонни

Холату. Он положил деньги в горшок с водой. Посадил меня за стол, сам сел напротив, и мы долго-долго смотрели: я – на него, а он – на воду. Потом он встряхнулся, встал и ушел в глубь хижины. Там было темно, я не видела, что он делает; он покопался немного, бормоча себе под нос, затем вернулся и вручил мне амулет.

Миссис Баг подошла к столу и ласково положила руку на макушку Джемми.

– Он сказал, этот Джонни, что амулет укрепит мою утробу и позволит выносить дитя. Вот только он кое-что увидел в той воде и решил меня предупредить. Если я рожу живого младенца, мой муж умрет, так он сказал. Поэтому он даст мне зачарованный камень, а я уже буду сама решать. Так, мол, будет справедливо.

Кривоватые пальцы легонько погладили щечку Джемми. Тот, увлеченный новой игрушкой, ничего не замечал.

– Сперва я носила амулет в кармане, потом вытащила.

Я потянулась к ней и взяла за руку. Повисла тишина, только ребенок лепетал что-то да булькал суп в очаге. Миссис Баг постояла немного, потом высвободила пальцы и залезла в карман.

– Выкинуть его я так и не смогла, – сказала она, глядя сверху вниз на амулет, который положила на стол. – Он ведь обошелся мне в целых три серебряных пенни. Так что я взяла его с собой, когда мы уезжали из Шотландии.

На небольшом камушке, бледно-розовом, с серыми прожилками, кто-то выцарапал силуэт беременной женщины с огромным животом, распухшими грудями и выпяченными ягодицами. Я видела такие в музеях. Интересно, Джонни Холат сам его сделал или просто нашел этот реликт прежних времен в болоте?

Я погладила камушек. Неважно, действительно ли Джонни Холат видел будущее в том горшке... Ему хватило проницательности понять, как Мурдина Баг любит своего мужа. Порой женщине проще отказаться от надежды завести ребенка, считая это благородной жертвой во имя спасения любимого, чем день за днем терпеть горечь неудач... Колдуном он был или нет, людские души читать умел.

– В общем... – как ни в чем не бывало продолжила миссис Баг, – может, вам попадется какая-нибудь девушка, которой он нужен. Жаль, если пропадет зря.

Глава 35. Хогманай

Последняя ночь года выдалась ясной и холодной; сверкающая луна в фиолетово-черном небе заливала светом всю долину. Это было очень кстати, потому что в нашем доме собрались люди со всего Риджа.

Мужчины освободили большой сарай и расчистили пол для танцев. Рил, джига, страпей (и многие другие, которых я не знала) чередовались в свете фонарей под неуклюжие звуки скрипки Эвана Линдси, завывания рожка его брата Мердо и ритмичные удары бойрана Кенни.

Отец Турло Гатри захватил волынку, такую же ветхую, как и он сам. Старик не всегда попадал в такт с Линдсеями, а порой и вовсе исполнял что-то свое, однако какофония все равно получалась забавной, а виски с пивом только разжигали веселье.

Спустя час-другой я еле держалась на ногах. Шотландские рилы и сами по себе могут закружить так, что перед глазами все будет плыть, а уж под влиянием виски голова у меня и вовсе напоминала барабан стиральной машинки. После одного из танцев я, шатаясь, прислонилась спиной к подпорке крыши и закрыла один глаз в надежде остановить бешеное кружение.

Меня похлопали по плечу. Я повернулась и увидела Джейми – тот держал две кружки. Я вся взмокла и хотела пить, и потому мне было все равно, что в них. Оказалось, сидр, и я с радостью осушила кружку до дна.

– Будешь так пить – скоро свалишься, саксоночка.

Джейми поднес к губам свою кружку. Он тоже покраснелся и вспотел, но глаза у него весело сверкали.

– Ерунда.

Сарай перестал крутиться, и я вновь почувствовала себя бодрой.

– Как думаешь, сколько здесь людей?

– Было шестьдесят восемь, когда я считал последний раз. – Он прислонился к столбу рядом, с чувством глубочайшего удовлетворения разглядывая бурлящую толпу. – Правда, все ходят туда-сюда, так что я мог ошибиться. Ребяtnю я в расчет не брал, – добавил он, посторонившись, когда трое мальчишек с визгом промчались мимо нас.

Вдоль стен сарая сложили охапки сена, и там прикорнули самые маленькие дети. В свете фонаря блестели рыже-золотистые прядки: не обращая внимания на шум, сладко сопел Джемми. Брианна подошла на секунду проверить сына, потом взяла Роджера за руку, и, смеясь, они

нырнули обратно в толпу танцоров.

Люди постоянно выходили на улицу, особенно молодые парочки. Мороз щипал за щеки, но для разгоряченных тел то было лишь в радость. Мимо нас прошел старший сын Маклауда, обнимая одну из внучек мистера Гутри (у старика их было три – и все похожи друг на друга, не отличить). Джейми что-то произнес на гэльском, и у парня жутко покраснели уши, а девушка так и вовсе пошла малиновыми пятнами.

– Что ты им сказал?

– Сразу и не переведешь, – отмахнулся он и обнял меня за талию. Джейми весь пылал от виски и радости. Он заметил мой взгляд и улыбнулся. – Прогуляемся, саксоночка?

– Ну, если ты намекаешь... Хотя нет, лучше попозже.

Я кивнула ему за спину. На скамейке у стены пристроилась стайка пожилых дам, следящих за нами не хуже стервятников. Джейми величаво поклонился им, отчего они залились румянцем и захихикали.

– Ладно, – вздохнул он. – Позже так позже. Может, после первого гостя^[60].

Мелодия затихла, и люди ринулись к бочонку с сидром в дальнем углу сарая, где властвовал мистер Уэмисс. Танцоры сгруппировались возле него роем жаждущих пчел, была видна лишь его макушка, высветленная фонарем.

Я поискала взглядом Лиззи – весело ли ей? Кажется, да; она сидела на тюке сена в окружении четырех или пяти нескладных парней.

– Это кто там самый высокий? Я его не узнаю, – спросила я Джейми, кивком указывая на незнакомца.

Он прищурился.

– А-а, Джейкоб Шнелл. Приехал из Салема с другом. Они с Мюллерами.

– Ясно.

Путь из Салема недалек, около тридцати миль. Неужели такая долгая дорога – ради одного лишь праздника? Я огляделась в поисках Томми Мюллера (которого давно присмотрела в женихи Лиззи), но того что-то не было видно.

– И что ты знаешь об этом самом Шнелле?

Я придирчиво разглядывала парня. На год-два старше остальных, гарцующих перед Лиззи. Довольно высокий. Красавцем не назовешь, но симпатичный. Костистый, и уже сейчас намечается живот, который лет через десять вырастет в брюшко.

– Парня не знаю, знаком кое с кем из родственников. Семья достойная. Его отец, по-моему, сапожник.

Мы оба невольно уставились на ботинки Джейкоба Шнелла: не новые, но вполне приличные, с большими оловянными пряжками по немецкой моде.

Юного Шнелла, должно быть, выделяли среди прочих: он что-то шептал Лиззи на ухо, а она хмурила лоб, пытаясь в шуме разобрать слова, потом расхохоталась.

– Зря. – Джейми, чуть нахмурившись, покачал головой. – Он из лютеран, они не позволят парню жениться на католичке. А если и позволят, Джозеф не переживет разлуку с дочерью.

Отец Лиззи был глубоко к ней привязан; после долгого расставания с девочкой он больше никогда не отпустит ее так далеко.

– Он может поехать с ней.

Джейми неохотно кивнул.

– Не хотелось бы его терять. Впрочем, остается еще Арчи Баг...

Его прервал вопль: «Макдью!»

– Выходи, *Sheumais ruaidh*^[61], покажи, как это делается! – подхватил с дальнего угла Эван.

Танцы ненадолго прервались, чтобы музыканты могли перевести дух и выпить. Мужчины тем временем решили посоревноваться в пляске с мечами, для которой нужна лишь волынка или барабан.

Поднялся шум, доносились подбадривания или язвительные выкрики. Очевидно, мастерством участники не отличались – последний джентльмен, например, споткнулся о палаш и рухнул на пол; его, багрового от смущения, поднимали друзья, отряхивая одежду от налипшего сена и осыпая взамен беззлобными насмешками.

– Макдью! Макдью! – не унимались Кенни и Мердо.

Джейми со смехом отмахнулся.

– Нет, я уже давно не танцевал...

– Мак-дью! Мак-дью! Мак-дью! – Кенни застучал в бойран, и толпа дружно принялась скандировать: – Мак-дью! Мак-дью! Мак-дью!

Джейми беспомощно уставился на меня, умоляя о спасении, но к нам уже шли Ронни Синклер и Бобби Сазерленд. Я со смехом попятилась; они схватили Джейми за руку и, не слушая протестов, поволокли в центр зала.

Его вытолкнули на свободное пространство, и толпа разразилась ревом аплодисментов. Видя, что особого выбора нет, Джейми собрался и расправил килт. Перехватив мой взгляд, притворно возвел глаза к небу и стал снимать жилет и ботинки. Ронни услужливо положил у его ног два скрещенных палаша.

Кенни негромко застучал в бойран. Толпа в ожидании застыла.

Оставшись в одной лишь рубашке, килте и чулках, Джейми повернулся по часовой стрелке, кланаясь на все четыре стороны света. Потом встал над мечами и поднял руки.

Толпа оживленно захлопала, а Брианна сунула два пальца в рот и шумно засвистела, изрядно поразив окружающих ее людей.

Джейми с легкой насмешкой посмотрел на дочь, потом снова нашел взглядом меня. Хотя на его губах играла улыбка, в глазах отчего-то виднелась грусть. Бойран застучал быстрее.

Шотландский танец мечей исполнялся по трем поводам. Ради развлечения публики – как сейчас. Чтобы посоревноваться в удали – так было среди молодежи на Сборе. Но самое главное – как предзнаменование. Танец исполнялся перед боем, и от успеха танцора зависело, ждет ли войско победа. Молодые люди танцевали над скрещенными мечами в ночь перед Престоном и Фалкирком. А вот перед Каллоденом – нет. Тогда мы не нуждались в божественных знаках...

Джейми закрыл глаза, склонил голову, и бойран застучал мелкой частой дробью.

Он рассказывал мне, что в молодости нередко исполнял танец мечей: и ради веселья, и перед битвами в Шотландии и Франции. Старые солдаты всегда просили его станцевать: надеялись, что удаль молодого парня сулит им победу. Но то было в Старом Свете, целую вечность назад.

Джейми и без подсказок Роджера знал, что мир меняется. И в этом новом мире танец мечей уже не будет исполняться всерьез, чтобы снискать милость богов войны.

Он открыл глаза и вскинул голову. Бойран издал звонкое «БОМММ!» – и под выкрики толпы начался танец.

Джейми плясал почти бесшумно и уверенно, а на стене прыгала его длинная тень с высоко поднятыми руками. Бывалый воин, он танцевал, чтобы остаться в людской памяти, чтобы те, кто видел эту пляску, никогда бы его не забыли. Он танцевал, а со лба летел пот, и глаза глядели в пустоту.

* * *

Под шумное обсуждение танца мы зашли в дом, чтобы перекусить в ожидании первого гостя.

Миссис Баг принесла корзину яблок и собрала незамужних девушек в углу кухни, где те, перемигиваясь и многозначительно поглядывая в

сторону молодых парней, стали чистить фрукты, снимая кожицу одним цельным куском. Девушки по очереди бросали шкурки за спину и тут же собирались над ней, высматривая, какой буквой она легла.

Шкурки скручивались; чаще всего выпадали «О» и «С» (и потому Сэмюэлю Чишолму и Саймону Сазерленду досталось немало озорных взглядов). Насчет «О» разразились споры, не указывает ли она на Ангуса Ога Маклеода – тот был парнем симпатичным и многим нравился, в отличие от Оуэна, пожилого вдовца пяти футов ростом и с большущим жировиком на лице.

Я отнесла спящего Джемми наверх и уложила в постельку. Когда вернулась, свою шкурку как раз бросала Лиззи.

– «С»! – хором объявили две внучки Гатри, едва не стукнувшись лбами.

– Нет, нет, это «Д»!

В эксперты призвали миссис Баг. Та пристально изучила шкурку, склонив голову набок, как снегирь, разглядывающий червяка.

– Да, это совершенно точно «Д», – провозгласила она, и девушки дружно захихикали, поглядывая на Джона Лоури, молодого фермера из Вулам-Пойнт. Тот недоуменно поднял брови.

Краем глаза я заметила проблеск рыжего: в дверях коридора стояла Брианна. Она махнула мне головой, и я вышла.

– Роджер уже готов, только молотую соль нигде найти не можем, в кладовой ее нет. У тебя, случайно, не найдется?

– А, да, сейчас, – виновато отозвалась я. – Брала, чтобы засыпать болиголов, и совсем забыла вернуть.

Гости собрались на крыльце, заполонили весь коридор, кухню и кабинет Джейми. Я кое-как пробиралась сквозь толпу, кивая знакомым и уворачиваясь от столкновения с кружками сидра. Под ногами хрустели крошки.

В операционной было пусто: гости суеверно избегали этого места, к тому же я, чтобы не поощрять людей, нарочно потушила почти весь свет; только в углу горела одна свеча, подле которой стоял сейчас Роджер, перебирая баночки на моем столе.

Когда я вошла, он поднял глаза и улыбнулся. Все еще румяный после танцев, он, однако, надел сюртук и замотал шею шарфом, а на стуле рядом лежал плащ. По традиции, первым гостем в новом году должен быть высокий темноволосый мужчина – тогда в дом вместе с ним войдет удача.

Среди нас Роджер был самым высоким и привлекательным брюнетом, потому именно его избрали на роль первого гостя. Фергус и Марсали – а

заодно все, кто жил поблизости, – уже помчались домой, чтобы подготовиться к его визиту.

А вот рыжеволосый гость принесет горести и болезни, потому Джейми надежно заперли в его кабинете под охраной братьев Линдси до самой полуночи. Правда, нормальных часов было не сыскать до самого Кросс-Крика, зато у мистера Гатри имелись карманные, рассыпающиеся от старости. По этому реликту нам и предстояло отмерить тот мистический момент, когда один год сменяется другим. Часы еле шли и часто останавливались, потому я сомневалась в их точности, но для традиции это было неважно.

– Без десяти двенадцать, – объявила Брианна, заглядывая в кабинет. – Я только что смотрела на часы мистера Гатри.

– Ты со мной? – улыбнулся Роджер, глядя на плащ, который она держала в руках.

– Шутишь? Я целую вечность не гуляла после полуночи! – Она хмыкнула. – Все взял?

– Все, кроме соли.

Первый гость должен принести дары: яйцо, полено, соль и бутылку виски, тогда в доме весь год будет изобилие и достаток.

– Точно. Куда же я... О господи!

Я распахнула шкаф в поисках соли, и из темноты на меня хищно уставилась пара горящих глаз.

– Черт бы тебя побрал! – Я прижала руку к груди, чтобы унять зашедшееся от испуга сердце, другой же замахала Роджеру, который подскочил на мой крик. – Не волнуйся, это просто кот.

Адсо удрал подальше от нашего праздника, захватив для компании свежееубиенную мышшь. Он зашипел на меня, решив, что я хочу отобрать добычу, но я лишь сдвинула его в сторону, вытаскивая из-под пушистого бока мешочек молотой соли.

Я закрыла шкаф (пусть Адсо спокойно наслаждается ужином) и вручила соль Роджеру. Тот положил на стол небольшой предмет, который до этого крутил в пальцах.

– Где вы раздобыли эту старинную фигурку?

Он разглядывал тот самый розовый камешек с женским силуэтом.

– А-а, миссис Баг дала. Сказала, амулет для зачатия. Он что, старый? Роджер кивнул, не отрывая глаз от вещицы.

– Очень. Я такие видел лишь в музеях, их датировали тысячами лет. Он благоговейно погладил камушек указательным пальцем.

Брианна подошла ближе и протянула руку, но я вдруг схватила ее за

запастье.

– Что такое? – улыбнулась она. – Мне нельзя ее трогать? Он и впрямь работает?

– Нет, конечно же.

Я со смехом отпустила ее, чувствуя себя смущенной. Отчего-то мне не хотелось, чтобы Брианна брала камушек. Когда она просто склонилась над столом, я украдкой выдохнула. Роджер же посмотрел на Брианну со странным интересом. Он как будто *хотел*, чтобы она взяла амулет.

«*Бичем, да ты перебрала спиртного*», – сказала я самой себе. И все же – от греха подальше – спрятала фигурку в карман.

– Идем! Пора!

Брианна встрепенулась и торопливо потянула за собой Роджера.

– Да, точно. Пошли.

Он закинул мешок на плечо, улыбнувшись мне, взял Брианну за руку, и они исчезли; только хлопнула дверь кабинета.

Я потушила свечу, собираясь последовать за ними, но вдруг замерла, не торопясь возвращаться в суматоху праздника.

В доме бурлила жизнь, и под закрытую дверь лился свет. Здесь же было тихо. Маленький тяжелый идол безмолвным грузом оттягивал карман.

Этот день – первое января – ничем не примечателен, мы сами придаем ему сакральное значение. Кельты, например, вели отсчет нового года с Имболка (праздника начала весны, который отмечали в феврале, когда холода понемногу отступают), или со дня весеннего равноденствия, уравнивающего силы тьмы и света. И все же я стояла в темноте, слушая кошачье фырканье из шкафа, и ощущала, как под ногами движется земля, знаменуя смену года. За стеной шумели люди, а я была одна, и в крови закипало неведомое чувство.

Самое удивительное, что чувство это не казалось мне странным, оно не накатывало извне, а шло изнутри, словно жило там давно, хотя я не могла подобрать ему названия. Полночь стремительно приближалась. Все еще во власти этих ощущений, я открыла дверь и нырнула в хаос толпы.

С разных концов дома неслись крики, знаменующие наступление заветного часа. В коридор стекались люди, в ожидании поглядывая на дверь.

Пауза затягивалась. Может, Роджер, чтобы не толкаться в и без того переполненном коридоре, решил зайти через кухню? Я посмотрела в ту сторону... Нет, там тоже стояли люди, недоуменно поглядывая на меня.

В дверь по-прежнему никто не стучал. Разговоры понемногу смолкали,

точно люди боялись случайным словом спугнуть и без того припоздавшего гостя.

Наконец на крыльце послышались шаги, и дверь вздрогнула от трех коротких ударов. Джейми, как хозяин дома, выступил вперед, чтобы приветствовать первого гостя. Отчего-то он вдруг изменился в лице, и я поспешила заглянуть ему через плечо.

Вместо Роджера и Брианны на крыльце стояли две невысокие фигурки. Тощие и ободренные, но, несомненно, темноволосые. Близнецы Бердсли застенчиво вошли в дом.

– Счастливого вам нового года, мистер Фрейзер, – каркающим басом сказал Джосайя. Он вежливо поклонился мне, не выпуская руки брата. – Мы пришли.

* * *

Все сошлись на том, что визит темноволосых близнецов – добрый знак и сулит двойную удачу. Тем не менее Роджер и Бри (которые встретили братьев Бердсли во дворе и послали их к нам) отправились по другим домам Риджа. Бри строго-настрого велели не пересекать порог прежде Роджера.

Появление мальчишек вызвало оживленные толки. О смерти Аарона Бердсли и исчезновении его жены – в официальной версии событий – все слышали, однако внезапный визит близнецов вновь всколыхнул притупившееся любопытство. Никто не знал, где были братья все это время, Джосайя лишь хрипло ответил: «Бродили», а Кесайя вовсе промолчал, поэтому разговоры опять свелись к торговцу и его жене.

Миссис Баг взяла мальчиков под опеку и увела их на кухню мыться и ужинать. Гости разбрелись по домам, оставшиеся разбились на маленькие компании. Молодежь вернулась в сарай, чтобы потанцевать или уединиться на сеновале, те, что постарше, предавались воспоминаниям у очага, а утомившиеся за вечер сыскали более-менее удобный уголок и легли вздремнуть.

Джейми я нашла в кабинете. Он сидел в кресле, зажмурившись, хотя открыл глаза сразу же, как только услышал мои шаги.

– Счастливого нового года, – тихо сказала я и поцеловала его.

– И тебе счастливого, *nighean donn*.

– Все еще хочешь прогуляться?

Луна давно зашла, и в черном небе тускло мерцали лишь звезды. На

дворе было темно и пусто.

– Нет, – признался Джейми, потирая лицо ладонью. – Я хочу спать. – Он зевнул, приглаживая торчащие на макушке волосы, и великодушно добавил: – И чтобы ты легла рядом.

– Всенепременно, – заверила я. – А это что такое?

Я обошла стол и заглянула Джейми через плечо – перед ним лежал какой-то чертеж с математическими расчетами на полях.

Джейми выпрямил спину, заметно приободрившись.

– А, да! Это подарок Роджера Брианне на Хогманай.

– Он построит ей дом? Но...

– Не ей. Чишолмам.

Как оказалось, Роджер разыграл махинацию в лучших традициях Джейми, организовав соглашение между Ронни Синклером и Джорджи Чишолмом.

Ронни жил в большой хижине возле бондарни. Согласно договору, он, будучи неженатым, переберется пока в мастерскую. Чишолмы же переедут в его дом, к которому, как только позволит погода, пристроят еще две комнаты по плану на столе Джейми. Миссис Чишолм, в свою очередь, обязывается кормить Ронни и стирать ему одежду. Весной, когда они примутся за строительство собственной фермы, Ронни вернется в свой дом – и новое просторное жилье наверняка привлечет какую-нибудь молодую особу, подыскивающую достойного жениха.

– ...Бри с Роджером переедут к себе, Лиззи с отцом освободят хирургический кабинет, и все будут счастливы! – Я радостно обняла Джейми за плечи. – Какой замечательный план! Ты делал чертеж?

– Ага. Джорджи ведь не плотник. Не хотелось бы, чтобы крыша рухнула им на голову.

Джейми обмакнул перо в чернильницу и исправил пару цифр.

– Готово. Роджер думал показать чертеж Брианне, когда они вернутся. Я сказал, что оставляю его здесь.

– Она будет в восторге. – Я прильнула к спинке стула, разминая Джейми плечи. Он подался назад, прижимаясь затылком к моей груди, и закрыл глаза.

– Голова болит? – тихо спросила я, заметив вертикальную складку меж бровей.

– Ага, немного. О да, вот так!..

Я подняла руки, нежно растирая виски.

Дом затих, хотя на кухне еще гудели голоса и по холодному неподвижному воздуху лились звуки скрипки.

– «Девушка с темными волосами», – узнала я мелодию. – Обожаю эту песню.

Я сдернула ленту и распустила его косичку, наслаждаясь тем, как шелковистые пряди скользят по пальцам.

– Странно, что у тебя нет слуха, – заговорила я, разминая больные места возле надбровных дуг. – Обычно способность к математике всегда сочетается с музыкальным даром. Как у Бри, например.

– Раньше был, – рассеянно отозвался Джейми.

– Что был?

– Слух. – Он вздохнул и подался вперед, упираясь локтями в стол, чтобы подставить мне шею. – О господи, да. Вот так! Ох-х!..

Я принялась усердно мять тугие мышцы.

– То есть раньше ты умел петь?

Обладая приятным голосом, Джейми, однако, оказался начисто лишен слуха, и любая песня в его исполнении превращалась в такую какофонию, что младенцы принимались испуганно орать.

– Ну, не то чтобы петь... – Я расслышала в его голосе улыбку. – Но одну песню от другой отличить мог. И сказать, хорош певец или так себе. А теперь для меня это просто шум и вопли.

– Что же случилось?

– А, это было еще до нашей встречи, саксоночка. Незадолго до нее. Помнишь, я воевал во Франции? Мы как раз оттуда возвращались с Дугалом Маккензи и его людьми, когда Мурта нашел меня в горах в одной рубашке...

Он говорил спокойно и непринужденно, но я нащупала под волосами старый шрам. Сейчас тоньше нити, некогда это была восьмидюймовая рана, оставленная топором. Джейми тогда четыре месяца провалялся в горячке и много лет страдал от головных болей.

– Хочешь сказать... ты не слышишь музыку, потому что был ранен?

– Я не слышу музыку, но слышу бой барабанов, – просто ответил Джейми, пожимая плечами. – Слышу ритм, но не саму мелодию.

Я замерла, и он обернулся с улыбкой, пытаясь обратить все в шутку.

– Не переживай, саксоночка. Не велика беда. Я и прежде не умел петь. И в конце концов, Дугал-то меня не убил.

– Дугал?.. Думаешь, это был он?

Меня поразила его уверенность. Да, Джейми считал, что на него напал именно дядя, а потом, застигнутый врасплох своими же людьми, сделал вид, будто нашел раненым. Однако доказательств тому не было.

– Ну да, – удивился Джейми. – Я думал, ты знаешь... А ты не поняла

тогда, что он сказал, умирая?

Отчетливо, словно та сцена опять разворачивалась перед глазами, я увидела чердак дома в Каллодене. Повсюду валялись обломки мебели, а на полу у моих ног стоял на коленях Джейми и держал бьющееся в агонии тело Дугала. Кровь пузырями выходила из раны в горле, куда вонзился кинжал моего мужа. Лицо Дугала наливалось мертвенной бледностью, он буравил Джейми черным взглядом и что-то шептал на гэльском. А Джейми, такой же белый, следил за губами умирающего, внимая его последним словам.

– И что же он сказал?

– *«Сын моей сестры ты или нет, но тебя стоило убить в тот день на холме. С самого начала я знал: или ты, или я»*, – повторил Джейми до того бесстрастно и равнодушно, что меня тоже пробило дрожью.

В кабинете воцарилась тишина. Голоса на кухне притихли, словно там собрались призраки прошлого, чтобы выпить и вспомнить былое.

– Вот что ты имел в виду, – тихо отозвалась я, – когда сказал, что примирился с Дугалом.

– Да. – Джейми откинулся на спинку стула и взял меня за руки. – И он был прав. Или он, или я. В конце концов должен был остаться только один из нас.

Я вздохнула, и бремя вины спало с моих плеч. Джейми дрался с Дугалом из-за меня, и когда он убил дядю, я решила, что эта смерть на моей совести. Однако Дугал был прав: конфликт назревал давно, рано или поздно они схлестнулись бы, пусть не накануне Каллодена, но в любой другой день.

Не выпуская меня, Джейми повернулся на стуле.

– Не будем поминать старое, саксоночка, – тихо сказал он. – Прошлое прошло, будущее не наступило. Но мы с тобой вместе – ты и я.

Глава 36. Невидимые миры

В доме царил мир и покой – самое время для моих экспериментов. Мистер Баг ушел на мельницу, прихватив с собой близнецов Бердсли, а Лиззи и мистер Уэмисс отправились помогать Марсали со свежим суслом. Миссис Баг, оставив на столе горшок с кашей и блюдо поджаренных тостов, тоже исчезла – решила прочесать лес и поискать полудиких кур, которых отлавливала по одной и за ноги оттаскивала в новый курятник. Что же до Бри с Роджером, они иногда приходили к завтраку, но гораздо чаще ели у собственного очага – как, например, сегодня.

Наслаждаясь тишиной опустевшего дома, я поставила на поднос чайник с чашкой, молочник и сахарницу и отнесла в хирургический кабинет, поближе к образцам. В окно расплавленным золотом лился утренний свет. Пока чай заваривался, я захватила пару бутылочек и вышла во двор.

День был холодным, но на удивление ясным, а чистое синее небо обещало, что к обеду погода разойдется. Вода в корыте для лошадей покрылась тонкой пленкой льда. Разбивая лед, я увидела налипшие на доски длинные лохмы водорослей и провела бутылочкой вдоль скользкого бортика.

Еще пару образцов я взяла в ручейке возле ледника и в мутной луже неподалеку от уборной, после чего поспешила в дом, чтобы поработать, пока хватает света.

Микроскоп стоял у окна, сияя латунными боками. Быстро капнув жидкостью на стеклянную пластинку, я с восторженным предвкушением прильнула к окулярам.

Перед глазами мелькнуло овальное пятнышко света, расплылось и исчезло. Я прищурилась, как можно медленнее поворачивая винт, и... О да! Зеркало встало под нужным углом, и пятнышко света легло идеальным кругом, словно окошко в иной мир.

Я зачарованно наблюдала, как за невидимой добычей бешено носится, помахивая ресничками, инфузория-туфелька. Вскоре она исчезла из виду – капелька воды медленно двигалась, повинувшись собственным микроскопичным приливом. Я подождала немного, надеясь увидеть изящную эвглену или даже гидру, однако, увы, не повезло: в кружке света плавали только черно-зеленые хлопья клеточного мусора.

Я покрутила слайд, но больше ничего интересного не было. Ладно, у

меня есть и другие образцы. Сполоснув прямоугольную пластинку в чашке спирта, я дала ей высохнуть, окунула стеклянную палочку в один из стаканов, выстроенных вдоль микроскопа, и растерла капельку по чистому стеклу.

Микроскоп удалось собрать далеко не сразу: он мало походил на современные мне модели. Однако среди десятков деталей, лежащих в ящике доктора Роулинга, я нашла линзы, а дальше наугад приспособила и остальные части. Куда сложнее было дожидаться нужного света – руки так и чесались приступить к работе.

– Ты что делаешь, саксоночка? – спросил Джейми, появляясь в дверях.
– Смотрю.

Я покрутила винт.

– Да? И на что же? – Улыбнувшись, он зашел в комнату. – Не на духов, надеюсь? А то с меня их достаточно.

– Сам взгляни.

Я отошла от микроскопа. Джейми, прищурив один глаз, озадаченно уставился в окуляр. После недолгой паузы он издал удивленный возглас.

– О, вижу! Такие крошечные червячки с хвостами! – Он оторвался на миг, чтобы мне улыбнуться, и тут же вновь прильнул к микроскопу.

Меня охватила внезапная гордость за новую игрушку.

– Разве не изумительно?

– Еще как! Такие верткие, носятся туда-сюда! И их так много!

Он любовался немного, то и дело восклицая под нос.

– Никогда такого не видал! Ты говорила о микробах, но я их совсем другими представлял. Я думал, у них острые зубищи и когти... Кто бы знал, что у них такие красивые вертявые хвостики!

– Ну, у некоторых микроорганизмов бывают и зубы, скажем так... – Я снова заглянула в окуляр. – А это, кстати, вовсе не микробы. Это сперматозоиды.

– Что-что?

Джейми удивленно заморгал.

– Сперматозоиды, – терпеливо повторила я. – Мужские половые клетки. Ты знаешь, откуда берутся дети?

Казалось, он вот-вот задохнется. Джейми разинул рот, заливаясь краской смущения.

– Хочешь сказать... там семя? – выдавил он.

– Ну да, сперма.

Искоса наблюдая за ним, я плеснула чаю в чистую чашку и протянула ему, чтобы пришел в себя. Джейми, однако, не обратил на нее ни

малейшего внимания, глядя на микроскоп с таким видом, будто из него в любой момент выпрыгнет опасная тварь.

– Сперма, – пробормотал он под нос. – Сперма.

Джейми с силой тряхнул головой и вдруг, осененный ужасной догадкой, повернулся ко мне.

– Чья она? – мрачно и подозрительно спросил он.

– Э... твоя, конечно, чья же еще? – смущенно закашлялась я.

– И как, черт возьми, ты ее получила?

Он невольно прикрыл ладонью пах.

– А ты сам как думаешь? – холодно парировала я. – Была на мне, когда я проснулась.

Он чуть расслабился, хотя румянец стал еще ярче. Потом увидел наконец чашку и залпом осушил ее.

– Понятно...

Повисла глубокая тишина.

– Я... кхм... просто не думал, что они... могут уцелеть, – пробормотал он наконец. – Э-э... снаружи, я хотел сказать.

– Ну да, на простыни они вскоре бы погибли, – как ни в чем не бывало пояснила я. – Но если не дать сперме высохнуть, они могут прожить несколько часов. – Я указала на укрытую стеклом мензурку с белесой лужицей на дне. – В естественной среде обитания они могут... хм... прожить около недели.

– В естественной среде обитания, – задумчиво повторил Джейми и выразительно на меня взглянул. – Хочешь сказать...

– Да, именно, – излишне резко ответила я.

– Хмм...

Он только сейчас вспомнил про поджаренный хлеб, который держал в руке, и отрешенно им захрустел.

– А другие знают? Я имею в виду, в наши дни?

– Что знают? Как выглядит сперма? Скорее всего, да. Микроскоп появился еще лет сто назад, и любой, кто с ним работает, готов изучать все, до чего только дотягиваются руки. А поскольку изобретателем микроскопа был мужчина...

Джейми покосился на меня и снова в раздумьях откусил от тоста.

– Как-то не очень мне нравится твое «до чего только дотягиваются руки», саксоночка... – Будто влекомый непреодолимой силой, он вновь склонился над окуляром. – Проворные!

– Иначе никак. – Я сдержала улыбку – уж больно Джейми гордился удалью своих сперматозоидов. – Им предстоит проделать немалый путь и

победить в ожесточенной схватке. Ты ведь знаешь, что повезет лишь одному, самому сильному?

Он удивленно свел брови, и я только сейчас поняла, что он ничего не знает. Джейми изучал в Париже иностранные языки, математику, греческую и римскую философию, но никак не биологию. И даже если ученые этих лет видели, что представляет собой сперма, вряд ли они понимали механизм ее действия.

– Итак, теперь ты знаешь, откуда берутся дети? – сурово спросила я после небольшой лекции о яйцеклетках и сперматозоидах, от которой глаза у Джейми полезли на лоб.

– Ты это мне? Я всю жизнь разводил скот! – напомнил он. – Просто не думал, что... э-э... все происходит именно так. Мне казалось, что мужское семя прорастает внутри женщины... – Он неопределенно развел руками. – Ну... как настоящее семя. Как репа, кукуруза, дыня... Кто бы мог подумать, что там плавают всякие головастики.

– Понятно. – Я потерла нос, стараясь не смеяться. – Значит, поэтому женщина и считается плодородной или бесплодной.

– Угу.

Отмахнувшись от меня, Джейми снова пригляделся к кишасей сперматозоидами пластинке.

– Неделя, говоришь? Выходит, парнишка и впрямь может быть от Дрозда?

Я не сразу сообразила, о чем это он.

– А, ты о Джемми? Да, вполне возможно, что он сын Роджера. – Боннет изнасиловал Брианну через два дня после того, как она лишилась невинности с Роджером. – Я ведь говорила тебе.

Джейми задумчиво кивнул и, спохватившись, сунул в рот остатки хлеба.

– А они чем-то отличаются? У разных мужчин?

– Не по внешнему виду. – Я взяла свою чашку и сделала глоток крепкого ароматного чая. – А так отличаются, конечно, – именно в них заложены те свойства, которые мужчина передаст потомству.

Я решила ограничиться наиболее упрощенным объяснением, потому что рассказывать сейчас о генах и хромосомах – это уже слишком.

– Но эти отличия нельзя увидеть даже с помощью микроскопа, – добавила я.

Джейми хмыкнул, проглотил последний кусочек тоста и выпрямился.

– Зачем тогда смотришь?

– Просто любопытно. – Я указала на длинный ряд баночек и

пузырьков. – Решила взглянуть, какой силы микроскоп и что можно увидеть.

– Да? И зачем?

– Это поможет мне определять причину болезни. Если, например, взять у больного экскременты и найти в них паразитов, я смогу правильно подобрать лекарство.

Кажется, Джейми предпочел бы не слышать такое сразу после завтрака. Однако он кивнул и допил чай.

– Разумно. Что ж, смотри дальше.

Поцеловав меня, он направился к двери, но на полпути вдруг повернул обратно.

– Я... хм... насчет этих самых сперматозоидов...

– Что?

– Можешь не выкидывать их, а устроить достойные похороны?

Я спрятала улыбку за чашкой чая.

– Не волнуйся, я о них позабочусь. Как всегда.

* * *

Темные стебли с утолщениями спор на концах четко виднелись под зеркалом микроскопа. Получилось!

– Ура!

Я выпрямилась, потирая спину, и в который раз проверила, все ли готово.

Вокруг микроскопа аккуратным веером лежали стеклянные пластинки с черными мазками. На краю каждой виднелись надписи свечным воском. Это были образцы плесени: с мокрого кукурузного хлеба, черствого бисквита, праздничного пирога с олениной... Именно на нем выросла самая богатая колония грибка – несомненно, благодаря гусиному жиру.

После всех моих экспериментов я смогла наконец получить три образца пенициллина – или того, что я за него принимала. На влажном хлебе много чего росло, однако мне удалось выделить что-то похожее на картинки в учебнике из моей прошлой жизни.

Оставалось надеяться, что память меня не подводит и что на мясном бульоне я сделаю именно пенициллиновый раствор, а не какую-нибудь смертельно опасную гадость. Впрочем, рано или поздно наступает момент, когда приходится уповать на милость судьбы.

На столе выстроился ряд мисок с бульоном, накрытых тканью, чтобы

внутри не попали насекомые и мышиный помет (не говоря уж о самих мышах). Я тщательно прокипятила бульон и сполоснула миски кипятком, прежде чем заполнить их дымящейся коричневой жидкостью. Большой стерильности добиться было нельзя.

Кончиком ножа я соскребла плесень с каждого из лучших образцов и окунула в холодный бульон, тщательно размешивая в нем синеватые хлопья. Потом вновь накрыла миски, чтобы настоялись.

Где-то грибок погиб, где-то прижился. В двух чашках на поверхности плавали волосатые зеленые комки, довольно жуткие на вид. В других тоже что-то выросло: не то колония бактерий, не то водоросли, но никак не драгоценный пенициллин.

Еще одну миску опрокинул кто-то из детей. Вторую – Адсо, привлеченный запахом мяса. С превеликим удовольствием он вылизал всю лужицу вместе с плесенью и, что радовало, не отравился, а сыто продремал весь день на полу в кружке солнечного света.

В трех оставшихся мисках всю поверхность затянуло бархатистым на вид синим одеялом. Не совсем антибиотик, а лишь культура, которая подавляет размножение бактериальных клеток, – но это был именно пенициллин.

В меру сил я объяснила это Джейми, наблюдавшему, как я процеживаю бульон сквозь марлю.

– Значит, у тебя теперь есть бульон, загрязненный плесенью?

– Ну, раз ты настаиваешь на таком понимании, то да. – Я с укоризной посмотрела на него и взяла новую баночку.

Он удовлетворенно кивнул.

– И этим загрязненным бульоном можно лечить болезни? Разумно.

– Любопытно, почему?

– Ну, вы же лечите людей с помощью мочи. Чем эта гадость хуже?

Он поднял большой черный журнал. Тот после вчерашних экспериментов так и остался на столе, и Джейми теперь забавлялся, читая старые записи предыдущего владельца, доктора Дэниела Роулингса.

– Может, доктор Роулингс и практиковал такое лечение, но не я. – Руки были заняты, потому я просто указала подбородком на открытую страницу. – А что там говорится?

– «Электуарий от цинги, – прочитал Джейми, ведя пальцем по мелким ровным строчкам. – Две головки чеснока растолочь с шестью плодами редиса, добавить перуанский бальзам и десять капель мирры, разбавить мочой малолетнего мальчика и пить натошак».

– Боже, похоже на рецепт экзотического соуса! – засмеялась я. – Как

думаешь, к чему больше подойдет: к жаркому из зайчатины или к телячьему рагу?

– Нет, к телятине редис не годится, слишком пресно. Лучше с бараниной, – парировал Джейми. – Баранина со всем будет хороша... А почему именно мальчика, саксоночка? Я и прежде встречал такие рецепты, у Аристотеля например, и других древних философов.

Разбирая пластинки с образцами, я подняла голову.

– Начнем с того, что собрать мочу мальчика гораздо проще, чем девочки. А еще, как ни странно, у мальчиков она более чистая, почти стерильная. Может, древние ученые заметили это в ходе своих опытов. Наверняка она была чище дождевой воды из общих акведуков и колодцев.

– Стерильная – значит, в ней не размножаются разные микробы?

Он опасливо покосился на мой микроскоп.

– Да. Точнее, их там вовсе нет.

Убрав со стола все, кроме микроскопа и пузырьков с пенициллином, я стала готовиться к операции: вытащила ящик с хирургическими инструментами и бутыл с зерновым спиртом.

Ее я передала Джейми вместе с маленькой горелкой, которую сама смастерила из пустой чернильницы и пробки с вощенным льняным фитилем.

– Наполни, пожалуйста. Где мальчики?

– На кухне, напиваются. – Джейми нахмурился, сосредоточенно наливая в баночку спирт. – А у девочек, выходит, моча не такая чистая? Или ее просто сложнее собирать?

Я накрыла стол чистой скатертью и выложила два скальпеля, остроносые щипцы и связку железных прутиков для прижигания. Порывшись в шкафу, нашла пригоршню ватных тампонов. Хлопок в этих краях ужасно дорог, но мне посчастливилось выменять у миссис Келтбелл мешочек сырца на банку меда.

– Просто путь... хм... наружу не такой прямой. Моча по дороге собирает из складок кожи разные бактерии и прочий мусор. – Я с улыбкой обернулась через плечо. – Только не вздумай теперь зазнаваться.

– И в мыслях не было, – заверил Джейми. – Ну что, готова, саксоночка?

– Да, води их. И захвати таз!

Он вышел, а я встала у восточного окна. День выдался ясный, чистое холодное солнце сияло, заставляя обледенелые деревья блестеть не хуже алмазов. Лучшей погоды и не дождаться. Света должно хватить.

Прутья я выложила на жаровню, чтобы нагревались. Достала из шкафа

амулет и повесила на шею, спрятав под лифом платья. С крючка у двери сняла тяжелый холщовый передник и надела его. Потом подошла к окну и, глядя на заснеженный пейзаж, постаралась выбросить из головы все мысли, чтобы собраться с духом перед операцией. Сама по себе сложной она не была, но прежде мои пациенты крепко спали под наркозом, а не пребывали в полном сознании.

Кроме того, с последней подобной процедуры минуло уже несколько лет. Я закрыла глаза, проговаривая в голове все шаги. Пальцы невольно дергались, вспоминая нужные движения.

– Да поможет мне Господь, – прошептала я и перекрестилась.

В коридоре раздались неровные шаги, пьяное хихиканье и рокочущий голос Джейми. Я обернулась поприветствовать пациентов.

Месяц в тепле и сытости заметно преобразил братьев Бердсли. Впалые щеки округлились, темные волосы не свисали патлами, а из глаз исчезло затравленное выражение.

Впрочем, сейчас оба взгляда были несколько остекленелыми, и Лиззи пришлось схватить Кесайю за руку, чтобы тот не кувыркнулся через табурет. Джосайю крепко держал за плечо Джейми. Он подтолкнул мальчика ко мне и поставил на стол тазик.

– Все нормально? – Я улыбнулась Джосайе, пытливо всматриваясь в него, и на пробу стиснула ему пальцы. Он нервно сглотнул и выдавил испуганную улыбку – видно, выпил не так уж много, чтобы забыть о страхе.

Болтая о всяких глупостях, лишь бы его успокоить, я усадила парня на стул, укутала шею полотенцем, а на колени примостила таз. Только бы не уронил – тазик был фарфоровым, другого у нас нет. Как ни странно, Лиззи встала у Джосайи за спиной и положила руки ему на плечи.

– Лиззи, точно хочешь остаться? – нерешительно спросила я. – Мы и сами справимся.

Джейми давно привык к виду крови, а вот девочка – вряд ли, разве что присутствовала пару раз на родах.

– Да, мэм, я останусь. – Сглотнув, она храбро вскинула подбородок. – Я обещала Джо и Кеззи, что буду рядом.

Я посмотрела на Джейми, и тот пожал одним плечом.

– Тогда ладно.

Я разлила пенициллиновый бульон по двум чашкам и вручила парням.

Хотя желудочный сок быстро нейтрализует пенициллин, надеюсь, бактерии в горле он убить успеет. После операции дам выпить еще, чтобы не допустить инфекции.

Определить точную дозу пенициллина в бульоне было невозможно, но я хотя бы знаю, что пенициллин активен. Свежий раствор должен оказать какое-никакое лечебное действие, а бульона хватит на пару дней, пока не пропадет. После операции высажу новую культуру и, если повезет, смогу поить близнецов три-четыре дня.

– А, так эту штуку можно пить, да?

Джейми ехидно уставился на меня поверх головы Джосайи. Несколько лет назад, после огнестрельного ранения, я делала ему инъекции антибиотика, и он, похоже, решил, что тогда я над ним нарочно издевалась.

– Можно. Только уколы полезнее, особенно если воспаление уже началось. Сейчас уколы мне делать нечем, да и инфекцию надо не лечить, а лишь предотвратить. А теперь, если все готовы...

Я думала, что Джейми станет держать пациента, однако и Лиззи, и Джосайя настаивали, что в этом нет необходимости: он, мол, будет сидеть смирно. Лиззи, куда более бледная, чем сам Джосайя, вцепилась ему в плечи с такой силой, что острые костяшки пальцев побелели.

Обоих мальчиков я уже осматривала накануне, но все равно решила проверить еще разок с помощью плоской палочки из ясеня. Я показала Джейми, как правильно прижать ею язык, взяла пинцет со скальпелем и набрала полную грудь воздуха.

Заглянув в темные глаза Джосайи, улыбнулась, видя в их глубине два своих отражения, – я выглядела донельзя уверенной в себе.

– Готов?

С палочкой во рту он не мог говорить и что-то согласно промычал.

Надо было действовать быстро. Подхватив щипцами губчатую красную миндалину, я потянула ее к себе и парой ловких надрезов отделила воспаленную ткань. По губам мальчика побежала струйка крови.

Бросив комок в таз, я взялась за вторую миндалину. На каждую сторону ушло не более тридцати секунд. Я убрала инструменты, Джосайя вытаращился на меня, потом сдавленно закашлял, наклонился над тазом и сплюнул второй комок в струйке алой крови.

Схватив его за нос, я запрокинула парню голову и затолкала в рот тампон. Когда кровь впиталась, взяла горячий прут и прижгла самые крупные сосуды – мелкие затянутся сами.

Джосайя пучил слезящиеся глаза и яростно сжимал тазик, но не издал ни звука. Другого я и не ждала после того, как Джейми вырезал ему клеймо. Лиззи, зажмурившись, держалась за его плечи. Джейми похлопал ее по локтю, и она распахнула глаза.

– Все, *muirinn*^[62], дело сделано. Можешь отвести его в постель?

Однако Джосайя отказался уходить. Онемевший, как и его брат, он свирепо замотал головой и, покачнувшись, сел на табурет, жутко улыбаясь брату окровавленными зубами.

Лиззи топталась между близнецами. Джо поймал ее взгляд и кивком указал на Кесайю, который уселся на его место, гордо вскидывая подбородок. Погладив Джосайю по макушке, она подошла к его брату и положила руки ему на плечи. Он запрокинул голову, улыбнулся ей и поцеловал ладонь. Потом зажмурился и разинул рот, как птенец, выпрашивающий червей.

Эта операция оказалась сложнее: миндалины сильно распухли и от хронической инфекции покрылись рубцами. Полотенце и фартук забрызгало кровью. Закончив, я пристально взглянула на пациента: тот был белее снега и пошатывался.

– Все хорошо? – спросила я. Он меня не слышал, однако по лицу понял вопрос и дернул губами в слабой попытке улыбнуться. Хотел было кивнуть, но тут глаза закатились, он сполз со стула и кулем улегся у моих ног. Джейми ловко подхватил тазик.

Я думала, Лиззи тоже вот-вот свалится в обморок: все вокруг было залито кровью. Ее и впрямь пошатывало, но она послушно села рядом с Джосайей, и тот крепко взял ее за руку, пока мы с Джейми собирали разбросанные ватные тампоны.

Джейми поднял Кесайю. Джосайя вскочил, с тревогой глядя на брата.

– Все будет хорошо, – заверил Джейми. – Я же говорил: моя жена – великая целительница.

Лиззи и Джосайя уставились на меня. Я еле сдержала желание поклониться.

– Все будет хорошо, – повторила я, ограничившись улыбкой. – Идите.

Процессия вышла из комнаты почти ровным шагом, а я осталась наводить порядок.

Я была очень счастлива, чуть ли не светилась радостью от успешно выполненного дела. До чего же давно я не занималась хирургией! Медицина восемнадцатого века вынуждала идти на это лишь в самых крайних случаях. Без наркоза и антибиотиков плановые операции были делом слишком опасным.

Однако сейчас у меня есть пенициллин, и все будет хорошо. Я чувствовала это, когда касалась мальчиков. Им не грозит никакая инфекция, никакая зараза. Не всегда меня будет ждать такой успех, но с пенициллином чаша весов склонится на мою сторону.

– *Грех неизбежен*, – сообщила я Адсо, который вылизывал пустую

миску из-под бульона. – *Но все разрешится, и сделается хорошо*^[63].

На столе до сих пор лежала черная тетрадь доктора Роулинга. Я открыла последнюю страницу, где описывала ход своего эксперимента, и взяла перо. Потом, после ужина, обрисую операцию во всех деталях. Пока же... Помедлив, я решительно написала внизу листа: «Эврика!»

Глава 37. Почта

В середине февраля Фергус, как обычно, вернулся из Кросс-Крика (куда он ездил каждые два месяца) и привез соль, иглы и прочие необходимые мелочи, а заодно целый мешок писем. Он прибыл к обеду, но так торопился к Марсали, что лишь суетливо выпил кружку пива и оставил нас с Брианной разбирать сумки.

Среди прочего там обнаружилась внушительная стопка газет из Уилмингтона и Нью-Берна, а еще из Филадельфии и Бостона. Я наскоро их пролистала: самой свежей было три месяца. Впрочем, неважно: в этих местах, где книги на вес золота, газеты ничуть не хуже романов.

Еще Иокаста переслала Брианне два последних выпуска журнала «Леди Бригхэм»: в нем печатали эскизы лондонских нарядов и разные статьи для женщин.

– «Как стирать золотые кружева», – прочитала Брианна, выразительно приподняв бровь. – Да, очень полезное умение.

– Посмотри в конце, – посоветовала я. – Обычно там пишут, как не заразиться гонореей и как лечить геморрой у мужа.

Она приподняла вторую бровь, став на удивление похожей на Джейми.

– Если муж заразит меня гонореей, ему будет не до геморроя. – Она перелистнула пару страниц и изумленно вытаращила глаза. – «Крепок как сталь. Десять лучших рецептов от усталости мужского органа».

Я с любопытством заглянула ей через плечо.

– Господи... Дюжину устриц вымочить в смеси молока и вина, запечь с измельченным миндалем и лобстерами, подавать с пряным перцем. Уж не знаю, как это блюдо действует на мужской орган, но несварение желудка наверняка будет ужасное. Хотя устриц у нас все равно нет...

– И хорошо, – заверила Брианна. – Как по мне, они похожи на сопли.

– Если только сырые. Вареные они вполне себе ничего. Кстати, о соплях: где Джемми?

– Спит. По крайней мере, надеюсь. – Она опасливо взглянула на потолок.

– О, а вот это мы можем приготовить! Яички любого самца – как будто у самки они есть – отварить с шестью грибами в кислом пиве, нарезать на ломтики, хорошенько посолить, поперчить, сбрызнуть уксусом и обжарить до хрустящей корочки. Па, случайно, не кастрировал еще Гидеона, не знаешь?

– Нет. Но если хочешь опробовать рецепт, он достанет все ингредиенты.

Брианна порозовела и закашлялась в свойственной отцу манере.

– Я... кхм... думаю, нам с Роджером пока это не нужно.

Я рассмеялась и оставила ее читать журнал, а сама стала разбирать почту.

Там лежал сверток на имя Джейми – должно быть, книга, которую он заказывал в Филадельфии. Однако на пакете обнаружилась печать лорда Джона Грея – в кляксе синего воска отчетливо угадывался полумесяц со звездой. Наша библиотека едва ли не наполовину состояла из его подарков, хотя сам Джон Грей утверждал, что посылает нам книги исключительно ради собственного удовольствия, потому как в колониях совершенно не с кем обсудить классическую литературу.

Было и несколько писем, адресованных Джейми. Я перебрала их в надежде увидеть остроконечный почерк его сестры. Заметила письмо от Иэна – при случае он пересылал их нам почти каждый месяц, а вот от Дженни – ничего. Ни словечка за последние полгода с тех пор, как Джейми рассказал ей о судьбе младшего сына.

Я нахмурилась, выкладывая письма ровной стопкой на краю стола, чтобы Джейми сразу их увидел. Глупо, конечно, судить Дженни, но я ничего не могла с собой поделать. Джейми ни в чем не виноват, хоть и взял всю вину на себя. Иэн сам решил остаться с ирокезами.

Молчание сестры сильно задевало Джейми. Он продолжал писать ей, почти каждый вечер добавляя к письму пару строк, пока кто-нибудь из наших не уезжал в Кросс-Крик или Уилмингтон. И он, конечно, никогда не признавался, но я-то видела, с какой жадностью Джейми просматривает полученную почту и как горько поджимает губы, так и не найдя весточки от сестры.

– Черт бы тебя побрал, Дженни Мюррей! – пробормотала я сквозь зубы. – Прости уже его и давай забудем!

– А? – Брианна отложила журнал и взяла квадратный конверт.

– Нет, ничего. Что там у тебя?

– Это от лейтенанта Хэйза. Как думаешь, о чем он пишет?

У меня тревожно скрутило живот. Должно быть, на лице тоже что-то мелькнуло, потому что Брианна нахмурилась.

– Что?

– Ничего, – ответила я, но было уже поздно.

– Ты совершенно не умеешь врать, мама, – сказала Брианна и без лишних раздумий сломала печать.

- Это адресовано твоему отцу! – слабо запротестовала я.
- Угу, – пробурчала она, разворачивая листок.
- Что там?

Я торопливо встала у нее за спиной, заглядывая в письмо.

*Лейтенант Арчибальд Хэйз.
Портсмут, Вирджиния
Мистеру Джеймсу Фрейзеру
Фрейзер-Ридж, Северная Каролина.
18 января 1771 года.*

Сэр, хочу сообщить, что мы в Портсмуте и, скорее всего, останемся здесь до весны. Если вы знаете, кто из морских капитанов готов перевезти сорок человек до Перта при условии, что стоимость проезда армия компенсирует в порту назначения, прошу как можно скорее сообщить имя сего джентльмена.

Мы же тем временем занимаемся разными делами, чтобы продержаться зиму. Некоторые из моих людей ремонтируют лодки. Сам я кашеварю в местной таверне, но стараюсь изредка проверять, хорошо ли устроился мой полк.

Последний раз я встречался со своими людьми два дня назад и имел беседу с рядовым Огилви (вы наверняка его помните), который, как оказалось, подслушал в порту один прелюбопытный разговор. Он касался Стивена Боннета, коим вы весьма интересуетесь, так что передаю вам полученные сведения.

Как выяснилось, Боннет – контрабандист, что в этих краях не редкость. Однако размах его деятельности весьма широк и связи довольно необычны. Многие склады на побережье Каролины порой пополняются товарами, которых там быть не должно, – и по странному совпадению поблизости всегда ошивается Стивен Боннет.

Рядовой Огилви не помнит конкретных имен, поскольку не имел представления о вашем интересе к Боннету. Однако он уверен, что называли некоего «Батлера», хотя не знает, как именно тот связан с Боннетом. Еще прозвучало имя «Карен» – впрочем, неясно, шла ли речь о женщине или корабле.

Говорили они о складе неподалеку от порта. Я взял на себя смелость провести небольшое расследование. Выяснилось, что здание принадлежит двум партнерам: Рональду Пристли и Филиппу Уайли. Пока сведениями о них я не располагаю.

Узнав о вышеописанном разговоре, я попытался разузнать о Боннете в тавернах. Хотя имя его многим знакомо, говорить о нем не желают.

Ваш покорный слуга,

Арчибальд Хэйз, лейтенант

67-й горный полк.

В доме шумели по-прежнему, но мы с Брианной будто очутились в прозрачном коконе безмолвия, где время замерло.

Не хотелось выпускать письмо из рук, потому что секундные стрелки тогда побежали бы в прежнем ритме. И все же я испытывала непреодолимое желание швырнуть лист бумаги в огонь и притвориться, будто никто его не видел.

Наверху заплакал Джемми. Брианна вздрогнула – и время вновь пошло своим ходом.

Я положила письмо отдельно от других и стала дальше разбирать корреспонденцию: газеты сложила ровной стопкой, распаковала книгу – «Путешествие Хамфри Клинкера» Тобайаса Смоллета. Скатила веревочку от пакета и положила ее в карман. А в голове метрономом билась одна мысль: «Что теперь? Что теперь?»

Вернулась Брианна, неся на руках Джемми, красного и помятого со сна. Он пребывал не в самом добром расположении духа. И я прекрасно его понимала.

Брианна села, распустила шнурок на сорочке и приложила ребенка к груди. Крики утихли как по мановению волшебной палочки.

Хотелось бы мне так же успокоить и Брианну. Она была до ужаса бледной.

– Прости, милая. Я пыталась его остановить... Джейми то есть. Он не хотел, чтобы ты узнала...

– Все нормально.

Одной рукой Брианна сняла с полки бухгалтерскую книгу и, держа за корешок, встряхнула письмо.

– Вот, взгляни. Я нашла это, пока вы были в отъезде.

Я прочитала рассказ лорда Джона о дуэли между Боннетом и капитаном Марсденом – и в груди обосновался ледяной комок. В том, что Боннет – сволочь, я не сомневалась, однако я понятия не имела, что он умелый боец.

– Я сперва решила, может, па просто упомянул о нем мимоходом, вот лорд Джон и написал... Но вряд ли. А ты как думаешь? – спросила Бри почти равнодушно, будто речь шла о пряжках для ботинок.

– А ты?

Сейчас важнее, что думает сама Брианна.

– О чем?

Она спрятала глаза, избегая моего взгляда.

– Для начала о ценах на китайский чай, – огрызнулась я. – Давай все-таки продолжим тему Стивена Боннета, если ты не против.

Странно было произносить это имя вслух – по молчаливому согласию мы о нем не говорили уже много месяцев.

Брианна закусилла нижнюю губу и уставилась в пол.

– Не хочу о нем думать, – ответила она после паузы. – Если увижу его еще хоть раз, то просто... просто... Да что с ним такое?! – рявкнула вдруг она. – Как он мог так поступить?!

Она с силой ударила кулаком по столу, и Джемми испуганно взвыл.

– Я так полагаю, ты уже не о Боннете... Об отце?

Брианна кивнула, прижимая сына к груди; малыш, переняв ее волнение, корчился и плакал. Я забрала его и стала успокаивающе поглаживать спинку.

– Почему он не оставит Боннета в покое?..

Ей пришлось повысить голос, чтобы перекрычать младенца. Кожа на лице натянулась, обрисовывая острые скулы.

– Потому что он чертов горец, – ответила я. – «Живи и дай жить другим» – это не про них.

Молоко капало с сосков на юбку. Одной рукой, как могла, я прикрыла Брианну сорочкой. Она прижала ткань к груди, чтобы унять бегущую жидкость.

– И что он намерен делать? Если найдет его?

– Когда найдет, – неохотно поправила я. – Боюсь, Джейми не остановится, пока не добьется своего. Ну а насчет того, что будет после... Наверное, убьет.

Странно было говорить о таком вслух, но другой развязки событий я не видела.

– Хочешь сказать, попробует убить? А если...

– У твоего отца богатый опыт в этом деле, – неохотно признала я. – Даже талант, хоть он давно и не практиковался.

Кажется, Брианне легче не стало. Мне, впрочем, тоже.

– Здесь ведь столько места, – пробормотала она. – В колониях. Почему

бы ему просто... просто не уехать?

Отличный вопрос. Джемми тихонько вздыхал, утыкаясь лицом мне в плечо.

– Я надеялась, Боннету хватит ума скрыться где-нибудь в Китае или Вест-Индии, но он, видно, не желает бросать старые связи, – пожалала я плечами, укачивая внука.

Брианна забрала у меня ребенка.

– Да уж, он и не догадывается, что Шерлок Фрейзер со своим верным другом лордом Джоном Ватсоном уже идут по его следу, – рискнула она пошутить, закусив нижнюю губу.

– Пока нет, но скоро наверняка узнает. Лорд Джон действовал осторожно, а вот рядовой Огилви молчать не станет. Если Джейми и дальше будет расспрашивать о Боннете – а он, боюсь, не остановится, – о наших поисках скоро будет известно всем.

Колени вдруг ослабли, и я тяжело опустилась на стул.

– А Роджер в курсе? О том, что намечается... кровавая вендетта?

– Вряд ли. Иначе он бы тебе сказал.

Брианна выдохнула, хотя в глазах у нее по-прежнему виднелась тень сомнения.

– Не хотелось бы думать, что у него от меня секреты. С другой стороны... ты ведь знала и молчала!

– Ты говорила, что не хочешь говорить о Стивене Боннете. – Я отвела взгляд. – И я... мы... прекрасно тебя понимали.

С чувством безысходности я поняла, что в ее глазах невольно стала пособницей Джейми.

– Послушай, – бодро начала я, расправляя плечи. – Я не хотела искать Боннета и всячески пыталась отговорить Джейми. Однако... Как видишь, ничего не вышло.

Я с грустью кивнула на письмо лорда Джона.

– Я его остановлю. – Брианна решительно поджала губы.

Да уж, если кому и хватит упрямства и силы воли согнать Джейми с намеченного пути, то это его дочери. Вот только шансы все равно невелики.

– Попробуй, – недоверчиво предложила я.

– Я что, не имею права? Что, не могу сама решить, чего я хочу?!

– Можешь, – кивнула я, хотя по спине пробежал холодок. У отцов порой свой взгляд на такие вещи... и у мужей тоже.

Повисла тишина, нарушаемая лишь недовольным сопением Джемми. Поддавшись порыву, я вдруг задала вопрос, который мучил меня уже

давно:

– Брианна, а чего ты хочешь? Чтобы Стивен Боннет умер?

Она посмотрела на меня, отвела глаза и, не моргая, уставилась в окно. Затем прикрыла на миг веки и вновь встретила мой взгляд.

– Боюсь, если я впущу эту мысль себе в голову, то так и не смогу от нее отделаться... – хрипло сказала она. – Только об этом и буду думать, вся изведусь... Будь он проклят, если я позволю ему разрушить мою жизнь!

Джемми громко срыгнул молоко, и Брианна, сняв с плеча старое полотенце, ловко вытерла подбородок. Мальчик уже забыл о недавней истерике и пытливо изучал что-то за ее спиной. Проследив за его взглядом, я увидела в углу оконной рамы паутину. Стекло дрожало от ветра, и по паутине медленно ползло черное пятнышко.

– Да, – тихо призналась Брианна. – Я хочу, чтобы он умер. Но еще больше я хочу, чтобы па и Роджер при этом не пострадали.

Глава 38. Сны

Со свадьбы племянника Джоэля Маклеода Роджер вернулся с новой песней, которую спешил записать, пока та свежа в памяти. Он сбросил грязные сапоги на кухне, взял у миссис Баг чашку чая с кексом и направился напрямиком в кабинет. Тот оказался занят: Джейми писал письмо. Что-то буркнув в ответ на приветствие, он хмуро свел брови и, неловко держа перо, принялся выцарапывать кривые буквы.

В кабинете стоял небольшой книжный шкаф с тремя полками – вся библиотека Фрейзер-Риджа. На верхней полке выстроились серьезные сочинения: собрание латинской поэзии, «Записки» Цезаря, «Размышления» Марка Аврелия, еще несколько томов классической литературы, «Природа Северной Каролины» доктора Брикелла (в свое время позаимствованная у губернатора, да так и оставшаяся у Джейми) и учебник по математике, весь в пометках Иэна Мюррея-младшего.

Среднюю полку выделили для более легкомысленного чтения: небольшой коллекции потрепанных романов, среди которых был «Робинзон Крузо», «Том Джонс» в семи томах, четырехтомный «Родерик Рэндом», чудовищная «Памела» сэра Генри Ричардсона в двух толстенных книгах (в первой пестрело множество закладок, начиная с сухого кленового листа и заканчивая свернутой перочисткой – они знаменовали места, где читатели не вытерпели и отложили сей опус, кто на время, а кто навсегда). Стоял там и «Дон Кихот» на испанском, куда менее зачитанный, потому что язык знал только Джейми.

На нижней примостились словарь Сэмюэля Джонсона, счетные книги, пара альбомов Брианны и тонкий журнал в холщовом переплете, куда Роджер записывал песни и стихи, услышанные на разных праздниках и прочих сборищах.

Роджер поставил стул с другой стороны стола и принялся затачивать новое перо. Ему хотелось, чтобы записи были разборчивыми. Он не знал, какая судьба уготована его коллекции, но, как ученый, заботился о сохранности слова. Пусть он собирал фольклор сугубо для себя, ему нравилась мысль, что он оставит что-то грядущим поколениям, и потому следил за почерком и тщательно описывал все обстоятельства, в которых услышал ту или иную песню.

В кабинете царил тишина, только Джейми порой вздыхал, разминая сведенные судорогой пальцы. Вскоре в дверь постучал мистер Баг, и

Джейми, перекинувшись парой слов с управляющим, вышел. Роджер, не отрываясь от записей, рассеянно им кивнул.

Четверть часа спустя он с чувством выполненного долга опустил перо и потянулся. Дождаясь, пока высохнут чернила, отложил журнал и принялся листать один из альбомов Брианны.

Она не станет возражать, хотя обычно показывает ему лишь самые удачные наброски, которые нравятся ей самой.

Роджер медленно листал альбом, испытывая любопытство вперемешку с уважением: будто он совал нос в чужую тайну, пытаясь лучше понять характер жены.

Почти на всех эскизах был ребенок; один из них Роджер разглядывал особенно долго. Джейми спал спиной к зрителю, свернувшись в форме запятой. Рядом в точно такой же позе лежал котенок, пристроив подбородок на пухленькой детской ноге. Роджер вспомнил недавний разговор.

– У младенцев нет лица, – сообщила Брианна, хмуро изучая сына, самозабвенно грызущего ремешок от порохового рожка.

– Серьезно? А что тогда у них в передней части головы?

Роджер лежал рядом с ребенком и котом, насмешливо глядя на нее снизу вверх.

– Я говорю образно. Сами лица есть, но они похожи друг на друга.

– Ну, уж отец-то всегда узнает своего ребенка, – пошутил он. И спохватился, когда в глазах Брианны мелькнула тень. Она тут же растаяла летним облачком – но все-таки мелькнула.

– Я говорю как художник. – Бри чиркнула лезвием ножа по угольному карандашу, чтобы заострить кончик. – У них нет костей... точнее, их не видно. А именно кости образуют форму лица.

Как бы там ни было, ей прекрасно удавалось передать выражения лиц. Роджер улыбнулся, рассматривая следующий эскиз: на нем Джейми выглядел серьезным и сосредоточенным – явно перед тем, как измарать очередную пеленку.

Кроме портретов в альбоме обнаружились какие-то чертежи. Пролистав их без особого любопытства, Роджер поставил его на место и вытащил другой.

Плотные листы покрывала ровная вязь угловатого женского почерка. Это был не альбом для рисования и не дневник, а скорее журнал для снов.

Прошлой ночью мне снилось, что я брею ноги.

Роджер усмехнулся про себя, но представил длинные ровные ножки Брианны и продолжил чтение.

Я взяла папину бритву и крем для бритья. Папа, скорее всего, будет ругаться, но мне все равно. Крем для бритья был в большом белом флаконе с красными буквами «Олд Спайс». Уж не знаю, есть ли такой в самом деле, но от папы всегда пахло «Олд Спайсом» и табачным дымом. Сам он не курил, а вот коллеги по работе – да, и потому от его пиджака пахло, как в гостиной после вечеринки.

Роджер невольно вдохнул, почти ощущая ароматы свежей выпечки, чая и мебельного лака. На благопристойных собраниях в доме пастора сигареты были под запретом, и все же от отцовского пиджака порой тоже тянуло дымом.

Однажды Гейл рассказывала, как пошла на свидание с Крисом, не побрив ноги, и весь вечер не давала ему положить руку на колено, чтобы он не заметил щетины. Берясь за бритву, я всегда вспоминаю ту историю и провожу ладонью вверх по бедру, проверяя, не колются ли волоски.

Волоски на бедрах Брианны были такими тонкими, что совсем не чувствовались на ощупь, и только когда она стояла голая против света, сияли на солнце золотистым ореолом. У Роджера захватывало дух, что он один видит ее такой.

Он перевернул страницу, испытывая вину за то, что вторгается в личное пространство Брианны, и в то же время желая стать к ней как можно ближе, понять, что скрывается у нее в голове.

Даты не стояли, каждая запись начиналась с фразы «Прошлой ночью мне снилось».

Прошлой ночью мне снилось, что идет дождь. Ничего странного – дождь льет уже целых два дня. Перед уборной растеклась огромная лужа, и я, перепрыгивая через нее, по колено увязла в зарослях ежевики.

Когда мы легли спать, дождь барабанил по крыше. Капли падали в дымоход и шипели в огне. Мы рассказывали друг другу разные истории о прошлом – наверное, они и навяли этот сон.

Событий во сне было не так уж много, я просто смотрела в окно в Бостоне и наблюдала, как автомобили разбрызгивают лужи, шурша покрышками по мокрому асфальту. Когда проснулась, в ушах еще стоял

этот звук, такой отчетливый, что я даже выглянула на улицу, ожидая увидеть оживленный проспект. Однако вместо него увидела ели и каштаны, тихо шевелящие листьями под крупными каплями дождя.

Все было зеленым и пышным, я словно очутилась в джунглях или на другой планете. Я совсем не узнавала это место, хотя живу здесь уже больше года.

А еще весь день казалось, что за спиной у меня шуршат шины.

Роджер увлеченно перевернул страницу.

Прошлой ночью мне снилось, что я сижу за рулем. Еду в моем синем «Мустанге» по серпантину. Прежде я водила машину только в горах на севере Нью-Йорка, но во сне почему-то была уверена, что нахожусь в Ридже.

Сон был очень реальным. До сих пор чувствую, как развеваются волосы на ветру, как дрожит двигатель и гудят покрышки. Я понимала, что это не по-настоящему, только в моей голове. И все же ощущение крепко засело в памяти, где-то глубоко в нейронах.

И это еще одна странность. Здесь никто, кроме мамы и Роджера, не знает, что такое нейрон. Очень необычное чувство: словно мы втроем скрываем некую тайну.

Так или иначе, вчерашний сон явно навяли вполне реальные обстоятельства из прошлой жизни. А как быть с другими, такими же яркими, но непонятными? Может, это воспоминания о событиях, которые еще не произошли?

Прошлой ночью мне снилось, что я занимаюсь любовью с Роджером.

Он был уже готов закрыть дневник, когда выхватил глазами эту строчку. Роджер покосился на дверь. В доме было тихо; женщины возились на кухне, и возле кабинета никто не слонялся.

Прошлой ночью мне снилось, что я занимаюсь любовью с Роджером.

На этот раз я не наблюдала за происходящим со стороны, как обычно во сне. Даже не понимала, что я – это я. Была только дикая страсть, которую мы разделили на двоих, не сознавая, где заканчивается он и начинаюсь я.

Самое смешное, что я даже Роджера не воспринимала как Роджера. У него было какое-то тайное имя, совсем другое, но я знала, что все равно

это он.

(Всегда думала, что у каждого есть тайное имя, которое нельзя выразить словом. Например, я – это в любом случае я, будь я «Брианной» или нет. Себя можно называть «Я», но как тогда быть с другими?)

Так вот, во сне я знала настоящее имя Роджера, только не заикливалась на нем. Лишь в самом конце вдруг подумала: «Эй, оно ведь отлично ему подходит!»

А потом случилось это, и весь мир затрясся и растаял...

Оставшуюся часть строки Брианна закрасила чернилами и подписала:

Ни одному писателю не под силу передать это чувство!

Роджер громко расхохотался – и тут же притих, торопливо озираясь. На кухне по-прежнему звенели голоса, но в коридоре было тихо, и его взгляд снова будто магнитом притянулся к дневнику.

Я лежала, зажмурившись – во сне – и чувствовала, как угасает в теле страсть. А когда открыла глаза, оказалось, что на мне лежит Стивен Боннет.

От ужаса я сразу пришла в себя. Горло сводило, будто от крика, но ни Роджер, ни ребенок не проснулись. Меня бросало то в жар, то в холод, я вся взмокла, сердце колотилось как бешеное. Очень не скоро удалось успокоиться и снова уснуть – только когда птицы запели.

Собственно, именно они и помогли мне уснуть. Па (да и отец, если подумать) всегда говорил, что сойки и вороны чувствуют опасность; в лесу надо к ним прислушиваться. Возле дома у нас много соек, и потому я знала, что в безопасности.

Внизу страницы оставалось немного места. Роджер взмокшими пальцами перевернул лист, и сердце застучало в ушах. Запись продолжалась. И если вначале почерк был кривым и неровным – Брианна торопилась изложить переживания, – то здесь буквы оказались выписаны аккуратно, словно изначальный страх улегся и Брианна успела все обдумать.

Я пыталась забыть, но не получается. Сон снова и снова лезет мне в голову, пришлось даже уйти из дома. Мама взяла Джемми, и я смогла побыть одна. Села в травяном сарае, закрыла глаза, пытаюсь вспомнить

каждый эпизод сна и смакуя приятные моменты. Пусть самый конец, со Стивеном Боннетом, меня напугал, но я все равно хотела сохранить этот сон в памяти. Возможно, тогда я смогу повторить его с Роджером в реальности.

Только я сомневаюсь, что получится, – пока не вспомню тайное имя мужа.

Здесь запись обрывалась. Дальше шли пересказы других снов, но Роджер не стал их читать. Он медленно закрыл дневник и поставил его на полку. А потом долго стоял, глядя в окно и нервно теребя пальцами шов на штанине.

**Часть пятая. «Ибо лучше вступить в брак,
нежели разжигаться»^[64]**

Глава 39. В роще купидона

– Как думаешь, они разделят ложе?

Джейми даже не попытался понизить голос. К счастью, мы стояли на дальнем краю веранды, и новобрачные не могли его услышать. Впрочем, кое-кто в нашу сторону все же повернулся.

Ниниан Белл Гамильтон и вовсе открыто на нас смотрел. Я широко улыбнулась и помахала пожилому шотландцу закрытым веером в знак приветствия, мимоходом ткнув Джейми в ребра локтем.

– Какой ты почтительный племянник, если интересуешься подобным о собственной тетушке, – пробормотала я.

Джейми отодвинулся, чтобы мой локоть его не достал, и вскинул бровь.

– При чем здесь почтительность? Они женятся, и оба уже давно не дети, – добавил он и улыбнулся Ниниану, который весь покраснел, пытаясь сдержать смех.

Сколько лет Дункану Иннесу, я не знала. Наверное, где-то пятьдесят пять. Тетушка Джейми, Иокаста, была как минимум на десять лет старше.

Иокаста любезно принимала поздравления друзей и соседей. Высокая, одетая в платье из коричневатой шерсти, она расположилась между огромными каменными вазами с ветками сухого золотарника. За ее плечом с величественным видом стоял чернокожий дворецкий Улисс, в парике и зеленой ливрее. А сама Иокаста, в кружевном чепчике, что подчеркивал ее выразительные, типичные для Маккензи черты, несомненно, была королевой плантации «Горная река». Я привстала на цыпочки, стараясь углядеть ее супруга.

Дункан был слегка ниже Иокасты, но все равно выделялся бы в толпе. Я уже видела его утром, одетого в лучшие шотландские одежды. Смотрелся он впечатляюще, хоть и был жутко смущен. Я вытянула шею, придерживавшись за руку Джейми, чтобы не потерять равновесие. Он схватил меня за локоть.

– Что ищешь, саксоночка?

– Дункана. Разве он не должен быть с твоей тетушкой?

На первый взгляд никто бы не сказал, что Иокаста слепа – что она стоит между вазами, чтобы легче ориентироваться, что Улисс нашептывает ей имена приближающихся гостей. Я заметила, как ее левая рука поднялась и, так ничего не коснувшись, вновь опустилась. Иокаста улыбнулась и

кивнула, сказав что-то судье Хендерсону.

– Сбежал прямо перед первой ночью с женой? – предположил Ниниан. Он задрал голову в попытке увидеть что-нибудь в толпе, не вставая на цыпочки. – Я бы, наверное, и сам волновался. Твоя красивая тетушка, Фрейзер, при желании может сделать так, что у самого японского императора все между ног отмерзнет.

У Джейми дернулись губы.

– Наверное, ему опять приспичило. За утро уже четыре раза в нужнике был.

Я вскинула брови. Вообще-то Дункан страдал от хронического запора. Я даже прихватила для него листья сенны и корни кофейного дерева, несмотря на грубые замечания Джейми о том, как должен выглядеть хороший свадебный подарок. Наверное, Дункан переживал куда сильнее, чем я думала.

– Ну, для тетушки тут ничего нового, с ее-то тремя прежними мужьями, – ответил Джейми на тихое высказывание Гамильтона. – А вот Дункан женится впервые. Для любого мужчины это потрясение. Припоминаю собственную первую брачную ночь, а ты? – усмехнулся Джейми, глядя на меня.

Мои щеки тут же залились румянцем. Я тоже помнила, причем очень хорошо.

– Жарковато тут, да? – Я мигом развернула кружевной веер цвета слоновой кости и принялась им обмахиваться.

– М-да? – по-прежнему усмехаясь, спросил Джейми. – А я и не заметил.

– В отличие от Дункана, – влез Ниниан и сжал морщинистые губы, чтобы не рассмеяться. – Видел его, он потел, словно пудинг на пару.

На самом деле снаружи было достаточно прохладно, несмотря на расставленные по углам веранды чугунные жаровни с горячими углями, от которых исходил сладкий аромат яблоневых дров. Началась весна – на лугах зеленела свежая трава, деревья вдоль реки оделись листвой, – однако в утреннем воздухе по-прежнему ощущались цепкие когти мороза. В горах зима еще не закончилась, и на пути к плантации Иокасты мы пробивались сквозь снега вплоть до самого Гринсборо. Впрочем, нарциссы и крокусы все равно храбро пробивались на поверхность.

Стоял ясный мартовский день. В доме и в саду, на веранде и на лужайке толпились гости, разодетые в пух и прах, будто внезапно прилетевшие стайки пестрых бабочек. Свадьба Иокасты имела все шансы стать главным событием года в регионе Кейп-Фир. Она собрала около

двухсот человек, причем некоторые прибыли даже из таких далеких мест, как Идентон и Галифакс.

Ниниан что-то тихо сказал по-гэльски, покосившись в мою сторону. В ответ Джейми произнес фразу, одновременно изящно построенную и ужасно грубую, и открыто посмотрел мне в глаза. Старик подавился смехом.

Я, конечно, уже относительно неплохо понимала гэльский, однако случались ситуации, когда было лучше держать это в тайне. Я спряталась за веером. Да, пришлось поучиться управляться с ним с достаточной грацией, но в светском обществе веер спасал таких несчастных, как я, у которых все написано на лице. Правда, даже он иногда не помогал.

Я отвернулась от этой парочки, чей разговор так и норовил затронуть еще более неприличные темы, и стала искать в толпе жениха. Может, Дункан в самом деле болен, и совсем не из-за переживаний? Надо его осмотреть.

– Федра! Ты не видела мистера Иннеса?

Пробегающая мимо со стопкой скатертей служанка Иокасты резко остановилась.

– Не видела с завтрака, мэм, – качнула она головой в аккуратном чепчике.

– Как он выглядел? Хорошо поел?

Завтрак нынче затягивался на многие часы: гости, когда им было удобно, сами брали еду, ожидающую на буфете. Скорее всего, кишечник подвел Дункана из-за переживаний, а не отравления, хотя колбаски за завтраком показались мне крайне подозрительными.

– Нет, мэм, ни кусочкам съел. – Федра нахмурилась; Дункан ей нравился. – Повариха его соблазняла хорошенькими яйцами всмятку, но он только покачал головой с таким усталым видом... Зато выпил стакан ромового пунша, – добавила служанка уже радостнее.

– Вот это его и успокоит, – заметил подслушивающий Ниниан. – Не волнуйтесь, миссис Клэр, все с Дунканом будет хорошо.

Федра присела в реверансе и убежала в сторону расположенных под деревьями столов. Ветерок трепал ее накрахмаленный передник. Прохладный весенний воздух пропах жареной свининой. От костров, разведенных у кузницы, поднимались ароматные облачка орехового дыма. На вертелах жарились оленьи бедра, бараньи полутуши и десятки домашних птиц. От предвкушения у меня громко заурчало в животе, даже несмотря на туго затянутый корсет.

Ни Джейми, ни Ниниан, казалось, совершенно не заметили, как я

тайком отошла, чтобы оглядеть лужайку, тянущуюся от веранды к реке. Я сомневалась в пользе рома, особенно на голодный желудок. Конечно, вряд ли Дункан будет первым женихом, который явится к алтарю вдрызг пьяным...

Около одной из мраморных статуй стояла Брианна, одетая в красивое шерстяное платье цвета голубого весеннего неба. Держа Джемми на руках, она увлеченно беседовала с законоводитом по имени Джеральд Форбс. У нее тоже был веер, однако в данный момент ему нашлось куда лучшее применение – Джемми, с сосредоточенным розовым личиком, грыз его костяную ручку.

Конечно, Брианне не надо было так ловко управляться с веером, как мне. Она унаследовала способность Джейми скрывать мысли за вежливой маской. Именно эта маска сейчас держалась на ее лице – ясно, какого она мнения о мистере Форбсе. Интересно, где же Роджер?

Я повернулась к Джейми, чтобы спросить его мнение о волне исчезновений среди мужей... и поняла, что она захлестнула и его. Ниниан Гамильтон уже беседовал с кем-то другим, а рядом со мной обнаружили два раба. Они волокли к столам огромную оплетенную бутылку бренди. Я поспешила убратся с дороги и принялась выискивать Джейми.

Он растворился в толпе, как куропатка в зарослях вереска. Я медленно оглядела веранду, лужайки... Джейми было не видать. Я прищурилась от яркого солнечного света, прикрывая глаза рукой.

В конце концов, Джейми сложно упустить из виду – горец, в чьих жилах течет кровь великанов, возвышается над большинством людей на полторы головы, а его волосы пылают на солнце, как начищенная бронза. Вдобавок сегодня в честь свадьбы Иокасты на Джейми были его лучшие одежды – красно-черный клетчатый килт с серым парадным сюртуком и жилетом, а также яркие красно-черные чулки с узором из ромбов. Да Джейми должен был выделяться из толпы, словно пятно крови на свежей простыне.

Его я так и не обнаружила, зато увидела знакомое лицо. Спустившись с веранды, я ужом пробралась к цели мимо группок празднующих гостей.

– Мистер Макленнан!

Он с удивлением обернулся, затем на его грубоватом лице появилась радушная улыбка.

– Миссис Фрейзер!

– Какая приятная встреча, – отозвалась я, протягивая ему руку. – Как поживаете?

Макленнан выглядел куда лучше, чем в прошлый раз. Теперь он был

одет в чистый и приличный темный сюртук и простую шляпу с орнаментом из сплетенных шнуров. Правда, его щеки ввалились, а в глазах затаилась тень, которая не исчезла, даже когда Макленнан улыбнулся.

– Хм... в порядке, мэ. Вполне.

– А вы... где вы нынче обитаете?

Мне показалось, что так будет вежливее, чем спросить напрямую, почему он не в тюрьме. Макленнан не был глуп и ответил на оба вопроса.

– Ваш муж любезно написал мистеру Ниниану, – кивнул он на тощую фигуру Гамильтона, который о чем-то жарко спорил с собеседником, – и рассказал о моей беде. Мистер Ниниан очень поддерживает регуляторов, знаете ли... и, кроме того, в добрых отношениях с судьей Хендерсоном. – Макленнан покачал головой, сжав губы. – Так или иначе, мистер Ниниан приехал и забрал меня из тюрьмы к себе домой. Вот я и здесь. Он добр... очень добр.

Макленнан говорил искренне, но все же несколько рассеян. Потом он и вовсе замолчал, глядя на меня пустыми глазами. Я уже начала подбирать слова в надежде вернуть его в наш мир, когда за меня это сделал оклик Ниниана. Вежливо извинившись, Абель отправился к спорщикам.

Я побрела дальше, то и дело кивая знакомым поверх веера. Я была рада снова увидеть Абеля, еще и в добром здравии – по крайней мере, физически. И все-таки внутри у меня все похолодело от ощущения, что Абелю Макленнану плевать, где живет его тело, – сердце-то покоилось в земле рядом с женой.

Солнце уже поднялось достаточно высоко и согрело воздух, но я поежилась. Горе Макленнана до боли напомнило мне о днях после Каллодена, когда я вернулась в свое время, зная, что Джейми больше нет. Я слишком хорошо понимала, как может омертветь сердце, как дни пролетают мимо, а ночи проходят без сна. Как невозможно обрести покой, чувствуя одну лишь пустоту.

С веранды донесся голос Иокасты – она звала Улисса. Иокаста потеряла трех мужей, а теперь вознамерилась взять четвертого. Хотя она и незряча, в ее глазах нет этой мертвенности. Выходит, у нее не было глубоких чувств ни к одному из них? Или же она настолько сильна, что способна преодолеть скорбь не единожды, а раз за разом?

Мне тоже пришлось – ради Брианны. У Иокасты никого нет, по крайней мере сейчас. Может, раньше у нее были дети, ради которых она стала жить и сумела забыть о боли разбитого сердца?

Я покачала головой, отгоняя печальные мысли. Сегодня, в конце концов, праздник, да и стоит солнечный день. В роще цвели кизилы, между

зеленеющими ветвями друг за другом сновали, как яркие кусочки конфетти, сияли и кардиналы, обезумевшие от страсти.

– Конечно, они спят! – раздался властный женский голос. – Господи, да они месяцами живут под одной крышей!

– И то правда, – согласилась другая дама, хотя и с ноткой сомнения. – Только по ним не скажешь. Они же друг на друга почти не смотрят даже! Э-э... то есть... она, конечно, смотреть не может из-за слепоты...

Да уж, в подобном настроении не только птички! Весь Сбор бурлил. На веранде сплетничали и хихикали молодые женщины, сбившись в стайки, словно курочки. Мужчины, как бы между прочим, прогуливались мимо, в ярких парадных одеждах похожие на павлинов. Немудрено, если сегодняшнее сборище завершится как минимум несколькими интрижками... и беременностями. Секс буквально витал в воздухе, я чувствовала этот запах, даже несмотря на пьянящие ароматы весенних цветов и готовящейся еды.

Печаль исчезла, но я по-прежнему очень хотела найти Джейми.

У причала одетые в ливреи рабы встречали опоздавших гостей. Ожидали и священника, который должен был провести церемонию.

Отец Леклерк был иезуитом и, отправившись из Нового Орлеана, направлялся к Квебеку для миссионерской работы. Щедрое пожертвование Иокасты для Общества Иисуса соблазнило его свернуть с прямого пути. Может, на деньги и не купить счастья, но пользы от них немало.

Я глянула в другую сторону и обомлела. Ронни Кэмпбелл, заметив меня, поклонился. Я приподняла веер в знак приветствия, однако слишком оторопела, чтобы заговорить. Джейми я так и не нашла, зато увидела причину, по которой он, скорее всего, предпочел резко исчезнуть. По тропинке поднимался отец Ронни, Фаркуард Кэмпбелл, в компании джентльмена в красно-бежевых цветах армии Его Величества и еще одного, в военно-морской форме. Это был лейтенант Вульф.

Зрелище повергло меня в шок. Лейтенант Вульф мне не нравился.

Наверное, логично, что его пригласили на свадьбу, так как королевский флот являлся главным покупателем древесины, дегтя и терпентина плантации «Горная река», а лейтенант Вульф как раз представлял флот в подобных делах. Возможно, Иокаста пригласила его и по личным причинам – однажды лейтенант предложил ей выйти за него замуж. Не потому, сухо заметила она, что лейтенанта интересовала ее личность, а дабы прибрать к рукам плантацию.

Да уж, Иокаста явно наслаждалась сегодняшним присутствием лейтенанта. А вот Дункан, менее падкий на скрытые мотивы и

манипуляции, – вряд ли.

Заметив меня, Фаркуард Кэмпбелл начал пробираться сквозь толпу. Военные следовали по пятам. Я подняла веер и изобразила на лице подходящее для светской беседы выражение. Впрочем, к моему огромному облегчению, Вульф увидел на веранде слугу с подносом и, бросив спутников, сделал выбор в пользу напитков.

Другой джентльмен в форме глянул ему вслед, но покорно продолжил шагать за Кэмпбеллом. Покосившись, я убедилась, что не знакома с этим военным. С тех пор как осенью распустили последнее подразделение горцев, красные мундиры стали в колонии редким зрелищем. Кто же это такой?..

С застывшей на лице, как я надеялась, приятной улыбкой я присела в реверансе, расправив расшитые юбки.

– Мистер Кэмпбелл... – Я тайком глянула ему за спину; к счастью, лейтенант Вульф исчез в поисках жизненно важного для него алкоголя.

– Миссис Фрейзер! К вашим услугам, мэм. – Фаркуард изящно шаркнул ногой в ответ.

Пожилой и будто высохший, Кэмпбелл был, как всегда, одет в одеяние из черной шерсти. О сегодняшнем празднике напоминал лишь небольшой кружевной воротник. Кэмпбелл хмуро посмотрел куда-то поверх моего плеча.

– Я видел... кажется, я видел с вами супруга?

– Ох... Ну, он... отошел. – Я изящно взмахнула веером в сторону деревьев, за которыми скрывались нужники, расположенные на должном расстоянии от дома.

– А, вот как. – Откашлявшись, Кэмпбелл указал на своего спутника. – Миссис Фрейзер, позвольте вам представить майора Дональда Макдональда.

Несмотря на крючковатый нос, майор был достаточно красивым мужчиной около сорока лет с прямой осанкой профессионального военного. На обветренном лице играла приятная улыбка, которая совершенно не сочеталась с острым взглядом ярко-голубых, как платье Брианны, глаз.

– К вашим услугам, мэм. – Макдональд грациозно поклонился. – Могу ли я заметить, как необыкновенно к лицу вам этот цвет?

– Благодарю, – отозвалась я, немного расслабившись.

– Майор лишь недавно прибыл в Кросс-Крик. Я его заверил, что лучшей возможности познакомиться со своими соотечественниками и посмотреть окрестности и быть не может. – Фаркуард обвел рукой веранду,

где действительно собрались самые яркие представители шотландского общества со всей долины Кейп-Фир.

– В самом деле, – вежливо согласился майор. – Я не слышал столько шотландских имен с тех пор, как последний раз был в Эдинбурге. Мистер Кэмпбелл дал мне понять, что ваш муж приходится племянником миссис Кэмерон... Или следует сказать, миссис Иннес?

– Да. Вы уже виделись с миссис... э-э... Иннес? – Я глянула на дальний край веранды. По-прежнему ни следа Дункана, не говоря уже о Роджере или Джейми. Черт побери, да где же они? Проводят совещание на высшем уровне в нужнике, что ли?!

– Нет, и с нетерпением жду возможности ее поздравить. Покойный мистер Кэмерон, к слову, был добрым знакомым моего отца, Роберта Макдональда из Сторновея. – Майор почтительно наклонил голову в парике в сторону склепа из белого мрамора, где лежали останки Гектора Кэмерона. – А ваш муж, случаем, не приходится родичем Фрейзерам из Ловата?

Я мысленно застонала: вокруг меня начинала сплетаться паутина... При встрече шотландцы первым делом задавали поток вопросов, пока не получали целую сеть полезных родственных связей и общих знакомых. Я же обычно запутывалась в кланах и семейных ветвях, как жирная муха в липких ниточках, и мне приходилось сдаваться на милость собеседника.

Впрочем, благодаря именно таким знаниям Джейми годами выживал среди интриг французской и шотландской политики. Он скользил по хрупким нитям паутин, избегая манящих ловушек верности и предательства, которые погубили многих других. Я сосредоточилась, изо всех сил стараясь определить место этого Макдональда среди тысяч ему подобных.

Клан Макдональд из Кеппоха, Макдональд с островов, Макдональд из Кланранальда, Макдональд из Слита... «Да сколько их вообще?!» – слегка раздраженно подумала я. Одного-двух вполне было бы достаточно, на мой взгляд.

Присутствующий Макдональд, очевидно, был из клана с островов: семья майора происходила с острова Гаррис.

Фаркуард Кэмпбелл, дока в подобных делах, явно наслаждался нашим словесным бадминтоном, а взгляд его темных глаз метался туда-сюда от меня к майору. Когда я закончила достаточно запутанный разбор родословной Джейми по отцу в ответ на деловитые расспросы майора, веселье Кэмпбелла сменилось удивлением.

– Саймон, лорд Ловат, был дедом вашего мужа? – недоверчиво спросил

Кэмпбелл. – Старый Лис?!

– Ну... да, – с легкой тревогой ответила я. – Вы не знали?

– Вот как, – отозвался Фаркуард с таким видом, будто проглотил пропитанную бренди сливу, слишком поздно сообразив, что она с косточкой. Он знал, что Джейми помилованный якобит, но, по всей видимости, Иокаста не упоминала о его близком родстве со Старым Лисом, который был казнен как предатель из-за участия в восстании Стюарта. В то лихое время большинство Кэмпбеллов сражались на стороне Короны.

– Да, – произнес майор, не обратив внимания на Фаркуарда, и чуть нахмурился в задумчивости. – Я имел честь познакомиться с нынешним лордом Ловатом... как понимаю, титул восстановлен? – Он повернулся к Кэмпбеллу с объяснениями: – То есть с Саймоном-младшим, который возглавил полк в битве против французов в... пятьдесят восьмом? Нет, в пятьдесят седьмом, точно, в седьмом. Храбрый солдат, отличный боец. И он приходится вашему мужу... племянником? Нет, дядей.

– Он сводный брат отца Джейми, – пояснила я.

Старик Саймон был женат трижды и совершенно не скрывал наличие внебрачных отпрысков, среди которых и оказался отец Джейми. Впрочем, уточнять подобное я уже не стала.

Макдональд кивнул, довольный, что во всем разобрался. Фаркуард же заметно расслабился, услышав, что семейная репутация восстановлена.

– Он, конечно, папист, – добавил Макдональд, – но солдат превосходный.

– Кстати, о солдатах, – прервал его Кэмпбелл. – Говорят...

Я выдохнула с таким облегчением, что у меня скрипнули косточки корсета. Кэмпбелл тем временем втянул майора в разбор какого-то сражения. Майор, по-видимому, не состоял на действительной военной службе, а, как многие теперь поступали, перевелся на половинный оклад. До тех пор, пока Корона не найдет ему дальнейшее применение, он вынужден скитаться по колониям в поисках занятия. В мирное время профессиональным военным приходилось нелегко.

Ну, подождите немного... Я мысленно содрогнулась. Еще четыре или и того меньше года, и майор окажется весьма при делах.

Я оглянулась, заметив краем глаза мелькнувший клетчатый плед, но не увидела ни Джейми, ни Дункана. И все же одной загадкой стало меньше: это был Роджер. Он засиял при виде Брианны и ускорил шаг. Брианна повернула голову, словно почувствовав его присутствие, и тоже расплылась в счастливой улыбке.

Роджер, совершенно не обращая внимания на джентльмена рядом,

обнял и крепко поцеловал Брианну в губы. Затем чмокнул и мягкую рыжую макушку Джемми.

Вернувшись к беседе, я запоздало осознала, что Фаркуард Кэмпбелл уже некоторое время говорит, а я понятия не имею, о чем. Увидев мое замешательство, Кэмпбелл кривовато усмехнулся.

– Я вынужден поприветствовать моих знакомых, миссис Фрейзер, – сказал он. – Не возражаете? Оставлю вас в прекрасном обществе майора.

Кэмпбелл вежливо коснулся шляпы и, лавируя в толпе, направился к дому. Наверное, хотел разыскать лейтенанта Вульфа, пока тот не умыкнул серебро.

Оставшись в моей компании, майор стал поддерживать обычный для нового знакомства разговор.

– Давно ли вы с мужем прибыли в колонию, мэм?

– Нет, – ответила я достаточно настороженно. – Года три назад. Живем в небольшом поселении в отдаленной местности... – Я махнула закрытым веером на запад, в сторону невидимых отсюда гор. – Оно называется Фрейзер-Ридж.

– Ах да. Слышал.

У майора дернулся уголок рта, и я с беспокойством задумалась, что же именно он слышал. О винокурне Джейми знали все в глубине колонии, а также шотландцы из долины Кейп-Фир. Даже здесь, у конюшен, на самом виду, стояло несколько бочонков виски, которые Джейми подарил своей тетушке и Дункану в честь свадьбы. И все-таки я надеялась, что сохранялась хоть какая-то видимость тайны и только что прибывший в колонию военный ничего о винокурне не знал.

– Скажите, миссис Фрейзер... – Майор помедлил. – В вашей местности часто приходится сталкиваться с... групповщиной?

– Групповщиной? Хм... э-э... нет, нечасто.

Я с беспокойством глянула в сторону склепа Гектора Кэмерона, где на фоне белого мрамора темным пятном замаячил квакер Эрмон Хазбенд. «Групповщина» стало кодовым словом для деятельности таких, как Хазбенд и Джейми Хантер, то есть регуляторов.

В декабре губернаторское ополчение сумело подавить яростные выступления, но регуляторы по-прежнему оставались кипящим котлом с плотно закрытой крышкой. В феврале Хазбенда ненадолго арестовали, однако это никак не смягчило ни его настроения, ни риторику. Кипящий котел взорвется в любой момент.

– Рад слышать, мэм, – сказал майор Макдональд. – До ваших отдаленных мест доходит много новостей?

– Не особо. Э-э... приятный сегодня денек, не так ли? Как дорога из Чарльстона? Надеюсь, нетрудная? Сейчас столько грязи...

– Да, мэм. Мы столкнулись с небольшими трудностями...

Продолжая говорить, майор достаточно открыто меня изучал – рассматривал декольте и качество платья, жемчуг на шее и в ушах (его мне одолжила Иокаста), кольца на пальцах. Мне был знаком подобный взгляд, без капли похоти или флирта. Майор просто оценивал мое положение в обществе и то, насколько мой муж влиятелен и богат.

Меня это ничуть не оскорбило. Я, в конце концов, занималась тем же самым. Образованный, из хорошей семьи – об этом свидетельствовал его чин. Впрочем, массивный золотой перстень на правой руке вызывал вопросы. Однако майор не был богат: мундир протерся на швах, а башмаки оказались поношены, хоть и хорошо начищены.

Легкий шотландский акцент с намеком на французскую гортанность – признак участия в кампаниях на континенте. В колонию он прибыл совсем недавно. Лицо осунулось, а белки глаз слегка пожелтели, что характерно для новоприбывших. Они легко подхватывали любые болезни, от малярии до лихорадки денге, в кишках микробами прибрежных городов.

– Скажите, миссис Фрейзер... – начал майор.

– Вы оскорбляете не только меня, сэр, но и всех присутствующих здесь честных людей! – Пронзительный вопль Ниниана Белла Гамильтона прорезал гомон толпы, и все повернулись в его сторону.

Гамильтон стоял лицом к лицу с Робертом Барлоу, которому я была представлена еще утром. Я смутно припоминала, что он торговец... из Идентона? Или Нью-Берна? Барлоу – грузный мужчина, не привыкший к возражениям, – открыто насмеялся над Гамильтоном.

– И вы называете их регуляторами? Злодеев и мятежников! Вы предполагаете, что у таких людей есть честь?

– Я не предполагаю, а утверждаю и буду на этом настаивать!

Пожилой джентльмен выпрямился во весь рост, нащупывая ладонью эфес. К счастью, клинка у Гамильтона не оказалось. Как и у остальных мужчин, учитывая добрый настрой события, ради которого все здесь собрались.

Не знаю, повлиял ли этот факт на поведение Барлоу, но тот, презрительно расхохотавшись, повернулся к Гамильтону спиной. Пожилой шотландец вспыхнул от гнева и мгновенно пнул Барлоу под зад.

Застигнутый врасплох Барлоу потерял равновесие и упал на четвереньки. Длинные полы сюртука задрались ему до самых ушей. Все зрители, независимо от политических взглядов, разразились хохотом.

Получив такую поддержку, Ниниан напыжился, как петушок, и обошел противника, чтобы взглянуть ему в глаза.

Я бы назвала это тактической ошибкой, потому что, в отличие от Ниниана, видела побагровевшее от ярости лицо Барлоу. Выпучив глаза, он неловко вскочил на ноги, а затем с ревом бросился вперед и сбил куда меньшего по габаритам Ниниана с ног.

Барлоу и Гамильтон покатались по траве – только мелькали кулаки и полы сюртуков. Зрители одобрительно улюлюкали. Другие гости сбегались с лужайки и веранды, чтобы посмотреть, что там творится. Абель Макленнан проталкивался сквозь толпу с явным намерением прийти на помощь своему благодетелю. Ричард Касвелл остановил его, схватив за руку, но Абель резко развернулся, и Касвелл потерял равновесие.

Джеймс Хантер, чье худое лицо засветилось от радости, подставил Касвеллу подножку, и тот с удивленным видом рухнул на траву. Сын Касвелла, Джордж, гневно взвыл и врезал Хантеру по почкам. Хантер в свою очередь двинул Джорджу в нос.

Многие дамы повизгивали – и отнюдь не все из страха. Одна-две болели за Ниниана Гамильтона, который пока что оседлал противника и пытался его задушить. Получалось плохо, учитывая толстую шею Барлоу и плотный шейный платок.

Я лихорадочно высматривала Джейми... или хотя бы Роджера. Черт возьми, да куда же они пропали?!

Джордж Касвелл изумленно шагнул назад, зажимая руками нос, кровь из которого успела запятнать его рубашку. Девейн Бьюкенен, один из зятьев Гамильтона, целеустремленно пробирался сквозь толпу. Только непонятно – чтобы стащить тестя с Барлоу или помочь убить последнего.

– Да чтоб вас всех, – буркнула я вполголоса. – Так, подержите.

Я сунула веер майору Макдональду и, подхватив юбки, приготовилась броситься врукопашную. Кого же – и куда – лучше пнуть первым?..

– Мне их остановить?

Наслаждавшемуся зрелищем майору этого явно не хотелось, однако он был полон решимости исполнить долг. Когда я изумленно кивнула, он достал пистолет и выстрелил в воздух.

Все тут же умолкли. К замершим драчунам протолкался Эрмон Хазбенд.

– Друг Ниниан, – произнес он, радушно кивая направо и налево. – Друг Бьюкенен. Позвольте...

Он взял пожилого шотландца за обе руки и стащил с Барлоу, а затем метнул предупреждающий взгляд на Джеймса Хантера. Громко фыркнув,

тот отступил на пару шагов.

Младшая миссис Касвелл, женщина здравомыслящая, уже успела увести мужа с поля боя и прижимала к его носу платок. Девейн Бьюкенен и Абель Макленнан подхватили Ниниана Гамильтона под руки и, показательно удерживая, увели в сторону дома, хотя любой из них мог запросто унести старика на плече.

Ричард Касвелл поднялся самостоятельно. Выглядел он глубоко оскорбленным, однако новую драку, судя по всему, затевать не собирался. Он, сжав губы, отряхивал с сюртука сухую траву.

– Ваш веер, миссис Фрейзер?

Увлечшись изучением обстановки, я не сразу заметила, как майор Макдональд вежливо протянул мне веер. Вид у майора был крайне довольный.

– Благодарю. – Я забрала веер и посмотрела на Макдональда с неким уважением. – Скажите, майор, вы всегда ходите с заряженным пистолетом?

– Моя оплошность, мэм, – признал он. – Впрочем, счастливая, не так ли? Вчера я был в Кросс-Крике и по пути к плантации мистера Фаркуарда Кэмпбелла в одиночку после наступления темноты решил быть осторожным.

Майор кивнул на что-то за моим плечом.

– Скажите, миссис Фрейзер, кто этот плохо выбритый человек? Он показался мне волевым, несмотря на вид. Как думаете, он вступит в драку сам?

Развернувшись, я увидела Эрмона Хазбенда нос к носу с Барлоу, чья круглая черная шапочка съехала, а борода воинственно встопорщилась. Барлоу стоял на своем, покрасневший и хмурый, но, сложив руки на груди, слушал Хазбенда.

– Эрмон Хазбенд – квакер, – произнесла я с легким укором. – Нет, он не станет прибегать к насилию. Только к словам.

Ко множеству слов. Барлоу пытался вставить и свое мнение, но Хазбенд не обращал никакого внимания. Он продолжал говорить с таким пылом, что с его губ даже слетала слюна.

– ...отвратительное извращение правосудия! Шерифы, как они себя называют, которых никто не назначал официально, но которые назначили себя сами для того, чтобы бесчестно наживаться и попирать любые законные...

Барлоу опустил руки и стал пятиться, спасаясь от шквального огня со стороны Хазбенда. Однако, когда квакер на миг умолк, чтобы набрать воздуха, Барлоу успел поймать момент и угрожающе ткнул пальцем ему в

грудь.

– Вы, сэр, говорите о правосудии? Что общего бунт и разрушения имеют с правосудием? Если вы оправдываете уничтожение собственности в качестве возмещения своих обид...

– Нет! Но должен ли бедный человек становиться жертвой безнравственных личностей, жить в тяжелейшем положении? Говорю вам, сэр, Бог жестоко покарает тех, кто угнетает бедняков и...

– О чем они спорят? – спросил Макдональд, с интересом наблюдая за перепалкой. – О религии?

Увидев, что в дело вмешался Хазбенд, то есть драк больше не предвидится, многие зрители заскучили и направились в сторону накрытых столов и жаровен. Хантер в компании еще нескольких регуляторов держались поблизости в качестве моральной поддержки Хазбенда, однако гости, в большинстве своем, были плантаторы и торговцы. Может, они и выступили бы на стороне Барлоу, но им не хотелось тратить редкий праздничный день на споры о правах бедных налогоплательщиков.

Мне пришлось вкратце объяснить ситуацию.

– ...поэтому губернатор Трион счел своим долгом собрать ополчение для борьбы с регуляторами. Те отступили, – закончила я рассказ, – но не оставили свои требования.

Хазбенд не оставил и спор – как происходило всегда, – зато Барлоу наконец ухитрился спастись и теперь восстанавливал силы у столика с напитками под тенью вязов в обществе друзей, которые временами бросали на Хазбенда неодобрительные взгляды.

– Понятно, – отозвался заинтересованный Макдональд. – Фаркуард Кэмпбелл упоминал об этом беспокойном движении. Говорите, губернатор собрал ополчение и может сделать это вновь? Не знаете ли вы, кто им командует?

– М-м... генерал Уоддел командовал несколькими ротами, а во главе основных сил стоит сам губернатор, он ведь тоже солдат.

– Неужели? – Макдональд, кажется, нашел этот факт весьма любопытным. Он рассеянно поглаживал пистолет, который так и не убрал в кобуру. – Кэмпбелл говорил, что ваш муж владеет большим земельным участком. Это благодаря близким отношениям с губернатором?

– Я бы не стала так выражаться, – сухо произнесла я. – Хотя мой муж действительно знаком с губернатором.

Направление беседы меня беспокоило. Строго говоря, закон запрещал католикам получать землю от Короны в Колониях. Я не могла сказать, знает ли об этом майор Макдональд, но то, что Джейми наверняка католик, он

явно понимал из его семейных корней.

– Как думаете, ваш муж представит меня губернатору, дорогая леди?

Голубые глаза сверкнули, и я вдруг поняла, чего он хочет. В мирное время кадровый военный всегда испытывает недостаток в плане работы и прибыли. Если маячит перспектива военных действий... В конце концов, у Триона нет регулярных войск, поэтому он вполне способен принять – с оплатой – опытного офицера.

Я покосилась в сторону лужайки. Хазбенд с товарищами отошли подальше и что-то бурно обсуждали, сбившись в кучку возле одной из новых статуй. Если недавнюю потасовку расценить как знак, то конфликт с регуляторами вот-вот угрожал разразиться вновь.

– Это можно устроить, – осторожно ответила я. Джейми вряд ли откажет в просьбе направить Триону письмо с рекомендацией. Вдобавок за мной должок – майор все-таки помог предотвратить массовое побоище. – Вам, конечно, придется напрямую обратиться к моему мужу, но я с удовольствием замолвлю за вас словечко.

– Премного вам благодарен, мэм. – Майор убрал пистолет и наклонился к моей руке. Выпрямившись, он глянул на что-то за моей спиной. – Вынужден вас покинуть, миссис Фрейзер. Надеюсь, что вскоре сумею познакомиться с вашим мужем.

Майор ушел к веранде, а я, развернувшись, увидела, как ко мне приближается Эрмон Хазбенд. Хантер и остальные следовали за ним.

– Миссис Фрейзер, прошу вас передать миссис Иннес наилучшие пожелания и извинения, – произнес он безо всякого вступления. – Я должен уйти.

– Так рано?

Я хотела уговорить его остаться, но в то же время понимала, какие это вызовет проблемы. Друзья Барлоу не сводили с Хазбенда враждебных взглядов.

Квакер прочитал мысли на моем лице и печально кивнул. Горячность спора оставила его, и он был мрачен.

– Так будет лучше. Иокаста Кэмерон всегда была мне добрым другом. Не могу же я отблагодарить ее за это испорченной свадьбой. Я бы не стал так поступать... и все-таки молча выслушивать столь зловердные мнения я тоже не могу.

Хазбенд взглянул на обидчиков с холодным презрением. Они ответили тем же.

– Кроме того, – добавил он, поворачиваясь к прихвостням Барлоу спиной, – некоторые дела требуют нашего внимания в ином месте. – Он

поколебался, явно желая сказать что-то еще, но передумал. – Вы передадите?

– Конечно, мистер Хазбенд. Мне очень жаль.

Он грустно улыбнулся, покачал головой и, не говоря больше ни слова, отошел вместе со своими спутниками. Джеймс Хантер задержался.

– Регуляторы снова собираются, – тихо произнес он, – в большом лагере под Солсбери. Вашему мужу стоит это знать.

Затем Хантер коснулся шляпы и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь. Его темный сюртук растворился в толпе, словно воробей в стае павлинов.

* * *

С выгодной позиции на краю веранды я могла видеть всех гостей. Они передвигались между домом и рекой непрерывным ярким потоком, и знающий человек различал в нем отдельные завихрения. В центре самого большого находилась Иокаста. Более мелкие крутились вокруг Ниниана Белла Гамильтона и Ричарда Касвелла. А остальные бесцельно брели по течению, заводя беседы то тут, то там и оставляя за собой мутный ил сплетен. Из того, что я расслышала, главной темой разговоров была сексуальная жизнь хозяев дома. Политика пользовалась чуть меньшим спросом.

Джейми и Дункана по-прежнему нигде не было. Зато я вновь заметила майора. Он замер с бокалом сидра в руке, заведя Брианну. Я улыбнулась, наблюдая.

Брианна часто вызывала у мужчин подобную реакцию, хоть и не всегда из восхищения. Она пошла в Джейми. Слегка раскосые синие глаза, огненно-рыжие волосы, длинный прямой нос и широкий рот – выразительные черты лица, доставшиеся им от какого-нибудь древнего скандинава. Вдобавок Брианна унаследовала рост Джейми. Во времена, когда средний рост женщины составлял чуть меньше пяти футов, Брианна была все шесть. Люди поневоле начинали глазеть.

Как и майор Макдональд, который даже позабыл про сидр. Это не укрылось от Роджера. Он улыбнулся и кивнул, но шагнул к Брианне, как бы говоря: «Она моя, друг».

Наблюдая за ними, я отметила, какой майор бледный и тощий по сравнению с Роджером, который почти догнал Джейми по росту. Роджер был широкоплечим, с оливковой кожей. Его волосы, черные, как крыло ворона, сияли на весеннем солнце, словно он потомок древнего испанского

завоевателя. Однако приходилось признать, что между ним и маленьким Джемми не было заметного сходства. Роджер снова улыбнулся, сверкая белыми зубами. Майор же, улыбаясь, держал губы сомкнутыми, как поступало большинство здешних людей, которым перевалило за тридцать, чтобы спрятать отсутствующие или гнилые зубы. Может, дело в специфике профессии Макдональда. А может, просто в плохом питании. В эти времена даже в хорошей семье дети необязательно получали необходимые продукты.

Я легонько провела языком по острому краешку резцов. Ровные и здоровые. Я прилагала невероятные усилия, чтобы сохранить их в подобном состоянии, учитывая текущее состояние стоматологии.

– Ба, миссис Фрейзер! – ворвался в мои мысли веселый голос, и я обнаружила рядом с собой Филипа Уайли. – О чем же вы задумались, дорогая моя? Выглядите однозначно... дикой, неприрученной, – заговорил он тише и взял мою руку, обнажая собственные, относительно неплохие зубы в двусмысленной ухмылке.

– Я вам не дорогая, – резковато бросила я, выдергивая руку из его хватки. – А если уж говорить о дикости, то я удивлена, что вам еще никто в зад не впился зубами.

– О, я не оставляю надежд, – с огоньком в глазах заверил меня Уайли. Он поклонился и в процессе сумел опять завладеть моей рукой. – Могу я иметь честь позже пригласить вас на танец, миссис Фрейзер?

– Ни в коем случае. – Я попыталась освободить руку. – Пустите.

– Ваше желание для меня закон.

Уайли все-таки выпустил мою ладонь, но сперва легко поцеловал ее тыльную сторону. Я еле удержалась, чтобы не вытереть мокрое место о юбку.

– Пойдите прочь, дитя. – Я махнула на него веером. – Кыш.

Филип Уайли был франтом. Я встречала его дважды, и в обоих случаях он был одет одинаково: атласные бриджи, шелковые чулки и все надлежащие атрибуты, включая напудренный парик, напудренное же лицо и небольшую черную мушку-полумесяц около глаза.

Однако сейчас все стало куда хуже. Парик был лилового цвета, атласный камзол украшали вышитые золотым и серебряным... я моргнула... да, львы и единороги. Атласные бриджи обтягивали ноги, словно раздвоенная перчатка, а полумесяц сменился на звездочку в уголке рта. Тоже мне, модник-макарони!

– У меня нет ни малейшего намерения вас покидать, миссис Фрейзер, – сообщил Уайли. – Я везде вас искал.

– Ну что ж, теперь нашли, – отозвалась я, изучая его сюртук из розового бархата с шестидюймовыми манжетами из бледно-розового шелка и пуговицами, вышитыми алыми пионами. – Впрочем, неудивительно, что вам было так тяжело. Вас наверняка ослепил собственный камзол.

Ллойд Стэнхоуп, как всегда сопровождавший Уайли и куда более скромно одетый, загоготал. Однако Уайли, не обратив на него внимания, низко поклонился и шаркнул ножкой.

– Ах, в этом году фортуна мне улыбнулась. Наладилась торговля с Англией, хвала богам... и я получил свою долю, и даже больше. Вы просто должны приехать ко мне, посмотреть...

Меня спасло внезапное появление Адлая Осборна, зажиточного торговца с побережья, который похлопал Уайли по плечу. Воспользовавшись случаем, я скользнула в толпу.

Я по-прежнему высматривала Джейми и Дункана, но в то же время решила оценить новые приобретения Иокасты, что вызывали множество разговоров среди гостей – две статуи из белого мрамора, каждая из которых была установлена в центре клумбы.

Ближе ко мне стояла статуя греческого воина в полный рост. Спартанца, судя по мечу в руке и потому, что одет сей господин был лишь в весьма крепкий на вид шлем с плюмажем. Большой щит у ног располагался так, чтобы компенсировать отсутствие гардероба в самых бросающихся в глаза местах.

Парная статуя стояла на правой клумбе – Диана, богиня охоты. Одета она была тоже достаточно скудно, и ее округлые ягодицы и груди привлекали взгляды некоторых джентльменов. Однако она все равно проигрывала своему спутнику в количестве восхищенных отзывов. Я скрыла усмешку за веером, увидев, как мистер и миссис Шерстон проплыли мимо, даже не взглянув в сторону статуи. Их задранные носы и скучающие лица так и говорили, что подобные объекты искусства в Европе обычное дело – только неотесанные жители колоний, безвкусные и безродные, могут считать подобное чем-то примечательным, не так ли, дорогая?

Изучая статую мужчины, я поняла, что это отнюдь не безымянный грек, а Персей. То, что я приняла за камень у щита, оказалось отрубленной головой Горгоны с оцетинившимися в ужасе змеями. Искусно выполненные, они давали дамам основание рассмотреть статую поближе. Леди со знанием дела поджимали губы и восхищенно отзывались о мастерстве скульптора, который прочертил каждую чешуйку, да-да. Временами то одна, то другая леди позволяла взгляду на долю секунды

скользнуть выше, но тут же вновь принималась разглядывать Горгону. Щеки их при этом начинали пылать. От утренней прохлады и подогретого вина, несомненно.

Дымящаяся кружка именно этого напитка, которую сунули мне под нос, отвлекла меня от созерцания Персея.

– Выпейте, миссис Фрейзер, – заговорил исключительно любезный Ллойд Стэнхоуп. – Вы же не желаете простыть, дорогая моя.

Подобное мне не грозило, учитывая, что становилось все теплее. Однако кружку я взяла и с наслаждением вдохнула аромат корицы и меда.

Уперев руку в бок, я вновь поискала Джейми взглядом. Его по-прежнему нигде не было. Сбоку от Персея расположилась компания джентльменов, обсуждающих особенности выращивания виргинского табака. Три девицы, краснея и хихикая, поглядывали на ягодицы статуи поверх вееров.

– ...уникальные, – говорил кому-то Филип Уайли. Течение вновь вынесло его ко мне. – Абсолютно уникальные! Их называют черным жемчугом. Держу пари, вы никогда таких не видели. – Он оглянулся и, заметив меня, легонько коснулся моего локтя. – Помню, вы некоторое время пробыли во Франции, миссис Фрейзер. Может, вы их там встречали?

– Черный жемчуг? – переспросила я, пытаюсь уловить нить разговора. – Ну... да, встречала. Архиепископу Руанскому прислуживал мальчишка-мавр, который носил большую черную жемчужину в носу.

У Стэнхоупа отвисла челюсть. Уайли уставился на меня, а потом столь громко хохотнул, что и джентльмены-плантаторы, и девицы у статуи разом замерли, уставившись в нашу сторону.

– Вы меня просто убиваете, дорогая! – Он аккуратно промокнул уголки глаз кружевным платочком, чтобы выступившие от смеха слезы не размазали пудру. – Миссис Фрейзер, вы и правда до сих пор не видели мои соколовища? – Уайли схватил меня за локоть и удивительно проворно вытащил из толпы. – Пойдемте, покажу.

Ловко лавируя между людьми, он провел меня мимо дома к украшенной флагами тропинке, что уходила к конюшням. Еще одна толпа – преимущественно из мужчин – собралась у загона, где конюх Иокасты набрасывал нескольким лошадям сено.

Их было пятеро – две кобылы, пара двухлеток и жеребец. Все – угольно-черные, с блестящей на весеннем солнце шкурой, мохнатой, как зимой. Я не могла оценить лошадей с профессиональной точки зрения, но уже знала достаточно, чтобы отметить рельефный круп. Красота животных не ограничивалась экстерьером и шкурой – меня поразили их гривы и

хвосты.

Густые и шелковистые черные гривы – почти как женские волосы – развевались при каждом движении, как и длинные пышные хвосты. Копыта тоже были украшены щетками, похожими на черные перья, которые колыхались при шаге, словно семена ваточника. По сравнению с привычными костлявыми верховыми лошадьми и грубым рабочим скотом эти животные казались почти волшебными. И судя по благоговейным восклицаниям зрителей, вполне могли прибыть из сказочной страны, а не с плантации Филипа Уайли в Идентоне.

– Ваши? – спросила я, не в силах оторвать взгляда от зачаровывающего зрелища. – Где вы их взяли?

– Да. – Его жеманство уступило место обычной гордости. – Мои. Это фризy. Старейшая теплокровная порода, их родословная насчитывает столетия. – Уайли перегнулся через забор и, вытянув руку, подозвал животных. – Я уже несколько лет их развожу. Этих привез по просьбе миссис Кэмерон. Она намерена купить кобылу и предположила, что кто-то из соседей тоже заинтересуется. А вот Лукас... – Жеребец подошел, узнав хозяина, и милостиво позволил погладить себе лоб. – Он не продается.

Обе кобылы были жеребые от Лукаса, которого привезли, как рассказал Уайли, в качестве доказательства родословной. Я усмехнулась про себя: ага, и чтобы похвастаться. «Черные жемчужины» Уайли вызывали огромный интерес у присутствующих, а при виде Лукаса некоторые коневоды из местных и вовсе зеленели от зависти. Филип Уайли самодовольно пыжился.

– Вот ты где, саксоночка, – вдруг раздался голос Джейми. – Я тебя искал.

– Да неужели? – Я отвернулась от загона. В груди разлилось тепло. – И где же ты был?

– А, то тут, то там. – Мой обиженный тон его нисколько не задел. – Прекрасный конь, мистер Уайли.

Джейми вежливо кивнул и, схватив меня под руку, увел в сторону лужайки, прежде чем Уайли успел пробормотать «К вашим услугам, сэр».

– И чем ты тут занимаешься с юным Филипом Уайли? – спросил Джейми, минуя рабов, которые выносили из кухни соблазнительно дымящиеся блюда.

– Смотрела его лошадей, – ответила я, приложив ладонь к животу в надежде заглушить урчание. – А ты-то что делаешь?

– Искал Дункана. – Джейми провел меня мимо лужи. – В нужнике его не было. Ни в кузнице, ни в конюшне, ни на кухне – нигде. Я сел верхом и

выехал к сараям для сушки табака, но и там ни следа.

– Может, его убил лейтенант Вульф? – предположила я. – Разочарованный соперник, все дела.

– Вульф? – Джейми замер. – Этот идиот здесь?!

– Собственной персоной. – Я махнула веером в сторону лужайки. Вульф обосновался у столика с напитками. Его кряжистую фигуру в белоглазкой военно-морской форме трудно было не заметить. – Полагаешь, его пригласила твоя тетушка?

– Наверное, – сказал Джейми с мрачной смирительностью в голосе. – Думаю, она просто не могла не ткнуть его носом.

– И я так подумала. А ведь он здесь только полчаса... И если продолжит так рьяно поглощать спиртное, – добавила я, неодобрительно глядя на бутылку в руке лейтенанта, – то напьется вусмерть еще до начала самой свадьбы.

Джейми презрительно махнул рукой.

– Пусть себе напивается, пока открывает рот только для этого. Но где же Дункан прячется, а?

– Неужели в реку бросился? – пошутила я. И тем не менее глянула в сторону воды. К причалу приближалась лодка. Гребец уже стоял на носу, готовый бросить веревку ожидающему рабу. – Смотри... это наконец-то священник?

Низкий и пухлый человечек подобрал полы черной сутаны так, что показались волосатые коленки, и неуклюже забрался на пристань. При этом гребцу пришлось его еще и подтолкнуть. Улисс поспешил встречать важного гостя.

– Хорошо. Теперь у нас есть священник и невеста. Двое из трех – уже прогресс... погоди, саксоночка, у тебя пряди выбились.

Джейми медленно провел по локону и дальше по спине, и я любезно позволила шали сползти с плеч. Джейми умело заправил пряди обратно – за многие годы он приобрел сноровку, – а затем поцеловал меня сзади в шею. Весна подействовала и на него.

– К сожалению, я должен продолжить поиски Дункана. – Джейми задержал руку на моей спине, нежно поглаживая ложбинку позвоночника большим пальцем. – А когда найду... надеюсь, мы отыщем укромное местечко.

От этих слов я невольно прижалась к нему и глянула вниз по реке, где заросли ив скрывали каменную скамью, – достаточно уединенное и романтическое место, особенно ночью. Среди густой зелени вдруг мелькнуло красное пятно.

– Вот он! – воскликнула я, выпрямившись так резко, что ухитрилась наступить Джейми на ногу. – Ой... прости.

– Ничего, – заверил он и, проследив за моим взглядом, решительно подобрался. – Сейчас его приведу. А ты пойдешь к дому, саксоночка, пригляди за тетушкой и священником. Не дай им сбежать, пока обряд не проведут.

* * *

Джейми направился к ивам, по пути рассеянно отвечая на приветствия друзей и знакомых. По правде говоря, его мысли были скорее обращены к жене, чем грядущей свадьбе Дункана.

Он понимал, что ему повезло. Даже в повседневной грубой одежде, по колено в садовой грязи или перемазанная кровью во время врачевания, она поражала своей красотой, а изгибы ее тела отзывались дрожью в его собственном. Глаза цвета виски пьянили с одного взгляда, копна непослушных волос заставляла смеяться...

Улыбнувшись сам себе, Джейми осознал, что слегка напился. Выпивка лилась на празднике рекой, и некоторые мужчины уже стояли, прислонившись к склепу старика Гектора, с остекленевшими глазами и отвисшими челюстями. Джейми заметил еще одного, отливающего за склепом, и покачал головой. К ночи под каждым кустом будет по мертвецки пьяному телу.

Господи. От одной мысли о телах под кустами его сознание выдавало ослепительно-неприличную картину: смеющаяся Клэр с обнаженной грудью, распростертая на опавшей листве цвета задранных юбок, и курчавые каштановые волоски меж ее... Джейми резко отбросил эту мысль, радушно кланяясь пожилой миссис Алдердайс, матери судьи.

– К вашим услугам, мэм.

– И вам добрый день, молодой человек, и вам.

Дама властно кивнула и прошествовала далее, опираясь на руку спутницы, многострадальной девушки, которая ответила на приветствие Джейми слабой улыбкой.

– Мастер Джейми? – задержалась возле него служанка с подносом, полным напитков. Джейми взял бокал и ополовинил его одним глотком.

Нестерпимо хотелось найти Клэр, хоть на мгновение. Повернувшись, он мимолетно разглядел ее макушку в толпе на веранде – упрямая маленькая чертовка наотрез отказывалась носить надлежащий женщине чепец, а цепляла вместо него какую-то глупую штуку из кружев с лентами

и цветами шиповника. Чуть успокоившись, Джейми направился к ивам.

А все из-за того, что он увидел ее в новом платье. Клэр уже месяцами не одевалась как настоящая леди, когда ее тонкая талия затянута в шелк, а светлые груди, округлые и сладкие, словно зимние груши, выглядывают из глубокого выреза. Она будто стала совсем другой женщиной, родной и одновременно волнующе незнакомой.

Джейми невольно шевельнул пальцами, вспомнив выскользнувший из прически локон и тонкую шею под ладонью... а еще мягкие теплые ягодицы, что прижались сквозь ткань юбок к его ноге. Джейми не был близок с Клэр уже больше недели – немудрено, когда вокруг столько людей, – и чувствовал, как ее не хватает, необычайно остро.

С тех пор как Клэр показала ему сперму под микроскопом, Джейми не покидало неуютное ощущение, что временами его яйца весьма переполнены. Конечно, ничего у него не треснет и не взорвется... но он не мог не думать о том, как внутри снуют и толкаются крошечные штучки.

Джейми остановился за ширмой из ивовых ветвей и на миг сжал ладонью между ног предмет своих мыслей, чтобы, как он надеялся, хоть немного утихомирить взбунтовавшихся головастика.

Сейчас он обеспечит свадьбу Дункана, а потом займется собственными делами. Кусты так кусты... Джейми сдвинул в сторону ивовые ветви и наклонил голову, чтобы пройти вперед.

– Дункан... – начал он, но осекся.

Водоворот похотливых мыслей тут же исчез, как поток в сточной трубе. Алый сюртук принадлежал не Дункану Иннесу, а незнакомцу, что повернулся к Джейми с таким же удивлением. Незнакомцу в мундире армии Его Величества.

* * *

Изумленное выражение сошло с лица мужчины почти так же быстро, как с лица Джейми. Должно быть, это Макдональд, военный, о котором упоминал Фаркуард Кэмпбелл. Очевидно, Фаркуард описывал Джейми и Макдональду. Военный явно его узнал.

Макдональд тоже держал в руках бокал пунша – рабы трудились не покладая рук. Он не спеша осушил бокал и, поставив его на каменную скамью, вытер губы тыльной стороной ладони.

– Полковник Фрейзер, полагаю?

– Майор Макдональд, – отозвался Джейми, кивая одновременно

учтиво и настороженно. – К вашим услугам, сэр.

Макдональд церемонно поклонился.

– Полковник, могу ли я отнять у вас немного времени? – Он глянул на что-то за спиной Джейми. По берегу реки, хихикая и повизгивая, носились юные девицы, кокетливо убегавшие от молодых людей. – Наедине?

Джейми отметил упоминание своего чина в ополчении кислой усмешкой, однако коротко кивнул и тоже поставил свой недопитый бокал на скамью, затем наклонил голову в сторону дома. Майор согласился и пошел следом за ним. Громкое шуршание и смех возвестили, что скамейка и завеса листвы попали во власть молодежи. Джейми мысленно пожелал им удачи, а сам отметил это место для собственных планов после наступления темноты.

День стоял студеный, но безветренный и ясный. Некоторые гости, в основном мужчины, которым не хотелось сидеть в четырех стенах, сбивались в компании в углах веранды или, мирно попыхивая трубками, прогуливались по дорожкам в расцветающем саду. Прикинув еще один вариант места, где им не смогут помешать, Джейми повел майора по выложенной кирпичами дорожке к конюшням.

– Вы уже видели фризоз Уайли? – поинтересовался майор, пока они огибали дом и временно вели непринужденную беседу.

– Видел. Жеребец просто прекрасен, верно?

Джейми невольно глянул в сторону загона. Жеребец щипал травку у корыта, а две кобылы расположились ближе к конюшне. Их широкие черные спины красиво отливали в слабом солнечном свете.

– Да? Наверное. – Майор покосился на загон, скептически сощутив один глаз. – Достаточно крепкий. Хорошая широкая грудь. А вот грива и остальное... для кавалерии не пойдет. Впрочем, если должным образом подстричь и подровнять...

Джейми поборол желание спросить, не предпочитает ли майор стричь и женщин. Упавший на обнаженную белую шею локон все не шел из головы. Может, лучше в конюшнях?..

– У вас ко мне дело, майор? – спросил он чуть более резко, чем собирался.

– Не совсем у меня, – ровным тоном ответил майор. – Слышал, вы интересуетесь местонахождением джентльмена по имени Стивен Боннет. Верно, сэр?

Имя будто ударило Джейми в грудь. Дыхание сперло, ладонь непроизвольно легла на эфес кинжала.

– Я... да. Вы знаете, где он?

– К сожалению, нет. – Макдональд вскинул бровь. – Но знаю, где он был. Наш Стивен тот еще проходимец? – спросил он с долей шутки.

– Можно и так сказать. Он убивал людей, ограбил меня... и изнасиловал мою дочь, – прямолинейно сказал Джейми.

Майор вздохнул, помрачнев.

– Ясно, – тихо отозвался он, а потом на миг поднял руку, словно хотел коснуться Джейми, но передумал. Майор сделал несколько шагов вперед, нахмурившись в задумчивости. – Ясно, – повторил он уже безо всякого веселья в голосе. – Я не подозревал... да. – Майор вновь умолк, замедляя шаг у загона с лошадьми.

– Надеюсь, вы все же расскажете мне, что о нем узнали? – вежливо поинтересовался Джейми.

– Я не встречался с ним лично, – мягко произнес Макдональд. – Я услышал о нем во время званого вечера в Нью-Берне в прошлом месяце.

Прием организовал Дэвис Хоуэлл, богатый судовладелец и член губернаторского совета. Немногочисленные избранные гости сперва великолепно отужинали, а после продолжили вечер карточными играми и беседами, щедро сдобренными ромовым пуншем.

Ближе к ночи дым сигар становился все гуще, а разговоры – беспечнее. Звучали шутки об улучшении благосостояния некоего мистера Батлера и завуалированные намеки об источнике его нового богатства. Один джентльмен, явно позавидовавший такому успеху, начал следующую фразу: «Конечно, если у него в кармане сам Стивен Боннет...», но его тут же пихнул локтем друг, чья осторожность еще не полностью растворилась в руме.

– А сам мистер Батлер присутствовал? – резко спросил Джейми. Имя ему ничего не говорило, но если Батлера знают члены губернаторского совета... Круг людей, наделенных властью, был небольшим, и на кого-то из них наверняка можно выйти через тетушку или Фаркуарда Кэмпбелла.

– Нет, его не было. – Макдональд опустил сложенные руки на изгородь загона, не сводя глаз с жеребца. – Кажется, он обитает в Идентоне.

Как и Филип Уайли. Жеребец по имени Лукас приблизился бочком, с любопытством раздувая черные ноздри. Джейми по привычке протянул ему полусогнутые пальцы и, с позволения коня, почесал лоснящуюся морду.

Идентон располагался у залива Албемарл-Саунд, куда легко добраться по воде. Вероятно, Боннет вернулся к морской деятельности... а значит, к пиратству и контрабанде.

– Вы назвали Боннета проходимцем, – повернулся Джейми к Макдональду. – Почему?

– Играете в вист, полковник Фрейзер? – глянул на него вопросительно майор. – Весьма рекомендую. В нем есть нечто общее с шахматами, в плане угадывания замыслов противника. Что еще ценнее – можно играть с многими людьми. – Грубые черты его лица осветила слабая улыбка. – А главное, этим можно зарабатывать на жизнь, чего не скажешь о шахматах.

– Игра мне знакома, сэр, – крайне сухо отозвался Джейми.

Макдональд состоял на половинном окладе, без служебных обязанностей и действующего полка. Для таких людей было привычным делом пополнять свой скудный заработок добычей некой информации, которую можно продать или обменять. Цену майор не называл – пока что, – но, вполне вероятно, требует долг позже. Джейми коротко кивнул, признавая условия, и Макдональд удовлетворенно кивнул в ответ. Когда придет время, он скажет, что ему нужно.

– Как вы могли предположить, сэр, я задался вопросом, что за человек этот Боннет. И если он действительно такое золотое яйцо, то чья же задница его снесла.

Спутники Макдональда вернули себе былую осторожность, поэтому он больше ничего не сумел выяснить помимо того, какое впечатление Боннет производил на окружающих.

– Вы же прекрасно понимаете, что мы узнаём больше не из слов, а из действий? Или того, как эти слова были сказаны?

Не дожидаясь кивка Джейми, майор продолжил:

– Мы играли ввосьмером. Трое разговаривали свободно, но я понимал, что они знают о мистере Боннете не больше моего. Двое либо ничего не знали, либо не были заинтересованы, а вот еще двое... – Он покачал головой. – Они притихли, сэр. Словно те, кто боятся помянуть черта, чтобы тот не явился... Вы знакомы с Боннетом лично?

– Да. Кто те два джентльмена?

– Уолтер Пристли и Осия Райт, – быстро ответил Макдональд. – Оба близкие друзья губернатора.

– Торговцы?

– Среди прочего. Оба владеют складами: Райт – в Идентоне и Плимуте, Пристли – в Чарльстоне, Саванне, Уилмингтоне и Идентоне. Пристли также ведет некие дела в Бостоне, – добавил Макдональд. – Не знаю, какие. Ах да, Райт банкир.

Джейми сложил руки за спиной, под полами сюртука, чтобы никто не увидел, как крепко они сжаты.

– Кажется, я слышал о мистере Райте, – произнес он. – Филип Уайли упоминал, что джентльмен с таким именем владеет соседней плантацией.

Макдональд кивнул. У него покраснелся кончик носа, а на щеках выделялись лопнувшие капилляры, напоминания о годах военной службы.

– Да, плантация «Четыре дымохода». – Он искоса глянул на Джейми, задумчиво пробежав языком по зубам. – Вы намерены его убить?

– Нет, конечно же, – ровно ответил Джейми. – Человека с подобными связями?

Макдональд бросил на него острый взгляд, а потом коротко фыркнул.

– Вот как.

Несколько мгновений они шли молча, углубившись каждый в свои – и чужие – расчеты. Известия о связях Боннета были палкой о двух концах. С одной стороны, так, вероятно, будет легче его отыскать. С другой, такие связи усложнят ситуацию, когда дело дойдет до убийства. Джейми это не остановит – и Макдональд это четко понял, – но заставит задуматься.

Майор и сам представлял собой значительную опасность. Торговые партнеры Боннета наверняка захотят узнать, что кое-кто намерен уничтожить источник их прибыли. И, более чем наверняка, этому помешают. А еще они неплохо заплатят за информацию об угрозе их золотой жиле.

Возможности заставить майора молчать пока не было. Средствами для подкупа Джейми не располагал, да и в любом случае от такого лучше отказаться: человек, продавшийся однажды, на этом не остановится.

Джейми бросил взгляд на Макдональда. Майор посмотрел в ответ с легкой улыбкой, а потом отвернулся. Нет, запугивание не поможет, даже если бы Джейми смог так поступить с тем, кто оказал ему услугу. Что тогда? Вряд ли он способен разmozжить Макдональду голову, чтобы тот не разболтал ничего Райту, Пристли или Батлеру.

Ну, раз взятка и применение силы отпадают, единственным способом закрыть майору рот был шантаж. Тоже проблема, ведь Джейми не знал ничего – на данный момент, – что могло бы опорочить Макдональда. Человек, проживший такую жизнь, наверняка имел слабые места, но как их обнаружить... и сколько уйдет времени?

Эта мысль потянула за собой следующую.

– Как вы узнали, что я ищу Стивена Боннета? – резко задал вопрос Джейми, прерывая размышления майора.

Макдональд пожал плечами и поправил парик со шляпой.

– Из дюжины различных источников, сэр, в местах, начиная с таверн и заканчивая мировым судом. Боюсь, ваш интерес широко известен. Хотя, – добавил он тактично, – не его причины.

Джейми глухо заворчал. Куда ни кинь, он натыкался на обоюдоострый

нож. Широкая сеть принесла улов, однако всколыхнула волны, которые способны спугнуть кита. Если все побережье знает, что он разыскивает Боннета, сам Боннет тоже в курсе.

Может, это плохо, а может, и нет. Если Брианна услышит... Она требует, чтобы Джейми оставил Боннета в покое. Чушь! Джейми не стал спорить и выслушал со всей внимательностью. Брианна ничего и не узнает, пока Боннет благополучно не скончается. А вот если она услышит неосторожное словцо... Едва Джейми начал обдумывать возможные варианты, как Макдональд вновь заговорил:

– Ваша дочь... то есть миссис Маккензи, да?

– Это имеет значение? – холодно отозвался Джейми.

– Разумеется, нет. Просто я имел возможность побеседовать с миссис Маккензи и нашел ее весьма... очаровательной. Одна мысль, что... – Майор осекся и прочистил горло. – У меня тоже дочь, – коротко сказал он и, остановившись, повернулся к Джейми лицом.

– Да? – Макдональд женат? Вполне вероятно, что нет. – В Шотландии?

– В Англии. Ее мать – англичанка.

Обветренная кожа майора покраснела от холода, но голубые, цвета блеклого неба над головой глаза не отрывались от собеседника.

Джейми слегка расслабился и пожал плечами. Макдональд едва заметно кивнул. Они оба не сговариваясь пошли обратно к дому, непринужденно обсуждая цену на табак, последние новости из Массачусетса и удивительно приятную для начала весны погоду.

– Недавно беседовал с вашей женой, – заметил Макдональд. – Очаровательная и весьма приятная женщина. Вам очень повезло, сэр.

– Я тоже так считаю, – кивнул Джейми.

Военный тактично кашлянул.

– Миссис Фрейзер любезно предположила, что вы, возможно, сумеете написать для меня рекомендательное письмо его превосходительству губернатору. В свете недавней угрозы конфликта человек с моим опытом, очевидно, будет в некоторой степени полезен... Понимаете?

Джейми прекрасно понимал. Он, конечно, сомневался, что Клэр предположила нечто подобное, но ощутил облегчение, что цена оказалось столько невелика.

– Разумеется, – заверил он Макдональда. – Найдите меня сегодня после свадьбы.

Макдональд благодарно наклонил голову.

Когда они добрались до ведущей к нужникам дорожки, Макдональд кивнул и, подняв руку в знак прощания, ушел. По пути он миновал

Дункана Иннеса, который шел навстречу с таким видом, будто его кишки завязались узлом.

– Ты в порядке, Дункан? – спросил Джейми, взволнованно глядя на друга. Несмотря на прохладу, на лбу Иннеса блестел пот, а щеки были бледны.

– Нет, – ответил Дункан. – Нет, я... Макдью, мне надо с тобой поговорить.

– Конечно, друг. – Встревоженный его видом, Джейми поддержал Дункана под руку. – Позвать мою жену? Или глотнешь спиртного?

Судя по запаху, Дункан уже глотнул, и не раз, но для жениха это нормально. Плохо ему было явно не от выпивки. Может, вчера за ужином отравился мидией...

Иннес покачал головой и сглотнул, поморщившись, будто в горле застряло нечто твердое.

– Нет, Макдью, мне нужен ты. Твой совет, если ты будешь столь добр...

– Конечно. – Теперь беспокойство уступило место любопытству, и Джейми отпустил руку Иннеса. – Что такое?

– О... о брачной ночи, – выпалил Дункан. – Я... в смысле, у меня... – Он резко умолк, заведя, что кто-то свернул на дорожку к нужникам.

– Пойдем, – позвал Джейми, поворачиваясь к огородам, обнесенным каменными стенами.

Брачная ночь?.. Дункан никогда не был женат, да и в Ардсмуре никогда не заговаривал о женщинах, как остальные заключенные. Джейми думал, что Дункан молчал из скромности... Неужели... Нет, ему за пятьдесят, наверняка выпадала возможность.

Джейми мог поклясться, что мальчиками Дункан не интересовался. А от гонореи Клэр сможет его вылечить. Лишь бы не сифилис, дрянная штука...

– Вот, друг, – заговорил Джейми, утягивая Дункана к грядкам лука. – Здесь никого. Что у тебя стряслось?

Глава 40. Секрет Дункана

Отец Леклерк совершенно не говорил по-английски, а радостное «Хэй-хо!» использовал и как приветствие, и как одобрение. Иокаста все еще была у себя, поэтому я сопровождала священника в главный зал, где проследила, чтобы ему предоставили напитки. После я усадила его беседовать с Шерстонами, которые были протестантами и крайне удивились, повстречав иезуита. Однако они так жаждали похвастаться знанием французского, что закрыли глаза на его досадную принадлежность к иному вероисповеданию.

Мысленно утерев лоб после столь тонкой дипломатической операции, я извинилась и вышла на веранду – узнать, сумел ли Джейми найти Дункана. Ни того, ни другого не было видно, зато я встретила Брианну, которая с Джемми на руках пришла с лужайки.

– Привет, милый, как ты там? – потянулась я к малышу. Он вертелся и чмокал губами, словно прошедший через Сахару человек перед обедом из шести блюд. – А-а, мы голодные?

– Уа! – отозвался Джемми. Объяснение показалось ему недостаточным, поэтому он повторил его еще и еще, с каждым разом все громче.

– Он голодный, а я сейчас взорвусь, – тихо сказала Брианна, осторожно касаясь груди. – Отнесу его наверх и покормлю. Тетя Иокаста разрешила использовать ее комнату.

– Да? Хорошо. Иокаста сама туда отправилась, отдохнуть и переодеться. Церемонию назначили на четыре часа, священник уже прибыл.

Часы в зале пробили полдень; хорошо бы Джейми все-таки разыскал Дункана. Может, жениха вообще стоит где-нибудь запереть, чтобы снова не сбежал.

Бри забрала у меня Джемми и сунула согнутый палец ему в рот.

– Ты знаешь Шерстонов? – спросила она.

– Да, – осторожно ответила я. – А что они натворили?

Брианна вскинула бровь.

– Попросили меня нарисовать портрет миссис Шерстон. За деньги. Видимо, бабушка Иокаста расхвалила мои умения и показала некоторые рисунки, которые я сделала прошлой весной. Теперь они хотят портрет.

– Правда? Милая, это же замечательно!

– Если у них действительно есть деньги, – практично заметила

Брианна. – Что скажешь?

Отличный вопрос. Хорошая одежда и положение в обществе не всегда отражали богатство, а я мало знала, как живут Шерстоны. Они обитали в Хиллсборо, а не в Кросс-Крике.

– Вообще-то они достаточно вульгарны, – проговорила я с сомнением, – и ужасные снобы, но, думаю, мистер Шерстон на самом деле богат. По-моему, он владеет пивоварней. Хотя лучше спроси Иокасту, она точно знает.

– Достаточно вульга-а-арны, – передразнила меня Бри и усмехнулась. – И кто из вас сноб, а?

– Я не сноб, – с достоинством произнесла я, – а проницательный наблюдатель за тонкостями социальных взаимоотношений. Ты нигде не видела своего отца или Дункана?

– Дункана – нет, папа вон там у деревьев, вместе с мистером Кэмпбеллом, – указала Брианна, и я заметила его яркие волосы и алый килт, вспыхнувшие огнем внизу лужайки. Красного сюртука Дункана по-прежнему было не видать.

– Черт побери, – выругалась я. – Куда же он пропал?

– Пошел в нужник и провалился, – предположила Бри. – Ладно, идем уже, идем!

И с этим словами – Джемми издавал такие звуки, словно был уже на грани истощения – Брианна исчезла в доме.

Проходя мимо столов, накрытых для гостей, я ухватила печенюшку и кусочек ветчины, в надежде на скорую руку утолить и свой голод.

Солнце уже стояло высоко и сильно грело мне плечи. Поэтому я с облегчением присоединилась к мужчинам, расположившимся в тени небольшой рощицы горных дубов. Их ветви начинали покрываться листвой. Что Найавенна говорила о дубах?.. Да, точно: когда дубовые листочки вырастают размером с беличье ушко, пора сажать зерновые.

Судя по листьям, рабы начнут посев в огородах «Горной реки» в любой день. А вот на Ридже дубы зазеленеют лишь через несколько недель.

Джейми явно сказал нечто смешное, так как Кэмпбелл издал низкий, скрипящий звук, который у него заменял смех, и кивнул, приветствуя меня.

– Что ж, у вас наверняка много дел, – сказал он Джейми с прежним невозмутимым видом. – Впрочем, в случае необходимости обращайтесь ко мне. – Кэмпбелл, прикрыв глаза ладонью, посмотрел в сторону веранды. – О, блудный сын вернулся. Шиллингами, сэр, или бутылками бренди?

Повернувшись, я увидела, как Дункан пересек веранду, кивая и

смущенно улыбаясь поздравляющим его гостям. Наверное, вид у меня был крайне озадаченный, поскольку мистер Кэмпбелл с кривой усмешкой отвесил мне поклон.

– Я предложил вашему мужу небольшое пари, мэм.

– Пять к одному на Дункана, – пояснил Джейми. – В смысле, что он разделит постель с моей тетушкой.

– Господи, – довольно зло буркнула я, – здесь вообще кто-нибудь о другом разговаривает? У всех не головы, а выгребные ямы.

Кэмпбелл снова рассмеялся, а затем отошел, отвлекшись на просьбу подошедшего внука.

– Только не говори, что тебе самой не интересно, – мягко пихнул меня Джейми.

– Не интересно, – чопорно отозвалась я. И это была правда... исключительно потому, что я уже знала ответ.

– Неужели? – Джейми ухмыльнулся. – А у самой мысли не о постели?

– Ты это о чем? – возмутилась я, на всякий случай прикрыв веером половину лица. А потом выглянула поверх кружева цвета слоновой кости, якобы невинно хлопая ресницами.

Быстро посмотрев по сторонам, Джейми наклонился и прошептал мне в самое ухо:

– По-моему, ты сама не прочь лечь в постель, а? – Теплое дыхание защекотало кожу. – Со мной.

Ослепительно улыбнувшись мистеру Кэмпбеллу, который с интересом следил за нами поверх головы внука, я прикрылась веером и встала на цыпочки, чтобы шепнуть кое-что Джейми в ответ. А потом скромно улыбнулась, изо всех сил обмахиваясь веером.

Джейми выглядел слегка потрясенным, но определенно довольным. Он глянул на мистера Кэмпбелла; тот, к счастью, увлекся новой беседой и смотрел в другую сторону. Джейми потер нос и внимательно на меня уставился, задерживая взгляд синих глаз на вырезе моего нового платья.

– Э-э... может, мы...

– Не может, – сообщила я, с улыбкой кланяясь двум пожилым миссис Макнил, что показались за его спиной. – В доме в каждом уголке гости. Как и в амбарах, конюшнях и прочих постройках. А если ты задумал устроить свидание под кустами на берегу реки, то подумай еще раз. Это платье стоило уйму денег.

Точнее, незаконного виски.

– Прекрасно знаю.

Он медленно окинул меня взглядом – от завитков поднятых в высокой

прическе волос до кончиков новых туфель опойковой кожи. Платье из светло-янтарного шелка, чей корсаж и подол были расшиты коричневыми и золотыми листочками, сидело на мне как влитое.

– Оно того стоит, – тихо сказал Джейми и поцеловал меня.

Прохладный ветерок шевельнул дубовые ветки над головой, и я придвинулась ближе в поисках тепла.

Из-за долгого пути из Риджа и множества гостей в доме мы уже больше недели не спали друг с другом. Однако я желала не плотской любви. Хотя, конечно, не отказалась бы, выпади нам такой случай. Мне больше всего не хватало ощущения тела Джейми рядом, возможности протянуть руку и коснуться в темноте его бедра, перекатиться поближе и крепко обнять его утром, прижаться щекой к спине и вдыхать его запах, погружаясь в сон.

– Черт, – выругалась я, на мгновение припав лбом к кружевам рубашки Джейми, и вдохнула запахи крахмала и мужского тела. – Знаешь, если твоей тетушке и Дункану постель вдруг не понадобится...

– О, то есть тебе интересно.

– Нет. Да и вообще, какая разница?

– Да никакой, – невозмутимо ответил Джейми. – Просто за это утро меня уже четверо спросили, переспят они сегодня или у них уже было. Для тетушки это явно комплимент, да?

Июкасте Маккензи уже хорошо за шестьдесят, однако мысль о ней в постели с мужчиной не казалась невероятной. Я знала множество женщин, которые с радостью отказывались от секса, как только выходили из детородного возраста, но Июкаста к ним не принадлежала. И в то же время...

– Они не спали, – произнесла я. – Федре вчера рассказала.

– Знаю. Дункан только что сказал мне то же самое. – Джейми слегка хмурился, но не из-за меня. Он смотрел на веранду, где между огромными каменными вазами мелькнул яркий килт Дункана.

– Правда? – изумилась я. – Ты же его об этом не спрашивал?

Джейми ответил укоризненным взглядом.

– Нет. За кого ты меня принимаешь, саксоночка?

– За шотландца. А вы все сексуальные маньяки. Или так можно решить, наслушавшись здешних разговоров. – Я мрачно глянула на Фаркуарда Кэмпбелла, – тот стоял к нам спиной, поглощенный беседой.

Джейми задумчиво почесал подбородок.

– Сексуальные маньяки?

– Ты понимаешь, о чем я.

– Ага, понимаю. Просто интересно – это ты меня так оскорбила или похвалила?

Я уже было раскрыла рот, но передумала и серьезно посмотрела на Джейми.

– Тебе виднее.

Джейми расхохотался, отчего некоторые гости обернулись в нашу сторону. Затем взял меня под руку и потащил в тень вязов.

– Я хотел кое-что спросить, саксоночка, – сказал он, следя через плечо, чтобы никого не оказалось рядом, в пределах слышимости. – Ты можешь переговорить с моей тетушкой наедине?

– В этом дурдоме? – Я посмотрела на веранду. Доброжелатели вились вокруг Дункана, как пчелы над цветочной клумбой. – Да, наверное, успею застать ее в комнате. Она отдыхает.

Я бы тоже не отказалась прилечь: ноги гудели от того, что я часами стояла, а новые туфли слегка жали.

– В комнате так в комнате.

Радужно улыбнувшись проходящему знакомому, Джейми вновь вернулся ко мне.

– Хорошо, – согласилась я. – А что такое?

– Ну, дело касается Дункана. – Джейми выглядел одновременно веселым и слегка встревоженным. – Есть небольшое затруднение, и он никак не соберется рассказать о нем тетушке.

– Только не говори, что он уже был женат и думал, что жена умерла, а сейчас увидел ее здесь за тарелочкой рыбного супа!

– Да нет, – улыбнулся Джейми. – Все не так плохо. И, скорее всего, не так тяжело, как опасается Дункан. Но он слишком переживает, поэтому так и не смог поговорить с тетушкой. Он ее немного стесняется, понимаешь?

Дункан вообще был застенчивым и скромным. Он, бывший рыбак, попал на войну во время восстания, а после битвы при Каллодене угодил в плен и провел много лет в тюрьме. Его выпустили, а не отправили в Колонии только потому, что он получил заражение крови и потерял руку, так что его нельзя было продать в качестве раба. Я прекрасно догадывалась, кто именно предложил свадьбу. Такая смелая мысль в жизни не пришла бы в голову Дункану.

– Заметно. Что его так беспокоит?

– Ну-у... Дункан действительно никогда не был женат. Ты не думала, почему?

– Наверное, восстание... О боже. – Я осеклась. – Он же... Ты хочешь сказать, что... любит мужчин? – невольно повысила я голос.

– Нет! Господи, ты решила, что я позволю содомиту жениться на моей тетушке?! – Джейми глянул по сторонам и убедился, что никто не услышал подобное обвинение, а потом, на всякий случай, потащил меня глубже в тень деревьев.

– Нет, – повторил он, когда мы вышли на небольшую полянку. – Ну у тебя и грязные мысли, саксоночка!.. Ничего подобного. – Джейми снова оглянулся; мы порядком отошли от остальных, и нас почти не было видно. – Он просто... неспособен.

– Что... импотент? – У меня буквально отвисла челюсть.

– Ага. В молодости он был помолвлен, но случилось ужасное несчастье. Ломовая лошадь лягнула его в пах. – Джейми шевельнулся, будто хотел проверить, все ли у него самого там в порядке. – Зажить, конечно, зажило, однако... для свадьбы он уже не годился, поэтому освободил девушку от обетов, и она вышла за другого.

– Бедняга! – сочувственно отозвалась я. – Боже милостивый, как же ему в жизни не везло...

– Ну, зато живой, – заметил Джейми. – А многие другие – нет. Кроме того, – он кивком указал на раскинувшуюся у него за спиной плантацию, – не назвал бы его нынешнюю жизнь тяжелой. Кроме маленькой сложности...

Я нахмурилась, мысленно перебирая возможные варианты медицинской помощи. Если повреждены сосуды, то шансов ноль – здесь нет оборудования для восстановительной хирургии. А вот если дело в гемоцели, то...

– Говоришь, это случилось в молодости? Хм-м. Ничего не обещаю, ведь прошло столько времени, но я могу осмотреть...

Джейми скептически на меня уставился.

– Осмотреть? Саксоночка, он пунцовеет каждый раз, как ты про кишки его спрашиваешь, и чуть не сгорел со стыда, пока это все мне рассказал. У него приступ случится, если ты будешь его между ног тыкать.

Веточка зацепила прядь моих волос, и я раздраженно убрала последнюю за ухо.

– А что мне еще делать? Не могу же я заговорами его вылечить!

– Нет, конечно, – слегка нетерпеливо произнес Джейми. – Я не просил тебя ничего с ним делать, я просил с тетушкой поговорить.

– Что... то есть она не знает? Но они же несколько месяцев как помолвлены и большую часть времени живут вместе!

– Да... – Джейми сделал странный жест плечами – словно рубашка стала ему мала. – Понимаешь, когда встал вопрос женитьбы, Дункану в

голову не пришло, что возникнет вопрос еще и... кхм.

Я вскинула бровь.

– А разве женитьба не предполагает хотя бы возможность этого «кхм»?

– Ну, он не думал, что тетушка клюнула на его мужскую красоту. Он считал, что так удобнее вести дела – ведь есть вещи, которые может делать только хозяин плантации, а не надзиратель. При этом ей все равно пришлось его уговаривать.

– И он никогда не собирался упомянуть о своем... недостатке?

– Он полагал, что тетушка расценивает брак исключительно как деловой. Она не заговаривала о постели, а он слишком стеснялся сам. Да и нужды не возникало.

– А теперь вдруг возникла? Что случилось? Сегодня утром твоя тетушка вдруг сунула руку ему под килт и выдала пошлость о грядущей ночи?

– Дункан не говорил, – сухо ответил Джейми. – Но только этим утром, когда он услышал шуточки гостей, до него дошло, что моя тетушка, возможно, ждет от него... кхм. Вот бедняга и запаниковал.

– Ясно. – Я задумчиво потерла верхнюю губу костяшками пальцев. – Неудивительно, что Дункан переживает.

– Ага. – Джейми выпрямился, словно человек, исполнивший долг. – Поэтому не будешь ли ты любезна поговорить с Йокастой и уладить...

– Я? Что я ей скажу?

– Ну, вряд ли она будет сильно возмущаться, – насмешливо произнес Джейми. – В конце концов, в ее возрасте...

Я громко фыркнула.

– В ее возрасте? Твоему деду Саймону было хорошо за семьдесят, а он все равно распутствовал до последнего.

– Моя тетушка – женщина, – достаточно строго отозвался Джейми. – Если ты не заметила.

– А ты думаешь, это имеет значение?

– А ты считаешь иначе?

– О, поверь, имеет. – Я откинулась спиной на ствол дерева, скрестив руки на груди, и взглянула на Джейми из-под полуопущенных ресниц. – Когда мне будет сто один год, а тебе девяносто шесть, я позову тебя к себе в постель... и посмотрим, кто из нас что захочет.

Джейми задумчиво на меня посмотрел. Синие глаза вспыхнули.

– Я возьму тебя прямо сейчас, саксоночка, – сказал он. – В качестве предоплаты.

– Ловлю тебя на слове. Однако...

Я глянула сквозь ветви на дом. Деревья уже начали зеленеть, но крошечные листочки никак не служили надежной защитой. Я повернулась к Джейми, как раз когда он опустил руки на мои бедра.

Дальнейшие события я помнила смутно. Разве что шуршание ткани, резкий запах смятого перловника и треск прошлогодних сухих веточек под ногами.

Потом мои глаза распахнулись.

– Продолжай! – воскликнула я. – Только не останавливайся, бога ради!

Джейми, отстранившись, оправил килт. На щеках красовался румянец, грудь тяжело вздымалась под кружевами рубашки. Затем он коварно усмехнулся и вытер лоб рукавом.

– Остальное отдам в девяносто шесть.

– Ты столько не проживешь! Сюда иди!

– Так ты поговоришь с моей тетушкой?

– Дранный вымогатель, – выдохнула я, комкая ткань килта. – Я тебе отплачу, клянусь, отплачу...

– Ага.

Джейми обхватил меня за талию и, оторвав от земли, развернул так, что закрыл спиной от дома. Его длинные пальцы ловко скользнули под платье, под нижние юбки и – еще более умело – меж моих обнаженных ног.

– Тш-ш, – шепнул Джейми. – Ты ведь не хочешь, чтобы нас услышали?

Я была более чем готова, и Джейми знал, что делал. Ему не пришлось долго стараться. Я впилась пальцами в его руку и выгнулась в головокружительном мгновении, а затем рухнула на Джейми, дергаясь, словно червяк на крючке.

Холодный ветерок, поигрывающий моими юбками, принес ароматы дыма и еды, а также отголоски слов и смеха. Я едва различала их за гулкими ударами собственного сердца.

– А ведь если так подумать, – заметил Джейми, – у Дункана есть рука... – Он мягко поставил меня на ноги, придерживая за локоть. – Можешь рассказать об этом тетушке, если решишь, что это поможет.

Глава 41. Чары музыки

Пробираясь сквозь толпу, Роджер Маккензи кивал знакомым, однако продолжал двигаться вперед и пресекал все попытки с ним заговорить. У него не было настроения вести беседы.

Брианна ушла кормить малыша, и хотя Роджеру ее не хватало, он был рад, что на некоторое время она останется вне видимости. Роджера совершенно не волновали взгляды, которые она притягивала; мужчины смотрели на нее восхищенно, однако с должным уважением. Впрочем, Роджер заметил, как мелкий ублюдок Форбс пялился ей в спину с таким же выражением, как один джентльмен, разглядывавший обнаженную мраморную богиню.

Роджер гордился ею. Тем не менее радость омрачала неприятная мысль, что Брианна смотрится хозяйкой всего этого... этого...

Мимо пронеслась еще одна рабыня, придерживая корзину со свежими булочками на голове. Любопытно, сколько вообще рабов держит Иокаста Кэмерон?

Конечно, уже поэтому не может быть и речи, чтобы Брианна унаследовала плантацию. Она в жизни не смирится с рабством, как и сам Роджер. Хорошо, что Бри вынуждена отказаться от законного наследства не только из-за его ущемленной гордости.

Со стороны дома донесся высокий звук скрипки, и Роджер тут же наострил уши. Естественно, на празднике будет музыка. И, если повезет, прозвучат незнакомые песни.

Проходя по веранде к дому, Роджер поклонился жене Фаркуарда Кэмпбелла, которая в наряде из розового шелка была похожа на дорогой абажур. Он пропустил ее вперед и закусил щеку изнутри, когда широченные юбки застряли в слишком узком проходе. Впрочем, миссис Кэмпбелл ловко развернулась и вошла боком, как краб. Роджер вошел следом, держась на почтительном расстоянии.

Скрипка умолкла, но где-то поблизости настраивали другие инструменты. Музыканты расположились в большой гостиной. Когда придет время, рабы откроют ее двойные двери, чтобы гости могли танцевать и в холле. Пока что в гостиной обнаружились лишь несколько человек, увлеченных беседой.

Дворецкий Улисс в безукоризненном парике и зеленой ливрее наблюдал за двумя служанками, которые готовили огромный чан свежего

ромового пунша. Музыканты ютились в дальнем конце комнаты, временами жадно поглядывая в сторону пунша.

– Чем сегодня нас порадуете? – спросил Роджер, остановившись рядом со скрипачом. – «Овечку с изогнутым рогом» или, может, «Шон Би»?

– О, бога ради, сэр, ничего причудливого. – Дирижер этого небольшого оркестра, напоминавший сверчка ирландец, чья согнутая спина странно сочеталась с ясным взглядом, снисходительно махнул рукой на разношерстную компанию музыкантов. – Они ничего не умеют, кроме джиги и рила. Впрочем, народу больше и не надо, – добавил он практично. – Здесь не бальные залы Дублина или, на худой конец, Идентона. И один хороший скрипач справится.

– То есть вы? – улыбнулся Роджер и кивнул на потрескавшийся футляр, который дирижер предусмотрительно убрал на этажерку, чтобы никто на него не наступил или не сел.

– То есть я, – согласился дирижер, изящно поклонившись. – Шеймус Хэнлон, сэр, к вашим услугам.

– Рад знакомству. Роджер Маккензи из Фрейзер-Риджа.

Он поклонился в ответ, наслаждаясь старомодным этикетом, и осторожно пожал руку Хэнлона с кривыми узловатыми пальцами. Дирижер отметил его заботу и скорчил гримасу.

– О, капля мази – и все с ними будет в порядке. – Хэнлон пошевелил рукой, глядя на Роджера ясными глазами. – А вы, сэр? Почувствовал мозоли на кончиках ваших пальцев. Полагаю, не скрипач, но играете на некоем струнном инструменте?

– Только чтобы коротать вечера, не так, как вы, господа. – Роджер вежливо кивнул на ансамбль, что уже полностью приготовился и насчитывал потертую виолончель, две виолы, трубу, флейту и нечто похожее на охотничий рожок, к которому приделали несколько странных, торчащих в разные стороны трубок.

Хэнлон оценил ширину груди Роджера.

– Вы, несомненно, еще и певец, мистер Маккензи?

Ответ утонул в звуках громкого удара и резкого звона струны. Обернувшись, Роджер увидел, как виолончелист прикрыл собой инструмент, словно наседка огромного цыпленка, от джентльмена, который, очевидно, пнул инструмент, проходя мимо.

– Смотреть надо под ноги! – рявкнул виолончелист. – Пьяница!

– А? – яростно уставился на музыканта плотный мужчина в форме военно-морского флота. – Ты посмел... посмел...

Он покачивался. Роджер и со своего места чувствовал, как от него

несет спиртным. Офицер ткнул в виолончелиста пальцем и явно собрался заговорить. Между его зубами даже показался кончик языка, но слов не последовало. Обвислые багровые щеки шевельнулись, потом офицер сдался и, развернувшись на пятках, ушел. По пути он едва не сбил лакея с подносом напитков и наткнулся на косяк ведущей в коридор двери.

– Осторожно, мистер О’Райли, – сухо обратился к виолончелисту Шеймус Хэнлон. – Если бы мы были у моря, за порогом вас уже ожидали бы вербовщики. Даже здесь, думаю, он наверняка подкараулит вас со свайкой или чем-то еще.

О’Райли выразительно сплюнул на пол.

– Я его знаю. Вульф. Он в стельку пьян... через час обо мне и не вспомнит.

Хэнлон покосился на дверь, в которой исчез лейтенант.

– Вполне может быть, – допустил он. – Но я тоже знаком с этим джентльменом и уверен, что он трезвее, чем кажется по его поведению. – Хэнлон задумчиво похлопал смычком по открытой ладони, а потом вновь повернулся к Роджеру: – Фрейзер-Ридж, так? Значит, вы приходитесь родичем миссис Кэмерон... или вернее, миссис Иннес?

– Я женат на дочери Джейми Фрейзера, – терпеливо произнес Роджер.

– Хо-хо! – Шеймус явно был впечатлен. – Ну, ладно. Хм!

– Что этот надутый пузырь здесь вообще делает? – возмутился виолончелист, до сих пор сердито глядевший вслед лейтенанту. – Все знают, что у него виды на миссис Кэмерон и «Горную реку». Как у него только наглости хватило заявиться сегодня!

– Может, он хотел показать, что не держит зла, – предположил Роджер. – Эдакий благородный жест – мол, победил сильнейший?

Музыканты расхохотались на разные лады.

– Может быть, – отозвался флейтист, качая головой. – Но если вы считаете себя другом Дункана Иннеса, передайте ему, чтобы он был осторожен во время танцев.

– Да, передайте, – согласился Шеймус Хэнлон. – Поговорите с ним, молодой человек, и возвращайтесь. – Поманив лакея, он осторожно подхватил бокал с протянутого подноса, а затем отсалютовал им и усмехнулся поверх края. – Вдруг это вы знаете пару мелодий, незнакомых мне.

Глава 42. Амулет на удачу

Брианна сидела в кресле у камина с Джемми на руках, наблюдая, как ее двоюродная бабушка готовится к свадьбе.

– Что думаете? – спросила Федра, обмакивая серебряную расческу в баночку помады для волос. – Поднять? – предложила она.

Федра не одобряла решение хозяйки не надевать парик и стремилась сделать все возможное, чтобы воссоздать подобную прическу из волос Иокасты.

– Чушь, – отозвалась Иокаста. – Мы не в Эдинбурге, дитя, и уж точно не в Лондоне.

Она прикрыла глаза, наслаждаясь теплом солнечных лучей, что лились сквозь окна. Серебряная расческа поблескивала в этом свете, а руки рабыни казались совсем темными на фоне ослепительно-белых волос.

– Может, и так, но ведь и не на диких Карибах, и не в какой-нибудь глуши, – возразила Федра. – Вы здесь хозяйка, это ваша свадьба. Все будут на вас смотреть... Вы хотите меня опозорить? Неужели выйдете вот так с распущенными, как у какой-то индианки, волосами, и все будут думать, что я неумеха?

– Ох, боже упаси. – Широкий рот Иокасты дрогнул от раздражения. – Просто зачеши их назад и закрепи гребешками. А свое мастерство демонстрируй на локонах моей внучки.

Федра сощурилась, глядя на Брианну через плечо, но та улыбнулась и покачала головой. Ради пристойности Брианна надела украшенный кружевом чепец и не собиралась возиться с прической. Рабыня фыркнула и продолжила умолять Иокасту согласиться. Брианна закрыла глаза, перестав прислушиваться к дружеской перепалке. Теплые лучи солнца падали ей на ноги, за спиной потрескивал камин, будто обнимая ее и маленького Джемми шерстяной шалью.

Комнаты дома гудели и трещали по швам от гостей. Некоторые останавливались на соседних плантациях и прибыли только на праздник, однако в «Горной реке» собралось столько народу, что все спальни были заняты, причем гостям приходилось спать по пять-шесть человек в одной постели. Еще больше ночевало в палатках у реки.

Брианна с завистью посмотрела на большую кровать с балдахином, которая принадлежала Иокасте. Из-за переездов, Джемми и толпы народа в «Горной реке» они с Роджером больше недели не спали друг с другом, и,

скорее всего, ждать им до возвращения на Ридж.

Однако Брианне хотелось не просто прижаться к Роджеру в постели. Малыш сосал молоко, и это ощущение вызывало у нее совершенно нематеринские желания, для удовлетворения которых требовались Роджер и возможность ненадолго уединиться. Вчера у них намечалось нечто любопытное в кладовой, так помешал раб, зашедший туда за сыром!.. Может, конюшни?..

– Хорошо, я надену бриллианты, но только ради вас, девушка. – Веселый голос Иокасты вырвал Брианну из соблазнительной фантазии о темном, устланном сеном деннике и обнаженном Роджере.

Брианна перевела взгляд с блаженно сосущего грудь Джемми на Иокасту, которая сидела у окна. Лицо бабушки казалось отстраненным. Словно она прислушивается к едва различимым, далеким звукам, доступным лишь ей. А может, просто к гулу гостей внизу.

Этот гул напоминал Брианне об ульях матери. Подобное деловитое жужжание можно было услышать, если прижаться ухом к стенке улья. Конечно, рой гостей производил сплетни, а не мед, но цель была такая же – заготовить запасы, чтобы пережить блеклые тоскливые дни.

– Все, хватит, сойдет, – отмахнулась Иокаста от Федры и встала.

Выгнав служанку из комнаты, она замерла у туалетного столика и беспокойно постукивала пальцами по его поверхности, явно размышляя, что еще упустила. Потом нахмурилась и прижала к глазам пальцы.

– Голова болит? – спросила Брианна, понизив голос, чтобы не потревожить почти заснувшего Джемми.

Иокаста опустила руку и, повернувшись к внучке, криво улыбнулась.

– А, ничего страшного. Каждый раз, как погода меняется, моя бедная голова начинает трещать.

Несмотря на улыбку, в уголках глаз Иокасты залегли морщинки, свидетельствовавшие о ее страдании.

– Джемми уже почти все. Я позову маму, и она приготовит настой из трав.

Иокаста махнула рукой, с видимым усилием отодвигая боль на второй план.

– Не надо, милая. Мне не так уж плохо.

Джемми причмокнул, выпустив грудь изо рта, и откинулся назад. Сгиб руки Брианны, куда до этого упиралась его головка, был влажным от пота, а крошечное ушко малыша смялось и покраснело. Брианна приподняла расслабленного Джемми и вздохнула с облегчением, когда кожи коснулся прохладный ветерок. Малыш срыгнул лишнее молоко и обмяк, уткнувшись

в материнское плечо.

– Налопался? – улыбнулась Иокаста, направив в их сторону слепые глаза.

– Надулся, как барабан.

Брианна на всякий случай похлопала Джемми по спинке, но тот лишь сопел во сне. Она поднялась и, вытерев с его подбородка молоко, уложила сына в импровизированную кроватку – ящик комода, который устроили на полу и устлали одеялами и подушками.

Брианна повесила шаль на стул, подрагивая на сквозняке. Чтобы не испортить новый наряд, она кормила Джемми лишь в нижней рубашке и чулках, и ее голые руки покрылись мурашками.

Иокаста повернула голову на скрип дверцы и шуршание ткани – Брианна доставала из гардероба две льняные нижние юбки и свое платье мягкой голубой шерсти. Брианна сама ее соткала и придумала фасон, хотя нити спряла миссис Баг, Клэр покрасила их, а Марсали сшила.

– Позвать Федру?

– Нет, спасибо, я справлюсь... если вы поможете со шнуровкой.

Брианна не любила обращаться к рабам чаще необходимого. С нижними юбками проблем не возникало – она просто надела одну, а потом вторую и завязала шнурки на талии. А вот корсет и само платье шнуровались на спине.

Иокаста на мгновение вскинула темные, почти бронзовые на фоне светлой кожи брови – помогать внучке с одеждой? – но кивнула. Она обратила взор слепых глаз к камину и слегка нахмурилась.

– Думаю, что помогу. Малыш не слишком близко к огню лежит? Могут полететь искры.

Брианна влезла в корсет, втиснув груди в предназначенные для них углубления, и натянула платье поверх.

– Нет, он не рядом с огнем, – терпеливо отозвалась она, повертевшись перед зеркалом, любуясь лифом с вшитыми спереди и по бокам косточками.

Заметив в зеркале хмурую Иокасту, Брианна отодвинула ящик еще дальше от камина.

– Спасибо, успокоила старуху, – сухо произнесла Иокаста, расслышав скрип дерева.

– Не за что, бабушка, – ответила Брианна слегка виновато. Она коснулась плеча Иокасты, и та сжала ее ладонь своей.

– Я вовсе не считаю тебя никудышной матерью, – сказала Иокаста. – Но, малышка, когда проживешь с мое, научишься быть осторожной. Я

видела, как с детьми случаются ужасные вещи. И лучше уж мне самой сгореть, чем пострадает наш милый мальчик.

Она встала позади Брианны и, легонько пробежав пальцами по ее спине, без труда нашла шнуровку корсета.

– Смотрю, ты восстановила фигуру... Что тут у нас, вышивка? Какого цвета?

– Темно-синего. Цветущая виноградная лоза из грубого хлопка на голубой шерсти.

Взяв руку Иокасты, Брианна помогла ей пройти кончиками пальцев по узору, который украшал каждую косточку лифа, от выреза до талии.

Уже в который раз Брианна задалась вопросом о жизни своей двоюродной бабки. У Иокасты были дети – по крайней мере, так думал Джейми, – но она никогда о них не заговаривала, а Брианна стеснялась спрашивать. Возможно, они умерли во младенчестве, как здесь часто случалось. Сердце сжалось.

– Не переживай, – произнесла Иокаста. Выражение ее лица в зеркале сменилось на решительно-жизнерадостное. – Твой парнишка рожден для великих свершений, ничего с ним не будет, я уверена.

Она развернулась, зашуршав тканью зеленого платья, и оставила Бри изумленно гадать, как ее бабка умеет понимать мысли других, не читая их по лицам.

– Федра! – позвала Иокаста. – Федра! Принеси черную шкатулку.

Рабыня, как всегда, держалась неподалеку и быстро нашла нужную вещь в ящиках гардероба. Иокаста со шкатулкой в руках села за письменный стол.

Шкатулка представляла собой узкую коробочку, обтянутую потертой черной кожей. Драгоценности хранились в куда более внушительном кедровом ларце, устланном бархатом внутри. Что же находится здесь?..

Иокаста откинула крышку, и Брианна, придвинувшись ближе, увидела деревянную палочку, на которую были нанизаны три кольца: одно незамысловатое с бериллом, второе – с большим неограниченным изумрудом и последнее – с тремя крупными бриллиантами в окружении меньших камешков.

– Какое красивое кольцо! – невольно восхитилась Бри.

– А, с бриллиантами? Ну, Гектор Кэмерон был человеком богатым, – отозвалась Иокаста, рассеянно касаясь самого большого кольца. Ее пальцы, ничем не украшенные, ловко порылись в мелочах, которые лежали в шкатулке помимо колец, и извлекли что-то маленькое и тусклое.

Иокаста протянула Брианне эту крошечную штучку – ажурную

оловянную брошь в форме сердца, потемневшую от времени.

– Это, милая, амулет на удачу, – довольно кивнула Иокаста. – Прицепи мальцу на одежду, сзади.

– Амулет? – Брианна глянула на свернувшегося калачиком Джемми. – Какой?

– От фейри. Пусть все время будет на одежде мальчика, – но помни, сзади! – и древний народец его не потревожит.

Брианна покрылась мурашками от спокойствия в голосе пожилой женщины.

Иокаста покопалась в корзине с вязанием и извлекла длинную сосновую палочку с остатками коры.

– Возьми, – приказала она. – Зажги один конец от камина и обойди малыша трижды. По часовой стрелке!

Озадаченная Брианна послушалась, держа горящий прутик на безопасном расстоянии и от самодельной колыбельки, и от своих шерстяных юбок. Иокаста, ритмично притопывая, вполголоса напевала заговор на гэльском, однако достаточно медленно, чтобы Брианна поняла большую часть слов:

Пусть твоей будет мудрость змеи,
Пусть твоей будет мудрость ворона
И мудрость храброго орла.

Пусть твоим будет голос лебедя,
Пусть твоим будет голос меда
И голос небесного Сына.

Пусть твоей будет защита девы-фейри,
Пусть твоей будет защита эльфа,
Пусть твоей будет защита красного пса.

Пусть твоей будет щедрость моря,
Пусть твоей будет щедрость земли,
Щедрость Отца небесного.

Пусть будет радостным каждый день
И не будет дней плохих,
Живи радостно, счастливо.

Иокаста на мгновение замолчала, словно ждала отклика от фейри. И, явно довольная, указала на камин:

– Сожги веточку. Тогда малец не пострадает от огня.

Брианна вновь покорилась и, к своему удивлению, поняла, что не находит это все даже отчасти нелепым. Да, ритуал странный, но в то же время приятно думать, что она защищает Джемми от опасности, – даже исходящей от фейри.

Снизу донеслась музыка – пронзительная скрипка и глубокий, сочный голос.

Иокаста наклонила голову, прислушиваясь.

– У твоего мужа хороший голос, – улыбнулась она.

Брианна различила тихие знакомые звуки песни «Моя любовь в Америке». *Я всегда пою для тебя.* В мягкой, оставшейся без молока груди кольнуло.

– У вас хороший слух, бабушка.

– Ты довольна своим браком? – вдруг спросила Иокаста. – Вы с твоим парнишкой подходите друг другу?

– Да, – слегка испуганно ответила Брианна. – Да... очень.

– Хорошо. – Иокаста стояла без движения, все еще прислушиваясь. – Да, хорошо, – повторила она тихо.

Поддавшись порыву, Брианна коснулась ее запястья.

– А вы, бабушка? Вы... рады?

Слово «счастлива» показалось Брианне неподходящим, учитывая ряд обручальных колец в шкатулке. «Подходите друг другу» тоже прозвучало бы не очень. Брианна вспомнила, как вчера Дункан молча сидел, забившись в угол, стесняясь всех, кроме Джейми, а сегодня утром потел и нервничал.

– Рада? – удивилась Иокаста. – А, ты о свадьбе! – рассмеялась она к облегчению Брианны. – Да, конечно. Ну а как же, я ведь впервые за пятьдесят лет сменю имя!

Иокаста подошла к окну и коснулась стекла ладонью.

– Сегодня хороший день, девочка моя. Почему бы тебе не надеть плащ и не прогуляться в приятной компании?

Река вдалеке блестела серебром сквозь кружево зеленой листвы, и уютная комната вдруг показалась душной и затхлой.

– Наверное, я пойду. – Брианна посмотрела на колыбельку. – Позвать Федру?

– Ах, иди уже, иди. Я не против присмотреть за малышом.

– Спасибо, бабушка.

Брианна поцеловала пожилую женщину в щеку и повернулась к

выходу... Потом, глянув на Иокасту, оттащила колыбельку еще чуть дальше от огня.

* * *

Воздух пах сочной травой и жареным мясом. Брианне даже захотелось вприпрыжку пробежать по дорожкам, до того бурлила кровь. Из дома доносилась музыка и пение Роджера. Сейчас она только немного проветрится и вернется. Может, к тому времени Роджер будет свободен, и они...

– Брианна! – донеслось шипение от стены, где начинались огороды.

Испуганно повернувшись, Брианна увидела, как из-за угла, словно рыжая улитка, высунулась голова ее отца.

Она быстро глянула по сторонам и, убедившись, что никто не смотрит, шмыгнула к морковным грядкам. Отец сидел на корточках у тела черной служанки, которая с чепцом на лице лежала на старой навозной куче.

– Что за черт... – начала Брианна и тут уловила запах алкоголя, что резко выделялся даже среди ароматов цветущих растений и вони нагретого на солнце навоза. – Ох...

– Моя вина. По крайней мере, отчасти. Я оставил недопитый бокал под ивами. – Джейми кивнул на кирпичную дорожку, где валялся пустой бокал. На краешке блестела капелька пунша. – Должно быть, она его нашла.

Брианна принялась к смятому чепчику служанки, который подрагивал от ее храпа. Сильнее всего несло ромовым пуншем, но различался и кислый запах эля, и глубокий аромат бренди. Очевидно, рабыня тщательно опустошала все недопитые бокалы, которые собирала для мытья. Брианна осторожно приподняла кружевной край чепчика и узнала Бетти, одну из старших служанок, с отвисшей в алкогольном забытии челюстью.

– Ага, она явно не один бокальчик допила, – прокомментировал Джейми. – Ума не приложу, как ухитрилась так далеко уйти.

Огороды располагались рядом с кухней, в добрых трехстах ярдах от самого дома. Вдобавок их отделяла живая изгородь и несколько клумб.

– Вопрос не только «как», – Брианна в задумчивости постучала пальцем по губам, – а почему?

– Что? – Джейми, хмуро созерцавший рабыню, перевел взгляд на дочь. Брианна кивнула на храпящую женщину.

– Почему она сюда забрела? Похоже, что пила она целый день... не

могла же она бежать сюда с каждым стаканом, ее бы заметили. Да и к чему? Можно ведь и тайком. Если бы я допивала остатки, то делала бы это прямо на месте.

Джейми удивленно на нее посмотрел, а потом криво усмехнулся.

– Правда? Ладно, мысль дельная. Но, может, в этом бокале было еще много пунша и она решила насладиться им в покое?

– У реки наверняка есть укромные места, куда ближе этого. – Брианна подняла бокал. – А ты что пил, ромовый пунш?

– Нет, бренди.

– Тогда это не твой бокал.

Брианна наклонила его, чтобы отец увидел темные остатки на дне. Ромовый пунш Иокасты готовили из рома, сахара и масла, добавляли сухую смородину, а потом помешивали горячей кочергой. Готовая темно-бурая смесь всегда оставляла осадок из крошечных частичек сажи и смородины.

Джейми, нахмурившись, взял бокал и сунул в него нос. Вдохнув запах, он макнул в осадок палец и лизнул кончик.

– Что там? – спросила Брианна, заметив выражение его лица.

– Пунш, – ответил он и провел языком по зубам, словно хотел их очистить. – С настойкой опия.

– Опий?! Ты уверен?

– Нет, – честно ответил Джейми. – Но там явно еще что-то, кроме смородины, или я ничего в этом деле не понимаю.

Он протянул бокал. Брианна изо всех сил принялась, но толком не почувствовала ничего, кроме сладковатого запаха ромового пунша. Может, и есть более резкая нотка, масляная и пахучая... или нет.

– Поверю на слово. – Она вытерла кончик носа тыльной стороной ладони и глянула на распластавшуюся служанку. – Поискать маму?

Джейми вновь опустился на корточки и внимательно осмотрел женщину – прислушался к дыханию, ощупал безвольную руку, а затем покачал головой.

– Не знаю, напилась ли она опия или просто спиртного, но не думаю, что она умирает.

– Что же нам с ней делать? Нельзя ее здесь бросить.

Джейми нахмурился.

– Конечно, нельзя.

Он наклонился и достаточно бережно поднял женщину на руки. С ноги свалилась поношенная туфля, Брианна ее подняла.

– Знаешь, где она спит? – спросил Джейми, осторожно огибая парник для огурцов.

– Она из домашних рабов. По идее, на чердаке.

Джейми кивнул, дернув головой, чтобы смахнуть с лица упавшую прядь волос.

– Замечательно. Ладно, обогнем конюшни и попробуем подняться по черной лестнице, не привлекая внимания. Иди вперед, малышка, и подай знак, когда никого не будет.

Брианна спрятала туфлю и бокал под плащом и шустро выбралась на тропинку, которая, раздваиваясь, уходила к кухне и к нужникам. Оглядевшись с якобы непринужденным видом, Брианна увидела людей у загона. Впрочем, он был достаточно далеко, да и все стояли к ней спиной, залюбовавшись голландскими лошадьми мистера Уайли.

Едва Брианна повернулась, чтобы дать знак отцу, у конюшен показался и сам мистер Уайли в компании дамы в блестящем платье из золотого шелка... Пойдите-ка, это ведь ее мать! Бледное лицо Клэр на мгновение повернулось в сторону Брианны, однако она внимательно слушала спутника и не заметила дочь.

Бри помедлила. Позвать ее? Нет, это могло привлечь нежелательное внимание остальных. Ладно, потом – когда Бетти будет благополучно спрятана.

* * *

Едва не попавшись несколько раз, они ухитрились доставить Бетти в комнату на чердаке, где жили остальные рабыни. Джейми, тяжело дыша, с облегчением уложил женщину на узкую постель, утер лоб рукавом и, сморщив длинный нос, стал яростно отряхивать сюртук от навоза.

– Ну что, она в безопасности, так? Если сказать кому-нибудь из рабов, что она заболела, думаю, никто не догадается.

– Спасибо, пап. – Брианна чмокнула его в щеку. – Ты такой милый.

– О да, – покорно согласился он. – Милее некуда.

Недовольным он, впрочем, не выглядел.

– Туфля у тебя? – Джейми стащил вторую с ноги служанки и аккуратно поставил на пол рядом с первой, а затем бережно укрыл ее ступни грубым шерстяным одеялом.

Когда они на цыпочках вернулись к лестнице, Брианна протянула отцу серебряный бокал:

– Смотри. Ты знал, что это один из бокалов Дункана?

– Нет. – Джейми вскинул бровь. – В смысле, бокалов Дункана?

– Бабушка Иокаста заказала для него шесть штук, как подарок на свадьбу. Она вчера их мне показала. Видишь?

Развернув бокал, Брианна продемонстрировала выгравированную букву «И», то есть «Иннес», и маленькую рыбку с красивыми чешуйками, плывущую рядом.

Джейми достал чистый батистовый платок и, аккуратно завернув бокал, спрятал его в карман сюртука.

– Можешь найти Роджера?

– Конечно. Зачем?

– Ну, если Бетти выпила полбокала и свалилась, то хорошо бы найти того, кто выпил первую часть, и посмотреть, в каком состоянии этот человек. – Джейми опять вскинул бровь. – Если в пунш что-то подлили, то явно для кого-то, так? Поищите с Роджером еще тела под кустами.

Брианна так спешила спрятать Бетти, что подобное совершенно не приходило ей в голову.

– Хорошо. Только сперва скажу Федре или Улиссу, что Бетти плохо себя чувствует.

– Ага. И если будешь говорить с Федрой, спроси, не пристрастилась ли эта Бетти к опиуму или выпивке. Хотя я думаю, что вряд ли, – сухо добавил Джейми.

– И я, – ответила ему в тон Брианна.

Однако все равно отметила про себя, что в пунш могли ничего и не подливать, а Бетти сама, намеренно выпила настойку.

Предположить, что тяжкое положение раба могло толкнуть на самоубийство, было несложно. И в то же время Брианна не могла не признать, что прислуга Иокасты жила хорошо. Лучше, чем многие свободные люди – черные или белые, – которых она видела в Уилмингтоне и Кросс-Крике.

Рабы ночевали в чистых комнатах, в простых удобных постелях; носили приличную одежду, вплоть до туфель и чулок; нормально питались. Что касается сложностей в эмоциональном плане, способных толкнуть на такой шаг... ну, подобное случалось не только с рабами.

Скорее всего, Бетти просто пьяница, из тех, кто пьет все подряд, – об этом свидетельствовала вонь ее одежды. Но опять же – зачем красть настойку опия в день свадьбы, когда любые напитки льются рекой?

Таким образом, Брианна неохотно пришла к выводу, который наверняка уже сделал ее отец. Бетти выпила настойку опия случайно. Тогда... чей же это был бокал?

Джейми молча повернулся и подал знак, что путь свободен. Быстро

выбравшись наружу, Брианна с облегчением выдохнула.

– Пап, а что ты там вообще делал? В огородах, – пояснила она в ответ на его непонимающий вид. – Как ты нашел Бетти?

Взяв дочь под руку, Джейми увел ее в сторону загона, где гости продолжали любоваться лошадьми.

– Разговаривал с твоей матушкой в роще. Потом вернулся через огороды, а тут эта женщина лежит прямо на куче дерьма.

– Между прочим, хороший вопрос. Она намеренно там прилегла или забрела туда случайно?

– Не знаю, – покачал головой Джейми. – Поговорю с Бетти, когда она протрезвеет. Ты не видела свою матушку?

– Она с Филипом Уайли. Шли к конюшням.

Брианна сдержала улыбку, заметив, как при упоминании Уайли ноздри отца раздулись.

– Найду ее. А ты, малышка, поговори с Федрой. И еще...

Уже было развернувшись, Брианна вновь удивленно глянула на Джейми.

– Попроси Федру не упоминать о Бетти, пока никто не спрашивает, где она, а если поинтересуются, то пусть скажет тебе... или мне. – Он резко расправил плечи и кашлянул. – Ну, давай, разыщи своего мужа. И пусть никто об этом не узнает.

Брианна кивнула, и Джейми ушел в сторону конюшен, будто в задумчивости похлопывая пальцами правой руки по сюртуку.

Прохладный ветер раздул юбки, заставляя поежиться. Брианна отлично понимала, на что намекал отец.

Попытка покончить с собой? Случайность? Или умышленное убийство?.. Но кого?

Глава 43. Интрижки

Джейми тягуче меня поцеловал и ломанулся через подлесок с твердым намерением разыскать Ниниана Белла Гамильтона и расспросить его о сборе регуляторов в лагере, о котором упомянул Хантер. Я пошла следом, выждав немного для приличия, но задержалась на краю рощи, чтобы оправить одежду.

Голова приятно кружилась, щеки пылали. Ладно, не страшно. То, что я выхожу из рощи, – тоже ничего удивительного. Многие женщины и мужчины справляли нужду за деревьями, чтобы не пользоваться переполненными вонючими нужниками. А вот факт, что я выхожу из рощи вся покрасневшая и запыхавшаяся, с листочками в волосах и перепачканной юбкой... вот это вызовет некоторое количество сплетен.

К юбке прицепились колючки, на плече обнаружились лепестки кизила. Я смахнула их, затем осторожно проверила прическу, с которой слетело еще несколько ароматных лепестков.

Только я вышла из-за деревьев, как меня осенило: надо проверить юбки и сзади, вдруг там остались кусочки коры. Я уже начала поворачиваться, чтобы глянуть через плечо, как врезалась в Филипа Уайли.

– Миссис Фрейзер! – Он поймал меня за плечи и не дал упасть. – Дорогая моя, вы в порядке?

– Естественно. – Теперь мои щеки пылали по вполне достойной причине. Я сделала шаг назад. Ну почему я все время натываюсь на Филипа Уайли? Этот маленький паразит меня что, преследует? – Прошу прощения.

– Пустяки, сам виноват. Я чертовски неуклюж. Позвольте предложить вам что-нибудь для поднятия настроения? Бокал сидра? Вина? Ромового пунша? Яблочной водки? Или... нет, бренди! Да, позвольте мне принести вам бренди!

– Ничего не надо, спасибо! – Его нелепость вызвала у меня невольный смех, и Уайли широко улыбнулся в ответ, очевидно, посчитав себя крайне остроумным.

– Ну, если вы в порядке, дорогая, то вы просто обязаны пойти со мной. Я настаиваю.

Он схватил меня под руку и уверенно потащил в сторону конюшен.

– Всего на мгновение, – заверил Уайли. – Я целый день с нетерпением ждал возможности показать вам мой сюрприз. Вы будете в полном

восторге, клянусь!

Я неохотно сдалась. Проще пойти и снова посмотреть на его чертовых лошадей, чем спорить дальше. Все равно до свадьбы куча времени, я успею переговорить с Иокастой. Однако на этот раз мы обогнули загон, где Лукас и компания покорно позволяли двум смелым джентльменам, которые перебрались через ограду, посмотреть на них поближе.

– Какой поразительно спокойный жеребец, – одобрила я, сравнивая про себя добродушного Лукаса с агрессивным Гидеоном. Джейми так и не успел его кастрировать, и по дороге в «Горную реку» он искушал всех – и других лошадей, и людей.

– Признак породы, – ответил Уайли, толкая дверь в главную конюшню. – Причем дружелюбие никак не влияет на острый ум, заверяю вас. Сюда, миссис Фрейзер.

По сравнению с ясным днем снаружи, внутри царила крошечная тьма. Я даже запнулась о неровность в полу, и Уайли схватил меня за руку, когда я, вскрикнув, покачнулась.

– Все хорошо, миссис Фрейзер? – спросил он.

– Да, – отозвалась я, переводя дыхание. На самом деле я больно ударилась пальцем и подвернула лодыжку. – Позвольте мне немного постоять, пока глаза привыкнут к темноте.

Уайли позволил, однако, вместо того чтобы отпустить мою руку, вновь устроил ее в изгибе своего локтя.

– Опирайтесь на меня, – просто сказал он.

Я так и поступила, и мы некоторое время простояли молча. Я поджала ногу, как цапля, ожидая, пока пальцы перестанут болеть. Уайли, в кои-то веки, удержался от колкостей.

В конюшнях всегда спокойно. Лошади и люди, которые о них заботятся, как правило, весьма доброжелательны по своей природе. Здесь тоже царил покой, но воздух будто подрагивал. Что-то шуршало, слышался перестук копыт. Где-то рядом лошадь мерно пережевывала сено.

Стоя близко к Уайли, я различала его парфюм, но даже дорогие ароматы мускуса и бергамота не могли перекрыть запахи конюшни. Пахло свежей соломой и зерном, кирпичом и деревом, хотя присутствовал и другой душок – навоза, а также крови и молока, неотъемлемых частей материнства.

– Здесь как в утробе, – тихо проговорила я. – Тепло и темно. Я почти чувствую биение сердца.

Уайли рассмеялся, но тоже негромко.

– Это мое. – Он коснулся камзола ладонью – тенью на фоне светлого

атласа.

Мимо проскользнула кошка, и я, пошатнувшись, опустила больную ногу. Опираясь на нее было все еще больно, но, по крайней мере, я уже могла поставить ее на пол.

– В состоянии немного постоять одна? – спросил Уайли.

Не дожидаясь ответа, он отстранился и подошел к стулу, на котором стоял фонарь. Послышались негромкие удары кремня по стальной пластинке, и мы оказались в круге желтого света. Вновь взяв меня под руку, Уайли направился к самому дальнему деннику, поднял фонарь выше и с улыбкой повернулся ко мне.

Свет упал на лошадиную шкуру, что блестела, как речная вода в свете луны, и отразился в больших темных глазах кобылы.

– Ох... какая красота! – вырвалось у меня.

Кобыла немного сдвинулась, и из-за ее ног выглянул жеребенок. Длинноногий, с узловатыми коленками, худенькой грудью и узким крупом, он пока только подавал надежды, что станет таким же идеальным, как мать. Но у него были такие же большие и добрые глаза, обрамленные длинными ресницами. Сзади виднелся забавный, похожий на метелку хвостик.

Малыш моргнул, ослепленный светом, и быстро спрятался за мать. Через мгновение оттуда высунулся носик, ноздри которого любопытно подергивались. Затем показался и большой глаз. Он моргнул, и носик вновь исчез.

– Ах ты, кокетка! – восхитилась я.

Уайли рассмеялся.

– Да, она такая, – сказал он с гордостью в голосе. – Они великолепны, не правда ли?

– Полагаю, слово «великолепны» не для них, оно больше подходит жеребцу, боевому коню. А эти... такие сладенькие!

Уайли весело фыркнул.

– Сладенькие?... – переспросил он.

– Вы же понимаете, – рассмеялась я. – Очаровательные. Добрые. Прелестные.

– А, в этом смысле. И красивые. – Уайли смотрел на меня с легкой улыбкой.

– Да, – согласилась я, ощутив беспокойство. – Да, они очень красивы.

Он стоял слишком близко. Я шагнула в сторону и отвернулась, чтобы получше рассмотреть лошадей. Жеребенок тыкался носом в вымя кобылы, радостно помахивая хвостиком.

– Как их зовут?

Уайли подвинулся к перегородке денника и повесил фонарь на крюк в стене.

– Кобылу зовут Тесса. Жеребца, Лукаса, вы видели. А вот жеребенок... – Он взял мою ладонь и улыбнулся. – Думаю назвать ее Красавица Клэр.

Я остолбенела.

– Что?

Мне наверняка послышалось. Я попыталась забрать руку, но замешкалась, и Уайли сжал пальцы сильнее. Он же не посмеет...

Он посмел.

– Очаровательная, – тихо произнес Уайли. – Добрая. Прелестная. Красивая.

И он меня поцеловал.

Я была так поражена, что не смогла шевельнуться. Его губы оказались мягкими, а их прикосновение – кратким и целомудренным. Впрочем, важно не это. А то, что он сделал.

– Мистер Уайли! – Торопливо шагнув назад, я наткнулась на перегородку.

– Миссис Фрейзер, – негромко отозвался он и шагнул ко мне. – Моя дорогая.

– Я не ваша... – начала я, и он снова меня поцеловал. Уже безо всякого целомудрия.

Сбросив оцепенение, я со всей силы его оттолкнула. Уайли пошатнулся и выпустил мою ладонь, но тут же схватил выше локтя и просунул вторую руку мне за спину.

– Кокетка, – шепнул он и вновь наклонился к моему лицу.

Я его пнула. К сожалению, больной ногой, поэтому Уайли никак не отреагировал. Шок и неверие уступили место осознанию, что этот молодой человек крепко схватил меня за задницу, и я начала сопротивляться всерьез. В то же время я понимала, что вокруг конюшни бродит полно народу, и мне меньше всего хотелось привлечь их внимание.

– Хватит! – прошипела я. – Сейчас же прекратите!

– Вы сводите меня с ума, – выдохнул он, пытаясь залезть языком мне в ухо.

Я была полностью уверена, что он действительно сошел с ума, но категорически отказывалась брать на себя ответственность за его состояние. Я отодвинулась насколько могла, учитывая перегородку за спиной, и попыталась втиснуть руку между нашими телами. К этому времени я начала мыслить на удивление ясно. Пнуть его в пах я не могла –

он сунул колено между моих ног и прижал юбку. А вот если бы я добралась до его горла и пережала сонную артерию, он рухнул бы как подкошенный.

До горла я все-таки дотянулась, однако помешал его чертов шейный платок. Уайли перехватил мою руку.

– Прошу, – произнес он. – Я хочу...

– Да плевать, чего вы хотите! Отпустите меня сейчас же, вы... вы... – Я отчаянно искала подходящее оскорбление. – Вы... щенок!

К моему изумлению, Уайли замер. Побледнеть он не мог, так как лицо его было покрыто рисовой мукой, – я чувствовала ее вкус на губах, – но поджал губы и показался весьма... обиженным.

– Вы правда так обо мне думаете? – проговорил он негромко.

– Да, черт возьми! Что мне еще думать? Вы рехнулись! Вы ведете себя так... так отвратительно! Что с вами?

– Отвратительно? – Уайли поразило такое описание его ухаживаний. – Но я... то есть вы... я думал, что вы... я имею в виду, что вы были не против...

– Вы не могли, – решительно заявила я. – Вы не могли подумать ничего подобного. Я никогда не давала вам ни малейшего повода!

По крайней мере намеренно... Я с тревогой сообразила, что, возможно, Филип Уайли расценивал мои действия несколько иначе.

– В самом деле? – На его лице мелькнул гнев. – Позвольте не согласиться, мэм! Кокетка, – повторил он уже совершенно иным тоном. – Никакого повода? Вы дали мне уйму поводов с самой первой нашей встречи.

– Что?! – невольно повысила я голос. – Я с вами беседовала, ничего более. Если, по-вашему, это кокетство, мальчик мой, тогда...

– Не называйте меня так!

О, значит, он все-таки заметил разницу в возрасте, просто не понял ее величину. И тут я с долей страха осознала, что в обществе, где вращался Филип Уайли, заигрывание и в самом деле скрывали под маской подшучивания. Господи, что же я ему наговорила?..

Я смутно помнила разговор с Уайли и его другом Стэнхоупом о гербовом сборе. Да, о налогах и, кажется, лошадях... Но ведь этого явно недостаточно, чтобы возникло такое недоразумение?

– Глаза твои – озерки Есевонские, – процитировал он тихо и горько. – Разве вы не помните вечер, когда я вам это сказал? Песнь песней Соломона для вас – лишь беседа?

Я невольно почувствовала укол вины. Да, мы обменялись этими строками на званом вечере у Йокасты, два или три года назад. И он

помнит? Песнь песней была, конечно, опрометчивой темой для разговора. Возможно, одна отсылка... Я мысленно встряхнулась и выпрямила спину.

– Чушь! Вы меня дразнили, и я просто ответила вам в тон. А сейчас пора...

– Вы пришли со мной сюда. Одна.

Он снова шагнул ко мне с решительностью во взгляде. Опять за свое, вот же тупоголовый хлыщ!

– Мистер Уайли, – твердо начала я, ускользая в сторону, – мне ужасно жаль, что вы неправильно поняли ситуацию. Я замужем, счастлива в браке и не испытываю к вам ни малейшего интереса в романтическом плане. А теперь прошу меня простить...

Я протиснулась мимо него и поспешила прочь из конюшни так быстро, насколько позволяли новые туфли. Впрочем, Уайли не стал меня догонять, и я благополучно выбралась наружу. Сердце бешено колотилось.

Возле загона стояли люди. Я повернула в другую сторону и обошла конюшню, пока меня никто не успел заметить. Укрывшись от глаз, я быстро убедилась, что не выгляжу слишком всклокоченной. Не знаю, видел ли кто, как я заходила в конюшню с мистером Уайли.

Из прически выбился лишь один локон, и я аккуратно заправила его обратно, а потом отряхнула юбки от соломы. К счастью, Уайли ничего не порвал, оставалось лишь поправить шаль – и я вновь выгляжу прилично.

– Ты в порядке, саксоночка?

Я подскочила на месте, как пойманный лосось. Сердце екнуло. Я резко развернулась... и увидела Джейми, хмуро изучавшего меня взглядом.

– Чем это ты занималась?

Сердце по-прежнему колотилось где-то в горле, мешая дышать, но я сумела выдать несколько слов.

– Ничем. Смотрела на лошадей... на лошадь. Кобылу. У нее жеребенок.

– Ага, я знаю. – Джейми странно на меня глянул.

– Ты нашел Ниниана? Что он сказал?

Я принялась поправлять волосы, чтобы избежать его взгляда.

– Он говорит, что это правда... хотя я и не сомневался. Их там более тысячи человек, в лагере под Солсбери. И каждый день приходят новые. А старый пройдоха этому рад!

Джейми нахмурился, постукивая пальцами правой руки по ноге, – явно нервничал. На то были причины. Если даже не принимать во внимание сам конфликт, сейчас стояла весна. Мы смогли приехать на свадьбу Иокасты только потому, что ее плантация располагается в

предгорье. Здесь уже вовсю цвели растения – крокусы пробивали землю, словно оранжевые и фиолетовые зубы дракона, на деревьях набухали почки. Недели через две почки начнут лопаться, и во Фрейзер-Ридже наступит время весенних посевных работ. Правда, Джейми предусмотрел подобную ситуацию и договорился с старым Арчи Багом, однако в одиночку Арчи многого не сделает. Что касается арендаторов и поселенцев... если губернатор опять созовет ополчение, на посеве останутся только женщины.

– Люди в том лагере... это те, кто оставил свои земли?

Солсбери тоже лежал в предгорье. Немыслимое дело – чтобы земледelec бросил все в такое время года ради выступления против правительства, неважно, насколько плохого.

– Оставили или потеряли, – коротко ответил Джейми и нахмурился еще сильнее, глядя на меня. – Ты поговорила с тетушкой?

– А... нет, – виновато отозвалась я. – Пока нет. Я как раз собиралась... Что-то еще произошло?

Джейми зашипел, будто кипящий чайник.

– Господи, я почти забыл... Кажется, одну рабыню отравили.

– Что? Кто? Как?

– Не беспокойся, она в безопасности. Только пьяная. – Джейми раздраженно передернул плечами. – Возможно, отравить хотели не ее. Я отправил Роджера и Брианну на поиски, но они пока не нашли мертвое тело.

– Возможно? – Я потеряла переносицу, забыв свои злоключения. – Признаю, алкоголь ядовит, хотя никто этого не осознает, но есть разница между человеком пьяным и намеренно отравленным. Что ты имеешь в...

– Саксоночка, – перебил меня Джейми.

– Что?

– Чем, бога ради, ты занималась?

Я уставилась на него в замешательстве. По мере разговора щеки Джейми все сильнее пылали, но я думала, что это из-за переживаний о Ниниане и регуляторах. Теперь я заметила в его глазах опасный блеск и поняла, что дело в чем-то куда более личном. Я наклонила голову к плечу и осторожно глянула на Джейми.

– В смысле, чем я занималась?

Джейми поджал губы и вместо ответа бережно коснулся уголка моих губ указательным пальцем. А потом продемонстрировал нечто темное, прилипшее к кончику пальца... мушку Филипа Уайли.

– Ох. – В ушах зашумело. – Это... э-э...

Голова закружилась, а перед глазами замелькали черные точки – причем все в форме звездочек, как эта чертова мушка.

– Да, вот это! – рявкнул Джейми. – Господи, женщина! Меня до смерти достали глупости Дункана и выходки Ниниана... Почему ты не сказала, что он подрался с Барлоу?

– Я бы не назвала это дракой, – произнесла я, стараясь вернуть самообладание. – Майор Макдональд их уgomонил, раз уж тебя нигде не было. И, раз уж тебе надо все рассказывать, майор хочет...

– Знаю я, чего он хочет, – отмахнулся Джейми. – Я по уши в проблемах с майором, регуляторами и пьяными девицами, а ты милуешься в конюшне с этим хлыщом!

Кровь ударила мне в голову, и я сжала кулаки, чтобы не влeпить ему пощечину.

– Я ни в коей мере не «миловалась», ты прекрасно знаешь! Гадкий прохвост пристал ко мне с ухаживаниями.

– Ухаживаниями? Предавался любви то есть? Да уж, вижу!

– Да нет же!

– М-да? А эту мелочь он тебе на счастье прицепил?

Джейми сунул мне под нос палец с мушкой, и я сердито по нему стукнула, запоздало вспоминая, что «предаваться любви» означало скорее заигрывать, чем развратничать.

– То есть, – процедила я сквозь зубы, – он меня поцеловал. Возможно, в шутку. Я же в матери ему гожусь, ради всего святого!

– Скорее в бабки, – жестко бросил Джейми. – Поцеловал, конечно... Почему ты, черт возьми, этому потворствовала, саксоночка?

Я распахнула рот от возмущения, оскорбленная как словами про бабушку Филипа Уайли, так и подобным обвинением.

– Потворствовала?! Дурень проклятый, ты прекрасно знаешь, что ничему я не потворствовала!

– Твоя собственная дочь видела, как ты с ним вошла в конюшню! У тебя что, стыда нет? Ко всему, что здесь творится, мне теперь еще и на дуэль его вызывать?

Мне слегка поплохело при мысли о Брианне, а потом стало еще хуже, когда я представила дуэль между Джейми и Филипом Уайли.

– Моя дочь не дура и не сплетница, – с огромным достоинством произнесла я. – Она не подумала бы ничего плохого о том, что я пошла посмотреть на лошадь, с чего бы ей? С чего вообще кому-либо так решить?

Джейми шумно выдохнул сквозь сжатые губы.

– Да уж, с чего? Может, потому, что все видели, как ты заигрывала с

ним на лужайке? Как он повсюду за тобой ходит, словно кобель за течной сукой? – Должно быть, Джейми обратил внимание, как опасно изменилось выражение моего лица. Он кашлянул и быстро продолжил: – Уже не один человек посчитал нужным мне об этом сообщить. Думаешь, приятно, когда из тебя делают посмешище, саксоночка?

– Ты... ты... – Я задохнулась от ярости. Мне ужасно хотелось ему врезать, но в нашу сторону уже начали заинтересованно поворачиваться. – Течная сука?! Как ты смеешь обо мне так говорить, ублюдок проклятый!

Джейми хватило приличия сделать слегка смущенный вид.

– Ладно, извини. Я не хотел сказать... но ты ведь последовала за ним, саксоночка. Как будто у меня и так мало забот, так моя собственная жена... А если бы ты пошла поговорить с тетушкой, как я просил, этого бы вообще не произошло. Смотри, что ты натворила!

Насчет дуэли я передумала: теперь мне хотелось, чтобы Джейми и Филип Уайли друг друга убили, прилюдно и быстро и чтобы крови побольше. А еще мне стало все равно, смотрят на нас или нет. Я рванула вперед с твердым намерением кастрировать Джейми голыми руками, но он перехватил мои запястья и дернул их вверх.

– Господи! Вокруг люди, саксоночка!

– Да мне... черт побери... плевать! – шипела я, изо всех сил пытаюсь освободиться. – Пусти, гад, или сейчас им будет на что посмотреть!

Не сводя глаз с Джейми, я знала, что к нам уже повернулись многие гости. Джейми тоже это понимал. Он мимолетно нахмурился, а потом на его лице отразилась решимость.

– Ну и ладно. Пусть смотрят.

Он обхватил меня руками, крепко прижав к себе, и поцеловал. Спротивляться было бесполезно, вместо этого я оцепенела от ярости. Послышались одобрителные возгласы и смех. Ниниан Гамильтон выкрикнул что-то по-гэльски; по счастью, слов я не разобрала.

Наконец Джейми перестал терзать мои губы и, по-прежнему меня обнимая, очень медленно наклонил голову. Его прохладная, твердая щека коснулась моей. Его тело тоже было твердым, но совершенно не прохладным. Жар проникал сквозь по меньшей мере шесть слоев одежды прямо к моей коже: сквозь рубашку, камзол, сюртук, платье, нижнюю рубашку и корсет. Не знаю, от гнева или возбуждения – или одновременно, – но он пылал как печка.

– Прости, – тихо сказал он, щекоча мое ухо горячим дыханием. – Я не хотел тебя оскорбить. Честно. Давай я убью его, а потом себя?

Я самую малость расслабилась. Мои бедра вжимались в его, и

разделяло их лишь пять слоев ткани. Мне нравилось.

– Ладно, пожалуй, не сейчас, – снизошла я.

Голова немного кружилась от всплеска адреналина, и я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. И отстранилась, почувствовав резкую вонь от его одежды. Если бы я не была так раздосадована, то сразу бы заметила этот мерзкий запах.

– Чем ты, бога ради, занимался? – Я принялась к его сюртуку. – Ужас! Воняет, как...

– Навоз, – смиренно закончил Джейми.

– Да, навоз. – Я снова втянула воздух носом. – И ромовый пунш... И что-то жуткое, вроде застарелого пота, и...

– Вареная репа, – сказал он еще более покорно. – Так, саксоночка, о рабыне, про которую я говорил. Ее зовут Бетти.

Джейми взял меня под руку и, низко поклонившись толпе наблюдателей – они, черт возьми, разразились аплодисментами! – повел меня к дому.

– Было бы хорошо, если ты от нее добьешься чего-нибудь вменяемого, – проговорил Джейми, глянув на солнце в зените, зависшее над ивами, что росли вдоль реки. – Но уже нет времени. Лучше сперва сходи поговори с моей тетушкой, раз уж в четыре свадьба.

Я снова глубоко вдохнула, пытаюсь собраться с мыслями.

– Хорошо. Я пойду к Йокасте, а потом осмотрю Бетти. А что касается Филипа Уайли...

– Что касается Филипа Уайли, – перебил меня Джейми, – хватит о нем, саксоночка. – В его глазах читалось некое намерение. – Я об этом позабочусь.

Глава 44. Интимные органы

Джейми остался в малой гостиной, а я поднялась по лестнице и прошла по коридору к комнате Йокасты, рассеянно кивая друзьям и знакомым, которых встречала по пути. Я была расстроена и раздражена – и в то же время невольно усмехалась. Я не уделяла столько времени размышлениям о пенисах с шестнадцати лет, и вот она я – вся в раздумьях о мужских половых органах.

Оказавшись в коридоре одна, я открыла веер и задумчиво всмотрелась в крошечное круглое зеркальце, которое служило озером в нарисованном на нем пейзаже. Предназначалось оно скорее для флирта, чем прихорашивания, и я увидела в нем лишь кусочек своего лица – глаз и насмешливо выгнутая бровь.

Глаз, надо признать, был красивым. Его, конечно, обрамляли морщинки, но он имел неплохой разрез, изящные веки и длинные ресницы, чей черный цвет подчеркивал глубину зрачка и контрастировал с золотисто-янтарной радужкой.

Я сдвинула веер, чтобы увидеть рот. Полные губы – куда более полные, чем обычно, не говоря уже о насыщенном розовом цвете, – выглядели так, словно их кто-то грубо целовал. А еще так, будто им это было приятно.

– Хм! – хмыкнула я и закрыла веер.

Кровь уже не кипела, поэтому я могла признать, что Джейми, возможно, прав касательно целей Филипа Уайли по отношению ко мне. А возможно, и не прав. Однако, независимо от тайных мотивов этого молодого человека, я получила неопровержимое доказательство, что он считает меня физически привлекательной, гожусь я ему в бабки или нет. Правда, Джейми об этом лучше не говорить. Филип Уайли, конечно, очень навязчив, но я все-таки не хотела, чтобы его выпотрошили прямо на лужайке.

Тем не менее зрелость неким образом влияла на приоритеты человека. Несмотря на личную заинтересованность в вышеупомянутых мужских органах, находящихся в возбужденном состоянии, в данный момент меня больше занимал как раз вялый. Даже руки чесались – так хотелось взяться за причинное место Дункана Иннеса. Хотя бы фигурально.

Мало какая травма, кроме прямой кастрации, может вызвать физическую импотенцию. Хирургия, конечно, в этом времени примитивна;

вполне вероятно, что врач, который занялся травмой Дункана – если ей вообще кто-то занимался, – попросту удалил оба яичка. Тогда почему Дункан об этом не сказал?

Впрочем, он не стал бы о таком упоминать. Дункан был крайне застенчивым и скромным, а ведь даже более раскованный человек подумает дважды, прежде чем доверить такую тайну даже близкому другу. Однако скрывать такое в тюрьме?.. Я забарабанила пальцами по инкрустированному деревянному столику у двери в комнату Иокасты.

Мужчины, конечно, могут не мыться годами; я видела господ, которые явно так и поступали. С другой стороны, узникам Ардсмур приходилось работать на открытом воздухе – добывать торф и породу. У них наверняка был доступ к водоему, где они время от времени могли мыться хотя бы для того, чтобы снять зуд от укусов паразитов. И все-таки, наверное, можно мыться и не раздеваясь догола.

Я подозревала, что травма Дункана не столь серьезна в физическом плане. Скорее всего, его импотенция вызвана психологическими факторами. Сильный удар по мошонке обязательно повлечет за собой временную неспособность к половой близости, а слишком ранняя попытка проверить легко могла убедить Дункана, что для него все кончено.

Я замерла у двери. В конце концов, мне уже приходилось сообщать людям плохие известия, и я извлекла из этого опыта урок: нет смысла готовиться и подбирать слова. Красноречие не поможет, а прямота не исключает сочувствие. Я коротко постучала и, услышав приглашение Иокасты, вошла.

В комнате обнаружился и отец Леклерк. Он сидел за небольшим столиком в углу и деловито поглощал разложенную перед ним еду. На столе стояли и две бутылки вина, причем одна уже пустая. Священник встретил меня настолько широкой улыбкой, что его перепачканные жиром губы словно оттянулись за уши.

– Хэй-хо, мадам! – радостно выдал он и взмахнул ножкой индейки в знак приветствия. – Хэй-хо, хэй-хо!

Французское *bonjour*^[65] показалось мне уж слишком тяжеловесным, поэтому я ограничилась реверансом и простым «Ваше здоровье!».

Выпроводить священника явно было невозможно, как и отвести Иокасту в гардеробную – там копошилась Федра, вооруженная щеткой для одежды. Однако, учитывая ограниченные познания отца Леклерка в английском, я решила, что можно побеседовать и при нем.

Я коснулась локтя Иокасты и тихонько предложила присесть в оконной нише, так как я должна рассказать кое-что важное. Иокаста

удивилась, но кивнула. Затем она поклонилась отцу Леклерку, который сражался с особенно упрямым хрящом и ничего не заметил, и присела рядом со мной.

– Да, племянница? – спросила она, расправив юбки. – Что там такое?

– Ну... – начала я и глубоко вдохнула. – Это касается Дункана. Понимаете...

Иокаста поняла. В начале моего рассказа на ее лице застыло изумленное выражение, однако я все сильнее ощущала, как по мере продолжения в ней что-то менялось... как будто она почувствовала облегчение, с удивлением подумала я.

Она поджала губы, а слепые глаза, как всегда, уставились куда-то поверх моего правого плеча. Иокаста явно встревожилась, однако выражение ее лица постепенно менялось – как у человека, который с облегчением узнал причины беспокоившей его ситуации.

Верно, они с Дунканом больше года живут под одной крышей и уже много месяцев помолвлены. На людях Дункан всегда относился к Иокасте с уважением – даже почтением – и заботой, но никогда не проявлял нежных чувств. Такое поведение, конечно, для этого времени было нормальным, хотя некоторые джентльмены, бывало, открыто демонстрировали отношение к своим женам. Возможно, Дункан не делал подобных жестов и наедине, а Иокаста их ожидала.

В молодости она была прекрасна, да и сейчас оставалась красива. Она привыкла к восхищению мужчин и, несмотря на слепоту, умело заигрывала с Эндрю Макнилом, Нинианом Гамильтоном, Ричардом Касвеллом и даже с Фаркуардом Кэмпбеллом.

Теперь она выяснила причины и вздохнула, слегка качнув головой.

– Боже мой, бедняга. Так пострадать, примириться со своим положением, а потом вдруг опять заново все пережить... Пресвятая Дева, ну почему прошлое не может оставить нас в покое?

Иокаста опустила глаза, и я, одновременно удивившись и растрогавшись, заметила, что они стали влажными.

За ее спиной вдруг возникла большая тень. Я вскинула голову и увидела отца Леклерка, нависшего над нами, как туча в черной сутане.

– Что-то случилось? – спросил он по-французски. – Месье Дункан получил травму?

Иокаста не знала ничего на этом языке, кроме «*Comment allez-vous?*»^[66], но явно поняла тон вопроса и уловила имя Дункана.

– Не говорите ему, – настойчиво попросила она, коснувшись моего колена.

– Конечно, – заверила я ее, а затем вновь глянула на священника и слегка махнула рукой. – *Non*, – ответила я ему. – *C'est rien*.

Все в порядке.

Священник недоверчиво нахмурился, потом перевел взгляд на Иокасту.

– Проблемы с брачным ложем? – прямо спросил он. – Я расслышал слово «мошонка», мадам, и вряд ли вы говорите о животных.

Конечно! Пусть отец Леклерк не говорил по-английски, зато он совершенно точно знал латынь. В обоих языках это слово звучало одинаково.

– *Merde*^[67], – выругалась я в полголоса. Иокаста вновь повернулась ко мне.

Я ободряюще коснулась ее руки, пытаюсь сообразить, что же делать. Отец Леклерк наблюдал за нами с любопытством, а в его мягких карих глазах светилась невероятная доброта.

– Боюсь, он уловил суть, – виновато сказала я Иокасте. – Думаю, лучше я все объясню.

Она закусила нижнюю губу, но возражать не стала, и я кратко посвятила священника в суть дела. Он вскинул брови и невольно схватился за деревянные четки, висевшие у него на поясе.

– *Oui, merde, Madame*, – произнес отец Леклерк. – *Quelle tragédie*^[68].

Он перекрестился распятием, а потом совершенно непосредственно вытер жир с бороды рукавом и уселся рядом с Иокастой.

– Мадам, спросите ее, пожалуйста, чего она желает, – обратился он ко мне. Несмотря на вежливый тон, это был приказ.

– Желает?

– *Oui*. По-прежнему ли она желает выйти замуж за месье Дункана? Как вы понимаете, мадам, по законам Святой церкви, если нельзя вступить в супружеские отношения, то и брак заключить нельзя. Зная об этом, я не должен проводить обряд. Однако... – Он поколебался, сжав губы. – Однако подобное условие предполагает, что союз даст плоды, если на то будет воля Божья. Здесь же Господь не станет требовать плодов. Так что, понимаете...

Я перевела его вопрос Иокасте, и на ее лице появилось типичное для Маккензи выражение – спокойная маска, за которой скрывался бурный мыслительный процесс.

Мне и в голову не приходило, что подобное откровение может помешать свадьбе. Джейми хотел защиты для своей тетушки, и Дункан мог ее защитить. Свадьба представлялась идеальным выходом. Джейми будет

вне себя, если в последний момент планы рухнут.

Через мгновение Иокаста глубоко вздохнула.

– Хвала небесам, что мне повезло заполучить иезуита, – сухо проговорила она. – Иезуиты своими доводами Папу Римского без исподнего оставят. Уж они-то знают, что на уме у Бога... Да, скажите ему, что я все равно хочу выйти замуж.

Я перевела ее слова отцу Леклерку, который внимательно изучал Иокасту взглядом. Она этого, разумеется, не видела и вскинула бровь, ожидая ответа.

– Передайте ей вот что, мадам, будьте так любезны. В основе этого закона Церкви лежит деторождение, конечно, однако есть и другие важные стороны. Для брака, истинного брака между мужчиной и женщиной важен и... союз тел. И будут оба в плоть едину. Между супругами происходит многое, когда они делят постель и дарят друг другу удовольствие. Брак этим не ограничивается, но это его важная часть.

Должно быть, на моем лице мелькнуло удивление, так как он слегка улыбнулся и посмотрел уже на меня.

– Я не всегда был священником, мадам. Когда-то я был женат. Я знаю, каково это – отречься от... плотской стороны жизни.

Деревянные бусины четок стукнули друг о друга.

Я кивнула и, переведя дыхание, перевела его слова для Иокасты. Сейчас тетушка не раздумывала.

– Скажите, что я благодарна ему за совет. Я тоже уже была замужем... причем не раз. И с его помощью вновь стану женой. Сегодня.

Я передала священнику ее ответ, но он уже все понял по ее прямой осанке и тону. Отец Леклерк еще немного посидел, перебирая четки, а потом кивнул.

– *Oui, Madame.* – Он потянулся и мягко сжал руку Иокасты. – Хэй-хо, мадам!

Глава 45. Как его ни назови...

Так, одно дело сделано, думала я, поднимаясь на чердак. Следующий обязательный пункт программы: рабыня Бетти. На самом ли деле ее отравили? Снизу донеслись приглушенные удары часов: один, два, три. До свадьбы оставался час...

Учитывая, что католиков в колонии не жаловали, Иокаста не могла нанести своим гостям, в основном протестантам той или иной масти, такое оскорбление – заставить их присутствовать при папистской церемонии. Поэтому сам обряд проведут тайно, в ее будуаре, а затем молодожены спустятся по лестнице рука об руку и будут праздновать с друзьями, которые тактично притворятся, что отец Леклерк – просто-напросто странно одетый гость.

Приблизившись к чердаку, я различила тихие голоса. Дверь в комнату, где ночевали женщины, была приоткрыта. Распахнув ее, я увидела Улисса. Дворецкий стоял у изголовья узкой постели, скрестив руки на груди, словно ангел возмездия, вырезанный из черного дерева. Очевидно, он считал, что вина полностью лежит на Бетти, ведь она серьезно нарушила свои обязанности. К рабыне наклонился щеголеватый человечек в рединготе и с огромным париком.

Прежде чем я успела заговорить, он прижал к безвольной руке Бетти некий предмет. Раздался тихий щелчок, и на темной коже рабыни появился красный прямоугольник. Капля разбухла, затем превратилась в кровавый ручеек, который стек по руке в специальную мисочку у локтя.

– Скарификатор, – пояснил Улисс джентльмен и с гордостью продемонстрировал свой инструмент. – Большой прорыв по сравнению с грубыми ланцетами и флеботомами. Привез из Филадельфии!

Дворецкий вежливо наклонил голову, то ли принимая предложение рассмотреть инструмент, то ли признавая его исключительное происхождение.

– Уверен, что госпожа Кэмерон будет крайне благодарна за вашу любезность, доктор Фентиман.

Фентиман. Врач из Кросс-Крика. Я кашлянула, и Улисс тут же внимательно на меня глянул.

– Госпожа Фрейзер, – коротко поклонился он. – Доктор Фентиман только что...

– Госпожа Фрейзер?!

Доктор круто развернулся и уставился на меня с таким же подозрением и интересом, как и я на него. До него тоже наверняка доходили слухи. Однако победили манеры, и он шаркнул ножкой, прижав ладонь к атласному камзолу.

– К вашим услугам, мэм, – произнес он и, слегка пошатнувшись, выпрямился.

Я сразу же уловила запах джина. О выпитом спиртном свидетельствовали и лопнувшие капилляры на его носу и щеках.

– Очаровательно. – Я протянула ему руку для поцелуя.

Сперва на его лице отразилось удивление, но потом он с еще большим бахвальством склонился, а я поверх напудренного парика оглядела чердак.

У Бетти был такой вид, словно она неделю как мертва, если судить по пепельному цвету кожи. Сказать что-либо наверняка я не могла – свет проникал на чердак сквозь толстую промасленную бумагу, прибитую к небольшим фронтонам. Улисс и сам выглядел серым, словно уголь, припорошенный пеплом.

Вытекшая кровь уже начала сворачиваться – хороший знак. Правда, я содрогнулась от мысли, на скольких же людях Фентиман успел применить свой гадкий прибор. У кровати стоял открытый чемоданчик, и я не видела ни намека, что сей доктор чистит инструменты после применения.

– Ваша доброта делает вам честь, миссис Фрейзер, – выдал доктор, выпрямляясь. При этом он не выпустил моей руки – явно, чтобы не потерять равновесие. – Однако не беспокойтесь. Миссис Кэмерон – моя давняя и дорогая знакомая, и я рад вылечить ее рабыню, – благосклонно улыбнулся он и моргнул, стараясь сфокусировать на мне взгляд.

Я слышала дыхание женщины – глубокое и тяжелое, но ровное. У меня буквально руки чесались проверить ее пульс. Я как можно незаметнее втянула носом воздух. Кроме резкого запаха от парика, который явно обрабатывали порошком из крапивы и иссопом от вшей, и вони застарелого пота и табака от самого доктора, я уловила медную нотку свежей крови и смрад разложившейся крови из чемоданчика. Фентиман точно не чистил инструменты.

Кроме того, я легко различила и алкогольные пары, о которых говорили Джейми и Брианна, – то ли от Бетти, то ли от доктора. Если там где-то и была настойка опия, то мне надо подобраться ближе, и поскорее, пока ее аромат не исчез полностью.

– Невероятно мило с вашей стороны, доктор, – натянуто улыбнулась я. – Уверена, что тетушка моего мужа вам крайне благодарна. Однако такой джентльмен, как вы... у вас, должно быть, масса более важных дел.

Поверьте, мы с Улиссом сумеем позаботиться о бедняжке. Вас наверняка уже заждались друзья.

Особенно те, кто жаждет выиграть у вас в карты несколько фунтов. Пока не протрезвел!

К моему удивлению, доктор не сразу поддался на лесть. Он наконец выпустил мою руку и так же натянуто улыбнулся.

– О нет, что вы! Заверяю вас, не надо никакого ухода. Обыкновенное злоупотребление спиртным. Я дал сильное рвотное средство, и как только оно подействует, женщину можно будет спокойно оставить одну. Прошу, возвращайтесь к веселью, моя дорогая, вам незачем рисковать таким прекрасным нарядом, совершенно незачем.

Прежде чем я успела возразить, со стороны кровати донесся характерный звук, и доктор Фентиман тут же выхватил из-под кровати ночной горшок.

Несмотря на собственное состояние, доктор был похвально внимателен к пациентке. Я бы не решилась дать такое средство бессознательному больному, но не могла не признать, что это вполне разумное действие при подозрении на отравление, даже если в роли яда выступил всем известный алкоголь. А если доктор Фентиман отметил то же самое, что и Джейми...

Рабыня успела плотно наесться. Неудивительно – на праздник наготовили кучу еды. Возможно, это и спасло ей жизнь, замедлив всасывание алкоголя – и любых других веществ – в кровь. Рвота воняла смесью рома и бренди, но я была уверена, что различила и едва заметный приторный запах опиума.

– Что за средство вы использовали?

Я наклонилась и приподняла веко женщины. Остекленевший взгляд карего глаза пялился вверх, а зрачок сузился до точки. Точно опиум.

– Миссис Фрейзер! – раздраженно уставился на меня доктор. – Уходите, пожалуйста, и не вмешивайтесь! Я очень занят, у меня нет времени на ваши прихоти. Уведите ее! – махнул он Улиссу и вновь повернулся к постели, поправляя съехавший на одно ухо парик.

– Ах вы, мелкий... – Я проглотила готовый вырваться эпитет, увидев, как Улисс неуверенно шагнул в мою сторону. Он явно не хотел меня выпроваживать, но точно так же явно был готов выполнить приказ доктора, а не слушать мои.

Я, дрожа от ярости, развернулась и вылетела из комнаты.

Джейми ждал меня у лестницы. Увидев выражение моего лица, сразу же взял меня под руку и вывел из дома наружу.

– Этот... этот... – Я потеряла дар речи.

– Гадкий червь? – услужливо подсказал Джейми. – *Unsonsie sharg?*^[69]

– Да! Ты его вообще слышал?! Злобный выскочка, мясник! Чертов... сопьяк! Нет у него времени на мои прихоти!.. Да как он посмел?! – Пойти его прирезать? – спросил Джейми, положив ладонь на эфес кинжала. – Могу выпотрошить его ради тебя... или просто дать в рожу. Как угодно.

Предложение звучало заманчиво, но мне пришлось отказаться.

– Ладно... – Я с трудом совладала с гневом. – Лучше не надо.

Я вдруг ощутила отголосок такого же разговора о Филипе Уайли. Джейми криво усмехнулся – он тоже это понял.

– Черт, – уныло выругалась я.

– Ага, – согласился Джейми, неохотно выпуская эфес из руки. – Кажется, мне сегодня так и не дадут пролить кровь, так?

– А тебе хочется, да?

– Очень, – сухо ответил он. – Тебе тоже, судя по твоему виду.

Я не стала спорить, хотя так и тянуло выпотрошить докторишку тупой ложкой. Однако я лишь провела ладонью по лицу и сделала глубокий вдох, стараясь восстановить душевное равновесие.

– Он прикончит эту женщину? – спросил Джейми, кивнув на дом.

– Не сразу.

Кровопускание и промывание желудка – крайне спорные и достаточно опасные методы, но не приведут к моментальной смерти.

– Кстати. Ты, скорее всего, прав насчет настойки опия.

Джейми кивнул, сжав губы в задумчивости.

– Ладно. Важно поговорить с Бетти, как только она придет в себя. Вряд ли Фентиман будет сидеть над постелью больного раба?

Теперь задумалась и я.

– Вряд ли, – кивнула я. – По-моему, ей ничего не угрожает. Надо только следить, чтобы она не захлебнулась рвотой во сне. Сомневаюсь, что он лично этим займется, даже если подумает о подобной вероятности.

– Хорошо. – Джейми умолк. Ветерок играл его рыжими прядями. – Я отправил Брианну и ее мужа поискать, не храпит ли кто из гостей в укромном уголке. Сам пойду проверю рабов. У тебя получится прокрасться на чердак, когда Фентиман уйдет, и поговорить с Бетти, едва она проснется?

– Постараюсь. – Я все равно пошла бы наверх, чтобы проверить состояние Бетти. – Но не затягивай, скоро свадьба.

Мы немного постояли, глядя друг на друга.

– Не переживай, саксоночка, – тихо сказал Джейми и убрал мне за ухо прядь волос. – Этот доктор просто дурачок, не обращай внимания.

Я коснулась его руки, благодаря за утешение и одновременно извиняясь.

– Мне жаль, что так получилось с Филипом Уайли, – произнесла я и тут же поняла, что зря.

Упоминание ненавистного имени ничуть не успокоило Джейми. Он вновь плотно сжал губы и отодвинулся.

– И о нем не беспокойся. Я скоро разберусь с малышом Уайли.

– Но...

Я беспомощно умолкла. Очевидно, я ничего не могла сказать или сделать, чтобы все наладилось. Если Джейми посчитал, что его честь задета, – а так и было, несмотря на мои слова, – тогда Уайли за все заплатит, и точка.

– Ты самый упертый из всех, кого я встречала, – раздраженно произнесла я.

– Спасибо, – слегка поклонился Джейми.

– Это не похвала!

– А вот и похвала.

И, снова поклонившись, он развернулся и ушел по своим делам.

Глава 46. Ртуть

Обряд прошел на удивление гладко. Церемонию провели на французском в малой гостиной наверху. Присутствовали жених и невеста, священник, Джейми и Клэр в качестве свидетелей, а также Брианна с мужем. Как и Джемми, однако его едва ли стоило принимать в расчет – весь обряд он проспал.

Дункан был бледен, но спокоен, тетушка Джейми произнесла клятвы твердо, без малейших колебаний. Брианна, которая сама недавно вышла замуж, расчувствовалась и взидала на все со слезами счастья на глазах. А Роджер Мак, чью руку она сжимала, глядел на нее с любовью. Джейми тоже был тронут и легонько поцеловал пальцы Клэр, пока маленький толстый священник благословлял новобрачных.

Когда церемония подошла к концу и пара подписала документы, все спустились к гостям на роскошный свадебный ужин при свете расставленных вдоль веранды факелов.

Джейми взял бокал вина и откинулся спиной на низкую стену веранды. Дневное напряжение потихоньку сходило на нет. Одно дело сделано.

Рабыня Бетти до сих пор лежала, как туша быка, но пока была в безопасности. Других отравленных людей так и не обнаружили. Значит, вероятнее всего, настойку выпила только рабыня. Старый Ниниан и Барлоу почти приблизились к состоянию Бетти и не представляли угрозы ни друг другу, ни прочим гостям. А Хазбенд с регуляторами, что бы они ни замышляли, находились далеко. Джейми чувствовал приятную легкость и был готов к отдыху.

Он машинально приподнял бокал, приветствуя Касвелла и Хантера, которые прошли мимо, увлеченные беседой. Обсуждать политику совершенно не хотелось, поэтому Джейми вышел из-за стола и начал пробираться сквозь толпу гостей.

Чего ему действительно хотелось, так это собственную жену. Несмотря на достаточно ранний час, небо уже потемнело. И чем выше разгорались факелы, тем явственнее на дом и веранду опускалась атмосфера беззаботного веселья. Было холодно, но внутри плескалось хорошее вино, и Джейми невольно вспомнил, как касался под юбками ее теплой и влажной, словно половинка персика, плоти...

Вот она, на другом конце веранды. В свете факелов сияли кудри,

выбившиеся из-под смехотворной кружевной ленты. Джейми шевельнул пальцами. Как только они останутся наедине, он вытащит все шпильки, одну за другой, и сам поднимет ее копну только для того, чтобы еще раз насладиться тем, как они упадут ей на плечи.

Клэр с бокалом в руке смеялась над шуткой Ллойда Стэнхоупа. Ее лицо слегка покраснелось от вина, и Джейми охватило приятное предвкушение.

В постели она всегда была разной, то нежная, то необузданная, – но брать ее, когда она слегка пьяна, было особым удовольствием. Тогда она не обращала внимания ни на что, кроме своего удовольствия. Она царапалась и кусалась, умоляла, чтобы он делал с ней то же самое. Какая сладостная радость – присоединиться к ней в животной страсти. Или сдержаться на время, чтобы затем полностью подчинить себе.

Джейми потягивал вино и тайком наблюдал за Клэр. Она стояла в центре небольшой компании джентльменов и, видимо, была увлечена остроумным разговором. Один-два бокала развязывали ей язык и делали ум гибче. Еще несколько бокалов, и ее сияние перерастет в расплавленный жар. Но пока еще рано, настоящее веселье впереди.

Джейми заметил, что она мельком на него глянула, и улыбнулся. А затем перехватил бокал так, словно держал не гладкое стекло, а ее грудь. Клэр увидела и поняла. Она кокетливо опустила ресницы и вернулась к беседе, однако щеки ее еще сильнее покраснелись.

Джейми задумчиво провел кончиком языка по нижней губе, как наяву ощущая сладковатый вкус крови. Пощада? О нет, пощады не будет.

Приняв решение, он задумался о более насущной проблеме – найти достаточно уединенное местечко, где можно воплотить планы. Размышления прервал возникший рядом Джордж Лион, холеный и крайне самодовольный. Они были представлены, но Джейми мало что знал об этом человеке.

– Мистер Фрейзер. На пару слов, сэр?

– К вашим услугам, сэр.

Джейми поставил бокал на стол и, пошевелившись, тайком поправил килт. Как хорошо, что он не носит узкие атласные бриджи, как этот хлыщ Уайли. Джейми считал их неприличными и жутко неудобными. В женском обществе такая теснота в штанах рано или поздно может и без причиндалов оставить. Зачем мужчине так рисковать, если он, конечно, изначально не евнух, – а Уайли им точно не был, несмотря на пудру и мушки. Зато килтом можно скрыть множество грехов – или, по крайней мере, кинжал и пистолет, что уж говорить о случайном стояке.

– Пройдемся, мистер Лион? – предложил Джейми.

Если дело такое личное, как можно судить по его внешнему виду, то лучше уйти с веранды, где им в любой момент могут помешать.

Поддерживая разговор ни о чем и обмениваясь любезностями с проходящими мимо гостями, они вышли во двор.

– К загону?

Не дожидаясь кивка Лиона, Джейми повернулся к конюшням. Он все равно хотел снова посмотреть на фриз.

– Я много о вас слышал, мистер Фрейзер, – вежливо начал Лион, когда они не спеша подошли к высокой башне с часами.

– В самом деле? Надеюсь, ничего криминального?

Лион занимался куплей и продажей всего, что только могло заинтересовать людей, и не очень-то вдавался в подробности происхождения этих товаров. Ходили слухи, что временами он торговал и менее материальными вещами, нежели металл и бумага.

Лион рассмеялся, сверкнув достаточно ровными, но желтыми от табака зубами.

– Нет, мистер Фрейзер. За исключением небольшого недостатка, который касается ваших родственных связей... но едва ли вас можно в этом винить, пусть люди и будут строить догадки. О вас же я слышал лишь хвалебные речи.

«А *Dhia*^[70], – подумал Джейми. – Шантаж и лесть, и все прямо с порога. Неужели Северная Каролина такая дыра, что здесь не встретить более ловкого интригана?» Он вежливо улыбнулся и приготовился услышать, чего же хочет этот болван.

Не так много – для начала, по крайней мере. Информацию об ополчении Джейми, а также имена людей. Любопытно. Выходит, Лион не человек губернатора, иначе он легко мог бы все это узнать. Кто тогда за ним стоит? Точно не регуляторы. Из них при деньгах был только Ниниан Белл Гамильтон, а уж если бы старику Ниниану захотелось задать подобный вопрос, то он спросил бы лично. Значит, кто-то из богатых плантаторов с побережья? Большинство аристократов интересовались колониями, от которых зависело их богатство. Логичный вывод: тот, кому Лион намеревается продать информацию, может что-то выиграть или потерять от беспорядков в колонии. Кто же это?

– Чишолм, Макгилливрей, Линдси... – задумчиво перечислял Лион. – Большинство ваших людей – шотландские горцы. Сыновья ранних поселенцев или, возможно, бывшие солдаты, как вы, сэр?

– О, вряд ли солдата можно считать бывшим, сэр, – отозвался Джейми,

наклонившись, чтобы конюшенный пес обнюхал костяшки его пальцев. – Если человек побывал на войне, он помечен на всю жизнь. Я даже слышал, что старые солдаты не умирают своей смертью, они просто угасают.

Лион расхохотался и заявил, что это отличное изречение, не Джейми ли его придумал? Не дожидаясь ответа, он уверенно продолжил:

– Рад слышать, что вы так настроены, мистер Фрейзер. Его величество всегда рассчитывал на стойкость и воинские умения горцев. Возможно, вы или ваши соседи служили в полку вашего кузена? Семьдесят восьмой полк Фрейзера геройски отличился в ходе недавнего конфликта. Осмелюсь сказать, что воинское искусство у вас в крови, а?

Достаточно смелое заявление. На самом деле Саймон Фрейзер приходился Джейми не кузеном, а дядей, ведь он сын деда Джейми. Юный Саймон пытался искупить предательство отца и вернуть семейное состояние и земли, поэтому возглавил два полка в Семилетней войне, которую Брианна упорно называла франко-индейской, будто Британия там была ни при чем.

Теперь Лион спрашивал, не намерен ли и Джейми доказать верность Короне, получив патент на офицерский чин в полку горцев? Глупец!..

– О нет, к сожалению, я не мог там служить, – ответил Джейми. – Непригодность из-за прошлой кампании, понимаете?

Совсем немного непригоден – в течение семи лет после Восстания был узником Короны. Впрочем, если Лион этого не знает, то нет смысла ему объяснять.

Добравшись до загона, они удобно облокотились на изгородь. Лошадей еще не увели на ночь – большие черные создания двигались словно тени, их шкуры поблескивали в свете факелов.

– Необыкновенные лошади, правда? – прервал Джейми разглагольствования Лиона о тлетворном влиянии групповщины.

– Да, это очень древняя порода. Видел их раньше, в Голландии.

– В Голландии? Вы много путешествуете?

– Я был там несколько лет назад и случайно встретил вашего родича, торговца вином по имени Джаред Фрейзер.

Джейми преисполнился радости при упоминании кузена.

– В самом деле? Да, Джаред приходится моему отцу кузеном. Надеюсь, он был в добром здравии.

– Весьма.

Лион слегка шевельнулся, опираясь на изгородь, и Джейми понял, что они наконец подошли к делу. Он осушил бокал и поставил его на землю, приготовившись слушать.

- Как я понимаю, у вас тоже в крови талант к изготовлению спиртного. Джейми рассмеялся.
- Скорее вкус, сэр. Не могу ничего сказать о таланте.
- Разве? Не скромничайте. Качество вашего виски хорошо известно.
- Вы мне льстите.

Джейми знал, что последует дальше. Ему уже не раз предлагали партнерство: он обеспечивает виски, а другая сторона переправляет его в Кросс-Крик, Уилмингтон и даже в Чарльстон. Однако у Лиона были куда более масштабные планы. Самый выдержанный товар будут транспортировать по воде в Бостон и Филадельфию. Некоторое количество виски можно доставлять в деревни индейцев чероки в обмен на шкуры и меха. Вдобавок есть заинтересованные лица, которые обеспечат...

В конце концов Джейми остановил Лиона.

– Спасибо за предложение, сэр, но я и близко не располагаю таким количеством товара. Я делаю виски только для семьи. Иногда еще несколько бочек для местной торговли. Не больше.

Лион добродушно фыркнул.

– Уверен, вы сможете повысить производительность, мистер Фрейзер, с вашими-то знаниями и способностями! А если дело в сырье... Договоримся! Я побеседую с джентльменами, которые могут стать нашими партнерами в данном предприятии, и...

– Нет, сэр. Простите. С вашего позволения...

Коротко поклонившись, Джейми направился обратно к веранде.

Надо бы расспросить Фаркуарда Кэмпбелла об этом Лионе. Возможно, за ним стоит понаблюдать. Не то чтобы Джейми был особо против контрабанды; главное, не оказаться пойманным. Но увязнуть по самую шею в обширной схеме, где ты не контролируешь самые рискованные части процесса?

Если бы ему пришлось заняться подобной торговлей, он организовал бы все сам. Возможно, с помощью Фергуса или Роджера. В крайнем случае старого Арчи Бага и Джо Уэмисса. Больше никого. Куда безопаснее делать все тихо, в узком кругу... Между прочим, идея недурная. Все равно из Фергуса земледелец никакой, ему нужно найти другое занятие. Зато француз хорошо знаком с рискованым делом, как они называли такие предприятия еще в Эдинбурге...

Джейми в раздумьях добрался до веранды, и тут вид жены немедленно вымел все мысли о виски из его головы.

Клэр отошла от Стэнхоупа и теперь стояла у стола, рассматривая предложенные блюда. На широком лбу залегла морщинка – обилие

деликатесов привело ее в замешательство.

Заметив масляный взгляд Джеральда Форбса, Джейми сразу же встал между ним и Клэр. «Она моя, воронье», – подумал он.

– Что, саксоночка, не можешь решить, с чего начать?

Забрав у жены пустой бокал, Джейми прижался к ее спине. Клэр рассмеялась и откинулась на него. От ее кожи пахло рисовой мукой, а от волос – шиповником.

– Я не голодна. Просто считала, сколько тут разных видов студня и солений. Их тридцать семь... если я не сбилась.

Джейми бросил взгляд на стол, который действительно ломился от серебряных блюд, фарфоровых мисок и деревянных тарелок. Таким количеством еды деревня горцев могла питаться целый месяц. Впрочем, Джейми тоже не был голоден. По крайней мере, не хотел есть.

– Улисс побеспокоился. Не мог посрамить гостеприимство моей тетушки.

– Ты видел, как жарят мясо? Там на вертелах не меньше трех целых быков и дюжины свиней. А куриц и уток вовсе не сосчитать. Твоя тетушка решила всем показать, как Дункан поработал? То есть как процветает «Горная река» благодаря его усилиям?

– Возможно, – сказал Джейми, однако про себя подумал, что скорее Иокаста хотела утереть нос Фаркуарду Кэмпбеллу и затмить пир, который тот затеял в декабре на свою свадьбу.

Кстати о свадьбах...

– Саксоночка, держи.

Забрав у нее пустой бокал, Джейми поставил его на поднос подошедшего раба и взял полный, который дал ей в руку.

– Ой, я не... – начала Клэр, однако он уже взял второй бокал и отсалютовал.

Ее щеки заалели еще сильнее, а глаза вспыхнули янтарем.

– За красоту, – произнес Джейми с улыбкой.

* * *

Я чувствовала приятную расслабленность, тепло и блаженство во всем теле. Такие ощущения вызвало не только вино, хотя оно было очень хорошим. Просто после всех дневных волнений и происшествий напряжение меня наконец отпустило.

Бракосочетание прошло тихо и спокойно. Праздновать, конечно, будут

шумно – я уже слышала, как некоторые молодые люди планировали разнузданное веселье, – но не мне об этом беспокоиться. Сама я намеревалась насладиться замечательным ужином, выпить пару бокалов отличного вина... а потом разыскать Джейми и вместе с ним проверить, годится ли для романтики каменная скамья под ивами.

Джейми появился чуть раньше, чем я планировала, я так и не успела ничего съесть. Правда, я совершенно не возражала против такой смены приоритетов. Все равно угощений останется предостаточно.

В свете факелов его волосы и кожа вспыхнули, как медь. Поднявшийся ветерок захлопал скатертями, заставил огонь взвиться выше, вытянул прядки из рыжей косички. Джейми поднял бокал и улыбнулся мне поверх его края.

– За красоту, – тихо сказал он, а потом сделал глоток, не сводя с меня глаз.

Блаженство взметнулось, пустив волны дрожи по бедрам.

– За... уединение, – отозвалась я.

Ощущая приятное безрассудство, я медленно стянула с волос кружево. Кудри, которые больше ничего не сдерживало, упали на спину, и сзади кто-то ахнул.

Лицо Джейми вдруг утратило всякое выражение, а взгляд стал как у ястреба, когда тот выслеживает кролика. Я подняла бокал, удерживая этот взгляд, и не спеша отпила. Аромат винограда ударил в голову, а жар вина согрел лицо, горло и грудь. Джейми забрал у меня бокал – его холодные пальцы стиснули мою руку.

А потом со стороны застекленной двери раздался голос:

– Мистер Фрейзер.

Мы оба вздрогнули, и бокал, упав на плиты веранды, разбился вдребезги. Увидев силуэт в дверях, Джейми криво усмехнулся.

Свет факела выхватил из тьмы Филипа Уайли. Его скулы пылали лихорадочным румянцем даже под слоем пудры.

– Мой друг Стэнхоуп предложил сыграть партию-другую в вист, – произнес он. – Вы присоединитесь к нам, мистер Фрейзер?

Джейми смерил Уайли холодным взглядом, и я заметила, как дрогнули искалеченные пальцы его правой руки.

– Вист?

– Да. – Уайли натянуто улыбнулся, старательно избегая смотреть в мою сторону. – Я слышал, вы отлично играете в карты, сэр. Впрочем, ставки будут весьма высоки. Вероятно, вы сомневаетесь, что...

– С удовольствием, – произнес Джейми таким тоном, что было ясно:

удовольствие ему доставит только возможность вбить зубы Уайли ему в глотку.

Эти самые зубы сверкнули в улыбке.

– Буду с нетерпением ждать.

– К вашим услугам, сэр.

Джейми коротко поклонился и, схватив меня за локоть, потащил прочь.

Я шагала рядом, стараясь не отставать, и молчала, пока мы не оказались достаточно далеко от гостей.

– Ты с ума сошел? – вежливо поинтересовалась я. Получив в ответ короткое фырканье, я вдавила пятки в землю и потянула Джейми за руку, чтобы он наконец остановился. – Вопрос не риторический. Вист и высокие ставки?

Джейми действительно отлично играл в карты. И еще он знал кучу способов смухлевать. Однако в висте это очень трудно, практически невозможно. Вдобавок Филип Уайли тоже славился умением играть, как и Стэнхоуп. И кроме того, у Джейми вообще было нечего ставить на кон, что уж говорить про высокие ставки.

– Ты хочешь, чтобы я позволил этому хлыщу растоптать мою честь, а потом швырнуть мне в лицо оскорбление? – развернулся Джейми, пылая от гнева.

– Я уверена, что он не имел в виду... – начала я, но осеклась. Даже если Уайли не хотел оскорбить Джейми, он бросил ему вызов. – Тебе не обязательно с ними играть!

С таким же успехом я могла уговаривать стенку, которой обнесены огороды.

– Обязательно, – отрезал Джейми. – У меня есть гордость.

– Да, и Филип Уайли прекрасно это знает!.. Слыхал, что дьявол гордился, да с неба свалился?

– Не имею ни малейшего намерения ниоткуда сваливаться, – заверил меня Джейми. – Ты дашь мне свое золотое кольцо?

У меня отвисла челюсть.

– Мое кольцо? – Я невольно коснулась кольца Фрэнка на левой руке.

Пляшущий свет факелов, зажженных вдоль веранды, освещал Джейми сбоку, заостряя упрямые черты его лица.

– Мне нужно что-то поставить, – тихо проговорил он.

– Да чтоб тебя!

Я отвернулась и замерла на краю веранды. На лужайке тоже горели факелы. В темноте белели мраморные ягодицы Персея.

– Я его не проиграю. – Рука Джейми тяжело легла мне на плечо. – А

если проиграю, то выкуплю. Я знаю, что... оно для тебя важно.

Я сбросила его ладонь и отошла на пару шагов. Сердце бешено колотилось, лицо горело.

Джейми больше ничего не говорил и не пытался меня коснуться. Он просто ждал.

– Золотое, – наконец безжизненно отозвалась я. – Не серебряное?

Не его кольцо, не метку его собственности.

– Золотое дороже. – На мгновение замешкавшись, он добавил: – В денежном смысле.

– Знаю.

Я вновь повернулась. Пламя факелов дрожало на ветру и отбрасывало на лицо Джейми тени; мне было трудно разобрать его выражение.

– Почему бы тебе не взять оба?

Мои руки были холодными и скользкими от пота. Золотое легко соскользнуло с пальца, серебряное сидело туго, но я справилась. Потом взяла руку Джейми и уронила в его ладонь звякнувшие кольца.

И ушла.

Глава 47. Во славу Венеры

Роджер покинул гостиную и вышел на веранду, пробравшись сквозь толпу, которая стайей тли облепила столы. Ночной воздух приятно охладил взмокшую кожу. В полумраке можно было незаметно расстегнуть камзол и похлопать полами рубашки, чтобы немного остыть.

Пламя сосновых факелов, выстроенных вдоль веранды и каменных дорожек, трепетало на ветру и отбрасывало пляшущие тени на гостей, то и дело выхватывая лица или части тел. Огонь отражался от серебра и хрусталя, от золотой тесьмы и застежек на обуви, от сережек и пуговиц. Казалось, будто среди складок темной ткани летают светлячки.

В течение дня Брианну он видел лишь мельком. Она то помогала Иокасте, то заботилась о Джемми, то беседовала с десятками людей, с которыми познакомилась во время своего прошлого пребывания в «Горной реке». Что ж, Фрейзер-Ридж не мог похвалиться изысканной компанией, пусть Брианна хорошо проведет время.

Роджер и сам не скучал. Он почти охрип от долгого пения, а Шеймус Хэнлон научил его трем новым песням. В последний раз поклонившись публике, он оставил маленький оркестрик и вышел из гостиной, пропахшей потом и спиртным.

Вот и она. Брианна появилась в дверях и обернулась, чтобы что-то сказать идущей сзади женщине.

Брианна тоже его заметила, и ее лицо засветилось от радости.

– Целый день тебя практически не видела! Правда, временами слышала.

– М-да? И недурно пел, правда? – поинтересовался Роджер, открыто напрашиваясь на похвалу.

Брианна усмехнулась и постучала по его груди сложенным веером, как умелая кокетка.

– Ох, миссис Маккензи, – произнесла она пискляво и в нос, – у вашего мужа просто божественный голос! Если бы мне выдалось такое счастье, я бы часами им наслаждалась!

Роджер рассмеялся, узнав мисс Мартин, простоватую компаньонку мисс Бледсо, которая все распахивала глаза и вздыхала, пока он днем пел баллады.

– Ты и сам знаешь, что был хорош, – сказала Брианна.

– Может, и так, – кивнул Роджер. – Но хочется от тебя услышать.

– В самом деле? Тебе недостаточно преклонения толпы? – рассмеялась она.

Роджер не знал, что ответить, и тоже рассмеялся, взяв ее за руку.

– Хочешь потанцевать? – Он кивнул на открытые двери гостиной, откуда доносились звуки рила под названием «Герцог Пертский», а потом на столы. – Или поесть?

– Ни то, ни другое. Я хочу хоть минуту побыть на свежем воздухе, я уже еле дышу.

Брианна смахнула с шеи капельку пота, блеснувшую алым в свете факела.

– Отлично. – Роджер взял жену под руку и повернулся к лужайке. – Как раз знаю подходящее местечко.

– Чудесно. Ой, погоди, я все-таки что-нибудь съем, пожалуй. – Брианна махнула рукой, останавливая мальчишку-раба, который шел из кухни с источающим ароматы подносом. – Что там у тебя, Томми? Можно мне немного?

– Берите сколько угодно, мисс Бри, – улыбнулся мальчик и сдернул салфетку, чтобы показать закуски.

Брианна с блаженным видом вдохнула запах.

– Тогда мне угодно все, – сказала она, забирая поднос у изумленного Томми.

Роджер тоже решил воспользоваться возможностью и тихо высказал рабу свою просьбу. Кивнув, мальчишка исчез, а потом вернулся с открытой бутылкой вина и двумя бокалами. Роджер и Брианна побрели по дорожке от дома к причалу, делясь новостями и поедая пироги с голубиным мясом.

– Нашел кого-нибудь из гостей под кустами? – спросила Брианна с набитым ртом. Проглотив, она продолжила уже более разборчиво: – В смысле, когда папа тебя днем просил поискать.

Роджер коротко фыркнул.

– Знаешь разницу между шотландской свадьбой и шотландскими похоронами?

– Нет, а что?

– На похоронах на одного пьяного меньше.

Брианна расхохоталась так, что полетели крошки, а затем взяла с подноса яйцо по-шотландски.

– Нет, не нашел, – сказал Роджер, ловко уводя Брианну вправо от причала, к ивам. – Сейчас, конечно, ты увидишь пару-другую ног, торчащих из кустов, но днем гости еще не успели так надраться.

– Умеешь ты выразиться, – одобрила Брианна. – А я поговорила с

рабами. Все были на местах, и в основном трезвые. Несколько женщин признали, что Бетти действительно выпивает на праздниках.

– Это еще слабо сказано, если верить твоему отцу. По его словам, она так смердела, что спиртным там дело явно не ограничилось.

С дорожки спрыгнуло что-то маленькое и темное – лягушка. Их многоголосое кваканье наполнило рощу.

– А мама сказала, что с ней все будет в порядке, хотя доктор Фентиман настаивал на кровопускании. – Брианна слегка поежилась и натянула шаль на плечи. – От этого доктора у меня мурашки по коже. Он похож на гоблина, и у него ужасно липкие руки.

– Не имел удовольствия быть с ним знакомым. Идем.

Роджер раздвинул завесу ивовых ветвей, опасаясь, что они потревожат парочку, что, возможно, успела раньше добраться к каменной скамье, но там никого не было. Все гости веселились в доме – танцевали, ели, пили, а также планировали поздравить жениха и невесту песней. Роджер мысленно закатил глаза, вспоминая предложения, которые слышал от желающих. В другой раз ему, вероятно, даже захочется увидеть такой «кошачий концерт» под окнами новобрачных и попытаться отследить корни подобной традиции, что уходило к французским и горским традициям... но, черт возьми, не сейчас.

Под ивами было неожиданно тихо. Шум гулянки тонул в рокоте речного потока и красочном пении лягушек. Вдобавок стояла крошечная тьма, и Брианне пришлось на ощупь искать скамью, чтобы поставить поднос.

Роджер крепко зажмурился и сосчитал до тридцати. Открыв глаза, он уже хотя бы мог различить силуэт Брианны и горизонтальную линию скамьи. Тогда он поставил бокалы и разлил по ним вино; горлышко бутылки тихо звякало о стеклянные края. Затем Роджер провел пальцами по руке Брианны и, найдя ладонь, вложил в нее бокал.

– За красоту, – приподнял Роджер свой бокал.

– За уединенность, – сказала Брианна и сделала глоток. – О, вкусное, – произнесла она через мгновение мечтательным тоном. – Я не пила вино уже... год? Нет, почти два. До рождения Джемми точно. Вернее, с тех пор, как... – Она резко умолкла, затем продолжила: – С нашей первой брачной ночи. В Уилмингтоне, помнишь?

– Помню.

Роджер приложил ладонь к ее щеке, мягко поглаживая скулу большим пальцем. Неудивительно, что Брианна заговорила о той ночи. Все началось там, под ветвями огромного каштана, который укрыл их от шума и света

близлежащей таверны. Нынешняя ситуация странно и трогательно напоминала их уединение в той темноте – они вдвоем, пахнет листвой, шумит вода, а звуки таверны с лихвой заменяют обезумевшие от страсти лягушки.

Тогда стояла влажная, жаркая ночь, и их плоть буквально плавилась, смешиваясь друг с другом. Сейчас было настолько холодно, что Роджер изнывал без тепла Брианны, а их окружали весенние ароматы свежей листвы и быстрого течения, а не затхлый запах ила и опавшей листвы.

– Как думаешь, они переспят? – спросила Брианна.

– Кто? В смысле, Иокаста и Дункан? А почему нет? Они ведь поженились.

Роджер осушил бокал и поставил его на скамью. Стекло звякнуло о камень.

– Красивая у них была свадьба, да? – Брианна позволила Роджеру забрать и ее бокал. – Скромная, но ужасно милая.

– Да, очень.

Роджер мягко поцеловал Брианну и прижал к себе, ощущая под ладонью шнуровку платья под тонкой шалью.

– М-м-м... у тебя приятный вкус.

– Ага, вкус мяса и вина. Как и у тебя.

Роджер влез ладонью под шаль, отыскивая кончики шнурка где-то возле талии Брианны. Она прижалась плотнее.

– А как думаешь, мы будем заниматься любовью, когда станем такими же старыми? – пробормотала Брианна на ухо Роджеру.

– Я буду, – заверил он ее и, наконец нащупав бантик, потянул. – Надеюсь, ты тоже. Не хотелось бы заниматься этим в одиночку.

Брианна рассмеялась и глубоко вдохнула, когда тесная шнуровка ослабла. Но под платьем, конечно же, был чертов корсет. Роджеру пришлось задействовать уже обе руки, а Брианна услужливо выгнула спину так, что ее грудь оказалась едва ли не у него под носом. Подобное зрелище заставило его вновь убрать одну руку со спины Брианны.

– У меня нет... в смысле, я не захватила с собой... – Она слегка отстранилась.

– Ты принимала сегодня семена?

«К черту пиццу и туалетную бумагу», – подумал Роджер. Сейчас он с радостью променял бы все прелести домашней канализации на обыкновенный презерватив.

– По-моему, да, – с сомнением отозвалась Брианна, и Роджер скрипнул зубами, обняв ее крепче, будто она могла вдруг сорваться с места.

– Все нормально, – шепнул он, скользя губами по ее шее к прекрасной впадинке, где начиналось плечо, лаская гладкую и прохладную кожу. – Нам не обязательно... то есть... просто позволь...

Вырез платья был по-модному глубоким и опустился еще ниже, когда шнуровка ослабла. Обнаженная грудь мягкой тяжестью легла Роджеру в руку. В ладонь ткнулся сосок, большой и круглый, словно спелая вишня. Поддавшись порыву, Роджер наклонился и обхватил его губами.

Брианна вдруг напряглась, а потом тихо выдохнула, и Роджер ощутил на языке нечто теплое и сладкое. Он невольно проглотил жидкость, пораженный... и возбужденный. Он даже не думал, он не собирался... Но Брианна не позволила ему отстраниться.

Ободренный Роджер стал осторожно наклонять Брианну назад, чтобы она присела на край скамьи, а сам опустился перед ней на колени. В голову вдруг пришла мысль, подсказанная мучительным воспоминанием о записи в дневнике.

– Не волнуйся, – шепнул Роджер. – Мы не будем... рисковать. Позволь мне...

Он огладил затянутые в чулки ножки, обнаженные бедра. На ум пришли слова одной из песен Шеймуса, где описывались подвиги некоего джентльмена «во славу Венеры». Стихи текли в голове вместе с шумом реки, и Роджер вознамерился с честью повторить эти деяния.

Может, Брианна и не смогла описать свои ощущения, но Роджер был готов постараться. Она задрожала в его руках, когда он дотронулся до местечка меж ее бедер.

– Мисс Бри?

Оба судорожно вздрогнули и отпрянули друг от друга.

– Да? Это ты, Федра? Что случилось... что-то с Джемми?

Роджер мельком увидел светлые груди Брианны, когда та встала, поспешно набрасывая шаль на расстегнутое платье.

– Да, мэм, – раздался голос Федры из-за ближней к дому ивы, однако разглядеть можно было только белый чепец. – Бедняжка проснулся от жара, капризничал, не хотел ни каши, ни молока, а потом начал так нехорошо кашлять... Тереза сказала, что лучше позвать доктора Фентимана, но я...

– Фентимана?!

Брианна тут же исчезла, яростно зашуршав ивовыми веточками. Федра следовала за ней по пятам.

Роджер поднялся и немного постоял, держась рукой за пуговицы на штанах. Соблазн был велик. Хватит и минуты... даже меньше, в таком состоянии. Но нет, Бри нужна будет помощь с Фентиманом. Одной только

мысли, что этот докторишка применит свои мерзкие инструменты на мягкой коже Джемми, заставила Роджера рвануть следом за женой. Подвигам во славу Венеры придется подождать.

* * *

Роджер обнаружил Брианну и Джемми в будуаре Иокасты, в центре небольшой группки женщин, которые удивились – даже поразились – его появлению на пороге. Не обращая внимания на вскинутые брови и приглушенное фырканье, Роджер пробился через преграду из юбок.

Малыш действительно выглядел больным, и у Роджера засосало под ложечкой от страха. Господи, как это могло случиться так быстро? Он видел его во время обряда несколько часов назад, уютно спавшим в импровизированной колыбельке, а на празднестве до этого Джемми, как всегда, радостно шумел и чувствовал себя отлично. Теперь он прижимался к плечу мамы, с горящими щечками и мутными глазками, и тихонько хныкал, а из его носика текли сопли.

– Как он? – Роджер осторожно погладил покрасневшую щеку тыльной стороной ладони. Боже, вот это жар!

– Болен, – коротко ответила Брианна.

Джемми, словно в подтверждение, разразился ужасным глухим кашлем, будто подавившийся рыбой тюлень. Кровь прилила к и без того пылающему личику, а круглые синие глаза выпучились от напряжения.

– Черт, – буркнул Роджер. – Что делать?

– Нужна холодная вода, – категорично заявила женщина за его спиной. – Положите его в ванночку с холодной водой, а потом пусть еще ее выпьет.

– Господи, Мэри, вы так убьете ребенка! – Другая молодая женщина погладила Джемми по дрожащей спинке. – Это круп, мои ребятишки им время от времени болеют. Надо порезать и согреть чеснок, а потом приложить к подошвам ног, – поведала она Брианне. – Иногда хорошо помогает.

– А если нет? – скептически спросила еще одна дама.

У первой женщины гневно затрепетали ноздри.

– У Джоанны Ричардс два малыша умерли от крупы. Оп – и все! – щелкнула она пальцами, и Брианна дернулась, будто это треснула ее кость.

– Что мы здесь болтаем, когда рядом медик? Эй, девица, приведи доктора Фентимана, живо! Разве я тебе не говорила? – Одна из женщин

резко хлопнула в ладоши, повернувшись к Федре, которая прижималась к стене и не сводила глаз с Джемми.

Брианна вскинула голову прежде, чем рабыня успела пошевелиться.

– Нет! Только не его! – Она окинула присутствующих взглядом, а потом обратилась к Роджеру с отчаянной мольбой: – Найди маму, быстро!

Роджер вновь протолкнулся мимо женщин. У него появилась возможность действовать, и страх сразу сошел на нет. Где же найти Клэр? Помогите, помогите мне ее найти, пусть с Джемми все будет в порядке, бессвязно молился он всем, кто мог бы услышать, – Богу, преподобному отцу, миссис Грэхем, Деве Марии.

Он пронесся вниз по ступенькам в холл и наткнулся на Клэр, спешащую в его сторону. Кто-то уже успел ей рассказать. Клэр только спросила: «Джемми?» и после кивка Роджера взлетела по лестнице, оставив позади изумленных гостей.

Роджер нагнал ее уже у самой двери, которую как раз успел перед ней открыть. Затем, получив взгляд Бри, полный незаслуженной благодарности, он убрался с дороги и перевел дыхание. Удивительно, как с появлением Клэр паника тут же исчезла. Женщины по-прежнему были обеспокоены, однако отступали в сторону с уважением и тихо переговаривались, а Клэр направилась напрямик к Джемми и Бри.

– Привет, милый. Что у нас тут, неужели мы приболели? – забормотала она, поворачивая головку малыша то в одну сторону, то в другую, мягко ощупывая под челюстью и за ушками. – Бедненький. Все хорошо, милый, мамочка здесь, бабушка тоже, все хорошо... Как долго у него жар? Он что-нибудь пил? Да, милый, вот так... Ему больно глотать?

Одним и тем же спокойным тоном она то успокаивала ребенка, то задавала вопросы Брианне и Федре, одновременно продолжая осмотр. Роджер вдруг понял, что ему тоже стало спокойнее, и глубоко вздохнул. Тугой узел в груди ослаб.

Клэр взяла со стола лист почтовой бумаги и, свернув его в трубочку, внимательно прослушала спину и грудь Джемми, пока он кашлял. Роджер отстраненно заметил, что волосы Клэр лежали как-то иначе – ей приходилось отбрасывать их.

– Да, круп, – рассеянно произнесла она в ответ на вопрос одной из дам. – Но сейчас у него только кашель и затрудненное дыхание. Это либо, так сказать, круп сам по себе, либо симптом какой-то другой болезни.

– Например? – Лицо Брианны побелело.

– Ох... – Клэр внимательно прислушивалась, но не к словам Бри, а к тому, что происходило внутри Джемми. Малыш перестал кашлять и теперь

вновь изможденно уткнулся в плечо матери, тяжело дыша. – М-м... острый ринит, то есть обычная простуда. Грипп. Астма. Дифтерия. Нет-нет, не она, – поспешно добавила Клэр, заметив выражение лица Брианны.

– Ты уверена?

– Да. – Клэр выпрямилась и отложила импровизированный стетоскоп. – На дифтерию совершенно не похоже. Я не слышала, чтобы в округе были вспышки. Кроме того, ты еще кормишь грудью, значит, у него иммунитет...

Клэр умолкла, вдруг осознав, что за ними наблюдают, зато малыш захныкал и опять кашлянул. Этот звук ударил Роджера в грудь, подобно камню.

– Ничего серьезного, – объявила Клэр. – Однако его нужно положить в паровую палатку. Федре, не могла бы ты найти пару старых одеял?

Клэр двинулась к двери, шикая на собравшихся женщин, как на куриц. Поддавшись порыву, Роджер потянулся к ребенку, и Брианна, поколебавшись мгновение, передала ему Джемми. Малыш не возражал, он просто обмяк и повис на нем, совершенно непохожий на прежнего неумного себя. Его щека буквально обжигала сквозь ткань рубашки.

Кухня находилась в кирпичном полуподвальном помещении. Спускаясь по темной лестнице в полумрак кухни, Роджер невольно вспомнил Орфея, который последовал за Эвридикой в подземный мир. Правда, вместо волшебной лиры он держал горячего, как печка, судорожно кашляющего малыша.

Клэр потрогала лоб Джемми, прикидывая температуру.

– А может, у тебя ушная инфекция, милый?

Она осторожно подула ему в одно ушко, потом в другое. Малыш моргнул, потом потер мордашку ручкой, но не дернулся. В углу кухни сутились рабы – кипятили воду, крепили одеяла к балкам.

Клэр забрала ребенка, чтобы обтереть холодной водой, и Роджер замер в одиночестве, отчаянно желая помочь, сделать хоть что-то.

Брианна до боли стиснула его руку.

– С ним все будет хорошо, – прошептала она. – Все будет хорошо.

Роджер молча сжал ее ладонь.

Когда палатка была готова, Брианна нырнула под свисающее одеяло, чтобы принять Джемми, который то кашлял, то плакал – ему не понравилась холодная вода. Раб успел принести Клэр сумку с лекарствами, и она приготовила пузырек с желтоватым маслом и баночку с кристалликами грязно-белого цвета.

Вдруг по ступенькам сбежал Джошуа, один из конюхов.

– Миссис Клэр, миссис Клэр!

Оказывается, несколько джентльменов отметили счастливое событие пальбой из пистолетов и кто-то пострадал; деталей Джош не знал.

– Ничего страшного, – заверил конюх на абердинском диалекте, который странно звучал из уст чернокожего человека, – но крови много, а доктор Фентиман... ну, он еле на ногах стоит. Мэм, вы посмотрите?

– Да, конечно. – Клэр в мгновение ока сунула пузырек и баночку Роджеру: – Мне надо уйти. Вот. Разведи немного в горячей воде, и пусть Джемми дышит паром, пока не перестанет кашлять.

Клэр аккуратно закрыла сумку и вручила ее Джошу, а затем быстро направилась к ступенькам, прежде чем Роджер успел хоть что-то выяснить.

Из палатки струился пар. Роджер скинул сюртук и камзол и, бросив их кучей на полу, нырнул в темноту.

Бри, ссутулившись, сидела на табуретке с Джемми на коленях. У ее ног стоял большой белый таз с кипятком. Роджер улыбнулся жене, стараясь выглядеть уверенным, затем опустил одеяло, и вновь воцарилась темнота.

– Где мама? Она ушла?

– Да, там какой-то несчастный случай. Ничего, все будет хорошо, – твердо сказал Роджер. – Она оставила мне лекарство, которое надо добавить в воду. Сказала, чтобы Джемми дышал паром, пока не пройдет кашель.

Хотя в палатке царил полумрак, глаза вскоре привыкли. Бри по-прежнему переживала, но уже не казалась такой испуганной. Сам Роджер тоже чувствовал себя лучше. По крайней мере, он знал, что делать, да и Клэр спокойно оставила внука.

В пузырьке было сосновое масло, резкое и воняющее смолой. Роджер не знал, сколько надо использовать, поэтому плеснул в таз на глазок, причем от души. Затем извлек пробку из баночки; сразу же распространился острый запах камфоры. Рассмотрев содержимое, Роджер понял, что это не кристаллы, а липкие кусочки сухой смолы. Он высыпал немного на ладонь и хорошенько растер, прежде чем тоже бросить в воду. Интересно, почему этот жест показался таким знакомым?..

– А, вот оно что, – вдруг понял Роджер.

– Ты о чем?

Он обвел рукой их скромное убежище, которое быстро наполнялось едко пахнущим паром.

– Я помню, как лежал в кровати с головой под одеялом. Мама бросила в воду такие же штуки... и пахло так же. Вот почему все это мне знакомо.

– У тебя в детстве тоже был круп?

– Наверное. Не помню. Помню только запах.

Роджер глубоко вдохнул и погладил Брианну по ноге.

– Не волнуйся.

Джемми снова стал кашлять, правда, уже не так натужно. Может, дело было в темноте, запахе или уютных типично кухонных звуках снаружи, но волнение улеглось. Брианна тоже глубоко вздохнула, а затем слегка шевельнулась, расслабившись, и погладила Джемми по спинке.

Некоторое время они просидели молча, слушая, как малыш кашляет, сопит, хватаяет воздух, снова кашляет и наконец дышит свободнее. Хныкать он перестал, словно успокоенный близостью родителей.

Роджер зашарил рукой по полу в поисках пробки от баночки, а потом плотно ее закрыл.

– Интересно, что твоя матушка сделала с кольцами? – произнес он, чтобы нарушить заполненную паром тишину.

– А что она могла с ними сделать? – Брианна отбросила с лица прядь волос. На вечер она сделала высокую прическу, однако теперь локоны выбились и липли к влажной коже.

– Их не было, когда она дала мне лекарство.

Роджер хорошо помнил ее бледные длинные пальцы и свое изумление, ведь он никогда не видел ее без этих двух колец, золотого и серебряного.

– Точно? Она никогда их не снимает. Разве что, если приходится делать какую-нибудь гадость. – Брианна нервно хихикнула. – Например, когда Джем уронил свой боби в горшок.

Роджер фыркнул. Так они называли железное кольцо, что вдевают в нос скоту, которое Джем любил грызть. Боби стал его любимой игрушкой, без нее малыш отказывался ложиться спать.

– Би-би? – Джем поднял голову. Глаза его были наполовину закрыты, и он тяжело дышал, но уже начинал интересоваться окружением. – Би-би!

– Ой, зря я про него вспомнила... – Бри легонько покачала Джемми на колене и начала тихо напевать, чтобы отвлечь малыша. – По каньо-о-онам, по пеще-е-ерам... друг мой зла-а-ато добыв-а-а-л... Не оди-и-ин он был, а с дочкой, Клементи-и-ин ее он зва-а-ал...

Темнота вновь напомнила Роджеру то самое чувство уединения и близости, которое он испытал у скамьи под ивами. Правда, в палатке было куда жарче. Рубашка липла к плечам, по спине стекал пот.

– Эй, – слегка пихнул он ногу Бри. – Может, пойдешь наверх и снимешь платье? Долго в нем тут просидишь – потом оно только на тряпки сгодится.

– Ну... – засомневалась она, прикусив губу. – Нет, посижу, ничего

страшного.

Роджер поднялся и забрал покашливающего Джемми у нее с колен.

– Иди, – твердо произнес он. – Как разхватишь его бо... сама знаешь что. И не волнуйся, ты же видишь, пар помогает. Скоро все будет в порядке.

Они еще немного поспорили, и Брианна наконец сдалась. Роджер устроился вместо нее на табурете. Деревянное сиденье напомнило ему об определенном неудобстве, связанном с приливом крови, которое он по-прежнему слегка ощущал, и Роджер поерзал.

– Ничего, от этого не умирают, – пробормотал он Джемми.

Малыш засопел и выдал что-то, начинающееся на «би?..». Роджер коснулся его мягкой щеки тыльной стороной ладони. Жар, похоже спадал, хотя сказать наверняка было сложно.

– Би-би? – тихо квакнул голосок у груди.

– Да, скоро будет. Тише.

– Би-би. Би-би!

– Тш-ш-ш.

– Би...

– И была она как фея... – Роджер начал вспоминать слова песни.

– БИ!..

– И чудесны башмачки! – резко повысил он голос, отчего в палатке и за ее пределами воцарилась испуганная тишина. Роджер помолчал и продолжил колыбельную уже спокойнее: – Э-э... две жестянки от селедки... заменяли каблучки. Дорогая, дорогая, дорогая Клементин... Потерял тебя на-ве-ки, дорогая Клементин.

Кажется, пение подействовало. Джемми прикрыл глазки. Он даже начал сосать палец, но не смог дышать заложенным носом. Роджер осторожно обхватил ладонью его кулачок, липкий и крошечный.

– Ровно в девять приводила она уток поить... Это ж надо ей споткнуться, прямо в реку угодить...

Веки малыша затрепетали и наконец сомкнулись. Вздохнув, Джемми обмяк. На каждой ресничке дрожали капельки – слезы, пот, пар или все вместе.

– Алы губки под водою все пускают пузырьки... Но пловец я никудышный и не спас ее, увы. Дорогая, дорогая...

Роджер вновь утер лицо, а потом наклонился и поцеловал Джемми в шелковистую влажную макушку. Спасибо, думал Роджер, искренне благодарный всем, начиная с Бога.

– Дорогая... Клементин...

Глава 48. Незнакомцы в ночи

К тому времени как я проверила всех своих пациентов и отправилась спать, была уже глубокая ночь. Девейн Бьюкенен получил легкую рану плеча – Ронни Кэмпбелл забыл поднять пистолет повыше во время «салюта» на берегу реки, – однако после перевязки чувствовал себя хорошо. Перепугавшийся Ронни так накачал друга спиртным, что у него сейчас явно ничего не болело.

Один из рабов Фаркуарда, Растус, сильно обжег ладонь, когда снимал жареную птицу с вертела. Все, что я смогла сделать, – обернуть его руку чистой тканью и опустить в миску с холодной водой. И прописала джин, для внутреннего применения. Еще мне пришлось иметь дело с пьяными в стельку молодыми людьми, которые щеголяли синяками, ссадинами и дырками на месте зубов в результате драки за игрой в кости. Шесть случаев несварения я излечила мятным чаем. Бетти, громко похрапывая, находилась в глубоком сне. Джемми тоже, его жар уменьшился.

Кутеж затих. Держались лишь самые заядлые картежники – они сидели в малой гостиной, окутанные табачным дымом, и пялились покрасневшими глазами в свои карты. По пути к лестнице я заглянула и в другие комнаты первого этажа. Несколько джентльменов расположились в столовой за чистым столом и, позабыв про пустые бокалы бренди, негромко беседовали о политике. Джейми среди них не было.

Усталый раб в ливрее поклонился и спросил, не желаю ли я еды или выпивки. Я ничего не ела с ужина, но все равно покачала головой – слишком вымоталась.

В покоях Иокасты царила тишина. Гости разошлись, допев традиционные песни; на деревянных панелях красовалась вмятина, а на потолке – следы от выстрелов.

По-прежнему одетый в ливрею и парик дворецкий Улисс дежурил на стульчике у двери, то и дело кляня носом. В подсвечнике шипела и плевалась искрами свеча. В ее дрожащем свете было видно, что глаза Улисса закрыты. Он хмурился, а губы слегка подергивались, словно ему снился кошмар. Я хотела его разбудить, но стоило мне шагнуть ближе, как недобрый сон ушел. Улисс расправил плечи, почти проснувшись, и сразу же задремал снова, уже со спокойным лицом. Через мгновение свеча погасла.

Я прислушалась, однако различила только тяжелое дыхание Улисса.

Может, Дункан с Иокастой понимающе беседовали под пологом кровати или же молча лежали, бесконечно далекие друг от друга. Никто этого не узнает. Я мысленно пожелала им счастья и потащилась дальше вверх по ступенькам, стараясь не обращать внимания на боль в спине и коленях и мечтая о собственной постели. И о понимании со стороны собственного мужа.

Из окна на площадке второго этажа доносились далекие выкрики и смех. Время от времени воздух прорезали выстрелы. Юные сумасбродные джентльмены – и некоторые постарше, которые могли бы быть и благоразумнее, – отправились к реке в компании десятка бутылок виски и бренди, чтобы пострелять по лягушкам.

Дамы уже все отправились спать. На втором этаже тоже царила тишина, разве что кто-то приглушенно похрапывал. В отличие от прохлады коридора, в комнате стояла духота, хотя огонь в камине превратился в тлеющие угольки.

В доме собралось столько гостей, что отдельной кровати удостоились только молодожены. Остальные, волей-неволей, ютились в свободных комнатах. В этой стояли две большие кровати с балдахинами и низенькая раскладная койка, а пол покрывали соломенные тюфяки. На каждой кровати теснились, словно сардины в банке, одетые в нижние рубашки женщины. Воздух был горячий и влажный, как в оранжерее с орхидеями.

Стараясь не вдыхать глубоко – в комнате пахло застарелым потом, жареным мясом с луком, французскими духами и алкоголем, – я как можно быстрее сбросила платье и туфли. Я по-прежнему была на взводе после всех событий прошедшего дня, но руки и ноги налились свинцом от усталости, поэтому я была весьма рада пробраться на цыпочках на свое привычное место в ногах большой кровати.

В голове крутились лихорадочные мысли, и я лежала без сна в скудном свете тлеющих углей. Все тело ломило.

Бетти вышла из беспамятства и теперь, казалось, просто глубоко спала. Когда она проснется утром, мы узнаем, кто дал ей тот бокал и – возможно – что в нем было. Я надеялась, что Джемми уже тоже спокойно спит. А больше всего меня беспокоил Джейми.

Я не увидела его ни среди картежников, ни в компании, обсуждавшей налоги и табак. Впрочем, Филипа Уайли я тоже не встретила. Легко предположить, что он веселится на берегу реки. Это был его круг общения, его образ жизни: богатые молодые повесы, которые ищут развлечений в выпивке и ночных гулянках, которые хохочут, гоняются друг за другом и палят в небо из пистолетов.

Джейми такая компания и образ жизни были чужды, но одна мысль, что он там, среди них, заставляла меня похолодеть, несмотря на жару вокруг.

Он не станет делать глупости, заверила я саму себя, переворачиваясь на бок и поджимая колени. Он не станет... правда, его понятие о глупости не всегда совпадало с моим.

Многие гости-мужчины ночевали в хозяйственных постройках или в малых гостиных. Проходя, я видела незнакомых джентльменов, которые громко храпели на полу, завернувшись в плащи. Джейми, несомненно, там. В конце концов, у него тоже был тяжелый день.

Однако он всегда, что бы ни происходило, приходил пожелать мне спокойной ночи. Конечно, сейчас он на меня зол, и мы до сих пор не помирились. А Филип Уайли и вовсе подбросил дровишек со своим гадким приглашением на игру... Я сжала кулаки, потирая кожу на местах, где обычно носила кольца. Чертов шотландец!

Рядом что-то пробормотала Джемима Хэтфилд, потревоженная моей возней. Я заставила себя расслабиться и слепо уставилась в дубовую доску изножья.

Да, Джейми явно до сих пор злится из-за ухаживаний Уайли. Как и я... была бы, если бы не так вымоталась. Как он вообще посмел... Я зевнула, чуть не вывихнув челюсть, и решила, что он не стоит моего гнева.

И все же Джейми никогда меня не избегал, даже будучи в ярости. Он не из тех, кто долго дуется или держит обиду в себе. Он скажет напрямик, затеет спор или драку, не моргнув глазом. Я и не помнила, чтобы он когда-либо ложился спать злым... по крайней мере, по отношению ко мне.

Поэтому я так переживала, где он и что за чертовщину он творит. А необходимость беспокоиться заставляла меня жутко сердиться. Лучше сердиться, чем беспокоиться.

По мере того как выстрелы со стороны реки стали звучать все реже, усталость постепенно взяла свое, притупив страхи и разметав мысли. Тихое дыхание спящих убаюкало меня, как шум ветра в листве, и я наконец провалилась в сон.

Я боялась, что увижу кошмар о насилии и крови, но моему подсознанию этого всего явно хватило. Поэтому оно решило показать мне совершенно другую часть дневных событий. Может, дело было в духоте комнаты или близости стольких тел... В общем, мне приснился яркий эротический сон, и волны возбуждения то прибывали меня к берегам реальности, то вновь утягивали в пучины подсознательного.

Рядом со мной бежали кони, вороные фриззы со струящимися гривами,

а я была белой кобылой, и земля сливалась в зеленую полосу под моими копытами. Затем я остановилась, поджидая одного из жеребцов. Его дыхание обожгло мою шею, а белые зубы впились в холку...

– Я король Ирландии, – сказал он, и я медленно проснулась, чувствуя, как все тело покалывает от головы до ступни и кто-то легонько поглаживает эту самую ступню.

Все еще одурманенная чувственными образами из сна, я не придавала этому значения, а просто обрадовалась, что у меня нормальные ноги, а не копыта. Я даже поджала пальцы, наслаждаясь мягкими касаниями, когда чужой большой палец обвел ступню и поднялся выше, к ложбинке под косточкой, вызывая целую гамму разных ощущений. А затем я, слегка вздрогнув, проснулась окончательно.

Кто бы это ни был, он понял, что я пришла в себя, ведь касания тотчас прекратились. Потом теплая ладонь вновь обхватила мою ступню, а большой палец начал уверенно разминать кожу.

К этому времени я успела порядком удивиться, хоть и не была напугана. Я шевельнула ногой, словно хотела сбросить руку, однако та крепче сжала ступню и легонько ущипнула палец.

Эта свинка пошла за гостинцем, эта свинка дом сторожит... Я слышала строчки детского стишка будто наяву, а чужие пальцы ловко пощипывали мои пальцы, один за другим.

А эта свинка домой быстро-быстро бежит! Рука пощекотала подошву ступни, и я невольно вздрогнула, стараясь не рассмеяться.

Я подняла голову, но рука в который раз предупреждающе сжала мою ногу. Угли успели потухнуть, и комната наполнилась бархатным мраком. Хотя глаза давно к нему привыкли, я все равно могла разглядеть лишь сгорбившуюся у моих ног фигуру, бесформенное пятно, чьи края растворялись во тьме.

Рука медленно скользнула вверх по голени. Я невольно дернулась, разбудив лежащую рядом женщину. Та всхрипнула, затем села с неразборчивым «Хм-м?» и снова рухнула в постель.

Мышцы моего живота напряглись от беззвучного смеха. Визитер, должно быть, это уловил: он в последний раз легонько сжал мой мизинец и погладил ступню, заставляя поджать пальцы.

Затем он провел по подошве кулаком и тут же его разжал, чтобы обхватить пятку ладонью. Большой палец вопросительно коснулся лодыжки и замер. Я не пошевелилась.

Его пальцы согрелись; я почти не чувствовала их холода, когда они прошли вверх по голени к нежному местечку под коленкой. Слегка

побарабанили по чувствительной коже, и я заерзала от возбуждения. Замедлив ритм, уверенно остановились на артерии, где часто бился пульс.

Я расслышала вздох, затем рука огладила мое бедро и медленно скользнула выше. Вторая рука мягко надавила, заставляя раздвинуть ноги.

В ушах стучало. Грудь будто набухла, твердые соски упирались в тонкий муслин нижней рубашки. Я глубоко вздохнула... и почувствовала запах рисовой пудры.

Мое сердце едва не остановилось. А что, если это не Джейми?

Я лежала, почти не двигаясь, почти не дыша, и пыталась сосредоточиться на руках, которые делали что-то невероятное. Большие, они точно большие – я чувствовала, как костяшки прижимались к нежной коже внутренней стороны бедра. У Филипа Уайли тоже большие руки, даже слишком, для его-то комплекции. Я видела, как он набрал полную горсть овса для Лукаса.

Мозоли... Касающиеся меня руки – боже! – были покрыты мозолями. Как и руки Уайли. Хлыщ и повеса, верхом он ездил, и у него были такие же жесткие ладони, как у Джейми.

Это наверняка Джейми, уговаривала я себя, приподнимая голову и вглядываясь в бархатную темноту. Стишок про свинок... конечно же, это Джейми! Затем рука сделала нечто невообразимое. Я дернулась всем телом, шумно выдохнув и зацепив локтем лежащую рядом женщину. Та вскрикнула и подскочила. Руки мгновенно исчезли, сжав мою лодыжку в поспешном прощании.

Раздался приглушенный звук шагов, словно кто-то быстро пронесся по комнате. Вспыхнул тусклый свет, потянуло холодным воздухом – открылась и тут же захлопнулась дверь.

– Что?.. – сонно удивилась Джемима. – Кто там?

Не получив ответа, она что-то пробормотала и быстро заснула.

Глава 49. Истина в вине

Я довольно долго лежала без сна, слушая мирное похрапывание соседок по комнате, а также собственное лихорадочно колотящееся сердце. Каждый нерв будто обнажился, и когда Джемима Хэтфилд случайно ко мне прижалась, я резко ткнула ее локтем в ребра.

Мысли судорожно метались туда-сюда, словно кусочек коры в бешеном потоке. Я не могла понять, что должна чувствовать. С одной стороны, я возбудилась – против воли, конечно, но все-таки возбудилась. Кем бы ни был мой ночной гость, он точно знал, как обращаться с женским телом.

Довод в пользу Джейми? Но я понятия не имела, насколько опытен в искусстве любви Филип Уайли. Я отвергла его приставания в конюшне так быстро, что у него попросту не было возможности проявить себя на данном поприще.

В то же время ночной гость не использовал ласки, которые точно были в арсенале Джейми. Вот если бы он ртом... Я шарахнулась от этой мысли, словно испуганная лошадь, однако кожа мгновенно покрылась мурашками от возникших в голове образов. Потревоженная Джемима вновь заворчала.

Я не знала, радоваться мне или прийти в ярость, чувствовать себя соблазненной или изнасилованной. Но я была совершенно точно сердита, и эта уверенность стала моим крошечным якорем в бушующем водовороте эмоций.

– Уф, – выдохнула Джемима резко и вполне осмысленно. Очевидно, мои чувства мешали не только мне.

– М-м-м? – протянула я, притворяясь сонной. – Хр-р... бр-бр-бр...

А хуже всего, вдруг осознала я, что я никак не выясню, кто же это был. Едва ли уместно спросить Джейми, не он ли прокрался в комнату и ласкал меня в темноте. Ведь если нет, то он тут же попытается убить Филипа Уайли голыми руками.

Под кожей словно корчились крошечные электрические угри. Я изо всех сил потянулась, то напрягая, то расслабляя мышцы, но все равно не могла лежать спокойно. Наконец я осторожно соскользнула с постели и пробралась к двери, бросив взгляд на кровать, где спали остальные, лежа под одеялами подобно пачке надушенных сосисок. Было или очень поздно, или очень рано: в высоком окне уже серело, хотя на небе еще виднелись последние звезды.

В коридоре, вдали от прогретой дыханием комнаты, стоял холод. И хорошо: под кожей кипела кровь, и я горела от жара и возбуждения. Как следует остыть – именно то, что мне надо. Я тихонько прошла к задней лестнице, намереваясь выйти из дома и подышать свежим воздухом.

Я замерла у самых ступенек. У подножия лестницы кто-то стоял – высокий человек на фоне застекленных дверей. Я не издала ни единого звука, но он сразу же повернулся и поднял голову. И даже в тусклом свете я узнала Джейми.

Он по-прежнему был в своем вечернем наряде – сюртуке, камзоле, рубашке с оборками и бриджах. Однако рубашка была расстегнута у горла, а сюртук с камзолом – полностью. Я разглядела узкую полоску белой ткани и темнеющее на ее фоне горло. Волосы он распустил – явно запуская в них пальцы.

– Спускайся, – тихо произнес Джейми.

Я помедлила, оглядываясь. Из комнаты доносилось мелодичное похрапывание на разные лады. На полу, свернувшись под одеялами, спали два раба. Я опять посмотрела на Джейми. Он молча поманил меня двумя пальцами. По лестничному пролету плыли запахи дыма и спиртного.

В ушах вновь раздались гулкие удары. Кровь кипела. Я покраснелась, волосы прилипли к взмокшим вискам и шее. Прохладный воздух пробрался под нижнюю рубашку, касаясь влажного места, где соединялись бедра.

Я медленно сошла вниз, ступая осторожно, чтобы под босой ногой не скрипнула ни одна ступенька, и запоздало сообразила, как это нелепо. Рабы носились по этим лестницам по сто раз на дню. И все же я чувствовала, что должна вести себя тихо: дом по-прежнему спал, а воздух был наполнен серым светом, хрупким, словно тонкое стекло. Резкий звук, быстрое движение – и под моей ногой что-то взорвется, как перегоревшая лампочка.

Джейми не сводил с меня глаз – темных провалов на чуть более светлом лице – с таким напряжением, будто мог стащить по ступенькам одним лишь взглядом.

На его одежде нет крови, хвала небесам.

Не то чтобы я никогда не видела Джейми пьяным, но все же что-то было не так, как обычно. Хотя стоял он как вкопанный, широко расставив ноги, и выдавал его лишь слишком осторожный поворот головы, когда ему надо было на меня посмотреть.

– Что... – шепотом начала я.

– Иди сюда, – произнес он низким, хриплым от усталости и виски голосом.

Ответить я не успела. Джейми потянул меня за руку и заставил упасть

ему на грудь, а затем поцеловал. Крепко и ошеломляюще – он слишком хорошо знал мой рот и мог доставить мне удовольствие, несмотря на мое сопротивление.

Его волосы пахли долгой ночью – табаком, древесным дымом, воском. Вкус виски на его языке был таким сильным, что у меня закружилась голова, словно алкоголь из его крови передался мне через кожу, через поцелуй. Мне передавалось кое-что еще – всепоглощающая похоть, слепая и опасная.

Я хотела возмутиться, оттолкнуть его. А потом передумала. Да и Джейми все равно не собирался меня отпускать.

Он обхватил мой затылок ладонью, теплой и жесткой, и я, подумав о том, как жеребец кусает холку кобылы во время случки, вздрогнула всем телом. Большой палец Джейми случайно надавил на артерию под челюстью. У меня начало темнеть в глазах, а ноги подкосились, но Джейми это почувствовал. Он убрал руку, а затем опустил меня на ступеньки и, почти навалившись сверху, принялся ласкать.

У меня ничего не было под рубашкой.

Край ступеньки впился мне в спину. Я смутно осознала, что Джейми возьмет меня прямо здесь, на лестнице, и ему плевать, что кто-то нас может увидеть.

– Не здесь! – выдохнула я ему в ухо, с трудом разорвав поцелуй.

Он поднял голову, моргая невидящими глазами, будто только что проснулся от кошмара. А потом, резко кивнув, встал на ноги и потянул меня за собой.

У двери висели плащи служанок. Джейми накинул мне один на плечи, затем поднял меня на руки и, открыв дверь плечом, вынес наружу мимо изумленной служанки.

Джейми опустил меня, только когда дошел до кирпичной дорожки, которая обожгла мои босые ноги холодом. И мы побрели дальше в серых утренних сумерках, не разрывая объятий. Мы спотыкались и толкали друг друга, но в то же время почти летели вперед, сквозь неласковый весенний ветер, к чему-то неизбежному.

Конюшни. Джейми толкнул двери и, втащив меня за собой в теплую темноту, вжал в стену.

– Или я сейчас тебя возьму, или умру на месте, – выдохнул он и вновь поцеловал замерзшими на утреннем холоде губами.

Затем резко отстранился, и я пошатнулась – мне даже пришлось схватиться за стенку, чтобы не потерять равновесие.

– Протяни руки, – сказал он.

– Что? – не поняла я.

– Руки протяни.

В полном замешательстве я выполнила его просьбу. Джейми взял мою левую руку. В слабом свете из открытой двери блеснуло золотое кольцо. На правую Джейми надел серебряное, нагретое теплом его тела, и сильно укусил за костяшки.

А потом обхватил ладонью мою грудь. Холодный воздух обжег бедра, кирпичи царапнули обнаженные ягодицы. Я вскрикнула, но Джейми зажал мне рот ладонью. И я оказалась насажена, как форель на палку, беспомощно пригвожденная к стене.

Джейми убрал руку и тут же, тихо рыча, впился в мои губы.

Рубашка болталась где-то на уровне талии, и мои голые ягодицы ритмично шлепали о грубый кирпич, но боли я не чувствовала. Только крепче цеплялась за плечи Джейми.

Джейми вздернул выше ткань, которая вот-вот грозилась упасть между нами, и коснулся моего бедра. Яркое воспоминание о руках во тьме заставило меня дернуться.

– Смотри, – горячо выдохнул Джейми мне в ухо. – Смотри, как я тебя беру. Смотри, черт возьми!

Он надавил мне на шею, вынуждая опустить голову и вглядываться в полумрак туда, где в складках ткани мелькало обнаженное доказательство того, что я ему принадлежу.

Я выгнулась, а потом рухнула на Джейми, впиваясь в плечо его сюртука зубами, чтобы не застонать. Джейми же вцепился мне в шею и вздрогнул, вжимая меня в стену.

* * *

Мы лежали на соломе в объятиях друг друга, наблюдая, как дневной свет потихоньку проникает в приоткрытую дверь конюшни. Стук сердца до сих пор отдавался в ушах, кожу на висках, бедрах и пальцах покалывало, но эти ощущения словно существовали отдельно от меня. Я же чувствовала себя нереальной... и слегка потрясенной.

Прижимаясь щекой к груди Джейми, я видела в распахнутом воротах его рубашки уже не такую пылающую кожу и жесткие кудрявые волоски настолько глубокого рыжего цвета, что в тусклом утреннем свете они казались почти черными. В ямке на его горле бился пульс, в дюйме от моей руки. Мне нестерпимо хотелось коснуться ее пальцами, ощутить, как его

сердцебиение отдается эхом в моей крови, но я странно стеснялась, как будто даже сама мысль была слишком интимной. Ужасно нелепо, учитывая, что мы только что вытворяли.

Я все-таки сдвинула указательный палец, совсем чуть-чуть, и коснулась крошечного шрама в форме трехконечной звезды, бледного узелка на бронзовой коже.

Джейми на миг задержал дыхание, однако не пошевелился, обнимая меня за талию. Вдох, выдох, вдох... а потом нежно притронулся к моей спине.

Мы лежали молча, едва дыша, и оба раздумывали о хрупком подтверждении нашей связи. Мы даже не шевелились, смущенные своим недавним поступком.

Снаружи донеслись голоса; я тут же подскочила, набросила на плечи нижнюю рубашку и принялась вычесывать из волос кусочки сена. Джейми перекатился на колени, спиной ко мне, и тоже стал торопливо поправлять одежду.

Голоса стихли, и мы замерли. Через несколько мгновений напряженной тишины раздались удаляющиеся шаги. Я наконец выдохнула, ощущая, как успокаивается колотящееся сердце. Теперь конюшню заполнили шорохи и ржание лошадей, которые тоже расслышали голоса и шаги. Животные уже успели проголодаться.

– Так ты выиграл, – сказала я Джейми в спину. Собственный голос показался мне странным, как будто я давным-давно не говорила.

– Обещал ведь, – мягко отозвался Джейми.

Я встала, чувствуя легкое головокружение, и прислонилась к стене, чтобы отряхнуть песок и сено. Шершавые кирпичи тут же оживили в сознании яркие картины.

– Ты в порядке, саксоночка? – Джейми резко вскинул голову.

– Да. Да, – повторила я. – В порядке. Просто... в порядке. А ты?

Джейми был бледным и взъерошенным. На ввалившихся щеках выступила щетина, под глазами темнели круги от долгой и бессонной ночи. Он боялся встретиться со мной взглядом.

– Я... – начал он и шумно сглотнул.

Его косичка давно расплелась; упавшие на плечи пряди переливались медным цветом.

– Ты ненавидишь меня? – вдруг спросил Джейми.

Я, захваченная врасплох, рассмеялась.

– Нет. А должна?

– Может быть. Но я рад, что это не так.

Он мягко сжал мои ладони, погладил большим пальцем ободок серебряного кольца.

– С чего ты вообще взял, что я тебя возненавижу? Из-за колец?

Да уж, я расстроилась и ужасно на него разозлилась, но ведь он их вернул. Конечно, Джейми заставил меня всю ночь волноваться о том, где он пропадает и что делает, не говоря уже о том, как он прокрался в комнату и приставал к моим ногам. Может, мне и стоит на него сердиться.

– Ну, начиная с них, да. Я позволил гордости взять надо мной верх, просто не мог стерпеть, когда это ничтожество, Филип Уайли, все крутился вокруг, пялился на твою грудь...

– Пялился? – Этого я не замечала.

– Да, – подтвердил Джейми, тут же помрачнев. А потом выбросил Уайли из головы и вернулся к перечислению собственных грехов. – Вытащил тебя из дома в одной рубашке, набросился, как голодный зверь... – Он нежно коснулся моей шеи, где красовался укус.

– А-а. Ну... мне понравилось.

– Правда? – распахнул глаза Джейми.

– Да. Только, кажется, у меня весь зад в синяках.

– Ох. – Джейми опустил взгляд, явно смущенный, хотя уголок его рта слегка дернулся. – Прости. Когда все закончилось – то есть игра в вист, – я мог думать только о тебе, саксоночка. Поднимался и спускался по той лестнице с дюжину раз, подходил к твоей двери и снова уходил.

– Правда?

Его слова меня обрадовали, словно это повышало шансы, что моим ночным гостем все-таки был Джейми. Он приподнял прядку моих волос и осторожно пропустил их между пальцами.

– Я знал, что не засну, и просто бродил, а потом все равно оказывался у твоей двери. Я не представлял, как зайти, только думал, как до тебя добраться... наверное, пытался выманить тебя силой воли.

Тогда понятно, откуда взялись мои сны про диких жеребцов. Место укуса слегка побаливало. И куда он меня притащил? На конюшню.

Джейми мягко сжал мои руки.

– Я думал, что мое желание точно сможет тебя разбудить. И ты все-таки пришла... – Его взгляд наполнился нежностью. – Господи, Клэр, какая же ты была красивая там, на лестнице, с распущенными волосами... – Он медленно покачал головой. – Я правда думал, что умру, если не возьму тебя. Прямо на месте.

Я погладила его щеку с мягкой щетиной.

– Не хотелось бы, чтобы ты умер, – шепнула я.

Мы улыбнулись друг другу, но не успели больше ничего сказать, – прервало громкое ржание и топот. Мы мешали лошадям завтракать.

Джейми наклонился за закопавшимся в сено сюртуком и поморщился, когда кровь резко прилила к голове.

– Ужасно вчера напился, да? – узнала я симптомы.

Он выпрямился, фыркнув.

– Ага, несколько кварт. Заметно?

Даже человек с куда меньшим опытом мог бы заметить такое с полумили – от него несло, как от винокурни.

– Очевидно, на твои картежные способности выпивка не повлияла, – тактично сказала я. – Или Филип Уайли тоже был в подобном состоянии?

Джейми уставился на меня одновременно удивленно и обиженно.

– Ты ведь не думаешь, что я себе голову во время игры дурманил? Еще и с твоими кольцами на кону? Нет, это было уже потом... Макдональд мешал шампанское и виски, настаивал, что мы должны отпраздновать победу.

– Макдональд? Дональд Макдональд?

– Да, мы с ним против Уайли и Стэнхоупа. – Джейми встряхнул сюртук, разметав повсюду соломинки. – Не знаю, какой он солдат, но в вист у него рука умелая.

Упоминание «умелой руки» заставило меня задуматься. Джейми сказал, что стоял у двери комнаты, но не говорил, что входил. Может, он так напился, что просто не помнит? Или я, одуревшая от похотливых снов с лошадьми, все себе вообразила? Нет, конечно. Я стряхнула чувство смутной тревоги и решила обратить внимание на другое слово из объяснений Джейми.

– Ты сказал «победу»? – Я так беспокоилась за свои кольца, что и думать забыла про ставки остальных. – И что же ты получил с Филипа Уайли? Вышитые пуговицы с сюртука? Серебряные пряжки с туфель?

Джейми глянул на меня со странным выражением на лице.

– Нет. Я забрал его лошадь.

* * *

Джейми накинул сюртук мне на плечи и, обняв меня за талию, провел мимо денников и стойл.

Джошуа, успевший тихонько войти через другие двери, работал в дальнем конце конюшни – я различила его силуэт в свете из открытых

ворот. Когда мы – потрепанные, босоногие, усыпанные соломой – подошли поближе, Джошуа кивнул в знак приветствия, старательно удерживая на лице спокойное выражение. Даже при слепой хозяйке раб знал, на что должен закрывать глаза. «Не мое дело» – ясно читалось на его опущенном лице.

– Как он? – спросил Джейми, указав на денник.

Джош слегка вскинул голову и отложил вилы.

– Ох, хорош! Красивый парнишка, этот Лукас мистера Уайли.

– Да, он такой, – согласился Джейми. – Только теперь он мой.

– Он что? – уронил челюсть Джош.

– Он мой. – Джейми подошел к ограждению и почесал ухо жеребца, деловито поедающего сено из кормушки. – *Seas*, – пробормотал он коню. – *Ciamar a tha thu, a ghille mhoir?*^[71]

Я тоже подошла ближе. Конь окинул нас добродушным взглядом, фыркнул и, смахнув с морды похожую на вуаль гриву, вернулся к завтраку.

– Да, он прекрасен, но...

Мое восхищение омрачала тревога. Если Джейми хотел отомстить за свою уязвленную гордость за счет гордости Филипа Уайли, то он сделал это с лихвой. Несмотря на злость по отношению к Уайли, я не могла не подумать, каково ему было потерять своего великолепного фриза.

– Но что, саксоночка?

– Ну, просто... – Я умолкла, пытаюсь подобрать верные слова. Не могла же я сказать, что мне жаль Филипа Уайли. – Просто... что ты собираешься с ним делать?

Даже я понимала, что Лукас совершенно не приспособлен к нашей жизни во Фрейзер-Ридже. Мысль о том, чтобы на нем пахать или перевозить грузы, казалась кощунственной. Использовать его только для езды?.. Я нахмурилась, представляя, как болотистая почва и каменистые тропы портят его прекрасные ноги и гладкие копыта, а низкие ветки цепляются за гриву и хвост. Для таких суровых условий в тысячу раз лучше подходил людоед Гидеон.

– А, я не собирался его оставлять, – заверил меня Джейми. Он глянул на коня и с сожалением вздохнул. – Ты права, ему в Ридже не место. Нет, я его продам.

– Хорошо.

Какое облегчение. Уайли, конечно, его выкупит, сколько бы это ни стоило. А деньги нам очень пригодятся.

Пока мы говорили, Джошуа успел уйти и вновь показаться в дверях с мешком зерна на плече. От его медлительности не осталось и следа.

– Миссис Клэр? – обратился он. – Прошу прощения, мэм, но у амбара я встретил Терезу, она говорит, что-то с Бетти стряслось. Думал, вы захотите знать.

Глава 50. Кровь на чердаке

Комната на чердачном этаже стала похожа на место убийства, причем крайне жестокого. Бетти корчилась на полу рядом с перевернутой кроватью, задрав колени и прижав кулаки к животу. Порванная рубашка из муслина была залита кровью. Фентиман, перепачканный в месиве, безуспешно пытался удержать несчастную.

Солнце уже взошло, и его яркие лучи проникали в крошечные оконца, выхватывая из полумрака хаос: сдвинутые койки, скомканное белье, поношенные башмаки и одежду посреди свежих алых пятен на деревянном полу.

Я поспешила к Бетти, но не успела. Рабыня разразилась булькающим кашлем, из ее рта и носа вылилось еще больше крови, она согнулась, потом выгнулась, опять завалилась вперед... и обмякла.

Я рухнула рядом с ней на колени, хотя уже с первого взгляда видела в ее членах ту неподвижность, которая не оставляет надежды на жизнь. Подняв голову Бетти, я прижала пальцы к шее под челюстью. Глаза рабыни закатились, зрачки исчезли. Дыхания не было, как и пульса на липкой шее.

Судя по залитой алым комнате, в теле Бетти почти не осталось крови. Губы рабыни посинели, кожа приобрела пепельный цвет. Побелевший Фентиман так и не выпустил ее обширный торс из худеньких ручек.

Он был без парика и в ночной рубашке, только успел натянуть синие атласные бриджи. Воняло кровью, желчью и экскрементами, и доктор был всем этим измазан. Он поднял на меня безумный взгляд, будто не узнавая.

– Доктор Фентиман, – тихо позвала я.

Когда несчастная стихла, на чердаке воцарилась полная тишина, которая часто следует за смертью.

Фентиман моргнул, губы дрогнули. Он не шевелился, хотя лужа крови уже запятнала его бриджи. Я коснулась плеча доктора, тонкого и костлявого, однако твердо застывшего в отрицании случившегося. Я знала, каково потерять пациента, за чью жизнь боролся. Всем врачам известно это чувство.

– Вы сделали все, что могли, – продолжила я так же тихо и сжала его плечо сильнее. – Вы не виноваты.

События вчерашнего дня утратили свое значение. Фентиман – мой коллега, и я должна была его утешить. Доктор облизал пересохшие губы и кивнул, потом бережно опустил тело умершей на пол. Луч света упал

Фентиману на макушку, высвечивая редкие седые волосы, отчего его череп показался мне совсем тонким и хрупким, как и сам доктор. Он безропотно позволил мне поднять его на ноги.

Тихий стон заставил меня обернуться. В темном углу чердака сгрудилась кучка рабынь с застывшими лицами и дрожащими руками, прижатыми к светлым ночным рубашкам. Со стороны лестницы донеслись мужские голоса, приглушенные и встревоженные. Я расслышала Джейми – он что-то объяснял, негромко и спокойно.

– Гасси? – назвала я имя, которое первым пришло в голову.

Кучка рабынь на мгновение стала теснее, а потом раздвинулась, выпуская вперед Гасси, светло-коричневую девчушку с Ямайки, которая казалась совсем маленькой из-за тюрбана из синего ситца.

– Мэм? – Она не спускала с меня глаз, стараясь не смотреть на тело на полу.

– Я отведу доктора Фентимана вниз. И отправлю кого-нибудь из мужчин, чтобы... чтобы позаботиться о Бетти. А это...

Я слабо указала на хаос на полу, и Гасси кивнула.

– Да, мэм. Мы быстро. – Она замешкалась, мельком оглядев комнату. – Мэм?

– Да?

– Кто-то должен пойти... сообщить Федре. Вы скажете ей, пожалуйста?

Я удивленно оглянулась и поняла, что Федры здесь нет. Конечно, она ведь личная служанка Йокасты и спит внизу, у госпожи, даже в свадебную ночь.

– Да, – неуверенно отозвалась я. – Конечно. Однако...

– Бетти – мама Федры, – пояснила Гасси, заметив мое непонимание. Она шумно сглотнула со слезами в добрых карих глазах. – Можно я, мэм? Можно я ей расскажу?

– Да, пожалуйста.

Я шагнула назад, позволяя ей пройти. Гасси на цыпочках пробралась мимо тела, а потом рванула к двери, тихо затоптав мозолистыми пятками по деревянным доскам.

Тем временем доктор Фентиман начал потихоньку приходить в себя. Во время конвульсий Бетти опрокинула докторский чемоданчик, и теперь кругом валялись металлические инструменты и разбитые склянки. Прежде чем доктор успел все собрать, со стороны лестницы послышалась возня, и в комнату вошел Дункан, за которым по пятам следовал Джейми. Я с отстраненным любопытством отметила, что Дункан до сих пор в свадебном

наряде, только без сюртука. Может, он еще вообще не ложился спать?..

Дункан кивнул мне и сразу же перевел взгляд на расprostертую Бетти, чья окровавленная рубашка прилипла к толстым бедрам. Из порванной ткани вывалилась грудь, тяжелая и обвисшая. Дункан поморгал, а затем вытер усы тыльной стороной ладони и шумно вздохнул. Затем взял из кучи одеяло и бережно накрыл тело.

– Помоги мне, Макдью.

Поняв, о чем он, Джейми поднял мертвую на руки. Дункан выпрямился и глянул на сгрудившихся в углу женщин.

– Не волнуйтесь, – тихо сказал он. – Я прослежу, чтобы о ней позаботились.

В его голосе прозвучала необычная властная нотка, и я вдруг поняла: несмотря на присущую ему скромность, Дункан осознает, что теперь он здесь хозяин.

Мужчины унесли свою ношу, и доктор Фентиман перевел дыхание. Казалось, что вместе с ним выдохнул весь чердак. В воздухе еще висело зловоние и скорбь присутствующих, но шок от насильственной смерти начинал рассеиваться.

– Оставьте, – обратилась я к Фентиману, когда он вновь потянулся к склянке. – Женщины все уберут.

Не дожидаясь ответа, я уверенно взяла доктора за локоть и вывела его из комнаты на лестницу.

Дом уже проснулся. Из столовой доносилось звяканье посуды и легкий аромат колбас. Я не могла провести доктора мимо гостей в таком виде; не могла и отправить в спальню. Он, несомненно, делил комнату с другими джентльменами, которые до сих пор спят. Ничего не придумав, я направилась с ним наружу, накинув доктору на плечи первый попавшийся плащ.

Значит, Бетти – мать Федры. Я хорошо знала Федру, и от боли за нее в горле встал ком. Сейчас, впрочем, я ничем не могла облегчить страдания девушки, зато могла помочь доктору.

Онемевший от шока, он покорно следовал за мной по дорожке, скрытой за склепом Гектора Кэмерона и растущим вокруг тисовым кустарником. Под ивами располагалась удобная каменная скамья. Вряд ли кто-то ее занимал в столь ранний час.

Там действительно никого не оказалось, хотя на скамье стояли два бокала с винным осадком на дне, следы ночного празднования. Интересно, у кого-то здесь было свидание?.. Мысль тут же напомнила мне о ночном госте. Черт побери, я так и не узнала, чьи это были руки!

Отодвинув навязчивый вопрос вместе с бокалами, я присела и усадила рядом доктора. Утро стояло прохладное, но заливавший скамейку солнечный свет приятно согревал лицо. На свежем воздухе доктору явно полегчало: бледность потихоньку уходила, а нос и вовсе вернул свой привычный розоватый оттенок.

– Вам уже лучше?

Доктор кивнул, ссутулившись под плащом.

– Да. Благодарю вас, миссис Фрейзер.

– Такое потрясение, верно? – промолвила я самым сочувственным тоном.

Фентиман прикрыл глаза и слегка качнул головой.

– Потрясение... да, я ужасно потрясен. Я и не думал...

Он умолк. Я подождала – ему надо выговориться, но лучше его не торопить.

– Хорошо, что вы так быстро пришли, – произнесла я спустя некоторое время. – Вижу, вас подняли из постели. Ей вдруг стало хуже?

– Да. Я готов был поклясться, что после кровопускания она пошла на поправку. – Доктор потер лицо ладонями и моргнул. Глаза его покраснели от лопнувших сосудов. – Дворецкий разбудил меня еще до рассвета, бедняга снова жаловалась на боль в животе. Я снова сделал кровопускание и поставил клистир, но все тщетно.

– Клистир? – буркнула я.

Клистирами раньше назывались клизмы, излюбленный метод лечения этих времен. Некоторые из них были относительно безвредны, другие – совершенно точно опасны.

– Настойка никотианы, – пояснил доктор. – Она лучше всего действует при расстройстве желудка.

Я хмыкнула. Никотиана, то есть табак, при вводе ректально мог избавить от остриц, но вряд ли поможет с несварением. Однако и не вызовет подобное кровотечение.

– Невероятно много крови, – произнесла я, положив локти на колени и уткнувшись подбородком в ладони. – Никогда такого не видела.

Я говорила правду. Диагноз не давал мне покоя, я прокручивала в голове различные варианты. Ни один не подходил.

– Да. – Желтоватые щеки Фентимана покрылись красными пятнами. – Я... если бы я подумал...

Я вновь коснулась его руки, утешая.

– Уверена, что вы сделали все возможное. Вчера ведь у нее не было кровотечения изо рта, так?

Доктор покачал головой и сгорбился еще сильнее.

– Нет. И все же я виню себя самого.

– Каждый врач винит себя, – печально заметила я. – Всегда остается чувство, что можно было сделать что-то еще.

Фентиман удивленно повернулся, уловив глубину переживаний в моем голосе.

– Вы... вы так хорошо это понимаете, миссис Фрейзер.

Я грустно улыбнулась. Может, он и шарлатан, может, он и невежественный, высокомерный тип... но он тотчас примчался на зов и изо всех сил боролся за жизнь пациентки. Для меня он был настоящим врачом и заслуживал сочувствия.

Доктор накрыл мою ладонь своей. Мы немного посидели молча, наблюдая за течением реки, темной и мутной от ила. Каменная скамья была холодной, а утренний ветерок щипал кожу, пробираясь под тонкую рубашку, но я слишком увлеклась размышлениями, чтобы замечать такие мелочи. Запах высыхающей на одежде крови вновь вызвал перед глазами сцену на чердаке. От чего же, черт возьми, умерла Бетти?

Я осторожно расспросила доктора, стараясь выяснить как можно больше подробностей, однако это не помогало. Доктор зачастую был весьма невнимателен, да и в такую рань на чердаке стояла темнота. Впрочем, Фентиман разговорился, постепенно освобождаясь от гнета личной вины, которая часто терзает равнодушных врачей.

– Надеюсь, миссис Кэмерон... то есть миссис Иннес не сочтет, что я не оправдал ее гостеприимства, – с тревогой произнес он.

Да, Бетти все-таки принадлежала Йокасте. Наверное, помимо личной неудачи, Фентимана беспокоило то, что хозяйка может обвинить его в смерти рабыни и потребовать возместить ущерб.

– Уверена, миссис Иннес поймет, что вы сделали все возможное, – мягко сказала я. – Я ей расскажу, если вам угодно.

– Моя дорогая. – Фентиман благодарно сжал мою ладонь. – Вы столь же добры, сколь и красивы.

– Вы правда так думаете, доктор? – донесся сзади холодный мужской голос.

Я подскочила на месте, выпустив руку Фентимана, словно она была под током. Прислонившись к иве, к нам обращался Филип Уайли с крайне язвительным выражением лица.

– Должен сказать, что слово «добра» вряд ли приходит на ум первым. Возможно, подлая. Совершенно точно – своенравная. Хотя красивая – да, соглашусь.

Уайли окинул меня с ног до головы дерзким взглядом, который я сочла бы исполненным порицания... и вдруг я осознала, что мы с доктором Фентиманом сидим, держась за руки, да еще и оба в ночном белье.

Я встала и с огромным достоинством запахла пеньюар. Уайли уставился на мою грудь – уже в который раз, наверное. Я с вызовом сложила руки под грудью.

– Вы забываетесь, мистер Уайли.

Он невесело рассмеялся.

– Забываюсь? А вы сами ничего не забыли, миссис Фрейзер? Например, платье? Вы, случайно, не замерзли? Или вас согревают объятия доброго доктора?

Такой же потрясенный, как и я, Фентиман тоже поднялся на ноги и шагнул вперед, пылая от гнева.

– Сэр, как вы смеете! Как вам хватает наглости говорить с дамой подобным тоном? Имей я при себе оружие, сэр, я тут же вызвал бы вас на дуэль, клянусь!

Уайли, прежде пялившийся на меня, перевел взгляд на Фентимана и увидел засохшую кровь. Его дерзкий вид потерял былую уверенность.

– Я... что-то случилось, сэр?

– Не ваше дело. – Фентиман оцетинился, как маленький петушок, а затем величественно подал мне руку. – Пойдемте, миссис Фрейзер. Вам нет нужды выслушивать оскорбительные насмешки этого щенка. – Он яростно глянул на Уайли. – Позвольте сопроводить вас к мужу.

При слове «щенок» лицо Уайли тут же исказилось. Столь ранним утром он еще не успел нанести пудру, и краснота, залившая его светлую кожу, походила на сыпь. А еще он заметно надулся, словно злобная лягушка.

Мне вдруг захотелось разразиться истерическим смехом, но я благородно сдержала этот порыв. Закусив губу, я приняла предложенную руку доктора. Он едва ли доставал мне до плеча, однако круто развернулся на голых пятках и увел меня прочь с поистине генеральским достоинством.

Я оглянулась через плечо. Уайли так и стоял под ивой, глядя нам вслед, и я слегка махнула рукой ему на прощание. Золотое кольцо блеснуло на солнце, и Уайли еще сильнее напрягся.

– Надеюсь, что мы успеваем на завтрак, – бодро произнес доктор Фентиман. – Думаю, ко мне вернулся аппетит.

Глава 51. Подозрения

Гости начали отбывать после завтрака. Иокаста и Дункан стояли на веранде, изображая образец счастливой семейной пары, и желали всем доброго пути. По аллее медленно тянулись кареты и повозки. Прибывшие на свадьбу по реке ожидали паром. Женщины напоследок обменивались рецептами и сплетнями, а мужчины курили трубки и почесывались, наконец избавившись от неудобной праздничной одежды и париков. Потрепанные слуги сидели на тюках с вещами и зевали.

– Мам, ты выглядишь уставшей.

Бри была не лучше – они с Роджером не спали всю ночь. От ее одежды исходил слабый запах камфоры.

– Даже не знаю, почему, – отозвалась я, подавив зевок. – Как Джемми?

– У него насморк, – ответила Бри, – но жара больше нет. Он поел каши и...

Я машинально кивнула и отправилась с ней посмотреть на состояние малыша, который радостно шумел, хоть еще и не выздоровел полностью. Его вид напомнил мне ощущения, которые я порой испытывала, когда летала из Америки в Англию. Десинхрония, как ее называли, случалась из-за смены часовых поясов. Странное чувство, когда ты в сознании, но все равно как будто находишься не в своем теле.

За Джемми следила Гасси, бледная, с покрасневшим глазами, как и у всех в доме, однако скорее от скорби, чем от похмелья. Смерть Бетти поразила всех рабов, и они приступили к уборке почти в полной тишине.

– Ты в порядке? – спросила я Гасси, когда осмотрела ушки и горлышко Джемми.

Она вздрогнула от неожиданности, потом смутилась. Наверное, ей никто не задавал подобных вопросов.

– Ой. Да, мэм. – Она пригладила передник обеими руками, явно нервничая.

– Хорошо. Тогда я проведу Федру.

Вернувшись в дом с Фентиманом, я перепоручила его Улиссе, чтобы тот покормил и переделал доктора в чистое, а затем направилась напрямик к Федре. Разве что вымыла руки и сменила одежду, чтобы не явиться к ней в крови ее же матери.

Тогда Федра сидела в кладовой Улисса, оцепеневшая, на стульчике, на котором он обычно полировал серебро, с нетронутым бокалом бренди. С

Федрой была Тереза, которая при виде меня с облегчением выдохнула.

– С ней что-то не так, – пробормотала мне Тереза, качая головой, и бросила на неподпечную полный тревоги взгляд. – Ни слова не сказала, ни слезинки не проронила.

Красивое лицо Федры было словно вырезано из какого-нибудь фруктового дерева. Обычно оно было нежного цвета корицы, но сейчас выцвело, а глаза неподвижно смотрели на стену за открытой дверью кладовой.

Я коснулась ее плеча, теплого, но безжизненного, словно Федра превратилась в нагретый солнцем камень.

– Мне жаль, – произнесла я. – Очень жаль. Доктор Фентиман сделал все, что мог.

Я говорила правду, оценивать медицинские познания доктора сейчас было бессмысленно.

Ответа не последовало.

Кто сможет ее утешить. Иокаста? А она уже в курсе смерти Бетти? Дункан, понятное дело, все знал, однако мог отложить рассказ до отъезда гостей.

– Священник! – вдруг осенило меня. – Хочешь, чтобы отец Леклерк благословил тело матери?

Для соборования, наверное, уже слишком поздно, – если Федра вообще знала, что это такое, – но я была уверена, что священник не откажет девушке в утешении. Он еще не уехал, я видела его в столовой – он деловито расправлялся с тарелкой свиных отбивных, залитых жареным яйцом и подливкой.

Плечо под моей рукой дрогнуло. Спокойное красивое лицо с непроницаемыми глазами повернулось ко мне.

– И что с того? – шепнула Федра.

– Ну... – растерялась я. Впрочем, она уже уставилась в новую точку – пятно на деревянном столе.

В итоге я дала Федре немного настойки опия, решительно закрыв глаза на такую жестокую иронию, и попросила Терезу уложить ее в постель в гардеробной Иокасты, где та обычно спала.

Теперь я распахнула дверь этой самой гардеробной, чтобы провести Федру. В крошечной темной комнатке без окон пахло крахмалом, жжеными волосами и цветочными духами Иокасты. Койка Федры располагалась в углу, за ширмой.

Я слышала дыхание девушки, размеренное и глубокое, и это меня успокоило. Пройдя вперед в темноте, я слегка сдвинула ширму. Федра

лежала лицом к стене, свернувшись калачиком.

Бри вошла следом и заглянула через мое плечо, обдав ухо теплым дыханием. Показав знаком, что все в порядке, я вернула ширму на место.

Уже в дверях Брианна вдруг замерла, а потом бросилась мне на шею. Из светлой комнаты тут же донеслись вопли Джемми:

– Мама! Ма! Ма-ма!

* * *

Вонь чердака и запах туалетной воды, которые я до сих пор ощущала, напрочь отбили аппетит. В столовой до сих пор сидели гости – особые друзья Иокасты, что намеревались задержаться на пару днейков. Я с улыбкой кивнула им, но на приглашение присоединиться ответила отказом и пошла на второй этаж.

В спальне было пусто, окна открыли для проветривания. Вычищенный камин не горел, и в комнате стало холодно, но главное, что там стояла тишина. В гардеробе по-прежнему висел мой плащ. Я прилегла на матрас, укрывшись плащом, и тут же уснула.

Проснулась я уже после заката, жутко голодная и почему-то встревоженная. Запах крови и цветов сменился мылом для бритья и нагретого телом полотна, а в бледно-золотом луче солнца, который упал на подушку, лежал длинный рыжий волос: Джейми приходил и спал рядом.

Как будто почуяв мои мысли, он открыл дверь и улыбнулся. Выбритый, расчесанный, в свежей одежде и с ясным взглядом, он будто стер все следы прошлой ночи. Выдавало его только выражение лица.

– Ну наконец-то. Как спала, саксоночка?

– Как убитая, – машинально ответила я, и внутри тут же екнуло.

Джейми прочитал это по моему лицу и тут же присел рядом на кровать.

– Что там? Кошмар приснился?

– Не совсем, – промолвила я.

На самом деле я не помнила, снилось ли мне вообще что-нибудь. Мое подсознание продолжало работать, анализируя события и делая выводы. Пробудившись благодаря слову «убитая», оно сразу предъявило мне эти самые выводы. Они и вызвали тревогу, с которой я проснулась.

– Та женщина, Бетти. Ее не похоронили?

– Нет. Тело обмыли и оставили в сарае; Иокаста решила подождать до утра, чтобы не беспокоить гостей. Некоторые остались еще на ночь. –

Джейми слегка нахмурился. – А что?

Я потеряла лицо ладонью, скорее чтобы собраться с мыслями, чем проснуться.

– Что-то не так. В смысле в ее смерти.

– Не так... Ты о чем? – Джейми вскинул бровь.

У меня замерзли руки, и я машинально потянулась к Джейми. Он мягко обхватил мои пальцы, согревая.

– По-моему, это не естественная смерть. Думаю, ее убили.

Вылетевшие слова повисли между нами в холодном воздухе, словно ледяные снежинки. Джейми хмуро поджал губы.

– Кто? Ты вообще уверена, саксоночка?

– Понятия не имею. И не могу сказать наверняка, – признала я. – Просто... – Я поколебалась, но Джейми ободряюще сжал мою руку. – Я была медсестрой, врачом, целительницей уже очень долгое время. Я видела, как умирают люди, умирают по самым разным причинам. Не могу выразить словами... сейчас я выпалась и поняла... я думаю, там что-то не так.

Солнце садилось за горизонт, в углах появились тени. Я вздрогнула, хватаясь за руки Джейми.

– Понятно, – тихо сказал он. – Но ты ведь не можешь узнать наверняка, да?

В полуоткрытое окно влетел порыв ветра, надувая шторы. По коже пробежали мурашки.

– Полагаю, могу, – ответила я.

Глава 52. Вечер трудного дня

Постройка, где лежало тело, стояла довольно далеко от дома – крошечный сарай за огородами. Света низко висевшей луны едва хватало, чтобы рассмотреть каменную дорожку. Ветви посаженных вдоль нее фруктовых деревьев напоминали огромные паутины. Землю недавно вскапывали – я почувствовала ее свежий запах и невольно вздрогнула от мысли о червях и гнили.

Джейми легонько меня приобнял.

– Все хорошо, саксоночка? – шепнул он.

– Да.

Я схватила его свободную ладонь. Вряд ли Бетти похоронят в огороде. Должно быть, землю копали для чего-то самого обычного – например грядки лука или раннего горошка. Эта мысль меня успокоила, хотя замерзшую кожу покалывало от страха.

Джейми тоже был далеко не так спокоен, как выглядел. Он часто сталкивался со смертью и не очень ее боялся. Однако он был и католиком, и кельтом, поэтому верил в другой, незримый мир, что начинается после нее, в частности, в *tannasgearch* – духов – и совершенно не горел желанием повстречаться с одним из них. И все же ради меня он был готов храбро столкнуться и с потусторонним миром.

Преодолев первый момент – призрак Бетти может быть недоволен моим планом, – следовало преодолеть и второй.

– Одно дело видеть, как людей рубят на поле боя, – сказал Джейми, продолжая со мной спорить. – Это война, дело чести, пусть и жестокое. Но взять нож и вот так просто, хладнокровно разрезать невинную женщину... Клэр, ты уверена, что так надо?

– Да, уверена, – ответила я, не сводя взгляда с содержимого сумки, которую собирала. Большой моток тряпок, чтобы вытирать жидкости, баночки для кусочков органов, моя самая большая костная пила, пара скальпелей, жуткие тяжелые ножницы, острый нож с кухни... Да уж, зловещая подборка. Я завернула ножницы в полотенце, чтобы они не звякали о другие принадлежности, а затем тоже уложила в сумку.

– Слушай, – наконец произнесла я, встречаясь с Джейми взглядом. – Я точно знаю, что здесь что-то не так. И если Бетти убили, то мы обязаны ради нее узнать правду. Если бы тебя убили, разве ты не хотел бы, чтобы... чтобы за тебя отомстили?

Джейми задумчиво сощурился, глядя на меня сверху вниз. А потом, заметно расслабившись, кивнул.

– Да, хотел бы, – тихо сказал он и принялся заматывать костную пилу тканью.

Больше он не спорил, не спрашивал, уверена ли я. Просто твердо заявил, что если я не передумаю, то он пойдет со мной.

Меня упорно терзало чувство, что с этой смертью что-то не так, неправильно, однако сейчас, когда с неба тускло светила одинокая луна, а ветер касался щек ледяными пальцами, моя уверенность начала таять.

Может, Бетти умерла по случайности, а не по злему умыслу. Может, я ошиблась и это просто кровотечение из-за язвы желудка, разрыв аневризмы или какая-нибудь другая физиологическая причина. Редкая, но вполне естественная. Может, я просто пытаюсь доказать себе, что не ошиблась с диагнозом?

В голову вдруг пришло воспоминание: Джо Абернэти с улыбкой лезет в картонную коробку, полную костей, со словами: «Хочу проверить, можешь ли ты это повернуть с мертвецом, леди Джейн».

Могла и сделала. Он вручил мне череп, и меня тут же накрыло леденящими воспоминаниями о Гейлис Дункан.

– Клэр, ты никому ничего не должна. – Джейми крепче сжал мою руку. – Я не буду звать тебя трусихой, – произнес он серьезно и тихо, едва слышно за завываниями ветра.

– Должна.

Я почувствовала, как Джейми кивнул. Значит, решено. Он отпустил меня и пошел вперед открывать калитку, но остановился, прислушиваясь. Потайной фонарь пахнул горячим маслом и осветил плащ Джейми крошечными лучиками.

Я же оглянулась на дом. В гостиной горели свечи – там продолжалась игра в карты. Ветер подул в другую сторону, и я уловила приглушенный шум голосов и внезапный смех. На верхних этажах было темно – свет виднелся только в одном окне, у Йокасты.

– Твоя тетушка не спит, – шепнула я Джейми.

Он тоже посмотрел на дом.

– Да нет, это Дункан. В конце концов, моей тетушке не нужен свет.

– Может, он читает ей в постели, – предположила я, стараясь хоть чуть-чуть разрядить мрачную обстановку.

Джейми фыркнул, однако давящая атмосфера все-таки слегка отступила. Он открыл калитку, за которой царила темнота. И я, повернувшись спиной к теплоте света дома, шагнула вперед, почти как

Персефона, ступающая в царство Аида. Джейми вдруг передал мне фонарь.

– Что ты делаешь? – прошептала я, слыша шуршание одежды.

У калитки было так темно, что я увидела на его месте лишь пятно, зато услышала довольно специфический звук.

– Мочусь на столбы, – тоже шепотом отозвался Джейми. Затем он шагнул назад и снова зашуршал, застегивая бриджи. – Если уж надо, то надо, только я не хочу, чтобы за нами какая-нибудь дрянь увязалась.

Настал мой черед фыркать. Впрочем, я не стала возражать, когда Джейми решил повторить свой ритуал и у порога сарая. Может, у меня просто разыгралось воображение, но ночь казалась живой и полной неведомых существ.

Смрад смерти успел смешаться с запахами ржавчины, гнилой соломы и древесины, и все же я испытала облегчение, оказавшись внутри сарая, где воздух был неподвижен. Раздался тихий скрежет металла – заслонка фонаря скользнула в сторону, – и в сарай полился ослепительный свет.

Мертвую рабыню, обмытую и завернутую в грубый саван, уложили на широкой доске, установленной между двумя козлами. Рядом с телом лежала краюха хлеба и стакан бренди, а на саване, как раз над сердцем, – маленький венок из сухих трав. Кто это все оставил?.. Наверняка другие рабы. Джейми перекрестился и взглянул на меня почти осуждающе.

– Нельзя касаться погребальных вещей, это к беде.

– Их нельзя забирать, – уточнила я вполголоса, но тоже перекрестилась, прежде чем сложить их в углу сарая. – Потом положу их на место.

– Хм-м-м. Погоди, саксоночка.

Джейми порылся в карманах и достал крошечную бутылочку, из которой сбрызнул тело, пробормотав короткую гэльскую молитву – обращение к святому Михаилу, чтобы он защитил нас от демонов, упырей и прочих ночных существ. Очень кстати.

– Святая вода? – недоверчиво спросила я.

– Конечно. Взял у отца Леклерка.

Джейми перекрестил тело и на мгновение возложил руку на скрытую тканью голову, а потом неохотно кивнул – давай, мол.

Достав из сумки скальпель, я аккуратно разрежала саван по шву. С собой у меня была крепкая игла с навоощенной нитью, чтобы зашить тело. Если повезет, то смогу сшить и саван так, что никто ничего не заметит.

Лицо Бетти изменилось до неузнаваемости. Круглые щеки ввалились, черная кожа стала пепельно-серой. Губы и уши приобрели синюшный оттенок. Так было даже легче – передо мной действительно находилась

лишь оболочка, а не женщина, которую я знала.

Джейми снова перекрестился и, буркнув что-то по-гэльски, поднял фонарь повыше, чтобы мне было лучше видно. На стену упала его тень, высокая и жуткая. Я поспешила вернуться к работе.

– Тебе не обязательно смотреть, Джейми.

Я выпрямилась, чтобы утереть лоб. В сарае было холодно, но я вся вспотела, вскрывая грудину. Завоняло внутренностями.

– Повесь фонарь на гвоздь и выйди наружу, если хочешь.

– Я в порядке, саксоночка. А что это? – осторожно указал Джейми, наклонившись. Его беспокойство сменилось интересом.

– Трахея и бронхи, – ответила я, проведя по изящным хрящевым кольцам, – и кусочек легкого. Если с тобой все хорошо, можешь приблизить свет?

Без расширителей я не могла полностью обнажить легкие, однако увидела достаточно, чтобы исключить некоторые диагнозы. Поверхность легких была черной и зернистой. Бетти больше сорока лет прожила у открытого огня.

– Вся грязь, которую человек вдыхает и не откашливает – табачный дым, сажу, смог и прочее, – постепенно накапливается в тканях легких и в плевре, – объяснила я, приподнимая полупрозрачную плевру кончиком скальпеля. – Легкие ребенка будут чистыми и розовыми.

– А мои тоже так выглядят? – Джейми чуть не закашлялся. – И что такое смог?

– Воздух в таких городах, как Эдинбург, где дым смешивается с туманом от воды, – рассеянно пояснила я и закричала, пытаясь раздвинуть ребра. – Твои, скорее всего, не так уж плохи, ты ведь долго жил на воздухе или в местах без каминов. Чистые легкие – награда за жизнь без огня.

– Приятно знать, когда особо нет выбора, – заметил Джейми. – А если он есть, то большинство все-таки выберет тепло и кашель.

Я улыбнулась, не поднимая головы, и разрежала верхнюю долю правого легкого.

– Верно, так и происходит.

Никаких признаков кровоизлияния в легких и в дыхательных путях. Никаких доказательств эмболии. Нет скопления крови ни в груди, ни в брюшной полости, хотя сейчас она слегка потекла из-за моих разрезов. После смерти кровь сворачивается, но потом постепенно разжижается.

– Подай, пожалуйста, еще тряпок, хорошо?

Несколько капель на саване не вызовут подозрений, учитывая, как Бетти умерла.

Я перегнулась через тело, чтобы забрать тряпки, и случайно надела на его бок. Труп издал низкий стон. Джейми тут же отскочил назад с перепуганным вскриком. Свет бешено замелькал. Я и сама подпрыгнула, но быстро опомнилась.

– Все в порядке, – сказала я, хотя сердце бешено колотилось, а пот на лбу резко стал ледяным. – Это просто газ. Мертвецы часто издают странные звуки.

– Ага. – Джейми сглотнул, выравнивая фонарь. – Да, видел такое. Каждый раз застаю врасплох, правда?

Он криво улыбнулся. На его лбу блестел пот.

– Да уж.

Мне вдруг пришло в голову, что он наверняка имел дело с множеством трупов и был знаком со смертью не меньше моего. Я осторожно надела на тело в том же месте – новых звуков не последовало – и продолжила вскрытие.

Еще одно отличие этого импровизированного вскрытия от современного – отсутствие перчаток. Я испачкала руки в крови по самые запястья, а органы на ощупь казались слегка покрытыми липкой слизью. Несмотря на холод в сарае, начался неизбежный процесс разложения. Я сунула руку под сердце и приподняла его к свету, проверяя, нет ли нарушений цвета или заметных разрывов магистральных кровеносных сосудов.

– Они еще, бывает, шевелятся, – сказал Джейми через некоторое время.

В его голосе прозвучала странная нотка, и я удивленно подняла голову.

– Кто – они?

– Мертвые.

По коже пробежали мурашки.

– Да, – как можно спокойнее согласилась я. – Обычное посмертное явление. Чаще всего из-за движения газов.

– Я однажды видел, как мертвец сел, – так же спокойно, как и я, продолжил Джейми.

– Что, на поминках? Оказался живым?

– Нет, на костре. И он уже давно был мертв.

Я бросила на него внимательный взгляд. Джейми говорил бесстрастно, вполне будничным тоном, но по лицу ясно читалось – он вновь переживает те события.

– После Каллодена англичане сжигали убитых шотландцев. Мы чуяли вонь костров, однако увидел я их, только когда меня уложили в повозку и

отправили домой.

Джейми лежал под слоем сена, уткнувшись носом в щель между досками, чтобы дышать. Повозка объезжала поле по окольной дороге, избегая английских отрядов, но однажды пришлось остановиться и пропустить группу солдат.

– Где-то в десяти ярдах от меня горел костер. Его подожгли недавно, одежда только начала обугливаться. Там лежал Грэхэм Гиллеспы, и он точно был мертв, с дыркой от выстрела на виске.

Повозка долго стояла на месте. А потом Джейми, одурманенный болью и лихорадкой, увидел, как Гиллеспы вдруг сел в пламени и повернул голову.

– Он смотрел прямо на меня. Будь я в здравом уме, я заорал бы во весь голос. Но тогда мне просто показалось... что Грэхэм проявил дружелюбие. Словно он мне говорил, что мертвым быть не так уж плохо. Или приглашал меня в ад.

– Посмертные судороги, – отозвалась я, погруженная в исследование пищеварительной системы. – Огонь заставляет мышцы сокращаться, и конечности часто двигаются, как у живых. Можешь поднести свет поближе?

Я вытатила пищевод, а затем аккуратно его разрежала, выворачивая дряблые ткани. В нижней части наблюдалось раздражение и немного крови; никаких следов разрыва или масштабного кровоизлияния. Я наклонилась, заглядывая в полость глотки, но ничего не увидела в таком скудном свете. Для подобного исследования у меня попросту не хватало инструментов, поэтому я вернулась к низу и приподняла желудок.

Чувство неправильности, которое преследовало меня в этом деле, вдруг обострилось. Если что-то и не так, то доказательство найдется именно здесь, говорили и логика, и шестое чувство.

Еды в желудке не было, что после такой рвоты неудивительно. Однако, когда я разрежала толстую стенку, вонь тела перекрыл острый запах ипекакуаны.

– Что? – хмуро наклонился Джейми после моего восклицания.

– Ипекакуана. Этот шарлатан напичкал ее ипекакуаной... причем недавно! Чувствуешь запах?

Джейми скривился, затем осторожно потянул воздух носом и кивнул.

– А разве ее не пьют люди с больным брюхом? Ты же сама ее давала Бекки Маклауд, когда она напилась твоей голубой штуки.

– Давала.

Пятилетняя Бекки выпила полбутылки раствора мышьяка, который я

сделала, чтобы травить крыс. Ее привлек цвет, да и вкус, видимо, понравился. Впрочем, как и крысам.

– Но я сделала это сразу. Нет никакого смысла применять ее через несколько часов, когда яд или раздражитель уже ушел из желудка.

Впрочем, Фентиман мог об этом даже не подозревать, учитывая его медицинские познания. Он, вероятно, дал пациентке ипекакуану только потому, что не придумал ничего другого. Я нахмурилась, выворачивая разрезанный край желудка. А вот и источник кровотечения: темно-красная, как фарш, внутренняя стенка. Внутри скопилось немного лимфы, которая уже начала выделяться из свернувшейся крови.

– Думаешь, он умерла от ипекакуаны?

– Сейчас уже не уверена, – пробормотала я, внимательно рассматривая орган.

Фентиман дал Бетти большую дозу, а сильная рвота могла стать причиной разрыва или кровотечения... но я не находила никаких подтверждений. Я еще сильнее разрежала желудок и подобралась к двенадцатиперстной кишке.

– Можешь подать пустую склянку? И бутылку с водой?

Джейми повесил фонарь на гвоздь и послушно полез в сумку, а я продолжила копаться в желудке. В бороздках желудочных складок застряло нечто зернистое, образующее светлый налет. Я осторожно его поскребла, и он легко отделился от стенки, словно густая паста. Где-то на задворках сознания уже зрело нехорошее подозрение. Надо собрать этот налет и исследовать его дома, при нормальном свете. Если это...

Дверь вдруг распахнулась. Порыв холодного воздуха заставил пламя фонаря вспыхнуть ярче... достаточно ярко, чтобы я разглядела изумленное лицо Филипа Уайли.

Он уставился на меня со слегка отвисшей челюстью, потом закрыл рот и шумно сглотнул. Уайли медленно оглядел всю открывшуюся ему сцену, а потом вновь уставился на меня полными ужаса глазами.

Я тоже была поражена. Сердце колотилось где-то в горле, руки заledenели, но мозг продолжал лихорадочную работу.

Что произойдет, если Уайли закричит? Поднимется кошмарный скандал, даже если я сумею оправдать свои действия. Если же нет... Страх прошел по телу холодной волной. Однажды меня уже чуть не сожгли как ведьму.

У ног что-то шевельнулось, и я осознала, что Джейми сидит в темноте под столом. Фонарь освещал только определенное место, ниже моей талии все скрывалось в тени. Значит, Уайли его не видел. Я легонько ткнула

Джейми пальцем ноги, чтобы он оставался на месте.

Я вымучила улыбку и, сглотнув ком, выдала первую пришедшую на ум фразу:

– Добрый вечер!

Уайли облизнул губы. На нем не было ни мушки, ни пудры, однако его лицо было белым как саван.

– Миссис... Фрейзер... – Он снова сглотнул. – Я... э-э... что вы делаете?

Скорее всего, этот вопрос касался все же причин моих действий, ведь сами они были предельно ясны. Однако раскрывать причины я вовсе не собиралась.

– А вы что здесь делаете глухой ночью?

Вопрос оказался хорошим. Испуг Уайли тут же сменился тревогой. Он дернул головой, будто хотел оглянуться, и замер. Все же я успела увидеть, что за его спиной кто-то стоит. Высокий мужчина шагнул вперед. Фонарь высветил лицо с насмешливыми и зелеными, как крыжовник, глазами. Стивен Боннет.

– Иисус твою Рузвельт, – пробормотала я.

И в тот же миг произошло несколько событий. Джейми рванул из-под стола, словно кобра в броске. Филип Уайли с испуганным криком отпрыгнул от двери. Фонарь, сорвавшись с гвоздя, грохнулся на пол. Сильно пахло маслом и бренди. Раздался шорох – и скомканный у моих ног саван загорелся.

Джейми исчез. Снаружи, из темноты, доносились крики и топот. Я пнула саван, пытаясь его потушить, но передумала. Вместо этого я навалилась на импровизированный стол и перевернула его вместе с телом, а затем накинула на него горящий саван. Пол, покрытый опилками, уже тоже успел подхватить огонь. Я как можно сильнее пнула фонарь в деревянную стенку, и та вспыхнула, залитая остатками масла.

В огороде кто-то звал на помощь. Надо было бежать. Я схватила сумку и дала деру в ночь, как была, с алыми от крови руками, сжимая в кулаке доказательство. Я понятия не имела, что происходит сейчас и что будет дальше, однако знала точно: я права – Бетти была убита.

* * *

В огороде носились несколько перепуганных слуг, которых разбудила суета, но в скудном свете луны было легко проскользнуть мимо.

Хотя из главного дома еще никто не вышел, крики и огонь скоро привлекут внимание. Я присела у стены, спрятавшись за огромным малинником. Из конюшен прибежали еще двое полуодетых рабов, вопивших что-то про лошадей. В воздухе разлился запах гари. Наверняка они решили, что горит конюшня. Ну, или вот-вот загорится.

Сердце билось в грудную клетку, словно кулак. Я невольно вспомнила неприятную тяжесть мертвого сердца, которое совсем недавно держала в руке, и представила свое – темно-красный комок гладких мышц, пульсирующих в аккуратной ложбинке между легкими.

Легкие-то как раз почти не работали. Дыхание вырывалось короткими хрипами, которые я пыталась заглушить из страха, что меня обнаружат. Что, если оскверненное тело Бетти вытащат из сарая? Кто это сделал, не узнают, но разгорится страшный скандал, последуют безумные слухи и массовая истерия.

В дальнем конце огорода поднялось пламя – загорелась крыша сарая. Дышать стало легче, когда я увидела сгрудившихся в кучку перепуганных рабов. Конечно, они не станут тушить сарай, полыхает уже вовсю. Ближайшая вода – в поилках для лошадей, но пока организуют ведра...

Дым клубами поднимался в небо. Зная, что находилось в сарае, было нетрудно вообразить, что в его прозрачных завихрениях кружит и дух. Затем крыша наконец проломила, и огонь подсветил дым снизу прекрасным и жутким заревом.

Откуда-то сзади донесся высокий вопль, в ворота вбежала Федра. Она бросилась к сараю с криками «Мама!», и ее белая рубашка окрасилась в цвет пламени. Мужчины у калитки успели перехватить Федру. Во рту появился вкус крови – оказывается, я прикусила нижнюю губу. Я изо всех сил зажмурилась, чтобы не слышать безумные крики Федры и нестройный хор ее утешителей.

Голос Федры был похож на голос Бри, и я ярко представляла, что чувствовала бы моя дочь, если бы в том сарае горело мое тело. Но Федре стало бы куда хуже, если бы я не начала пожар. Хотя руки тряслись от холода и напряжения, я упрямо потянулась к сумке, которую уронила на землю у ног.

Пальцы едва гнулись, липкие от засыхающей крови и лимфы. Нельзя, нельзя, чтобы меня нашли в таком виде!.. Покопавшись в сумке свободной рукой, я нащупала банку с крышкой, где обычно держали пивок, и небольшую бутылку разведенного водой спирта, с трудом разжала сведенный от напряжения кулак и осторожно соскребла его содержимое в

банку. Пробка бутылки никак не хотела поддаваться моим дрожащим пальцам, поэтому пришлось вытаскивать ее зубами. Я плеснула немного спирта на ладонь, смывая остатки зернистого налета во все ту же баночку.

Дом проснулся – с той стороны доносились голоса. Что происходит? Где Джейми? И где Боннет и Филип Уайли? Выстрелов я не слышала, но клинки убивают беззвучно.

По огороду туда-сюда носились люди. Почему они не издают звуков? Может, это и не люди вовсе, а духи, порожденные моим святотатством?

Затем одна тень что-то крикнула, другая отозвалась. Я смутно осознала, что не слышу топота ног, потому что они босы, а в ушах у меня стоит звон. Лицо пощипывало от холодного пота, а руки совсем заledenели, и вовсе не потому, что я замерзла.

Какая ты идиотка, Бичем! Ты же сейчас в обморок рухнешь! А ну сядь!..

Я пришла в себя, сидя в грязи под кустом. В огороде уже собралось полно народу, гостей и слуг, похожих на призраки из-за белых ночных рубашек.

Наконец собравшись с силами, я шагнула на дорожку. И сразу увидев майора Макдональда, схватила его за руку.

– Что происходит?

– Где ваш муж? – произнес он одновременно со мной, оглядываясь в поисках Джейми.

– Не знаю. Сама его ищу.

– Миссис Фрейзер, дорогая, с вами все хорошо? – Рядом возник Ллойд Стэнхоуп, похожий на ожившее вареное яйцо. Без парика его коротко подстриженная голова казалась странно круглой и бледной.

Я заверила Стэнхоупа, что со мной все в порядке, что уже было правдой. Только сейчас я вдруг обратила внимание, что большинство джентльменов одеты в ночное белье, а майор был при полном параде, от парика до ботинок. Наверное, удивление отразилось у меня на лице, потому что Макдональд вскинул брови и оглядел меня сверху донизу, от уложенных волос до обутых ног. Очевидно, ему в голову пришло то же самое.

– Услышала крики о пожаре и подумала, что есть пострадавшие, – хладнокровно пояснила я, приподнимая сумку. – Захватила инструменты. Никто не ранен, не знаете?

– Насколько я... – Макдональд внезапно отскочил, ухватив меня за собой.

Крыша с глубоким стоном рухнула, взметнув облако искр. Люди с

воплями бросились от огня, а затем возник миг тишины, как случается, когда все внезапно разом умолкают. Лишь треск огня... и отдаленный крик. Женский голос, высокий и дрожащий, но полный гнева.

– Миссис Кэмерон! – воскликнул Стэнхоуп.

Майор уже бежал к дому.

Глава 53. Французское золото

Мы обнаружили Иокасту Кэмерон-Иннес в оконной нише ее покоев. Побагровевшая от ярости, она была одета в сорочку и связана по рукам и ногам полосами разорванной простыни. Разглядывать ее внимательно мне было некогда – у камина лицом вниз распростерся Дункан, также одетый в одну рубашку.

Я сразу опустилась рядом с ним на колени и прощупала пульс.

– Мертв? – Майор заглянул мне через плечо скорее с любопытством, чем с сочувствием.

– Нет, – коротко отозвалась я. – Уведите отсюда людей.

В комнате толпились гости и слуги, которые шумели над освобожденной Иокастой, строили догадки и, черт возьми, ужасно мне мешали. Майор удивленно моргнул в ответ на мой категоричный тон, однако возражать не стал.

Дункан совершенно точно был жив. Быстрый осмотр показал, что у него лишь большая шишка за ухом, – очевидно, от удара тяжелым серебряным подсвечником, что валялся рядом. Несмотря на бледность, дышал Дункан ровно. Я приподняла сперва одно, потом другое веко – его глаза слегка остекленели, но зрачки были одного размера и вполне естественно расширены.

Тем временем майор вовсе использовал свои военные навыки, отдавая резкие команды, словно на плацу. Правда, большинство присутствующих солдатами не были, поэтому метод работал не очень.

У Иокасты Кэмерон получилось куда лучше. Она пересекла комнату, тяжело опираясь на руку Улисса, и толпа расступалась перед ней, словно волны Красного моря.

– Дункан! Где мой муж? – настойчиво спрашивала она, поворачивая голову из стороны в сторону и сверкая слепыми глазами. – Кто здесь? – добралась она до меня.

– Это я... Клэр. – Взяв руку Иокасты, я помогла ей опуститься рядом. Ее холодные пальцы дрожали, а на запястьях алели следы от пут. – Не беспокойтесь, Дункан в порядке.

Иокаста протянула ладонь, и я положила ее пальцы на шею Дункана, где в артерии бился пульс. Иокаста негромко вскрикнула и наклонилась, обхватывая его лицо руками с такой нежностью, что я не могла не растрогаться.

– Он сильно ранен?

– Нет. Его лишь ударили по голове.

– Вы уверены? – Она хмуро повернулась. Тонкие ноздри затрепетали. – Я чувствую запах крови.

Я в страхе поняла, что хоть и успела кое-как отмыть руки, под ногти все равно набилась кровь. Подавив желание спрятать руки, я пробормотала:

– Кажется, это я... у меня месячные.

Майор Макдональд с интересом глянул в нашу сторону. Услышал слова Иокасты?..

У двери послышалась возня, и я с огромным облегчением увидела Джейми. Вздероженный, в порванном сюртуке и с наливающимся под глазом синяком, он заметил меня, и мрачное выражение лица чуть смягчилось.

– Ничего страшного, – поспешно сказала я, когда он опустился рядом с Дунканом на одно колено. – Кто-то ударил его по голове и связал твою тетушку.

– Кто? – Джейми глянул на Иокасту и коснулся груди Дункана, будто хотел удостовериться, что тот дышит.

– Понятия не имею, – резко ответила Иокаста. – Иначе уже давно отправила бы людей в погоню. – Она сжала губы в тонкую линию. К бледному лицу опять прилила кровь. – Кто-нибудь видел этих мерзавцев?

– Не думаю, тетушка, – спокойно произнес Джейми. – В доме такой переполох, что никто не знает, куда смотреть.

Я вскинула бровь в немом вопросе. О чем он говорит? Боннет сбежал? Ведь наверняка это он вломился в покои Иокасты. Какой бы ни был переполох, вряд ли этой ночью в «Горной реке» вдруг оказалось много преступников.

Джейми коротко качнул головой. Заметив кровь под моими ногтями, он тоже вскинул брови. Нашла ли я что-нибудь? Было ли время собрать доказательства? Я кивнула. По телу прошла легкая дрожь. Теперь я знала наверняка.

«Убийство», – произнесла я одними губами.

Джейми сжал мою руку, а потом оглянулся через плечо. Майор наконец вытолкал большую часть людей в коридор. Слуг он отправил за успокоительными средствами и напитками, конюха – за шерифом в Кросс-Крик, мужчин – искать негодяев, а взволнованных женщин – в гостиную. Плотнo закрыв двери, он быстро подошел к нам.

– Перенесем его на кровать?

Дункан уже начинал шевелиться и стонать, потом закашлялся. К

счастью, его не вырвало. Майор и Джейми подняли беднягу под руки и уложили на огромную постель, не обращая никакого внимания на шелковое покрывало.

На меня вдруг накатила непривычная хозяйственность, и я подложила Дункану под голову зеленую бархатную подушечку, пахнущую лавандой. Этот запах, конечно, помогает при головной боли, но вряд ли подействует в данном случае.

– Где Федра?

Улисс отвел Иокасту к креслу, и она рухнула в него, внезапно изможденная и постаревшая. Краска схлынула с ее лица вместе с гневом, седые волосы упали на плечи.

– Я отправила Федру в постель, бабушка. – Бри незаметно вошла в общем хаосе и не позволила майору ее вывести. – Не волнуйтесь, я вам помогу, – коснулась она руки Иокасты.

Иокаста благодарно накрыла ее ладонь своей, затем удивленно выпрямилась.

– Отправила в постель? Почему? И что, бога ради, горит? Конюшни?!

Ветер переменился, и ночной воздух, проникающий в разбитое окно, приносил тяжелый запах дыма, перемешанный с еле заметной вонью горелой плоти.

– Нет, нет! С конюшнями все хорошо. Федра расстроена, – тактично пояснила Бри. – Сгорел сарай у огорода, тело ее матери...

Лицо Иокасты на миг вытянулось, а потом она поднялась, но уже с совершенно другим выражением – чем-то вроде удовлетворения, разбавленным замешательством.

Джейми, стоявший у меня за спиной, хмыкнул.

– Вам лучше, тетушка?

Она повернулась к нему и вскинула бровь.

– Лучше мне будет после глотка спиртного, – отозвалась она, принимая из рук Улисса бокал. – Но да, племянник, я вполне в порядке. Как Дункан?

Я сидела на краю постели, придерживая его за запястье, и почувствовала, как пальцы Дункана слегка дрогнули. Затем затрепетали веки.

– Приходит в себя, – заверила я Иокасту.

– Улисс, дай ему бренди, – приказала она, но я качнула головой:

– Не сейчас. Он подавится.

– Тетушка, вы можете рассказать, что произошло? – спросил Джейми. – Или нам подождать, пока Дункан очнется?

Иокаста вздохнула, на мгновение прикрыв глаза. Хотя она, как и все

Маккензи, умело скрывала свои мысли, сейчас было видно, что она раздумывает, причем лихорадочно. Кончик ее языка мельком коснулся ранки в углу губ. Значит, ее не только связали, но и заткнули рот кляпом.

Джейми стоял у меня за спиной и тихонько барабанил пальцами по столбику кровати. Мне очень хотелось услышать рассказ Иокасты; в то же время я отчаянно жаждала остаться с Джейми наедине, рассказать ему о своем открытии и выяснить, что случилось с ним во тьме.

Из коридора доносились приглушенные голоса и обрывки фраз: «почти сгорела, только кости», «...украли? Не знаю...», «...проверьте конюшни», «Да, одни угли...». Я вздрогнула и вцепилась в руку Дункана, пытаюсь справиться с непонятным мне приступом паники. Наверное, я выглядела очень странно, потому что Бри мягко позвала: «Мама?», беспокойно нахмурившись. Я попыталась улыбнуться.

На мои плечи легли руки Джейми, большие и теплые. Оказывается, я даже не дышала, но с его прикосновением смогла наконец выдохнуть. Майор Макдональд с интересом глянул на меня, однако тут же отвлекся на Иокасту, которая открыла глаза и повернулась к нему.

– Майор Макдональд, не так ли?

– К вашим услугам, мэм. – Он машинально отвесил поклон, забывая – как часто случалось, – что Иокаста его не видит.

– Благодарю вас за помощь, майор. Мы с мужем перед вами в долгу. Нет-нет! – воскликнула она в ответ на вежливое возражение Макдональда, выпрямившись и отбросив волосы с лица одной рукой. – Мы доставили вам неудобства и не можем больше злоупотреблять вашей добротой. Улисс, отведи майора в гостиную и предложи ему выпить.

Дворецкий подобострастно поклонился – я только сейчас заметила, что он одет в ночную рубашку поверх расстегнутых бриджей, хоть и успел нацепить парик, – и уверенно подвел майора к двери. Макдональд был крайне поражен и даже недоволен тем, что его выпроводили, ведь он явно намеревался узнать все кровавые подробности случившегося. Однако у него все равно не было приличного повода остаться, поэтому он с достоинством поклонился и вышел.

Паника отступила так же внезапно, как и накатила. От ладоней Джейми по моему телу волнами растекалось тепло. Дышать стало легче. Я смогла сосредоточить внимание на пациенте, который уже открыл глаза, хоть и чертовски об этом пожалел.

– *Och, mo cheann!*^[72] – Дункан, морщась, с трудом сфокусировал взгляд на моем лице, потом перевел его на Джейми. – Макдью... что случилось?

Джейми сжал руку Дункана, отпустив мое плечо.

– Не волнуйся, друг. – Он выразительно глянул на Иокасту. – Твоя жена как раз собирается нам рассказать. Правда, тетушка?

Пойманная в ловушку Иокаста сжала губы, потом вздохнула и выпрямилась.

– Здесь только семья?

Убедившись, что это так, она начала рассказ.

Она уже отослала служанку и готовилась ко сну, когда дверь резко распахнулась и вошли двое.

– Я уверена, что он был не один – слышала шаги и дыхание, – проговорила она, сосредоточенно хмурясь. – Может, трое, но вряд ли. Впрочем, говорил только один. Должно быть, со вторым я знакома, так как он держался на другом конце комнаты, словно боялся, что я как-то раскрою его личность.

Говоривший был незнакомцем, Иокаста раньше никогда не слышала его голос.

– Ирландец, – сказала она, и Джейми стиснул мое плечо. – Довольно грамотный, явно не джентльмен. – Ее ноздри слегка дернулись от презрения.

– Куда там ему, – едва слышно буркнул Джейми.

Бри при слове «ирландец» слегка дернулась.

Ирландец был вежлив, но намерений не скрывал – он хотел золото.

– Золото? – проговорил Дункан, хотя вопрос читался на лицах всех присутствующих. – Какое золото? В доме ничего нет, разве что несколько фунтов стерлингов и немного ценных бумаг.

Иокаста вновь поджала губы, но выбора у нее не оставалось. Она тихонько заворчала, разозлившись, что вынуждена выдать тайну, которую так долго хранила.

– Французское золото, – коротко бросила она.

– Что? – поразился Дункан, осторожно потрогав шишку за ухом.

– Французское золото, – раздраженно повторила Иокаста. – Его отправили прямо перед Каллоденом.

– Перед... – начала было Бри с распахнутыми глазами, но Джейми ее перебил.

– Золото Людовика, – тихо сказал он. – Ты о нем? Золото Стюартов?

Иокаста невесело усмехнулась.

– Когда-то было.

Она умолкла, прислушиваясь. Голоса отдалились от двери, хотя в коридоре по-прежнему раздавались какие-то звуки.

– Проверь, не пристроился ли кто к дверной скважине, девочка, – повернулась Иокаста к Бри. – Я не для того хранила тайну двадцать пять лет, чтобы о ней тут же узнала вся округа.

Бри высунулась из комнаты, а потом закрыла дверь со словами, что там никого.

– Хорошо. Иди сюда, девочка, посиди со мной. Нет, погоди... сперва принеси мне шкатулку, которую я вчера тебе показала.

Сбитая с толку Брианна исчезла в гардеробной и вернулась с узкой коробочкой, обтянутой потертой кожей. Затем, опустив ее на колени Иокасте, присела на соседний стульчик и глянула на меня с легкой тревогой.

Отголоски того странного страха до сих пор отдавались в теле, однако я все равно ободряюще кивнула Брианне и наклонилась к Дункану, чтобы дать ему глоток разбавленного водой бренди. Теперь я поняла, откуда взялся страх. Из случайной фразы, волей судьбы совпавшей с той, которую когда-то подслушала маленькая девочка, – ее произнесли шепотом в соседней комнате незнакомцы, что пришли рассказать ей о смерти матери. Несчастный случай, автокатастрофа, огонь. «Сгорела, только кости», – произнес голос с неким трепетом. Сгорела, только кости... и отчаяние дочери, навсегда оставшейся в одиночестве. Рука дрогнула, и по подбородку Дункана потекла капля.

Это было давно, в другой стране, думала я, сдерживая поток воспоминаний. И кроме того...

Иокаста отставила опустевший бокал и открыла шкатулку, в которой блеснули драгоценности. Она приподняла деревянную палочку с тремя кольцами.

– Когда-то у меня было три дочери. Три девочки. Клементина, Шона и Морна. – Иокаста коснулась широкого золотого кольца с тремя большими бриллиантами. – Это кольцо в честь моих девочек, Гектор подарил мне его, когда родилась Морна, его дочь... Имя Морна означает «любимая», знаете?

Иокаста на ощупь нашла Брианну и коснулась ее щеки, а Бри накрыла ее ладонь своей.

– От каждого брака у меня осталось по одному выжившему ребенку. – Иокаста по очереди тронула кольца. – Клементина от Джона Кэмерона, за которого я вышла, когда сама еще была почти ребенком. Я родила ее в шестнадцать. Шона – дочь Черного Хью, такая же темноволосая, как отец, но с глазами моего брата Колума.

Иокаста на мгновение обратила слепой взгляд на Джейми, потом вновь опустила голову и коснулась кольца с тремя бриллиантами.

– И Морна, мое последнее дитя. Ей едва исполнилось шестнадцать, когда она умерла.

Лицо старой женщины походило на холодную маску.

– Мне очень жаль, бабушка, – тихо произнесла Бри и, наклонившись, поцеловала ее шишковатые костяшки пальцев.

Иокаста слегка сжала ладонь Бри, не намереваясь прерывать рассказ.

– Его подарил Гектор Кэмерон, – тронула она кольцо. – И он же их всех убил. Моих детей, моих дочерей. Он убил их всех ради французского золота.

У меня перехватило дыхание. Желудок сжался. Джейми оцепенел за моей спиной, а покрасневшие глаза Дункана широко распахнулись. Брианна не изменилась в лице – она лишь ненадолго зажмурилась, не выпуская из рук тонкую ладонь.

– Что случилось, бабушка? – тихо произнесла Бри. – Расскажите мне.

Иокаста немного помолчала. В комнате тоже царил тишина. Было слышно, как шипит свечка и чуть хриплое дыхание старой женщины. Когда Иокаста вновь заговорила, она обратилась не к Брианне, а к Джейми.

– Ты знаешь о золоте, верно, сын моей сестры?

Если Джейми и посчитал вопрос странным, то виду не подал.

– Да, я о нем слышал, – спокойно ответил он и присел рядом со мной, ближе к тетушке. – После Каллодена ходили слухи. Мол, Людовик отправил золото, чтобы помочь кузену в священной борьбе. Потом говорили, что оно прибыло, но никто его не видел.

– Я видела. – Иокаста скривила губы. – Я видела, – повторила она. – Тридцать тысяч фунтов золотыми слитками. Я была там, когда золото выгрузили на берег с французского судна. Шесть сундуков, настолько тяжелых, что в лодке можно было перевозить лишь по два, иначе она пошла бы ко дну. На крышке каждого – королевская лилия, флер-де-лис, каждый обвит цепями и закрыт на замок, и каждый замок запечатан красным воском с отпечатком кольца короля Людовика.

Все присутствующие выдохнули с благоговейным трепетом. Иокаста медленно кивнула, устремив слепые глаза к событиям той далекой ночи.

– Где его выгрузили, тетушка? – тихо спросил Джейми.

– На Иннисмарахе, крошечном острове недалеко от Койгаха.

Я опять невольно задержала дыхание, но вовремя опомнилась и встретила с Джейми взглядом. Иннисмарах. Остров морских людей, тюлений остров. Мы хорошо знали это место.

– Золото доверили трем людям. Гектору Кэмерону, моему брату Дугалу и еще одному человеку в маске; все скрывали лица. Имя третьего никто так

и не назвал. Хотя я знала его слугу, Дункана Керра.

Джейми слегка напрягся при упоминании Дугала.

– Там были слуги? – спросил он.

– Двое. – На губах Иокасты мелькнула горькая улыбка. – Человек в маске привел Дункана Керра, как я уже сказала, а мой брат Дугал – человека из Леоха. Я помню его лицо, но не имя. А у Гектора была я, здоровая и сильная женщина... как ты, милая, совсем как ты, – негромко произнесла она, сжав руку Брианны. – Я была сильной, и Гектор мне доверял, доверял мне одной. Я тоже ему доверяла – в то время.

Звуки снаружи утихли – только ветер шевелил шторы сквозь разбитое окно, словно призрак, пришедший на зов.

– Лодок было три. Мы с Гектором перенесли два сундука в нашу и отплыли в туман. Я слышала, как плещут весла остальных лодок, все тише и тише, пока наконец не растворились в ночи.

– Когда это было, тетушка? – спросил Джейми, не сводя с нее внимательного взгляда. – Когда прибыло золото?

– Слишком поздно, – прошептала она. – Слишком, слишком поздно... Чертов Людовик! – воскликнула она с неожиданной яростью. – Черт бы побрал этого гнилого француза, чтоб его глаза сгнили, как мои! Подумать только, что могло произойти, если бы он остался верен своей чести и слову!

Джейми искоса глянул на меня. Слишком поздно. Если бы золото прибыло раньше – когда Карл высадился в Гленфиннane, например, или взял Эдинбург и правил там несколько коротких недель, – что было бы тогда?

С тенью печальной улыбки на губах Джейми посмотрел на Брианну, затем вновь на меня. В его глазах читался и вопрос, и ответ. Что тогда?

– Был март, – продолжила Иокаста, успокоившись. – Ледяная, но ясная ночь. Я стояла на утесе и смотрела в море, по глади которого струилась золотистая дорожка лунного света. Именно по этой дорожке проплыл корабль, как король на коронации, и я подумала – это знак.

Иокаста повернулась к Джейми, на мгновение скривив губы.

– Я словно слышала его смех. Черного Брайана, того, что забрал у меня сестру. Он мог так смеяться. Но его там не было. Наверное, просто лаяли тюлени.

Я заметила, как рыжеватые волоски на руках Джейми встали дыбом.

– Не думал, что вы знали моего отца, – сказал он резко. – Но давайте оставим его пока, тетушка. Был март, да?

Иокаста кивнула.

– Слишком поздно, – повторила она. – Золото должно было прибыть на два месяца раньше, говорил Гектор...

Да, слишком поздно. В январе, после победы при Фолкерке, демонстрация поддержки со стороны Франции могла бы стать решающей. Но в марте шотландская армия уже двигалась на север, отказавшись от вторжения в Англию. Крошечный шанс на победу был потерян, и люди Карла Стюарта шли прямиком к гибели при Каллодене.

Когда сундуки оказались на берегу, новые хранители золота стали совещаться, что же делать с сокровищем. Армия отступала вместе со Стюартом; Эдинбург вернулся в руки англичан. Не было никакого безопасного места, никаких надежных рук.

– Они не доверяли О’Салливану и другим приближенным принца, – объяснила Иокаста. – Ирландцам, итальянцам... Дугал говорил, что не для того через столько прошел, чтобы золото украли чужеземцы. – Она мрачновато улыбнулась. – В смысле, он не хотел, чтобы его заслуги померкли.

Все трое хранителей точно так же не доверяли и друг другу. Большую часть ночи они провели в спорах, сидя в выставленной комнатухе на верхнем этаже забытой богом таверны, пока Иокаста и двое слуг спали на полу между сундуками. Наконец золото решили разделить: каждый оставлял себе два сундука и клялся на крови, что сохранит тайну и сбережет богатство для законного монарха, короля Джеймса.

– Вы тоже поклялись? – тихонько спросила Брианна, не сводя глаз с седовласой фигуры в кресле.

– Нет, мне не пришлось. – Красивые губы Иокасты слегка изогнулись. – Я была женой Гектора, его клятва связывала и меня. В то время.

Обремененные таким богатством заговорщики покинули таверну до рассвета, замотав сундуки в одеяла и мешковину.

– Когда вынесли последний сундук, во двор въехали двое путников. Их появление спасло жизнь хозяину таверны, – она располагалась в глуши, и только он один видел нас той ночью. Полагаю, Дугал и Гектор и не подумали бы о подобном... но третий человек собирался избавиться от хозяина. Я видела это в его глазах, в наклоне тела, когда он выжидал у ступенек, положив ладонь на кинжал. Он заметил меня... и улыбнулся под маской.

– Он ни разу ее не снял?

Рыжие брови буквально сошлись на переносице, словно Джейми мог силой воли увидеть картину глазами Иокасты и узнать таинственного

незнакомца.

Она покачала головой.

– Нет. Временами я вспоминала ту ночь и спрашивала себя, смогу ли я узнать этого человека, если увижу вновь. Я думала, что смогу. Он темноволосый, худой, но сильный, как стальной нож. Если бы я увидела его глаза... Однако сейчас... – Иокаста пожала плечами. – Смогу ли я узнать его только по голосу? Прошло слишком много времени.

– Он точно не ирландец? – Бледный и мокрый от пота Дункан приподнялся на локте.

Иокаста вздрогнула, будто совершенно забыла о его присутствии.

– Точно, муж. Судя по речи – шотландец, джентльмен.

Дункан и Джейми переглянулись.

– Маккензи или Кэмерон? – вполголоса спросил Дункан, и Джейми кивнул.

– Или кто-то из Грантов.

Я понимала ход их тихого рассуждения. Между кланами горцев существовали поразительно сложные связи дружбы и вражды, поэтому многие из них попросту не могли участвовать в столь важной и тайной затее.

Колум Маккензи заключил тесный союз с Кэмеронами. По сути, Иокаста стала его залогом, благодаря женитьбе с главой клана Кэмерон. Если Дугал Маккензи был одним из тех, кто принял французское золото, а Гектор Кэмерон другим, значит, третий принадлежал или к этим двум кланам, или к тому, которому они оба доверяли. Маккензи, Кэмерон... или Грант. И если Иокаста не узнала этого мужчину, то он, скорее всего, был Грантом, ведь она наверняка видела всех главных арендаторов обоих кланов.

Впрочем, раздумывать было некогда – рассказ продолжался.

Конспираторы разделились, каждый отправился своим путем, забрав одну треть французского золота. Иокаста не знала, что Дугал и третий мужчина сделали с сундуками; Гектор Кэмерон спрятал свои в тайник под полом спальни, старое укромное местечко, которое сделал еще его отец.

Гектор собирался хранить богатство в тайнике, пока принц, оказавшись в безопасности, не сможет забрать золото и использовать для своих целей. Однако Карл Стюарт уже бежал и вряд ли остановился бы где-нибудь надолго. А затем, прежде чем принц успел достигнуть убежища, случилась катастрофа.

– Гектор оставил золото – и меня – дома, а сам присоединился к армии принца. Семнадцатого апреля, на закате, он въехал во двор на взмыленной

лошади. Бросив бедное животное на попечение конюху, Гектор влетел в дом и приказал мне хватать ценности – дело проиграно, произнес он, и мы должны бежать, или погибнем вместе со Стюартами.

Кэмерон был богат и достаточно дальновиден, чтобы сохранить карету и лошадей, вместо того чтобы пожертвовать их делу Стюарта. И достаточно предусмотрителен, чтобы не тащить с собой два сундука французского золота.

– Он достал три слитка и отдал мне, я спрятала их под сиденьем кареты. А Гектор с конюхом отнесли сундуки в лес. Я не видела, где они их закопали.

Восемнадцатого апреля, в полдень, Гектор Кэмерон сел в карету с женой, конюхом, дочерью Морной и тремя французскими слитками и сломя голову понесся на юг, к Эдинбургу.

– Шона была замужем за хозяином Гарта, он рано присоединился к Стюартам и был убит при Каллодене, но тогда мы этого, конечно же, не знали. Клементина уже успела овдоветь и жила с сестрой в Рово.

Иокаста глубоко вздохнула, слегка содрогнувшись, словно не желала вновь переживать эти события.

– Я умоляла Гектора заехать в Рово, это же всего в десяти милях, мы управимся бы за несколько часов, но он гнал вперед. Мы не можем, говорил он, тратить время, чтобы их забрать, – это слишком большой риск. У Клементины двое детей, у Шоны один. Чересчур много для кареты, сказал он. Тогда я предложила хотя бы предупредить их, увидеть в последний раз.

Иокаста помолчала.

– Я знала, куда мы направлялись... мы уже говорили об этом, хотя я не подозревала, что у Гектора все готово.

Гектор Кэмерон был якобитом, но хорошо разбирался в ситуации и не хотел жертвовать жизнью ради проигранного дела. Наблюдая, как развиваются события, и опасаясь катастрофы, он заранее позаботился о возможном побеге. Он собрал несколько сумок с одеждой и необходимыми вещами, продал все, что мог продать, и тайно заказал три места на корабль из Эдинбурга в Колонии.

– Иногда мне кажется, что я не могу его винить. – Иокаста выпрямилась. Серые волосы блестели в пламени свечи. – Он думал, что Шона откажется оставить мужа, а Клементина испугается, что дети не переживут путешествие по воде. Может, он и был прав. И, может, предупреждать их было бессмысленно. Но я знала, что больше их не увижу... – умолкла она и сглотнула.

Так или иначе, Гектор отказался делать крюк, опасаясь преследования. Войска Камберленда сосредоточились у Каллодена, однако на шотландских дорогах все равно встречались английские солдаты, и известия о поражении Карла Стюарта распространялись, как круги от водоворота, все быстрее и быстрее, затягивая в опасную воронку.

Несмотря на предосторожности, Кэмеронов поймали два дня спустя, около Оштертайра.

– У кареты отлетело колесо, – вздохнула Иокаста. – Господи, до сих пор помню, как оно покатилося по дороге. Сломалась ось, и нам пришлось ждать у дороги, пока Гектор и конюх по очереди ее чинили.

Починка заняла большую часть дня, и Гектор все сильнее раздражался, заражая своим беспокойством и остальных.

– Я не знала, что он видел при Каллодене, – произнесла Иокаста. – Но он прекрасно понимал, что если англичане его схватят, то его песенка спета. Если не убьют на месте, то повесят как изменника. Он весь вспотел – не от работы, а от страха. И все же...

Она на мгновение сжала губы.

– Весной темнеет рано, поэтому уже смеркалось, когда они наконец приладили колесо, и все сели в карету. Во время починки она стояла в небольшой лощине, так что лошадям пришлось подниматься по длинному склону. А на вершине холма из теней появились двое с мушкетами.

Это были английские солдаты, люди Камберленда. Они опоздали к победоносному сражению у Каллодена, и слава им не досталась, поэтому они, разгоряченные вестями, жаждали мести.

Гектор всегда быстро соображал: он сгорбился в углу кареты и, накинув шаль, притворился спящей старухой. Затем он тихо прошипел Иокасте, что делать. Она высунулась в окно, готовая изобразить уважаемую даму, которая путешествует с дочерью и матушкой.

Англичане не стали ждать ее объяснений. Солдат рванул дверь кареты и вытащил Иокасту на дорогу. Испуганная Морна выскочила следом, пытаясь спасти мать, но ее дернул в сторону другой.

– Через минуту они бы вытащили и «бабушку». А потом нашли бы золото, и нам всем пришел бы конец.

Раздался выстрел, и все замерли. Гектор высунулся из кареты и выстрелил в солдата, державшего Морну. Однако было темно... или, может, лошади сдвинулись с места. Выстрел попал Морне в голову.

– Я подбежала к ней, – произнесла Иокаста хриплым из-за пересохшего горла голосом. – Я побежала к ней, но Гектор успел меня перехватить. Солдаты просто стояли и пилились на нас, оцепеневшие от

потрясения. Гектор затащил меня в карету и прокричал конюху, чтобы тот трогал с места, скорее!

Иокаста облизнула губы и сглотнула.

– Она мертва, говорил он мне раз за разом. Она мертва, ты ничего не можешь сделать, повторял он и крепко держал меня, когда я в отчаянии хотела выпрыгнуть из кареты на ходу.

Иокаста медленно забрала у Брианны свою руку. Поддержка нужна была ей, чтобы начать рассказ, но не чтобы закончить. Иокаста стиснула кулаки, прижав их к белой ночной рубашке, как будто хотела остановить кровотечение из утробы.

– Уже совсем стемнело, – отстраненно проговорила она. – Я видела, как на севере к небу поднимаются огни костров.

Войска Камберленда поджигали и грабили местность вокруг поля битвы. Они добрались и до Рово, где жили Клементина и Шона, и подожгли их дом. Иокаста так и не узнала, умерли ли они в пожаре или после, во время голодной и холодной весны в горах Шотландии.

– Таким образом, Гектор спас свою жизнь... и мою, не знаю, зачем, – продолжила она отстраненно. – И, конечно, он спас золото.

Иокаста вновь нашла пальцами кольцо и медленно провернула его на деревяшке. Камни сверкнули в свете свечи.

– Да уж, – буркнул Джейми.

Он не сводил с лица тетушки внимательного, даже осуждающего взгляда. Я вдруг поняла, как это нечестно – ведь она не может посмотреть на него в ответ или даже не знает, как он смотрит.

Иокаста отложила шкатулку, поднялась, прошла к оконной нише и отдернула шторы. Она двигалась уверенно, как зрячая. В ее комнате все предметы лежали на строго определенных местах. Иокаста вжала ладони в ледяное стекло, которое тут же запотело вокруг ее пальцев, словно язычки белого, холодного пламени.

– На это золото Гектор купил плантацию. Землю, лесопилку, рабов. Надо отдать ему должное, – нынешнее богатство появилось благодаря его труду. Но началось оно с золота.

– А что же клятва? – негромко спросил Джейми.

– А что она? – Иокаста хохотнула. – Гектор был человеком практичным. Раз со Стюартами покончено, то зачем им золото в Италии?

– Практичным, – повторила я неожиданно для самой себя. Ведь я не собиралась заговаривать, просто мне показалось, что Иокаста как-то странно произнесла это слово.

Очевидно, не показалось. Она тут же повернулась на мой голос. На ее

губах играла улыбка, от которой у меня по спине пробежал холодок.

– Да, практичным. Мои дочери были мертвы, и он не видел причин лить по ним слезы. Он никогда о них не упоминал и запрещал упоминать мне. Когда-то он был богатым человеком и намеревался им стать и здесь, несмотря на многие трудности. – Иокаста тяжело выдохнула, умиряя гнев. – Осмелюсь сказать, что на этой земле вряд ли найдется человек, который знает, что когда-то я была матерью.

– Вы остаетесь матерью, – тихо произнесла Брианна. – Я знаю.

Она глянула на меня потемневшими от понимания глазами. Я улыбнулась ей в ответ, сдерживая накатившие слезы. Да, она знала – так же, как и я.

Как и Иокаста. Черты ее лица вдруг смягчились, злость и отчаяние на краткий миг уступили место тоске. Иокаста медленно подошла к сидящей на стульчике Брианне и коснулась ее макушки ладонью. Потом ладонь соскользнула, бережно ощупывая скулы, полные губы и длинный, ровный нос, прослеживая влажную дорожку на щеке.

– Да, милая. Ты знаешь, о чем я. И теперь ты знаешь, почему я хочу оставить это место тебе... или твоему отпрыску.

Джейми кашлянул и как ни в чем не бывало вмешался, не давая Бри ответить.

– А что вы сказали ирландцу? Понятное дело, что не всю историю...

Иокаста уронила руку и повернулась к Джейми.

– Да, я сказала им. Ему. Сказала, что, насколько знаю, сундуки до сих пор закопаны в лесу в Шотландии, и пожалуйста, пусть едет и откапывает их, если ему угодно. – Уголок ее рта дернулся в подобии горькой усмешки.

– Он, понятное дело, не поверил?

Иокаста качнула головой, сжав губы.

– Он не джентльмен, – повторила она. – Не знаю, чем все закончилось бы, ведь я сидела у кровати, где всегда держу под подушкой небольшой ножик. Вздумай он меня тронуть, я украсила бы его парой шрамов. Но достать нож я не успела – расслышала шаги в гардеробной.

Она махнула рукой на дверь у камина, за которой располагалась гардеробная, что соединяла ее комнату с другой. Ее раньше занимал Гектор Кэмерон, а теперь, по идее, Дункан.

Злодеи тоже слышали шаги. Ирландец что-то прошипел своему спутнику, а потом отошел к камину. Второй мужчина схватил Иокасту со спины и зажал ей рот.

– Все, что я могу сказать о нем, – он носил низко надвинутую шляпу и вонял выпивкой. Правда, скорее будто он ей облился, а не выпил, –

скривилась Иокаста.

Дверь открылась, и вошел Дункан. Видимо, ирландец тут же выпрыгнул и ударил его по голове.

– Ничего не помню, – печально отозвался Дункан. – Я шел пожелать мисс... то есть своей жене спокойной ночи. Помню, как положил руку на дверную ручку... – а в следующий момент я уже лежу с разбитой головой.

Дункан бережно коснулся шишки, затем взволнованно глянул на Иокасту.

– Ты в порядке, сердце мое? Эти ублюдки тебя не тронули?

Он протянул руку, но, поняв, что она не видит, попытался сесть и рухнул обратно со стоном. Иокаста тут же поспешила к постели.

– Конечно, я в порядке, – сердито сказала она, на ощупь хватая его руку. – Кроме беспокойства о том, что я чуть в четвертый раз не овдовела. – Иокаста раздраженно фыркнула и села на край постели, убирая с лица пряди распущенных волос. – Я слышала только удар и твой стон, когда ты упал. Потом ирландец снова вернулся ко мне, а гад, который меня держал, отошел.

Ирландец вежливо сообщил, что не верит ни единому слову о том, что золота в «Горной реке» нет. Он был твердо убежден в обратном, и, в то время как он не мог причинить вред даме, его манеры не распространялись на ее мужа.

– Мол, если я не расскажу, где золото, они с другом будут отрезать от Дункана по кусочку, начиная с пальцев ног и заканчивая яйцами, – заявила Иокаста безо всякого стеснения.

Дункан, и без того бледный, чуть не посинел. Джейми мельком глянул на него и кашлянул.

– Думаю, ты поверила.

– У него был острый нож. Он провел им по моей ладони, чтобы доказать серьезность своих намерений.

Иокаста разжала пальцы – на ладони действительно виднелась алая полоса – и пожала плечами.

– Рисковать я не могла. Поэтому делала вид, что не намерена ничего говорить, пока ирландец не приблизился к Дункану. Потом я громко разрыдалась – в надежде, что кто-нибудь услышит, но чертовы слуги уже легли спать, а гости были слишком заняты, распивая мой виски и развратничая в саду и на конюшнях, где все слышно.

Щеки Брианны вдруг вспыхнули алым. Джейми снова кашлянул, избегая моего взгляда.

– Ага. Так вот...

– Так вот, я наконец сказала им, что золото закопано под полом в сарае. – Ее лицо на мгновение вновь стало торжествующим. – Думала, что они наткнутся на тело и это слегка их задержит. К тому времени, как они набрались бы храбрости, чтобы начать копать, я надеялась найти способ сбежать или позвать на помощь, что я и сделала.

Злодеи наспех связали Иокасту, а затем поспешили к сараю, пригрозив вернуться, если золота там не окажется. Правда, они плохо заткнули ей рот, поэтому она вскоре сумела избавиться от кляпа и разбить окно.

– Вероятно, они открыли дверь и, увидев труп, в ужасе уронили фонарь, от которого все и загорелось. – Иокаста кивнула с мрачным удовлетворением. – Невелика цена. Жаль только, что они с ним не сгорели!

– А ты не думаешь, что они подожгли сарай намеренно? – спросил Дункан. Он уже выглядел получше, хоть и был бледен и слаб. – Чтобы скрыть следы?

Иокаста отмахнулась, пожав плечами.

– Зачем? Там нечего искать, хоть до самого Китая рой. – Иокаста начала постепенно расслабляться, к ее лицу возвращался нормальный цвет.

Все замолчали, и я вдруг поняла, что снизу уже некоторое время доносятся звуки – мужские голоса и шаги. Возвращались поисковые группы. Судя по усталым ворчливым фразам, злодеев так и не отыскали.

Свеча на столе почти догорела, а еще одна, на каминной полке, погасла, испустив облачко ароматного дыма. Джейми невольно глянул в сторону окна. Снаружи до сих пор было темно, но ночь уже близилась к рассвету.

Все было сказано и сделано. В комнату тихо проскользнул Улисс с новой свечой и подносом с бутылками бренди и бокалами. Ненадолго заглянул майор Макдональд – сообщил, что злодеев действительно не обнаружили. Я быстро проверила состояние Дункана и Иокасты, а потом оставила их на попечение Улисса и Бри.

Мы с Джейми молча спустились по лестнице. На последней ступеньке я повернулась к нему. Он был бледным от усталости, лицо осунулось

– Они вернутся, правда? – тихо спросила я.

Джейми кивнул и, взяв меня под локоть, повел к ступенькам, ведущим на кухню.

Глава 54. Тет-а-тет и пирог

Ранней весной в доме еще использовали кухню в полуподвальном помещении, а на летней готовили только ту еду, которая либо источала сильный запах, либо требовала большего пространства. Разбуженные переполохом рабы уже все были на ногах и работали, хотя некоторые выглядели так, будто вот-вот рухнут в ближайшем углу. Главная повариха, однако, бодрствовала и всем своим видом давала понять, что спать никому не позволит.

На кухне было тепло и уютно. За окнами до сих пор царила темнота, а на стенах плясали красные отблески огня. В воздухе витали приятные ароматы бульона, свежего хлеба и кофе. Чудесное место, чтобы посидеть и восстановить силы, прежде чем завалиться в постель, но Джейми, очевидно, считал иначе. Он остановился поговорить с поварихой – ровно столько, сколько требовалось из вежливости, – и в процессе добыл нам не только свежий пирог, посыпанный корицей и пропитанный топленым маслом, но и большую бутылку свежесваренного кофе. Затем Джейми попрощался, стащил меня со стула, и мы вновь вышли наружу, где гулял прохладный ветерок умирающей ночи.

Джейми свернул на дорожку к конюшням, и я испытала странное чувство дежавю. Тот же свет и тающие на серо-синем небе звезды, легкое дыхание весны... По коже пробежали мурашки.

Но сейчас мы спокойно шли рядом, и на воспоминания накладывались тревожные запахи крови и гари. Мне казалось, что еще миг, и я толкну двери больницы, окунусь в жужжание флуоресцентных ламп и вонь лекарств вперемешку с чистящим средством для полов.

– Недостаток сна, – буркнула я себе под нос.

– Потом выпишься, саксоночка. – Джейми коротко встряхнулся, сбрасывая усталость, словно собака – воду. – Сперва нужно кое-что сделать.

Он переложил пирог в другую руку и взял меня под локоть, чтобы я вдруг не рухнула в капустные грядки.

Падать я, правда, не собиралась. Я всего лишь имела в виду, что недостаток сна вызывает у меня почти галлюцинаторное ощущение, что я в больнице. Будучи интерном, а потом врачом-стажером и одновременно матерью, я годами проводила в больнице долгие ночные смены и училась работать – причем работать хорошо, – несмотря на полное истощение.

Теперь меня охватывало то же самое ощущение, когда простая сонливость уже прошла и наступило состояние неестественно повышенного бодрствования. Окружающая действительность была до боли яркой, начиная от восхитительного аромата пирога и заканчивая звуками пения из далеких жилищ рабов, шевелением колосков на овощных грядках у дорожки.

Мы свернули к конюшням. Нужно кое-что сделать, сказал Джейми. Вряд ли он о том, чтобы повторить вчерашнее представление. А если он хочет предаться более спокойному разврату с пирогом и кофе, то почему выбрал конюшни, когда есть гостиная?

Боковая дверь была не заперта; Джейми толкнул ее, и оттуда сразу пахло свежим сеном.

– Кто там? – произнес тихий глубокий голос из тени.

Роджер. Конечно, его ведь не было среди толпы в комнате Иокасты.

– Фрейзер, – ответил Джейми негромко, а потом завел меня в конюшню и закрыл дверь.

Я различила силуэт Роджера у дальних денников; тусклый свет фонаря сиял нимбом над копной темных волос.

– Как дела, Smedraich?^[73]

Джейми протянул ему бутылку с кофе. Роджер отпустил полу плаща, потянувшись за ней, и я заметила, как свободной рукой он сунул за пояс пистолет. Достав пробку, Роджер поднес бутылку ко рту и опустил через несколько мгновений с выражением полного блаженства на лице.

– Ох, боже, – шумно выдохнул он облачко пара. – Лучшего напитка я месяцами не пил.

– Вряд ли, – почти весело отозвался Джейми и, забрав бутылку, вручил Роджеру пирог. – Ну, как он?

– Сперва шумел, потом притих. Наверное, спит.

Уже принявшийся разворачивать пирог Роджер кивнул на денник. Джейми снял фонарь с крюка и поднял высоко над решетчатой дверцей. Я выглянула, но различила только скрюченную фигуру в дальнем углу.

– Мистер Уайли? – все так же негромко позвал Джейми. – Вы спите, сэр?

Фигура шевельнулась, зашуршав сеном.

– Нет, сэр, – послышался ледяной ответ.

Фигура медленно выпрямилась, и Филип Уайли поднялся на ноги, оттряхивая одежду.

На сюртуке не хватало несколько пуговиц, на плече, прямо по шву, зияла дыра, бриджи на обоих коленях были порваны, застежки сломаны, а

чулки некрасиво сползли. Вдобавок Уайли явно получил в нос – на верхней губе и вышитом шелке камзола засохла кровь.

Однако, несмотря на пострадавшую одежду, его поведение ни капли не изменилось.

– Вы за это ответите, Фрейзер, клянусь богом!

– Как пожелаете, сэр, – невозмутимо согласился Джейми. – Но не раньше, чем получу от вас интересующие меня ответы. – Он открыл дверцу. – Выходите.

Уайли поколебался, не желая ни оставаться в деннике, ни выполнять приказы Джейми. Впрочем, я заметила, как он принялся. Очевидно, уловил запах кофе, который и помог принять решение. Уайли вышел, гордо подняв голову. По пути, старательно глядя в сторону, миновал меня.

Роджер заранее приготовил два табурета и перевернутое ведро. Я выбрала последнее и скромно устроилась в тени, оставив Джейми с Уайли лицом к лицу. Роджер тоже отошел в тень и наблюдал за ними с интересом, поедая пирог.

Уайли с явным напряжением принял из рук Джейми бутыль кофе, но несколько больших глотков заметно поправили его самообладание. Наконец он шумно выдохнул, и черты его лица смягчились.

– Благодарю вас, сэр. – Уайли вернул бутыль с коротким поклоном и сел прямо, осторожно поправив парик, который не без потерь пережил ночные приключения. – Могу ли я поинтересоваться причиной этого... этого возмутительного обращения?

– Можете, сэр, – ответил Джейми, тоже расправляя плечи. – Я желаю узнать природу ваших отношений с неким Стивеном Боннетом и место, где он сейчас находится.

Лицо Уайли вытянулось.

– С кем?

– Со Стивеном Боннетом.

Уайли повернулся было ко мне за пояснениями, однако вспомнил, что не замечает мое присутствие.

– Я не знаю никакого джентльмена с таким именем, мистер Фрейзер, и не представляю, где он может находиться... А даже если бы знал, то вряд ли посчитал себя обязанным вам сообщить.

– Разве? – Джейми задумчиво отхлебнул кофе и передал бутыль мне. – А как насчет обязанностей гостя перед хозяевами, мистер Уайли?

– О чем вы, сэр? – вскинул брови тот.

– Очевидно, сэр, вы не слышали, что на миссис Иннес и ее супруга напали с намерением ограбить?

У Филипа Уайли отвисла челюсть. Или он был прекрасным актером, или искренне поразился услышанному.

– Не слышал... Кто же... – Его осенило, и замешательство сменилось новой вспышкой гнева. – Вы полагаете, что я замешан в этом... в этом...

– Подлом предприятия? – подсказал Роджер, довольный, что с него сняли скучные обязанности стража. – Да, именно так. Не желаете пирога, сэр?

Уайли уставился на него, потом вскочил и ударом выбил угощение из руки Роджера.

– Мерзавец! – набросился он на Джейми, сжимая кулаки. – Вы смеете предполагать, что я вор?!

Джейми слегка откинулся назад.

– Да, смею. Вы уже пытались украсть жену прямоком из-под моего носа, почему бы вам не позариться на добро моей тетушки?

Лицо Уайли залила багровая краска. Если бы не парик, у него бы, наверное, еще и волосы дыбом встали.

– Вы... совершеннейшая... дрянь! – выдохнул Уайли и бросился на Джейми. Оба тут же покатались по полу.

Я отскочила назад, прижимая к себе бутыль. Роджер было дернулся, но я успела поймать его за плащ.

Джейми имел преимущество в размерах и опыте, однако и Уайли нельзя было назвать новичком в рукопашной, вдобавок он впал в неистовство, подобно берсеркеру. Через некоторое время Джейми, конечно, скрутил бы его, но ждать я не намеревалась.

В ярости на обоих я шагнула вперед и перевернула на них бутыль с горячим кофе. Дерущиеся дружно завопили и откатились друг от друга, отряхиваясь и пытаясь встать. Роджер сзади вроде бы засмеялся; правда, когда я повернулась, он с серьезным видом уплетал очередной кусок пирога.

Джейми уже стоял на ногах, а Уайли только поднимался с колен. Пусть залитые кофе, они явно собирались продолжить с того места, где я их прервала. Я вклинилась между ними и топнула ногой.

– С меня хватит, черт возьми!

– А с меня нет! – выкрикнул Уайли. – Он подверг сомнению мою честь, и я требую...

– Да к дьяволу вашу идиотскую честь! И твою тоже! – прорычала я, переводя яростный взгляд с него на Джейми.

Последний собирался сказать что-то не менее воинственное, но все-таки ограничился громким фырканьем.

Я пнула опрокинутый табурет и кивнула на него, не сводя глаз с Джейми.

– Сел!

Оттянув от груди мокрую рубашку, Джейми поставил табурет и с огромным достоинством на него опустился.

Уайли, не обращая на меня внимания, продолжал возмущенно разглагольствовать о собственной чести. Пришлось пнуть его в голень. И на этот раз на мне были крепкие ботинки. Уайли взвизгнул и запрыгал на одной ноге, поджав ушибленную. В денниках топали и фырками разбуженные лошади.

– С ней лучше не шутить, когда она рассержена, – посоветовал Джейми Филипу Уайли, бросив на меня осторожный взгляд. – Она опасна.

Уайли мрачно на меня уставился, но злобный вид быстро сменился неуверенным – то ли из-за пустой бутылки, которой я замахнулась, как клюшкой, то ли потому, что вспомнил, как ночью увидел меня по локоть в крови. Он сел на второй табурет, достал платок из кармана грязного камзола и промокнул струйку крови из рассеченной брови.

– Хотелось бы узнать, – крайне вежливо произнес Уайли, – что здесь происходит. Будьте так любезны.

В пылу драки он потерял парик, который теперь лежал на полу в луже кофе. Джейми его поднял – осторожно, словно мертвое животное, – и протянул Филипу Уайли.

– Значит, мы пришли к согласию, сэр?

Уайли коротко кивнул и, взяв мокрый парик, положил его на колени. Затем и Уайли, и Джейми уставились на меня с одинаковым выражением, выражающим скептицизм и нетерпение. Очевидно, меня назначили распорядительницей.

– Грабеж, убийство и еще бог знает что, – твердо ответила я. – И мы намерены докопаться до самой сути.

– Убийство? – хором спросили изумленные Роджер и Уайли.

– Кого убили? – Взгляд Уайли бешено метался от меня к Джейми.

– Рабыню. Моя жена заподозрила в ее смерти неладное. Мы хотели выяснить правду, поэтому и оказались в сарае, где вы нас ночью обнаружили.

– В сарае, – отозвался Уайли эхом. Его и без того бледное лицо слегка позеленело. – Да, я... я понимаю, – искоса глянул он на меня.

– Значит, ее убили? – Роджер шагнул в круг света от фонаря и, поставив ведро, сел у моих ног, а потом опустил блюдо с остатками пирога на пол. – Чем?

– Кто-то накормил ее тертым стеклом, – ответила я. – В желудке оказалось довольно много его остатков.

Говоря это, я внимательно следила на Филипом Уайли, но на его лице оставалось все то же изумление, как и у Джейми с Роджером.

– Стекло... – Первым очнулся Джейми. Он выпрямился, убирая за ухо прядь волос. – Как скоро оно может убить, саксоночка?

Я потерла лоб пальцами. Оцепенение постепенно сменялось пульсирующей головной болью, которая становилась только хуже от висящего в воздухе запаха кофе и того, что я так и не выпила ни глотка.

– Не знаю. В желудок оно попадет за считанные минуты, но нужно достаточно много времени, чтобы оно привело к такому кровоизлиянию. Большую часть вреда стекло, скорее всего, нанесло в тонкой кишке, порезав внутреннюю оболочку. А если пищеварительная система ослаблена, например алкоголем, то процесс затянется еще сильнее. Или если она съела много пищи.

– Речь о женщине, которую вы с Бри нашли в огороде? – спросил Роджер у Джейми.

– Да, – кивнул тот, не сводя с меня глаз. – Она ничего не соображала от выпивки.

– Фентиман упоминал, что ночью женщина жаловалась на резь в животе. Значит, стекло уже точно начало действовать. Но я не могу сказать наверняка, когда его подсунули – до того, как вы с Бри ее нашли, или рано утром, когда она очнулась.

– Резь в животе... – пробормотал Роджер и мрачно потряс головой. – Господи, какая жуткая смерть.

– Да, черное злодейство, – кивнул Джейми. – Только зачем? Кто мог желать ей смерти?

– Хороший вопрос, – коротко бросил Уайли. – Однако могу вас заверить, это был не я.

Джейми пристально на него посмотрел.

– Возможно. Впрочем... что вы делали ночью в сарае? Зачем пришли, если не взглянуть в лицо своей жертвы?

– Моей жертвы?! – вскинулся Уайли. – Не я был в том сарае по локоть в крови несчастной, не я выдираю у нее кости и потроха! – Он резко повернул голову ко мне, сверкая глазами. – Моя жертва, да что вы говорите! Осквернение тела карают смертной казнью, миссис Фрейзер. И я слышал о вас кое-что, о да, я слышал о вас всякое! Уверен, это вы довели женщину до смерти, чтобы завладеть...

Пламенная речь закончилась бульканьем. Джейми мгновенно схватил

его за грудки, а затем, накрутив ткань рубашки на кулак, что есть силы врезал Уайли в живот, и молодой человек согнулся, едва не захлебнувшись хлынувшими изо рта кофе и желчью.

Я устало вздохнула. Во время разговора я успела согреться и прийти в себя, но теперь вновь чувствовала себя замерзшей и потерянной.

– Знаешь, это не очень помогло делу, – упрекнула я Джейми, который успел выпустить Уайли и теперь поспешно стягивал с себя перепачканную одежду. – Хотя я, конечно, ценю твою поддержку.

– Ну да, – буркнул Джейми, выпутываясь из рубашки, которую затем швырнул на пол. – Думаешь, я буду сидеть смиренно, пока этот хлыщ тебя оскорбляет?

– Полагаю, ничего подобного ему больше в голову не придет, – встрял Роджер.

Он подошел и наклонился к позеленевшему Уайли, который так и не разогнулся, а потом глянул на Джейми.

– А за осквернение мертвеца действительно полагается смерть?

– Не знаю, – коротко ответил Джейми.

По пояс раздетый, перепачканный в крови и рвоте, с всклокоченными рыжими волосами, пылающими в свете фонаря, он и близко не был похож на того лощеного джентльмена, который совсем недавно отправлялся играть в вист.

– Да и без разницы, – добавил Джейми, – потому что он никому ничего не расскажет. Иначе я выпотрошу его как тельца, а потом скормлю свиньям его яйца и лживый язык... Впрочем, я уверен, что вы не намерены выдвигать беспочвенные обвинения против моей жены, да... сэр? – безмерно вежливо поинтересовался Джейми.

Филип Уайли, естественно, затряс головой, все еще не в силах вымолвить и слова. Джейми мрачно, но довольно хмыкнул и наклонился за плащом, который сбросил ранее.

От развернувшейся передо мной битвы за мужскую честь у меня до сих пор дрожали колени, и я опустила на перевернутое ведро.

– Ладно, – начала я, отбросив с лица прядь волос. – Хорошо. Раз уж все решено... на чем мы остановились?

– На убийстве Бетти, – подсказал Роджер. – Мы не знаем, кто это сделал, когда, зачем... В качестве отправной точки мы можем предположить, что никто из здесь присутствующих не причастен, верно?

– Очень хорошо. – Джейми бесцеремонно отмахнулся от вопроса о смерти рабыни. – Что насчет Стивена Боннета?

Роджер помрачнел.

– А что он? Он как-то со всем этим связан?

– Вчера на мою тетушку с мужем в ее покоях напали двое злодеев. Один из них ирландец. – Джейми накинул плащ на голые плечи, бросив зловещий взгляд на Филипа Уайли, который уже сумел сесть ровно.

– Я повторяю, – холодно произнес Уайли, держась за живот, – что не знаю никакого джентльмена с таким именем, хоть ирландца, хоть готтентота.

– Стивен Боннет – не джентльмен, – проговорил Роджер таким тоном, что Уайли невольно поднял на него взгляд.

– Я его не знаю, – твердо сказал он и осторожно вдохнул. Обнаружив, что боль отступила, он вдохнул глубже. – Почему вы предполагаете, что ирландцем, который возмутительно напал на мистера и миссис Иннес, был именно этот Боннет? Он оставил свою карточку?

К своему удивлению, я рассмеялась. Пришлось признать, что в какой-то степени Уайли все-таки достоин уважения. Его захватили в плен, избили, запугивали, облили горячим кофе и лишили парика, – а он по-прежнему держался с завидным достоинством.

Джейми глянул на меня, потом на Уайли.

– Нет. Однако я неким образом знаком со Стивеном Боннетом – преступником, вырожденком и вором. И я видел этого человека с вами, сэр, когда вы вошли в сарай.

– Да, – подтвердила я, – я тоже видела его прямо за вашей спиной. И, кстати, что вы там делали? – задала я вопрос, который вдруг пришел мне в голову.

Уайли распахнул глаза от обвинений со стороны Джейми. После моих слов он моргнул и, вздохнув еще раз, опустил взгляд. Потом он вновь посмотрел на Джейми, но уже безо всякого гнева.

– Я его не знаю. У меня было ощущение, что за мной кто-то идет, но я обернулся и никого не увидел. А когда я... заглянул в сарай... – Его взгляд метнулся в мою сторону. – Я был слишком поражен, чтобы обратить внимание на что-либо, кроме открывшейся мне картины.

Да, он явно говорил правду.

– Если этот Боннет и правда стоял за мной, то мне придется поверить вам на слово, сэр. Заверяю вас, я его не приводил и даже не подозревал, что он сзади.

Роджер и Джейми переглянулись, однако они тоже чувствовали, что Уайли не лжет. Воцарилось молчание, и я расслышала, как в денниках с ноги на ногу переминаются лошади, ожидая корма. Сквозь прорехи под карнизами проникали лучи рассветного солнца, заполняя конюшню

дымчатым сиянием. Стали видны очертания уздечки, висящей на стене, и стоящих в углу вил и лопат.

– Скоро придут конюхи. – Джейми вздохнул, слегка пожав плечами. – Что ж, сэр, поверю вам на слово, как джентльмену.

– В самом деле? Польщен.

– И все же, – продолжил Джейми, пропустив сарказм мимо ушей, – я хотел бы знать, что ночью привело вас в сарай.

Уайли, успевший приподняться, замешкался и вновь сел.

– Лукас, – просто сказал он, не отрывая взгляда от безвольно лежащих на коленях рук. – Я видел, как он родился. Я растил его, объезжал, учил. – Уайли сглотнул. – Тогда я пошел в конюшню, чтобы еще немного побыть с ним наедине... чтобы попрощаться.

Лицо Джейми впервые утратило тень неприязни, ложившуюся на него в присутствии Уайли.

– Понимаю, – тихо произнес он. – А дальше?

Уайли слегка выпрямился.

– Когда я вышел из конюшни, мне показалось, что я услышал голоса в огороде. А когда подошел поближе, то увидел свет в сарае. И открыл дверь. Что произошло потом, вы знаете лучше моего, мистер Фрейзер.

Джейми с силой потер лицо.

– Да, знаю. Я бросился за Боннетом, а вы оказались на пути.

– Вы на меня напали, – холодно произнес Уайли, подтянув испорченный сюртук. – И я защищался, поскольку имел полное на это право. А потом вы с вашим зятем схватили меня и притащили сюда, – он дернул головой в сторону денника, – и продержали полночи!

Роджер кашлянул. Джейми тоже, но куда более сурово.

– Ну, не будем спорить. – Он вздохнул и отошел, жестом показывая, что Уайли свободен. – Полагаю, вы не увидели, в каком направлении сбежал Боннет?

– О да. Хотя, конечно, имени его я не знал. Думаю, сейчас он уже очень далеко, – сказал Уайли со странной ноткой в голосе, похожей на удовлетворение.

Джейми резко обернулся.

– О чем вы?

– Лукас. Его денник находится вон там, в дальнем конце. Я хорошо знаю голос Лукаса, звуки его движения, но сегодня утром я его не слышал. Боннет, если это был он, убежал в направлении конюшни.

Прежде чем Уайли успел закончить, Джейми схватил фонарь и быстрыми шагами направился к деннику. Лошади, пофыркивая,

высовывали любопытные носы над дверцами... однако черный нос так и не появился в конце ряда, черная грива не заструилась в радостном приветствии. Мы поспешили за Джейми и заглянули в денник, когда он приподнял фонарь повыше.

Желтый свет упал на пустую солому.

Некоторое время все молчали. Затем Филип Уайли наконец нарушил тишину, вздохнув и выпрямившись во весь рост.

– Желаю вам счастья с вашей женой.

Он развернулся и ушел со спущенными чулками.

* * *

Снаружи занимался прекрасный рассвет. Все вокруг будто застыло. Казалось, двигалась лишь одна река, сверкая серебром между деревьями.

Зевающий Роджер ушел в дом, а мы с Джейми задержались у загона. Уже через несколько минут начнут просыпаться люди. Появится больше вопросов, рассуждений, разговоров. Ни я, ни Джейми этого не хотели. Не сейчас.

Наконец Джейми решительно обхватил меня за плечи и увел от дома. Я не знала, куда он идет, и мне было плевать. Впрочем, я все же надеялась, что там удастся прилечь.

Мы прошли кузницу, где сонный мальчишка раздувал огонь в горне. Алые искры вспыхивали, словно светлячки. Затем мы миновали и другие постройки и, завернув за угол, оказались перед невзрачным сараем с большими двойными дверями. Джейми отодвинул засов и приоткрыл ее, приглашая меня войти.

– Даже не знаю, почему это место не приходило мне в голову, – проговорил он, – когда я пытался придумать местечко для уединения.

Здесь стояли повозки: фургон и небольшая двуколка, а также фаэтон Иокасты – открытый двухколесный экипаж, похожий на большие сани с обитым синим бархатом мягким сиденьем. Джейми приподнял меня за талию и посадил в экипаж, а потом забрался в него следом. Сиденье было накрыто шкурой буйвола – Джейми постелил ее на пол, где как раз хватало места для двоих, если они были не против тесных объятий.

– Ложись, саксоночка, – произнес Джейми, опускаясь на колени. – А остальное... остальное подождет.

Я охотно согласилась. Однако не могла не задержаться на грани сна, чтобы спросить:

- Твоя тетушка... ты ей веришь? В ее рассказ про золото и прочее?..
- Конечно, верю, – пробормотал Джейми мне на ухо и обнял за талию. – Насколько вообще могу ей доверять.

Глава 55. Выводы

Когда жажда и голод наконец вынудили нас покинуть убежище, мы вышли из сарая и направились к дому, мимо тактично отводящих взгляды рабов, которые до сих пор убирали следы праздника. На краю лужайки я увидела Федру – она шла мимо склепа с полными посудой руками. Лицо ее распухло и покрылось пятнами.

Увидев нас, Федра остановилась.

– О, мастер Джейми, мисс Ио вас ищет.

Она говорила монотонно, как будто слова утратили для нее всякий смысл, и словно не замечала ничего странного ни в нашем внезапном появлении, ни во взъерошенном виде.

– Да? Ладно. – Джейми провел ладонью по лицу. – Хорошо, поднимусь к ней.

Федра кивнула и повернулась, чтобы уйти, когда Джейми коснулся ее плеча.

– Мне очень жаль, что так получилось, – тихо сказал он.

Из ее глаз вдруг хлынули слезы. Федра коротко присела в реверансе и поспешила прочь так быстро, что уронила нож в траву. Я подобрала его, и ощущение рукояти в ладони внезапно и ярко напомнило мне о другом ноже, которым я резала мертвую плоть матери этой девушки. На краткий миг я будто очутилась не на лужайке перед домом, а в темном сарае с тяжелым запахом смерти.

Странное мгновение прошло, и я вернулась на залитую солнечным светом зеленую траву, где стайки голубей и воробьев мирно искали крошки у подножия мраморной богини.

Джейми, оказывается, что-то говорил.

– ...иди искупайся, отдохни, саксоночка.

– Что? Ох... нет, я пойду с тобой.

Ужасно захотелось поскорее покончить со всем этим и уехать домой. Хватит с меня светского общества.

* * *

Иокаста, Дункан, Роджер и Брианна сидели в гостиной за достаточно плотным, хоть и поздним завтраком. Иокаста и Брианна до сих пор были в

пеньюарах. Дункан и Роджер успели переодеться, но выглядели потрепанными и бледными после ночных приключений. Оба заросли щетиной, а у Дункана вдобавок на скуле красовался огромный синяк, который он заработал при падении.

Роджер, скорее всего, рассказал всем о нашей беседе с Филипом Уайли и об исчезновении Лукаса. По крайней мере, никто не задавал вопросов. Дункан молча подвинул Джейми тарелку бекона, и некоторое время царила тишина, нарушаемая только мелодичным позвякиванием посуды.

Наконец, когда все насытились и восстановили силы, мы начали обсуждать события прошедшего дня и ночи. Случилось столько всего, что я предложила строго логично восстановить ход событий. Джейми криво усмехнулся, словно говоря, что я и логика – понятия несовместимые, но я закрыла на это глаза и твердо объявила наше заседание открытым.

– Началось все с Бетти, не так ли?

– Даже если и нет, это неплохая отправная точка, – согласился Джейми.

– Продолжайте, мисс Марпл, – взмахнула Брианна кусочком тоста и тут же отправила его в рот.

Роджер сдавленно хмыкнул, но я с достоинством проигнорировала и это.

– Хорошо. Я сразу решила, что Бетти была отравлена. К сожалению, доктор Фентиман помешал мне ее вовремя осмотреть. Однако мы все более-менее уверены, что она действительно выпила пунш с опиумом, верно?

Я оглядела собравшихся. Бри и Джейми кивнули, наконец приняв серьезный вид.

– Да, я почувствовал в бокале странный вкус, – сказал Джейми.

– А я поговорила с рабами, – добавила Брианна, подавшись вперед. – Две женщины признали, что Бетти любит... любила допивать остатки из бокалов на праздниках, но обе настаивали, что она была лишь «навеселе», когда подавала гостям пунш в гостиную.

– Я в то время находился в гостиной с Шеймусом Хэнлоном и его музыкантами, – подтвердил Роджер. Он глянул на Бри и ласково сжал ее коленку. – Я видел, как Улисс лично готовил пунш... Скажите, вы его делали первый раз за день, Улисс?

Все повернулись к дворецкому, который с непроницаемым лицом стоял за стулом Иокасты. Аккуратный парик и отглаженная ливрея как будто безмолвно упрекали остальных в их неряшестве.

– Нет, второй, – тихо ответил он. – Первый пунш весь выпили за завтраком.

Его покрасневшие глаза смотрели настороженно, однако лицо казалось выточенным из серого гранита. Недавние события стали пятном на безупречной репутации дворецкого.

– Ясно.

Роджер вновь повернулся ко мне, потирая щетину. Похоже, он и не спал после разговора с Уайли.

– Я не видел Бетти, но, думаю, обратил бы внимание, если бы она тогда успела напиться в стельку. Улисс бы тоже наверняка это понял.

Он глянул через плечо на дворецкого, и тот неохотно кивнул.

– Вот лейтенант Вульф был в стельку, – добавил Роджер. – Все отмечали, как он успел надраться.

Иокаста громко фыркнула, а Дункан наклонил голову, пряча улыбку.

– То есть, – подвел итог Джейми, – вторую порцию пунша подавали как раз после полудня, а через час, не больше, я нашел Бетти пьяной на куче навоза и бокал из-под пунша рядом. Надо очень постараться, чтобы так быстро дойти до подобного состояния, особенно всего-то допивая за остальными.

– Значит, мы приходим к выводу, что ее опоили, – заключила я. – Скорее всего – настойкой опия. Она хранится в кладовой?

Иокаста выпрямилась, заправляя седую прядь под украшенный лентами чепец.

– Хранится. И что? Любой мог принести настойку, ее не так трудно достать, если есть деньги. Среди гостей было как минимум две женщины, которые принимают ее постоянно. Насколько мне известно, они захватили немного с собой и на праздник.

Любопытно, кто из знакомых Иокасты пристрастился к опиуму и откуда она это знает.

– Джейми, у тебя ведь мелькнула мысль, что Бетти выпила бокал, предназначенный для кого-то другого?

Джейми кивнул.

– Да, зачем кому-то травить раба?

– Не знаю зачем, но кто-то ее все-таки убил, – раздраженно перебила его Брианна. – Я вот не понимаю, как она могла съесть стекло, которое предназначалось кому-то другому. А ты?

– Не торопи меня! Я пытаюсь мыслить логически, – нахмурилась я, глядя на Бри, которая фыркнула точно как Иокаста, пусть и не столь громко. – Вряд ли она могла съесть стекло случайно, однако это произошло после того, как вы с Джейми отнесли Бетти на чердак, и перед тем, как Фентиман осмотрел ее первый раз.

Рвотные и слабительные средства Фентимана могли вызвать обильное кровотечение, если Бетти уже съела стекло, – видимо, так и случилось, когда он пришел ближе к рассвету из-за ее жалоб на рези.

– Роджер, когда ты осматривал территорию, ты так и не нашел никого из гостей, кто находился бы в подобном состоянии?

Роджер нахмурил темные брови, как будто ему мешал солнечный свет. Голова разболелась? У меня самой ощущение странной пустоты в черепе сменилось пульсирующей болью.

– Нет, – ответил он и с силой потер лоб. – Человек двадцать к тому времени уже начали слегка шататься, но, по-моему, просто пьяные.

– А лейтенант Вульф? – Дункан немного покраснел, заметив, что все взгляды обратились к нему, но упрямо продолжил: – Певчий Дрозд сказал, что в гостиной он появился мертвецки пьяным. Мог он выпить полбокала настойки опия или что там было, а остаток отдать рабыне?

– Не знаю, – произнесла я с сомнением. – Если кто-то вообще мог за час дойти до такого состояния при помощи одного алкоголя...

– Когда я проверял гостей, лейтенант с бутылкой в руке подпирал стену склепа, – сказал Роджер. – Пьяный в стельку.

– Ага, в кусты он свалился уже позже, – вставил Джейми тоже с сомнением на лице. – Видел его днем. Но он выглядел просто пьяным, а не как та женщина.

– Время почти сходится, – задумчиво проговорила я. – Так что вероятность есть. Кто-нибудь видел лейтенанта потом, в течение дня?

– Да, – подал голос Улисс. – Он вошел в дом во время ужина и приказал мне найти ему лодку, а затем тут же уплыл. Все еще очень пьяный, но вполне в сознании.

– В сознании, как же... – буркнула себе под нос Иокаста и помассировала виски пальцами. Кажется, она тоже мучилась от головной боли.

– Полагаю, тогда лейтенанта нельзя назвать подозреваемым? Или подозрительно уже то, что он так внезапно уехал?

Брианна, единственная, кто не пал жертвой боли в голове, бросила немного сахара в чай и размешала. Джейми прикрыл глаза, морщась от звука.

– Вы ничего не пропустили?

Иокаста, внимательно слушавшая разговор, наклонилась к столу и, постучав пальцами то тут, то там, нашла небольшой серебряный бокал.

– Племянник, ты показывал мне бокал, из которого пила Бетти. Вроде этого?

Она держала в руке новенький бокал из чистого серебра, с едва заметной гравировкой. Позже, когда он начнет покрываться патиной, чернота набьется в линии, делая рисунок заметным, а пока буква «И» и крошечная рыбка терялись в блеске металла.

– Да, тетушка, – ответил Джейми, касаясь ее руки с бокалом. – Брианна говорила, что он из набора?

– Я подарила их Дункану утром в день свадьбы. – Она отставила бокал и накрыла его длинными тонкими пальцами. – Мы с Дунканом пили из них во время завтрака, а остальные четыре оставались здесь.

Иокаста махнула рукой на небольшой буфет позади, где стояли блюда с беконом и яичницей. Вдоль стенки буфета были выставлены декоративные тарелочки и хрустальные бокалы для хереса. Я посчитала: все шесть серебряных бокалов с рыбками находились на столе, наполненные портвейном, который Иокаста любила выпить за завтраком. Понять, из какого опоили рабыню, было невозможно.

– Улисс, ты не выносил бокалы в гостиную в день свадьбы? – спросила Иокаста.

– Нет, мэм! – ответил глубоко уязвленный Улисс. – Конечно, нет.

Иокаста кивнула и обратила взор слепых глаз на Джейми, а потом и на меня.

– Видите, – просто сказала она, – это был бокал Дункана.

На лице Дункана отразилось изумление, затем тревога, когда он понял намек.

– Нет... О нет. Не может быть!

На его обветренной коже выступили капельки пота.

– Друг, тебе позавчера кто-нибудь предлагал выпить? – напряженно спросил Джейми.

Дункан беспомощно пожал плечами.

– Да все предлагали!

Конечно, все-таки он был женихом. Впрочем, он так и не принял ни один из напитков – из-за расстройства желудка, вызванного переживаниями. Равно как и не заметил, предлагали ли ему именно этот серебряный бокал.

– Господи, Макдью, я был совершенно не в себе! Даже протяни мне кто живую змею в руке...

Улисс взял с подноса льняную салфетку и деликатно предложил Дункану. Тот, не глядя, взял ее и вытер лицо.

– Вы думаете, что кто-то пытался отравить Дункана?

Удивление в голосе Роджера явно не льстило, но Дункан не обиделся.

– Почему? – растерянно произнес он. – Кто может меня ненавидеть?

Джейми тихонько хохотнул, и напряжение чуть отпустило. Действительно, несмотря на ум и способности, Дункан обладал таким скромным характером, что было невозможно представить, как он мог кого-либо задеть или оскорбить.

– Ну, друг, – тактично заметил Джейми, – может, дело не в тебе лично?

Он поймал мой взгляд и криво усмехнулся. На его жизнь уже не раз покушались отнюдь не из-за его поступков, а из-за того, кто он такой. Впрочем, порой его пытались прикончить и за поступки.

Иокаста, похоже, думала о том же.

– Верно, – сказала она. – Племянник, ты помнишь, что случилось на Сборе?

Джейми вскинул бровь и потянулся за чашкой чая.

– Насколько я понимаю, вы о происшествии с отцом Кеннетом?

– Именно. – Иокаста привычным жестом подняла руку, и Улисс тут же вложил в нее чашку. – Не ты ли передавал мне слова Лиллиуайта о срыве церемонии?

Джейми кивнул и, прикрыв глаза, отпил чая.

– Да. Вы полагаете, что речь шла о вашей свадьбе с Дунканом?

Голова раскалывалась все сильнее. Я прижала ко лбу пальцы, нагревшиеся от чашки, и тепло приятно расплзлось по коже.

– Погодите... Ты считаешь, что кто-то хотел сорвать свадьбу твоей тетушки с Дунканом, и на Сборе ему это удалось, а в следующий раз он не смог ничего придумать и поэтому попытался убить Дункана? – В моем голосе прозвучало такое же удивление, которое отразилось на лице последнего.

– Я такого не говорил, – Джейми с интересом глянул на Иокасту, – а вот тетушка именно это и имеет в виду.

– Именно, – спокойно отозвалась та и, отпив из чашки, со вздохом опустила ее на стол. – Не хочу оценивать себя слишком высоко, племянник, но с тех пор, как умер Гектор, за мной немало кто ухаживал. «Горная река» – богатая плантация, а я – очень не молода.

На мгновение воцарилась тишина – все переваривали услышанное. В глазах Дункана мелькнул страх.

– Н-но, – начал он, слегка заикаясь, – н-но... д-даже если и так, Макдью, то зачем ждать?

– Ждать?

– Да. – Он оглядел присутствующих, ища понимания. – Смотри, пусть кто-то хотел помешать свадьбе на Сборе, хорошо. Однако с тех пор прошло

четыре месяца, и никто не поднял на меня руку. Я чаще всего езжу один. Ведь так просто – подстеречь меня на дороге и пустить пулю в лоб.

Дункан говорил как ни в чем не бывало, однако Иокаста едва заметно вздрогнула.

– Поэтому зачем ждать самой свадьбы, в присутствии сотен гостей? Да, здравая мысль, – признал Джейми.

Роджер, уткнувшийся подбородком в сложенные руки, вдруг выпрямился.

– Есть одна причина, – произнес он. – Священник.

Все уставились на него, вопросительно вскинув брови.

– Здесь был священник. Понимаете, если дело в плантации, то важно не только убрать Дункана. Убив его, злодей возвращается к самому началу – Иокаста не вышла за Дункана, но и за злодея тоже не выйдет. Однако, – Роджер поднял палец, – если здесь есть священник и все приготовлено к тайной церемонии... Необходимо только убрать Дункана, как будто произошел несчастный случай или самоубийство, а затем ворваться в покои Иокасты и под дулом пистолета вынудить священника провести обряд. Даже кровать рядом. – Роджер кивнул на балдахин, который виднелся в дверях спальни. – Отвести Иокасту туда, насильно сделать брак действительным... Вот вам и дядюшка.

Роджер заметил отвалившуюся челюсть Иокасты и ошеломленный взгляд Дункана, и до него дошло, что фраза оказалась неудачной. Он зарделся и кашлянул.

– Э-э... то есть дело сделало.

Джейми кашлянул. Да, дело сделано. Его собственный подлый дед начал восхождение в обществе, насильно женившись и тут же уложив в постель пожилую и богатую вдову, леди Ловат.

– Что?! – возмутилась Брианна. – Кошмарно!.. Такое не может сойти с рук!

– Думаю, может, – почти виноватым тоном произнес Роджер. – Видишь ли, курочка, девять десятых законов не дают женщинам ничего. Если ее выдали замуж и затащили в постель, то она и все имущество переходят к мужу, а ее мнения никто не спрашивает. Если нет родственника мужского пола, который выступит против, суд этим даже не займется.

– Но у нее есть такой родственник! – Брианна махнула рукой на Джейми, который действительно выступил, только не с теми словами, которых она ожидала.

– Да, так и есть, но... свидетели, – возразил он. – Такое нельзя проверить, если нет свидетелей, которые подтвердят, что брак свершился.

Джейми снова кашлянул, и Улисс потянулся за заварочным чайником.

У старого Саймона свидетели были: двое его друзей и две служанки вдовы, одна из которых позже стала бабкой Джейми. Хотя, полагаю, в ее случае Саймон применил куда меньше давления.

– Не вижу сложностей. – Я стряхнула крошки с груди. – Здесь явно замешан не один человек. Кто бы ни намеревался занять место жениха, у него определенно есть сообщники. Например, Рэндалл Лиллиуайт.

– Которого здесь не было, – напомнил Джейми.

– Хм, и правда, – признала я. – Тем не менее.

– Именно, – упрямо подтвердил Роджер, – и тогда главный подозреваемый – лейтенант Вульф, так? Он был на свадьбе.

– Мертвецки пьяным, – заметил Джейми с сомнением.

– Или нет. Как я говорил, Шеймус с ребятами удивлялись, как можно успеть надраться в такую рань. Вдруг он притворялся?

Роджер вопросительно оглядел всех присутствующих.

– При этом никто не обращал на него внимания и не стал бы потом подозревать в убийстве, а сам он легко мог отравить бокал пунша и приказать Бетти, чтобы она отнесла его Дункану. Потом Вульф спрятался, готовый рвануть вверх, как только слышит, что Дункану стало плохо. А если Бетти передала бокал, но Дункан отказался... вот вам и полный бокал свежего пунша. – Роджер пожал плечами. – Кто станет ее обвинять, что она ускользнула в огород, чтобы тихонько его выпить?

Иокаста и Улисс одновременно фыркнули. Роджер кашлянул и торопливо продолжил:

– Однако эта порция не убила Бетти. Либо злоумышленник просчитался, либо... – Роджера вновь осенило. – Может, он и не собирался травить Дункана до смерти. Может, он просто хотел его одурманить и сбросить в реку. Вы же не умеете плавать, так?

Дункан оторопело покачал головой и машинально потянулся к недостающей руке.

– Вышел бы очень убедительный несчастный случай, все как по маслу. – Роджер с довольным видом потер ладони. – Однако все пошло наперекосяк, потому что пунш выпила рабыня, а не Дункан. Потому ее и убили!

– Почему? – спросила ошеломленная Иокаста.

– Потому что она могла опознать человека, который дал ей бокал... – Джейми задумчиво откинулся на спинку стула. – И рассказала бы о нем, как только ее начали бы расспрашивать. Да, в этом есть смысл. Конечно, он не мог просто с ней расправиться, – слишком велик риск, что его увидят

около чердака.

Роджер кивнул, одоблив вывод Джейми.

– Да. А вот достать стекло – легче легкого. Сколько на празднике было стеклянных стаканов? Уронишь такой на дорожку, раздавишь каблуком, и готово.

Делать такие манипуляции было даже не обязательно – кругом валялось достаточно битого стекла. Я и сама уронила бокал, когда рядом вдруг появился Филип Уайли.

– Остается вопрос: как стекло попало внутрь? Улисс, вы знаете, что Бетти давали есть или пить? – повернулась я к дворецкому.

По его лицу прошло хмурое выражение – словно круги по темной воде.

– Доктор Фентиман велел дать ей силлабаб, – медленно ответил он. – И немного овсянки, если она будет в состоянии глотать. Я лично приготовил силлабаб и отдал Марии, она отнесла. Овсянкой занимался повар, но я не знаю, ела ли ее Бетти и кто относил.

– Хм-м... – Иокаста поджала губы. – На кухне творилось черт знает что. И столько людей вокруг... Ну, мы можем расспросить Марию и остальных, но не удивлюсь, если они не вспомнят, даже как несли тарелки, а уж кто их останавливал по пути... А ведь делается в два счета – отвлек девчонку, бросил стекло... – Иокаста взмахнула рукой, словно показывая, как возмутительно легко совершить убийство.

– Или кто-то мог подняться на чердак под предлогом проверить ее состояние и дать ей напиток со стеклом, – предположила я. – Например, силлабаб. Люди приходили и уходили, Бетти лежала там одна довольно долго.

– Отлично, инспектор Лестрейд, – тихонько сказала Брианна Роджеру. – Но у нас нет доказательств, верно?

Иокаста и Дункан напряженно сидели рядом, словно пара пивных кружек, которые изготовили в виде людей, и старались друг на друга не смотреть. Наконец Иокаста шумно вздохнула, явно заставляя себя расслабиться.

– Верно, – произнесла она. – Доказательств нет. Муж, ты не помнишь, как Бетти предлагала тебе бокал?

Дункан пожевал кончик усов, собираясь с мыслями, затем покачал головой.

– Может, и подавала... А может, и нет.

– Ладно.

Все умолкли, только Улисс беззвучно двигался вокруг стола, убирая

приборы.

– Что ж, – все же нарушил тишину Джейми. – Мы согласны, что ирландец, который ворвался к вам, тетушка, это Стивен Боннет?

Брианна невольно стукнула чашкой об стол.

– Кто? – хрипло переспросила она. – Стивен Боннет здесь?

– Я думал, ты ей рассказала, саксоночка, – хмуро глянул на меня Джейми.

– Когда? – сердито отозвалась я. – А я думала, что ты ей сказал, – повернулась я к Роджеру, который лишь пожал плечами с непроницаемым выражением лица.

Улисс тут же подлетел с салфеткой и принялся вытирать разлитый чай.

– Неважно. – Бри сумела взять себя в руки, хоть и оставалась бледной. – Он был здесь? Вчера?

– Да, – неохотно ответил Джейми. – Я его видел.

– То есть это он хотел украсть золото?

Брианна потянулась за серебряным бокалом и выпила портвейн в один глоток, как воду. Улисс моргнул, но поспешил наполнить его вновь.

– Похоже, что так. – Роджер взял свежую булочку, стараясь не смотреть на Бри.

– Как он узнал о золоте, тетушка? – Джейми прикрыл глаза, напряженно размышляя.

Иокаста фыркнула, протягивая руку. Улисс вложил в нее гренку с маслом.

– Гектор Кэмерон кому-то разболтал, мой брат Дугал кому-то разболтал или же третий мужчина кому-то разболтал. Насколько я их знаю, держу пари, что все-таки не Гектор с Дугалом. – Она пожала плечами и откусила кусочек гренки. – Второй человек, тот, что вонял спиртным. Он ведь молчал, так? Разве не очевидно? Я бы узнала его голос.

– Лейтенант Вульф? – предположил Роджер.

Джейми кивнул. На его лбу залегла морщина.

– Кто, как не человек из военно-морского флота, сумеет при необходимости найти пирата?

– А возникла такая необходимость? – пробормотала Брианна. Портвейн помог ей взять себя в руки.

– Да, – кивнул Джейми. – Это не шутки, десять тысяч фунтов золотом. В одиночку с таким не справишься. Людовик и Карл Стюарт отправили шестерых для тридцати тысяч.

Неудивительно, что тот, кто узнал о золоте, решил обратиться за помощью к Стивену Боннету – известному контрабандисту и пирату,

который имел в своем распоряжении и транспорт, и связи, чтобы сбыть золото.

– Лодка, – промолвила я. – Лейтенант отбыл на лодке во время ужина. Допустим, он спустился вниз по течению и встретил там Стивена Боннета. Затем они вернулись уже вместе и выждали, пока не подвернулась возможность пробраться в дом и выпытать у Иокасты, где спрятано богатство.

– Возможно, – согласился Джейми. – Лейтенант годами ведет здесь дела. Скажите, тетушка, он мог заподозрить, что золото у вас? Вы говорили, что Гектор забрал три слитка; от них что-то осталось?

Иокаста, поколебавшись, недовольно кивнула.

– Он держал кусок на столе, придавливал им бумаги. Вульф наверняка увидел... Но откуда он узнал, что это за золото?

– Может, раньше и не знал, – предположила Брианна, – а позже услышал про французское золото и сложил два плюс два.

Такая теория имела право на жизнь. Правда, я пока не представляла, как ее доказать, о чем и сказала вслух.

Джейми пожал плечами и слизнул с пальца каплю варенья.

– Вряд ли сейчас так уж важно что-то доказывать, саксоночка. Другое дело – что будет дальше... Они вернутся, друг, – тихо произнес он, глядя на Дункана. – Ты понимаешь?

Дункан кивнул с безрадостным, но решительным видом.

– Да, понимаю. – Он взял Иокасту за руку – впервые на моих глазах. – Мы будем готовы, Макдью.

Джейми кивнул в ответ.

– Мне пора уезжать, посевная не ждет. Я попрошу знакомых приглядеть за лейтенантом Вульфом.

– А ирландец? – выпрямилась Иокаста, осторожно потирая колено свободной ладонью.

Джейми переглянулся с Дунканом, потом со мной.

– Тоже вернется.

Я следила за Брианной. Ее лицо было спокойно, но я, мать, увидела в ее глазах страх – он промелькнул, как змея в воде. Стивен Боннет, подумала я со сжавшимся сердцем, уже вернулся.

* * *

На следующий день мы отправились в горы. Не успели мы одолеть и

пяти миль пути, как сзади послышался стук копыт и среди зеленых ветвей каштанов мелькнула алая вспышка.

Нас догонял майор Макдональд. И я, увидев радость на его лице, когда он приблизился, сразу все поняла.

– Ох, черт побери! – воскликнула я.

На письме красовалась алая, как мундир майора, печать Триона.

– Пришло утром в Гринокс, – сказал майор, придерживая коня и наблюдая, как Джейми вскрывает письмо. – Я предложил его доставить, мне все равно по пути.

Джейми прочитал письмо, затем протянул мне.

19-го марта, 1771 г.

Командующим офицерам ополчения

Господа!

Вчера Совет Его Величества постановил, что вооруженным силам, состоящим из нескольких подразделений ополчения, надлежит под моим командованием вступить в поселения мятежников, дабы привести их в повиновение, так как те своими возмутительными действиями и заявлениями бросили вызов правительству и препятствуют отправлению правосудия путем уничтожения и закрытия судебных палат. Поэтому часть ваших полков может с честью послужить своей стране в таком важном деле, и я должен потребовать, чтобы вы избрали тридцать человек, которые присоединятся к вооруженным силам в этой кампании.

Не предполагается выступить до двадцатого числа следующего месяца. Вам сообщат о дне сбора, времени выступления и маршруте.

Все плантаторы, остающиеся дома, должны счесть своим христианским долгом заботу о семьях мужчин, что участвуют в данной кампании, дабы ни семьи, ни земли не пострадали, пока они пребывают на службе для защиты всеобщих интересов.

Для покрытия расходов в данной кампании я распорядился напечатать ручательства, подлежащие оплате предъявителю. Данные ручательства будут действительны, пока Казначейство не сможет выплатить их из чрезвычайного Фонда в случае, если в Казначействе окажется недостаточно денег для покрытия расходов данной кампании.

Уильям Трион

Знали ли об этом Эрмон Хазбенд и Джейми Хантер, когда уезжали из «Горной реки»? Скорее всего. И теперь майор, конечно же, направлялся в Нью-Берн, чтобы предложить свои услуги губернатору. Ботинки

Мақдональда покрылись дорожной пылью, но эфес шпаги ярко сверкал в лучах солнца.

– Черт, черт, черт побери, – выразительно повторила я.

Майор Мақдональд моргнул. Джейми покосился на меня, дернув уголком рта.

– Ну ладно, – произнес он. – Почти месяц... Как раз хватит, чтобы посадить ячмень.

notes

Примечания

1

В середине дела (*лат.*).

Спасибо, дружище, большое спасибо. А ты, негодник? Живой?
(франц.)

Рыжий малый (*шотл.*).

4

Мальчик, малыш (*гэльск.*).

Пьянчуга (*фр.*).

Крикун, болтун (фр.).

Да, моя милая капуста (фр.).

Грязный пес (*фр.*).

Спасибо, Джейми, сын Брайана (гэльск.).

Старинные шотландские мелодии.

Еще, опять – просьба повторить на бис (*фр.*).

Дерьмо (фр.).

Замолчи, дурачок (*фр.*).

Темноволосая (гэльск.).

Куда мы идем, бабушка? (*фр.*)

Я прощаю тебя (*лат.*).

Мир с вами (*лат.*).

И с духом твоим (*лат.*).

Вернись (гэльск.).

На здоровье! – тост (гэльск.).

Моя клятва (гэльск.).

«Alouette, gentil Alouette... Je te plumerai la tête...» – «Жаворонок, славный жаворонок, я ощиплю тебе голову». Французская народная песня.

Имеется в виду американская народная песня «Дорогая Клементина».

Сын дьявола (гэльск.).

Гэльский вариант имени Клэр.

Черт! (гэльск.)

Сердце мое (гэльск.).

Котенок (*шотл.*).

И ты, Брут? (*лат.*)

В. Шекспир «Сон в летнюю ночь» (пер. Н. М. Сатина).

В. Шекспир «Юлий Цезарь» (пер. П. Козлова).

Дорогая (гэльск.).

Паучиха (гэльск.).

Развратница. Уродливая грубиянка (гэльск.).

Иисус Назарянин, Царь Иудейский.

Популярный военный марш конца XVII века.

Г. Лонгфелло «Дождливый день» (пер. Л. Корниловой).

Дорогая моя (гэльск.).

Как дела, рыжий парень? (*гэльск.*)

Г. Лонгфелло «Скачка Поля Ревира» (пер. М. А. Зенкевича).

Парень (гэльск.).

Патриотическая песня 1960-х годов, претендующая на звание неофициального гимна Шотландии.

Темноволосая моя (гэльск.).

Присяга, обязательство (*гэльск.*).

Книга Притчей Соломоновых, 27:19.

Отзовись! (гэльск.)

Сучье отродье (гэльск.).

Постой (*фр.*).

Парень (гэльск.).

Спокойно, приятель (гэльск.).

Р. Фрост «Остановка зимним вечером у леса» (пер. В. Дьяченко).

Вот так мужская удаль, монсеньор! (*фр.*)

Малыш (*фр.*)

С молоком, кормящие матери (*фр.*)

В. Шекспир «Ромео и Джульетта» (пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник).

Языческий шотландский праздник последнего дня в году.

Шотландское блюдо из бараньих потрохов.

Шотландский рыбный суп.

Шотландский сыр.

Шотландский обычай. Считается, что если первым гостем в новом году будет высокий брюнет, дом ждет удача.

Рыжий Джейми (гэльск.).

Девочка моя (гэльск.).

Т. С. Элиот «Литтл Гиддинг», «Четыре квартета» (пер. А. Сергеева).

Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла, 7:9.

Здравствуйте (фр.).

Как поживаете? (*фр.*)

Гадство (*φρ.*).

Да, гадство, мадам. Какая трагедия (*фр.*).

Несчастный карлик (гэльск.).

Боже (гэльск.).

Тише. Как ты, жеребчик? (*гэльск.*)

Ох, моя голова (гэльск.).

Певчий дрозд (гэльск.).